АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ

EB_1941_AKS_101

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1941 • ЛЕНИНГРАД

Х
Х
Х765Х765

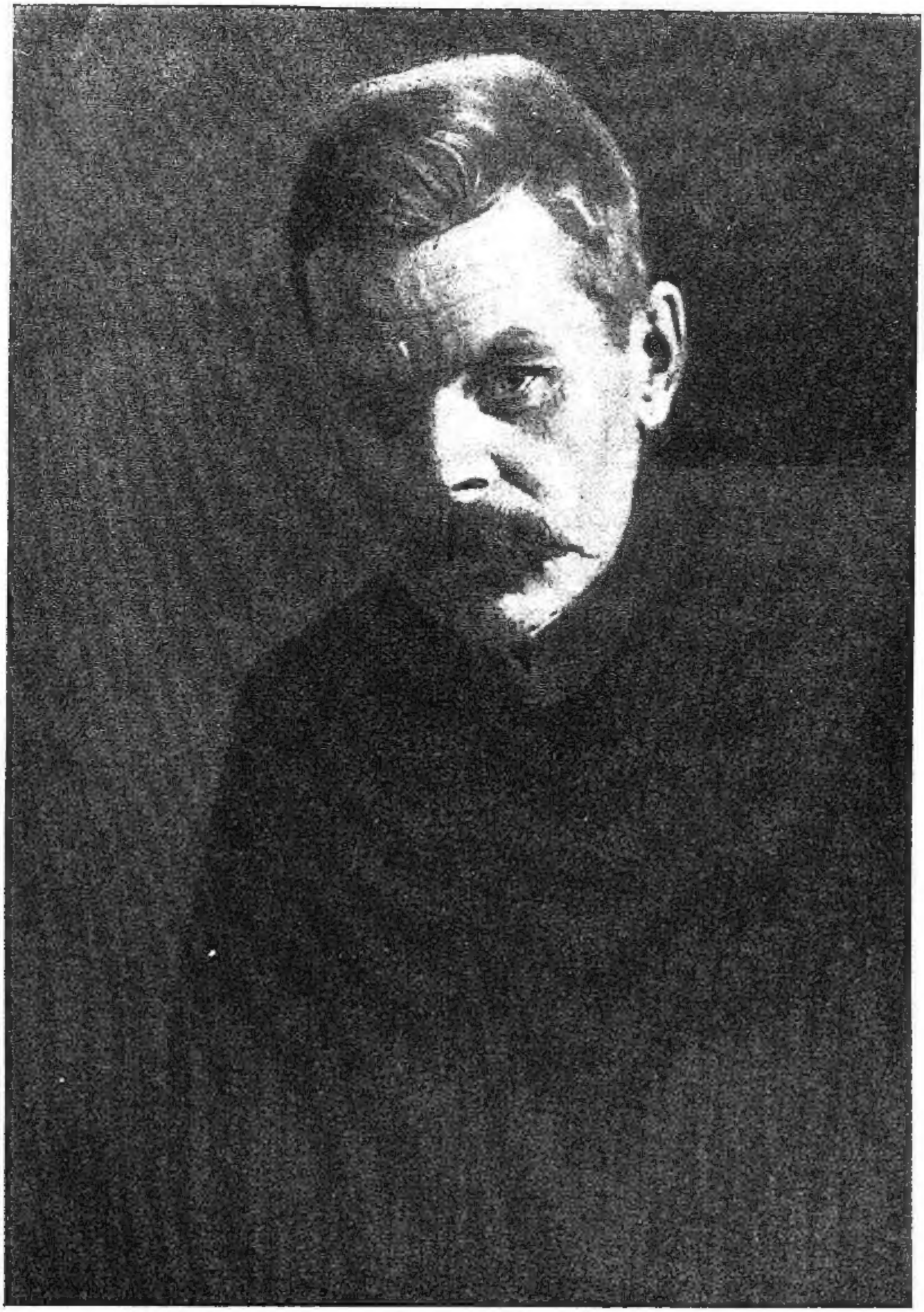
М. ГОРЬКИЙ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

III

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С. Д. БАЛУХАТОГО и В. А. ДЕСНИЦКОГО

БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИИ НАУК
СССР



1906 г. Америка.

ОТ РЕДАКЦИИ

Третий сборник Института литературы Академии Наук СССР, посвященный А. М. Горькому, задуманный еще при жизни Алексея Максимовича, выходит в свет после его гибели. Вся наша страна и трудящиеся всего мира были охвачены глубокой скорбью по поводу кончины гениального писателя, замечательного революционера, неустанного борца за дело освобождения человечества, великого друга и соратника Ленина и Сталина. С чувством беспредельного гнева, возмущения и ненависти трудящиеся нашей страны узнали позднее, что величайший гений человечества, несравненный художник революционного класса, страстный защитник социализма и интересов пролетариата, пламенный патриот Советского Союза и непримиримый борец против фашизма, врага человечества, врага культуры и демократии, — А. М. Горький был чудовищно умерщвлен бандой фашистских предателей и шпионов. Дело и имя А. М. Горького, дорогие всему человечеству, были ненавистны контрреволюционерам всех мастей и оттенков, — и он погиб от их руки.

Но А. М. Горький не умер: живут, волнуют и вдохновляют его бессмертные образы, его прекрасные идеи, страстный, призывный тон его писаний. И перед нами, исследователями творчества А. М. Горького, его огромного литературного наследия, стоит ответственнейшая задача — раскрыть политическое, культурное и художественное значение проделанной им гигантской работы, определить во всей полноте место, занимаемое гением А. М. Горького в культуре человечества.

Исследователи творчества А. М. Горького обязаны в своих научных темах, — больших и малых, обобщающих и аналитических, — осветить своеобразие, силу и значение художественного и публицистического метода А. М. Горького — писателя, А. М. Горького — основоположника социалистического реализма. Общая, сводная и всесторонняя работа о деятельности А. М. Горького, неисчерпаемой по своему

значению для трудящегося человечества — дело будущего; это — задача для многих поколений иссследователей, результаты ее разрешения будут даны в последующие годы в сотнях книг и статей. Теперь же мы сможем овладеть лишь первыми подступами такой работы, а путем публикации текстов, писем и документальных материалов облегчить выполнение коллективного научного дела.

Первоначальный план настоящего сборника был известен Алексею Максимовичу и в целом им одобрен. Однако в дальнейшем по ходу работы над отдельными темами нам пришлось несколько отступить от этого первоначального плана.

Отдел переписки А. М. Горького открывается письмами его к редактору „Журнала для всех“ и в последующие годы соредактору сборников „Знание“ В. С. Миролюбову. Переписка эта, охватывающая пятнадцать лет, — с 1897 г. по 1912 г. — позволяет проследить историю публикации некоторых произведений А. М. Горького, отношение его к массовому демократическому журналу, большую и напряженную редакторскую работу А. М. Горького в сборниках „Знание“. В связи с затронутыми в этой переписке темами мы публикуем также письма А. М. Горького к другим адресатам (О. П. Руновой, А. В. Амфитеатрову, Б. А. Лазаревскому, Р. В. Иванову-Разумнику, В. А. Тихонову). Отдельные письма этой переписки показывают активное отношение А. М. Горького к злободневным вопросам современности. Переписка А. М. Горького с критиком С. А. Венгеровым говорит об обстоятельствах написания А. М. Горьким его статьи о В. В. Стасове и дает ряд примечательных биографических фактов и суждений А. М. Горького о литературе, среди которых отзыв о Л. Толстом представляет интерес исключительный. Третья переписка А. М. Горького — с профессором и журналистом, редактором „Вестника Европы“ Д. Н. Овсянико-Куликовским, — вводит нас в круг историко-литературных интересов А. М. Горького, знакомит с обстоятельствами кратковременного сотрудничества А. М. Горького в „Вестнике Европы“ и вскрывает историю создания некоторых рассказов А. М. Горького, вошедших в цикл „По Руси“.

Все письма А. М. Горького публикуются по автографам, хранящимся ныне в Институте мировой литературы Академии Наук СССР им. А. М. Горького. В комментариях к перепискам вскрываются отдельные факты из литературно-общественной деятельности А. М. Горького и сообщаются новые биографические данные.

Вслед за переписками в сборнике помещен отдел исследовательских статей. Из работ, заслушанных в Горьковской комиссии Института литературы Академии Наук СССР, мы отобрали те, которые объединены общностью задачи: показать историю создания А. М. Горьким своих произведений и формирования их стиля. Совершенно очевидно, что вопросы художественного метода А. М. Горького — гениального представителя революционного романтизма и основоположника социалистического реализма в литературе — являются вопросами первостепенного историко-литературного значения и в то же время вопросами еще не освещенными удовлетворительно в литературе об А. М. Горьком. Это — большая область новых и сложных проблем, в разрешении которых исходное место должны занять очерки по творческой истории произведений А. М. Горького. Такими предварительными этюдами, сделанными на конкретном материале, с привлечением новых документальных, текстовых, эпистолярных данных, и являются статьи исследовательского отдела нашего сборника. В статье о „Песне о Соколе" вскрыта история работы А. М. Горького над текстом рассказа-песни, ставится вопрос в генезисе основных образов произведения в их отношении к фольклорной традиции и к образам в классической лирической и эпической поэзии и дана характеристика революционно-политического значения „Песни". В статье о литературных источниках пьесы „Дети солнца" выдвигается вопрос о книжных реминисценциях А. М. Горького при создании им своих произведений, в целом, как известно, основанных на богатстве личных наблюдений и ярких впечатлений писателя. Обширная статья отведена сложному вопросу истории работы А. М. Горького над повестью „Мать" и в частности характеристике ее первоначальной редакции, опубликованной впервые на английском языке в Америке. Особый интерес для читателя должна представить статья о неосуществленном замысле А. М. Горького написать роман о „российском Жан Вальжане", — добродетельном каторжнике; замысел этот совершенно не был освещен в исследовательской литературе об А. М. Горьком.

В отделе материалов и документов мы публикуем в переводе на русский язык свод критических отзывов американской печати 1907 г. о первой редакции повести „Мать". Отзывы эти поражают нас неосведомленностью и архаичностью представлений этих авторов о России и культуре русского народа (как, например, Луиз Колье

Уилкокс). Эти отзывы, во многом неприемлемые для нас по исходным своим идейным позициям, представляют, однако, большой интерес как свидетельство исключительного внимания к творчеству Горького зарубежного читателя, как своеобразное восприятие идейного значения и стилевого качества гениального произведения Горького сквозь специфическую призму американского буржуазного демократа.

В этом же отделе мы печатаем ряд новых цензурных материалов, найденных в результате систематического просмотра дел иностранной цензуры, следившей за всеми заграничными изданиями, попадавшими в пределы России. Документы эти, относящиеся к цензурованию заграничных изданий сочинений А. М. Горького и иностранной литературы о нем, являются ярким критическим материалом, свидетельствующим об обостренной классовой борьбе вокруг А. М. Горького, о том, какую ненависть внушал основоположник пролетарской литературы агентам самодержавия.

Этот сборник был напечатан в Ленинграде до Великой Отечественной войны. Обстоятельства военного времени задержали его выход в свет до 1945 года.

I

ПЕРЕПИСКА М. ГОРЬКОГО

ПИСЬМА М. ГОРЬКОГО к В. МИРОЛЮБОВУ

Т. К. УХМЫЛОВА

К ПЕРЕПИСКЕ М. ГОРЬКОГО с В. МИРОЛЮБОВЫМ

1

Публикуемые ниже письма Алексея Максимовича Горького к Виктору Сергеевичу Миролюбову (1860—1939) сообщают ряд новых фактов из жизни и многогранной творческой деятельности писателя. Письма эти в архиве Миролюбова ярко выделяются среди многочисленных корреспонденций большого ряда русских писателей конца XIX и начала XX в., с которыми был связан Миролюбов. Три поколения русских литераторов переписывались с ним, начиная от Златовратского, Эртеля, Короленко, Чехова, продолжая писателями второго поколения — Горьким, Андреевым, Вересаевым, Серафимовичем, Скитальцем и другими «знаньевцами» и кончая молодыми, идущими тогда в литературу писателями, — такими, как Вольнов, Чапыгин, Тренев и др.

Писатели различных направлений и групп вели оживленную переписку с Миролюбовым — народники и марксисты, «знаньевцы» и писатели реакционного крыла русской литературы, пролетарские писатели и писатели-символисты, критики демократического лагеря и различного рода мистики и идеалисты. Но только письма М. Горького свидетельствуют об огромной ведущей роли в литературе их автора. О том же говорят и письма о нем других корреспондентов из того же архива.

Восемьдесят два письма М. Горького к Миролюбову свидетельствуют о том, что корреспондент М. Горького был далеко незаурядной личностью. В. С. Миролюбов был действительно интересной фигурой. Чуткий товарищ, он был в молодости, в студенческие годы, активным организатором различных студенческих выступлений, душой молодежных сходок и демонстраций. Недюжинные способности, природный ум, исключительные голосовые данные (Миролюбов обладал басом замечательной силы и красоты), импозантная внешность — ярко выделяли его среди студенческой массы. Уже в юности он пользовался расположением ряда писателей: Г. Успенского, Златовратского, Плещеева и других, под влиянием которых развивались и складывались его ху-

дожественные вкусы. Многообещающему юноше пророчили блестящую будущность общественного деятеля и знаменитого певца. Но царское правительство сочло опасным для себя рост дальнейшей популярности молодого студента, и за «политическую неблагонадежность» его выслали из Петербурга. Пользуясь покровительством своих влиятельных знакомых, Миролюбов благополучно устраивается в одной из толстовских земледельческих колоний около Самары. Однако общественные запросы молодого Миролюбова не могли мириться с толстовством, и через три года он неожиданно появляется в Самаре и входит в среду самарской передовой интеллигенции. Он оказывает помощь местным начинающим писателям своим глубоким пониманием вопросов художественного творчества. Замечательно развившийся голос вводит его также и в «высшие» круги Самары. Но реакция 80-х годов разбросала его самарских друзей, а ему самому снова грозила высылка. Кто-то из «меценатов» принял участие в его судьбе: Миролюбов был отправлен в Италию для обучения по классу пения и для постановки голоса. В 1892 г. он возвратился в Москву. Замечательный голос Миролюбова сразу открыл ему двери на сцену Большого театра, где он выступил под именем Мирова. О голосе Миролюбова М. Горький писал в одном из писем к К. Пятницкому: «Какой у него удивительный голос, чорт бы его побрал! Это — невероятная сила и редкая красота звука!» (31 декабря 1904 г.). Однако Миролюбов не оправдал возлагаемых на него надежд: дальше вторых ролей он не пошел. Отсутствие музыкальных способностей, природная застенчивость, боязнь за свой голос и за свое здоровье (он страдал болезнью легких) — делали его неуверенным настолько, что он тяготился выступлениями на сцене, иногда умышленно манкировал репетициями, сказываясь больным. Его тянуло, кроме того, из атмосферы казенно-чиновничьего строя и угодничества, которые процветали за кулисами царского театра, к живой общественной жизни. В. Вересаев так вспоминает об этом оригинальном человеке: «Помню встречу нового 1896 года в редакции „Русского богатства“. Было весело и хорошо. Певец Миров чудесно пел. Часто воспоминания неразрывно связываются с каким нибудь мотивом. У меня тот вечер связан в памяти с романсом, который он, между прочим, пел:

Но мне жаль, что я много прожил без любви,
Но мне жаль, что я мало любил...»[1]

Вскоре Миролюбов покинул сцену, круто повернув в совершенно другую область, — но этот поворот в жизни Миролюбова не был драмой его жизни. У него были другие наклонности и призвание, дремавшие в нем до сих пор: он оказался талантливым редактором-организатором. Театральный псевдоним он спокойно сменил на свою настоящую фамилию, в общественно-писа-

[1] В. Вересаев. Воспоминания. ГИХЛ, М., 1936, стр. 399.

тельских кругах снова обрел родную среду, — и вскоре сделался редактором популярного ежемесячного «Журнала для всех».

Организационные способности Миролюбова, строгая требовательность к литературе, его знакомство с писательскими кругами, его демократические стремления внедрить знания и культуру в широкие слои населения резко отличали его от других редакторов — коммерческих предпринимателей в литературе, помогли ему поднять такое важное для своего времени общественное дело, как издание толстого популярного литературно-научного ежемесячника для народных масс.

В первый же год Миролюбов сумел собрать сто тысяч подписчиков — цифра совершенно небывалая по тому времени. Все привлекало демократических читателей к «Журналу для всех»: и то, что Миролюбов сумел объединить в журнале лучшие художественные силы — А. Чехова, М. Горького, Л. Андреева, Скитальца, В. Муйжеля, из публицистов — В. Поссе, С. Елпатьевского и др.; и то, что журнал имел прогрессивное направление; и то, что он был доступен широкому читателю характером изложения помещаемых в нем статей; и то, что ни один из журналов не был так дешев, как «Журнал для всех» (один рубль в год за двенадцать номеров). Журнал оправдывал свое название, его действительно стали выписывать «все» представители широких масс: рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция.

Талантливый редактор, Миролюбов оказался не менее выдающимся литературным руководителем и воспитателем начинающего писательского молодняка, хотя сам не написал ни одной строчки. Характерно, например, такое признание одного из сотрудников журнала, И. Вольнова: «После Горького, много, премного сделал для меня В. С. Миролюбов!» «Миролюбов был суров. Учась писать, я был между ласковой матерью — Горьким и суровым, но справедливым наставником — Миролюбовым». Около Миролюбова образовался кружок талантливых беллетристов и поэтов, он тесно соприкасался с литературными кругами московской «Среды», с сотрудниками других издательств, с крупными современными писателями.

Начало переписки и дружбы М. Горького с Миролюбовым относится к тем годам, когда молодой М. Горький, живя в Нижнем, начинал печататься в столичных журналах, а Миролюбов стремился привлечь лучшие писательские силы в свой орган. Совершенно естественно, что талантливый редактор-организатор первого солидного демократического журнала в первую очередь остановил свой выбор на М. Горьком.

2

Письма М. Горького к Миролюбову резко распадаются на две группы: первая относится ко второй половине 90-х годов,

когда молодой М. Горький только что обретает круг литературных друзей в лице В. Поссе, Ф. Батюшкова, К. Пятницкого и др., к которым он питает глубокое чувство доверия, искренней дружбы и уважения. В этот круг друзей М. Горький включает и Миролюбова. Вторая группа писем относится к каприйскому периоду жизни и творчества М. Горького — круг знакомств его неимоверно расширяется, вчерашние друзья втягиваются в орбиту большой и разносторонней деятельности М. Горького и используются им в меру их сил и способностей.

Начало переписки падает на годы, когда молодой Ленин со всей решительностью обрушился на реакционность господствовавшей тогда теории народников, на средства и методы, применявшиеся ими в политической борьбе. Полный идейный разгром народничества означал победу марксизма в России. Это были годы, когда в русской художественной литературе — в первых рассказах М. Горького — впервые забила необычная струя романтического оптимизма, бодрящей уверенности в силы человека, как выражение мощи поднимающегося рабочего класса.

Вполне естественно, что М. Горький охотно согласился печататься в «Журнале для всех», редактор которого стремился придать своему изданию широко демократическое, определенно прогрессивное направление. Уже тогда М. Горький проявил замечательную инициативу журнального деятеля, умение быть душой всякого дела, за какое бы он ни взялся.

С первых же шагов своего сотрудничества в «Журнале для всех» М. Горький оказывает ему активную поддержку. В начале 1897 г., когда началась переписка М. Горького с Миролюбовым, Алексей Максимович с огромным упорством прокладывал себе путь в литературу; материальное положение его очень медленно поправлялось, аресты, ссылка и полицейский надзор выбивали его из литературной колеи. Ему было житейски трудно и недаром в одном из писем он сравнивает себя с библейским многострадальцем Иовом. Но это не мешало ему вести упорную борьбу за принципиальное направление тех органов, в которых он сотрудничал. Так, М. Горький горячо отозвался на предложение Миролюбова о сотрудничестве в «Журнале для всех», видимо, потому, что на этот массовый литературно-научный журнал, доступный по цене широкому кругу читателей, с прогрессивным и даже в отдельных вопросах марксистским направлением, он возлагал большие надежды, как на проводник лучших мыслей в гущу читателей. «Я постараюсь всячески быть вам полезным и желаю от души веры в успех дела», — писал он Миролюбову и свои слова подтверждал делами. Он рекламирует журнал через «Нижегородский листок», давая ему положительную оценку, старается привлечь к нему круг сотрудников, который создал бы репутацию журналу, как массовому, культурному, здоровому предприятию. «Журнал есть дело всероссийское и роль его до такой степени может быть важна,

что мы пока даже не в состоянии представить ее себе. Это, можно сказать, дело историческое», — писал М. Горький Миролюбову.

М. Горький уже тогда предвидел небывалый расцвет литературы не для скучающих и страдающих от ожирения «верхних десяти тысяч», а для широких масс. Самое название журнала «для всех» очень многое обещало М. Горькому. В ответ на письмо С. П. Дороватовского, сообщающего о слухах по поводу закрытия ряда журналов, в том числе «Журнала для всех», М. Горький с горечью писал ему в конце 1898 г.: «О „Журнале для всех" сожалею, мало сказать сожалею, прямо таки поражен вашим сообщением. Очень несчастливый я человек — славные планы были у меня относительно этого издания, планы, которых в другом месте я не выполню. Чорт бы драл эту жизнь, в которой все порядочное так быстро умирает». [1]

По замыслу М. Горького лучшие силы должны были сотрудничать в таком журнале, но их пока не оказалось в знакомой среде литераторов. С Потапенко ему «скучновато», а творчество Станюковича и Баранцевича его не удовлетворяет. С этими писателями — ему не по пути. С Чеховым он еще не знаком, но все его мысли тянутся к нему. Миролюбов знакомит М. Горького с Чеховым, и на закате жизни последнего устанавливается замечательная дружба между двумя, столь различными по художественным методам творчества, писателями.

Из писем М. Горького к Миролюбову мы также узнаем о первом знакомстве его с творчеством Леонида Андреева. М. Горький отметил вновь появившийся талант Андреева и поспешил указать на него Миролюбову. Чуткий художник М. Горький уже в первом маленьком рассказе Андреева усмотрел будущий талант большого художника, жизненные пути которого некоторое время тесно сплетались с путями М. Горького.

Также лишь по отдельным стихотворениям М. Горький определил талант Петрова-Скитальца и рекомендовал его редактору «Журнала для всех»: «Славная фигура этот Петров. Талантливый он и хорошее у него сердце», «из него выйдет нечто хотя и не крупное, — может быть — но хорошее, цельное». И для сохранения этого таланта, для включения его в будущую плеяду своих единомышленников, друзей по перу и по общественно-революционной деятельности, М. Горький берет Петрова под свое покровительство, проявляя неутомимую заботу о своем друге.

По мысли М. Горького, все, кто могут усилить демократическую струю журнала, должны быть привлечены и использованы редактором, и сам он переписывается с В. Поссе, втягивая его в число сотрудников «Журнала для всех». «Советую тебе, Виктор Сергеевич, — пишет он Миролюбову, — держаться ближе к нему, очень советую. На дурное в людях можно и не обращать внима-

---

[1] Печать и революция, 1928, № 2, стр. 78.

ния, а хорошее надо высоко ценить, ибо хорошего то не очень много». Этого правила — отыскивать во что бы то ни стало людей с хорошими качествами литератора-общественника — М. Горький и придерживается при подборе других сотрудников в журнал.

М. Горький ясно ощущал читателя, на которого рассчитан журнал. В первом же письме к Миролюбову он писал: «Я вам, Виктор Сергеевич, показал бы рассказик „Шабры“... и рассказ „Ефимушка“... их очень хвалили извозчики, а также интеллигенция». Писатель считал лучшими критиками людей «из народа». «Я чувствую себя виноватым за Финогена, — писал он Миролюбову. — Что вы выкинули рифму это ничего, но факт, он именно так читает мудрые слова. Когда я прочитал ему мой рассказ, он сказал: — „Ишь ты... не дурак, мужик-то. Такие есть точно... есть такие“. Это, матушка моя, для меня золотые слова, и хоть бы критика на кол меня посадила — плевать. Настоящий то читатель — Гришка». Лучшей оценкой «Журнала для всех» он считает положительный отзыв некоего крестьянина, вятича, его соображения о том, что даже и с внешней стороны журнал должен быть более приспособлен к тогдашним российским условиям: он должен иметь такой же объем, но меньший по формату, так как с почты везут в деревню часто за несколько десятков верст, мнут его, складывают вдвое и, таким образом, портят. И М. Горький очень сожалеет, что не может уделять большего внимания этому журналу: слишком много кругом другого дела, слишком быстро летит время. «А мне уже 30 лет. Поэтому — нужно торопиться свершить все, что можешь в данный тебе срок для жизни...» «Работаю как каторжник» — жалуется он своему корреспонденту. Не имея возможности быть постоянным сотрудником «Журнала для всех», М. Горький не прекращает переписки с Миролюбовым, следит за его журналом, упрекает его за неполадки: «Журнал ваш выходит поздно и рассылается ужасно неаккуратно. Жалуются».

Создавая свой круг друзей среди писателей-редакторов, куда входили Пятницкий, Поссе, Миролюбов, М. Горький резко отрицательно оценивал петербургскую среду журналистов и в то же время выделял Миролюбова, исключительные его качества как журналиста, общественника, человека. М. Горький высоко ценил личность Миролюбова, честность и прямоту его натуры. Он трогательно заботится о здоровье Миролюбова и в то же время чутко следит за ростом его мировоззрения. Так, когда неожиданно для М. Горького Миролюбов начинает увлекаться религиозно-философскими вопросами, повертывая, под влиянием Д. Мережковского, в сторону мистики и поповщины, М. Горький вначале терпеливо, но все же настойчиво старается повести Миролюбова в другую сторону, указать ему другой путь — путь борьбы против социального гнета. В его словах, обращенных к Миролюбову, чувствуется высокая страстность поднявшегося из народ-

ных глубин революционера и гуманиста: «Жизнь — борьба, всегда борьба! Но не с собой, а за себя бороться надо. Нас — душат, нас хотят сделать холопами, мы — уже рабы, нам надо сбросить цепи...» Со страстной ненавистью обрушивается М. Горький на Мережковского за контрреволюционную сущность его религиозно-философских «теорий». Он указывает Миролюбову, что люди типа Мережковского ищут бога лишь для того, чтобы сознательно уйти и увести других от настоящей жизни, от ее противоречий. Эти презренные лицемеры могут говорить о Христе и одновременно оправдывать порядок, который держится на угнетении человека человеком силою полиции и казацкой нагайки. «Уходи к своему огромному делу, которое скорее даст тебе покой душевный, — писал М. Горький Миролюбову, — чем разговоры с прелюбодеями и трусами страха жизни ради».

Но идеологические расхождения между М. Горьким и Миролюбовым продолжали нарастать, мистико-философское настроение редактора начинало обнаруживаться в направлении журнала, — это, очевидно, и вынудило М. Горького отойти от журнала и его редактора. Переписка его с Миролюбовым обрывается в 1903 г. и возобновляется только в 1911 г., в каприйский период жизни писателя. Но даже и после того, как Миролюбов, не оправдав надежд М. Горького, поддался мистически-религиозным настроениям, когда из журнала принуждены были уйти писатели демократического крыла, М. Горький все еще старался не порывать связи с Миролюбовым, с этим честным и прямым, но запутавшимся в своих исканиях человеком; старался поднять и оздоровить его журнал и снова привлечь к нему прежних писателей. Этим и нужно объяснить появление в миролюбовском журнале (1903 г., в № 12) открытого письма за подписью М. Горького и Л. Андреева с обещанием поместить в нем рассказы в следующем, 1904 году.

Надежды, возлагаемые М. Горьким на «Журнал для всех», как на подлинно народный орган, не оправдались. В то время как редактор его в период наступающей революции метался между буржуазным крылом писателей и крылом демократическим и то терял вчерашних своих друзей из горьковской плеяды, то вновь обретал их, — М. Горький в эти годы уверенно проходил свой творческий путь писателя-революционера, решительно завоевывая симпатии пролетарского читателя и передовых демократических кругов общества.

3

Вторая часть переписки М. Горького с Миролюбовым связана с редакторской деятельностью М. Горького в каприйский период. Живя на Капри, М. Горький, как известно, продолжал вести огромную работу по редактированию сборников «Знание», «стре-

мившихся, — по определению Ленина, — концентрировать лучшие силы художественной литературы».[1] Но в эпоху реакции издательство «Знание» разваливалось: большинство «знаньевцев» отошло от старой программы, литература, выпускаемая этим издательством, уже не имела большого сбыта, и тиражи горьковских изданий резко уменьшились. М. Горький делает попытки обновления сборников, привлекая новые писательские силы. В помощь редакционной работе по сборникам он решил привлечь Миролюбова, редакторский талант которого оценивает попрежнему высоко. Одновременно М. Горький, разочарованный в линии, осуществляемой в новых общественно-политических условиях сборниками «Знание», задумал создание боевого органа — большого массового журнала с участием марксистов, объединяющего широкие демократические силы. С этой целью он согласился взять на себя редактуру художественного отдела в беспринципном «Современнике». Предстояла огромная организационно-редакторская работа.

Миролюбов в эти годы находился за границей на положении политического эмигранта, и М. Горький выписал его на Капри. М. Горький писал М. М. Коцюбинскому в мае 1911 г.: «„Современник“ скоро выправится, в него входят новые лица, а редактором беллетристического отдела будет в нем В. С. Миролюбов, бывший издатель „Журнала для всех“, человек почтенный и в журнальном деле опытный».[2]

На Капри Миролюбову был поручен просмотр рукописей, поступающих в «Знание», но работа «Знания» уже замирала, и Миролюбов, оставаясь членом издательства «Знание» (где получил право голоса, наравне с М. Горьким и Пятницким), принял на себя редактирование художественных произведений «Заветов» и «Современника», переехав в 1911 г. с Капри в Каве-ди-Лаванье к А. Амфитеатрову. С этого момента и возобновляется переписка между М. Горьким и Миролюбовым.

По письмам М. Горького к Миролюбову каприйского периода видна неустанная творческая литературная, редакторская и организаторская работа М. Горького. Вместе с Миролюбовым он просматривает и отбирает огромное число рукописей для сборников «Знание» и для журналов «Современник» и «Заветы». Он выдвигает новые, молодые писательские силы, литературную молодежь демократического крыла в лице А. Чапыгина, И. Вольнова, К. Тренева и многих других, — и таким образом, оказывает неоценимую услугу русской литературе в период реакции, ренегатства и шатаний. Заботливо выращивая новый писательский молодняк, М. Горький разъяснял ему истинные задачи художественной литературы, как искусства для масс, для народа. Письма

---

[1] Письма Ленина Горькому. Партиздат, М., 1939, стр. 30.

[2] М. Коцюбинский и М. Горький. Листування. Харків — Київ, 1929, стр. 48.

М. Горького этого времени свидетельствуют о том, что его помощником в деле организации этого исключительно важного общественно-политического дела был Миролюбов.

Переписка кончается досоветским периодом, но в советские годы М. Горький также неоднократно привлекал Миролюбова к редакторско-организаторской работе. Так, в одном из писем в редакцию «Красная новь» в 1921 г., в первый год существования журнала, М. Горький писал: «Я рекомендовал бы пригласить редактором журнала Виктора Сергеевича Миролюбова, человека, литературная опытность которого вне сомнения». И еще позднее, в 1928 г. М. Горький назвал В. Миролюбова среди тех образцовых и талантливых редакторов, которые не только прекрасно организовывали издания, но и воспитывали молодежь: «Редактор, это — человек, который в известной мере учит писателя, воспитывает его, как воспитывал Салтыков-Щедрин Сергея Атаву-Терпигорева, как помогал встать на ноги Осиповичу-Новодворскому и целому ряду других писателей. Также отлично воспитывали молодежь В. Г. Короленко и А. Горнфельд, делали эту работу Викт. Острогорский, А. Богданович, Викт. Миролюбов».[1]

Помимо освещения ряда литературных вопросов, — переписка М. Горького с Миролюбовым имеет исключительное общественно-политическое значение. Из высказываний М. Горького видна его упорная борьба с контрреволюционными настроениями разных оттенков времени реакции. Стремясь в годы разброда идейных сил к созданию широкого демократического органа, М. Горький делает попытку перестроить «Современник» в марксистский журнал для массового читателя, привлекая к журналу на ряду с зрелыми писателями и свежие, молодые, демократические силы. И здесь, как редактор журнала, он сурово и нетерпимо относится ко всякого рода проявлениям упадочничества и художественного безвкусия. Но издателям этого журнала было не по пути с отчетливой большевистской программой М. Горького, и М. Горький вынужден был уйти из журнала. Такой же крах потерпело и его кратковременное участие в «Заветах». Ему хотелось — в тех же целях создания, в годы начинающегося революционного подъема, печатного центра для всех прогрессивных литературных сил страны — превратить его в массовый демократический журнал. Но уже с самого начала сотрудничества М. Горького в этом журнале определился неизбежный конфликт его с эсерствующими редакторами и издателями журнала. Разрыв с «Заветами» наметился еще до выхода в свет самого журнала, однако, М. Горький считал себя связанным обещанием дать туда свою повесть. «Напечатав в „Заветах“ обещанную мною и уже отданную туда повесть, я прекращу мое сотрудничество в этом журнале» — писал он

---

[1] О пользе грамотности. — Известия ЦИК СССР и ВЦИК, 1928, № 92, 20 апреля.

Иванову-Разумнику тотчас же, как только узнал о сотрудничестве последнего в «Заветах».

Уход М. Горького из «Заветов» был неизбежен; его резкая и справедливая отповедь эсеровской политической платформе журнала, контрреволюционной идеологии и упадочнической литературе была органичной, вытекающей из всей большевистской направленности М. Горького. Публикуемые письма М. Горького ярко отражают этот период его журнальной и художественной деятельности.

Во взаимоотношениях М. Горького с представителями враждебных ему идеологий оправдались слова Ленина, сказанные им М. Горькому.[1] Ленин предупреждал, что у М. Горького не может быть ничего общего с редактором «Современника» Амфитеатровым, что нужно быть очень осторожным насчет «объединения» и стремиться овладеть полным руководством журнальным органом. И Ленин приветствовал выход М. Горького из «Современника» и «Заветов». В то же время Ленин привлекал М. Горького к сотрудничеству в большевистских газетах «Звезда» и «Правда». И совершенно закономерно линия исканий М. Горьким «своего» органа закончилась сотрудничеством и редактированием им, по предложению Ленина, художественного отдела большевистского журнала «Просвещение».

[1] Письма Ленина Горькому. Партиздат, М., 1939, стр. 30—36.

В. С. Миролюбов.

БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

1

[Декабрь 1897 г.]

Рад, что вы сообщили мне о начале вашего славного дела. Я от В[ладимира] А[лександровича] знал, что оно имеет быть.

Разумеется печатайте Челкаша, если полагаете, что он подходящ для публики, на которую вы рассчитываете. И еще я вам, Виктор Сергеевич, показал бы рассказик «Шабры» напечатанный в Октябре в «Нижегор[одском] Листке» и рассказ «Ефимушка» (там же, тогда же). Я скоро перееду жить в Нижний и оттуда вышлю вам эти штуки. Их очень хвалили извозчики, а также и интеллигенция. Напишу вам о мужицком театре, к[ото]рый я устроил в Малороссии и вообще буду писать по мере сил и возможности.

Желаю от души успеха делу, а вам желаю веры в успех его и крепко жму руку.

А. Пешков

Каменное, Тверской

Если что понадобится от меня — пишите сюда, а о выезде отсюда я своевременно сообщу вам.

Письмо на одном листе почтовой бумаги большого формата. — Адрес в конце письма позволяет установить приблизительную дату письма.

Рад, что вы сообщили мне о начале вашего славного дела. — Речь идет о задуманном Миролюбовым издании «Журнала для всех».

Я от В. А. знал... — Владимир Александрович Поссе. О нем см. сборник: М. Горький. Материалы и исследования, т. II, Изд. Академии Наук СССР, Л., 1936, стр. 145—146.

Разумеется, печатайте Челкаша... — Миролюбов просил у М. Горького разрешения о перепечатке «Челкаша» из «Русского богатства», 1895, № 6.

...показал бы рассказик «Шабры»... и рассказ «Ефимушка»... Горький ошибочно указывает время напечатания рассказов. Рассказ «Шабры» был опубликован в «Нижегородском листке», 1896, № 332, 1 декабря; № 334, 3 декабря и № 337, 6 декабря. Рассказа под заглавием «Ефимушка» у М. Горького нет, но в «Нижегородском листке», 1897, № 5, 6 января и № 7, 8 января был напечатан рассказ «Старые товарищи» (вошедший в собра-

ние сочинений под заглавием «Товарищи»), в котором главным действующим лицом является Ефимушка.

Их очень хвалили извозчики... — Для Горького этого времени характерна тяга к «простому» люду, чьими суждениями он дорожил. Это видно из следующего письма его к М. З. Басаргиной: «Живется мне в общем нелегко и не весело. Работаю много, устаю, здоровье надорвано. „Образованную" и „культурную" публику терпеть не могу, вожу компанию больше всего со своим братом, простяком, с мастеровщиной, с ломовыми извозчиками, с босяками и т. д. Это простой, искренний хороший люд и я люблю быть среди него». [См. сборник: «Алексей Максимович Горький (1868—1936)», Сталинградское краевое издательство, 1936, стр. 101—102.]

Я скоро переезду жить в Нижний... — С 8 мая 1897 г. М. Горький жил на даче доктора А. М. Орловского в селе Мануйловке, Полтавской губернии, в октябре переехал в Крым, а зимой жил в Каменке Новоторжского уезда, Тверской губернии, у своего друга Н. З. Васильева, химика-лаборанта писчебумажной фабрики Кувшинова, откуда и прислал это письмо.

Напишу вам о мужицком театре... — Живя на даче в Мануйловке, М. Горький организовал там из местных крестьян труппу, подобрав в нее талантливых людей из украинцев; из них особенно отличался Яков Бородин. Режиссером труппы был М. Горький, он же выступал и в качестве актера. В одном из своих писем М. Горький писал: «В Мануйловке я, в течение летних месяцев 97—98 гг., ставил пьесы украинские — Старицкого и др. — В „Мартыне Боруле" даже играл роль жениха, кажется. Труппа была почти сплошь местные крестьяне» (Театр, Київ, 1937, № 5—6).

2

[Первая половина 1898 г.]

Журналу для всех.

Посылаю маленький набросок в Ваше распоряжение. Заплатите за него — хорошо; не можете — не надо. Прекрасное дело — Ваш журнал. Я постараюсь всячески быть вам полезным и желаю вам от души веры в успех дела. Не сообщите ли сколько экземпляров идет в Нижний? Буду благодарен. И сколько на Сормовскую фабрику?

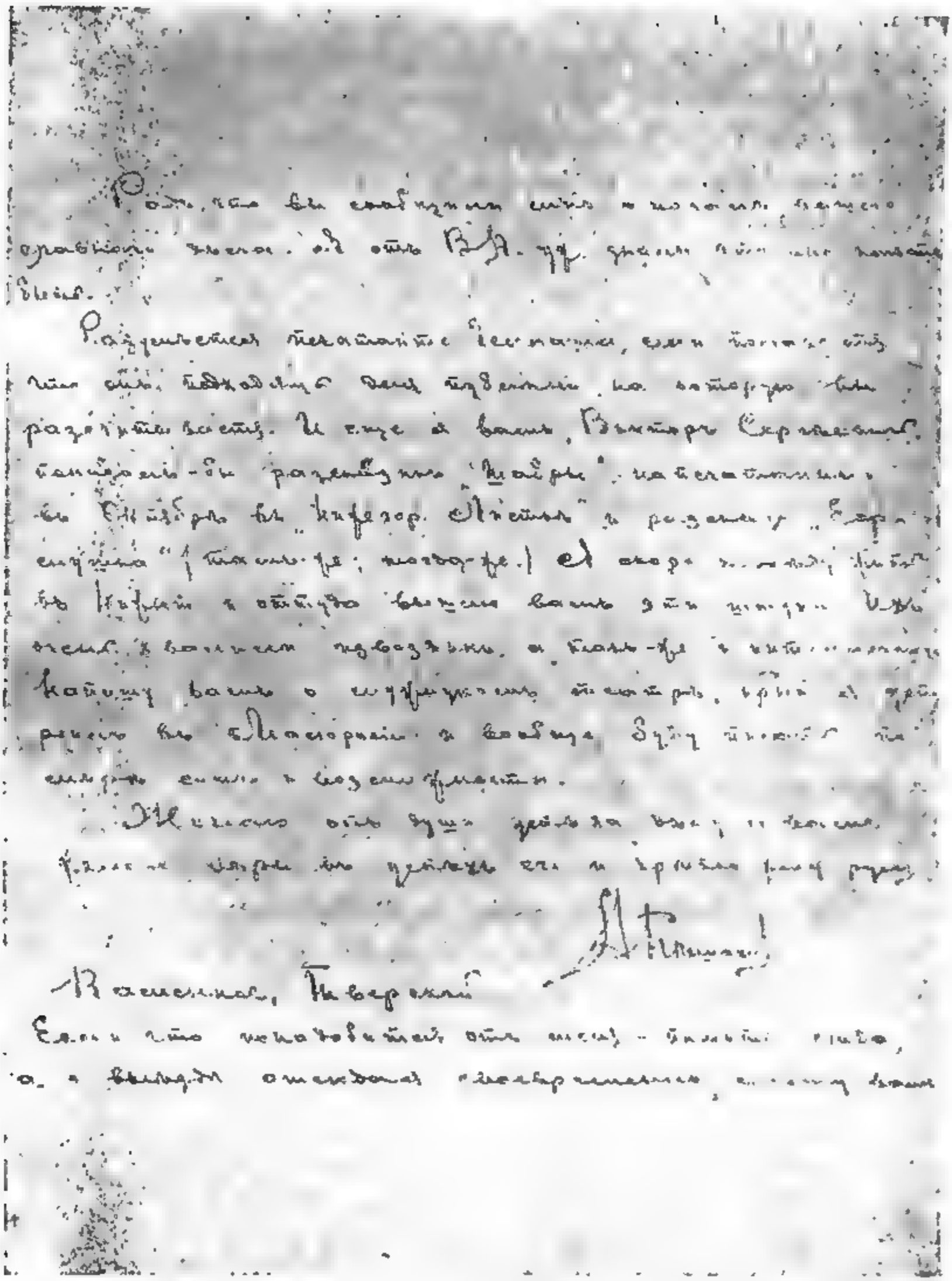
Готовый к услугам

А. Пешков

Ильинка, д. Большакова

Письмо на одном листе писчей бумаги большого формата. — Адрес на письме позволяет установить приблизительную дату его: 22 января 1898 г. М. Горький приехал из Тверской губернии в Нижний. В ночь с 6 на 7 мая был арестован; 11 июня приехал в Самару; 28 июля возвратился в Нижний, но на Ильинке не проживал.

Сколько экземпляров идет в Нижний... И сколько на Сормовскую фабрику? — Горький всегда проявлял активный интерес к культурно-политической жизни Н.-Новгорода и сормовских рабочих. Бывший рабочий сормовских заводов Ф. Е. Сафонов в своих воспоминаниях (Красная газета, 1928, № 75) говорит о чутком отношении М. Горького к культурным запросам рабочих, об интересе к кругу их чтения.



Письмо М. Горького к В. С. Миролюбову (декабрь 1897 г.)
(см. стр. 21).

3

[Апрель—октябрь 1898 г.]

Я потому не убил Уповающего, что он еще жив, но я, пожалуй, убью его, потому что — все равно, он скоро умрет. Вина за подстрекательство к убийству ложится на Вас, так вы и знайте.

И — вот что Виктор Сергеевич, — будете деньги мне платить, вычтите с меня 3 р. — 2 за два экземп[ляра] журнала в Нижний и 1 р. за экземпляр в Самару

Александру Александровичу

Смирнову

нотариусу.

Пожалуйста высылайте ему. Это думский гласный, член библиотечного комитета, секретарь по постройке народного театра и т. д. — малый на все руки и хороший человек. Он будет очень полезен журналу, которому я желаю друзей, друзей и еще друзей. Стихи при сем прилагаю. Стихи — Смирнова, а хороши ли они этого я не знаю.

Конец рассказа моего вышлю дня через тр[и] — четыре. Имею в виду одного мальчика, к[ото]рый тоже хочет быть литератором и имеет для этого данные. Первый рассказ его — очень задушевная штука! — пошлю Вам. Денег автору не требуется ибо у него папашка — милионщик.

В Пасхальном № Московской газеты Курьер помещен рассказ «Баргамот и Гараська» Леонида Андреева — вот бы вы поимели в виду этого Леонида! Хорошая у него душа, у чорта. Я его, к сожалению, не знаю, а то бы тоже к вам направил. С Потапенкой-то скучновато...

Крепко жму руку

А. Пешков

Письмо на двух листах почтовой бумаги большого формата. Против фамилии «Смирнову» сделана пометка чернилами рукою В. Миролюбова: «Занесено». — Письмо датируем по его содержанию: Горький пишет о своей работе над рассказом «Дружки», который был напечатан в «Журнале для всех», 1898, № 10, и о рассказе Л. Андреева «Баргамот и Гараська».

Я потому не убил Уповающего... — Уповающий — один из героев рассказа «Дружки», опубликованного первоначально в «Нижегородском листке», 1895, № 13 под заглавием «Друзья». В «Журнале для всех» рассказ появился в новой редакции.

Александру Александровичу Смирнову. — А. А. Смирнов — нотариус, был сотрудником «Самарской газеты» и в то время, когда в ней работал М. Горький. В последующие годы выступал в печати как критик под псевдонимом А. Треплев. Написал ряд воспоминаний о М. Горьком самарского периода („М. Горький в Самаре. 1895—1896". — Штурм, Самара, 1932, № 1—2;

„М. Горький на Волге". — Сборник «О Горьком — современники», М., 1928 и др.).

...вот бы пошли в виду этого Леонида! — Рассказ Леонида Андреева «Баргамот и Гараська» был напечатан в газете «Курьер», 1898, № 94, 5 апреля. В статье о Леониде Андрееве М. Горький вспоминает о первом сильном впечатлении, которое произвел на него этот рассказ: «повеяло крепким дуновением таланта». А. Ф. Богданович в воспоминаниях о М. Горьком пишет: «На пасху 1900 года, когда я пришел к А. М., он вышел из своей рабочей комнаты, взволнованный, с газетой в руках. — Чорт знает, что такое,— сказал он мне: — Я довольно знаю писательские штуки, как вогнать в слезу читателя, а сам попался на удочку: нехотя слеза прошибла. Вот читайте. И он подал мне пасхальный номер „Курьера", указав на рассказ „Баргамот и Гараська" (М. Горький на родине. Горьковское областное издательство, 1937, стр. 103). Н. Телешов в своих воспоминаниях рассказывает о том, при каких условиях появился первый рассказ Л. Андреева в миролюбовском журнале (Н. Телешов. Все проходит. М., «Никитинские субботники», стр. 64).

Об отношении М. Горького к Л. Андрееву и переписку их см.: М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1934, стр. 117—178; Литературное наследство, 1932, № 2; Красная газета, веч. вып., 1928, № 89, 31 марта.

С Потапенкой-то скучновато... — В 1898 г. И. Н. Потапенко печатал в «Журнале для всех» из номера в номер свою повесть «На действительной службе».

4

[Первая половина октября 1898 г.]

Сто рублей Ваши — яко манна небесная и даже вкусная! То, что вы предлагаете — великолепно! Первая вещь, какую я напишу — вам, вторая — вам и т. д.

А в Ялту я не поеду. Почему? Во первых — я здоров, во вторых — меня не пустят, ибо дело мое еще не кончено, в третьих — я работаю и не хочу отвлекаться от работы. В Ялте скверно работать, потому что хочется гулять. Ну ее! Я написал некую шутку и в Ноябрьской книге Cosmopolis'a она появится. Думаю, что мне за нее всыпят в шею по самое покорно благодарю; очень рад этому. Сидел я это время без гроша и было мне по сей и другим причинам — неизъяснимо скверно, теперь лучше.

Хорошее письмо написали вы и с великим наслаждением посмотрел бы я на вас, пожал бы руку Вам, поговорил бы. Но, знаете, если все будешь ездить да ездить, — не далеко уедешь. А мне уже 30 лет.

Поэтому — нужно торопиться свершить все что можешь в данный тебе срок для жизни. Ялта? Это, в сущности, довольно-таки поганое место на земле. И здоровому человеку в ней скучно, даже гадко.

Дружище! Спасибо вам за письмо! Изумительно хорошее письмо, ей богу!

До свидания!

А как ваше здоровье? Сообщите. Предмет очень интересный.

Жму руку вашу

А. Пешков

Нижний

Гребешок 17

Говорят в Ялте Чехов. Если Вы знаете и видите его — поклонитесь ему от меня. Высоко чту его талант, жду от него потрясающих душу, высокой красоты, могучей силы произведений.

Письмо на двух листах почтовой бумаги обычного формата. На обороте первого листа сделана приписка об А. П. Чехове, помещенная нами в конце письма. — Письмо датируется на основании упоминания об очерке «Читатель». Кроме того, приписка о Чехове указывает, что письмо было написано до встречи Миролюбова с Чеховым и до начала переписки М. Горького с Чеховым (в конце октября — начале ноября 1898 г.).

...меня не пустят... — М. Горький находился в это время под надзором полиции после освобождения из-под ареста за связь с социал-демократической тифлисской организацией.

Я написал некую штуку... — М. Горький имеет в виду «Читатель», напечатанный в журнале «Cosmopolis», 1898, № 11. По поводу «Читателя» см. переписку М. Горького с Ф. Д. Батюшковым: М. Горький. Материалы и исследования, т. II. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1936, стр. 253—275.

Говорят в Ялте Чехов. Если Вы знаете и видите его, поклонитесь ему от меня. — Знакомство М. Горького с Чеховым произошло при посредстве Миролюбова (см. переписку М. Горького и Чехова в книге: М. Горький и А. Чехов. Переписка, статьи и высказывания. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1937).

5

[Конец октября 1898 г.]

Получил Вашу телеграмму с приглашением ехать, чувствую, что мое не желание — вернее: невозможность — ехать в Крым должно быть мотивировано подробно:

Итак: я не еду потому что начальство не пустит т. е. оно м[ожет] б[ыть] и пустило бы, но нужно об этом хлопотать, а мне некогда.

Не могу оставить здесь жену и сына ибо жена моя жить не умеет и без меня ей могут мыши голову отъесть.

Пришлось бы мне проживать в Ялте р. 50 в месяц, да жене надо р. 150, ибо с нами живет мой приятель с женой и детьми, а квартира стоит в месяц 33 р. 33 к. $^1/_3$, да дрова и прочее.

Ежемесячно я обязан высылать по 30—40 р. некиим людям и сие — непреложно.

Из всего сего явствует что мне нужно не ездить, а сидеть и Вы, сударь мой, меня не смущайте. Получил я сего дня письмо

от Поссе и он сообщает что в Ж[урнале] д[ля] в[сех] Чехов дал три рассказа — рад я сему неописуемо. Нисколько обо мне не беспокоясь вы присылайте мне почаще письма, оные я буду прилежно нюхать и впитывая в себя тот воздух, в коем они написаны, буду воображать себя якобы в Крыму.

Если Вы почитаете Штрюмпеля и Бенеке, Габриловича и Штангеева — с последним даже советую поговорить — то от них узнаете, что лечение легочных болезней воображением — куда превосходнее лечения сыворотками, морским воздухом и прочими, докторов пустыми выдумками.

Разговаривая со Штангеевым сообщите ему что я всетаки жив хотя после него еще у многих лечился. Теперь я стою на стезе веры в медицину — ей богу она совершенно безвредна для осторожных в обращении с нею больных.

И — о! как дорого жить в Ялте! Еще дороже ехать в оную из такой отдаленной географии как нижегородская. Но есть еще одно веское слово: зима в Крыму — архи-подлая. Слюнявая, туманная, с ветром и всякой вредной телу — а паче душе — гадостью. Зима хороша в России, где она уже наступила с чем вас и поздравляю. Вот весна в России очень не хороша и в Марте я могу поехать в Крым. Разбив в дребезги все те доводы, коими вы станете соблазнять меня ехать — безмятежно умолкаю и сажусь изображать подлость человечьей натуры. До свидания! Жму вам лапу да поможет вам море и воздух и пусть не трогает вас исправник.[1]

А. Пешков

Гребешок, 17.

Письмо на четырех страницах почтовой бумаги обычного формата. — Датируется по упоминанию о рассказах Чехова, присланных в «Журнал для всех»; В. Поссе 24 октября сообщал Миролюбову в Ялту о том, что рассказы Чехова получены и будут помещены в ноябрьском номере.

...Ибо с нами живет мой приятель с женой и детьми... — Осенью 1898 г. гостил у М. Горького его старый товарищ, химик Николай Захарович Васильев. См. о нем рассказ М. Горького «О вреде философии».

...не еду, потому что начальство не пустит... — С 28 мая 1898 г. М. Горький находился под надзором полиции после привлечения его к дознанию по делу тифлисского социал-демократического кружка и тюремного заключения в Метехском тифлисском замке. Лечась в это время в Ялте, Миролюбов приглашал туда же и М. Горького для повторного курса лечения. С 1895 г. М. Горький, как известно, страдал болезнью легких; 12 января 1897 г. он выехал в Ялту, где и лечился, живя в Алупке по 8 мая.

Разрешение на вторичный выезд в Ялту М. Горький получил лишь 14 марта 1899 г., но выехать в Крым ему удалось лишь 7 ноября 1901 г.

Ежемесячно обязан высылать по 30—40 р. — Горький очень многим оказывал реальную помощь. К. Пятницкий в своих устных воспоминаниях

говорил, что в то время М. Горький взял на стипендию одну еврейскую девушку и некоторое время платил за обучение какого-то еврейского мальчика. Возможно, что именно эту сумму расходов имел в виду М. Горький.

...Чехов дал три рассказа... — В «Журнале для всех» №№ 11—12 напечатаны три ранних рассказа Чехова, значительно им переделанные: «Жилец» (из рассказа «Жилец № 31»), «Необыкновенный» (из рассказа «Бука») и «Муж» (из рассказа «Акцизный»).

Если Вы почитаете Штрюмпеля и Бенеке, Габриловича и Штангеева... — М. Горький называет здесь имена известных профессоров-врачей, работы которых считались в то время руководящими в области терапии и, главным образом, болезни легких. «Учебник частной патологии и терапии внутренних болезней» *A. Strumpell* переведен с немецкого и был хорошо знаком Горькому. В «Заметках из дневника» он писал: «Бацилла туберкулеза обладает ироническим свойством: убивая, она раздражает жажду жизни; об этом говорит повышенный эротизм, сопутствующий фтизису и, часто, бодрая, предсмертная уверенность безнадежно больных в том, что они выздоравливают. Кажется патолог Штрюмпель назвал это состояние „надеждой фтизиков"» (Собрание сочинений, т. XIX, стр. 127). Не менее известными были в то время и работы по туберкулезу доктора *И. Г. Габриловича*, главного врача финляндской санатории «Халила». Его работы «Чахотка и основы ее лечения по гигиено-диэтическому методу в закрытых лечебных заведениях для легочных больных» (Спб., 1896), ряд статей в отчетах санатории «Халила», в журнале «Врач» и др. привлекали внимание больных. — *Ф. В. Бенеке*, профессор Патолого-анатомического института в Марбурге, автор переведенных в 1876 г. «Основ патологии обмена веществ». Учение Бенеке о предрасположении к туберкулезу было известно М. Горькому, видимо, из книги И. Габриловича «Чахотка и основы ее лечения...», где это учение было изложено в главе 8-й: «Предрасположение». — У доктора *Ф. П. Штангеева* М. Горький лечился, живя в Крыму. Работы Штангеева — «Лечение легочной чахотки в Ялте. Опыт статистической и клинической обработки 1000 историй болезни с 120 таблицами», Спб., 1886. «О лечении и режиме при чахотке», Спб., 1898 и др. — были написаны на основании практики автора их в крымских санаториях для легочных больных.

6

[Конец октября или начало ноября 1898 г.]

Дружище вы мой хороший!

Отвяжитесь от меня с Ялтой, Сан Ремо и прочими злачными местами. Никуда я до весны не поеду, весной же — хоть к чорту на рога и вместе с вами. Идет? Вы, кстати, знаете языки итальянские и иные, а я из иностранных знал мордовский[7] да и тот забыл. Итак — весной мы с вами поедем в Индию и на Шпицберген, а то — еще дальше от шума жизни, напр[имер] в село Мазу, Макарьев[ского] уез[да] здешней губернии. И когда мы приедем в Мазу — комары там съедят нас сразу и т. д. Но — будем говорить о деле.

Рассказ вам я скоро напишу и вообще относительно моего участия в журнале не беспокойтесь, я знаю его цену, понимаю его смысл и значение. Затем: никакого жалованья мне не нужно —

вы и так дорого платите. Этого мне достаточно, а 25 р. — употребите в иное место.

Вот что: здесь в Нижнем есть удивительное учреждение общество любителей физики и астрономии. Душой его является Сергей Васильев Щербаков, очень хороший человек и очень знающий. Спросите о нем у Поссе. Вот этого Щербакова вы и должны привлечь к делу по части писания популярных статей по астрономии, физике, метеорологии и т. д. Это прекрасный популяризатор. Я послал Поссе отчет о деятельности О-ва физиков и астрономов за десять лет и единственный в России астрономический календарь издаваемый этим обществом. Из отчета вы увидите сколько работает Щербаков, а как он работает — смотрите рецензии в Рус[ской] Шк[оле], Науч[ном] Обоз[рении], Нов[ом] Вр[емени] о «Сборнике в помощь самообразованию». Вот, он, я думаю, мог бы быть для журнала полезным. Я говорил с ним по этому поводу и он сказал, что хорошо бы из ряда статей по астрономии создать курс астрономии для среднего читателя, курс физики и т. д. Подумайте над этим, ей богу дело славное.

После понравился мне, очень понравился, хороший парень. Он же сказал мне что вы — зело больной человек и что вам необходимо лечиться усердно, долго, и что вы истреплете себе все нервы оставаясь в Питере и раньше времени испортите жизнь. Если все это так — вы нехорошо поступаете. У какого прекрасного дела стоите вы и так мало цените себя.

Жму руку.

А. Пешков

Письмо на четырех страницах почтовой бумаги обычного формата. — Датируется по времени пребывания Миролюбова в Ялте.

Отвяжитесь от меня с Ялтой... — Пребывание М. Горького в Ялте, на Украине и в Тверской губернии в 1897 г. очень благоприятно подействовало на состояние его здоровья. «Ранней весной 1898 г. А. М. возвратился в Н.-Новгород, — писал лечивший М. Горького нижегородский врач В. Н. Золотницкий. — Я нашел его сильно пополневшим и прекрасно поправившимся с ликвидацией многих серьезных проявлений бывшей его опасной для жизни болезни. Можно сказать, что продолжительное житье в Малороссии и Крыму спасли А. М. от грозившей ему смерти» (М Горький в Н.-Нозгороде. Н.-Новгород, 1928, стр. 64—65). О том же писал и А. Е. Богданович (там же, стр. 66—67, в статье «Проводы М. Горького в Крым»).

Расскав я вам скоро напишу... — Рассказ «Фиюген Ильич» был напечатан в 1899 г., в феврале и марте.

Общество любителей физики и астрономии. — С конца 80-х годов в Новгороде существовал нижегородский кружок «Любителей физики и астрономии», превратившийся затем в «Общество любителей физики и астрономии». Общество издавало и издает до настоящего времени «Русский астрономический

календарь» и ежегодные отчеты о своей работе. Деятельность этого общества не выходила из поля зрения М. Горького. В статье «Заметки читателя», впервые напечатанной в 1927 г. в № 6 альманаха «Круг», он писал: «Показателен и количественный рост „изобретателей" в области техники и особенно любопытен тот факт, что в этой области начинают работать женщины. Кстати: „Нижегородский Астрономический календарь" — единственный в России, издающийся уже 39 лет — отметил работу двух женщин астрономов Богуславскую и Ушакову, как „ловцов комет" указывая, что это „первый случай"». Первым председателем этого Общества был С. В. Щербаков, преподаватель физики в гимназии и других нижегородских учебных заведениях, автор учебника по космографии, талантливый лектор-популяризатор. Привлеченный по рекомендации М. Горького к сотрудничеству в «Журнале для всех», Щербаков поместил в нем серию своих астрономических очерков (1899, №№ 2—5). Имеются сведения о переписке М. Горького с Щербаковым в советские годы.

Поссе понравился мне... — Первое личное свидание М. Горького с В. А. Поссе произошло в конце ноября 1898 г. (см. об этом в книге Поссе «Мой жизненный путь». ЗИФ, М., 1929, стр. 150).

7

[Октябрь или начало ноября 1898 г.]

Положим, что я — «многоуважаемый» а вы, надо думать — не умный. И люди, вас окружающие, очевидно мало вами занимаются, чорт бы их за это побрал. Если верхушки тронуты и кровь идет — стало быть надо торчать в Ялте, а не в проклятый, гнилой ваш Питер ехать. Изумительно до какой степени мало и плохо ценит себя этот русский человек даже и в том случае, если он стоит у дела и если все дело на нем воздвигается. Вот очевидный и неоспоримый признак нашей малокультурности. Как странно слышать такую дикую фразу «я совсем бы вылечился, да надо ехать в болото». Неужели без вас не найдется в этом болоте чертей способных временно заменить вас? Вот вы приедете и расхвораетесь как следует, а потом от этого произойдет непоправимый урон делу. Мне говорили что вдохновителем и главной энергией журнала являетесь вы — судя по вашим письмам так оно и должно быть. Вы хоть бы уж ради журнала-то поторчали еще в Крыму сколько следует!

Ужасно скверное это ваше письмо и очень оно меня взволновало. Я знаю что такое верхушки — пять лет тому назад я поднимал 12 пудов, а теперь, когда у меня тоже верхушки — 2 чуть-чуть могу поднять. Собственно говоря — вас следует хорошенько ругнуть ибо очень уж это нелепо ваше решение уехать из Ялты. Я все таки надеюсь что шубу вы не получили и пока еще сидите в Ялте, как и следует. Слушайте — посидите еще немножко?!

А потом я приеду? Ей богу нам нужно беречь себя ибо — по совести говоря — ведь мы все таки способные люди и совсем уж не так много способных людей чтобы нам не беречь себя — не правда ли? Ведь ваш журнал — это, я вам скажу, такое хорошее дело! И у него будущее прекрасное если около него будут здоровые, гордые, порядочные люди. Как много я имею сказать по поводу журнала! Вот что дорогой синьор — Москва от Нижнего так близко, махните сюда на денек, два? Поговорили бы, посмотрели бы друг на друга. Ей богу? Денег нет? Но у меня теперь есть — сегодня еще 50 р. прислали из журнала. Телеграфируйте я и вышлю. Времени нет? Да ведь всего двое суток. Неужели, чорт, в этом вашем дурацком Петербурге так таки уж и некому заменить вас? Подумайте!

А. Пешков

Послал Чехову книжки и объяснения в любви.

Сообразил, что наверное вы уже удрали из Ялты и шлю письмо в Москву.

Письмо на четырех страницах почтовой бумаги обычного формата. На первой странице приписка сверху: «Сообразил, что наверное вы уже удрали из Ялты и шлю письмо в Москву». На четвертой странице вторая приписка сверху: «Послал Чехову книжки и объяснения в любви». Обе приписки помещены нами в конце письма. — Датируется на основании письма Чехова М. Горькому от 16 ноября 1898 г. о получении им письма и книг.

Ведь ваш журнал — это, я вам скажу, такое хорошее дело! — Горький и в печати дал положительный отзыв о «Журнале для всех». В «Нижегородском листке» 1898, № 287, 14 октября в отделе «Библиографические заметки» он писал об этом издании: «оно преследует цели почтенные, глубокосимпатичные и — дай бог ему успеха. Это хорошее дело, заслуживающее серьезного внимания со стороны читателя, дело „для всех", чистое и бескорыстное... Можно с уверенностью сказать, что он строго выполняет одну из своих задач — давать читателю за дешевую цену здоровую пищу для ума и духа. Десять вышедших книжек журнала ясно свидетельствуют о серьезном и вдумчивом отношении к делу со стороны редакции, — каждая книжка выходит в свет лучше — интереснее и обильнее — предшествовавшей ей... „Журнал для всех" имеет намерение пригласить к участию в своем издании наших выдающихся литераторов и ученых и отчасти уже осуществил это намерение — в портфеле редакции имеются три рассказа А. П. Чехова, которые появятся в следующих книжках, следует думать, что за А. П. Чеховым и другие прийдут на помощь редакции журнала в бодром и симпатичном стремлении привлечь внимание читателя к этому журналу вполне и безусловно достойному внимания».

Послал Чехову книжки и объяснения в любви. — В ответ на сообщение Миролюбова из Ялты о том, что Чехов желает иметь книги М. Горького, последний послал ему издание своих «Очерков и рассказов», впервые вышедших в мае 1898 г. в издательстве С. П. Дороватовского и Чарушникова. На первом томе, хранящемся в Музее им. Чехова в Таганроге, Горький надписал: «Антону Павловичу Чехову от автора. А. Пешков». Вместе с книгами М. Горький послал Чехову и первое письмо (см. М. Горький. Материалы и исследования, т. II. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1936, стр. 139:

М. Горький и А. Чехов. Переписка, статьи и высказывания. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1937, стр. 9). В 1900 г. М. Горький послал Чехову второе издание своих произведений, заказав для этих экземпляров специальные переплеты.

8

[До середины ноября 1898 г.]

Написал вам в Москву, но думаю, что м[ожет] б[ыть] письмо застанет вас и в Ялте.

Вы полагаете, что хорошо сделаете отправившись с кровохарканьем в гнилое болото ваше. Это, дяденька, совсем по детски, это бравада, недостойная серьезного человека, это чорт знает что — но, во всяком случае, это не умный поступок.

У журнала четверо редакторов, говорит Поссе. Неужто же не могут трое заменить вас? Не может быть, не поверю я, чтоб ваше присутствие было необходимо настолько, чтоб вам нужно ехать с риском расплевать все легкие. Ну, ладно, ну поедете вы в этот чортов город — разумеется болезнь разовьется в нем и тогда вы покаетесь. Впрочем — дело не в покаянии, а в том что верхушки не так просто вылечить и в том, наконец, что журнал может лишиться вашей энергии. А журнал — есть дело всероссийское и роль его до такой степени может быть важна, что мы, пока, даже не в состоянии представить ее себе. Это, можно сказать, — дело историческое. Уже ради его вам следует отнестись к себе серьезнее, чем вы относитесь. Ведь этот ваш отъезд из Ялты — мальчишеская выходка, не больше. И потом — что ж вы думаете — Петербург возвратит вам ваш голос — который украшал вашу жизнь? Чорта с два!

А Поссе говорил, что вы серьезный человек — туда же! Но — бросим это! Пожалуйста поживите еще несколько времени в Ялте! Хоть до той поры пока прекратится кровохарканье. Прекратится — вы и поезжайте, а в дороге оно у вас возобновится с новой силой. Чорт знает что! Какие мы нелепые люди и как вы огорчили меня вашим совершенно диким письмом. Нужно беречь себя — поймите это! Пожалуйста подождите в Ялте хоть до поры пока зима укрепится на своей позиции. И чего смотрит Елпатьевский и все другие. Удивительно ей богу! Но-вы все таки еще недельки две поживите — ведь это не лишнее не так ли? Надо же понимать необходимость, чорт возьми.

[*А. Пешков*]

Письмо на четырех страницах почтовой бумаги обычного формата. Без подписи. — Как видно из его содержания, оно послано вслед за предыдущим письмом.

У журнала четверо редакторов... — М. Горький, очевидно, имеет в виду редакторов основных отделов журнала: художественного, исторического, естествознания и по вопросам общественной жизни и политической хроники.

И чего смотрит Елпатьевский... — Сергей Яковлевич Елпатьевский (1854—1933), врач, практиковавший в то время в Ялте, беллетрист и публицист-народник, автор бытовых очерков, рассказов и воспоминаний. В. И. Ленин, посвятивший специальную статью разбору его очерка «Жизнь идет», рисующего настроение разных классов русского общества 1914 г., характеризовал его как «радикального буржуа», одного «из „передовых" вождей ликвидаторства» (Ленин, Сочинения, т. XVII, стр. 254—257). М. Горький познакомился с Елпатьевским во время первого своего пребывания в Крыму, в 1897 г. В ряде своих воспоминаний Елпатьевский дал характеристику М. Горького — человека и писателя: «Человек сказки» (сборник: М. Горький. Под ред. И. Груздева, ГИЗ, М.—Л., 1928. — Воспоминания. За 50 лет. «Прибой», Л., 1929).

9

[Начало ноября 1898 г.]

Дорогой дяденька!

Сейчас читал Вашу телеграмму и — впал в уныние. В чем дело?

Если Вы взбудоражены «Жизнью», то мои с ней дела «Журнала» не коснутся. Они стоят так: «Жизнь» говорит: мы будем платить вам 100 р. в месяц, а вы пишите и печатайте только у нас, мы даем за лист 150 р. и вычитаем из них 100 жалованья. Я им ответил: хорошо, но я буду еще писать в «Журнале», и без этого принять ваши условия не могу. Мне решительно все равно где печатать, но в Журнале я буду печатать на каких угодно условиях и до поры пока мое присутствие в нем не окажется лишним, о чем скажете мне Вы.

Понятно это? Ну вот.

. Вы изобразите мне письмом кто это раззорил вас на такую длинную телеграмму. Я нездоров и не выхожу. Такая идиотская осень в этом году!

Очень хочу иметь вашу карточку, подумайте об этом. Кто знает когда мы увидимся и увидимся ли? Затем через неделю пришлю вам рассказик — не особенно хороший, может быть даже плохой. В последнем случае прошу с ним не стесняться.

Ваш *Горький*

Нижний Полевая 20.

Жму лапку.

Пришлите карточку-то.

Письмо на двух листах почтовой бумаги обычного формата. — Датируется по адресу на письме: в дом № 20 на Полевой улице Горький переехал 4 ноября 1898 г.

Если Вы взбудоражены «Жизнью», то мои с ней дела «Журнала» не коснутся. — Условия, на которых приглашался М. Горький сотрудничать в журнале «Жизнь», сообщил М. Горькому С. Дороватовский в письме от 31 октября 1898 г.: «Журнал „Жизнь" мы предполагаем сделать действительно хорошим, если возможно — лучшим журналом по направлению, живым по составу, интересным по изложению и оригинальным по форме. Стараемся привлечь к участию лучшие наши силы и в литературном отделе очень желательно было бы видеть Вас на первом месте. Если Вы согласитесь все Ваши работы печатать исключительно в „Жизни" мы могли бы ежемесячно высылать Вам деньги, все равно будут или не будут поступать Ваши рассказы, что избавило бы Вас от урочности работы и дало бы возможность свободно обрабатывать те статьи, которые Вы задумали, не заботясь об удовлетворении потребностей первой необходимости. Конечно, для „Жизни" Ваше участие очень ценно и мы все были бы рады получить Ваше согласие. Согласитесь, пожалуйста! Попробуйте 1—2 года».

Заключение договора с М. Горьким было одним из первых мероприятий, которое предпринял В. Поссе, как фактический редактор этого журнала, что, совершенно естественно, встревожило Миролюбова. М. Горький действительно печатал в «Жизни» почти все свои произведения этого периода: «Кирилка», «О чорте», «Еще о чорте», «Проходимец», «Фома Гордеев», «26 и одна», неоконченный очерк «Мужик», «Трое» и «Песня о Буревестнике».

10

[Середина декабря 1898 г.]

Виктор Сергеевич!

Посылаю рассказ. Хотите ли до весны — на Февраль — Март — иметь еще один? Скажите раньше.

Очень прошу Вас — пришлите мне 100 р. Праздники!

Как Ваше здоровье и как живет журнал? Растет ли подписка? Вышла ли Декабрьская книга?

Спешу работать. Крепко жму Вам руку. Очень прошу прислать деньги к празднику.

Ваш

А. Пешков

Полевая 20.

Письмо на одном листе почтовой бумаги обычного формата. — Судя по содержанию, письмо было написано в ожидании праздника, т. е. до 25 декабря 1898 г.

Посылаю рассказ. — О каком рассказе говорит Горький — неизвестно. См. следующее письмо.

11

[До 25 декабря 1898 г.]

Дорогой
Виктор Сергеевич!

Извиняюсь пред Вами за неудачный рассказ и очень огорчен тем, что расстроил им вас. Я написал его сразу и отдал переписать жене не читая; теперь, прочитав его, вижу что, действительно, он груб, но не силен. Не знаю, успею ли я написать другой к Январской книжке, но мне очень хочется этого и я сегодня же примусь за него. Будьте уверены что если не поспею к Январю то все таки пришлю рассказ на праздниках. Поверьте — очень огорчен вашим письмом.

Денег я еще не получил — сегодня 22-е — но благодарю Вас за исполнение моей просьбы. Во всяком случае — прошу располагать моими силами по вашему усмотрению.

А рассказ пришлите мне, если хотите. Поздравляю вас с праздником. А что, вы не имеете возможности вырваться на денек из Питера? Приехали бы сюда?! Так хочется повидать вас.

А. Пешков

Полевая 20

Письмо на двух листах почтовой бумаги обычного формата. — Адрес на письме и поздравление с праздником позволяют установить приблизительную дату.

Извиняюсь пред Вами за неудачный рассказ... — Письмо относится к периоду сотрудничества М. Горького в «Нижегородском листке», когда, стесненный материально, он принужден был писать наспех мелкие произведения, не имея времени на их отделку.

12

[Конец декабря 1898 г.]

С новым годом!

Сейчас написал Поссе, что не хорошо отказываться работать для вашего прекрасного дела. Я уверен что он, П[оссе], напишет что нужно и впредь писать будет.

Я, пожалуй, не угобжусь прислать рассказ для Январской, а относительно Февраля вы уж не беспокойтесь. Вы получите от меня рассказ в начале Января и другой в начале Февраля.

Не нервничайте, дяденька, это ни к чему. Надо беречь себя ради прекраснейшего дела, каким вы прекрасно руководите. Бере-

гите себя и верьте в то, что нет таких туподушных, которым Ж[урнал] не был бы дорог.

Не беспокойтесь! И поверьте в то что я — всячески к услугам вашим готов и [в] вас бодро верю.

С новым годом!

Пусть и на душе вашей будет ново и светло. Я, дяденька, тоже скривился и внешне и внутренне но — терплю. И у меня на душе черно, как в печной трубе — да ведь что же поделаешь? «Человек рождается на страдание, как искры, чтоб устремляться вверх». Это говорил старик Иов. Хороший старик! Поймите — «как искры, чтоб устремляться вверх».

До свидания!

Может скоро увидимся ибо, скоро, кажется, меня освободят из-под надзора, и я буду тогда иметь право ездить по земле в разные стороны.

Приеду к вам тогда.

А. Пешков

Письмо на двух листах почтовой бумаги обычного формата. Второй лист написан с двух сторон. — Поздравление адресата с новым годом позволяет установить приблизительную дату письма.

Вы получите от меня рассказ в начале Января и другой в начале Февраля. — Рассказ «Финоген Ильич» печатался в «Журнале для всех», 1899, №№ 2—3.

«Человек рождается на страдание, как искры, чтоб устремляться вверх. — Эти слова из библейской «Книги Иова» (гл. 5, ст. 7) М. Горький повторял неоднократно, варьируя их.

.. скоро, кажется, меня освободят из-под надзора... — Дознание по делу тифлисской социал-демократической организации в отношении М. Горького было прекращено 23 июня 1899 г. и только 16 сентября 1899 г. М. Горькому был выдан паспорт.

13

[Первая половина января 1899 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Щербакову сообщил письмо, уговорил его «стараться» и т. д. Мой рассказишко? Видите в чем дело: кто он, Финоген, я не знаю. Это портрет моего приятеля Гришки Шишлина, портрет точный, ибо именно такую неопределенную фигуру, пока, представляет собой Гришка. Думаю что скоро он должен определиться так или иначе, ибо вот он тут затеял одно дело и в деле этом Григорий объявит себя вполне. Тогда и я его дорисую. Была у меня другая тема, но ее я не успел бы обработать. Теперь я хочу

изобразить для журнала маленький рассказик из босяцкой жизни и скоро его обстрою. Репин — это художник? Поклонитесь ему от меня его искреннего поклонника, влюбленного в него по уши. Скажите ему что он — высокой важности человек дай ему боже здоровья и сил! Яркий он цветок на бедной почве нашей родины! А впрочем — все это он знает и, надо думать, уж надоели ему такие речи.

В Сицилию? Далеко... Швейцария? Это тоже далеко... И потом — кабы в этих местах по русски говорили! Лучше вот что: приезжайте сюда и поедем вниз по Волге до Камы, а из Камы — на Урал, а с Урала — в Самарканд? Здóрово?

Первая книжка — прелесть! Но — да не поставят мне это в осуждение — Стан[юкович] с Баран[цевичем] могли бы и лучше написать. Не так ли?

Я — чувствую себя виноватым за Финогена. Что вы выкинули рифму — это ничего, но — факт, он именно так читает мудрые слова. Когда я прочитал ему мой рассказ, он сказал: «— Ишь — ты... не дурак, мужик-то. Такие есть, точно... есть такие!» Это, матушка моя, для меня золотые слова и хоть бы критика на кол меня посадила — плевать! Настоящий-то читатель — Гришка.

С порошками спать — вредно. Уезжайте-ка скорее куда-нибудь, сделайте милость. Я — кашляю. Но это — пустяк дело. Берегите себя — дело, дело хорошее в руках у вас! Прилагаю мужицкий отзыв о Журнале, может вы не знаете?

А. Пешков

Потерял! Смотрите «Вятскую газету» № 3.

Щербакову надо сообщить о сроке представления статей: к какому числу они должны быть представляемы?

Писать ему:

Нижний
Сергею Васильевичу Щербакову
Председателю общества любителей физики и астрономии.

Письмо на двух листах почтовой бумаги обычного формата. На вторую сторону первого листа перенесен конец письма. Фраза после подписи о «Вятской газете» дана в виде приписки. На обороте второго — приписка с адресом С. В. Щербакова. — Датируется на основании упоминания о «Вятской газете», 1899. № 3 и о выходе январского номера «Журнала для всех»

Первая книжка — прелесть! — Речь идет о январском номере «Журнала для всех» за 1899 г.

Стан[юкович] с Баран[цевичем] могли бы и лучше написать... — В № 1 за 1899 г., о котором пишет М. Горький, были помещены рассказы К. С. Баранцевича «Чего не сказал Макар Иваныч» и К. М. Станюковича «Перлогодок». Картина обывательских будней, нарисованная Баранцевичем, и один из обычных для манеры Станюковича очерков морской жизни — не внесли ничего нового и оригинального в новогодний номер журнала, чего не мог не отметить М. Горький.

Репин — это художник? — М. Горький всегда относился с большим уважением к великому таланту И. Е. Репина. Письмо относится к периоду, когда Репин и М. Горький не были еще лично знакомы. Но уже в это время Репин, высоко ценя талант М. Горького, пишет иллюстрацию к его произведению «Заэубрина» и оригиналы этого рисунка дарит М. Горькому. (Переписка французского переводчика Д. Рош и И. Репина с Ф. Д. Батюшковым по поводу иллюстрации опубликована в сборнике: М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1934, стр. 277—281). В конце 1899 г. устанавливается тесное знакомство и дружеская переписка М. Горького с Репиным. В письме от 23 ноября 1899 г. (Минувшие годы, 1928, № 4, стр. 15—16) М. Горький излагает Репину свои гуманистические взгляды на роль и задачи писателя и говорит о своем сердечном отношении к знаменитому художнику. В 1899 г. Репин пишет с М. Горького портрет, ставший центром внимания на состоявшейся тогда очередной передвижной выставке. Во время пребывания своего в Финляндии в 1905 г. М. Горький сошелся более близко с Репиным, на даче которого в Куоккала, в его мастерской, М. Горький впервые читал только что законченную пьесу «Дети солнца» (Биржевые ведомости, 1905, № 8931, 19 июля).

Прилагаю мужицкий отзыв о Журнале... — В «Вятской газете», 1899, № 3 был напечатан отзыв о «Журнале для всех» крестьянина А. Комаровских под названием «Полезный журнал». В этом отзыве было сказано: «невысокая цена журнала делает его доступным для небогатых людей. Подбор чтения в журнале сделан очень хороший. Самое заглавие журнала „для всех" указывает на его пригодность для всех; тут есть статьи самого разнообразного содержания: повести, романы, стихотворения, популярно-научные статьи, по сельскому хозяйству, экономические статьи, ветеринария, внутреннее обозрение, политические известия, отзывы о новых книгах и проч. Одним словом „всякого жита по лопате". Кроме того жизнеописания знаменитых людей с портретами, рисунков вообще есть не мало. По получении первых трех книжек журнала я давал читать многим крестьянам и он всем очень нравился, так что многие его тотчас же выписали. Каждый отзыв крестьянина был сопровожден припиской от редакции: „Желаем от всей души распространения этого журнала и горячо рекомендуем его выписывать всем сельским любителям чтения. Деньги посылать можно в книжный склад Вятского губернского земства, где принимается подписка на всякие журналы и газеты, в том числе и на „Журнал для всех"».

Вятская газета, издаваемая Вятским губернским земством, выходила с 1893 г. В газете печатались: В. Е. Чешихин-Ветринский, В. Г. Короленко, Вас. И. Немирович-Данченко, С. Дрожжин и др. М. Горький внимательно следил за газетой и в «Нижегородском Листке», 1899, № 32, 2 февраля (за подписью «А. П.») дал отзыв о ней. На ряду с такими массовыми изданиями, как «Журнал для всех», «Вятская газета», по мнению М. Горького, являлась проводником культуры и просвещения в деревне, а заметка А. Комаровских о «Журнале для всех» свидетельствовала о том, что крестьянин «понимает и ценит труд интеллигента».

14

[С 10 по 24 июня 1899 г.]

Спасибо за память. Телом я здоров. Живу в Нижнем, лето буду жить с Тимковским в Василе-Сурском. На днях переберемся

туда. У меня болен сынишка. Много работаю. Порчу Фому. Очень зол.

Журнал ваш выходит поздно и рассылается ужасно не аккуратно. Жалуются.

Стихи Петрова в печати производят лучшее впечатление чем писанные. Вы, по моему, хорошо сделали напечатав их, это очень поддержит Петрова. У него есть талант, но ему отвратительно живется и он начал пить водку. Впрочем от этого он еще лучше стал писать, в доказательство чего и прилагаю два его стиха. Один послал в «Жизнь», может напечатают, ибо печатают худшие. Славная фигура этот Петров. Он приезжал недавно ко мне, пил водку и мы пели песни. Талантливый он и хорошее у него сердце.

Пока — я решительно ничего не могу написать для вас. Простите.

До свидания.

А. Пешков

Письмо на одном листе почтовой бумаги большого формата. — Письмо писалось, повидимому, между 10 и 24 июня: 10 июня М. Горький подал заявление на разрешение выезда в Васильсурск, но разрешение это было им получено только 24 июня.

...лето буду жить с Тимковским в Василе-Сурское. — О писателе Тимковском см. в письмах М. Горького к Чехову — в книге: М. Горький и А. Чехов. Переписка, статьи и высказывания. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1937.

Порчу Фому. — М. Горький имеет в виду «Фому Гордеева», первое, после повести «Горемыка Павел» 1894 г., крупное произведение, которое он писал в то время. В письме к С. Дороватовскому М. Горький сообщил, что возлагает на эту повесть «большие надежды, — ибо намерен возбудить ею стыд в людях». Но через несколько месяцев, в письме тому же Дороватовскому, он писал: «Фома? Я его испортил. В июньской книжке он отвратителен. Женщины — не удаются. Много совершенно лишнего, и я не знаю куда девать нужное, необходимое. Я его буду зимой переписывать с начала до конца и думаю, — исправлю, поскольку это возможно» (Печать и революция, 1928, № 2, стр. 84).

Славная фигура этот Петров. — Знакомство М. Горького с Степаном Гавриловичем Петровым-Скитальцем (р. 1868) началось в июне 1899 г. М. Горький привлек Скитальца к сотрудничеству в журнале «Жизнь», а затем в сборнике «Знания» правил его произведения, придумал ему псевдоним. О взаимоотношениях писателей см. в книге: М. Горький и А. Чехов. Переписка, статьи и высказывания. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1937, стр. 263, в воспоминаниях Скитальца: Октябрь, 1937, №№ 2, 6 и в книге: М. Горький на родине. Горьковское областное изд-во, г. Горький, 1937.

15

[С 10 июня по 24 июня 1899 г.]

Кабы Вы, дядя, приехали — было бы это чрезвычайно приятно. Мы с Тимк[овским] сняли в Василе-Сурском две

дачи — на одной бабы, а в другой мы, мужи. И дача от дачи далеко. Приезжайте, а? Я, пока, сижу в Нижнем, на крыльце, ибо в квартире маляры работают, а в Василь меня начальство не пускает. Послал телеграмму в Питер, да ответа нет еще. Жить на крыльце неудобно. Пью водку с малярами — хороший они народище.

Напишу вскоре длинно. О Тим[ковском] сказано справедливо. Приезжайте!

А. Пешков

Письмо на одном листе почтовой бумаги обычного формата. — Приблизительная дата определяется теми же данными, что и для предыдущего письма.

... в Василь меня начальство не пускает. — Об этом М. Горький писал также и Чехову в июне 1899 г.: «Начальство не пускает меня на дачу, к семье, не смотря на все мои о сем ходатайства в надлежащих сферах. Квартиру у меня красят и я поэтому изгнан из нее на крыльцо, где и проживаю. Жарко и тесно мне!» (М. Горький и А. Чехов. Переписка, статьи и высказывания. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1937, стр. 32).

О Тимковском сказано справедливо. — Произведения Николая Ивановича Тимковского (1863—1922) вначале привлекали внимание М. Горького. Вскоре М. Горький разочаровался в его таланте: «Живет со мной Тимковский. Тяженько с ним — пессимист он великий и мелочной человек», — писал он Чехову в июле 1899 г. и ему же в августе: «Знаете — во всем, что вы сказали о нем, вы убийственно правы. Я ненавижу Тимковского, очень жалею его и — удивляюсь, как это Средин и Ярцев, люди довольно чуткие, признали живую душу в человеке, сплошь пропитанном кислым самолюбием?!» (М. Горький и А. Чехов. Переписка, статьи и высказывания. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1937, стр. 34, 36). Отзыв, о котором говорит М. Горький в письме, нам неизвестен.

16

[29 августа 1899 г.]

Я обещаний своих не забываю. Рассказ, а может — два, — пришлю к половине Сентября или привезу сам.

Баронессу, — и всех других, кому нужен — ублаготворю. Усы? И на счет усов озабочусь.

Дороватовский еще не был, хотя сегодня 29-е. «Фому» будет издавать «Жизнь» — это уже устроено.

Да, я обещаний своих не забываю. А вот ты, Виктор Сергеевич, забывчив стал. Я письмо писал тебе не ради слов, а по душе, и надо бы мне на него ответить. Следовало хоть бы за 3 копейки написать: «отвечать на письмо не буду. В. Миролюбов». Так-то. Говорю не из самолюбия, а потому что, полагаю, — мы друг для друга не только с одной стороны писатель, с другой — издатель. Или, может, только? Тогда и говорить не о чем, я в дружбу насильно не лезу. Ну и будет об этом.

Виктор Сергеевич! Скажи — стихи Петрова — пойдут? Пришлю или привезу один его рассказик строк в 300, из быта певчих. Хорошо! Просто, задушевно и — здóрово! Талантливый он парень. Вот увидишь как он запоет!

При сем прилагаю 5 стихов Аргунина. Стихи, право, не плохие. И должны бы понравиться тебе. «Хочется нежно любить» — как это просто! И «Июльский день» хорош. Дядя! смотри у тебя худшие стихи печатаются.

Еду с Беляевым и тещей, кою нужно уложить в клинику. Думаю что к 15-му Сентября напишу для журнала все, что нужно и сейчас же двину к вам.

До свидания!

Крепко жму руку.

А. Пешков

Да! Виктор Сергеевич! Пожалуйста вышли б е с п л а т н о журнал твой

[в] С а м а р у О б щ е с т в у к н и г о п е ч а т н и к о в

Пясьмо на двух листах почтовой бумаги обычного формата. На обратную сторону первого листа перенесен конец письма.

Рассказ, а может — два, — пришлю... — Во время работы над повестью «Фома Гордеев» М. Горьким был написан лишь рассказ «Сирота», напечатанный в «Нижегородском листке», 1899, № 209, 4 октября. Но невыполненное обещание беспокоило М. Горького; в письме к Чехову в сентябре 1899 г. он писал: «Нужно написать для Миролюбова какую-нибудь штуку, а я — ничего не могу. Боюсь Миролюбова и он мне даже во сне снится. Стоит, будто бы, длинный, голова его даже до облаков досягает и оттуда гудит укоизненный бас: „Большим журналом закабалился. «Для всех»... Эх!"» (М. Горький и А. Чехов. Переписка, статьи и высказывания. Изд. Академии Наук СССР. Л., 1937, стр. 40).

Дороватовский еще не был... «Фому» будет издавать «Жизнь»... — С. П. Дороватовский ожидался для переговоров об отдельном издании «Фомы Гордеева», которое было осуществлено в следующем, 1900 г.

...стихи Петрова — пойдут? — В «Журнале для всех», 1899 г. было помещено два стихотворения Петрова-Скитальца: «Вы сказались, бессонные ночи» (в № 9) и «Мне снилось поле» (в № 10).

Пришлю или привезу один его рассказик... — Рассказ Скитальца «Ранняя обедня» появился в «Журнале для всех» только в 1901, № 4.

При сем прилагаю 5 стихов Аргунина. — Стихотворение Аргунина «Хочется нежно любить» было напечатано в «Журнале для всех», 1899, № 12. В 1898, № 8 было напечатано его стихотворение «Вечер», в № 10 — за тот же год — стихотворение «В розовых, синих туманах». Других стихов Аргунина в журнале не появилось.

Еду с Беляевым и тещей... — Это была первая поездка М. Горького в Петербург в сентябре 1899 г. Беляев — по устным воспоминаниям К. П. Пятницкого — один из многочисленных горьковских подопечных, которого М. Горький рекомендовал редакции «Жизни», как специалиста в области философии. В споре с Н. Тимковским на квартире у М. Горького по вопросам философии Беляев поразил Алексея Максимовича широтой своих философских познаний, но надежды М Горького на дальнейший рост Беляева не оправдались.

Теща — Мария Александровна Волжина (1848—1939), мать Екатерины Павловны Пешковой.

Самару. Обществу книгопечатников. — М. Горький с большим интересом следил за деятельностью самарского «Общества взаимной помощи книгопечатников». «От души желаю Обществу всякого преуспеяния, а его Членам солидарности, уважения друг к другу. Ясного понимания преследуемых целей и точного представления о путях к достижению их... И снова, и еще — солидарности», писал он в фельетоне об этом обществе в «Самарской газете», 1895, № 188, 2 сентября. М. Горький помогал Самарскому обществу книгопечатников присылкой книг для библиотеки Общества.

17

[Конец 1900 г.]

Рассказ пришлю дня через два, три. Он уже написан. Он — как бы предисловие к дальнейшим. Вместе с ним возвращу переделанный рассказ Петрова. Петров — растет, дай ему боже всего доброго! Голову даю на отсечение из него выйдет крупная сила или я — осёл. Посылаю три стихотворения. Автор — из простых, бывший солдатишко. Прекрасно владеет стихом, но как-то туманен. Если которые нибудь стихи пойдут — дай ему, Виктор Сергеевич, к[опеек] по 15.

Сколько будет рассказов в моей серии — не знаю. Следующий «Жестянщик Нюшка» — дам в скорости, м[ожет] б[ыть] до января. Потом — «Веселый почтальон Силуянов». И т. д.

Каково живется?

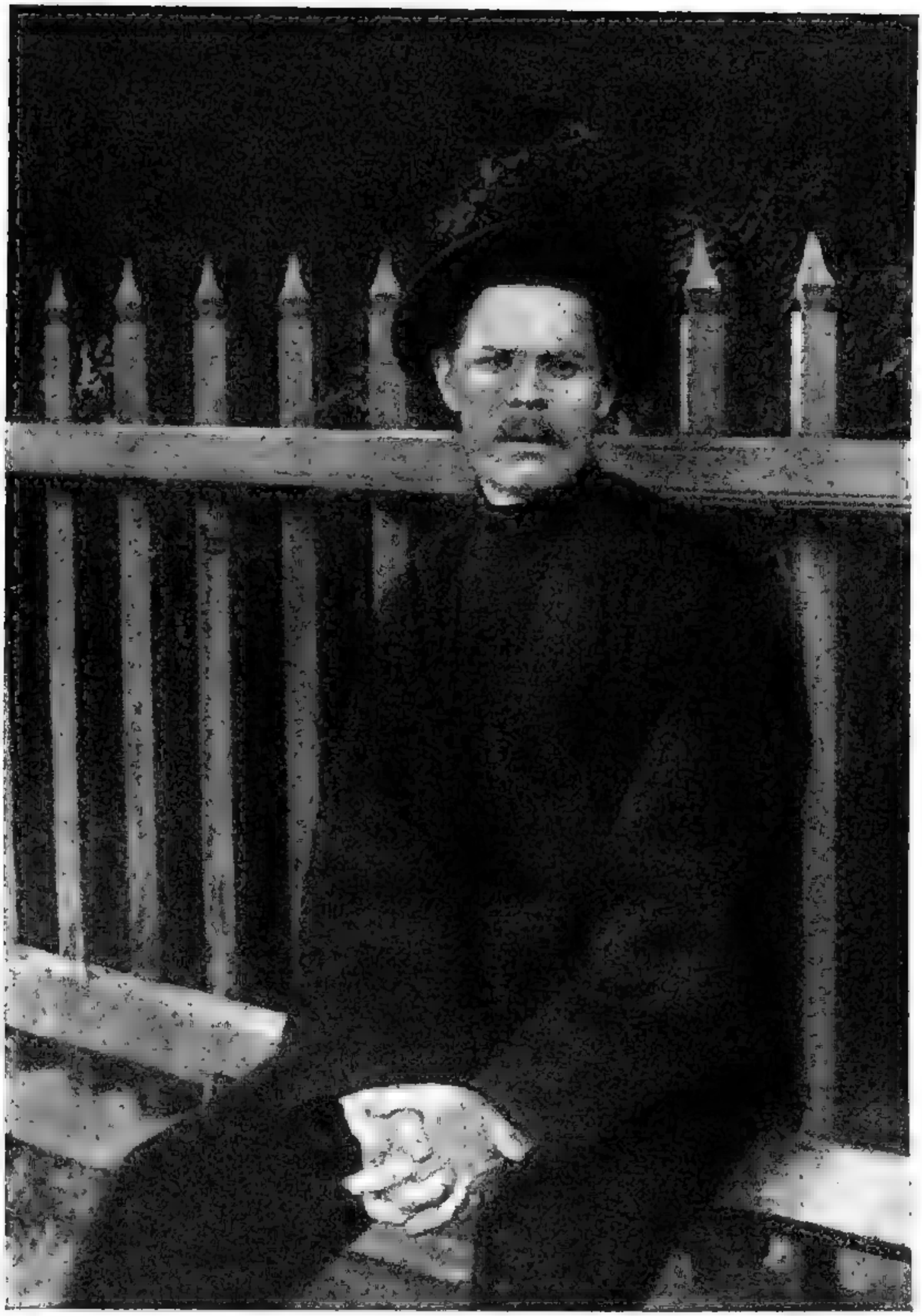
Петрову за рассказ сейчас же вышли деньжат. Даже вот что вышли, если можешь, теперь и з а п и ш и м н е. Ему не столько деньги нужны сколько нужно знать, что не о д и н я ценю его. В деле его воскресения из пьяниц ты должен мне помочь равно как и Владимир. А Владимира чем больше знаю я — тем более люблю и уважаю.

Советую и тебе Вик[тор] Сергеев[ич] держаться ближе к нему очень советую. На дурное в людях можно и не обращать внимания, а хорошее надо высоко ценить, ибо хорошего-то не очень много. Работаю как каторжанин. Изучаю Пролог и Библию во всю мочь. Купи-ка, брат, себе Пролог! Вот журнальчик — хорош!

Все в нем есть, все.

Обнимаю

А. Пешков



1900 г. Н.-Новгород.

Библиотека
Академии Наук
СССР

Письмо на двух листах почтовой бумаги. — Рассказ, упомянутый М. Горьким («Песня о слепых»), был напечатан в «Журнале для всех», 1901, № 1, чем и определяется дата письма.

Посылаю три стихотворения. Автор из простых... — Стихи А. К. Былинского. См. следующее письмо.

Сколько будет рассказов в моей серии — не знаю. — «Песня о слепых» была первым рассказом из серии «Рассказов о жизни на окраинах города», не осуществленной Горьким.

Владимир — Владимир Александрович Поссе.

Изучаю Пролог... — Пролог — сборник кратких житий святых, поучений и нравоучительных рассказов, сюжеты которых использовались рядом писателей в их произведениях.

18

[Ноябрь 1900 г.]

Святки и всю зиму проживу в Нижнем.

Посланные мною стихи Былинского верни мне. Он, мерзавец, уже напечатал их в «Волгаре». Человек он дрянной.

Передал ли Владимир хороший рассказ «Клинический случай»?

Следующий свой рассказ пришлю в Декабре, наверно, Петров скоро пришлет.

Пока до свиданья!

Жена у меня все прихварывает. Беспокойно.

А. Пешков

Письмо на одном листе почтовой бумаги обычного формата. — Приблизительная дата определяется заявлением М. Горького, что рассказ будет прислан в декабре, а также временем напечатания стихов Былинского в «Волгаре».

... стихи Былинского верни... — В нижегородской газете «Волгарь» в 1900 г. в течение ноября и декабря печатались стихи А. К. Былинского: «Чья вина?», «Зимней ночью», «Надежда», «Народные мотивы», «Песни, устные поверья и преданья Туркмении» и др.

Передал ли Владимир хороший рассказ «Клинический случай». — Владимир — В. А. Поссе. Рассказ «Клинический случай» в «Журнале для всех» не был напечатан.

19

[Декабрь 1900 г.]

Длинный и хороший человек!

Посылаю рассказ Петрова, славный рассказ. Свой пришлю к Январской книге, — верь не верь — пришлю. Ибо помню речь у Телешова, справедливую и верную речь. Скоро закончу мою повесть и начну — не знаю что еще: «Нашу улицу» или что-то другое, чему названья нет и что очень грустно.

Дорогой дядя! Жизни мне мало для работы, вот что. Охота — смертная, а время нет. Сижу теперь по 8 по 10 часов в день — мало!

Спасибо за Петрова, хорошо заплатили ему. Он живет у меня, работает, как вол, не пьет, серьезен. Хороший, честный и талантливый парень. Одинокий, бедняга. Верую, что из него выйдет нечто хотя и некрупное, — м[ожет] б[ыть] — но хорошее, цельное.

Жму руку, желаю бодрости духа.

Ваш *А. Пешков*

Письмо на одной странице почтовой бумаги большого формата. — Датируется по сопоставлению с предыдущим письмом.

Свой пришлю к Январской книге... — Речь идет о рассказе «Песня о слепых», напечатанном в «Журнале для всех», 1901, № 1.

Ибо помню речь у Телешова... — И. Белоусов в своих воспоминаниях о М. Горьком писал: «Однажды, на „Среде" известный издатель рублевого „Журнала для всех" В. С. Миролюбов убедил Горького сотрудничать и у него. Помню, тогда на „Среде" были Горький, Скиталец, Л. Андреев, Вересаев, Тимковский, Гославский и другие писатели, тогда уже вошедшие в известность. Миролюбов начал говорить, что напрасно писатели стараются помещать свои произведения в толстых журналах. — Кто их читает? Да и много ли у них подписчиков, — пять-шесть, ну десять тысяч, а у меня около ста тысяч, да и журнал идет в самые глухие углы России. Беднота читает мой журнал, — это поймите! У меня вам надо печататься! — горячо говорил Миролюбов. Все слушали и молчали. Наконец, Горький сказал: — Этот длинный Миролюбов прав, — у него надо печататься» (О М. Горьком — современники. Моск. т-во писателей, 1928, стр. 106). О Телешове см. в сборнике: М. Горький. Материалы и исследования, т. II. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1936.

Скоро закончу мою повесть и начну — не знаю что еще: «Нашу улицу» или что-то другое... — Речь идет о повести «Трое», начатой печатанием в журнале «Жизнь» в ноябре 1900 г. Рассказ «Наша улица» нам неизвестен.

20

[Конец 1900 г. — начало 1901 г.]

Петров выражает желание переработать начало рассказа, надо прислать ему. Псевдоним — ни в каком случае изменять нельзя, об этом усиленно прошу. Это очень важно для меня, Петрову — безразлично, для всех — тоже безразлично. Пускай, кто хочет смеется, потом я попытаюсь заставить задуматься над такой штукой как Скиталец, — не Петров, а вообще скиталец. Руку жму и больше некогда писать.

А. Пешков

Письмо на одном листе почтовой бумаги обычного формата.

21

[Декабрь 1901 г.]

Спасибо, брат, за присланную книгу и за интересное письмо. Поведение Мережковского еще один и — право, лишний! — раз подтверждает мое мнение о нем. Это — жулик, это — маленькая, умная бестия. Речами о боге, о Христе, он хочет добиться каких нибудь благ жизни, чего нибудь для удовлетворения честолюбивой своей душонки. Ты увидишь! Не верь ему, и если он зажгет себя, облив маслом, — будет гореть и славить бога — все равно! — не верь! Это — он для того сделает, чтобы говорили о нем, чтобы памятник поставили ему. Герострати́шко! А помни, что Герострати́шке все равно, чем прославиться, он не только храм сожжет, он и Христа предаст.

Посмотрел бы я на всех этих искателей бога, с которыми ты возишься! Думаю, что все это людишки принявшиеся бога-то искать от стыда пред собой за пустоту своей жизни или от страха перед противоречиями ее. Видят они, что человека все тяжелее давит произвол свиней, упоенных властью, видят что человек невыносимо страдает около них, совести в них — этой русской, блудливой и трусливой, как воображение онаниста, совести — немного есть и вот люди, не имея силы и храбрости смело встать на защиту попранного властью человеческого права жить, свободно перестраивая порядки жизни, — люди эти лицемерно уходят в уголок где спокойно рассуждают о Христе. Кто верует — тот не рассуждает, рассуждает тот кто хочет прожить поспокойнее, поосторожнее. Рассуждают, душечка, больше из чувства самосохранения, а по нынешним временам рассуждают только одни сукины дети, потому что́ хорошим-то людям и наедине с самими собой — рассуждать не дозволено.

На тебя среди них я смотрю так: ты — наказание, уготованное им за ложь и лицемерие, в твоей прямой и искренней душе уже теперь должно зреть возмущение против их. Ты не должен и не можешь выносить такие выходки, как выходка Мережковского. «Стало быть нечего и рассуждать» — сказали тебе он и попы, когда ты признал, что Иис[уса] Христа богом не считаешь. Ты не умел возразить им. Но — будет час и ей богу, ты скажешь им что нибудь вроде этого: Сволочи! Да разве в том дело кто Христос? Что вы виляете трусливыми, собачьими хвостами? Что лжете, лакеи изуверов и насильников? Суть в том — соединимо

ли учение Христа — бога или человека — которого вы любите по словам вашим — с тою жизнью, которой живете, с тем порядком, которому вы рабски служите, с тем угнетением человека, которое вы — не споря против него — утверждаете? Где установил ваш Христос, тому, чтоб человек на человеке верхом ездил — а вы везущего, озверевшего от усталости, кроткому терпению учили? И для чего — Христос вам, если есть полицейский? И для чего вам церковь — как дисциплинарное учреждение для воспитания угнетенных, если есть казаки, которые могут избить и перестрелять их, угнетенных-то, в случае коли они заартачатся.

Сказав что-нибудь в этом роде, ты дай две три хороших плюхи наиболее ревностным христианам, вроде Митьки Мережковского и — уходи к своему огромному делу, которое скорее даст тебе покой душевный, чем разговоры с прелюбодеями и трусами страха жизни ради. Крепко жму руку!

Твой *А. Пешков*

Ан[тону] Пав[ловичу] сказал. Он — обещает скоро. Я тоже наверное подтяну себя по скорости.

Письмо на трех страницах писчей бумаги в клетку. «Где установил...» исправлено из «где учил», чем и объясняется неправильная конструкция фразы. — Приблизительная дата устанавливается на основании письма М. Горького к К. Пятницкому от 31 декабря 1901 г.

Поведение Мережковского еще один и — право, лишний! раз подтверждает мое мнение о нем. — М. Горький, совместно с Поссе, побывавший у Мережковских осенью 1899 г., где «говорил мало, и, конечно, не так, как желательно было богоискателям» (по словам В. А. Поссе), очевидно, этим письмом хотел предостеречь Миролюбова от пагубного влияния Д. Мережковского. Миролюбов находился в дружеской переписке с Мережковским, бывал на его вечерах, и вскоре оказался в плену религиозно-мистических настроений Мережковского и В. Розанова, — вместе с ними он ходил к митрополиту Антонию за разрешением религиозно-философских вопросов и вопросов о роли интеллигенции. Религиозно-философские искания Миролюбова сказались и на направлении журнала: идеалистическое освещение общественно-политических и литературных вопросов в статьях за 1904 г. оттолкнули от журнала демократическое крыло его сотрудников, которые в коллективном письме, написанном по инициативе В. Вересаева, протестовали против направления статей Глинки-Волжского и отказывались от сотрудничества в журнале. Недовольство М. Горького направлением «Журнала для всех» наблюдалось уже в 1901 г. А. А. Гусев в своих воспоминаниях о М. Горьком писал: «Один раз я застал его перелистывающим последнюю книжку „Журнала для всех"; я высказал свое мнение, что „Журнал для всех" мне очень нравится, — подбор статей в нем хорош. А. М. подтвердил, что подбор в общем хорош, — „но бывают и недостатки; например, статья Овсянико-Куликовского о современных философских течениях здесь совсем неуместна. Вообще журнал держится довольно неопределенных взглядов: в период общего увлечения материализмом он — за материализм, теперь он за идеализм"» (Горький на родине. Горьковское областное изд-во, г. Горький, 1937, стр. 275. — Запись слов М. Горького относится к 29 мая 1901 г.).

Ан[тону] Пав[ловичу] сказал. Он — обещает скоро. — Речь идет о рассказе Чехова «Архиерей», напечатанном в «Журнале для всех», 1902, апрель.

22

[Конец декабря 1901 г. Ялта.]

Мой большущий и свирепый человек!

В эту стычку с тобои я искренно и прочно полюбил твою славную, смущенную жизнью, жаждущую бога душу. Хорошо, что мы поругались, мне это помогло понять тебя Виктор Сергеевич. И я неописуемо рад, что вижу в жизни еще одного человека, на которого можно положиться, который ответит на искренное — искренно и в большом деле, в трудной борьбе за лучшее в жизни — ни пред чем не спасует, не преклонится, а падет. Доброго здоровья, брат! Я же — дикий человек. Я — едва ли добрый человек — слишком много били и оскорбляли душу мою для того чтобы в ней сохранилось хорошее....

Но по натуре моей мне Исаия ближе Иеремии, мне дорог Никола Мирликийский за пощечину Арию и Христос — за бич, коим он торгашей изгнал из храма, Виктор Сергеевич! Дружище — те христиане, что опрокидывали идолов, и потом уже шли на костры и в цирки — ценнее тех, что говорили — «не преклонюсь пред бесями!» — и пассивно шли на смерть, оставляя идолов на пьедесталах. Родной мой! Жизнь — борьба, всегда борьба! Но не с собой, а за себя бороться надо. Нас — душат, нас хотят сделать холопами, мы — уже рабы, нам надо сбросить цепи ... Это простые, железные цепи, и — разве не скованы мы ими? Над нами издеваются враги; кто они и чем сильны? Негодяи и мерзавцы, цинизм и нахальство их сила. Мы уступаем им — почему? Они бессовестны и тем сильны, мы же избытком совести страдаем и вот почему над нами властвуют [?] они. Как буду я побеждать страсти мои, если они — одно оружие и должны быть отточены и обострены, ибо ими лишь побеждают?

Я вижу страсть в тебе и — рад! Ты — против себя идешь — мне это больно. Но — всетаки, всетаки — ты живой человек — вот что хорошо! Буду говорить откровенно: уделяй меньше времени себе, своим болям и настроениям, и — ей богу! — от этого ты будешь более здоров и телесно и душевно. Не останавливайся над собой подолгу — человек живой души и без дум над путями

жизни придет к своему месту и делу, он — не заплутается, ибо душа его, его желание — его вечный маяк. У тебя есть огромное желание, оно ясно тебе, ты христианин, больше чем другие — зачем тебе особенно долго и много всматриваться в глубь себя? Не известно где хорошее и дурное в человеке — а что если дурное заложено в нем ниже, глубже хорошего?

Прости за все это письмо, не мне советовать. Я, впрочем, не советую, а лишь говорю. Я только радость мою и мой страх за тебя высказываю. Очень уж ты ломаешь себя, — думаю, что это для тебя столь же излишне, как и тяжело.

Заключаю тем, что от всей души говорю — как бы ты впредь не относился ко мне и другим, я, все равно, навсегда люблю и уважаю Виктора Миролюбова, ибо не часто встречаешь людей искренно верующих — что я теперь о тебе знаю, — и редки люди благородные и открытые, каков ты есть. До свиданья! Доброго здоровья! Крепко жму руку.

А. Пешков

Письмо на двух листах линованной писчей бумаги обычного формата. Конец письма на обратной стороне первого листа. — Приблизительная дата устанавливается на том же основании, что и в предыдущем письме. Это — первое письмо после личного свидания М. Горького с Миролюбовым в Ялте.

23

[До 15 февраля 1903 г.]

Кто дал вам право помещать в журнале снимок с портрета моего, данного мною вам как частному лицу, а не как издателю?

Вы поступили неделикатно и глупо, сударь мой, и я прошу вас отныне не считать меня в числе знакомых ваших.

А. Пешков

Письмо на одном листе почтовой бумаги обычного формата в продолговатую клетку. — Дата устанавливается на основании штемпеля на конверте.

Кто дал вам право помещать в журнале снимок с портрета моего... — На титульной странице «Журнала для всех», 1903, № 2 был помещен портрет М. Горького с сыном Максимом на коленях (см. снимок на стр. 49). Этим резким письмом обрывается переписка М. Горького с Миролюбовым на несколько лет и возобновляется только в 1911 г. Следующие два письма являются лишь официальными ответами М. Горького.

На конверте к этому письму, написанном рукою М Горького, запись Миролюбова: «Портрет с маленьким Максом на руках очень мне нравился и вот за помещение его такое письмо».

Годъ VIII. 1903. №. 2. Февраль.

Журналъ для всѣхъ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

иллюстрированный

литературный и научно-популярный.

Контора и Редакція. С.-Петербургъ, Невскій, 88, кв. 7.

Максимъ Горькій.

(съ сына Максимовича Пешкова).

М. Горький с сыном.—Фото титульного листа „Журнала для всех", 1903 г., № 2.

24

[Декабрь 1903 г.]

Милостивый Государь

Виктор Сергеевич!

По недостатку времени и охоты писать я принужден взять назад мое обещание дать рассказ в журнал ваш. Извиняюсь.

А. Пешков

Письмо на одном листе писчей бумаги в линейку. — Датируется по сопоставлению со следующим письмом.

25

[Декабрь 1903 г.]

Письмо обещал написать Леонид, а не я, я же только уполномочил его подписать письмо за меня. Это было при вас и меня удивляет как вы не помните.

А. Пешков

Письмо написано на бланке книгоиздательского товарищества «Знание».

В письме, очевидно, идет речь о письме в редакцию «Журнала для всех», напечатанном за подписью М. Горького и Л. Андреева в декабрьском номере журнала за 1903 г. Содержание этого письма следующее:

«Милостивый Государь, г. редактор!

В нынешнем году по некоторым причинам мы не могли дать Вашему уважаемому журналу обещанных нами рассказов. Твердо надеемся, что в будущем году нам удастся искупить нашу невольную вину перед читателями „Журнала для всех", искренними друзьями которого мы остаемся.

М. Горький.
Л. Андреев.

26

[Апрель 1911 г.]

Виктор Сергеевич, дорогой!

Посылаю рукопись, — будьте добреньким прочитайте и перешлите скорее, а то Амф[итеатров] торопит.

Сегодня от него письмо коротенькое, сообщает «Чер[нов] написал о Гиппиус — хорошо!».

Будьте здоровы!

А. Пешков

Записка на обрывке листа из блокнота. — Дата определяется указанием в письме на статью В. Чернова.

Посылаю рукопись... — Очевидно, рукопись рассказа «Жалобы» для «Современника», 1911, № 5.

...Амфитеатров торопит. — Александр Валентинович Амфитеатров — первый редактор «Современника». О переписке М. Горького с Амфитеатровым см. в сборнике: М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1934.

...Чернов написал о Гиппиус... — В «Современнике», 1911, № 5 напечатана статья В. Чернова «Литературные впечатления» с критикой романа З. Гиппиус «Чортова кукла», напечатанного в журнале «Русская мысль», 1911, №№ 1—3.

27

[Апрель—июнь 1911 г.]

«Отчего порвались струны»

Заголовок тяжеловат и как будто немного претенциозен. Не находите? Да ведь и не ясно: в конце концов — «отчего» же?

Записка на обрывке обычной писчей бумаги. Вверху две приписки рукою В. Миролюбова: «Отчего порвались струны» и «От К. А. Тренева».

«Отчего порвались струны» — первоначальное название пьесы К. А. Тренева «Дорогины». Пьеса под первым заглавием была издана литографским способом в 1910 г., к печати была разрешена 26 октября 1910 г.

28

[Май 1911 г.]

В[иктор] С[ергеевич]!

Посылаю седьмую. Если все эти вещи не пойдут в 5-м, я бы просил возвратить мне их.

Рассказ Вин[ниченко] прочитан и вчера же послан К[онстантину] П[етровичу]. Не дурно, а — годится ли для сборника — не знаю, право. Просил решить это К[онстантина] П[етровича]. О том же прошу и вас.

Будьте здоровы!

А. Пешков

Письмо на обрывке писчей бумаги.

Посылаю седьмую. Если все эти вещи не пойдут в 5-м, я бы просил возвратить мне их. — Сказки V, VI и VII из цикла «Сказок об Италии», напечатанные в «Современнике», 1911, № 6.

Рассказ Вин[ниченко] прочитан... Рассказ Винниченко «Кузь и Грыцунь», переведенный автором с украинского, был послан К. П. Пятницкому, одному из руководителей и издателей т-ва «Знание», и был принят в сборник «Знание», т. XXXVII, 1911.

29

[Май—июль 1911 г.]

Нам, Виктор Сергеевич, негде напечатать Арцыбашева.

А. Пешков

Записка, судя по бумаге, каприйского периода, писанная в середине большого листа писчей бумаги в клетку.

Арцыбашев, Михаил Петрович (р. 1878), буржуазный писатель — упадочник, уделявший в своих произведениях исключительное внимание вопросам пола и смерти. В публицистических статьях 1911—1912 гг. М. Горький неоднократно возвращался к резко-отрицательной оценке творчества Арцыбашева — писателя и публициста. После Октября Арцыбашев в эмиграции.

30

[Май—июль 1911 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Прилагаю письмо Рахманова — для сведения вашего. Прочитав, возвратите мне это письмо и пожалуйста сообщите адрес Рахманова.

Всего доброго.

А. Пешков

Записка на листке из блокнота.

Прилагаю письмо Рахманова... — Н. Н. Рахманов — драматург, автор пьесы «В селе» в 4 актах (М., 1903) и др. Письмо Рахманова в архиве В. Миролюбова не сохранилось.

31

[Май—июль 1911 г.]

О Шимкевиче

Это — пошлость да еще и малограмотная.

Записка на обрывке листа писчей бумаги. В правом верхнем углу листа рукой Миролюбова сделана приписка: «О Шимкевиче». Записка очевидно писалась во время пребывания Миролюбова на Капри.

Шимкевич, Михаил Владимирович (р. 1885), беллетрист-драматург, автор нескольких малоизвестных произведений: «В полях снежных» (повесть), «Дуня Аксеева» (пьеса в 4 актах), «Ночное», «Волк», «День Саши и Верочки» (рассказы) и др.

32

[Май—июль 1911 г.]

Вяткин просит переслать вам, Виктор Сергеевич, прилагаемые стихи.

Желаю всего хорошего.

А. Пешков

Записка на обрывке бумаги в клетку. — Можно предполагать, что записка так же, как и предыдущие, писалась во время пребывания Миролюбова на Капри.

Вяткин просит переслать вам, Виктор Сергеевич, прилагаемые стихи. — Георгий Андреевич Вяткин (р. 1885) — сибирский поэт. Об отношении М. Горького к Вяткину см. статью последнего: «Горький и писатели-сибиряки» в журнале «Сибирские огни», 1928, № 2. Там же помещено письмо-отзыв М. Горького о сборнике стихов Вяткина «Под северным солнцем», относящееся к весне 1912 г.

33

[Май—июль 1911 г.]

Автору, очевидно, знаком герой «Мистерий» Гамсуна, Нагель. В этом, разумеется, ничего плохого, но — мне, читателю, кажется, что автор здоровее Нагеля и — это главное! — талантливей своих рассказов. «Найдти самого себя» вот чего я, читатель, искреннейше желал бы автору! В этом виде — с Акимовым, Арцыбашевым и прочими мелочами — рассказ может произвести впечатление газетного фельетона, что было бы и грустно и, вероятно, ниже действительных намерений автора. Извиняюсь за этот совет.

А. Пешков

Записка на обрывке писчей бумаги в линейку. В записке не указан адресат, но Миролюбов хранил ее в числе горьковских писем, присланных в его адрес.

... с Акимовым, Арцыбашевым и прочими мелочами... — Владимир Акимов, автор эротических стихов (см. сборник его произведений «На крыльях песни», выпущенный в 1910 г.).

34

[Май—июль 1911 г.]

Это чрезмерно философично, сухо и скучновато. Напоминает Гамсуна, но — в его недостатках. «Измайлов» и т. п. живность не у места. Вообще же «литературно» очень и нет того милого задора, красивой человечьей грусти как в первом очерке. В пустыне есть о чем писать и кроме Пушкина, Торо, Чехова, — в первом очерке автор это знал.

А. Пешков

Записка на обрывке бумаги в линейку. Судя по бумаге — каприйского периода. Хранилась Миролюбовым в числе писем к нему от М. Горького.

Торо, Генри (1817—1882) — американский писатель и мыслитель.

35

[Июль 1911 г.]

Доброго пути и будьте здоровы, Виктор Сергеевич!
А В[иктору] М[ихайловичу] и Амф[итеатрову] привет мой.
В[иктору] М[ихайловичу] пошлю письмо завтра.

А. Пешков

Записка на листе обычной писчей бумаги в клетку. Написана Горьким перед отъездом В. С. Миролюбова с Капри в Специю.

В[иктору] *М*[ихайловичу] — Чернову. О нем см. в комментарии к письму 52.

36

[Июль 1911 г.]

Виктор Сергеевич, дорогой!
Примите и выслушайте, прошу вас, г-жу Кузьмину.
Доброго пути!

А. Пешков

Записка на клочке бумаги в линейку. — Привет М. Горького в конце записки указывает на то, что она писалась непосредственно перед самым отъездом Миролюбова с Капри.

37

[Июль 1911 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Пожалуйста сообщите мне, что вы намерены делать с рукописями Смолина-Вольгича «Уат Тайлор» и прочее, а также сообщите и вашу оценку их да и самые рукописи пришлите, чтоб я прочитал.

От него получено письмо и хочется ответить ему поскорее.

Будьте здоровы!

Ну, что как дела?

Я узнал, что вы уехали с Капри на день позднее, чем сказали, посылаю, — поэтому — письмо в Специю на Чернова.

А. Пешков

Записка на листке из блокнота.

... что вы намерены делать с рукописями Смолина-Вольгича «Уат Тайлор» и прочее... — Первый рассказ писателя С. Вольгича «Клиент (Быль)»

йздан книгоиздательством Н. Семенова в 1909 г. В «Современнике», 1912, № 2 опубликован рассказ «Смерть палача». В ответном недатированном письме Миролюбов писал М. Горькому: «Послал Вам Вольгича, Олигера и Иткина... Если будете писать Вольгичу, покажите мне. Хотелось бы и мне приписать кое-что».

38

[До 8 августа 1911 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Обратите внимание на рассказы Гребенщикова. Автор — сын алтайского калмыка и донской казачки, молодой парень, самоучка, ныне — постоянный и видный сотрудник «Сибирской Жизни». Рассказы, помещенные им в этой газете, очень хороши.

Докончил третью часть Кожемякина, передал К[онстантину] П[етровичу], надо торопиться со сборником; посылать ли вам рукопись или прочтете в корректуре?

Всего доброго!

А. Пешков

Письмо на одном листе писчей бумаги в клетку. — Датируется по сопоставлению с последующим письмом.

Обратите внимание на рассказы Гребенщикова. — Письма Гребенщикова к М. Горькому см. в сборнике: М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Изд. Академии Наук СССР. Л., 1934, стр. 268—273.

Докончил третью часть Кожемякина, передал К[онстантину] П[етровичу]... — Третья часть повести М. Горького «Жизнь Матвея Кожемякина» была передана К. П. Пятницкому и печаталась в XXXVI сборнике «Знания».

39

[Около 8 августа 1911 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Посылаю рукопись; прошу — чужим не давайте читать. Если можно — прочтите скорее.

«Кожемякин» пойдет со Шмелевым — «Записками человека» — вы эту вещь знаете. В ней — по Пятницкому — 12 листов и — т[аким] о[бразом] — более ничего не нужно в книгу.

Что значит «если я понадоблюсь на Сарпі?» Вам нужно ехать в Давос — ну, и — валяйте! Но — огорчен я тем, что дурные мои пророчества сбылись и расстроили вы себе здоровье в этом милом уголке. Досадно и обидно.

Сургучев сообщил, что послал вам свой рассказ, — дайте мне, пожалуйста, его адресс, не могу ему ответить.

Рассказ Язвицкого, посланный мною, на мой взгляд — плох: одна литература, а жизни — ни на семишник.

Удивительную штуку прислал костромской поп Леонид, о коем я вам говорил, но — это начало большой работы и — не к спеху, а потому, пока, не посылаю вам.

Будьте здоровы и бодры!

А. Пешков

Письмо на одном листе писчей бумаги в клетку. — Датируется на основании даты поездки В. Миролюбова в Давос.

Посылаю рукопись — последний рассказ в серии «Жалоб», напечатанный в «Современнике», 1911, № 9. В письме от 11 августа Миролюбов писал М. Горькому: «Спасибо за „Жалобу". Из последней „Жалобы" мог бы выйти художественный рассказ».

«Кожемякин» пойдет со Шмелевым — «Записками человека»... — Третья часть повести М. Горького «Жизнь Матвея Кожемякина» была напечатана в XXXVI сборнике «Знания», вместе с повестью И. Шмелева «Человек из ресторана».

Вам нужно ехать в Давос... — Вследствие болезни легких Миролюбов в начале августа 1911 г. выехал в швейцарскую санаторию Давос, где находился до 29 сентября того же года; 23 ноября он сообщал в Москву о своем новом местопребывании в Cavi di Lavagna.

Сургучев сообщил, что послал вам свой рассказ... — В письме от 7 июля 1911 г. Миролюбов писал М. Горькому, что послал ему рукопись и рассказ Сургучева. «Для сборника от Сургучева нужно получить вещь позначительнее, а эту можно пустить в „Созременник». — См. также письмо № 61. Адрес Сургучева Миролюбов сообщил М. Горькому в письме от 13 августа.

Язвицкий, Валерий Иоильевич (р. 1884), печататься начал в 1903 г., в XXXI сборнике «Знания» был опубликован его рассказ «В Тайболе». Письма М. Горького к Язвицкому напечатаны в сборнике «О Горьком — современники». Московск. т-во писателей, 1928, стр. 197—201. Отзыв о Язвицком — редакторе дан М. Горьким в статье 1931 г. «О работе неумелой, небрежной, недобросовестной и т. д.» (Известия, 1931, № 108, 19 апреля). О каком рассказе Язвицкого идет речь в данном письме — выяснить не удалось.

Удивительную штуку прислал костромской поп Леонид... — М. Горький имеет в виду священника села Куликово, Костромской губернии, Леонида Парийского. Парийский интересовался литературой, писал очерки и рассказы и поддерживал связь с «Обществом по изучению местного края», являясь любителем-этнографом, собирателем материалов народной старины. С первых лет советской власти он, порвав с церковью, подал заявление в Костромской уисполком о желании читать естественно-научные лекции. Личность и литературная работа Леонида Парийского привлекала внимание М. Горького. Вероятно, о нем М. Горький писал в статье «О писателях-самоучках» 1911 г., отмечая среди авторов, приславших свои рукописи, — священника. По поводу присланного произведения М. Горький писал Л. Парийскому: «Только сегодня удосужился прочитать Вашу рукопись и читал ее с неослабным интересом. На мой взгляд Вы затеяли чрезвычайно интересное дело — душевно желаю Вам продолжить и кончить его хорошо. Жду следующих тетрадей. Кое-что придется устранить — я отмечу Вам места, подлежащие правке, а также излишнее и — пришлю рукопись, но Вы, не ожидая этого, присылайте продолжение. Очень бы хотелось, чтобы Вам удалась эта вещь. Сердечно желаю всего доброго». Из неопубликованного письма М. Горького к П. А. Берлину видна забота

писателя о Л. Парийском, как начинающем литераторе, которому он спешит выдать аванс из своего личного гонорара. Но Леонид Парийский не вышел на большую литературную дорогу. На вопрос — как писать и что писать, — который он поставил перед Короленко, последний ответил ему в письме от 6 июня 1910 г.: «Ошибочно думать, что кто-нибудь мог «сделать» писателя М. Горького. Он пришел ко мне с готовой рукописью. Первая была не вполне удачна, но видна была своеобразная сила. В следующих она развертывалась. Ко мне приносили сотни, вернее тысячи рукописей, но много Горьких из них, несмотря на мои указания, — не произошло». (Северная правда, Кострома, 1937, № 83, 11 апреля.) Во втором письме к Парийскому от 3 марта 1913 г. Короленко писал, что очерк «У церкви» в «Русском богатстве» напечатать нельзя, что хотя у автора есть материалы впечатлений, но нет умения сделать из него художественное произведение.

40

[До 11 августа 1911 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Возвращаю «Сон», — мне кажется, это прислано для «Современника». Сообщите адресс Сургучева и отчество его.

Посылаю рукопись Иткина, — вещь, на мой взгляд, не дурная. Его рассказ «Будни» был напечатан в «Р[усском] Б[огатстве]» т[екущего] г[ода]. Мне кажется, что автор — даровит, имеет свое лицо. Излишне умствует и полемизирует, доказывал бы свои положения образами, к чему весьма способен. Обласкайте его.

Ширяев прислал рассказ о лошади, которая, в то же время, доктор, убитый в лоб дробью-бекасинником и о конокраде, который лошадь ободрал. Страшно.

В письме сообщает: «никак не мог согласиться с В[иктором] С[ергеевичем] относительно конца, — из-за конца и написал этот рассказ». По моему он напрасно старался; рукопись возвращаю ему.

Будьте здоровы!

А. Пешков

«Сон»-то в Сентябрь бы! С нашим материалом, — тем, какой есть уже, — он не сливается.

Письмо на обрывке писчей бумаги в клетку. — Датируется на основании ответного письма Миролюбова от 11 августа 1911 г.

Возвращаю «Сон»... — повесть М. М. Коцюбинского, указанная в объявлении журнала «Современник» на 1912 г.

Посылаю рукопись Иткина... Его рассказ «Будни» был напечатан в «Р[усском] Б[огатстве]...» — «Будни. Рассказ о похождениях эмигранта Лойтера» С. Иткина был напечатан в «Русском богатстве», 1911, № 5. В письме от 11 августа Миролюбов писал: «Иткин имеет лицо, но имеет кроме того очень плохой язык. Привлекательно серьезное отношение к делу, вдумчивость,

настоящий серьезный, трудовой тон, нужно ему выписываться и вырабатывать свой, но литературный язык».

Ширяев прислал рассказ о лошади... — Петр Алексеевич Ширяев (1888—1935). В «Современнике», 1911, № 6 появился первый рассказ его «Тени». Следующий рассказ «о лошади», очевидно, и был забракован М. Горьким. В письме от 11 августа 1911 г. Миролюбов писал М. Горькому: «Ширяев мне тоже писал, что суть рассказа в „коже", что это „было". Чудак!..»

41

[До 16 августа 1911 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич, —

посылаю пьесу еще одного вашего выкормка — Казмичева, приятеля Тренева.

Как дело с Гребенщиковым?

Редактор! Что же вы ни слова не сказали по поводу Кожемякина?

Сургучев, Иткин — получены?

Как здоровье?

А. Пешков

Записка на обрывке листка обычной писчей бумаги. Написана поперек линеек. — Датируется на основании ответного письма Миролюбова М. Горькому от 16 августа 1911 г.

Казмичев — Матвей Матвеевич Казмичев (Скальдов), автор ряда пьес: «Разведчики» — пьеса для детей в 4-х картинах (действие происходит в эпоху войны 14 г.); «Товарищи» — пьеса для детей в 4-х картинах. М., 1911; «На лету» — комедия-шутка в 3-х действиях. 1903; «Сон под Рождество» — детские сценки в 2-х картинках из журнала «Светлячок», 1913, и др. В изданиях, редактируемых М. Горьким, произведения М. Казмичева не появлялись.

Как дело с Гребенщиковым? — На этот вопрос в письме от 16 августа 1911 г. Миролюбов ответил: «„В полях" Гребенщикова ровнее написано. „Настасья" богаче по краскам, но в общем не ровна и не совсем задачна».

Редактор! Что же вы ни слова не сказали по поводу Кожемякина? — В письме М. Горькому от 16 августа Миролюбов писал: «По поводу Кожемякина надо говорить, а не писать. Эта часть несколько слабее предыдущей. Лопатина Вы сильно подняли, а затем уронили, сказав, что ему слова дороже людей. Может быть не следовало так и поднимать?»

42

[После 18 августа 1911 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Посылаю Вам рукопись на Сентябрь и — освободите меня до Января, в крайнем же случае — до Декабря — ладно? Очень уж много работы.

Крашенинникова — не присылайте, я его литературу знаю.

Народ — бывает, очень. Недавно была О. Рунова, женщина умная, много знающая, наблюдательная. Ее бы — приласкать. Жаль — провинциальна она, очень.

Сытин в Карлсбаде был, писал оттуда, а где теперь — не знаю, наверное в России — на ярмарке в Нижнем.

Странная какая публика завелась: Криницкий послал свою повесть нам и — в то же время печатает ее в «Новой Жизни»; Лев Шестов прислал мне рукопись Романова «Отец Федор», а она — уже напечатана в последней книге «Русской Мысли».

Доброго здоровья!

А. Пешков

Письмо на одном листе писчей бумаги, текст письма написан на пишущей машинке. Рукою М. Горького подпись и приписка «Доброго здоровья». — Датируется на основании письма Льва Шестова М. Горькому от 18 августа по поводу рукописи Романова.

Посылаю Вам рукопись на Сентябрь и — освободите меня до Января... — В «Современнике», 1911, № 9 было напечатано окончание «Жалобы», в № 10 — «Писатель» [«Н. Е. Каронин-Петропавловский»]. Эти воспоминания, вероятно, и имеет в виду М. Горький.

Крашенинников, Николай Александрович (р. 1878), печатался в «Русском богатстве», «Русской мысли» и других журналах и газетах. К 1911 г. — автор ряда книг. С 1905 г. редактировал журнал «Новое слово», созданный по типу миролюбовского «Журнала для всех». В годы реакции уделял большое внимание в своих произведениях вопросам половой психологии и морали.

Сытин, Иван Димитриевич (1851—1933), издатель и известный книготорговец. М. Горький познакомился с Сытиным в марте 1911 г., когда Сытин приезжал на Капри по приглашению М. Горького для переговоров по субсидированию задуманного им социал-демократического журнала. См. о нем также в сборнике: М. Горький. Материалы и исследования, т. II. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1936, стр. 460.

Криницкий послал свою повесть. — Повесть Марка Криницкого (псевдоним М. В. Самыгина, р. 1874) «Молодые годы Долецкого» печаталась в журнале «Новая жизнь», 1911, №№ 7—9. В 1912 г. вышел 3-й том рассказов Криницкого, на который М. Горький ответил отрицательной рецензией, показавшей, как однообразны, скучны и ничтожны герои Марка Криницкого (Современник, 1913, январь; перепечатано в сборнике: М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1934, стр. 96—98).

Лев Шестов прислал мне рукопись Романова... — Лев Шестов (Лев Исаакович Шварцман, р. 1866) — автор книги «Шекспир и его критик Брандес» и книг идеалистического направления: «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше», «Достоевский и Ницше», «Апофеоз беспочвенности», «Начала и концы». По поводу рукописи П. С. Романова. (1884—1938) Лев Шестов писал М. Горькому 19 августа 1911 г. из Швейцарии, не будучи лично с ним знаком: «Романова я лично не знаю, никогда не видел его — но, ознакомившись с рукописью, пришел к убеждению, что он несомненно, даровитый писатель, и что следует сделать все возможное, чтобы помочь ему выйти на дорогу». М. Горький, очевидно, быстро ответил Шестову, так как в следующем письме от 25 августа Шестов благодарит М. Горького за то, что он не замедлил ответить на его письмо. Отзыв о рассказе Романова М. Горький дал позднее, что видно из письма Шестова к М. Горькому от 31 августа, в котором он писал: «Ваш приговор „Отцу Федору" показался мне слишком строгим». Рассказ Романова напечатан в «Русской мысли», 1911, июль.

О. Рунова. — Горький следил за литературным ростом писательницы Ольги Павловны Руновой (р. 1864) — автором нескольких сборников рассказов (Утренники. М., 1905; Лихие подарки. М., 1910; Летящие тени. Пб., 1911; У кория. М.—Л., 1926 и др.). В письмах к Руновой М. Горький дал развернутую характеристику ее произведений, указал на их недостатки, подчеркнув роль и значение русской литературы. Одно из этих писем, ошибочно опубликованное как письмо к неизвестному, см. в сборнике: М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1934, стр. 333—335.

Приводим второе письмо М. Горького О. П. Руновой:

42а

[*О. П. РУНОВОЙ*]

Capri. 8—XI 910.

Ольга Павловна,

книгу вашу прочитал, общее впечатление таково: вы, пожалуй, поспешили издать ее. Так заставляет думать лучший, самый серьезный рассказ книги — «Морошкино» и все другие рассказы, подписанные 910 годом. Но и в «Морошкине» — как мне показалось — есть серьезный недостаток — спутанность темы. По началу можно ждать, что центром рассказа будет Гущин, далее — внимание привлекает Лиза, — очень хорошо написанная кстати сказать, — еще дальше — становится ясно, что вы больше всего думали о «Морошкине» — о большом, сложном комплексе различных условий, которые создают, с роковой неизбежностью, ряд личных драм. Рассказ кажется и построенным неровно, не гармонично, — Гущину отведено слишком много места, «Морошкину» — мало. Рассказы до 910 г. иногда очень интересны по темам, но — взяты вскользь, поверхностно и написаны спешно, что чувствуется в языке. «У обители» могло бы выйти очень интересно, отнесись вы серьезнее к этой теме. «Юзька» — тоже.

М[ожет] б[ыть] я — ошибаюсь, но мне кажется, что способности ваши интереснее и выше этой книжки. Я сделал в ней несколько отметок и — возвращаю ее вам, а вы, если это не трудно для вас — пришлите мне другой экземпляр, поставив на нем автограф, хорошо?

На замечания мои — не сетуйте и не принимайте их как нечто учительское, нет, это просто впечатления читателя, который любит литературу, а к писателю относится доброжелательно. И не догматизирует, а говорит «мне кажется», «я думаю».

Еще раз посоветую: обратите внимание на язык, добивайтесь от него точности, что даст ему силу и красоту. И думайте о наиболее гармоничном, наиболее логическом расположении материала — об архитектуре рассказа.

Желаю здоровья, бодрости духа

А. Пешков

43

[С 18 августа по 6 сентября 1911 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Что можно ответить на письмо Криницкого? Этот нахал явно издевается над вами. Его фраза «браковать вы можете по художественным соображениям, а отнюдь не по идейным» — просто наглость. Избави боже от таких нигилистов. Кто послал ему из «Знания» категорический отказ, я — не знаю, да и не важно знать это, раз рукопись была отправлена им одновременно и в «Знание» и в «Новую Жизнь».

Муйжель напрасно просит 300 р., ибо ведь неизвестно когда он пришлет рукопись и будет ли принята она.

Винниченко еще не получил, очевидно вечером пришлют или завтра утром.

Что же написать о 7-й книжке? Нечего о ней писать. «Манифест» — конечно — излишен. Это становится смешно: на протяжении полугода дважды громогласно объявили — «мы вам зададим!» Никто не откликнулся ни в первый, ни во второй раз. Будем манифестировать в третий? Но — на этот раз нельзя ли не словами, а — делом бы? Амфитеатров ничего не пишет мне. Я тоже просил его поместить рассказ мой в Сентябрь. В предыдущем вашем письме вы, без всяких оговорок, заявили о тождестве Марка Васильева с Г. А. Лопатиным, чем повергли меня в грусть. Я — портретов с живых людей не пишу и, само собою разумеется, Марк с Лопатиным не имеет, — не может иметь — что либо общего, ибо я Лопатина с внутренней стороны не знаю. Уверен, однако, что мысли Марка ему чужды.

Очень жаль, что вы усмотрели сходство там, где его не может и не должно быть.

Письмо Криницкого возвращаю. Пятницкому показывал его: К[онстантин] П[етрович] отнесся отрицательно к этому господину.

но — конечно, — мягче меня. Мягче, потому, я думаю, что он тоже человек все более безразлично, — т. е. «художественно» относящийся к жизни.

До свидания! А как здоровье?

А. Пешков

Письмо на двух страницах простой бумаги в клетку. — Датируется на основании даты предыдущего письма и ответного письма Миролюбова от 6 сентября.

Муйжель напрасно просит 300 р... — Произведения Виктора Васильевича Муйжеля (1880—1824) в сборниках «Знания» не печатались.

Винниченко еще не получил... — рукопись романа В. К. Винниченко «На весах жизни» (см. письмо М. Горького на стр. 63).

Что же написать о 7-й книжке? — VII книжка журнала «Современник». Организованный в 1911 г. под редакцией А. В. Амфитеатрова, журнал привлек к сотрудничеству в нем М. Горького. В первые годы издания журнал не имел определенного лица. В письме от 22 ноября 1910 г., прочитав объявление о подписке на «Современник», В. И. Ленин писал М. Горькому: «Амфитеатровский журнал... есть политическое выступление, политическое предприятие, в котором даже и сознания нет о том, что общей „левизны" для политики мало, что после 1905 г. всерьез говорить о политике без выяснения отношений к марксизму и социал-демократии нельзя, невозможно, немыслимо» (Письма Ленина Горькому. Партиздат, М., 1939, стр. 31). Желая реорганизовать журнал, М. Горький предложил создать редакционную коллегию в составе: А. Амфитеатрова, В. Миролюбова и В. Чернова. Седьмая книга журнала вышла под общей редакцией. Однако Амфитеатров скоро отказался от коллективного редактирования «Современника». В конце 1911 г. М. Горький отказался от работы в «Современнике». В начале 1912 г. Амфитеатров отстранился от редактирования журнала и издатель «Современника» привлек к редактированию Е. А. Ляцкого, тотчас же начавшего переговоры о вхождении в редакцию М. Горького. С осени 1912 г. по май 1913 г. М. Горький входил в редакцию «Современника», делая попытки реорганизовать журнал.

...просил его поместить рассказ мой за сентябрь. — В «Современнике», 1911, № 9 был напечатан четвертый рассказ М. Горького из серии «Жалобы».

...о тождестве Марка Васильева с Г. А. Лопатиным... — В письме к М. Горькому 6 сентября 1911 г. Миролюбов писал по поводу сходства Марка с Германом Лопатиным: «В своем письме к Вам я назвал Марка Лопатиным потому, что заметил в нем много внешних черт сходства с последним. О тождестве их я не хотел сказать. Как следует, Лопатина я не знаю». Марк Васильев — главное действующее лицо третьей части «Жизни Матвея Кожемякина», колоритная фигура русского революционера. Герман Лопатин — революционер-народник, сражавшийся в рядах Гарибальди, член Генерального Совета I Интернационала, пользовавшийся большой симпатией Маркса. Он много раз бывал арестован и ссылаем, был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением в Шлиссельбургскую крепость. Измученный 20-летним заключением, Герман Лопатин в годы, к которым относится писание М. Горьким романа, не играл никакой роли в политической жизни. М. Горький с большим уважением относился к интеллектуальным способностям Лопатина и после его смерти писал: «Хоронили Германа Лопатина, одного из талантливейших русских людей. В стране культурно дисциплинированной такой даровитый человек сделал бы карьеру ученого, художника, путешественника, у нас он двадцать лет, лучшие годы жизни, просидел в Шлиссельбургской тюрьме» (Заметки читателя. — Собрание сочинений, т. XXII).

44

[Вторая половина 1911 г.?]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Сочинение Чапыгина — обидно плохо. Думаю, что он написал эту вещь давно, во времена моды на смертенские рассказы. А если это написано теперь — жаль парня. Очень жаль.

Посылаю хороший рассказ Ивана Егоровича — возьмете в «Современник»?

Живет здесь Федор Шаляпин, мне приходится целыми днями беседовать с ним и дела мои я несколько запустил.

Желаю всего доброго.

А. Пешков

Письмо на обрывке листа писчей бумаги в клетку.

Сочинение Чапыгина — обидно плохо. — М. Горький непрестанно следил за развитием таланта Алексея Павловича Чапыгина (1870—1937). «Помню в 1908 г. или 9-м я послал ему в Италию на Капри оттиски своих рассказов, и как быстро и вместе обстоятельно написал он мне с указаниями, — что худо и что хорошо», — вспоминал Чапыгин. В ответ на присылку Чапыгиным ряда рассказов в 1911 г. М. Горький писал ему: «Все эти рассказы ваши в свое время я читал, теперь перечитывал снова и нахожу, что еще мало гибкости в словах ваших героев, да слов вам как будто не достает», и советовал ему обратиться к Пятницкому по поводу издания рассказов отдельной книгой в Издательстве «Знания». Позднее М. Горький привлек Чапыгина к сотрудничеству в журнале «Летопись». Два письма к Чапыгину опубликованы в книгах М. Горького: «Письма к рабкорам и писателям». М., 1936 (Библиотека «Огонек», № 55—56) и «Письма к рабкорам и писателям». М., 1936 (Библиотека «Огонек», № 65—66). Воспоминания А. Чапыгина опубликованы в изданиях: «О Горьком — современники». Московск. т-во писателей, 1928; Литературный современник, 1936, № 8; Известия, 1937, № 142, 18 июня; Год двадцать первый. Альманах тринадцатый. «Худож. литература». М., 1938.

Посылаю хороший рассказ Ивана Егоровича... — В «Современнике» были напечатаны рассказы Ивана Егоровича Вольного: «Три грезы» — 1911, № 2, «Как это было» — 1912, № 7. О И. Вольном см. стр. 85 настоящего сборника.

Живет здесь Федор Шаляпин. — Знакомство М. Горького и Федора Ивановича Шаляпина (1873—1938), быстро перешедшее в тесную дружбу, началось в половине 90-х годов. Шаляпин, ежегодно приезжавший в Н.-Новгород на гастроли во время нижегородской ярмарки, часто навещал М. Горького. Дружба эта не прекращалась до разрыва Шаляпина с Советской Россией. В 1916 г. М. Горький художественно обработал автобиографические рассказы Шаляпина, которые и были напечатаны в журнале «Летопись», 1917, №№ 1—12, а затем изданы отдельно: Ф. Шаляпин. Страницы из моей жизни. Автобиография. Прибой, Л., 1926, 204 стр.; изд. 2-е, 1927.

45

[До 6 сентября 1911 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Сочинение Винниченка почти талантливо — если принять за талант трудолюбие, с коим он собрал всю грязь и мерзость жизни,

дабы бросить ими в лица вчерашних «святых и героев», ныне, как оказалось повинных в самых гнуснейших грехах мира. О русской интеллигенции так обвинительно не говорили ни Маркевич, ни Клюшников, ни Крестовский, и даже сам Дьяков-Незлобин — милосерднее Винниченка.

В сущности старые реакционные писатели, говоря о революционерах, всегда говорили одно и то же:

— Царь! Помни про афиняп.

Они отмечали в революционере — динамику, они его боялись и пугали им.

— Так вот за кем мы шли? — скажет русская демократия о революционерах накануне новой революции, в которой они снова хотят работать. Хороша будет революция эта, если во главе ее встанут садисты и мазохисты Винниченка!

— Так вот кого мы боялись, вот они каковы эти строители новой жизни? — торжествуя скажет всероссийская сволочь, прочитав Винниченково сочинение.

Мери — несомненно садистка: распутничает, чтобы мучать мужа; он — мазохист: кротко наслаждается унижением своего человечьего достоинства, явно невежествен и глуп: ему следовало бы, как этого требует естественное чувство жалости к больной, утопающей в грязи женщине, связать и отправить ее в психиатрическую лечебницу. Вообще — Александр самая скверная литературная выдумка из всех известных мне, включая Платона Каратаева, Ивана Ланде и других уродов.

Фома — это уже не выдумка, а нечто кошмарное, особенно там, где он понуждает свою жену ночевать за 10/т. руб. с лакеем поляч-ком. (Кстати: в романе два поляка и оба — мерзавцы, это характерно для нации или для автора?) Жена — конечно — бывшая революционерка и — конечно — живет на содержании у жандарма («чистое искусство» всегда объективно). Хорош он также, когда уговаривает Гломбинского за пятьсот франков развратить Таню и — тоже за 500 — разрывает картину каррикатурного дурака Аркадия.

Не менее этих монстров отвратительна Таня, особенно на стр. 180-ой, 261, 469—72-ой; впрочем, в этом неумном сочинении нет ни одного здорового человека, причем автор, по невежеству своему, постоянно соединяет садизм с мазохизмом — получается нечто невероятное, как Фома, Таня, Мери, Стамескин...

Общее впечатление повести таково: нет на свете людей извращеннее, распутнее, бессовестнее и глупее, чем русские революционеры.

Их любимые занятия: проживание на краденные деньги, ложь, сплетня, насилие над девицами, игра в карты (проигрывают даже «Капитал», а «Исторические письма» — давно проиграны!), проституция, провокатура, публичные драки и скандалы. Совершая все это, они утомленно говорят друг другу — «ах, как тяжела жизнь!» Уж если так рисует их свой же революционер, очевидно черносотенцы свирепо правы, притом — они гуманнее г. Винниченко и, пожалуй, я, читатель, поверю им скорее, чем ему.

Технически — сочинение слабо: мелодраматично, изобилует повторениями и скучно — все герои говорят одним и тем же языком, книжно и скверно. Много пущено публицистики, карикатуры и самомоднейших мнений, не прожеванных автором.

Первая глава — не нужна, в виду эпизодичности Аркадия и Адольфа. Речь Кистякова, концерт-бал с дракой — лишние. Умирающий поэт — ни с чем и ни с кем не связан, похороны написаны холодно, внешне и плохо.

На 362-ой стр. написана статья, неоднократно печатавшаяся в лучшем стиле. Еще Тургенев учил, что стыдно писать: «Правда? — присел он». «Да, — опустилась Феня». «Улыбка носа» — явление мне неизвестное. «Маленький» в желудке голодного мужчины — очень смешно, особенно там, где «маленький сосет свои холодные лапы». Это — вранье, автору незнакомы ощущения голода.

Автор слишком любит «низ живота», где у него квартируют наисильнейшие и наиболее роковые чувства.

«Жесткость без костей» — очень тонкая вещь, должно быть, но обнаруживает путаницу в голове автора и незнакомство его с духом и музыкой языка. Этого — всюду излишек.

«Как-то», «каким-то», «какой-то», — слова пустые. Или ты знаешь как и какой или не какай, молчи.

«Усталость была к а к а я-т о печальная» — вы представляете себе к а к у ю-т о веселую усталость?

«Сволочи мы, — печально п о ч е м у-т о подумал он». Странный парень — почему бы ему печалиться?

Эти перлы — на каждой странице.

Вообще со всех точек зрения — сочиненьице дрянное.

Вы, может быть, сделали бы доброе дело, посоветовав автору прочитать «Марево», «Панургово стадо», «Чад жизни», «Кружковщину — наши лучшие люди, гордость нации» — Незлобина-Дьякова, «Что делали в романе „Что делать“» Цитовича, «Нигилистов» Циона; пусть он, невежда, посмотрит куда попал со своим злопыхательством. Он увидит в этих книгах, что вся грязь, какую можно собрать и бросить в лицо и в сердце замученной русской интеллигенции — уже собрана и брошена, не хуже, чем он делает это.

А мне, пожалуйста, отныне не присылайте писаний Винниченка, я знаю литературу этого направления и она меня не интересует.

Я, конечно, понимаю, что он пишет из желания «послужить правде», но я знаю также и о том, что некоторые услужающие опаснее врагов.

И не могу не думать, что в его стремлении услужить слишком много злопыхательства сознательного. Он не свидетель, а — судья! Неправедный, при этом и, должно быть, больной, что ли?

Рукопись еще у меня ибо Пятницкого на о. Капри нет.

Будьте здоровы.

Само собой разумеется, что я не сообщу Пятницкому моего отношения к Винниченке, д о прочтения К[онстантином] П[етровичем] рукописи.

Всего лучшего.

А. Пешков

Письмо на четырех страницах простой писчей бумаги, напечатанное на машинке и правленное рукой М. Горького. Начало письма — обращение: «Дорогой Виктор Сергеевич!» — вписано М. Горьким от руки. Конец третьей страницы и четвертая страница дополнены М. Горьким от руки со слов: «Рукопись еще у меня...» и до конца. В тексте письма сделаны подчеркивания карандашом и снабжены вопросами некоторые слова и выражения, видимо сделанные Миролюбовым, так как исправления машинного текста были сделаны М. Горьким чернилами. — Датируется на основании письма Миролюбова М. Горькому 6 сентября 1911 г. Письмо Горького по машинописной копии, сохранившейся в Архиве А. М. Горького, и без приписок рукою М. Горького было опубликовано как письмо к неизвестному в сборнике: М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1934, стр. 338—341. Печатаем его здесь вторично и полностью. В письме от 28 августа 1911 г. Миролюбов писал М. Горькому: «Послал Вам рукопись Винниченко. Напишите мне принимаете ли Вы ее». 6 сентября Миролюбов еще раз напоминал М. Горькому: «Имейте в виду, что Винниченко разрешил мне делать исправления, и не прочь, как я полагаю, будет внести изменения, раз ему будет доказана резонность их». Присланная рукопись — роман В. Винниченко «На весах жизни», на которую М. Горький в этом письме дал развернутую рецензию. Роман был напечатан позднее в сборнике «Земля», № 9, М., 1912.

Винниченко, Владимир Кириллович (р. 1880), украинский писатель-политик. В литературной своей деятельности в ранний период (до 1906 г.) создал обширный ряд произведений с революционной направленностью. В произведе-

ниях же второго периода (годы реакции) Винниченко уделял преимущественное внимание переоценке моральных и социальных качеств украинской мелкобуржуазной интеллигенции, отвернувшейся от революции и охваченной упадочническими настроениями эпохи реакции. К числу этих произведений относится и рецензируемая М. Горьким повесть. — После Октябрьской революции Винниченко стал врагом советской власти.

Маркевич, Болеслав Михайлович (1822—1884), автор многочисленных романов, проникнутых ярко реакционными течениями. Ему принадлежит драма «Чад жизни», впервые напечатанная в приложении к черносотенной газете «Гражданин», 1884.

Клюшников, Виктор Петрович (1841—1892), беллетрист-реакционер, автор упоминаемого в письме М. Горького романа «Марево» (М., 1873).

Крестовский, Всеволод Владимирович (1840—1895), в своем реакционном романе «Панургово стадо» дал ряд злостных портретов русских «нигилистов» и польских революционеров-националистов.

Незлобин — псевдоним беллетриста-фельетониста Александра Александровича Дьякова (1845—1895), писавшего злобные пасквильные романы о революционерах, вроде «Кружковщина. Наши лучшие люди — гордость нации» (Одесса, 1879).

Иван Ланде — персонаж из рассказа «Смерть Ланде» М. Арцыбашева.

«Исторические письма» — сочинение Петра Лавровича Лаврова (Миртова) (1823—1900), виднейшего теоретика народничества.

Цитович, Петр Павлович (1844—1913) — правовед, автор ряда памфлетов против передовых деятелей в нашей литературе в конце 70-х годов XIX в., среди них — «Что делали в романе „Что делать"». Одесса, 1879 (Хрестоматия «Нового слова»).

Цион, Илья Фаддеевич (1842—1912) — физиолог и реакционный публицист. М. Горький имеет в виду его роман «Нигилисты и нигилизм», напечатанный в «Русском вестнике», 1886, №№ 5—7.

46

[После 6 сентября 1911 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Пришвину скажите, что «Знание» ничего не имеет против издания его книги и чтобы он присылал оттиски.

Как стоит дело с рассказом сибиряка Гребенщикова? Послали вы ему рукописи? И что сказано вами — хотелось бы знать.

Пятницкий все еще жует Винниченка.

А с Давосом вы от меня отвяжитесь, не хочу, некогда и скучно слушать о Давосе.

Испортили Столыпина, а! Такой крепкий министр. Да еще и стреляют в него под носом у царя.

Невоспитанный народ русский народ и если дела пойдут таким ходом — никаких празднеств не удастся устроить ни в 12-м, ни в 13 годах.

Будьте здоровы. А Давос — это просто почтово-телеграфный термин, места же такого на земле вовсе нет, обманывают немцы, вы им не верьте.

А. Пешков

Письмо на листке из блокнота. — Датируется по письму Миролюбова М. Горькому о предложении М. Пришвина.

Пришвину скажите, что «Знание» ничего не имеет против издания его книги... — Сообщение относительно согласия на издание сочинений Михаила Михайловича Пришвина (р. 1873) издательством «Знание» М. Горький написал в ответ на письмо Миролюбова от 6 сентября, в котором последний писал: «Пришвин предлагает нам издать книжку его рассказов. Ему хотелось бы включить в эту книгу не только свои последние рассказы, но и книгу „Колобок" (Северные очерки), которые роскошным изданием издал Девриен для детей. Книга эта лежит, для детей не подходит, и он хочет выпросить у Девриена право издать „Колобок" в I-м томе сочинений. Надо иметь в виду, что „Колобок" и другие рассказы составят том в 15 сорокатысячных листов. Непременное условие, чтобы „Колобок" и „Рассказы" были в одном томе, так как они составляют целое, из которого ясно будет виден „Мой путь", как говорит автор».

Издательство т-ва «Знание» в 1912—1913 гг. выпустило два тома «Рассказов» М. М. Пришвина. М. Горький высоко ценил талант Пришвина: «Внимательный читатель, я многому учился по вашим книгам», — писал М. Горький в письме-предисловии к собранию сочинений М. М. Пришвина (1926). «Учиться я начал у вас, М. М., со времен „Черного араба", „Колобка", „Края непуганых птиц" и т. д. Вы привлекали меня к себе целомудренным и чистейшим русским языком ваших книг и совершенным уменьем придавать гибким сочетаниям простых слов почти физическую ощутимость всему, что вы изображаете». — «Письма Горький писал мне почти после каждого моего нового произведения», — вспоминает Пришвин («Наши достижения», 1936, № 9, стр. 141). Одно из этих писем от 22 сентября 1926 г. опубликовано в этих же воспоминаниях Пришвина.

Как стоит дело с рассказом сибиряка Гребенщикова? — Рассказ Г. Д. Гребенщикова «В полях» был напечатан в «Современнике», 1912, № 2.

Пятницкий все еще жует Винниченка. — См. предыдущее письмо.

Испортили Столыпина... — Петр Аркадьевич Столыпин (1862—1911) — председатель Совета министров и министр внутренних дел в 1906—1911 гг., вдохновитель реакционной аграрной политики, был смертельно ранен охранником Багровым в Киеве, в оперном театре во время спектакля в присутствии царя 1 сентября (ст. ст.) 1911 г.

... никаких празднеств не удастся устроить... — М. Горький имеет в виду подготовляемые правительством торжества в связи с 300-летием дома Романовых.

47

[Первая половина сентября 1911 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Возвращаю — посылкой — рукопись Винниченка. К[онстантину] П[етровичу] она — в общем — нравится, но он согласился с тем, что печатать в «Знании» — не следует, достаточно ошибки с «Парижем» Каржанского. Теперь, в виду неожиданных происшествий и возможности подъема настроения в России, она была бы особенно несвоевременна и совсем уж не уместна в «Знании». Пусть уж напечатают ее люди еще более чем мы — индиферентные к делам общественным.

Относительно Пришвина я уже писал вам. Его условия К[онстантин] П[етрович] считает приемлемыми, но — было бы хорошо,

если б автор требовал 1500 р. не сразу. Не указано — за какое количество экземпляров он желает получить эту сумму. Спросите и пусть высылает оттиски.

У вас есть книга Анучина и еще что-то из моих книг, да? Пришлите, прошу.

Всего доброго.

А. Пешков

Письмо на обрывке писчей бумаги в клетку. — Датируется на основании упоминания М. Горького о «неожиданных происшествиях» — убийстве Столыпина.

Возвращаю — посылкой — рукопись Винниченка... достаточно ошибки с «Парижем» Каржанского. — Рукопись романа «На весах жизни». «Париж» Каржанского, помещенный в XXIV сборнике «Знание», рисовал жизнь русских эмигрантов.

У вас есть книга Анучина... — Василий Иванович Анучин (р. 1875) — сибиряк, этнограф и беллетрист, автор «Столетия», «Писем русского путешественника», «Сказания», «Исследования о пугачевском бунте» и пр. О нем см. в сборнике: М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1934, стр. 273. Возможно, что М. Горький упоминает о книге В. Анучина «Сказания», незадолго перед тем переизданной книжным магазином П. В. Луковникова, Пб., 1911.

48

[До 22 сентября 1911 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Пришвин прислал все, К[онстантин] П[етрович] списывается с ним об условиях издания.

Рукопись Винниченка отправлена посылкой по адрессу Давос, очень давно.

Посылаю письмо полученное на ваше имя.

Всего доброго!

А. Пешков

Письмо на листке из блокнота. — Датируется по сопоставлению с предыдущими.

49

[После 22 сентября 1911 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

К[онстантин] П[етрович] со стихами Городецкого не согласен и — правильно.

В Казани мыла варят значительно меньше, чем напр[имер] в Борисоглебске Тамбовском. Смешные стишки и довольно лубочные.

«Медведица тележкой г р е м я» как это плохо и вычурно, и не верно.

Надо бы торопиться со сборником «новых». Бунин в «Од[есских] Нов[остях]» заявил что им написана для «Знания» повесть — присылал бы скорее!

В книге Пришвина, говорит К[онстантин] П[етрович], не 9 листов, а 16 по 28 т[ысяч] букв впрочем он сам пишет об этом.

Будьте здоровы!

А. Пешков

Письмо на листке из блокнота. — Датируется на основании письма Миролюбова со стихами С. Городецкого.

К[онстантин] П[етрович] со стихами Городецкого не согласен и — правильно. — В письме 22 сентября 1911 г. Миролюбов писал М. Горькому: «Посылаю стихи Городецкого. Верните мне с пометкой, какие Вы считаете подходящими для „Сборников". Некоторые из них следовало бы взять. Напишите. Если стихотворение „Лань" понравится, дайте ответ тотчас. Так просит автор. Видно он его куда-нибудь обещал».

Цитируя С. Городецкого. М. Горький приводит выдержку из его стихотворения «Поэт», которое кончается следующими словами:

Он смотрит с доброю усмешкой
На простенькие чудеса,
А там Медведица, тележкой
Гремя, ползет на небеса.

Стихотворение «Поэт» помещено в «Новой жизни», 1912, июнь. Стихи С. Городецкого в сборниках «Знания» не печатались.

Надо бы торопиться со сборником «новых». — Речь идет об очередном XXXV сборнике т-ва «Знание», куда вошли стихи Г. Лазариса, «Сонеты» А. Черемнова, «На чужой стороне» А. Золотарева.

Бунин... повесть... — О какой повести Бунина могла говорить заметка в «Одесских новостях» выяснить не удалось. В XXXVIII сборнике т-ва «Знание» за 1912 г. была напечатана его повесть «Захар Воробьев».

50

[Конец сентября 1911 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

«Лань» — возвращаю, остальное передам К[онстантину] П[етровичу], — есть хорошие вещи, простые и ясные, а «Лань» — пускай бежит в другие места.

Очень рад за Ивана Егорова и за Гребенщикова.

«Колобок» Пришвина — превосходен.

Думаю, что половину гонорария он может получить тотчас же по сдаче материала.

Будьте здоровы.

Снег? Дождище третий день хлещет. Ряд несчастий около Неаполя.

Первый раз в жизни видел з е л е н у ю тучу. Это было страшно.

А. Пешков

Письмо на обрывке листа писчей бумаги. Датируется по сопоставлению с предыдущим письмом.

«Лань» — возвращаю... — «Лань» — поэма С. Городецкого (из цикла «Девий лик»), посвященная Софии В.; помещена в сборнике С. Городецкого «Ива». Книга пятая стихов. Спб., изд. «Шиповник», 1913.

Очень рад за Ивана Егорова и за Гребенщикова. — Произведения И. Е. Вольнова и Г. Д. Гребенщикова были приняты журналом «Современник»: «В полях» Г. Гребенщикова было напечатано в 1911, № 11; «Как это было» И. Вольнова — в 1912, № 7.

51

[Осень 1911 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Посылаю рукопись Коцубинского. Автор просит переводчика: пусть он выпишет все гуцульские слова, которые ему не знакомы и автор переведет их сам.

Пришлите мне альманах «Шиповника», вы совершенно напрасно увезли его, он здесь нужен и очень. Вышлите сегодня же.

Всего доброго.

А. Пешков

Письмо на одном листе обычной писчей бумаги.

Коцубинский (в обычном начертании: Коцюбинский) Михаил Михайлович (1864—1913) — известный украинский писатель, познакомился с М. Горьким в 1909 г. во время своей первой поездки за границу. Вскоре близкое знакомство писателей перешло в тесную дружбу. М. Горький очень ценил талант Коцюбинского, реализм и народность его творчества. С помощью М. Горького рассказы Коцюбинского, переведенные на русский язык, были изданы «Знанием». М. Горький же привлек Коцюбинского и к сотрудничеству в «Заветах». Письма М. Горького к М. Коцюбинскому см. в «Новом мире», 1928, № 1, и в отдельном издании: О. М. Горький і М. М. Коцюбинський. Збірник матеріалів, Ред. І. І. Стебуна, Київ, Держ. літературне видавництво, 1937.

Посылаю рукопись Коцубинского. — Повесть-очерк М. М. Коцюбинского «Тени забытых предков», напечатанная в «Заветах», 1912, № 1.

Живя летом 1911 г. на Карпатах, в Криворивне, Коцюбинский писал М. Горькому о жизни карпатского народа — гуцулах, о его прошлом, о своих впечатлениях и работе. С нетерпением ждал М. Горький своего «сердечного товарища» на Капри. «Очень рад, наконец, все-таки собрались сюда. Будете сидеть здесь и писать о гуцулах, а мы печатать», — писал он Коцюбинскому. «Тени забытых предков» были приобретены, таким образом, М. Горьким для «Заветов», еще во время писания повести.

Пришлите мне альманах «Шиповника»... — М. Горький внимательно следил за русской прессой всех направлений. Альманахи «Шиповника», ведущее место в которых занимал Л. Андреев, аккуратно выписывались им. В письме к С. П. Боголюбову в 1909 г. он писал: «Я весьма просил бы Вас высылать новые издания „Шиповника", как только оные появятся на рынке бумажном». В альманах «Шиповника», книга 14. Пб., 1911, вошли следующие произведения: А. Толстой. Две жизни; Б. Зайцев. Актриса; Г. Чулков. Свирель; Л. Андреев. Рассказ змеи о том, как у нее появились ядовитые зубы; С. Сергеев-Ценский. Пристав Дерябин.

52

[С 3 по 15 ноября 1911 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

«К чему» и «зачем» пишете вы, а двумя строчками ниже говорите: «Я не считаю время потерянным» — ну, и превосходно, и стало быть было «к чему» и было «зачем».

Я уже известил А[лександра] В[алентиновича], что «не считаю его способным быть редактором журнала», заявил, что при единичном его редакторстве сотрудничать в «Сов[ременнике]» не стану и прошу имя мое из анонсов снять.

Вик[тор] Мих[айлович] — третий день здесь, надеюсь, что поживет и еще. Много разговаривает.

Рукопись передал К[онстантину] П[етровичу], самому мне теперь читать некогда.

Будьте здоровы!

А. Пешков

Письмо на одном листе обычной писчей бумаги в клетку. — Датируется по сопоставлению с содержанием двух писем Миролюбова к М. Горькому от 3 ноября и 15 ноября 1911 г.

«К чему» и «зачем» пишете Вы... — Речь идет о журнале «Современник», в редакцию которого в 1911 г. входил Миролюбов. В ответном письме к М. Горькому от 15 ноября Миролюбов сообщал: «Мои к чему и зачем относились к Амфитеатрову и до сих пор мне неясно к чему и зачем он все это предпринял». О «Современнике» — см. стр. 62.

А[лександр] В[алентинович] — А. В. Амфитеатров. Ниже приводим цитируемое М. Горьким письмо его к Амфитеатрову.

Вик[тор] Мих[айлович] — Чернов (р. 1873) — эсер, ныне бело-эмигрант, злейший враг большевизма. В 1911 г. входил в редакцию журнала «Современник», в 1912 был одним из редакторов журнала «Заветы».

К[онстантин] П[етрович] — Пятницкий.

52а

[Начало ноября 1911 г.]

[*А. В. АМФИТЕАТРОВУ*]

Дорогой Александр Валентинович!

Очень я огорчен неожиданным вашим письмом. Нисколько не умаляя моего уважения к вам, я, по совести, должен сказать, что единоличное руководительство литературно-политическим журналом не считаю работой посильной для вас и уверен, что с нею не справитесь. Мое убеждение подтверждают первые книжки «Современника», а особенно его неуместные манифесты.

Лично я в журнале с единоличным руководителем кто бы он ни был — не стану сотрудничать. И я принужден просить вас: снимите мое имя с объявлений о подписке и сообщите издателю, чтобы он — уплатив мне за Каронина, если эта статья пойдет в октябре — аванса не посылал.

И позвольте мне А[лександр] В[алентинович], посоветовать вам: пренебрежительно относитесь вы ко мне, «ближайшее участие» в журнале принимающему сотруднику.

До свидания и желаю всего хорошего.

А. Пешков

Письмо—машинописная копия на листе почтовой бумаги большого формата.

53

[После 15 ноября 1911 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

О том, до чего мы с Черновым договорились, — вам бы у него спросить, ведь он живет в двух часах езды от вас.

А о том, что говорят по поводу «Знания» вы бы написали непосредственно Пятницкому, да его бы и спросили, когда он едет: ведь все равно — письмо на Капри идет одинаково долго что мне, что ему. Я очень занят своим делом, Пятницкого вижу раз в неделю, разговаривать мне некогда.

Посылаю рукописи Иткина и Олигера, возвращенные мне К[онстантином] П[етровичем] только вчера. О первом сказано в записке, приложенной к рукописи, второй, конечно, не годится. Жаль парня, у него есть способности, но он их на смерть топит в Андреевщине.

Для меня это — азиатская литература.

Будьте здоровы!

А. Пешков

Посылаю № «Киев[ской] Мысли», прочитайте статью Яблоновского и возвратите мне газету.

А. П.

Письмо на листе писчей бумаги в клетку. — Датируется на основании содержания письма Миролюбова к М. Горькому от 15 ноября.

О том до чего мы с Черновым договорились... — речь идет об организации журнала «Заветы».

А о том, что говорят по поводу «Знания» вы бы написали непосредственно Пятницкому... — Эти слова были написаны в ответ на письмо Миролюбова от 15 ноября, в котором тот писал: «По Петербургу ходят слухи, что „Знание" переходит в руки „Просвещения". Плохие слухи о „Знании" растут и крепнут в Петербурге. Так пишут мне в одном письме».

Посылаю рукопись Иткина... — См. ниже под № 53а записку М. Горького с детальным разбором произведения Иткина.

Олигер, Николай Фридрихович (1882—1919) — сотрудник «Современного мира», «Новой жизни», сборников «Земля» и др. В 1911 г. изд-во «Просвещение» приступило к изданию его собрания сочинений, законченному позднее изд-вом «Жизнь и знание». В годы реакции Олигер жил на Капри. Говоря о влиянии Л. Андреева на его творчество, М. Горький, очевидно, имеет в виду повесть «Смертники», печатавшуюся в «Русском богатстве», 1911, №№ 9—11.

Посылаю № «Киев[ской] Мысли», прочитайте статью Яблоновского... — В октябре—ноябре 1911 г. в «Киевской мысли» были напечатаны следующие статьи Александра Александровича Яблоновского: 28 октября — «Живые и мертвые» — в защиту евреев от антисемитов; 1 ноября — «Дела тибетские» — о докторе Бадмаеве, насаждавшем тибетскую медицину; 6 ноября — «Симпатичный еврей» — в защиту евреев, по поводу провала пьесы с героем-евреем; 9 ноября — «Пеший ополченец» — против антисемитизма и др.

53а

[*ЗАПИСКА М. ГОРЬКОГО О РУКОПИСИ ИТКИНА*]

Иткин. Прогулка.

Язык:

1, 13, 15, 18, 20, 30, 31, 35.

Ненужная грубость: 3.

Не понятно — зачем, влезли на деревья? Это нарушает тон рассказа, вводя не ясное. Оно может неприятно рассмешить.

Хорошо по содержанию, но написано торопливо, небрежно. Автору необходимо заняться русским языком.

Не следует допускать таких слияний, как

почти черная, слышна она и т. д.

Если все это может быть исправлено — рассказ следовало бы принять.

[На обороте]

Язык Рони
Язык Дона
Плох язык детей
Плох язык вообще
«Хотелось (кому детям?) оставить выдрессированных людей и животных»(!)
Солнце пылающая лампа
Холмы — столы
Город казался чем-то огромным которое (!) задыхается
На одной из вершин горной цепи (?) встретился старик
Сидение и пение на деревьях
Торопливость
небрежность
русский язык вообще
Вещь эта будет хороша, когда будет выработан (язык) речи детей, Рони, Дона (без книжности)
Излишняя фразистость не годится в особен[ности] для рассказа о детях
Проще и сильнее

Записка на обрывке листа писчей бумаги в клетку. Четыре первые строчки написаны, видимо, рукою К. Пятницкого. Дальше идет текст, писанный М. Горьким. На обороте — рукою К. Пятницкого.

54

[До 22 ноября 1911 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Возвращаю рукописи.

Окулов. «Огга» — все чужое, частью от Ремизова, частью от Пришвина. Слащавые фразы, выдуманные, с причмокиваниями.

«Алексей Обухов» — уже давно читан мною и Пятницким, был возвращен автору.

Тараканову надо возвратить очерк. Как жаль, что он манерничает. Очень интересен.

Стихи — дешевые. Все это было 600 раз написано.

Х о р о ш Саур, но — требует сокращений и есть легко устранимые шероховатости в языке. Вот как пишут о революционерах-то духовно здоровые люди.

Шмелев — загромоздил с о д е р ж а н и е рассказа излишними и однообразными диалогами. Необходимо попросить его, чтоб он устранил это, иначе же весь рассказ принимает какой-то анекдотический характер, многие места кажутся написанными нарочито

для смеха. Следовало бы ему отказаться от этой «импрессионистской» манеры, не идет она ему.

Пятницкого еще нет — гуляет все. — Винниченко лежит нечитанным, конечно.

Будьте здоровы. Очень занят я и несколько устал.

А. Пешков

Прилагаю стихи какого-то анонима. Не годятся.

Письмо на обрывке простой писчей бумаги в клетку. Сверху, в правом углу приписка, помещенная нами в конце письма. — Датируется по времени напечатания рассказа «Мать» Н. Саура в «Современнике», 1911, № 12 и по сопоставлению с последующим письмом.

Окулов. «Огга» — все чужое, частью от Ремизова, частью от Пришвина. — Повесть Алексея Ивановича Окулова (1880) «Огга» была напечатана в «Современнике», 1912, № 2. Говоря о фразах, «выдуманных, с причмокиваниями», М. Горький имел в виду подражание автора Ремизову, который, по словам М. Горького, входит «в литературу, точно в цирк, — с фокусами, а не как на трибуну с упреком, местью... предпочитает баловаться как гимназист, который бьет мух Библией...» Тематика рассказа — встреча человека со зверем — напоминала рассказы Пришвина. А. И. Окулов в эти годы печатался в журналах «Современный мир», «Современник», «Запросы», «Русская мысль», «Нива» и др. Дальнейшие, также отрицательные отзывы М. Горького о произведениях Окулова советских лет, см. в письме к нему от 3 августа 1921 г. в сборнике: М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1934, стр. 301, и в статье «О работе: неумелой, небрежной, недобросовестной и т. д.» — в «Известиях», 1931, № 108, 19 апреля.

Пятницкого еще нет — гуляет все. — К. П. Пятницкий в это время, увлекаясь изучением итальянского искусства, подолгу бывал во Флоренции, где в то время была выставка искусств за семь веков, а также уезжал в Неаполитанский национальный музей или в Помпею.

55

[Конец 1911 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Шолом-Аш просит переслать вам его рукопись, что я и делаю; получите ее вместе с этим письмом.

Прилагаю письмо Окунева, полученное по моему адресу.

В Феццано не заеду, — некогда. И так я уже потерял много времени.

Будьте здоровы!

А. Пешков

Письмо на одном листе обычной писчей бумаги в клетку. — Датируется на основании сопоставления с последующим письмом.

Шолом-Аш просит переслать вам его рукопись... — В «Современнике» произведение Шолом-Аша не появилось.

Прилагаю письмо Окунева... — В архиве Миролюбова письма Я. М. Окунева за этот год не имеется.

Феццано — местность в Италии, где жили Миролюбов и В. М. Чернов.

56

[Конец 1911 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

«Сиенский собор» — очень запутанная вещь, а два другие стихотворения — можно печатать, хотя они не увеличивают лавров Блока.

К[онстантин] П[етрович] говорит, что хорошо бы выпустить к Рождеству еще сборник, — есть у вас материал?

Получили рукопись Гусева? Поторопитесь с нею. Пишу В[ктору] М[ихайловичу].

Здесь — куча народа, с утра до вечера говорим о «делах». Настроение хорошее.

Всего доброго

А. Пешков

Письмо на обрывке писчей бумаги в клетку. — Датируется по сопоставлению с предыдущим письмом.

«*Сиенский собор*», отвергнутый М. Горьким для сборника «Знание», написан А. Блоком в июне 1909 г. во время путешествия его по Италии. Присланные два другие стихотворения «Осень» и «Усталость» были напечатаны в XXXVIII сборнике «Знания» за 1912 г.

В ответ на письмо Л. Андреева о непоследовательности М. Горького, выразившейся в опубликовании стихов А. Блока, против сотрудничества которого он возражал ранее, М. Горький писал: «Блок в „Знании" как пример моей непоследовательности, плохой пример: Блока печатают Пятницкий и Миролюбов, а я, как и раньше, не вижу в этом нужды, но и мешать этому не хочу, ибо мое отношение к „Знанию" изменилось» (М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1934, стр. 167).

К[онстантин] П[етрович] говорит, что хорошо бы выпустить к Рождеству... — К. П. Пятницкий ставил вопрос об организации следующего XXXIX сборника «Знания», который и был выпущен в 1912 г.

Получили рукопись Гусева? — В XXXVIII сборнике «Знание» был напечатан рассказ Сергея Ивановича Гусева-Оренбургского (р. 1867) «В глухом уезде».

В[ктору] М[ихайловичу] — В. М. Чернову.

57

[После 22 ноября 1911 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Посылаю стихи Лазариса; мне и Пятницкому нравятся Орлав, Возвращение; «В лесу» — последние четыре строки лишние.

Вчера Андреев телеграфировал: умер Серов, что меня прямо опрокинуло.

Здесь живут Коцубинъский, Леонтович, Черемнов. Рассказ Окунева на мой взгляд не удачен.

Всего доброго.

А. Пешков

Зачиная новый журнал поимели бы вы в виду Тренева: его следует извлечь из педагогики, человек умный и может быть прекрасным работником.

Письмо на одном листе обычной писчей бумаги в клетку. — Датируется по упоминанию в письме о смерти В. Серова.

Посылаю стихи Лазариса... — Стихотворения Германа Лазариса печатались в XXXV сборнике «Знания» за 1911 г. Относительно стихотворений, упоминаемых в письме, Г. Лазарис писал М. Горькому из Женевы 10 декабря 1911 г. следующее: «Вчера получил Ваше письмо и спешу сообщить Вам, что в стих. „Ор-Дав" я просто описался, что мне чрезвычайно неприятно. Конечно, надо „Какой из трех сорвать Ор-Дав", а не „как из трех". Жалею об этой грубой описке. Относительно „Дни и ночи" хочу сказать, что мне, как марксисту, совершенно чуждо представление о жизни как об игре, но мне думается, что в поэтическом произведении можно дать образ такого рода, т. е., что люди в жизни как бы играют. Ибо люди в большинстве живут как-то бессознательно (субъективно бессознательно) и для них жизнь полна случайностей, как бывает это в азартной игре. Мне кажется, что такой образ правдив. „В лесу" — я хотел последней строфой усилить общее впечатление. Но, конечно, строфу эту можно удалить без искажения смысла всей вещи, хотя я лично думаю, что с ней, с этой строфой, стихотворение выглядит более полным».

Вчера Андреев телеграфировал: умер Серов... — Художник Валентин Александрович Серов (р. 1865) умер 22 ноября (ст. ст.) 1911 г. В 1904 г. Серов написал портрет М. Горького, являющийся одним из лучших произведений художника. (Статья о рисунке и портрете Серова напечатана в сборнике: М. Горький. Материалы и исследования, т. II. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1936, стр. 461—467.) М. Горький всегда с большой теплотой отзывался о Серове и его творчестве. В конце 1910 г. М. Горький писал И. И. Бродскому по поводу подарка картины Серовым: «Валентину Александровичу передайте мой привет: считаю, что он мне подарил эту вещь дважды. И скажите ему: известно мне, что собирается он за границу, а передовой [С. Дягилев] — не пускает его, так когда его, академика, художника, отпустят, и за границу он попадет по всем божеским законам, следует, чтобы он заглянул на остров Капри. Необходимо это. А то я огорчусь, сойду с ума, ослепну, оглохну и заболею чумой. Очень я его люблю, крепкий он человечище и художник божий». (И. Бродский. Мой творческий путь. Искусство, Л.—М., 1940, стр. 118).

Леонтович, Федор Иванович (1833—1911) — известный историк права, состоял в год смерти в числе сотрудников журнала «Современник».

Черемнов, Александр Сергеевич (ум. 1919) — поэт, был привлечен М. Горьким к сотрудничеству в сборниках «Знание», две книжки его стихов были изданы в дешевой библиотеке «Знание». М. Горький чутко отнесся к художественному росту А. Черемнова. «Я взял на себя смелость испачкать вашу тетрадь своими замечаниями по поводу ваших стихов, — писал он поэту в 1907 г. — Меня побуждает вмешиваться в вашу жизнь вера в талант ваш... Я мало знаю вас лично; м[ожет] б[ыть] вы самолюбивы и вас обижают мои советы? Не обижайтесь, — я человек не узкий, я не могу причинить вам вреда, не могу стеснить рост вашего духа, не могу насиловать работу мысли вашей... Любя литературу всей душой моей, видя в вашем лице горячее честное сердце, смелую мысль, сильную красивую руку, — я хочу видеть вас еще более сильным и красивым — вот и все...» И позднее: «Растете вы, а я радуюсь. Не рас-

сердитесь, если скажу: бросьте сатиру; ваше дело — лирика и жанр. Не сердитесь» (Маяк коммуны, 1932, № 223, 24 сентября). На Капри Черемнов был по приглашению М. Горького. «Вы приезжайте сюда, — писал Алексей Максимович, — будете сидеть на острове, как на пароходе, дышать великолепным воздухом и купаться в голубой, соленой, крепкой воде». — О письмах М. Горького к Черемнову см. статью К. Наговской в газете «Маяк коммуны», 1932, № 224, 26 сентября.

Рассказ Окунева на мой взгляд не удачен. — В XXXII сборнике «Знание», 1910, был напечатан рассказ Якова Марковича Окунева (р. 1882) «Дарья Авилова с сыновьями»; в последующих сборниках его произведения не помещались и только в «Заветах», 1912, № 4 появился рассказ «Степь» Очевидно, М. Горький имеет в виду этот рассказ.

Зачиная новый журнал... — журнал «Заветы», начатый изданием в апреле 1912 г. С выходом первых номеров определился, как журнал либерально-эсеровского направления. Руководился В. Черновым, Р. Ивановым-Разумником; литературным отделом в 1912—1913 гг. заведывал В. Миролюбов. В первых номерах журнала был поднят вопрос о «литературной кооперации», который увязывался с задачами «защиты прав на национальное развитие». В национальном вопросе журнал стоял на позициях контрреволюционного лозунга культурно-национальной автономии.

После первого ухода в 1911 г. из редакции журнала «Современник», М. Горький задумал издавать совместно с В. Черновым и В. Миролюбовым новый журнал. Однако, узнав, что в состав редакции вновь организуемого журнала приглашен Р. Иванов-Разумник, М. Горький отказался как от вхождения в редакционную коллегию, так и от сотрудничества в журнале, см. письмо № 64а. По просьбе редакции М. Горький согласился оставить в первом номере «Заветов», уже обещанный читателям, рассказ «Рождение человека», при условии начала печатания романа Ропшина «То чего не было» только со второй книги, т. е. после ухода М. Горького из журнала. Это обещание, однако, не было выполнено редакцией (см. письма №№ 71, 77). Отказавшись от работы в «Заветах», М. Горький занялся реорганизацией журнала «Современник».

... поимели бы вы в виду Тренева, его следует извлечь из педагогики... — Константин Андреевич Тренев (р. 1877) — писатель-драматург. Письма его к М. Горькому см.: М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1934, стр. 432; воспоминания: журн. «30 дней», 1936, № 8. — Молодая гвардия, 1936, № 8. Педагогическая и журнальная работа в провинции часто уводила Тренева от литературы. Первое крупное его произведение, с которым он вошел в большую литературу, «Владыка», было помещено в «Заветах», 1912, № 3, как видим, при содействии М. Горького. Но и после этого Тренев все еще жаловался на свою оторванность от литературы. 18 марта 1913 г. он писал Миролюбову: «О себе хорошего ничего, задавлен, раздавлен тетрадями, уроками. Не кляните, но за зиму не написал ни строки. От этого чувствую себя так, что хоть с моста, да в воду ..» После ухода М. Горького и Миролюбова из «Заветов», Тренев писал Миролюбову: «Вместе с вашим уходом мне предстояло бы пересмотреть и свои отношения к „Заветам", ибо непосредственнейших связей с журналом у меня, к сожалению, еще нет. И все мои симпатии связаны были только с одним лицом, с Вами. Об этом, впрочем, я писал и Ив[анову]-Раз[умнику], когда писал ему, что „Владыку" своего отдал не журналу, а Вам...»

58

[Осень 1911 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Если голос мой имеет какое-либо значение в конфликте редакци[и] Современника с г. Водовозовым — передаю право голоса моего Вам.

А. Пешков

Письмо на одном листе обычной писчей бумаги в клетку. — Датируется на основании времени ухода В. Водовозова из редакции «Современника».

Водовозов, Василий Васильевич (р. 1864) — член партии трудовиков, в настоящее время — белоэмигрант. В 1911 г. был членом редакции журнала «Современник».

59

[Около 30 ноября 1911 г.]

Гаяз Исхаков арестован в Петербурге и выслан в Архангельскую губернию. Его жена спрашивает о судьбе рукописи мужа — не можете ли вы ответить ей идут рукописи в «Заветах» или нет?

Ее адресс:

Константинополь, Турция.
Divan-Ioulon, Koyonlon sokak, 21
D. Korkmasoff
pour m-me Hinda.

Записка на обрывке листа обычной писчей бумаги. — Датируется на основании даты письма М. Горького к Исхакову.

Гаяз Исхаков — (псевдоним Ченгиза), татарский писатель, издатель первых социалистических газет «Тан» («Заря») и «Тауш» («Голос») на татарском языке. За общественно-политическую работу неоднократно подвергался правительственным репрессиям. Подробная автобиография Гаяза Исхакова хранится в архиве Мирэлюбова (Институт литературы Академии Наук СССР). В архиве М. Горького имеется письмо М. Горького на имя петербургского муллы Луфти Исхакова для Ченгиза, которое свидетельствует о заботах М. Горького по продвижению в печать и на сцену произведений Гаяза Исхакова (Ченгиза) «„Брачный договор" мне хочется провести на русскую сцену, — писал М. Горький Луфти Исхакову, — но до сих пор мои старания безуспешны. „Дневник Шакирда" передан в редакцию журнала „Современник" — ответа еще не имею, сообщу его вам, как получу» (Дата почтового штемпеля 30 XI. 11). «Брачный договор» опубликован в «Заветах», 1914, № 6.

60

[Около 17 декабря 1911 г.]

Я бы на вашем месте, Виктор Сергеевич, посоветовал автору не печатать этой истории, во всяком случае — не печатать ее сейчас, если он не хочет подлить в огонь масла.[1]

Рассказ Окунева слишком слаб, лучше уж взять Иткина.

О Лазаревском не может быть и речи, он же бездарен, как уличный фонарь.

У Гусева — 15 листов; К[онстантин] П[етрович] предполагает взять у Бунина небольшой рассказ и поместить несколько

---

[1] Достоинств в рассказе нет, одна историйка и — скверный язык. — [*Примечание М. Горького.*]

отобранных им — К[онстантином] П[етровичем] стихотворений Черемнова — вот и сборник.

Всего доброго.

А. Пешков

Письмо на листке из блокнота. — Датируется на основании упоминания М. Горького о составлении XXXVIII сборника «Знание» и судя по письму К. Пятницкого о том же.

У Гусева — 15 листов... — Речь идет о формировании XXXVIII книги «Знание», которая составилась из произведений следующих авторов: М. Горький — «Сказка»; А. Блок — «Стихи»; И. Бунин — «Захар Воробьев»; С. Гусев-Оренбургский — «В глухом уезде»; А. Черемнов — «Стихи». О составе этого сборника Миролюбову писал также и К. Пятницкий 30/17 декабря 1911 г.: «На днях Алексей Максимович передал мне рукопись Премирова „В церковной караулке". Сегодня Иван Егорыч [Вольнов] принес свою: „Повесть о днях моей жизни, радостях моих и злоключениях". Из конторы все время приходили просьбы о новом сборнике. Он нужен для оживления торговли. Нужен для денег. Из чего его составить? Ответ напрашивался сам собой. Еще весной состоялось соглашение с Гусевым. За его повесть „В глухом уезде" уже уплочено 1400 рублей. Деньги эти нужно вернуть поскорее. Повесть теперь готова. В ней приблизительно 445 000 букв. В листе нашего сборника 28 000 букв. Значит повесть Гусева займет 16 листов сборника. Добавить придется немного. Необходимо что-нибудь небольшое по размеру, но яркое и ценное. Еще недели три тому назад, я предложил Алексею Максимовичу такой проект сборника, который нужно выпустить теперь же, в ожидании Ваших:

I. Горький. „Хозяева жизни".

Это — небольшая вещь, из серии „интервью". Написана давно. Напечатана у Ладыжникова. В России нигде не напечатана, значит пропадает даром. Цензурна.

II. Блок. Два стихотворения.

III. Бунин. Рассказ. У него есть небольшой ценный рассказ, около листа.

IV. Черемнов. Стихотворения. Я уже посылал Вам названия шести или семи стихотворений, которые могут украсить любой сборник.

V. Гусев. „В глухом уезде".

Так составился бы сборник в 19—20 листов. Три имени: Горький, Бунин, Гусев.

Алексей Максимович сначала согласился. Но потом сказал, что своего рассказа не даст. Достаточно ли будет Бунина и Гусева, — не знаю. Думаю над составом сборника. Гусева уже набирают. Нужно решить, кого пустить вместе...»

О Лазаревском не может быть и речи... — Борис Александрович Лазаревский (р. 1871), творчество которого отмечено сильным влиянием Чехова, печатался в журналах: «Русское богатство», «Журнал для всех», «Нива» и др.; после Октябрьской революции — белый эмигрант. В воспоминаниях о Чехове М. Горький говорил о спокойствии последнего, который «с изумительным терпением читал обильные рукописи Б. Лазаревского, Н. Олигера и многих других». М. Горький дал отрицательную оценку творчества Б. Лазаревского в письме без даты, которое приводим ниже.

60а

[*Б. А. ЛАЗАРЕВСКОМУ*]

Б. А. Лазаревскому

Г. Борису Лазаревскому.

Вы спрашиваете: «Найдется ли такая фирма, которая издала бы ваши рассказы как следует?»

Как я могу это знать? Никаких отношений с книгоиздательскими фирмами я не имею, — кроме «Знания». Но эта фирма не возьмется за издание ваших рассказов, ибо тем задачам, которые она преследует, ваши произведения не отвечают.

«Стоят ли ваши рассказы того, чтобы их выкупить у старого издателя?»

Не берусь решить этот вопрос, решить его можете только вы сами. Считаю нужным указать на то, что сами вы определили ваши рассказы, собранные в книжке, как «кислые».

С В. Г. Короленкой я не переписываюсь и писать ему по поводу вашего рассказа — не буду. Относительно Горбунова, я не понял, что именно нужно мне сделать? Запросить его, почему рассказ ваш до сей поры не вышел? Удобнее сделать это вам непосредственно.

Литературный фонд издает только те произведения, доход с которых поступает, по воле автора, в его пользу, т. е. в пользу фонда.

За присланную книжку — спасибо. Рассказы, напечатанные в газете, возвращаю. Я прочитал их и советую вам от души — не торопитесь выпускать ваши вещи отдельным изданием. Еще успеете сделать это. Три года газетной работы — не великий искус для человека, который — как вы говорите — любит литературу.

А. Пешков

61

[После 17 января 1912 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Повесть Лазаревского — бесталанна, как все что он пишет, а его преклонение пред Чеховым нисходит до пошлости. Даже и настоящей искренней любви к Ан[тону] Пав[ловичу] еще мало для того, чтобы стать хорошим писателем.

Сургучев написал вещь, на мой взгляд, — весьма значительную, но несколько растянуто и хаотично. Большой он поэт.

Всего хорошего.

А. Пешков

Письмо на обрывке писчей бумаги в клетку. — Датируется на основании содержания письма Миролюбова М. Горькому от 17 января 1912 г.

Сургучев написал вещь... — Речь идет о повести Ильи Дмитриевича Сургучева — «Губернатор». О ней Миролюбов писал М. Горькому 17 января

1912 г.: «Завтра или послезавтра Сургучев пришлет исправленное окончание Губернатора. Если его пускать в Сборник, нужно предпослать рассказ более известного писателя». И в письме от 18 января: «Посылаю Вам в исправленном виде и с новым концом Сургучева. Если будем печатать, надо перередактировать перед сдачей в типографию. Конец переделан, но еще бы чуточку, архиерея тогда не нужно». — Переписка М. Горького с Сургучевым 1912—1913 гг. опубликована в сборнике: М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1934, стр. 306—316 и в «Литературно-художественном сборнике „Красной панорамы"», 1928, декабрь, стр. 57.

62

[После 18 января 1912 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Возвращаю Сургучева, эта часть нравится мне больше первой. Первая тетрадь будет ли просматриваться автором?

Хорошо бы все вместе прочитать еще раз. Возвращаю Рубакина.

Всего доброго!

А. Пешков

Письмо на одном листе обычной писчей бумаги в клетку. Текст расположен вверху листа. — Датируется по сопоставлению этого письма с предшествующим.

Возвращаю Рубакина. — А. Рубакин — поэт, сотрудник «Современника».

63

[До 12 января 1912 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич —

посылаю рукопись на две книжки: в первой — 3 главы, во второй — 3.

Вам бы, вместо того, чтобы посылать много телеграмм на разных языках и одинаково неясных — написать подробное письмо о том, что сделано и что делается, а то — ни я, ни Бунин, ни Коцубинский ничего не понимаем.

Журнал или сборник? Как назван журнал? Как составилась редакция? Где?

Ивана Егорова надобно печатать в журнале, конечно, и с первой же книжки, — это даст ей определенный вкус и запах.

М. М. Коцубинский спрашивает: посланы ли вами письма тем лицам, которые указаны им в списке, взятом вами?

Он же просит прислать ему перевод Волховского, дабы посмотреть, как справился переводчик с гуцульскими словами. Это — необходимо. Я прошу подробных сведений о журнале.

Рассказ Арцыб[ашева] передан Пятницкому; я против участия Арц[ыбашева] в сборниках «Знания» — берите его в журнал. Но — и этого не советовал бы: рассказ плох. «Тонкое дуло ружья, в высоких сапогах и полинялой розовой рубахе» — это стыдно. Где происходит действие? В Сибири? Кто эти язычники — бурята? Монгольские племена — не идолопоклонствуют, Кереметь — бог мордовский.

Сургучев отдан Пятницкому.

На мой взгляд его следовало бы сейчас же печатать одного или с Гусевым.

Было бы хорошо, если бы мне прислали деньги.

Будьте здоровы.

А. Пешков

Письмо на одном листе обычной писчей бумаги в клетку. Цифра 2 во фразе «во второй — 2» исправлена синим карандашом на «3», тем же карандашом после слов «монгольские племена» вычеркнуто слово «не язычники». — Датируется на основании содержания ответного письма Миролюбова от 18 января 1912 г.

Посылаю рукопись на две книжки... — Рукопись рассказа М. Горького «Три дня».

... ни я, ни Бунин, ни Коцюбинский ничего не понимаем. — Речь идет о журнале «Заветы». В письме без даты Миролюбов писал М. Горькому: «Когда пришлете рассказ? Бунину сегодня послал 3-ю телеграмму с просьбой прислать рассказ... Из Москвы прислали письмо, чтобы мы решали Журнал или Сборник. Мы ответили „Журнал"».

Ивана Егорова надобно печатать... — «Повесть о днях моей жизни, радостях моих и злоключениях» была напечатана в журнале «Заветы» 1912, №№ 1—4, 6, 8, 9. Автор повести Иван Вольный (псевдоним Ивана Егоровича Владимирова, 1885—1931) познакомился с М. Горьким в 1911 г. в период своего пребывания за границей, куда он бежал из сибирской ссылки в 1910 г. Вспоминая эпизод, связанный с возникновением замысла упоминаемой повести, Иван Вольный писал к Л. Клейнборту: «Как то он [М. Горький] стал расспрашивать о прошлом моем. Послушал и предложил написать это и именно так, как я рассказывал. Я год писал. Когда окончил, принес Горькому. Понравилось. Он выбросил все лишнее, остальное же составило „Повесть о днях моей жизни". Вплоть до отъезда в Россию в 1913 г. Горький возился со мной. Заставлял читать, исправлял рукописи». Письма Ивана Вольного к Горькому 1915—1916 гг., характеризующие их взаимные отношения, опубликованы в сборнике: М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1934. Воспоминания М. Горького о работе И. Вольного над повестью и первых годах его жизни на Капри напечатаны в «Красной нови», 1931, № 5—6, а также в виде предисловия к тому I-му собрания сочинений И. Вольного. М., 1931.

Он же [М. Коцюбинский] *просит прислать ему перевод Волховского...* — В письме от 18 января Миролюбов писал: «Рассказ М. М. [Коцюбинского] послан в Лондон, Волховскому, хотел перевести хотя половину».

Ф. Волховской — переводчик с украинского очерка М. Коцюбинского «Тени забытых предков».

Рассказ Арцыб[ашева] передан Пятницкому... — М. Горький имеет в виду рассказ Арцыбашева «Деревянный чурбан». В рассказе говорится о политическом ссыльном Веригине, который, увидя в густом лесу старика-бурята (вернее обурятившегося поселенца), молившегося перед деревянным божком, выстрелил в божка, за что и был затем убит стариком. Рассказ был напечатан в десятом сборнике «Земля». М., 1912. На стр. четвертой в нем имеется фраза, на которую указывает М. Горький: «Политический ссыльный, студент Веригин, еще очень молодой человек, с сухими и широкими плечами, за которыми торчало тонкое дуло ружья, в высоких сапогах и полинялой розовой рубахе, один шел по лесу, широко шагая, приглядываясь и прислушиваясь ко всему».

Сургучев отдан Пятницкому. — Речь идет о повести И. Сургучева «Губернатор», напечатанной в XXXIX сборнике «Знание».

64

[*В. ЧЕРНОВУ И В. С. МИРОЛЮБОВУ*]

[До 18 января 1912 г.]

Виктор Михайлович, Виктор Сергеевич!

Посылаю Вам копию письма Иванова и копию моего ответа ему.

Об участии Иванова в журнале, Вы сказали мне в последний приезд Ваш на Капри — Вы должны были сделать это раньше, если уже летом списывались с ним по этому поводу.

Его роль в организации журнала для меня неожиданна; с его проповедью я решительно не согласен, его слишком густое подчеркивание мысли о «потенциальном мещанстве социализма» мне кажется подозрительным, во всяком случае — оно несвоевременно и поэтому — бестактно, с точки зрения социально-педагогической. Указание на то, что мысль о «потенциальном мещанстве социализма уразумело только поколение русск[ой] интеллигенции XX века» — не вызывает у меня уважения к мудрости г. Иванова, как историка общественных течений. От сотрудничества с ним отказываюсь, рукопись мою прошу возвратить.

А. Пешков

Письмо — машинописная копия на одном листе почтовой бумаги большого формата. — Датируется на основании ответного письма Р. В. Иванова-Разумника.

Иванов — Разумник Васильевич Иванов-Разумник (р. 1878), либерально-народнический критик и публицист, автор двухтомной «Истории русской общественной мысли», активно «полемизировавший» с марксизмом. М. Горький, очевидно, имеет в виду статью его «Марксистская критика» в книге «Литература и общественность». Том II. Изд. «Прометей», стр. 117, 118, 129, где Иванов-Разумник говорит о «внеклассовости» интеллигенции, ставит вопрос «зачем

жить?» и далее приводит цитату из своей книги «История русской общественной мысли». В письме от 7 января 1912 г. Иванов-Разумник запрашивал М. Горького — «не захотите ли вы образовать новый журнал? Первые шаги в этом направлении уже сделаны мною в Петербурге и Москве». И далее: «Главный вопрос: приемлемо ли для Вас близкое участие в журнале, литературно-критическая часть которого будет продолжением и развитием взглядов моих последних книг — особенно „Литература и общественность" и „Творчество и критика"».

Ответное письмо М. Горького Р. В. Иванову-Разумнику о своем отказе от участия в «Заветах» приводим ниже.

64а

[*Р. ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ*]

[До 18 января 1912 г.]

Разумник Васильевич!

весьма смущен письмом вашим, ибо не понимаю о каком журнале говорите вы?

Дело в том, что тотчас после выхода нашего из «Совр[еменника]», Чернов, Миролюбов и я решили организовать новый журнал, а недели две тому назад Чернов и Миролюбов, приехав на Капри, сообщили мне, что издание — налажено, прошло уже несколько дней, как я отправил свою и других авторов рукописи для первых книжек журнала и я извещен, что одна из рукописей отправлена в типографию.

На днях В[иктор] М[ихайлович] писал мне: «Надеюсь, что несмотря на спешку, в первом же №-е удастся составить и сносный обзор явлений текущей жизни».

Таким образом очевидно, что журнал уже образовался и ваш вопрос «не хочу ли я образовать новый журнал?» естественно повергает меня в недоумение.

Оно тем более велико, что в бытность у меня последний раз Чернов и Миролюбов говорили — предположительно, — о возможности вашего участия в этом, организованном ими журнале, но о том, что они еще с лета вели переговоры с вами и что организатором в России являетесь вы, — я не был ими извещен. Я лично смотрел на этот журнал, как на попытку объединения всех культурных сил нашей разноплеменной страны, а не как на издание партийное, но если литературно-критическая часть его «будет продолжением и развитием ваших взглядов» — он будет партиен и мое сотрудничество в нем является не уместным, с чем и вы, я думаю, легко согласитесь.

Вопрос — «зачем жить» — мною решен, он очевидно решен и всеми живущими, ибо не решив зачем делать то или другое — нельзя ничего делать, в этом случае всякое деяние было бы бессмысленно, а жизнь человечества, как это известно, полна глубочайшего смысла.

Вопроса — «зачем смерть?» — для меня не существует: «благословен закон бренности, вечно обновляющий дни жизни».

Ваш «имманентный субъективизм» мне кажется типичным русским индивидуализмом, а он, на мой взгляд, тем у нас на Руси отвратителен, что лишен внутренней свободы: он никогда не есть результат высокой самооценки своих сил, ясного сознания социальных задач и уважения к себе, как личности — он всегда вынужденное, воспитанное в нас тяжкой историей нашей пассивное желание убежать из общества, в недрах которого русский человек чувствует себя бессильным. Иногда это бессилие заменяется афффектацией, и тогда она восходит до проповеди социального фанатизма, совершенно устраняющего личность и столь же противного, так же пагубного для личности, как наш индивидуализм, восходящий всегда до нигилизма и отрицания общества. Что интеллигенция суть «группа внеклассовая и внесословная» в это я никогда не верил, особенно трудно это принять теперь, после того как интеллигенция, в ряде поколений воспитывавшаяся социалистами, ныне столь легко отбрасывает не только идею социализма, но и обнаруживает крайнюю неустойчивость своих демократических чувств.

Вы скажете — марксист! Да, но марксист не по Марксу, а потому, что так выдублена кожа. Меня марксизму обучал лучше и дольше книг казанский булочник Семенов и русская интеллигенция, которая наиболее поучительна со стороны своей духовной шаткости. Видите, как мы с вами расходимся. В литературных вкусах и оценках тоже непримиримо разойдемся.

Копию этого письма я посылаю Чернову и Миролюбову вместе с просьбой возвратить мне мою рукопись и сотрудником журнала не считать меня. Надеюсь мой отказ работать вместе с вами понятен вам и не обидит вас.

А. Пешков

Письмо-черновик на четырех страницах. После слов «...обновляющий дни жизни» зачеркнуто «„Неповторимая личность" — это то, чего я не понимаю и никогда не видел».

После слов «своей духовной шаткости» зачеркнуто: «пассивности в выводах, своего отношения к демократизму».

«Благословен закон бренности...» — фраза из романа Б. Келлермана «Море» в переводе А. Даманской.

65

[После 30 января 1912 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

О болезни отца предупреждено на стр. 25-й и на 1-й третьей главы, — этого, считаю, достаточно.

Заплатите мне как Бунину. В деньгах — нуждаюсь.

Посылаю рассказ Бялика. В «Сов[ременном] Мире» принят и пойдет его роман. Бялик — харьковский рабочий.

Пришлите рукописи Миловской.

Тренева пускайте в журнал. Пятницкий ко мне не ходит и я не знаю, что он делает с рукописью Сургучева, Иткина, Милицыной. Сия последняя чувствует себя королевой литературы, а муж ее воображает себя министром двора при ней.

Собираю адресса, чтоб сразу пустить несколько экземпляров первой книжки журнала в самую гущу.

Деньги — на Banco Italiano, Неаполь, мое имя.

Всего доброго.

А. Пешков

Письмо на обрывке листа обычной писчей бумаги в клетку. — Датируется на основании содержания письма Миролюбова М. Горькому от 30 января 1912 г.

О болезни отца предупреждено на стр. 25-й... — Речь идет о рассказе М. Горького «Тридня», о котором Миролюбов писал 30 января 1912 г., получив рукопись третьей главы. 2-ю половину тоже надо послать, так как я хочу набрать и готовить вместе на январь и февраль. На февраль материал уже имеется. Но во 2-й половине в самом начале нужно что-то вставить. Вы о болезни отца в первых трех главах ничего не говорите. Вероятно об этом было сказано в тех страницах, которые сокращены. В 4-й же главе Вы прямо начинаете: „Остановился перед открытой дверью в горницу, где лежал больной". Какой больной? А дальше уже разгар болезни („борода свалялась в комья, от тела несло тяжелыми запахами" и т. д.). А время и всего то 3 дня, а тут прошло, повидимому, около суток. Что-то тут сокращено в ущерб ясности рассказа... Если найдете нужным что-нибудь вставить, пришлите поскорее». Эти указания, как видно из письма М. Горь-

кого, не были им приняты во внимание. Рассказ «Три дня» предназначался для журнала «Заветы», первый номер которого должен был выйти в январе 1912 г. О составе первого номера журнала с рассказом М. Горького сообщалось в «Одесских новостях» в № 8625 от 20 января 1912 г. Очевидно, вследствие расхождения с редакцией «Заветов», рассказ «Три дня» был отдан М. Горьким в «Вестник Европы», где он и был напечатан в 1912 г., №№ 4—5.

Посылаю рассказ Бялика. В «Сов[ременном] Мире» принят и пойдет его роман. — Рассказ Бялика за это время в сборниках «Знание», в «Современнике» и «Заветах» не появлялся. Роман его в «Современном мире» также не печатался. В. Л. Львов-Рогачевский, заведующий отделом поэзии в «Современном мире», очевидно, просил М. Горького о содействии Бялику; в одном из писем Львову-Рогачевскому М. Горький писал: «Рассказ Бялика сдан Миролюбову».

Пришлите рукописи Миловской. — Сергей Николаевич Мяловский (1861—1911) печатался под псевдонимом Елеонский. Преследования царского правительства в эпоху реакции заставили его прибегнуть к новому псевдониму: Н. Шиханов. Писал рассказы из жизни русского духовенства. Печатался в «Русском богатстве», «Современном мире», «Современном слове», «Вестнике Европы», «Ниве». Два тома его рассказов были изданы в 1904—1908 гг. издательством «Знание».

...я не знаю, что он делает с рукописью... Милицыной. — Елизавета Митрофановна Милицына — писательница. В годы первой русской революции она ходила по деревням, записывала разговоры, мнения крестьян и записанное использовала как черновой материал, имеющий этнографический и вместе с тем политический характер. За этнографические достоинства ее произведения «В деревне» Академия Наук выдала ей конкурсную премию. Первый сборник рассказов Е. Милицыной был напечатан в издании Скирмунта, в 1908 г. В 1910 г. т-во «Знание» выпустило два тома ее сочинений. В XXXII сборнике «Знание» был напечатан ее рассказ «В ожидании приговора». Присланная ею для следующих сборников рукопись рассказа «Разгром» оказалась неприемлемой по цензурным условиям и была возвращена для переделки. Сотрудничала также в «Современнике». По поводу издания сочинений Е. Милицыной М. Горький в письме 1910 г. подробно изложил свои соображения о достоинствах ее произведений, их значении и необходимости их исправления: «Ваши рассказы я своевременно читал уже; ныне, перечтя их все вместе, я, мне кажется, имею право видеть в лице вашем серьезного сотрудника и ценную силу — умного и стойкого борца за возрождение нашей страны... Имейте в виду, что книжка ваша будет встречена враждебно известной частью критики и постарайтесь, по возможности, выдержать общий тон всей книги, исправив все погрешности, кои заметите...» (см. „Литературная страница" в газете «Воронежская коммуна». 1928, № 12, 14 апреля). Упоминая в письме о рукописи Милицыной, М. Горький, очевидно, имел в виду ее произведение «В деревне». Об этой рукописи Миролюбову писал из Петербурга 10 января 1912 г. заведующий конторой «Знания» С. Боголюбов: «Сегодня муж г. Милицыной отослал Вам бандеролью ее новую вещь „В деревне". Он очень просил похлопотать перед Вами, чтобы поскорее просмотрели это произведение и сейчас же вернули, т. к. оно предназначается к конкурсу: надо набрать и представить не позже 29 янв., — следовательно, надо спешить. Результаты просмотра Вы найдите возможным поскорее сообщить Ал[ексею] М[аксимовичу] или К[онстантину] П[етровичу], если последний (к величайшему огорчению!) еще не выбрался с Капри. Окончательное решение по делу Милицыной, надеюсь сообщите мне коротенькою телеграммой — можно упомянуть об этом на Капри, откуда и буду писать. Подробности изложены в письмах господина Милицына к А. М. и к Вам». Хлопоты мужа Милицыной о ее литературных делах, очевидно, и вызвали иронию со стороны М. Горького.

Собираю адресса.., — Речь идет о рассылке первой книги журнала «Заветы».

66

[До 3 марта 1912 г.]

Вы помните, В[иктор] С[ергеевич], что взяли у меня на 3 дня 50 фр[анков] я занял эти деньги у Коцубинского, ему надобно отдать их, а у меня нет.

Скажите, пожалуйста, В. М. Чернову, чтобы он возвратил мне взятые книги и нет ли у вас книжки Иванова Разумника «О смысле жизни».

Вы обещали также похлопотать, чтобы мне были высланы деньги за повесть, — позвольте напомнить об этом.

Ваш *А. Пешков*

Письмо на одном листе писчей бумаги в клетку. — На письме приписка Миролюбова о том, что М. Горький и К. Пятницкий были должны ему за работу в «Знании» и что он брал деньги на выезд с Капри в Россию.

67

[Март 1912 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Посылаю рассказ; большой не успел окончить.

Взятые мною у М. М. Коцубиньского деньги для вас, вы отдали непосредственно ему, — надобно было сказать мне об этом.

Сообщите, когда — приблизительно — выйдет первая книга?

Желаю всего хорошего.

[*А. Пешков*]

Письмо на обрывке бумаги в клетку. — Датируется на основании содержания ответного письма Миролюбова.

Посылаю рассказ... Рассказ Горького «Рождение человека (Из воспоминаний „проходящего")», напечатанный в журнале «Заветы», 1912, № 1, апрель. 21 марта, по поводу того же произведения Миролюбов ответил М. Горькому: «Рассказ получил, прочел и сижу над ним со слезами на глазах».

Сообщите, когда — приблизительно — выйдет первая книга? — В том же письме от 12/25 января 1912 г. Миролюбов на этот вопрос отвечал: «С разрешением опоздали. Едва нашли редактора [П. П. Инфантьева]. Название „Завет". У нас такого не было названия, — сам придумал. Журнал будет сначала издаваться в Москве, а затем переведут в Петербург».

68

[Март 1912 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Посылаю письмо Прапорщикова, стихи Яшнова. Брусянин очень ждет ответа, — что вы скажете ему?

Когда выходит первая книжка? Какие новости в этом деле?

Как относитесь вы к «Почину» и докладу Слетова?

Все сие весьма надо бы знать мне. — Будьте здоровы!

А. Пешков

Письмо на обрывке бумаги в клетку. — Датируется на основании отзыва Миролюбова о произведении Прапорщикова.

Посылаю письмо Прапорщикова... — В Архиве М. Горького имеется письмо Павла Михайловича Прапорщикова из Саратова от 28 декабря 1912 г. о посылке М. Горькому «небольшой драмы». Автор упоминает, что раньше послал рассказ «Батрак», но он был забракован Миролюбовым. В письме от 5 мая 1912 г. Миролюбов писал М. Горькому: «Прапорщиков плох и водянист».

Брусянин, Василий Васильевич (1867—1919). К 1912 г. вышел ряд его книг: несколько сборников рассказов, романы «Темный лик», «Молодежь», повесть «Христовы братья» и др. М. Горький был знаком с В. В. Брусяниным по совместному сотрудничеству в журнале «Жизнь» в 1898—1901 гг.

«Почин» — журнал «социалистов-революционеров» под редакцией Н. Авксентьева, И. Бунакова, В. Воронова и С. Нечетного. Вышел всего один номер в июне 1912 г. в Париже. Об этом журнале писал М. Горькому В. И. Ленин, — см. письмо его к М. Горькому от 1 августа 1912 г. из Кракова (Письма Ленина Горькому. Партиздат. М., 1939, стр. 39).

69

[После 20 марта 1912 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич —

адресс Михаила Павловича

Paris 2, Square Delambre

Циперовичу пишите на «Совр[еменный] Мир». Базаров — кажется — еще сидит в Крестах; ему можно писать на Циперовича же и это лучше, ибо по всякому другому адрессу письмо попадет в охранку.

К[онстантин] П[етрович] еще не уехал.

В самоиздательском сборнике превосходен Ценский. Шмелев — портится, Толстой — торопится. Сборник вывезут м[ожет] б[ыть] Ценский с Буниным. Вересаев — смешон с своим переводом из Гомера, а Брюсова напечатали зря, ни к селу ни к городу.

Пришлите же мне книги взятые В[иктором] М[ихайловичем]

Обратил бы В[иктор] М[ихайлович] внимание на «Народную семью» — что становится все интересней и бойчей. Чорт знает что пишут в копеечной прессе вроде «Утренней звезды», «Доли бедняка» и т. п.!

Всего доброго!

А. Пешков

Письмо на одном листе писчей бумаги в клетку. — Датируется на основании письма Миролюбова к М. Горькому от 20 марта 1912 г. с просьбой сообщить адреса Базарова, Павловича и Циперовича.

Адресс Михаила Павловича... — М. П. Павлович — литературный псевдоним М. Л. Вельтмана (1871—1929), литератора, социал-демократа меньшевика, после 1917 г. — коммуниста. За принадлежность к социал-демократической партии Вельтман отбывал тюремное заключение и ссылку, в 1910-х годах находился в эмиграции в Париже, был привлечен к сотрудничеству в «Современнике». Письма М. Горького к М. Павловичу см. в журнале «Новый Восток», 1927, № 20—21, стр. XXIII—XXIV (три письма) и в «Известиях», 1926, № 8, 19 января, стр. 3 (одно письмо).

Циперовичу пишите на «Совр[еменный] Мир». — Григорий Владимирович Циперович (1871—1932) — литератор-публицист, экономист, автор книги «За полярным кругом. 10 лет ссылки в Колымске», сотрудник «Современного мира», приглашался к сотрудничеству в «Современнике».

Базаров — псевдоним Владимира Александровича Руднева (р. 1874), член РСДРП; первоначально примыкал к большевикам, но в годы реакции отошел к меньшевизму.

К[онстантин] П[етрович] еще не уехал. — К. П. Пятницкий, который должен был выехать в Россию.

В самоиздательском сборнике... — М. Горький отзывается о незадолго перед этим вышедшем сборнике: «Издательское т-во писателей». Сборник первый, Пб., 1912. Содержание его следующее: Ив. Бунин — «Ночной разговор», С. Сергеев-Ценский — «Медвежонок», А. Н. Толстой — «Хромой барин» (роман), Ив. Шмелев — «Пугливая тишина», В. Брюсов — «Призраки»; стихи: В. Вересаев — «Из Гомеровых гимнов», «К пану» и «Из Алкея и Сапфо», А. Федоров — «Бетховен».

В[иктор] М[ихайлович] — Чернов.

«Народная семья». — Журнал «Народная семья» выходил с 1911 г. как двухнедельный иллюстрированно-литературный журнал «народной демократии». В журнале принимали участие «многие лучшие русские писатели из народа», он предназначался «для чтения в семье простонародья и среднего класса». Издателем «Народной семьи» являлся Е. П. Красичков, временным редактором — П. П. Филимонов. В состав сотрудников входили: Н. Афанасьев, С. Ганьшин, Г. Завражный, С. Кошкаров, М. Сивачев, Н. Телешов и др. В журнале печатались художественные произведения из быта народа, статьи по истории рабочего класса за границей, популярно-научные статьи. Задачи журнала были сформированы в редакционной вступительной статье в первом номере журнала. Они состояли в том, чтобы «будить народное самосознание, вызывать к жизни потенциальные силы народа, сокрытые в глубине великой, необъятной Руси, — это с одной стороны; с другой — ...найти точки соприкосновения интеллигенции с народом, соединить эти два диаметрально-противоположных мира...» В «Народной семье», 1911, № 2—3 была напечатана статья Н. Афанасьева об очерке М. Горького «Писатель» — о Н. Каронине-Петропавловском.

«*Утренняя звезда*» — настоящее название «Звезда утренняя», журнал, предназначенный, по заявлению редакции, для широкого читателя, «но трудящемуся классу людей будет уделяться особое внимание, для чего в состав сотрудников приглашены видные народные писатели». Видным сотрудником этого журнала являлся рабочий поэт Ф. Шкулев. Редактором-издателем был А. Логинов. Выходил в 1912 г.

«*Доля бедняка*» — «политическая, общественная и литературная народная газета», — таков заголовок этой еженедельной газеты, выходившей с 1909 по 1911 г. Цель газеты, по заявлению редакции, состояла в том, чтобы «освещать жизнь бедняков, отражать их желания, защищать их интересы, приходить им в помощь словом и, по возможности, делом». На деле эта установка приводила к беспринципности направления, к защите, например, кулака по вопросу об отрубной земельной системе. Сотрудниками ее являлись члены «Московского товарищеского кружка писателей из народа», биографии которых печатались в этой газете из номера в номер. Редактором-издателем ее был П. Травин.

70

[До апреля 1912 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Рукописей анонимных авторов я не стану читать. Конспирации вашей — не понимаю, и, простите, нахожу ее не уместной.

Рукопись возвращаю.

А. Пешков

Пришлите пожалуйста рассказ Иткина с вашим мнением: можно ли его печатать в Сборнике?

Письмо на одном листе обычной писчей бумаги в клетку. В правом углу листа приписка рукою Миролюбова: «О рукописи Ропшина „То, чего не было", была без подписи». — Датируется на основании выхода в свет первого номера журнала «Заветы» (апрель, 1912), в котором начался печатанием этот роман.

71

[До апреля 1912 г.]

Я думаю, Виктор Сергеевич, что повесть печатать надо и что я могу выйти из журнала после; конечно — без шума, без объявлений об этом.

Прилагаю рассказ Лаптева, — обратите внимание, это первый рассказ его. Адресс автора:

Лысково, почт. стан. Нижегородской г.

в г. Макарьев

А. Н. Лаптеву.

В происшедшем инциденте косвенно виноваты и вы, сударь; вашей конспирацией, — вроде скрывания Ропшина, — вы заставляете меня настраиваться недоверчиво.

В журнале следовало бы со второй же книжки открыть отдел «Деревня», — его можно составлять на основании данных провинциальной прессы.

Пожалуйста пошлите журнал по адрессу:

Тетюши, Казанской губер.

Село Большое Фролово,

крестьянину Ивану Егорову

Лаврентьеву.

Непременно пошлите.

Грушевскому-то не писали еще? Сочиняю статью о самоубийцах, скоро кончу.

Извиняюсь пред вами в подозрениях моих вами же вызванных и желаю всего хорошего.

Посылаю еще отзыв Токаржевского о Достоевском.

А. Пешков

Письмо на одном листе писчей бумаги. — Датируется по упоминанию М. Горького о решении выйти из «Заветов».

...повесть печатать надо... — Речь идет о рассказе М. Горького «Рождение человека».

Прилагаю рассказ Лаптева... — Рассказ Александра Николаевича Лаптева ни в «Современнике», ни в «Заветах» не печатался. А. Н. Лаптев — молодой писатель, которому М. Горький всячески помогал выйти на литературную дорогу. Сохранилась переписка А. Лаптева с М. Горьким 1909—1912 гг., свидетельствующая об этой помощи. Из этих писем видно, что рассказ, присланный Лаптевым, назывался «Васенька Боронин»; он был прислан М. Горькому 5 декабря 1911 г. и автор по скромности своей не решался просить у М. Горького отзыва о своем творчестве. Вместо него М. Горькому прислал письмо приятель Лаптева — Федор Сошников с просьбой дать «подробный анализ рассказа». Следующее письмо к М. Горькому (без даты) писал уже сам Лаптев: «Вы пишете мне, что рассказ мой „Васенька Боронин" Вам удастся пристроить в какой-либо журнал, — это меня радует. Моя настоящая фамилия — А. Лаптев». Далее автор сообщает сведения о себе: «родился в 1890 году, уроженец г. Макарьевска, окончил 3-х классное городское училище, экстерном держал экзамен за 5 классов реального училища, служил в комиссионной конторе по продаже зернового хлеба в Самаре, затем в Сызрани на пристани». Отвечая на вопрос М. Горького — какие ему нужны книги, он дал перечень книг по беллетристике. «Большое вам спасибо за то, что с такой теплотой чувства вы отнеслись ко мне. По возможности буду стараться применять ваши советы на деле».

В следующем письме без даты А. Лаптев писал, что им получены книги от М. Горького, что он много читает: «Работаю с посильным напряжением, чувствую как сладко кружится голова от какого-то опьянения; раньше этого у меня в душе не было, а вот вы поощрили и — совсем другое дело». Далее, в письме от 20 марта 1912 г. А. Лаптев благодарил за присланную ему М. Горьким статью «О современности» и сообщал: «В. С. Миролюбов мой

рассказ возвратил мне, пишет, что для „Сборников" он не годится... советует послать куда-нибудь в небольшой журнал». 16 июля 1912 г. он сообщал М. Горькому о своих трехмесячных скитаниях по волжским городам и пристаням, а в письме от 25 августа того же года писал, что по приглашению писателя «думает кинуться на далекий остров Капри».

В сборнике: М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1934, стр. 284—285, напечатано письмо М. Горького А. Лаптеву (с опиской: «Лапшеву»); выдержки из писем М. Горького приведены в «Горьковской коммуне», 1938, № 260, 12 ноября.

Пожалуйста, пошлите журнал... крестьянину Ивану Егоровичу Лаврентьеву. — И. Е. Лаврентьев — крестьянский писатель-очеркист. Письма его к М. Горькому опубликованы в сборнике: М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1934, стр. 404—414.

Грушевскому-то не писали еще? — Михаил Сергеевич Грушевский (1866—1934), украинский историк и историк литературы; речь идет о приглашении Грушевского к сотрудничеству в «Заветах».

Сочиняю статью о самоубийцах... — В пятой статье серии «Издалека», написанной на тему об отношении к жизни и смерти, М. Горький анализировал ответы Л. Андреева, М. Арцыбашева, И. Репина, А. Куприна, Ф. Сологуба и М. Кузмина, присланные в редакцию «Биржевых ведомостей» на анкету об отношении к самоубийству. Статья была напечатана в журнале «Запросы жизни», 1912, № 27, 6 июня, столб. 1569—1580; см. также в книге М. Горького «Статьи. (1905—1916)», изд. «Парус», Пгр., 1916, стр. 147—159; изд. 2-е, стр. 138—149.

Посылаю еще отзыв Токаржевского о Достоевском. — В журналах, редактируемых Миролюбовым, этот отзыв не был напечатан.

Токаржевский, Симон (ум. 1890), польский революционер. Был в ссылке одновременно с Ф. М. Достоевским. Перевод воспоминаний Токаржевского, опубликованных в «Gazeta Polska» в 1907 г., был сделан А. Золотаревым. Перевод был послан М. Горьким также в редакцию «Современного мира». По поводу рукописи В. Львов-Рогачевский сообщал М. Горькому: «Перевод о Достоевском не пойдет. Кранихфельд говорит, что автор... слишком пристрастен. Я не читал».

72

[Конец апреля 1912 г.]

Дорогой В[иктор] С[ергеевич]!

Посылаю адресс для «Сибир[ской] Жизни», пошлите им скорей.

Стихи Блока переданы Пятницкому он их и вернет вам. Мне они показались пустыми. У Яшнова, не смотря на «плечи Ра» были стихи интересней. «Детский — немецкий» тоже не ахти как остроумно, умалчивая о том, что «немецкий» — неверно, а «сахарные ножки» — совсем уж ерунда.

Рукопись Туркина у Пят[ницкого]. Я согласен с вами и прошу его послать рукопись вам.

Несмотря на неоднократные мои просьбы Чернов не возвратил мне книги взятые у меня. Это — странно. Мне особенно нужна книга Разумника «О смысле жизни». Похлопочите. Столь курьезное отношение отбивает охоту давать книги.

Всего доброго

А. Пешков

Письмо на одном листе обычной писчей бумаги в клетку. — Датируется на основании писем Миролюбова и Пятницкого о стихах А. Блока.

Посылаю адресс для «Сибирской Жизни»... — Адрес для рассылки первого номера журнала «Заветы».

Стихи Блока переданы Пятницкому он их и вернет вам. Мне они показались пустыми. — Миролюбов писал М. Горькому 23 апреля 1912 г.: «Посылаю Вам четыре стихотворения Блока. Выберите два или три из них для 40-го Сборника, а два верните мне для „Заветов", чтобы я успел послать их во 2-ю книжку». 26 апреля по этому же вопросу писал М. Горькому и К. Пятницкий: «Вполне согласен с Вашим приговором относительно четырех стихотворений Блока, присланных Миролюбовым. Они не для „Знания"... Прилагаю Блока и письмо Миролюбова». Стихотворения А. Блока не были приняты «Знанием», но в «Заветах» 1912, № 2 было помещено одно из них — «Сусальный ангел», отклоненное М. Горьким. Вот два четверостишия, на которые он ссылается:

А няня топит печку в детской,
Огонь трещит, горит светло...
Но ангел тает. Он — немецкий.
Ему не больно и тепло.

Сначала тают крылья крошки,
Головка падает назад,
Сломались сахарные ножки
И в сладкой лужице лежат!!

Яшнов — Евгений Яшнов, автор книг «В каменном городе» (Пб., 1906), «Голоса молодости» (Пб., 1907) и др. Стихи Яшнова в сборниках «Знание» и «Современнике» не появлялись.

Рукопись Туркина у Пятницкого. — Александр Гаврилович Туркин (1870—1918), — псевдоним Гаврилыч, — уральский писатель. В издании «Русского богатства» вышло два сборника его рассказов: «Уральские миниатюры» (1902) и «Степное» (1914). А. Туркин переписывался с М. Горьким. В письме речь идет о повести А. Туркина — «Разбудила земля», присланной для сборников «Знание» и возвращенной автору. В письме от 23 апреля Миролюбов писал М. Горькому: «Полагаю, что повести Туркина не место в Сборнике. Просил бы прислать мне ее, — я ее перечитаю и может быть мы ее возьмем для журнала». 22 августа Миролюбов снова писал М. Горькому: «Прилагаю письмо Туркина, у которого дела денежные — хуже нельзя. Нужно или толкнуть печатание его в Сборнике или прислать мне; мож[ет] быть мы его возьмем в Журнал».

...книга Разумника — Р. Иванов-Разумник. О смысле жизни. Изд. 2-е. Пб., 1910.

73

[Апрель—май 1912 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Посылаю рукопись Вранова, обратите внимание на рассказы Джанета, Артист и Ремесло нищих. Мне кажется в журнал их можно бы пустить мелким шрифтом, как «очерки русско-парижской жизни» — два последних.

Вместе с Сургучевым идет мой «Случай из жизни Макара», — вы уже, вероятно, получили корректуру этого рассказа из Питера, или получите. Сказано, чтоб вам выслали, ибо рассказ я послал туда в черновике, в виду спешности.

В. С. Миролюбов.

БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

Дайте возможно скорее ответ о стихах Яшнова.

Будьте здоровы.

А. Пешков

Письмо на одном листе писчей бумаги в клетку. — Датируется по сопоставлению с письмами К. Пятницкого Миролюбову от 7 апреля и Миролюбова к М. Горькому от 3 мая.

...рукопись Вранова... — *рассказы Джанета, Артист и Ремесло нищих.* — Перечисленные рассказы Вранова ни в сборниках «Знание», ни в «Современнике», ни в «Заветах» не были напечатаны. «Вранов для журнала зелен» — отвечал Миролюбов М. Горькому в письме от 3 мая.

Вместе с Сургучевым идет мой «Случай из жизни Макара»... — «Случай из жизни Макара» М. Горького был напечатан в XXXIX книге «Знание» за 1912 г. Там же напечатана повесть И. Сургучева — «Губернатор». О составе XXXIX сборника Миролюбову сообщал также и К. Пятницкий в письме с Капри от 7 апреля 1912 г.: «Из конторы пишут мне, что в мае необходимо выпустить XXXIX сборник. Состав его определился сам собою. Нельзя медлить с „Губернатором" Сургучева. Он займет не менее 20 листов. Дробить нельзя. Значит, места останется мало. Ал. Максимыч дал для этого сборника „Случай из жизни Макара". Он отправил его прямо в контору. Я писал, чтобы выслали Вам в наборе. Это — вещь интересная и значительная. Сборник выходит объемистым. Можно прибавить только несколько стихотворений... Потому я и писал, что Блок необходим. Надеюсь на-днях получить его».

Дайте возможно скорее ответ о стихах Яшнова. — 3 мая Миролюбов сообщал М. Горькому о возвращении стихотворений Яшнова.

74

[До 3 мая 1912 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Брусянин относится ко мне не совсем дружелюбно и может подумать, что его роман не принят вами для журнала вследствие каких-либо моих «влияний».

Во избежание этого я просил бы вас написать ему ваше личное мнение о романе, адресс прилагаю. Сделав это, вы очень обяжете меня.

Пьеса Гарина — слишком злободневна и трафаретна. Написана — плохо: ни одной яркой сцены и ни одного живого лица. Чем больше пишет этот человек, тем меньше становится интерес к нему.

Я попрошу вас также написать Шолом-Ашу о его пьесе; что она не годится для сборников я уже сказал ему, он просил меня передать рукопись вам для журнала. Возвращаю вам его рукопись, пошлите ее по адрессу Екатерины Павловны

7, avenue de le Demi-Lune
Fontenay, aux Roses
près Paris.

Что у Шиповника расстроилось с журналом — это хорошо для «Заветов» да — полагаю — и для публики. Мне кажется что Разумник Васильевич в «Заветах» — выигрыш делу.

Всего доброго.

А. Пешков

Письмо на листе обычной писчей бумаги в клетку. — Датируется на основании содержания письма Миролюбова к М. Горькому от 3 мая 1912 г.

...я просил бы вас написать ему [Брусянину] *ваше личное мнение...* — В письме от 3 мая Миролюбов сообщал: «Посылаю Брусянина... Брусянин не умеет писать романов, а намерения благие».

Пьеса Гарина слишком злободневна и трафаретна. Ни одной пьесы С. Гарина (Сергея Александровича Гарфильда, р. 1873) этих лет не было напечатано в журналах, редактируемых Миролюбовым. Можно предполагать, что речь идет о пьесе Гарина «Провокатор. (Драма в 5 действиях из последних португальских событий)», написанной в 1912 г., запрещенной к постановке цензурой и хранящейся в театральной библиотеке им. Луначарского в Ленинграде.

Что у Шиповника расстроилось с журналом — это хорошо для «Заветов»... — В одном из недатированных писем к М. Горькому Миролюбов сообщал ему о том, что с Разумником соединился «Шиповник» и даст ему деньги.

[Май — июнь 1912 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Здесь один из администраторов Художественного театра, — было бы очень хорошо, если б вы немедля прислали пьесу Тренева, чтоб я мог прочитать ее этому лицу. Пошлите рукопись экспрессом, прошу Вас!

Всего лучшего!

Кланяюсь.

А. Пешков

Письмо на одном листе писчей бумаги в клетку. — Датируется по содержанию письма.

Пошлите рукопись экспрессом, прошу Вас! — Речь идет о пьесе К. А. Тренева «Дорогины», в трех действиях, напечатанной затем в журнале «Заветы», 1912, № 3. Первоначальное название пьесы — «Отчего порвались струны».

76

[Май — июнь 1912 г.]

Дорогой Виктор Сергеевич!

Возвращаю рукопись Тренева. Читал, слушателям не понравилась, не увидали — кроме Пистоненки и Багрецова, — ни одного

живого лица, нашли всю пьесу подражательной. О постановке в театре, нечего и думать, говорят.

Очень огорчен, но — со многими указаниями критиков был вынужден согласиться.

Всего доброго

А. Пешков

Письмо на одном листе писчей бумаги в клетку. — Датируется по сопоставлению с предыдущим письмом.

77

8 VI [19]12.

Да, Виктор Сергеевич, мне очень неприятно было видеть роман Ропшина в первой же книжке, я считаю, что сделав это, вы нарушили данное мне обещание.

Мне кажется, что нарушено также и еще одно «обещание» — не привлечены к сотрудничеству иноплеменные литераторы, о чем говорилось и с необходимостью чего вы были согласны. Эти нарушения дают мне право считать и себя свободным от обещания сотрудничать в «Заветах».

Адресс Артемьева — на первой странице рукописи его.

Всего доброго.

А. Пешков

Письмо на одном листе писчей бумаги в клетку.

В Архиве М. Горького сохранился черновик письма, в котором после слов «данное мне обещание» были еще две фразы: «„Давши слово — держись". Извинения — в данном случае — не помогут, мне ничего не извиняют». Последняя фраза в черновике зачеркнута.

...мне очень неприятно было видеть роман Ропшина... Ропшин (псевдоним Бориса Викторовича Савинкова, 1879—1925) — один из эсеровских лидеров, впоследствии активный враг советской власти. Его контрреволюционно-декадентский роман — «То — чего не было» печатался в «Заветах», 1912. По поводу напечатания романа Ропшина в первой книге «Заветов» Миролюбов писал М. Горькому 6 июня 1912 г.: «Что Вы ничего не напишете о книжке? Сердитесь за Ропшина? Прошу у Вас извинения, что пришлось отойти от первого решения — начать роман со 2-й книжки. Настаивал на этом Питер. Все хвалят Ваш рассказ. Многие бранят за Ропшина». В письме от 12 июня Миролюбов снова оправдывался перед М. Горьким: «Я не предполагал, что помещение Ропшина не со 2-й кн., с 1-й доставит Вам такое неудовольствие... Очень прошу Вас помогать нашему делу, не отходить от него в сторону...» См. также стр. 79 настоящей книги.

Адресс Артемьева — на первой странице рукописи его. — Об Артемьеве см. письма №№ 80 и 80а.

78

[До 4 сентября 1912 г.]

На мой взгляд — пьеса малограмотна, написана небрежно, а монолог Парсиваля — курьез.

А. Пешков

Записка на обрывке листа из блокнота.

...*пьеса малограмотна*... — Так отзывается М. Горький о пьесе Сергея Гарина «Рыцарь бедный. Легенда в четырех действиях с прологом». К представлению пьеса была дозволена 4 сентября 1912 г. Эта дата принималась нами во внимание для определения даты записки. Сюжет пьесы заимствован из легенды о чаше св. Грааля.

79

[До 22 октября 1912 г.]

Виктор Сергеевич!

Эта рукопись прислана для «Заветов». Автор уже печатался: во втором альманахе «Жатва» помещена ее повесть «Хризантемы».

Адресс:

Москва, угол Садовой и Землянки, дом Смирнова,
кв. 29.

Фанни Григорьевне
Ласковой.

Всего доброго!

А. Пешков

Если рукопись вам не подойдет — возвратите ее мне.

Письмо на обрывке листа обычной писчей бумаги в клетку. — Датируется на основании сообщения Миролюбовым отзыва о рассказе Ласковой.

...*Фанни Григорьевне Ласковой.* — Произведения Ф. Ласковой в журнале «Заветы» не печатались. В «Современнике», 1913, № 6 был напечатан ее рассказ «Лицом к лицу», позднее она была привлечена к сотрудничеству в журнале «Летопись». О письмах Ласковой к М. Горькому, о помощи его Ласковой, как начинающей писательнице, см. сборник: М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1934, стр. 361—362.

80

[25 октября 1912 г.]

Виктор Сергеевич — посылаю роман Артемьева, он автор двух книг: «Стены» — первоначально печаталось в «Рус[ском] Бог[атстве]» и «Архаровцы» — книга встреченная критикою довольно благосклонно, хотя и была обругана за резкое предисловие.

А. Пешков

Письмо на обрывке листа писчей бумаги в клетку. — Датируется по содержанию письма М. Горького об Артемьеве.

О напечатании романа Вячеслава Артемьева (Вячеслав Константинович Лисенко, р. 1873) М. Горький просил также писателя В. А. Тихонова, редактора журнала «Кругозор». Приводим ниже письмо М. Горького к нему.

Предисловие Артемьева к роману («Архаровцы и другие рассказы». Харьков, 1911) было направлено против редакторов журналов, не читавших рукописи молодых авторов или же небрежно относившихся к ним. В качестве примера в статье назывались имена А. Куприна и В. Брюсова. «В литературе настоящего времени (нужно это, наконец, сказать открыто) царствуют кружковщина и протекция», — писал Артемьев.

80а

[*В. А. ТИХОНОВУ*]

7.XI.912

Дорогой Владимир Алексеевич!

Очень может быть, что к январю я успею прислать вам что-либо, а пока, — исполняя просьбу автора, — посылаю роман.

Автор — это тот Вячеслав Артемьев, который выпустил уже две книги «Стены» и «Архаровцы», одну из них — со свирепым предисловием — по адрессу редакторов и литераторов.

Он — офицер, человек не без таланта, его «Архаровцы» вызвали ряд одобрительных рецензий.

Если вам рукопись не понравится — возвратите ее по адрессу автора, данному на первой странице.

Успеха и успеха начинанию вашему!

А. Пешков

Письмо на одном листе писчей бумаги.

Успеха и успеха начинанию вашему! — М. Горький желает успеха журналу «Кругозор». Произведений М. Горького в этом журнале не появилось. Об этом см. в сборнике: М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1934, стр. 316.

81

[До 7 ноября 1912 г.]

Виктор Сергеевич,

письмо Туркина я переслал Пятницкому, он и возвратит вам это письмо.

Вы просите у меня рассказ, — вы, очевидно, забыли, что я известил вас о том, что сотрудничать в «Заветах» не стану.

Чернов тоже спрашивал меня — в Аляссии — когда я пришлю рукопись, — значит вы не сообщали ему о моем отказе? Это напрасно.

Желаю всего хорошего.

А. Пешков

Дня два тому назад выслал вам рукопись Тренева — получили?

Посылаю рукопись Шеих-Гассана, это бывший сотрудник «Нашей жизни», издатель журнала «Друг народа», человек много работавший в русской журналистике. Может быть он вам будет полезен как корреспондент из Турции, из Персии.

Письмо на одном листе писчей бумаги в клетку. — Датируется по содержанию ответного письма Миролюбова.

...сотрудничать в «Заветах» не стану. — В ответ на это письмо Миролюбов писал М. Горькому 7 ноября 1912 г.: «Письмо Ваше доставило мне большое огорчение. Я считаю это недоразумением. Оно пройдет».

Дня два тому назад выслал вам рукопись Тренева — получили? — Речь идет об очерке К. Тренева «На ярмарке». Об этой рукописи Миролюбов писал два раза. 30 января 1912 г. он запрашивал М. Горького: «Напишите Вы мне отдать ли „Ярмарку" Тренева в журнал или пойдет она с Гусевым в Сборник. Если не пойдет с Гусевым, надо ее пустить сейчас же в журнал, а то мы его истомим». 22 октября он сообщал: «„Ярмарку" я все не пускал, боясь как бы не придралась цензура. Теперь в Октябре пускаем „Владыку", а „Ярмарку" Тренев просит пристроить в Сборник. Если найдется место для „Ярмарки" — напишите, пришлю. Он ее сильно выправил. Рассказ хороший и в Сборник пройдет». И, наконец, на сообщение в данном письме М. Горького, что рукопись выслана, Миролюбов ответил 7 ноября: «Рукопись Тренева у меня в 2-х экз. Пускаю ее осенью. Как Вы ее нашли?» Об этой же рукописи К. Тренева писал и К. Пятницкий к Миролюбову: «Рукопись Тренева „На ярмарке" отправлена автору. Рассказ мне положительно нравится. Он свидетельствует о наблюдательности автора. От него веет свежестью, есть юмор. Особенно хорош дед Терешко, который всем доволен и которому хочется рассказать всей ярмарке, как его били... Из-за одной этой фигуры я взял бы рассказ. Язык, конечно, плох, небрежен, особенно в описаниях. С этой стороны автор должен переработать рукопись. Но соответственные указания уже даны А. Максимычем». Рукопись, как видим, около года, если не более, находилась в портфеле редакции „Знания" и побывала в руках всех трех редакторов. Конкретные указания и развернутую рецензию на это произведение дал М. Горький в письме, опубликованном в статье К. Тренева «Великий учитель» (Молодая гвардия, 1936, № 8, стр. 129—130).

82

15 IX [19]28. М.

Дорогой Виктор Сергеевич —

завтра же начну хлопотать о редакторской работе для Вас в Госиздате по русской литературе.

Надеюсь — удастся.

Крепко жму руку.

А. Пешков

Письмо на одном листе почтовой бумаги большого формата в клетку.

Это письмо является последним в переписке М. Горького с В. С. Миролюбовым. Оно было обнаружено в бумагах Миролюбова после его смерти 26 октября 1939 г.

В. ГОЛУБЕВ

К ПЕРЕПИСКЕ М. ГОРЬКОГО с С. А. ВЕНГЕРОВЫМ

В 1897 г. литературовед, критик и библиограф Семен Афанасьевич Венгеров (1855—1920) обратился к М. Горькому с просьбой прислать автобиографию. М. Горький прислал на двух листах жизнеописание, написанное рукой Е. П. Пешковой и подписанное им самим. Позднее, в 1912 г., выпуская I том «Русской литературы XX века», куда вошла биография М. Горького, Венгеров вновь просил М. Горького сообщить ему дополнительные сведения о литературной деятельности. М. Горький ответил отказом. Он писал: «Не думаю, чтобы это было интересно, да и неловко говорить о себе в то время, когда и так уж современное писательское „я“ раздулось в литературе нашей серою тучей и совершенно закрывает и социальные горизонты, и бытовой пейзаж».

Отказ М. Горького писать о своих «переживаниях» именно с такой мотивировкой будет совершенно понятен, если мы вспомним, что 1912 г. был годом не только подъема революционного движения рабочего класса, но и временем, когда значительная часть литераторов, напуганная разгромом революции 1905 г. и реакцией 1907—1910 гг., сгруппировалась вокруг меньшевистско-эсеровских и кадетских журналов и переживала полосу политико-морального разложения. Она включилась в поток оголтелой реакции, выступившей под знаменем национализма и индивидуализма. Несколько позднее М. Горький писал об этом Г. В. Плеханову: «Резко и очень к лучшему изменился тип рабочего, — с каким напряжением учатся люди, как стойко выносят „неудобства русской жизни“. Даже судебный следователь и тот сказал мне: „Огромнейшую работу совершает на Руси пролетариат, и духовный рост его просто — сказочен“. Вообще — в этой области — все радует их удивляет. А вот — в литературе, в журналистике — творится нечто отчаянное, идет процесс духовного разложения, растет и цинизм, и все какие-то полумертвые».[1] Именно этот «процесс духовного разложения» имел в виду М. Горький, когда отказывался писать о своих личных переживаниях.

---

[1] Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сборник VI. Гос. Соц.-эк. изд. М., 1938, стр. 406.

Венгеров стоял в стороне от этого процесса, хотя знал и видел его. Как литератор он сложился в 70-е и 80-е годы. Ему был свойственен жизнеутверждающий демократизм революционных разночинцев, но до последних дней своих он остался идеалистом-эклектиком. Так, например, принимая марксизм, неоднократно указывая на то, что марксизм внес в русскую литературу «бодрость и широту порыва», что марксизм создал могучий подъем в общественной жизни, Венгеров тем не менее сводил марксизм только «к замене поколения уставшего от неудач, поколением свежим, к приливу общественной бодрости». «Марксизм, — наивно рассуждал он, — был движением чисто-идейным и идеалистическим, самым фактом своего существования представлявший яркое опровержение теории экономического материализма и борьбы классов». [1]

Но самый факт восприятия марксизма, как передовой и прогрессивной теории, укреплял Венгерова на демократических позициях и позволил ему в области литературы сделать большое, общественно полезное дело. Под его непосредственным руководством были изданы сочинения классиков русской и мировой литературы (Пушкин, Белинский, Шиллер, Шекспир, Байрон, Мольер), им редактировались историко-литературные статьи Энциклопедического словаря в издании Брокгауза и Ефрона, составлены многотомные «Источники словаря русских писателей», «Критико-биографический словарь» и др.

В письме 1911 г. М. Горький затронул вопрос о литературоведческих высказываниях Венгерова. Он пожелал первому тому собрания сочинений Венгерова «широкой читаемости» и указал, что в книге очень ярко и своевременно подчеркнуто значение волевого начала в русской жизни. Первый том собрания сочинений Венгерова вышел в Петербурге, в 1911 г., в издательстве «Прометей», под названием «Героический характер русской литературы». Само название книги раскрывает стремление автора подчеркнуть идейно-волевую особенность русской литературы. Анализируя творчество отдельных писателей, Венгеров всегда указывал на общественное служение и подвижничество русской литературы во имя справедливости, во имя прогресса. В этом он видел «источник ее обаяния» и «законнейшую гордость русского духа».

В период реакции, после революции 1905 г., когда в русской литературе все более цинично обнажались мистико-декадентские и порнографические мотивы, отравляя русского читателя, выступление С. Венгерова с защитой идейно-реалистических традиций русской литературы было несомненно прогрессивным явлением, — и, совершенно естественно, М. Горький мог пожелать только успеха книге Венгерова.

---

[1] С. А. Венгеров. Очерки по истории русской литературы. 2-е изд. Пб., 1907, стр. 156.

Однако это пожелание не означало того, что М. Горький был согласен со всеми высказываниями Венгерова. Так, например, Венгеров, называя выступление вехистов «черной неблагодарностью» русской интеллигенции, указывал, что призыв «Вех» к самоусовершенствованию есть выражение «великой русской тоски по правде». Из откликов же М. Горького на сборник «Вехи»,[1] относящихся к тому же периоду, мы знаем, что для М. Горького «Вехи» были враждебны с начала до конца, а призыв к самоусовершенствованию был для него особенно неприемлем, так как этот призыв имел целью своей расчистить путь и развязать руки столыпинской реакции.

М. Горький мог серьезно возразить Венгерову по поводу его утверждения, будто бы М. Горький «из ницшеанства» взял твердость воли, а из русского «народолюбия» — силу стремления к идеалу. Из этого, по Венгерову, вытекала философия горьковских босяков, как самая новая полоса европейской и русской культуры. Из высказываний М. Горького, да и из непосредственного материала его творчества мы знаем, что основное содержание литературной деятельности М. Горького определялось не ницшеанством и «народолюбием», а всем опытом жизни трудящихся нашей страны, прекрасным знанием мировой культуры и громаднейшей жизнеутверждающей личной практикой великого пролетарского писателя. Не Ницше и не русский интеллигент-народолюб породили М. Горького, а революционная борьба рабочего класса и крестьянства за социализм «сделала М. Горького в сфере художественной литературы, — как говорил Венгеров, — наиболее ярким выразителем марксизма».[2]

Все вышеприведенное, как и наивное и неправильное понимание Венгеровым марксизма, не помешало ему все же правильно отметить некоторые существенные черты творчества М. Горького. В первом томе собрания сочинений Венгерова мы читаем о М. Горьком: «Певец грядущего торжества пролетариата нимало не желает апеллировать к старонародническому чувству сострадания к униженным и оскорбленным. Перед нами настроение, которое само собирается добыть себе все, что ему нужно, а не выклянчить подачку». А когда В. Брюсов в письмах к Венгерову пытался доказать, что литература будущего выйдет из декадентов, а «не из М. Горького», Венгеров в ответ на это замечание Брюсова писал: «Вы изволите решительно ошибаться. Не литература пошла навстречу декадентам, а декаденты усвоили лучшие стороны русской литературы и стали неузнаваемы».[3]

---

[1] См. статью М. Горького «Разрушение личности» в сборнике «Очерки философии коллективизма». Изд. т-ва «Знание», Пб., 1909, стр. 351—403.

[2] Собрание сочинений, т. I, изд. «Прометей», Пб., 1911, стр. 194.

[3] Из письма С. Венгерова к В. Брюсову.— Архив С. А. Венгерова. Институт литературы Академии Наук СССР.

Переписка М. Горького с С. А. Венгеровым продолжалась до приезда М. Горького в Петербург в 1913 г. С этого времени они встречались лично, о чем свидетельствует последняя записка М. Горького.

В публикуемых письмах большое место уделено писанию М. Горьким статьи об известном художественном и музыкальном критике Владимире Васильевиче Стасове (р. 1824). Через несколько дней после смерти Стасова (10 октября 1906 г.) был создан кружок с целью увековечить память о Стасове как крупнейшем деятеле русского искусства. На долю Венгерова, члена этого кружка, выпала задача выпустить сборник статей и материалов о В. В. Стасове. К участию в сборнике им были привлечены писатели, художники, композиторы. Среди них: Л. Н. Толстой, И. Е. Репин, М. М. Антокольский, Э. Л. Радлов, Ф. Ф. Фидлер, И. Я. Гинцбург и др.

С просьбой участвовать в сборнике С. Венгеров обратился также к М. Горькому. Свое обращение к М. Горькому — «написать что-нибудь» о Стасове — Венгеров мотивировал следующим образом: «Всем известно, что Вы были очень дружны с Владимиром Васильевичем. Он, во всяком случае, всюду — и в печати, и устно с любовью говорил о Вас. Поэтому отсутствие Вашего отклика в специальном сборнике, посвященном его памяти, особенно болезненно отзовется в сердцах тех, кто любил и ценил Владимира Васильевича». М. Горький охотно принял предложение и вскоре прислал статью «О Стасове», которая и была помещена в сборнике воспоминаний: «Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову». Спб., 1910, стр. 35—38.

Отношения между В. Стасовым и М. Горьким действительно были проникнуты взаимным уважением и общей любовью к искусству. Стасов был недоволен поведением Академии Наук, объявившей от своего имени отмену выборов М. Горького в академики, и написал Л. Толстому о том, что он вышел из Академии.[1] Они лично встречались в Куоккала у И. Е. Репина в 1904 и в 1905 гг. Стасов печатно выступил с защитой горьковского «Человека» против нововременских нападок на него.

В. П. Буренин, ярый реакционный критик «человеконенавистнической», как определял М. Горький, газеты «Новое время», опубликовал в 1904 г. несколько статей, направленных против М. Горького и против всей демократической литературы. Он стал печатно распространять слухи о том, что книги М. Горького не находят покупателя, что в произведениях М. Горького нет мысли, нет художественности, т. е. печатно заявлял то, что уже говорилось на страницах других реакционных журналов и газет. Буренин дал отрицательную оценку «Человека».[2] В. Стасов вы-

[1] Лев Толстой и В. В. Стасов. 1878—1906. Изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 303.

[2] Новое время, 1904, № 10221, 15 августа.

ступил страстным защитником М. Горького. В 1904 г. в газете «Новости» (№ 272, 2 октября) появилась его статья «Неизлечимый». В ней он писал: «Я нарочно справлялся (нечего делать!) по конторским официальным документам, и узнал, что „Мещане" были напечатаны в количестве 60 000 экз. и все издание распродано; „На дне" напечатано, с начала 1903 г., в 16-ти изданиях, в количестве 80 000 экз., и теперь продаются последние экземпляры. „Рассказы" в 5-ти томах, с начала 1903 г., до сентября 1904 года, проданы в количестве 23 000 экз. каждый том, всего 115 000 экз. И это-то и есть „умеренная продажа!" Какое мерзкое чувство злости, ненависти и зависти тут дышет! Какой гадкий подлог!»

Затем В. Стасов дал свою оценку творчества М. Горького — и в частности «Человеку»: «Все у него [М. Горького] носит глубокие следы образования и возрастания на изучении великих созданий, следы глубокой пытливой собственной мысли, постоянного расширения умственного горизонта». «Да кто же такой Горький, — спрашивает далее В. Стасов, — как не вечно неутомимый, всю свою жизнь мучимый мыслью, страстный мыслитель, одаренный вместе с нею и глубочайшим могучим художественным творчеством? С самых первых шагов его в литературе, еще с 1892 года, чем как не мыслью, страстью, пытливою мыслью о вопросах жизни наполнены все творения Горького? „Песня о чиже и дятле", „Песня о буревестнике", „Коновалов", „Озорник", „Вывод", „Орловы", „Трое", „Бывшие", „Проходимец" множество других столь же великих созданий, — разве все это не полные глубокой мысли творения, разве это все не вечно живая, трепещущая, бьющаяся мысль о всем нынешнем, существующем, являющаяся в формах великого, страстного поэтического таланта? Это ли еще не вечная мечта о счастье и несравненной великой будущности человечества?» «„Человек" — одно из капитальнейших и глубочайших творений Горького. Какая ширина и объем мысли, какая красота и сила, какая поэзия картин, какая свежесть и скульптурность выражений? Эта вещь — одно из наиважнейших и оригинальнейших созданий всей русской литературы. В нем, как и во всех значительнейших творениях Горького, веет тот самый глубокий, великий и поэтический дух, который присутствует в совершеннейших произведениях Байрона и Виктора Гюго. Даже и теперь это сознают уже многие и счастливы этим убеждением за наше время».

Статья В. Стасова не осталась незамеченной и вызвала горячий отклик почитателей таланта М. Горького. Так, И. Репин писал В. Стасову: «Большое спасибо Вам за статью в „Новостях", читал с восхищением. Особенную радость чувствовал в Ваших веских строках о М. Горьком. Ваш отзыв об этом глубоком таланте и об его саморазвитии будет иметь решающее значение в определении его значения в нашей литературе. До сих пор,

о нем было много нелепых несправедливостей — трусливых нападок и наглых буренинских рядских ругательств. Отлично Вы смазали этого нововременского цепного барбоса. теряющего свои зубы. Ах, какая гнусность „Новое Время" вообще! В какой идиотизм впадает уже Суворин!» [1]

М. Горький в свою очередь видел в В. Стасове «большую, бодрую любовь к жизни» и «веру в творческую энергию людей». М. Горький так определял личность В. Стасова: «Седой ребенок большого роста, с большим и чутким сердцем, он много видел, много знал, он любил жизнь и возбуждал любовь к ней». [2] Когда С. А. Венгеров обратился к М. Горькому с просьбой написать несколько страниц воспоминаний о В. Стасове, М. Горький ответил: «мне радостно будет вспоминать о встречах с Владимиром Васильевичем, который и в старости своей любил жизнь, людей, искусство горячей любовью юноши. . .»

Среди литературных тем, получивших свое отражение в письмах М. Горького к Венгерову, исключительный интерес представляет отзыв его о Л. Толстом. Это — наиболее яркий документ всей переписки, дающий лаконичную и в то же время разностороннюю оценку писателя, известную, однако, по другим многочисленным высказываниям М. Горького о личности и творчестве Л. Толстого.

---

[1] Письмо от 6 октября 1904 г. — Архив Института литературы Академии Наук СССР.

[2] М. Горький. О Стасове. — В сборнике «Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову», Пб., 1910, стр. 35—38.

С. А. Венгеров.

ВСЕСОЮЗНАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

1

С. А. ВЕНГЕРОВ — М. ГОРЬКОМУ

30/VIII—907.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Кружок друзей и почитателей Владимира Васильевича Стасова собирается издать сборник, посвященный памяти его. Как редактор этого сборника, обращаюсь к Вам с просьбой написать что-нибудь.

Сборник имеет целью разносторонне осветить благородную личность пламенного истолкователя русского искусства. В высшей степени желательно, чтобы все те, которые приходили в столкновение со Стасовым и видели, как этот человек горел преданностью и к русскому искусству и к лучшим сторонам русской общественности, поведали бы об этом публике.

Последние годы Вы часто встречались с В[ладимиром] В[асильевичем], и не сомневаюсь в том, что этот замечательный старик-богатырь оставил в Вашей памяти симпатичное воспоминание.

Трудно, конечно, писать на навязанную тему. Но я и не жду от Вас чего-нибудь большого и цельного: пусть это будет всего несколько страниц, в конце концов — даже 1½—2 страницы, но если в них отразится какая-нибудь характерная черта, какой-нибудь интересный штрих, то и за то — великое спасибо.

Прибавлю еще одно соображение.

Всем известно, что Вы были очень дружны с В[ладимиром] В[асильевичем]. Он, во всяком случае, всюду — и в печати, и устно с любовью говорил о Вас. Поэтому отсутствие Вашего отклика в специальном сборнике, посвященном его памяти, особенно болезненно отзовется в сердцах тех, кто любил и ценил В[ладимира] В[асильевича].

[*С. Венгеров*]

Письмо Венгерова к М. Горькому публикуется по черновику, написанному рукой секретаря Венгерова А. Г. Фомина. Черновик не подписан, но прокорректирован Венгеровым.

2

М. ГОРЬКИЙ — С. ВЕНГЕРОВУ

[Сентябрь—октябрь 1907 г.]

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Я пришлю Вам небольшую заметку о В[ладимире] В[асильевиче] через неделю — две — так будет хорошо?

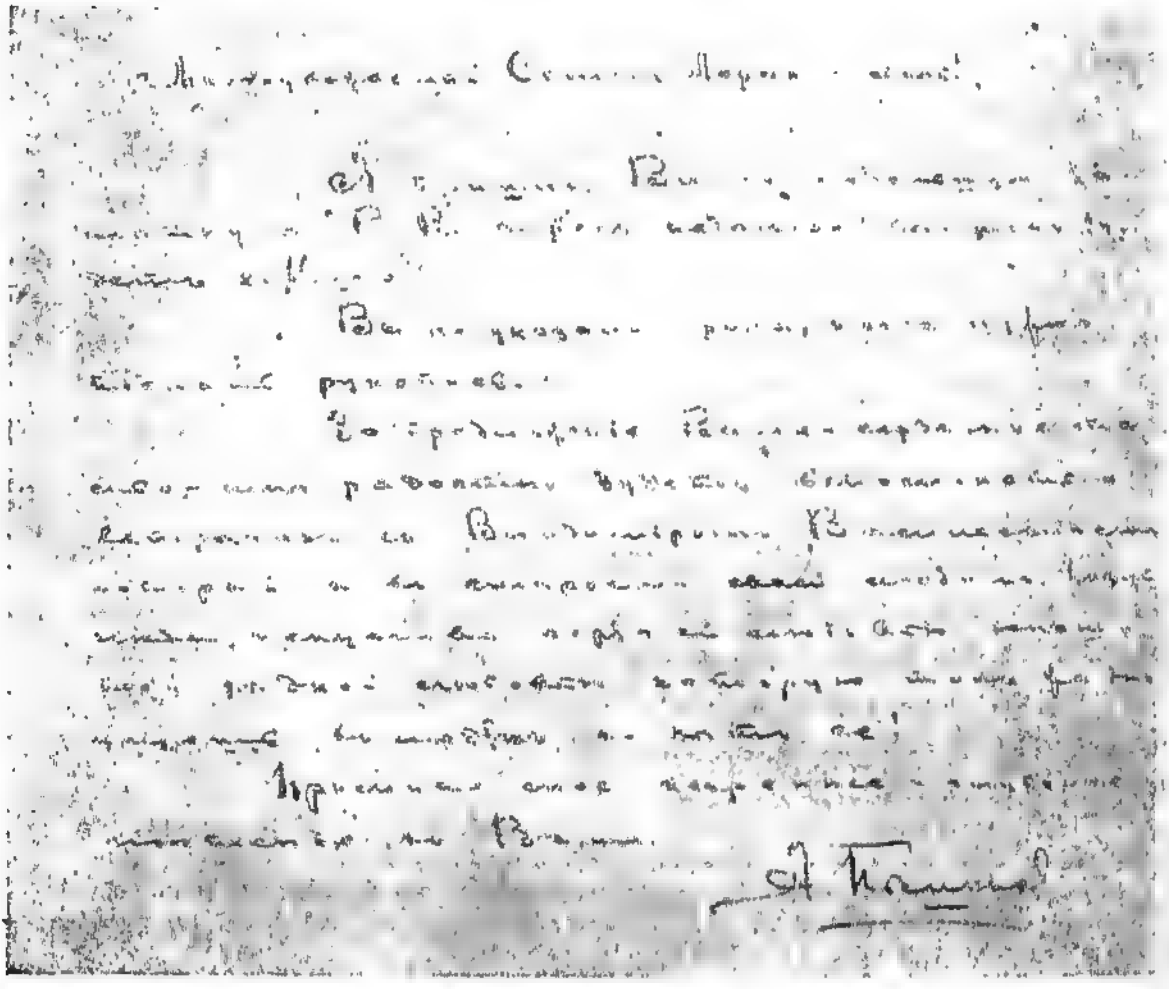
Вы не указали срока, когда нужно послать рукопись.

За предложение Ваше — сердечное спасибо, — мне радостно будет вспоминать о встречах с Владимиром Васильевичем, который и в старости своей любил жизнь, людей, искусство горячей любовью юноши, той редкой любовью, которую так жадно ищешь в людях и — нет ее!

Примите мое искреннее и глубокое почтение к Вам.

А. Пешков

Письмо на почтовой бумаге большого формата. — Дата месяца устанавливается письмом Венгерова М. Горькому от 30 августа 1907 и ответом его от 17 октября 1907 г. на настоящее письмо.



3

С. ВЕНГЕРОВ — М. ГОРЬКОМУ

17 октября 1907 г.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Сердечное Вам спасибо за обещание дать статью. Если через 2—3 недели пришлете, то будет как раз время.

Позвольте в знак всегдашней и искреннейшей симпатии к Вашей литературной деятельности послать Вам недавно вышедшую книгу мою, в которой найдете несколько восторженных страниц о Вашей роли в истории русского общественного самосознания.

С глубоким уважением

С. Венгеров

Письмо на почтовой бумаге обычного формата, написанное рукой секретаря Венгерова А. Г. Фомина. Подпись и последняя фраза — рукой С. Венгерова.

В письме Венгеров упоминает о своей книге «Очерки по истории русской литературы». Пб., 1907.

4

М. ГОРЬКИЙ — С. ВЕНГЕРОВУ

[22 октября (н. ст.) 1907 г.]

Уважаемый Семен Афанасьевич!

Посылаю несколько строк о В. В. Стасове: торопился написать, ибо на днях снимаюсь с места и — еду.

За краткость — извините!

Крепко жму руку и желаю всего доброго.

А. Пешков

Письмо на почтовой бумаге большого формата. — Дата установлена по почтовому штемпелю на конверте.

5

М. ГОРЬКИЙ — С. ВЕНГЕРОВУ

[29 октября (н. ст.) 1907 г.]

Будьте добры, Семен Афанасьевич, заменить последний лист моей статейки приложенным здесь, а прежний — порвать и бросить.

Извиняюсь за беспокойство.

А. Пешков

Письмо на почтовой бумаге большого формата. — Дата устанавливается по почтовому штемпелю на конверте.

В архиве Венгерова сохранился первый вариант всей статьи и по нему была напечатана статья в сборнике. Упоминаемого в письме листа, представляющего собой новый вариант конца статьи, в архиве Венгерова не оказалось. В рукописи статьи имеются небольшие сокращения, сделанные рукой М. Горького и не вошедшие в опубликованный текст. Так, М. Горький привел слова В. В. Стасова по поводу преследований царским правительством революционно настроенной интеллигенции: «—Губят людей. Лучшее на земле разрушают и злят — юношество! Ах, скоты!» После этих слов М. Горький вычеркнул следующий абзац:

«Замечу, что это было до 17-го Октября, день, после которого так много пламенных душ нашей интеллигенции погасло и курится теперь столь неблаговонным фимиамом».

После слов о любви к будущему («именно в нем скрыто наилучшее и величайшее») М. Горький вычеркнул следующий абзац:

«Мой современник будучи решительно убежден, что именно он-то и есть наилучшее в жизни, может быть скажет: — Какое мне дело до будущего, если меня в нем не будет.

Да, вас не будет и на этот факт следует смотреть как на одно из верных доказательств в пользу лучшего будущего».

6

М. ГОРЬКИЙ — С. ВЕНГЕРОВУ.

[После 23 июля 1908 г.]

Искренноуважаемый

Семен Афанасьевич!

Как я уже известил Вас телеграммой — отказываюсь от участия в комитете по устройству чествования Льва Николаевича.

О причинах отказа Вы позволите мне не говорить — я не хотел бы не нужных споров по этому поводу.

Лично же Вам скажу, что для меня революция столь же строго-законное и благостное явление жизни, как судороги младенца во чреве матери, а р у с с к и й революционер — со всеми его недостатками — феномен, равного которому по красоте духовной, по силе любви к миру — я не знаю.

Граф Лев Толстой — гениальный художник, наш Шекспир, может быть. Это самый удивительный человек, коего я имел наслаждение видеть. Я много слушал его и вот теперь, когда пишу это, он стоит предо мною — чудесный, вне сравнений.

Но — удивляясь ему — не люблю его. Это неискренний человек, безмерно влюбленный в себя, он ничего кроме себя не видит, не знает. Смирение его — лицемерно и отвратительно желание пострадать. Вообще такое желание — есть желание духа больного, искаженного, в данном же случае, великий самолюб хочет поси-

деть в тюрьме лишь для укрепления своего авторитета. Он унижает себя в моих глазах страхом смерти и жалостным заигрыванием с нею, утверждение авторитета для него, индивидуалиста, является некоей иллюзией бессмертия. Оно уже есть у него, но ему — мало. И это — смешная жадность. Именно — комическая.

Наконец — слишком двадцать лет с этой колокольни раздается звон, всячески враждебный моей вере; двадцать лет старик говорит всё о том, как превратить юную, славную Русь в китайскую провинцию, молодого, даровитого русского человека — в раба.

Нет, он мне чужой человек, несмотря на великую его красоту.

М[ожет] б[ыть] Вам покажется резким мое суждение, даже наверное так. Но иначе не могу думать. Я хорошо заплатил за право мое думать так, как думаю.

А за угловатость — извиняюсь, — не в слове дело, а в духе.

Искренно чту Вас

А. Пешков

Письмо на двух страницах почтовой бумаги большого формата в клетку. На письме запись чьей-то рукою, что оно явилось ответом на письмо от 23/VII 1908 г., но этого письма Венгерова в Архиве М. Горького не оказалось.

В 1908 г. по инициативе М. М. Ковалевского был создан временный комитет для подготовки празднования 80-летнего юбилея Л. Толстого, куда вошли художник И. Репин, скульптор И. Гинцбург и др. В печати называлось имя М. Горького как члена постоянного комитета, который должен был быть избранным в мае 1908 г.

7

М. ГОРЬКИЙ — С. ВЕНГЕРОВУ

[До середины сентября н. ст. 1909 г.]

Многоуважаемый

Семен Афанасьевич!

Не посетуйте за беспокойство, причиняемое Вам — позвольте обратиться с просьбою:

Мне очень нужна книга Ваша «Русская поэзия» — а нет ее нигде, даже и у букинистов.

Быть может в личной Вашей библиотеке есть дубликат — не пошлете ли его мне? Премного обяжете искренно уважающего вас человека.

Если не можете продать Ваш экземпляр — пришлите на время, я возвращу его, как только минует нужда в нем.

Не могу также найдти и ваш этюд об А. Ф. Писемском.

Свидетельствуя глубокое почтение — жду ответа.

А. Пешков

Адресс Capri presso Napoli M. Gorchi

Письмо на почтовой бумаге большого формата. — Дата устанавливается по связи со следующим письмом М. Горького.

«Русская поэзия» (Собрание произведений русских поэтов) под редакцией С. А. Венгерова вышла в семи выпусках в СПб., 1893—1901. Книга была нужна М. Горькому, видимо, в виде пособия для чтения курса лекций по русской литературе в рабочей школе на Капри.

А. Ф. Писемский — «Алексей Феофилактович Писемский». Критико-биографический очерк С. А. Венгерова вышел в 1884 г. в издании т-ва М. О. Вольф.

8

М. ГОРЬКИЙ — С. ВЕНГЕРОВУ

[20 сентября (н. ст.) 1909 г.]

Уважаемый Семен Афанасьевич!

Первые шесть выпусков «Рус[ской] поэзии» — нашел, о чем и спешу известить Вас, дабы вы не беспокоились.

— Найду ли 7-й а также книгу о Писемском — не знаю. Очень просил бы Вас — буде имеете у себя лишние экз[емпляры] — любезно пошлите их в контору «Знания», там немедля оплатят стоимость их.

Желаю Вам всего доброго!

А. Пешков

Письмо на почтовой бумаге большого формата. — Дата устанавливается по почтовому штемпелю на конверте.

Одновременно с предыдущим письмом Венгерову М. Горький заказал покупку книги заведующему конторой изд-ства «Знание» С. П. Боголюбову, от которого получил первые шесть выпусков. М. Горький писал ему: «Получил томище „Русской поэзии" Венгерова — рад как мальчишка, сердечнейшее спасибо вам. Так как я написал самому Венгерову об этой книге, то теперь прошу вас — пошлите ему прилагаемую записку с извещением, что книга найдена. Я не знаю его адресса. Если б можно было достать и седьмой выпуск этой работы — поэзию Нелединского и Карамзина!»

9

М. ГОРЬКИЙ — С. ВЕНГЕРОВУ

[17 ноября (н. ст.) 1911 г.]

Уважаемый Семен Афанасьевич!

Получил первый том собрания сочинений ваших — весьма признателен за внимание и лестное отношение ваше ко мне. Представить не можете, сколь горячо желал бы я книге вашей широкой читаемости в это мутное время, многие недоразумения коего ваша работа вполне способна осветить и рассеять!

Говорю так отнюдь не потому, конечно, что вы меня лично почтили в ней весьма лестными отзывами, но потому, что в ней чрезвычайно своевременно и очень ярко подчеркнуто вами значение волевого начала в русской жизни, его важность, его необходимость для нас, слишком склонных к пассивизму, унаследованному нами от востока, влитому в нас вместе с монгольской кровью.

Еще раз — спасибо за подарок! Желаю вам всего доброго.

А. Пешков

Письмо на почтовой бумаге большого формата. — Дата устанавливается по почтовому штемпелю на конверте. На другой стороне листа рукой Венгерова поставлена дата получения письма 8 ноября (ст. ст.) 1911 г.

...первый том собрания сочинений ваших... — С. А. Венгеров. Собрание сочинений, т. I. Героический характер русской литературы. Пб., изд. «Прометей», 1911.

10

С. ВЕНГЕРОВ — М. ГОРЬКОМУ

С. Петербург. 21 апреля 1912 г.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Одновременно посылаю циркулярное письмо, которое считаю нужным сопроводить некоторыми комментариями. Мне, с одной стороны, очень совестно обращаться к Вам за биографическими данными, которые имеются в десятках справочных изданий. В частности, я сам писал о Вас статью в дополнительном томе «Энциклопедического словаря», которая может быть Вам известна. И все же этого мне мало, потому что все события Вашей жизни последних десяти лет нигде сколько нибудь подробно не рассказаны. Вы, может быть, помните, что когда-то прислали мне авто-

биографию. То было еще во времена, так сказать, до исторические, когда Вы жили в Нижнем. Данные этой автобиографии обошли все статьи о Вас. Так вот я теперь мечтаю получить такой же авторитетный биографический материал о тех годах, когда Вы стали знаменитостью сначала всероссийской, а потом всемирной.

В подготовляемой книге мне лично придется коснуться Вашей литературной деятельности в общем очерке, который будет предпослан отдельным характеристикам. А посвященный Вам литературный портрет пишет Львов-Рогачевский.

С глубоким уважением

С. Венгеров

Письмо на почтовой бумаге обычного формата на личном бланке Венгерова с его фамилией и адресом. Написано неизвестной рукой; последняя фраза и подпись — Венгерова. В другом «циркулярном» письме того же дня Венгеров извещал о предпринятом им издании истории современной литературы с рядом статей об отдельных писателях. Просил дать биографические сведения по приложенной анкете и библиографию всего написанного М. Горьким и критической литературы о нем. Венгеров писал: «Всего удобнее было бы получить от Вас ответ на все вышеприведенные вопросы в форме автобиографии, которую можно было бы поместить целиком или в извлечении. При этом крайне желательно, чтобы автобиография не напоминала формулярный список, а носила бы интимный характер. Интимный, конечно, не в том смысле, как это слово обычно понимается, а в форме указания на литературные и общественные переживания, которые в Вашей жизни имели особое значение».

М. Горький, как видно из его ответного письма, отказался дать новую автобиографию. В первом томе «Русской литературы XX века», Изд. т-ва «Мир», М., 1914, его редактор Венгеров напечатал из своего архива автобиографическую заметку М. Горького 1897 г., дал извлечения из автобиографии, помещенной в журнале «Семья» 1899 г. и изложил с критической оценкой последующие факты общественно-литературной деятельности М. Горького. Вслед за этим была помещена упомянутая Венгеровым статья В. Л. Львова-Рогачевского.

11

М. ГОРЬКИЙ — С. ВЕНГЕРОВУ

13 V [1912 г.] Capri

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Мне очень неловко перед Вами, но — я не могу исполнить желание Ваше, ибо задача, которую Вы ставите мне, отняла бы у меня слишком много времени.

Мне было бы трудно составить перечень книг и рассказов, переведенных на иностранные языки, ибо я не следил и не слежу

за этим. Еще труднее перечислить рецензии и статьи обо мне — я не собирал и не собираю их.

Могу указать, что в Сызрани, в 911 году, издан «Библиографический листок», частью посвященный перечню книг и статей обо мне.

Недавно С. Я. Елпатьевский привез мне из Алжира перевод «Исповеди» на арабском языке; я очень сомневаюсь, что это «Исповедь», хотя С. Я. говорит, что книгу ему дал сам переводчик и указал, что это именно «Исповедь».

В прошлом году английская пресса посвятила несколько статей пьесе «На дне», впервые поставленной в Лондоне, Джордж Кальдерон читал публичную лекцию о моей «драматургии», потом напечатал статью о «Вассе Железновой» в «Quarterly Review».

Кое какие сведения обо мне имеются у В. Е. Чешихина-Ветринского. Очень сомневаюсь, чтобы эти указания имели значение для Вас и боюсь, что Вас раздражит недостаток точности в них.

Вы меня извините, дорогой Семен Афанасьевич, — Вы всегда были так любезны в отношении ко мне!

Желание Ваше, чтобы я написал о моих «литературных и общественных переживаниях, которые имели особенное значение в моей жизни» — тоже не могу исполнить. Не думаю, чтобы это было интересно, да и неловко говорить о себе в то время, когда и так уж современное писательское «я» раздулось в литературе нашей серою тучей и совершенно закрывает и социальные горизонты, и бытовой пейзаж.

Сердечно желаю вам всего доброго

А. Пешков

Письмо на почтовой бумаге большого формата. Машинопись. Последняя фраза, подпись и дата — рукою М. Горького.

«Библиографический листок». — М. Горький имел в виду статью С. Д. Соколова: Материалы для библиографического указателя литературы о Максиме Горьком — в журнале «Библиографический листок», 1911, № 1—6, январь—июль, стр. 1—10. Продолжение печаталось там же: 1914, № 1, январь, стр. 1—3; 1915, № 1—2, январь—февраль, стр. 1—3.

Елпатьевский, Сергей Яковлевич (1854—1933) — о нем см. на стр. 33 настоящей книги.

...перевод «Исповеди» на арабском языке. — Известный арабист, акад. И. Ю. Крачковский, сообщил нам, что упоминаемый в письме М. Горького перевод «Исповеди» на арабский язык ему неизвестен.

Джордж Кальдерон (1868—1915) — английский критик и журналист, автор нескольких пьес. Хорошо знал русский язык; в 1895—1897 гг. жил в Петербурге. Погиб в империалистическую войну. Статья Д. Кальдерона о русской драме и в том числе о «Вассе Железновой в «Quarterly Review» напечатана в 1912, № 432, сто. 25—28.

Чешихин-Ветринский, Василий Евграфович (1866—1923) — историк литературы и общественной мысли. Его работы по биографии М. Горького до 1912 г. нам неизвестны. Но в 1915 г. были опубликованы две его статьи: Горький о самом себе. — Известия книжного магазина Вольфа, № 3, стр. 47; Горький последних лет. — Русская иллюстрация, № 31, 6 сентября, стр. 12—14.

12

М. ГОРЬКИЙ — С. А. ВЕНГЕРОВУ

[До 6 октября 916 г.]

Уважаемый Семен Афанасьевич!

Звонил Вам четырежды и не мог дозвониться, — все говорят, что Вас нет дома. Я бываю в редакции «Летописи» по Понедельникам и Четвергам от 3-х до 7 часов и — к Вашим услугам!

Если это Вам неудобно, — я ежедневно дома от 2-х до 3-к и от 7-и до 8-и вечера.

Телефон мой
212—68.

Желаю всего доброго.

А. Пешков

Письмо на почтовой бумаге небольшого формата на двух страницах (1 и 4). — Дата, вероятно, получения письма поставлена рукой Венгерова.

ПЕРЕПИСКА М. ГОРЬКОГО с Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИМ

Н. АНИКИН

К ПЕРЕПИСКЕ М. ГОРЬКОГО с Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИМ

Переписка М. Горького с Д. Овсянико-Куликовским — известным литературоведом, автором книги «История русской интеллигенции», содержит ряд принципиальных высказываний по вопросам историко-литературного порядка, представляющим для нас живой и непосредственный интерес.

Дмитрий Николаевич Овсянико-Куликовский (1853—1920) родился в семье крупного помещика Таврической губернии, в имении Каховка. Студенческие годы провел в С.-Петербургском (1871—1873) и Новороссийском (1873—1876) университетах. С юных лет имел тяготение к филологическим наукам. Ко времени студенчества относится первое «увлечение» Овсянико-Куликовского идеями социализма. Это были идеи не научного, а утопического, народнического социализма. Считая себя «нигилистом», он в этот период находится в близкой связи с деятелями нелегального кружка Одесской Украинской громады: Л. А. Смоленским, М. И. Климович, А. А. Андреевским, Н. П. Баревским, В. В. Малевским и др. Приехав в 1876 г. в Петербург, Овсянико-Куликовский вращается в радикальных кругах, штудирует Маркса, Лассаля, Чернышевского, сближается с народнически настроенной молодежью, участвует в полулегальных сходках. Большие симпатии в этот период у него вызывают деятели народовольческого движения. Вспоминая петербургский период своей жизни, он писал: «Я преисполнился чувством великого пиитета к героям и, в особенности, к героиням „хождения в народ“, — Лидии Фигнер, Софьи Бардиной и другим (из процесса 50-ти), которые были в моих глазах, как и в глазах многих, окружены особым ореолом. Стихи (кажется, Ольхина или Боровиковского) я знал наизусть и не упускал случая пускать их в ход, как орудие „пропаганды“». [1]

---

[1] Д. Н. Овсянико-Куликовский. Воспоминания. Изд. «Время», 1923, стр. 110.

В 1877 г., будучи оставлен при Новороссийском университете, Овсянико-Куликовский по постановлению факультета командируется за границу для приготовления к профессуре по кафедре сравнительного языкознания и санскрита. Он знакомится с эмигрантской и около-эмигрантской средой и близко сходится с видными деятелями русского освободительного движения. Среди них были такие лица, как Г. А. Лопатин, П. Л. Лавров, М. П. Драгоманов, Н. И. Зибер. Своему сближению с Драгомановым и Зибером Овсянико-Куликовский придавал большое значение. Он считал их своими учителями, несмотря на различную степень идейного их воздействия на него.

Находясь под впечатлением некоторых идей Драгоманова, Овсянико-Куликовский выпускает в заграничной вольной печати свое первое литературное произведение «Записки южно-русского социалиста». Несколько позднее он становится сотрудником заграничной драгомановской газеты «Вольное слово» — органа земской оппозиции.

Осенью 1877 г. в Берне Овсянико-Куликовский знакомится с Н. И. Зибером — известным популяризатором и пропагандистом экономического учения Маркса в 70—80-х годах в России. Н. И. Зибер один из первых как с профессорской кафедры, так и в легальной печати смело заговорил с большим сочувствием о марксизме, как о великой научной теории, решительно объявил себя последователем этого ученья и нанес ощутительный удар первым либеральным критикам Маркса — Жуковскому и Чичерину. Известен сочувственный отзыв о Зибере Маркса в послесловии ко второму изданию I тома «Капитала».

Отрицательное отношение Зибера к народничеству, надо думать, в какой-то мере оказало влияние на Овсянико-Куликовского. Под влиянием Зибера у него пробуждается интерес к марксизму, и личная связь его с Зибером и заграничными революционерами наложила несомненно отпечаток на его идейные воззрения, обусловив их повышенную оппозиционность. В 1879—1880 гг. он вместе с Зибером выступает на страницах прогрессивного журнала «Слово» и в одной из своих статей «Культурные пионеры. Этюд о религиозных сектах» подвергает достаточно резкой критике существующие семейные отношения и общественные устои. Цензор даже нашел, что статья его «проникнута социализмом и коммунизмом».[1]

Под влиянием разгрома народовольческого движения в конце 70-х и начале 80-х годов Овсянико-Куликовский, как и значительная часть эмигрантской интеллигенции, переживает эволюцию вправо, теряя свою былую оппозиционность. В этот период у него намечается отрицательное отношение к народничеству. Разрыв с

---

[1] В. Е. Евгеньев-Максимов. Из прошлого русской журналистики. Л. Изд. писателей в Л., 1930, стр. 291.

народничеством, как и у большинства буржуазных демократов, здесь не был связан с переходом на революционные позиции пролетариата, а явился отправным моментом перехода к буржуазному либерализму. Подвергая резкой критике методы борьбы народничества 70-х годов — террор, заговор, бунт, — Овсянико-Куликовский выявляет себя противником вообще всякого активного протеста, довольствуясь лишь мирной культурной деятельностью.

Явно компромиссная либеральная тенденция у Овсянико-Куликовского в заграничный период жизни объединялась, впрочем, еще с известным сочувствием революционным кругам, с которыми в те годы им поддерживалась связь. Хотя сам он никогда не был революционным деятелем, однако, вследствие крайнего произвола властей, он подвергался за связь с кружками политическим репрессиям. По свидетельству И. Л. Овсянико-Куликовской, которая также была связана с кружками, оба они в одно время были арестованы и высланы из пределов Австрии в Швейцарию. Со стороны III отделения в России за ними было установлено строгое наблюдение. [1]

По приезде в Россию Овсянико-Куликовский занят исключительно академической деятельностью: в 1883—1887 гг. состоит приват-доцентом Одесского университета по кафедре санскрита и сравнительной грамматики индо-иранских языков, в 1887 г. назначается экстра-ординарным профессором в Казанский университет, затем переводится в Харьковский университет, где и состоит профессором более семнадцати лет.

Если в период своей заграничной жизни, он, по собственному признанию, еще не верил «в возможность революции», ограничивая свою оппозиционность чисто литературными вопросами (отрицательное отношение к «метафизике», к теории «искусства для искусства»), то теперь он заявляет, что наконец освободился и от этих «предубеждений». Культ положительной науки, идеи позитивной философии, лежавшие до сих пор в основе воззрений Овсянико-Куликовского, сочетаются им теперь с крайним психологизмом. Последующая идейная эволюция его идет по пути — к эмпириокритицизму.

Соответственно с изменением общефилософских воззрений Овсянико-Куликовского существенно меняются взгляды его в те годы и на задачи искусства. Если в молодости он признавал за искусством большое познавательное значение, — его увлекала публицистическая критика Добролюбова, стихи Некрасова, — то теперь, отказываясь от своего прошлого, он горячо защищает тезис о независимости искусства от всякой идеологии. В одной из

---

[1] Отношение Управляющего 3-м Отделением А. Шульца начальнику Одесского жандармского управления. — Каторга и ссылка, 1925, № 4, стр. 130.

своих литературных статей,[1] говоря о молодой украинской поэзии, он высказывает следующий общий взгляд на вопрос о свободе творчества: «Всякая доктрина, хотя бы самая гуманная и демократическая, вредна для поэзии еще неокрепшей. Поэзия по самой сути требует свободы творчества, широких вдохновений и ей нельзя под опасением исказить ее — указывать».[2] В другой своей статье он заявляет, что «художественная деятельность уже потому бесцельна, что на добрую половину и в самой существенной своей части, она бессознательна».[3]

В начале 90-х годов Овсянико-Куликовский проявляет большой интерес к работам по философии, психологии и языку известного русского филолога А. А. Потебни, и вскоре сам делает попытку применить его психологические субъективно-идеалистические принципы к вопросам языка и поэзии. Еще в 1878 г. в своей статье «Наука о языке и ее отношение к антропологии и социологии» он ставил задачей вывести языкознание «из тесного круга специалистов на свет божий и сделать его открытия достоянием публики».[4] Теперь в широкой печати он популяризирует идеи Потебни. Под влиянием идей Потебни Овсянико-Куликовский окончательно формируется в эти годы, как литературовед и критик психологического направления. Особое внимание в этот период уделяется им разработке психологической теории художественного творчества. Психология превращается у него не только в предмет изучения, но и в основное орудие исследования сложнейших явлений языка и литературы. Под этим углом им характеризуется творчество таких писателей, как Тургенев, Толстой, Пушкин, Гоголь, Некрасов, Гёте, Гейне и др. Увлечение психологизмом было

---

[1] С самого начала своей академической деятельности Овсянико-Куликовский не замыкается изучением чисто специальных вопросов (санскрит, древняя индусская мифология, общие вопросы языкознания), а выступает на страницах различных газет и журналов с многочисленными статьями, очерками и фельетонами на общефилософские и литературные темы. Вся эта довольно обширная литературная продукция, сейчас совершенно забытая, дает богатый материал для характеристики его идейной эволюции. Литературные статьи этого периода никогда не включались автором в собрание его сочинений. Печатались они главным образом в газетах «Одесские новости» и «Харьковские губернские ведомости». Собранные вместе, они могли бы составить не менее четырех томов.

Большой ряд статей и фельетонов этого времени посвящен теме разрыва с народническим прошлым, изобличению народнической жертвенности, пассивного уныния, разочарований, надломов. Характерны названия многих фельетонов этого времени: «Иллюзии», «Мысли уныло-мыслящего россиянина», «Признания уныло-мыслящего россиянина». И далее подзаголовки: «Не нужно», «Нет спроса». Все фельетоны этого типа полны едкой иронией по отношению к былым «увлечениям» и во многом носят автобиографический характер.

[2] Д. Куликовский. Литературно-общественные заметки. — Одесские новости, 1886, № 589.

[3] Искусство и нравственность. — Харьковские губернские ведомости, 1894, № 16.

[4] Слово, 1878, март, стр. 79.

в те годы типичным явлением для буржуазного литературоведения и знаменовало собою поворот многих литературоведов от позитивизма к интуитивизму, вызванный общественными условиями 80-х годов.

Во второй половине 90-х годов Овсянико-Куликовский переживает новый этап в своем идейном развитии — на эти годы падает его увлечение идеями легального марксизма.

В 1897—1901 гг. Овсянико-Куликовский принимает близкое участие в первых легальных марксистских журналах «Новое слово» и «Жизнь».[1] На страницах этих легально-марксистских журналов в те годы выступил со своими рассказами и основоположник пролетарской литературы М. Горький, имя которого с самого начала литературной деятельности было связано с прогрессивными устремлениями русской журналистики. На период участия М. Горького в легальной марксистской журналистике падает и огромный рост его популярности.

В «Новом слове» и «Жизни» участвует и целый ряд других писателей, создавших журналу своими талантливыми произведениями большую известность в литературном мире.

---

[1] В архиве Института литературы Академии Наук СССР сохранилась переписка первых организаторов легально-марксистских журналов В. А. Поссе и А. М. Калмыковой с Овсянико-Куликовским. Из содержания переписки видно, что имя Овсянико-Куликовского, как видного сотрудника, было всегда крайне желательным для редакции обоих журналов. Немалую роль при этом, вероятно, играла полная легальность фигуры Овсянико-Куликовского, которая была для журналов неплохим «академическим заслоном». А. М. Калмыкова, член редакции журнала «Новое слово», руководившая беллетристическим его отделом, пригласила в апреле 1897 г. Овсянико-Куликовского от имени редакции принять участие в журнале. Овсянико-Куликовский дал согласие, и в IV и XII книжках «Нового слова» была помещена его большая статья «К вопросу о приемах и задачах художественной критики». Другая его статья о Мопассане не была помещена вследствие закрытия журнала. В начале 1899 г. А. М. Калмыкова вновь обратилась к Овсянико-Куликовскому с просьбой сотрудничать в новом журнале «Начало». Овсянико-Куликовский согласие дал, но статьи его в журнале не появились, вероятно, потому, что журнал просуществовал недолго. С просьбой о сотрудничестве в журнале «Жизнь» обратился к Овсянико-Куликовскому в декабре 1898 г. В. А. Поссе. Овсянико-Куликовский на страницах этого журнала опубликовал ряд своих критических статей. Вхождение Овсянико-Куликовского в редакционные дела журнала видно из писем к нему В. А. Поссе, который широко информирует Овсянико-Куликовского о редакционных делах, дает отзывы о статьях, стремится ближе втянуть его в дела журнала. В 1901 г. после закрытия журнала В. А. Поссе не прекращает своей подробной информации по делам органа даже из дома предварительного заключения. В целях спасения журнала он делает Овсянико-Куликовскому предложение стать официальным редактором «Жизни», на что и получает согласие. Насколько значительной представлял себе В. А. Поссе роль Овсянико-Куликовского в журнале еще в начале его сотрудничества, видно из следующего письменного обращения В. А. Поссе к своему постоянному сотруднику: «Среди наших сотрудников и читателей много Ваших горячих почитателей и я с особенным вниманием прислушиваюсь к Вашим словам, считая Вас одним из главных руководителей „Жизни"».

В. И. Ленин, помещавший свои статьи в «Новом слове» и в «Жизни», как известно, хорошо отзывался о беллетристическом отделе последнего журнала. «Беллетристика прямо хороша и даже лучше всех!» [1] — писал он в своем письме А. Потресову.

В первых легально-марксистских журналах «Жизнь» и «Новое слово», на ряду с представителями легального марксизма, в общественно-политических отделах участвовали и революционные социал-демократы, благодаря которым оба названных журнала приобрели в свое время большую популярность. Выступление представителей революционного марксизма на страницах одного и того же органа с людьми, уже тогда крайне умеренными и ненадежными, явилось в тот период одним из выражений временного политического «союза» русских революционных социал-демократов с легальными марксистами, благодаря которому «была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде)». [2]

Овсянико-Куликовский, принимавший близкое участие в легально-марксистской журналистике, примыкал в тот период к группе буржуазных демократов, временно «увлекавшихся» идеями легального марксизма. Он разделил потом общую судьбу буржуазных демократов, эволюционировавших в массовом масштабе в начале 900-х годов, и особенно после революции 1905 г., вправо — к реакционному либерализму. Увлечение идеями экономического материализма и личная связь с руководителями легально-марксистских журналов нашли существенное отражение в его литературно-критических статьях. Здесь мы встречаемся с типичной, для буржуазных критиков того времени, попыткой — объединить субъективно психологические принципы с требованиями экономического анализа и, не касаясь основ существующего строя, пропагандировать идеи европеизации России, расширения образования, культуры, постепенной ликвидации остатков крепостничества. Идеи эти, как и постоянные психологические экскурсы Овсянико-Куликовского, в тот период не носили на себе исключительного характера агрессивности и во многом были повернуты против деградирующего народничества.

К этому времени относится и первый интерес Овсянико-Куликовского как критика к произведениям М. Горького, получившим исключительную популярность в широких кругах читателей. Впервые упоминание имени М. Горького по связи с возможным интересом к его произведениям Овсянико-Куликовского мы найдем в письмах А. М. Калмыковой и В. А. Поссе к Овсянико-Куликовскому. В письме от 1 декабря 1897 г. Калмыкова, спрашивая

---

[1] Ленин, Сочинения, изд. 2-е, т. XXVIII, стр. 31.
[2] Там же, т. IV, стр. 374.

Овсянико-Куликовского о том, какого рода книги он хотел бы рецензировать, пишет: «Как Вам нравится Горький („Бывшие люди", „Супруги Орловы" „Мальва")? Ведь мастер? Ведь какую радугу заставил играть в чувствах пьяной четы Орловых. Непременно черкните два слова о „Супругах Орловых". Нетрудно разводить узоры на чувствах интеллигенции, а вот тут? И справился с задачей!» В. А. Поссе в своих письмах писал Овсянико-Куликовскому: «Как Вам нравится „Фома Гордеев"? В общем вещь выйдет сильная...»

Указание на критическое отношение Овсянико-Куликовского к произведениям М. Горького мы находим в письме редактора «Журнала для всех» В. С. Миролюбова к Овсянико-Куликовскому. В те годы М. Горький лично хотя и не был знаком с Овсянико-Куликовским, но знал его как литературоведа и критика марксистских журналов и интересовался его работой. Миролюбов, сообщая Овсянико-Куликовскому о подготовке юбилейного пушкинского номера журнала, писал 10 марта 1899 г: «Беллетристики пока хорошей не имеется. Наседать на Горького и Чехова жалко, да первого можно испортить этими погоняниями, такую большую вещь как „Фома [Гордеев]" он пишет от книжки к книжке, и я сильно опасаюсь, что он ее, если не испортит, то подпортит. Отзыв Ваш о нем я передал Алексею Максимовичу, но если будете писать ему, напишите построже. Он Вас глубоко уважает и выслушает с большим вниманием, что Вы ему скажете. А скажете Вы ему, вероятно, и то, что искусство и имя, им созданное, заставляют его строже и строже относиться к своим работам».[1]

Овсянико-Куликовский не ограничился только устными оценками творчества М. Горького, но и выступил в 1899 г. со своими первыми печатными отзывами о М. Горьком, на которые оказали значительное влияние идеи легального марксизма. Но даже в лучшую пору своей критической деятельности он не в силах был определить подлинное значение творчества пролетарского художника. Указывая на большую одаренность М. Горького, как писателя, он видел заслугу художника в том, что последний дал «блестящее изображение русского купечества, отметил в нем рост классового самосознания и соответствующих притязаний». Овсянико-Куликовский писал: «Эти литературные справки помогут нам оживить в уме типичное представление об этом старинном, исторически сложившемся классе, уже заметно выходящем из „темного царства" на свет божий. А такое представление нам нужно для того, чтобы сопоставить с ним картину нового „темного царства", идущего на смену старому. Появление нового „темного царства", самобытно слагающегося из элементов мещанских и крестьянских, давно уже было замечено нашей художественной литературой».[2]

---

[1] Архив Института литературы Академии Наук СССР.
[2] Северный курьер, 1900, № 180, 4 мая.

В последующие годы эволюция Овсянико-Куликовского к либерализму приводит его к сочувствию идеям кадетской партии, хотя сам он ни в какой партии активного участия не принимал. В период революции 1905 г. он находится где-то на левом фланге сочувствующей кадетам академической интеллигенции. Эволюция к либерализму существенно меняет взгляды Овсянико-Куликовского и на общественно-мещанские элементы, из которых, по его мнению, когда-то слагалось новое «темное царство». В 1905 г. на страницах журнала «Полярная звезда» в статье «Еще раз о мещанстве и русской интеллигенции» он высказывает свое несогласие с М. Горьким по затрагиваемому им в «Новой жизни» вопросу. Сам термин «мещанство» теперь не ассоциируется с «темным царством», — он чисто психологическая категория, адэкватная понятию обывательщины, боязни критики и т. д. «Негодовать на мещанство значит негодовать на все человечество, и такого негодования нехватит» — писал Овсянико-Куликовский, возражая на статьи М. Горького «Заметки о мещанстве».

В 1904 г. Овсянико-Куликовский выступает со статьей «Социальные отбросы», посвященной пьесе М. Горького «На дне», в которой, оценивая высоко художественные стороны пьесы, он недостаточно раскрыл ее огромное социальное содержание. В 1906 г. Овсянико-Куликовский поместил на страницах реакционного журнала «Истина» статью о пьесе М. Горького «Дети солнца». В этой статье он пытается доказать на материале пьесы тезис о бессмысленности стихийных бунтов масс. Напуганный, как и все либералы, мощным революционным движением рабочих и крестьянских масс, он в прямой форме, отвлекаясь от всяких литературных вопросов, утверждает, что лозунг Маркса «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» имеет мирный характер.

В дальнейшем, в 1911—1912 гг., критические отзывы Овсянико-Куликовского о М. Горьком становятся снова более сочувственными.

Публикуемая переписка М. Горького с Д. Овсянико-Куликовским относится к 1911—1913 гг. Овсянико-Куликовский руководит в эти годы беллетристическим отделом журнала «Вестник Европы» (с 1912 г. он становится одним из его редакторов), состоит профессором С.-Петербургского университета и Высших женских курсов, выступает в различных органах периодической печати со статьями на литературные темы. В «Вестнике Европы» печатаются его статьи о Добролюбове, Гончарове, в «Вестнике воспитания» — продолжение старых психологических этюдов о русской интеллигенции. Статьи начали печататься в «Вестнике воспитания» с 1903 г. и в течение ряда лет помещались на страницах журнала под общим заголовком: «Итоги русской художественной литературы XIX века». Собранные впоследствии вместе, они составили три части известной книги — «История русской интел-

лигенции». Четвертая часть этой работы, охватывающая собою период 90-х и начало 900-х годов, печаталась в «Вестнике воспитания» в годы, непосредственно относящиеся к переписке, и была в большой мере посвящена М. Горькому.

Оценки творчества М. Горького Овсянико-Куликовским находились в тесной зависимости от общих субъективно-психологических посылок, лежащих в основе «Истории русской интеллигенции». Основное назначение этой работы по замыслу автора было — дать картину развития психологии интеллигенции по произведениям русской художественной литературы XIX в. Для этой цели совершенно произвольно выделялись отдельные писатели и произведения, которые на основании субъективных впечатлений казались почему-либо автору наиболее типичными и характерными для настроений интеллигенции. В основу всей «Истории русской интеллигенции» легла старая психологическая теория художественного творчества, сформулированная автором еще в 90-х годах и подправленная в соответствии с его последующей идейной эволюцией к либерализму. Исходя из субъективных представлений о художественном процессе, как процессе чисто мыслительном и внутренне замкнутом в себе, Овсянико-Куликовский в качестве одной из основных задач «Истории русской интеллигенции» ставит задачу установить соотношение между художественным и обыденным мышлением на основе идеалистического принципа экономии мышления, выдвинутого Эрнстом Махом.

Разумеется, при данных исходных точках Овсянико-Куликовский не дал и не мог дать подлинно историческую картину развития русской интеллигенции. Путь к познанию художественного творчества, как процесса раскрытия через образ объективной действительности, им был заранее закрыт.

Однако субъективный принцип, который был положен в основу «Истории русской интеллигенции», в отдельных случаях Овсянико-Куликовским не выдерживался до конца. Широкий литературный материал, внутренняя логика многих художественных образов классической литературы нередко заставляли его отступать от крайностей голого психологизма. В статьях Овсянико-Куликовского мы постоянно встречаем стремление установить связь литературы с фактами обще-культурного, а часто и экономического развития, создать общественную типологию в духе обычных представлений буржуазной социологии. Многие формулировки этого рода сближают Овсянико-Куликовского с историко-культурной школой, другие носят явный след былых его «увлечений» идеями легального марксизма.

Все особенности эклектической методологии Овсянико-Куликовского и сказались на его оценках творчества М. Горького. Анализируя произведения М. Горького, автор «Истории русской интеллигенции» в самом же начале вынужден отметить, что великий художник, вышедший из народа, глубоко чужд упадочнических

интеллигентских настроений. Он отмечает постоянное активное отношение М. Горького к действительности, относит талантливого писателя к числу «русских самородков», говорит о силе его ума, энергии и дарования. Указывает также и на источник действенного отношения к жизни М. Горького, — на глубокую связь писателя с массами. «Образы, которые мы рассмотрели, — пишет Овсянико-Куликовский в заключение своего анализа ранних рассказов Горького, — характерная для Горького антитеза интеллигентской и неинтеллигентской психики, все это свидетельствует о том, что, став настоящим интеллигентом, не хуже других, А. М. Пешков в то же время оставался самим собой. Он не мог, если бы даже и захотел, переделать, усваивая новые идеи и настроения, свою глубоко народную душу по образу и подобию интеллигентской, как эта последняя за сто лет выработалась и установилась у нас в передовых кругах общества». [1]

Отмечая по произведениям М. Горького состояние душевной угнетенности русской интеллигенции, Овсянико-Куликовский характеризует это состояние, как глубоко отрицательное явление русской жизни, свидетельствующее о большом истощении «душевной энергии», грозящее «оскудением жизни». Для распространения таких явлений, по мнению автора, имеются достаточные условия. Сюда относятся: «стойкий затяжной вандализм», «бесчеловечный и антикультурный характер реакции», «закоренелые навыки произвола», «самодурство и холопство», «вековые залежи диких порядков и жестоких нравов». [2]

Как истый представитель либеральной критики, Овсянико-Куликовский, боясь больше всяких реакций революционного движения масс, не делал, однако, сколько-нибудь враждебных выводов по отношению к охарактеризованным им условиям, создававшим рост упадочных настроений среди интеллигенции. Все дело сводилось им к распространению образования и мирной культурной деятельности.

Статьи Овсянико-Куликовского, посвященные истории русской интеллигенции и творчеству М. Горького, вызвали со стороны пролетарского писателя живой отклик, послужив поводом для его глубоко принципиальных высказываний, как по вопросам, непосредственно затронутым в статьях, так и живым волнующим вопросам современности.

В письме от 2 января 1912 г. М. Горький, принимая предложение сотрудничать в «Вестнике Европы», просил Овсянико-Куликовского прислать ему «Историю русской интеллигенции». Интерес М. Горького не был чисто теоретическим или узко научным. Он самым близким образом был связан с общественно-революционной и литературной деятельностью писателя тех лет.

---

[1] Вестник воспитания, 1911, № 8, стр. 36.
[2] Там же, № 6, стр. 12.

Проблема интеллигенции, связанная коренным образом с революционным движением, в разные годы всегда была в поле зрения М. Горького, составляя не только предмет его глубоких творческих исканий, но и непосредственной, живой революционной практики. И как никогда остро она стояла перед революционным писателем в годы реакции после революции 1905 г. Как известно, годы эти для широких кругов русской интеллигенции были годами глубокого идейного разложения и полного разрыва с лучшими традициями русского освободительного движения. Идейное разложение коснулось и художественной литературы. Трудно указать такой период в истории русской литературы, который бы характеризовался таким глубоким идейным распадом. Мотивы крайнего индивидуализма, индифферентизма, покаяния, мистики и пессимизма становятся в те годы доминирующими мотивами творчества многих писателей, еще вчера считавших себя революционерами. М. Горький, находясь вдали от родины, но более чем кто-либо из русских писателей чувствуя биение пульса ее жизни, видел всю глубину падения интеллигенции, с болью наблюдал отход ее от народа. Особенно волновал его идейный разброд среди интеллигенции, оказавший дезорганизующее влияние на ряды революционной демократии. Ему, революционному писателю, тесно связавшему свою судьбу с судьбой рабочего класса, был глубоко понятен огромный вред различных идейных течений, которые являлись в корне враждебными пролетариату.

М. Горький с огромной силой своего художественного и публицистического таланта обрушивается на реакционных представителей враждебных идеологических течений. В своих статьях этого времени — «Разрушение личности», «Издалека», «О современности» он дает развернутый анализ оскудения русской литературы, иронически высмеивает ренегатствующих писателей и призывает лучшие силы революционно-демократической литературы объединиться в борьбе с идейной реакцией. Особую ненависть пролетарского писателя вызывает в этот период проповедь идей национализма, затемнявшая классовое сознание масс и стоявшая немалым препятствием в развитии революционного движения и в деле объединения писателей всех национальностей на революционной почве. Идея борьбы с национализмом находит отражение в целом ряде его публицистических статей. В этой борьбе М. Горький получает самую близкую помощь и ободрение со стороны В. И. Ленина.

Ближайшее отражение идей, замыслов М. Горького, связанных с его общественной и литературной деятельностью этих лет, мы находим в переписке его с Овсянико-Куликовским.

В письме от 2 января 1912 г. к Овсянико-Куликовскому М. Горький ставит вопрос о «пропаганде обще-имперской организации литературных и научных сил». В последующем письме от 20 января 1912 г. М. Горький, извещая Овсянико-Куликовского

об организации журнала «Заветы», сообщает ему о своей давней мечте объединить писателей всех национальностей вокруг какого-либо органа. Редактору «Вестника Европы» М. Горький указывает на необходимость борьбы с национализмом и советует за эту задачу взяться названному журналу. Характерно указание на то, что России «весьма грозит участь Австрии, страны, где огромное количество духовной энергии поглощается борьбою племенной, а обще-культурный рост — застыл почти».

В указаниях М. Горького на необходимость борьбы с национализмом, в ссылке на участь Австрии, как и в призыве к объединению литераторов и ученых, нетрудно увидеть выражение давних устремлений писателя, нашедших место в его замечательной переписке с В. И. Лениным. В письме от второй половины февраля 1913 г. В. И. Ленин, с любовью сообщая о работе своего соратника товарища Сталина над книгой по национальному вопросу, писал М. Горькому: «Насчет национализма вполне с Вами согласен, что надо этим заняться посурьезнее. У нас один чудесный грузин засел и пишет для „Просвещения“ большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы... ...Нет, той мерзости, что в Австрии, у нас не будет. Не пустим! Да и нашего брата, великоруссов, здесь побольше. С рабочими не пустим „австрийского духа“».[1]

Летом 1910 г. в беседе В. И. Ленина с М. Горьким на Капри возникает идея создания ежемесячного журнала, который должен был бы концентрировать вокруг себя лучшие силы художественной литературы. Идея создания такого журнала не оставляет М. Горького и в последующие годы. К 1911—1912 гг. относятся две его неудавшиеся попытки объединить писателей вокруг журналов «Современник» и «Заветы». Как непосредственную задачу дня перед данными журналами М. Горький выдвигал задачу борьбы с национализмом. Вот почему, участвуя в беллетристическом отделе «Вестника Европы», М. Горький не хотел, чтобы данный журнал оставался в стороне от поставленной им задачи. Осторожный тон обращения М. Горького к редактору «Вестника Европы» по затрагиваемым вопросам, хотя и свидетельствует о том, что вряд ли он ожидал от этого журнала большего, чем от «Заветов», однако, и эта лишняя легальная возможность была им использована. Ответ редактора журнала М. Горькому по поводу объединения ученых и литераторов с широкими задачами идейного порядка был достоин направления возглавляемого им либерального органа. Овсянико-Куликовский воспринял эту широкую задачу как мероприятие, аналогичное хлопотам об открытии «Петербургского общества литераторов и ученых»; он, конечно, «сочувствует» идее, думает, что «вопрос станет на очередь», и опасается, что «не раз-

[1] Письма Ленина Горькому. Партиздат, М., 1939, стр. 46—47.

решат». Что касается вопроса борьбы с национализмом, то, высказав на этот счет ряд сентенций вроде — «да живет и развивается всякая национальность, но да исчезнет всякий национализм», шедших у него всегда в плане буржуазного лозунга «культурно-национальной автономии», он не нашел лучшего ответа М. Горькому, как сообщить, что «В „Вестнике Европы“ скоро появится превосходная статья академика Шахматова, касающаяся национального вопроса со стороны языка». Характер ответа Овсянико-Куликовского по затронутым вопросам большой идейной значимости был таков, что М. Горький в последующей переписке уже к ним не возвращался.

В переписке был, однако, вопрос, который постоянно занимал М. Горького, с которого по существу началась и переписка, — это вопрос об «Истории русской интеллигенции». Получив книги от Овсянико-Куликовского, М. Горький писал ему о волнении, с каким они были прочитаны, о значительности работы и о том, что «во многом не согласен» с автором. М. Горький подробно не развертывает пунктов своих возражений, но отдельные беглые его замечания свидетельствуют о наличии у него иных установок в вопросе об истории интеллигенции. Его прежде всего не мог удовлетворить самый принцип построения данной работы, в которой анализу подвергалось лишь творчество корифеев русской литературы и то нередко вне всякой реальной связи их с конкретной социальной действительностью. М. Горький напоминает Овсянико-Куликовскому целый ряд, так называемых, «второстепенных писателей» (Осипович-Новодворский, Слепцов, Помяловский), которые сыграли большую роль в идейном развитии русской интеллигенции. По мнению М. Горького, названных писателей «невозможно оставить в стороне, говоря о духовных недугах русской интеллигенции».

В многочисленных публицистических и критических статьях можно найти целый ряд высказываний М. Горького, которые в прямой форме полемически заострены против ряда положений буржуазных критиков, в том числе и Овсянико-Куликовского. В период переписки с Овсянико-Куликовским видно, что М. Горький далеко еще не был знаком со всеми его литературно-критическими работами. Знакомясь с «Историей русской интеллигенции», М. Горький в прямой форме выразил в одном из своих писем несогласие с автором по вопросу о народном творчестве. В письме своем к Е. Ляцкому М. Горький писал по поводу изданных Е. Ляцким былин: «В наши дни, когда к народу, к его творчеству замечается какое то странное, скептическое, капризное и несерьезное отношение, — тексты, данные Вами, даже и без комментариев — очень солидно возражают тем, кто — как, например, Келтуяла — ныне выводит все творчество народное из аристократии, от командующих классов. Я очень удивлен предисловием ко второй части книги Келтуяла и некоторыми суждениями по

этому вопросу Д. Н. Овсянико-Куликовского, тоже отрицающего творчество народа».[1]

М. Горький, видимо, имеет в виду то место в «Истории русской интеллигенции» Овсянико-Куликовского, где последний, подобно другим буржуазным литературоведам, категорически отрицал самостоятельное значение народного творчества, считая его результатом книжных влияний и заимствований у господствующих классов. «Народное поэтическое творчество, — писал Овсянико-Куликовский, — как это теперь доказано, вовсе не коллективно, а почти то же личное творчество, как и то, которое принадлежит образованным классам. Песни, былины, сказки и т. д. создаются не массой, а отдельными лицами, отдельными умами и талантами, обособившимися и вышедшими из рамок „сплошной" народной психологии — и воспринявшими продукты чужого творчества (чужого в классовом, также и в племенном смысле), созданные раньше». Там же, возражая по вопросам народного творчества Г. И. Успенскому, Овсянико-Куликовский писал: «Можно еще указать на ошибочность мнения, будто народ „сплошным" творчеством создал быль, сказку, песню, пословицу, нравоучительную повесть и т. д. Все это — продукты личного (а не коллективного творчества), и, как теперь установлено, значительная часть произведений нашей „народной" словесности — прямо книжного происхождения».[2]

В корне противоположны были взгляды на народное творчество М. Горького. «Народ не только — сила, создающая все материальные ценности, — писал М. Горький в статье „Разрушение личности" в 1909 г., — он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры». И дальше: «Лучшие произведения великих поэтов всех стран почерпнуты из сокровищницы коллективного творчества народа, где уже издревле даны все поэтические обобщения, все прославленные образы и типы».[3]

Это глубокое указание М. Горького на сокровенный источник творчества великих писателей всех веков и народов имеет огромное принципиальное и методологическое значение. В годы реакции, еще и еще раз указывая, насколько крепка связь русской классической литературы с лучшими чаяниями трудовых масс, с народным творчеством, М. Горький раскрывал перед читателем, насколько чужда декадентская литература лучшим традициям русской классической литературы. Величайшая гордость за свою русскую

---

[1] См. отрывок письма в статье С. Балухатого «Горький и народное творчество» (Правда, 1936, № 347, 18 декабря).

[2] Д. Овсянико-Куликовский. Сочинения, т. VIII, 1909, стр. 163, 158.

[3] М. Горький. Статьи (1905—1916). Изд. 2-е, изд. «Парус», Пгр., 1918, стр. 8, 15.

литературу — «лучшее, что создано нами, как нацией» — не покидает М. Горького в самые тяжелые моменты борьбы. Наоборот, чем острее становилась борьба, тем упорнее он призывает читателя к овладению величайшим классическим наследием прошлого, используя его как могучее орудие в борьбе с идейными врагами пролетариата. В этом свете исключительное значение приобретает инициатива М. Горького по организации многочисленных изданий по вопросам литературы и культуры, рассчитанных на народные массы (например, издание сборников «Знание»).

М. Горький глубоко изучает историю культуры, историю литературы, историю интеллигенции. В этой связи вполне понятен интерес М. Горького ко всякой новой книге, касающейся истории литературы, и, в частности, к «Истории русской интеллигенции» Овсянико-Куликовского. М. Горький не только с большим вниманием прочитал «Историю русской интеллигенции», но и действительно, как он пишет в письме к Овсянико-Куликовскому, рекомендовал эту работу начинающим писателям. Так, в письме П. Максимову от 19 февраля 1912 г. М. Горький писал: «Очень советую: бросьте, на время, читать беллетристику и возьмитесь за серьезные книги, на первый раз я бы посоветовал Вам взять Овсянико-Куликовского „Историю русской интеллигенции", — эту книгу необходимо знать и она Вам много даст». И дальше: «А О. Куликовского обязательно прочитайте все три тома VII, VIII и IX». [1]

В переписке М. Горького с Овсянико-Куликовским затронут вопрос о писателях-демократах. Во многом показательно отношение М. Горького к народному украинскому писателю М. М. Коцюбинскому, имя которого упоминается в переписке.

В письмах М. Горького к Овсянико-Куликовскому заслуживают внимания строки о начинающих писателях. Со стороны М. Горького мы видим постоянную заботу о молодых писателях, огромную его заинтересованность в их росте. М. Горький рекомендует Овсянико-Куликовскому крестьянского писателя Ивана Вольного, и поэта-большевика, сотрудника «Просвещения» — Леонида Старка. Стихи последнего печатаются по рекомендации М. Горького на страницах «Вестника Европы». В годы участия М. Горького в «Вестнике Европы» несомненно были и другие случаи помощи его молодым начинающим писателям, когда «Вестник Европы» по просьбе писателя предоставлял свои страницы талантливой демократически настроенной молодежи. [2] Рассказы М. Горького и про-

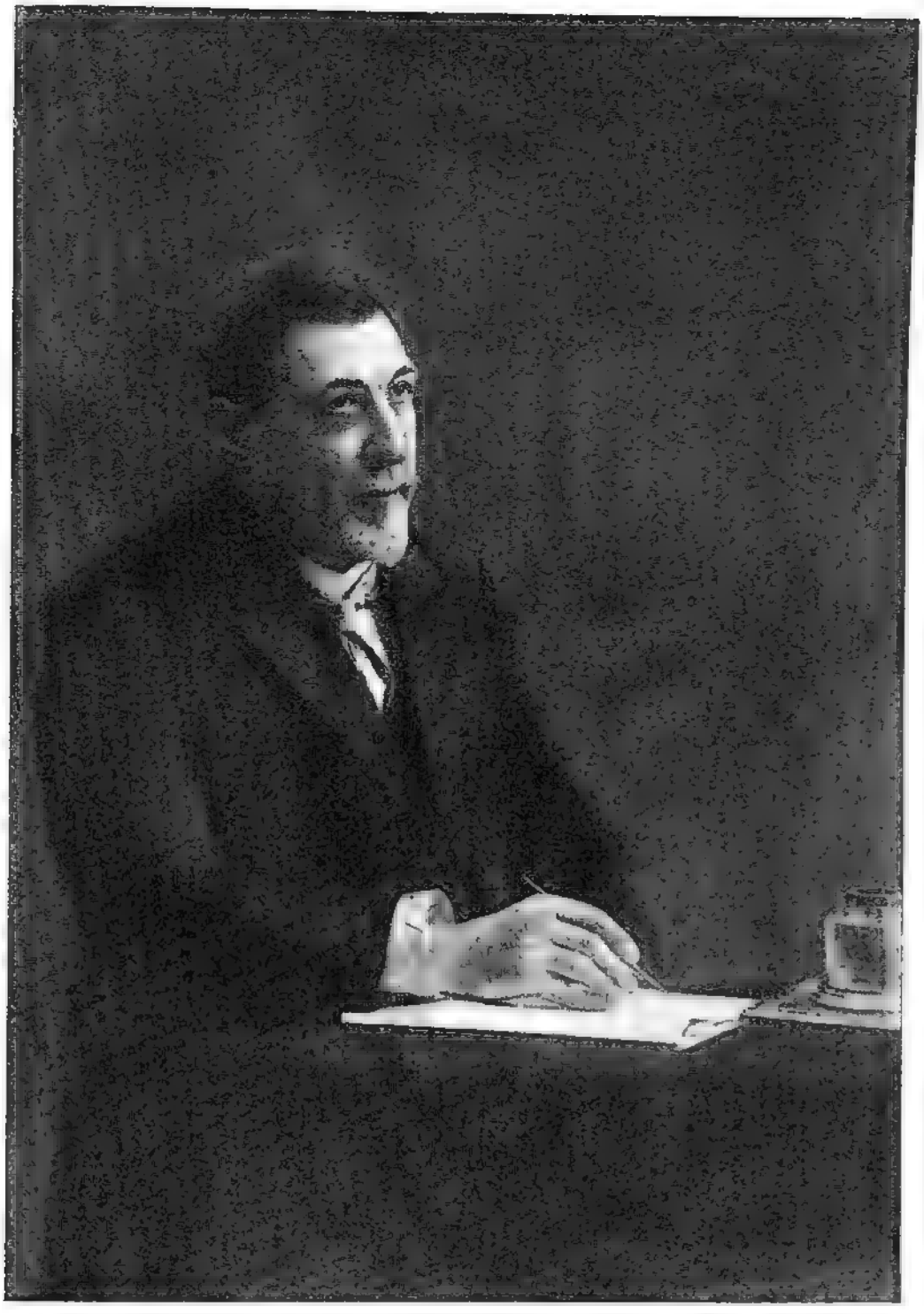
---

[1] Павел Максимов. О Горьком. Письма А. М. Горького и встречи с ним. Ростовское обл. книгоизд., Ростов на Дону, 1939, стр. 32.

[2] В письме к поэту Д. Н. Семеновскому от 23 апреля 1913 г. М. Горький писал по поводу его стихов: «Два стихотворения второго присыла пошлю завтра Овсянико-Куликовскому для „Вестника Европы", третье „Просвещению"». См. книгу Д. Семеновского «А. М. Горький» («Советский писатель», М., 1938, стр. 8).

изведения молодых начинающих писателей в «Вестнике Европы» были единственной свежей струей, которая оживляла беллетристический отдел журнала.

Ценный материал дает переписка М. Горького с Овсянико-Куликовским по вопросам, связанным с временным сотрудничеством писателя в журнале. В письмах находит отражение и напряженная творческая работа М. Горького. Так, в одном из писем в связи с вопросом о заголовке к серии рассказов «По Руси», М. Горький раскрывает внутреннюю тематику этих очерков. Для нас имеет большое значение указание М. Горького на действенный характер «проходящего», от лица которого ведется повествование в названных рассказах. В немногих строках его письма вскрыта основная целеустремленность этого большого цикла.



Д. Н. Овсянико-Куликовский.

1

М. ГОРЬКИЙ — Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОМУ

[16 декабря н. ст. 1911 г.]

Многоуважаемый Дмитрий Николаевич!

Вчера, — 15—XII, — получил «Вестник Воспитания», где Ваши статьи, посвященные моей литературной работе, — неодолимо захотелось сказать Вам искреннее спасибо за Ваше серьезное отношение к моему труду, поделиться с Вами тою радостью, теми мыслями, которые вынес я из Ваших статей.

Вам известно, что, в свое время, я был весьма обласкан критикой, но — она не дала мне решительно ничего, кроме приятных эмоций, ничему не научила меня — позвольте сказать Вам, что впервые за двадцать лет литературной деятельности я испытал чувство глубокого нравственного удовлетворения, читая Ваши поучительные и как нельзя более, современные статьи.

Объясняюсь, дабы Вы не подумали, что я говорю любезности, что эти заявления вызваны радостью автора, которого хвалит критик, — нет, моя радость вызвана иными, более объективными причинами.

На стр. 22—24-й 6-й книги впервые в русской литературе дана удивительно точная и глубокая характеристика «тоски» — таинственного свойства русской души, которым у нас принято хвастаться, которое и я, в свою пору, считал началом творческим, но которая, в существе своем, есть ничто иное, как национальная болезнь духа, превосходно описанная Вами на 12-й стр. той же книги — болезнь Ярославцева.

Впервые, говорю я, мною встречено в столь резкой и точной форме это печальное, но давно уже необходимое и удивительно своевременное указание на органическую склонность великорусса к восточному пассивизму, который, в смешении с прославленной «широтой русской души» — вернее — с бесформенностью, хаотичностью этой души, — дает столь характерный для нас «ухарский

нигилизм», всегда — пагубный, особенно губительный в наше строгое время.

Именно здесь, дорогой Дмитрий Николаевич, лежит — как я уверен — основы таких болезненных и уродливых явлений, каковы Карамазовщина и Каратаевщина...

...Отсюда — все наши «лишние люди», богомолы, бродяги, а также интеллигентское «беспокойство, охота к перемене мест» и на земле, и в области идей.

Именно отсюда, из «неумения и бессилия личности бороться за свое и общее дело, за лучшее будущее в недрах самого общества» вытекает — на мой взгляд — объяснение таких явлений, как наш мужицкий анархизм, выразившийся в бегунстве, нетовщине, мужицкий пессимизм, выраженный бегством в леса и пустыни, самосожжением, историею на Терновских плавнях и вообще историей северной Руси, всегда, как нам известно, хранившей в себе тенденцию «разбрестись розно».

«Моя идея — угол», — многократно говорил Ф. Достоевский, злой гений культурной России, человек, с наибольшей силой и ясностью изобразивший духовные болезни, привитые нам от монгола, увечья, нанесенные нашей душе мучительной московской историей.

Поставить верный диагноз не безнадежно больному — значит на половину одолеть болезнь. Мне думается Дмитрий Николаевич, что Вами поставлен диагноз национальной болезни русского человека и что с этой новой, плодотворной, национально важной точки зрения, следовало бы пересмотреть всю историю русской мысли, литературы, общественности. Отсюда глядя, мы поняли бы, наконец, почему у нас люди постоянно мечутся от социального фанатизма, зачеркивающего личность, к пассивному анархизму, совершенно отрицающему общество.

Неописуемо важны эти Ваши мысли именно теперь, когда в России главенствующее ее племя постепенно поддается внушениям зоологического национализма, когда внутренно расшатанное и усталое культурное общество видимо не в силах противоборствовать возрождению азиатски деспотических идей и проповедь порабощения племен, в состав империи входящих, не встречает в литературе и душе общества достаточно обоснованного, энергичного и необходимого отпора.

Дня три тому назад я отправил маленькую заметку на эту тему в «Запросы Жизни» и сегодня, прочитав Ваши статьи, был, повторяю, глубоко взволнован совпадением моих мыслей с Вашими. Поблагодарю Вас еще и за то, что Вы с достаточной ясностью отметили мое давнее и постоянное стремление проповедовать действенное, активное отношение к жизни — эту проповедь я считаю национально необходимой, единственно спасительной.

Знаете, что еще можно сказать Вам? Вы, южане, очевидно более зорки, чем люди северной России: о русском мужике написаны и пишутся целые сотни книг, а исчерпывающий очерк души русского мужика, исторически верный тип его дал В. Г. Короленко.

Надеюсь, Вы, Дмитрий Николаевич, не подумаете, что все сказанное, сказано в каких либо иных целях, кроме желания поделиться с Вами теми соображениями, которые с особенной силою взволнованы Вашею работою и которыми давно болит душа моя.

Как хотелось бы познакомиться с Вами лично и поговорить о том, что так важно, своевременно и может иметь прекрасные результаты не для нас одних. Не заглянете ли Вы на этот милый камень среди моря? Как хорошо было бы!

Всею душой желаю вам доброго здоровья, бодрости духа, крепко жму руку

А. Пешков

Письмо — машинопись на трех страницах почтовой бумаги большого формата. Последняя фраза и подпись рукою М. Горького. Печатается в выдержках.

...маленькую заметку на эту тему в «Запросы жизни»... — М. Горький говорит о статье «Издалека», напечатанной в «Запросах жизни», 1911, № 11, 16 декабря и имеющий дату: Capri. 15.XII. В этой статье М. Горький освещает текущий политический момент, говорит о необходимости единения литераторов, ученых, о всероссийской демократии, о задаче литературы, о знакомстве с национальными культурами.

...очерк души русского мужика... дал В. Г. Короленко. — М. Горький имеет в виду образ Тюлина в рассказе «Река играет», о котором он неоднократно писал в статьях и письмах. В этом образе М. Горький усмотрел огромную правду, сказанную Короленко о русском народе, о его дремлющей до времени силе; эта сила незаметна в обычное время, но она просыпается и мощно дает себя знать в моменты опасности, кризиса, перелома. М. Горький писал еще в 1899 г. в письме к И. Репину: «Я верю в национальность русского характера и считаю, например, Тюлина у Короленко выражением национального русского характера. Тюлин на Ветлуге — тот же Минин в истории. Явился, сделал подвиг и исчез, пропал, уснул» (Минувшие дни. 1928, № 4, стр. 15). В письме к Короленко от 24 июля 1913 г. М. Горький сообщал о реферате, который он читал для рабочих. Темой реферата была роль Тюлина в русской истории: «У меня вышло так, что и Минин, и Болотин, и Пугачев — все Тюлины!» (30 дней, 1931, № 6, стр. 91).

сижехъ противообрѣтенныя возрождающія плѣтки достоинствъ [illegible] повѣдь порабощенія плоскомъ, въ составѣ которой [illegible] литературѣ и душѣ обществѣ достаточно обязанъ [illegible] сильнаго отпора.

Для три тому назадъ я отослалъ маленькую [illegible] трезвомъ Жизни" и сегодня, прочитавъ Ваше [illegible] совпаденіемъ моихъ мыслей о [illegible] что Вы съ достаточной полнотой отмѣчали [illegible] нѣ проповѣдь дѣйственное, активное [illegible] я считаю педіонально необходимой, [illegible]

Знаете, что еще можно сказать Вамъ? Вы, какъ [illegible] жизни [illegible] Россіи русскомъ мужикѣ [illegible] книгъ, а почерпнувшій [illegible] его дѣлъ В. Г. Короленко.

Чудится, Вы, Дмитрій Николаевичъ, не подумаете, что все сказанное [illegible] мысль мнѣ могъ бы [illegible] желаніемъ, которое съ особенной силой [illegible] дѣлать больно душѣ моей.

Какъ хотѣлось познакомиться съ Вами [illegible] такъ много, что хотѣлось [illegible] этотъ годъ книгу такъ [illegible] душѣ.

[illegible]

Письмо М. Горького к Д. Н. Овсянико-Куликовскому от 16 декабря 1911 г. (см. стр. 137).

2

Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ — М. ГОРЬКОМУ

11 дек[абря] 1911.

С. Петербург.
Боровая, 10.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

От души благодарю Вас за Ваше милое, умное, искреннее письмо. Оно дорого мне, во-первых, лично, во-вторых как пи-

сателю, пишущему психологическую «Историю русс[кой] интеллигенции». Четвертая часть ее, начало которой печатается теперь в «Вестнике воспитания», будет на половину, если не на $^3/_4$, наполнена Вами. Пока я успел написать 5 глав, из коих последняя появится в январ[ской] книге «В[естника] восп[итания]» (1912 г.). Я писал их летом в Крыму, на той самой даче Ф. П. Максимовича (возле Гурзуфа), где когда-то и Вы жили. Перечитывая Ваши произведения 90-х гг., вчитываясь и вникая в них, я все более очаровывался — не только ими, но и личностью их автора.

Я убедился в ж и в у ч е с т и Ваших художественных произведений. В прежнее время многочисленные Ваши читатели и почитатели (и я в том числе) обращали внимание почти исключительно на яркость Ваших красок, на идейное содержание, на лирику в описаниях степи и моря, на колоритность языка. Но, кажется, лишь немногие замечали, что, — кроме всего этого, там есть еще нечто другое. Как определить это другое? Я бы сказал: «задумчивость» глубокой и искренней души, — то самое (только иначе выразившееся), что пленяло и вечно будет пленять у Чехова. Этот «плюс» (нужно признаться) я открыл у Вас только этим летом, вчитываясь в Ваши произведения. Открыв его, я убедился в том, что Вас недостаточно ч и т а т ь, а нужно в ч и т ы в а т ь с я, т. е. и з у ч и т ь, — и еще я открыл, что начинаю любить Вас, скажу, моею «чеховскою» любовью.

Помимо всего этого, личного, субъективного, — излишне распространяться о том, как велик о б ъ е к т и в н ы й интерес, представляемый Вашими произведениями и Вами лично для «Истории русской интеллигенции» за последние 20 лет. —

В этой работе у меня теперь (после 5 глав о Вас в 90 гг.) на очереди: марксисты и народники 90-х гг., «от марксизма к идеализму», потом «от идеализма к ерундизму», — и даст бог — дойду до «Вех». Но, разумеется, будут и главы, посвященные психологии и критике сериозных идеологических исканий последних годов (с 1905 г.). Тут прийдется вернуться к Вам, — и я знаю, что Ваша литературная работа этого периода даст мне много.

Вашу статью о Каронине прочитал я с великим удовольствием и думаю утилизировать ее (в одной из дальнейших глав «Истории интеллиг[енции]»). Очень будет интересно прочитать Вашу статью в «Запросах жизни».

Теперь позвольте «закинуть удочку»: если бы Вы пожелали дать что-нибудь для «Вестника Европы», редакция in corpore встретила бы это с единодушным сочувствием.

Летом мы (т. е. я с семьей) предполагаем двинуться за границу. Но удастся ли попасть на Капри, — не знаю. А хотелось бы... Может быть, и удастся.

От души желаю всего хорошего.

Искренно преданный

Д. Овсянико-Куликовский.

P. S. Вы забыли проставить адресс, — поэтому посылаю И. А. Бунину для передачи Вам.

Письмо на двух листах почтовой бумаги обычного формата.

«Вестник воспитания» — ежемесячный научно-популярный педагогический журнал; издавался в 1890—1917 гг.; с 1895 г. редактором журнала был Н. Ф. Михайлов. Главное место в журнале занимали вопросы педагогики, школьного и внешкольного образования, организации учебно-воспитательной работы. В журнале освещались также вопросы искусства, литературы и естествознания. Журнал группирвчал вокруг себя научные силы; в нем участвовали: В. М. Бехтерев, Р. Ю. Виппер, В. Н. Острогорский, Н. К. Михайловский и др. Д. Овсянико-Куликовский состоял постоянным сотрудником «Вестника воспитания» более десяти лет. С 1903 по 1915 г. на страницах журнала периодически печатался ряд литературно-критических его статей, объединенных общим заголовком «Итоги русской художественной литературы XIX века». Данные статьи составили три известные части его «Истории русской интеллигенции». Четвертая часть этой работы печаталась в журнале 1911—1912 гг. и в значительной мере была занята характеристикой произведений М. Горького. Творчеству М. Горького здесь было посвящено пять глав: глава XXXIV — «А. М. Пешков (М. Горький) в 90-х годах — рассказы „Ошибка", „Тоска"». (Вестник воспитания, 1911, № 6, сентябрь); глава XXXV — «Излюбленные герои Горького. „Челкаш"» (№ 7, октябрь); глава XXXVI — «Излюбленные герои Горького. „Коновалов"» (№ 8, ноябрь); глава XXXVII «Фома Гордеев. Ежов. Горький и интеллигенция» (1912, № 1, январь).

...Статью о Каронине... — воспоминания М. Горького о Н. Е. Каронине-Петропавловском под заглавием «Писатель» были напечатаны в журнале «Современник», 1911, кн. X, октябрь.

Вестник Европы — ежемесячный журнал, основанный М. М. Стасюлевичем в 1866 г.; с 1908 г. редактировался коллегией в составе М. М. Ковалевского, К. К. Арсеньева, Н. А. Котляревского, Д. Н. Овсянико-Куликовского. Журнал группировал вокруг себя академические круги либеральной кадетской интеллигенции. Публицистический отдел журнала возглавлялся К. К. Арсеньевым и М. М. Ковалевским. В. И. Ленин в письме к М. Горькому от 22 ноября 1910 г. следующими словами определил направление журнала: «Есть направление у „Вестника Европы" — плохое, жидкое, бездарное, но направление служащее определенному элементу, известным слоям буржуазии, объединяющее тоже определенные круги профессорской, чиновничьей и так называемой интеллигенции из „приличных" (желающих быть приличными, вернее) либералов» (Письма Ленина Горькому. Партиздат, М., 1939, стр. 30). Беллетристический отдел журнала в идейном отношении был менее однороден. В нем печатались: П. Боборыкин, Н. Минский, Е. Чириков, И Сургучев, И. Бунин, Д. Айзман, К. Бальмонт, С. Городецкий, А. Чапыгин, В. Муйжель и др.

3

М. ГОРЬКИЙ — Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОМУ

2 января 1912 г. Капри.

Уважаемый Дмитрий Николаевич!

Спасибо Вам за письмо, слишком лестное для меня и возбудившее во мне с еще большею силой желание видеть Вас, познакомиться и поговорить «по душе».

Вы не упрекнете меня в наянливости, если я попрошу Вас прислать мне Ваши книги по истории русской интеллигенции? Будьте добры, сделайте это!

И еще — М. М. Коцюбиньский говорит, что у Вас есть работы по фольклору — пришлите мне их, очень прошу! И извините бесцеремонность мою — очень уж трудно доставать отсюда книги. Мой адресс просто — Италия, Капри, Горькому.

Ваше любезное предложение сотрудничать в «В[естнике] Е[вропы]» я с удовольствием принимаю и, если редакция желает, могу по скорости прислать небольшой рассказ о долголетнем споре одного россиянина с богом.

Мне очень хотелось бы знать как Вы смотрите на пропаганду обще имперской организации литературных и научных сил?

Доброго здоровья, бодрости духа!

А. Пешков

Письмо написано на листе почтовой бумаги обычного формата. Последняя фраза и подпись — рукою М. Горького.

...Работы по фольклору... — см. следующее письмо.

4

Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ — М. ГОРЬКОМУ

3 янв[аря] 1912.

С.-Петербург.
Боровая, 10.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Редакция «Вестника Европы» поручила мне просить Вас прислать рассказ о споре россиянина с богом. Издатели журнала предлагают гонорар 500 руб. за печ[атный] лист.

Будем ждать с нетерпением. «Историю интелл[игенции]» [3 тома] я послал Вам. — По фольклору я не писал, но были у меня работы по мифологии и религии (индусов). Если это Вас

интересует, пришлю тот том, куда вошла статья на эту тему. Там есть и разное другое: по психологии мысли и чувства, по художеств[енному] творчеству и пр.

Очень возможно, что летом мы увидимся.

Что касается «организации литерат[урных] и научных сил», то это дело, разумеется, хорошее: и было бы оно, как нельзя более, кстати, но... едва ли выгорит. Сейчас идут хлопоты об открытии «п е т е р б у р г с к о г о общества литераторов и ученых». Уповаем, но не уверены, что разрешат. Вашу заметку в «Запрос[ах] ж[изни]» прочитал и сочувствую идее. Она вызовет отклик, и, вероятно, вопрос станет на очередь.

Живем помаленьку...

Всего хорошего! Как Вы вообще чувствуете себя и как, в частности, Ваше здоровье?

Искренно преданный

Д. Овсянико-Куликовский

Письмо на листе бумаги обыкновенного формата.

...Работы по мифологии и религии (индусов). — Имеется в виду «Собрание сочинений» Д. Овсянико-Куликовского, т. VI. Психология мысли и чувства. Основы веданизма. Пб., 1909.

Вашу заметку в «Запросах жизни» прочитал... — Статья «Издалека» (Запросы жизни, 1911, № 11, 16 декабря).

Сейчас идут хлопоты об открытии «Петербургского общества литераторов и ученых». — В ноябре 1911 г. состоялись совещания представителей органов периодических изданий, выдвинувших идею создания нового Общества. На совещаниях присутствовали В. Короленко, Д. Овсянико-Куликовский, В. Кранихфельд, Ф. Батюшков, В. Водовозов и др. Специальная комиссия разработала устав Общества, утвержденный в апреле 1912 г. как устав «Всероссийского литературного общества», целью которого было «всестороннее содействие развитию и процветанию литературы и улучшению бытовых и правовых условий литературной деятельности». В члены Совета нового общества были избраны: Ф. Батюшков, В. Кранихфельд, А. Редько, А. Кремлев и др. (Запросы жизни, 1912, № 16, стр. 973—974).

5

М. ГОРЬКИЙ — Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОМУ

20 I [1]912 [н. стр.] Capri.

Уважаемый Дмитрий Николаевич!

Рассказ — пришлю, но не «богоборца», а другой. Есть тема, которую давно хочу и обязан разработать.

Три ваши книги получил, сердечно благодарен. Очень просил бы прислать и ваши работы по мифологии; если это вас не затруднит — пришлите пожалуйста!

Как попытка объединения литераторов всех народностей, зачинается журнал в России; что будет — не знаю, многого — не жду. Прошу вас: обратите внимание на повесть Ивана Вольного, она начнется печатанием с первой книги журнала, автор — орловский крестьянин. Мне эта вещь кажется очень интересной и даровито сделанной.

Буде в этом журнале не удастся соединить публику, — другой надобно начинать.

Собственно говоря — за эту задачу надо бы взяться вам, «Вестнику Европы», старейшему журналу великорусскому, наиболее глубоко понимающему значение культуры, наименее партийному.

Весьма басовито и внушительно прозвучало бы на страницах «В[естника] Е[вропы]» указание на то, что нам, России, весьма грозит участь Австрии, страны, где огромное количество духовной энергии поглощается борьбою племенной, а обще-культурный рост — застыл почти.

Простите, что открываю Америку! Мне кажется, что «национализм», хотя и не сильно, а всетаки просачивается в массу российского народа, я его — знаю и, естественно, побаиваюсь эффектов нежелательных, а в то же время мне думается, что встать поперек этого течения можно, и должно.

Да, помимо массы народной, ведь и «культурное» наше общество весьма нуждается в том, чтоб ему изъяснили какою рукой от чертей отмахиваться надо.

А впрочем — будьте здоровы и еще раз — спасибо за книги! Всего доброго желаю.

А. Пешков

Письмо на листе почтовой бумаги большого формата с обеих сторон. В переписке сохранился конверт письма с адресом и датой штемпеля 24 января 1912 г.

Три Ваши книги... — имеется в виду «Собрание сочинений» Д. Овсянико-Куликовского, тома VII—IX — «История русской интеллигенции», части 1—3. Пб., изд. Т-ва «Общественная польза» и книгоизд. «Прометей», 1911.

...зачинается журнал в России... — имеется в виду журнал «Заветы» см. стр. 79 настоящего сборника.

6

Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ — М. ГОРЬКОМУ

23 января 1912.

С.-Петербург.
Боровая, 10.

Глубокоуважаемый
Алексей Максимович!

Доложил редакции, что Вы пришлете не «Спор», а другую вещь, давно задуманную. Редакция благодарит и шлет Вам привет. Ждем с нетерпением.

Посылаю Вам еще два тома (V и VI). Там есть и кое-что из области моей филологии и психологии (именно в VI-м томе). В V-м найдете давнишнюю статью о «На дне».

Открытая Вами «Америка» принадлежит к числу тех, которые необходимо открывать и разъяснять с разных сторон. Лозунгом должно быть: да живет и развивается всякая национальность, но да исчезнет всякий национализм. Дать простор развитию национальностей значит подорвать националистические стремления. Этой темой я давно интересуюсь и кое-что писал — в «Украинском Вестнике» (1906 г.). Думаю со временем переработать эти статьи («Что такое национальность»), а пока исподволь подбираю материал. Национализм есть болезнь национальности, возникающая у тех наций, которых угнетают, и у тех, которые угнетают других. Скверным симптомом явилась недавно статья П. Б. Струве в «Русс[кой] Мысли», где он ополчился против украинского движения, которое, по его мнению, следует подавлять, ибо оно, будто бы, опасно для целости России. В прежнее время мы это читали в статьях Каткова и ему подобных. Последняя эволюция Струве, очевидно, приведет его в реакционный тупик. В «Вестн[ике] Европы» скоро появится превосходная статья акад. Шахматова, касающаяся национального вопроса со стороны языка. Это будет отчасти и ответ Струве (хотя статья была написана раньше — для сборника по национальному вопросу, но это предприятие не осуществилось).

Повесть Ив. Вольного непременно прочту.

Всего хорошего!
Душевно преданный

Д. Овсянико-Куликовский

P. S. Почему молчит И. А. Бунин и не шлет обещанного рассказа? Надеюсь, его здоровье поправляется.

Письмо на двух листах почтовой бумаги обычного формата.

Посылаю Вам еще два тома... — «Собрание сочинений» Д. Овсянико-Куликовского, т. V — «Гейне, Гёте, Чехов, Герцен, Михайловский, Горький»; т. VI — «Психология мысли и чувства. Художественное творчество. Основы ведаизма». Пб., изд. т-ва «Общественная польза» и книгоизд. «Прометей», 1909.

...статью о «На дне». — Статья «Социальные отбросы», первоначально печаталась в газете «Харьковский листок», 1903, сентябрь, затем вошла в т. V «Собрания сочинений» Овсянико-Куликовского 1909 г. В этой статье Овсянико-Куликовский, высоко оценивая художественные стороны пьесы «На дне», неверно трактует ее огромное социальное содержание, следуя за трафаретными оценками либерально-буржуазной критики.

«*Что такое национальность*» — статья Д. Овсянико-Куликовского, печаталась в «Украинском вестнике», 1906, в №№ 1, 2, 5, 6, 8, 11, 12.

...статья П. Б. Струве — «Общерусская культура и украинский партикуляризм» напечатана в «Русской мысли», 1912, № 1.

...статья акад. Шахматова в «Вестнике Европы» не появилась. Речь идет, видимо, о статье А. А. Шахматова «Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка», напечатанной в сборнике: «Украинский народ в его прошлом и настоящем». Изд. «Жизнь и Знание», 1916, стр. 664—707.

7

М. ГОРЬКИЙ — Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОМУ.

29 II [1]912 [н. ст.]

Многоуважаемый Дмитрий Николаевич!

Если вам еще не передали то на днях передадут рукопись моего рассказа «Три дня», о чем и спешу известить Вас.

С большим волнением прочитал вашу «Историю интеллигенции» и теперь рекомендую эту книгу разным «начинающим писателям».

Искренно желаю Вам доброго здоровья, кланяюсь.

А. Пешков

Письмо написано на листе почтовой бумаги большого формата.

.. и теперь рекомендую эту книгу... — В письмах к начинающим писателям 1912—1913 гг. М. Горький неоднократно указывал на необходимость изучения истории русской литературы, отмечая в числе лучших книг — книгу Овсянико-Куликовского.

8

Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ — М. ГОРЬКОМУ

20 февр. 1912 г.

С.-Петербург. Боровая, 10.

Глубокоуважаемый

Алексей Максимович!

Получил и рукопись, и письмо. «Три дня» мне очень и очень понравились, как по замыслу, так и по исполнению. Редакция

Вам очень признательна. Решили напечатать в двух ближайших книгах, т. е. в апрельской и майской, — в уповании, что к зиме Вы пришлете еще что-нибудь. В той же апрельской книге появится и повесть И. А. Бунина.

Спасибо за доброе слово об «Истории р[усской] интеллигенции». В новом издании будут пополнены некоторые пробелы, которых не мало. Так, необходимо будет внести Писемского и Гаршина. А главное прийдется дописать 4-ую часть.

Не теряю надежды попасть летом на Капри.

Всего хорошего!

Душевно преданный

Д. Овсянико-Куликовский

Письмо на листе почтовой бумаги обычного формата.

«Три дня» печатались в «Вестнике Европы», 1912, № 4 и № 5.

...повесть И. А. Бунина — «Суходол», была напечатана в журнале «Вестник Европы», 1912, № 4.

М. ГОРЬКИЙ — Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОМУ

[Конец февраля 1912 г.]

Глубокоуважаемый Дмитрий Николаевич!

Не сочтите, пожалуйста, нижесказанное дерзостью с моей стороны и позвольте напомнить вам писателей, которых, — как мне казалось бы — не возможно оставить в стороне, говоря о духовных недугах русской интеллигенции. Уж если вы думаете дополнить вашу поучительную и важную книгу характеристиками Писемского и Гаршина — не следует ли также внести в нее характеристики Слепцова, Помяловского и Осиповича?

Последний, мне кажется, очень много сказал своим «Эпизодом из жизни ни павы, ни вороны», у Помяловского любопытен Череванин, а у Слепцова — Рязанов. Позвольте обратить внимание ваше на стр. 248—54 и 305—12 в повести «Трудное время» (Соч. Слепцова 3-е изд. 903 г.). Однажды А. П. Чехов сказал мне, что Слепцов лучше многих научил его понимать русского интеллигента да и самого себя.

Еще раз — прошу, извините, что вмешиваюсь в ваше дело столь бесцеремонно может быть вам более понятно будет это вмешательство, если я скажу, что второй раз читаю книгу вашу и все с

тем же волнением, как впервые читал, хотя во многом и не согласен с вами.

Очень вы обрадовали меня сообщением вашим, что будете на Капри.

«Три дня» посланы мною потому что вещь, которую я начал писать для «В[естника] Ев[ропы]», мне не удалось бы кончить к сроку, указанному мною, и я отложил ее на осень, когда — с удовольствием — представлю вам. Не пожелаете ли вы иметь перевод весьма нашумевшего в Сирии и Египте романа, написанного арабом Георгием Зидоном? Роман именуется «Переворот», изображает интимную сторону младо-турецкого заговора, переводчик — араб Шукри Свидан Гассанит, его адресс:

Америка С. Ш. Ворчестер, Массачусетс, Wall Str, 96.

Знакомые арабы очень хвалят автора и книгу.

Могу ли я просить, чтоб контора «В[естника] Е[вропы]» послала в счет гонорара за рассказ 500 р. по прилагаемому адрессу?

Если вы похлопочете об этом — буду весьма благодарен!

Душевно желаю всего хорошего, будьте здоровы.

А. Пешков

Письмо на листе почтовой бумаги большого формата. — Без даты. Время написания определяем датой ответного письма Д. Овсянико-Куликовского.

Осипович — А. Осипович-Новодворский (1853—1882). Его повесть «Эпизод из жизни ни павы, ни вороны» напечатана была впервые в «Отечественных записках», 1876, № 6. В ней изображается двойственность положения интеллигента 70-х годов, находящегося между «молотом и наковальней». А. Осипович талантливо уловил новые настроения среди народнической интеллигенции и отметил начало ее глубокого идейного и психологического перерождения.

«Трудное время» — повесть В. А. Слепцова (1836—1878), напечатанная впервые в журнале «Современник», 1865, №№ 4—5, 7—8. В ней он разоблачает умеренных дворян — либералов, прикрывающих фразами гуманизма свое хищничество и поддержку крепостнических порядков. На указанных М. Горьким страницах повести главное действующее лицо, интеллигент Рязанов, высмеивает либерала-помещика Щетинина. Рязанов по своей идеологии близок русским просветителям 60-х годов. В своей статье «О Василии Слепцове» М. Горький дал высокую оценку повести (Литературное наследство, 1932, № 3, стр. 146—147).

Череванин — герой романа Н. Г. Помяловского (1835—1863) «Молотов». Упоминание о Череванине находим также в более раннем произведении Н. Помяловского — «Мещанское счастье». Череванин, как и Молотов, разночинец один из ярких типов интеллигента в демократической литературе 60-х годов. В романе он противопоставлен Молотову, как человек, который не может ограничиться «мещанским счастьем».

М. Горький в своих публицистических статьях высоко оценивал творчество писателей А. Осиповича, В. Слепцова и Н. Помяловского, считая, что указанные писатели сыграли большую роль в идейном развитии русской

интеллигенции. Так, в статье «О литературе» (1931) он писал, что «хорошие повести Помяловского» недооценены, как недооценена повесть Слепцова «Трудное время». Эти авторы, по его мнению, — «проницательно изобразили процесс превращения героя в лакея, — процесс, который и в наше буйное время имеет место в жизни». О том же говорил М. Горький в другой статье «О том, как я учился писать» (1928). В статье «Беседы о ремесле. III» (1930) М. Горький определенно указывал на Помяловского, как на писателя, который творчески влиял на него. «Возможно, — писал он, — что Помяловский „влиял" на меня сильнее Лескова и Успенского. Он первый решительно встал против старой дворянской литературной церкви, первый решительно указал литераторам на необходимость изучить всех участников жизни — „нищих, пожарных, лавочников, бродяг и прочих".

Георгий Зидони — Жоржи (Георгий) Зейдан, крупнейший арабский писатель, историк и романист XIX—XX вв. (14 XII 1861 — 21 VIII 1914). Уроженец Бейрута, большую часть жизни он провел в Каире, где основал (1892) наиболее популярный до наших дней журнал «аль-Хиляль». В приложении к нему он опубликовал 22 исторических романа. «Османский переворот», посвященный событиям младо-турецкой революции 1908—1909 гг., живо всколыхнувшей арабские страны, вышел в 1911 г. (4-е издание 1926 г.; франц. перев.: G. Zaïdan. Allah veuille. Roman de la révolution turque. Traduit de l'arabe par M. I. Bilâr et Thierry Sandre, Paris. E. Flammarion, 1924). О Зейдане см.: И. Крачковский. Исторический роман в новой арабской литературе. — Журн. мин. нар. просв., 1911, июль, научн. отд. (отд. отт. 17—25); также: Der historische Roman in der neueren arabischen Literatur. - Die Welt des Islam, XII, 1930. 69—70; id.; Enzyklopedie des Islam, IV, 1934, 1294—1295.

Шукри Халиль *Свидан* — один из многочисленных сирийских эмигрантов в Америку, изучил русский язык, вероятно, в школах Палестинского общества, с которыми он был как-то связан; в томе же 1912 г. в Бостоне он напечатал на арабском языке историю Палестинского общества за 25 лет (см. рецензию И. Крачковского в «Сообщениях Палестинского общества», XXIV, 1913, 553—555). Его перевод, равно как и существовавшие в рукописи другие переводы на русский язык романов Зейдана остались неопубликованными.

10

Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ — М. ГОРЬКОМУ

4 марта 1912.

С. Петербург. Боровая, 10.

Глубокоуважаемый

Алексей Максимович!

Ваша просьба о высылке 500 руб. по данному адресу будет исполнена неукоснительно — завтра или послезавтра.

Я очень признателен за Ваши указания. И мне это не только не обидно, но даже лестно, а кроме того и полезно, ибо в моей «Истории интелл[игенции]» много пробелов и недочетов, и сам не всегда вò время вспомнишь о том или другом писателе или произведении. В особенности благодарен я за напоминание о Новодворском (Осиповиче), которого в свое время (1877—1880) я читал весьма усердно, а вот теперь — из головы вон. Это был очень талантливый беллетрист и притом — с юмором. Не-

пременно введу его, как и Слепцова. Следует ввести и Каронина. Эта мысль пришла мне в голову еще в прошлом году — благодаря Вам, — при чтении Вашей превосходной статьи в «Соврем[енном] Мире». Этой статьей я воспользуюсь, — она рельефно очерчивает один из «моментов» в истории идей и настроений интеллигенции.

Редакция «В[естника] Евр[опы]» шлет Вам глубокую благодарность, как за «Три дня», так и за обещанную на осень вещь. Я уже писал Вам, что «Три дня» пойдут в апреле и мае. Рукопись уже в наборе.

О романе араба рецензий еще не последовало — за отсутствием Арсеньева, к-рый поехал отдыхать в Выборг.

Недели через две вопрос выяснится.

Получаете ли Вы «В[естник] Евр[опы]» на правах сотрудника?

Всего хорошего!

Искренно преданный

Д. Овсянико-Куликовский

Письмо на листэ почтовой бумаги обычного формата.

. . *при чтении Вашей превосходной статьи*. . . — статьи о Н. Е. Каронине-Петропавловском под заглавием «Писатель» — в журнале «Современник», 1911, кн. X, октябрь. Указание на «Современный мир» ошибочно.

11

М. ГОРЬКИЙ — Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОМУ

[1912 г.?]

Многоуважаемый Дмитрий Николаевич!

Не покажется ли Вам интересным, пригодным для «Вестника Европы» и поучительным для русской публики прилагаемый перевод очерка А. Равицца?

Два соображения принудили меня предложить Вам этот очерк: мне кажется, что в России своевременно говорить о гуманизме и гуманитарной деятельности и что русское общество следует ознакомить с работой его женщин в Западной Европе.

Такие фигуры, как Равицца, Кулешова, Анжелика Балабанова — в Италии, Вера Старкова и жена Лагарделя — во Франции, а также русские женщины в других государствах и странах делают большое дело, знакомя иноземные общества с Русью и

«русским духом» более успешно, чем газетные корреспонденции и книги о России, часто — почти всегда — поверхностные и неверные.

Сердечно желаю Вам доброго здоровья и не теряю надежды видеть Вас.

А. Пешков

Письмо на машинке на листе почтовой бумаги большого формата. — Без даты. Последняя фраза письма и подпись — рукою М. Горького. — Датируем условно по упоминанию о возможном свидании.

Мы не имеем сведений о всех лицах, упомянутых М. Горьким в письме. *Кулешова*, Анна — социал-демократка, жена известного итальянского политического деятеля Ф. Турати. — *Анжелика Балабанова* (р. 1877) — социал-демократка, работала в итальянской социалистической партии; во время империалистической войны — интернационалистка. В 1924 г. была исключена из Коминтерна вследствие соглашательства с «центристами». — *Вера Старкова* — сотрудница парижского левого журнала «La Revue». Критические статьи Старковой знакомили читателей Франции с современной русской литературой. — *Ибер Лагардель* (1875—1914) — французский революционный синдикалист, принимавший активное участие в рабочем движении.

Переводного очерка А. Равицца в «Вестнике Европы» не появилось.

12

Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ — М. ГОРЬКОМУ

4 сентября 1912.

С.-Петербург. Гончарная, д. 22, кв. 10.

Глубокоуважаемый

Алексей Максимович!

Ваши три рассказа пойдут в ноябре, декабре (сего 1912) и январе 1913 г. Половина гонорара (в размере, кажется, 1000 руб.) будет выслана Вам на днях.

Вы забыли прислать заглавие рассказов. Не откажите сообщить возможно скорее.

Не удалось повидаться с Вами этим летом. Я был (с семьей) в Швейцарии и еще ближе к Вам — возле Генуи, но очень недолго. По разным обстоятельствам пришлось вернуться в Россию раньше предположенного срока. Всего с остановками мы пробыли заграницей около месяца. Остальное время провели на нашем юге (в Одессе и Евпатории). Только на днях вернулся я в Питер и устраиваюсь на новой квартире.

Скоро примусь за обработку 2-ой части «Истории р[усской] интеллигенции» и первым долгом пополню пробелы, на некоторые из коих Вы указали (Слепцов и др.). Работы будет не мало.

Конст[антин] Константинович и вся редакция шлет Вам душевный привет. Спасибо, что не забываете нас.

Искренно преданный Вам

Д. Овсянико-Куликовский

Письмо на листе почтовой бумаги обычного формата.

Обработка 2-й части «Истории русской интеллигенции»... Овсянико-Куликовский при обработке «Истории русской интеллигенции» очерков о Слепцове, Осиповиче и Помяловском не включил.

Константин Константинович — Арсеньев (1837—1919), публицист, литературный критик. С 1909 г. — один из редакторов «Вестника Европы».

13

Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ — М. ГОРЬКОМУ

5 сентября 1912.

С.-Петербург. Гончарная, д. 22, кв. 10.

Глубокоуважаемый

Алексей Максимович!

Вчера послал Вам письмо, а сегодня выяснилось, что вместо 7-коп. марки я наклеил двух-копеечную. Эти марки похожи, и при тусклом освещении их легко смешать. А у нас в новой квартире еще не успели провести электричество, — обходимся пока свечами. Не зная, дойдет ли то письмо, посылаю сие, где кратко повторю содержание первого:

1) Три рассказа получены — мы хотим поместить их в ноябре и декабре сего года и в январе 1913-го.

2) Половина гонорара, в сумме, если не ошибаюсь, 1000 руб., посылается Вам на днях.

3) NB! Вы забыли вложить заглавный лист, — и мы не знаем, как озаглавить рассказы. Не откажите сообщить заглавие поскорее.

Еще писал я, что очень сожалею, что не удалось побывать этим летом у Вас на Капри.

Константин Конст[антинович] и вся редакция шлют Вам сердечный привет.

Искренно преданный

Д. Овсянико-Куликовский.

Письмо на листе почтовой бумаги обычного формата.

14

М. ГОРЬКИЙ — Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОМУ

[Середина сентября по н. ст. 1912 г.].

Уважаемый Дмитрий Николаевич!

Не знаю, как озаглавить мне очерки, посланные вам. Я имел дерзкое намерение дать общий заголовок «Русь. Впечатления проходящего», — но это будет, пожалуй, слишком громко.

Я намеренно говорю «проходящий» а не «прохожий»: мне кажется, что прохожий не оставляет по себе следов, тогда как проходящий — до некоторой степени лицо деятельное и не только почерпающее впечатления бытия, но и сознательно творящее нечто определенное.

Может быть вы согласитесь дать заголовок «Впечатления проходящего», — откинув слишком широкое и требовательное слово «Русь»?

Я затеял ряд очерков, подобных посланным, — мне хотелось бы очертить ими некоторые свойства русской психики и наиболее типичные настроения русских людей, как я понял их.

Мне хотелось бы точно знать: считаете ли вы эти очерки удобными и ценными для вашего журнала?.

Будьте здоровы!

Весьма сожалею, что не знал о том как близко и в какое время были вы около Генуи — в Июне я тоже был, — с месяц времени — между Генуею и Ниццой, в Аляссио.

Желаю всего доброго!

А. Пешков

Почтительно кланяюсь Константину Константиновичу.

Письмо на листе почтовой бумаги большого формата. Приписка к письму, помещенная после подписи, была сделана М. Горьким на верхней части листа.

15

Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ — М. ГОРЬКОМУ

19 сентября 1912 г.

С.-Петербург. Гончарная, д. 22, кв. 10.

Глубокоуважаемый

Алексей Максимович!

Простите, что опаздываю с ответом на Ваше письмо. Был слегка болен, теперь поправляюсь.

О желательности очерков, предлагаемых Вами, в редакции не может быть другого мнения, как: в высокой степени желательны. Их художественное достоинство весьма значительно, а в совокупности эти — на первый взгляд — непретенциозные «картинки» дадут живую и многоговорящую картину Руси. В этом сомневаться нельзя. Что касается заглавия «Русь», то я не нахожу его ни громким, ни неловким: это в самом деле Русь, подлинная, настоящая, метко схваченная, живая Русь. Если хотите, можно бы взять заглавие: «По Руси» — с подзаголовком: «Записки (или впечатления) проходящего».

Я переслал Ваше письмо Константину Константиновичу. Но еще не получил ответа. Думаю, в эту субботу вопрос (если это вопрос) выяснится — в том смысле, как выше я высказался (о «желательности» ряда очерков). Вопрос может итти только о том, сколько таких очерков, в каком размере и в течение какого срока согласятся оплачивать издатели «Вестн[ика] Евр[опы]». Не сомневаюсь, что и сей пункт будет улажен к общему удовольствию — автора, редакции, издательства и читателей.

Вот пока все. На днях, когда выяснится дело, напишу.

Всего хорошего!

Искренно преданный

Д. Овсянико-Куликовский

P. S. В сегодняшнем № «Речи» прочитал фельетон С. И. Р. «Вокруг Шеффильда» — об английской деревне. Завидно стало, стыдно стало...

Письмо на листе почтовой бумаги обычного формата.

Очерки М. Горького начали печататься в «Вестнике Европы» с декабря 1912 г. Первый очерк, в последующих изданиях названный М. Горьким «Ледоход», был напечатан под заглавием «Из впечатлений проходящего». В январской и февральской книжках «Вестника Европы» 1913 г. очерки данного цикла были названы «По Руси. (Из впечатлений проходящего)», в последующих изданиях очерки озаглавлены «Женщина» и «Покойник». В майской книжке «Вестника Европы» 1913 г. был помещен очерк «На пароходе. (Из впечатлений проходящего)». В отдельном заграничном издании очерки имели заглавие «Записки проходящего». При включении в собрание сочинений они получили общее цикловое заглавие «По Руси».

В сегодняшнем № «Речи»... — в газете «Речь», 1912. № 257, 19 сентября опубликован фельетон С. И. Р. «Вокруг Шеффильда. (Из мимолетных впечатлений)» о культуре английской деревни.

16

Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ — М. ГОРЬКОМУ

4 марта 1913 г.

Гончарная, д. 22, кв. 10.

Глубокоуважаемый

Алексей Максимович!

Давно не писал я Вам. Все собирался, тем временем поджидая, не пришлете ли еще рассказ. Присылайте! «Вестник Европы» очень дорожит Вашим сотрудничеством и будет рад напечатать ряд Ваших очерков «По Руси», да и вообще все, что пришлете. Желательно было бы получить рассказ для майской книги, а потом несколько рассказов на осень и зиму. Очень просим!

Вопреки толкам об «упадке» Вашего таланта и «чутья» русской жизни я всегда думал и думаю, что Ваш талант, помимо его яркости, отличается большой к р е п о с т ь ю, п р о ч н о с т ь ю, а «чутье» ко всему русскому у Вас прирожденное и неистребимое.

Я убежден, что попрежнему Вы дороги всей прогрессивной Руси, и попрежнему Ваши произведения являются высоко ценным вкладом и в художественную литературу и в общественную мысль.

Я лично (и думаю, — многие) высоко ценю также Ваши литературные воспоминания. Сужу по очерку о Петропавловском-Короленке. Если бы, кроме беллетристики, Вы дали нам что нибудь и в этом роде, — мы были бы очень рады и признательны.

Всего хорошего!

Душевно преданный

Д. Овсянико-Куликовский

Письмо на бланке редактора «Вестника Европы», на двух листах почтовой бумаги обычного формата.

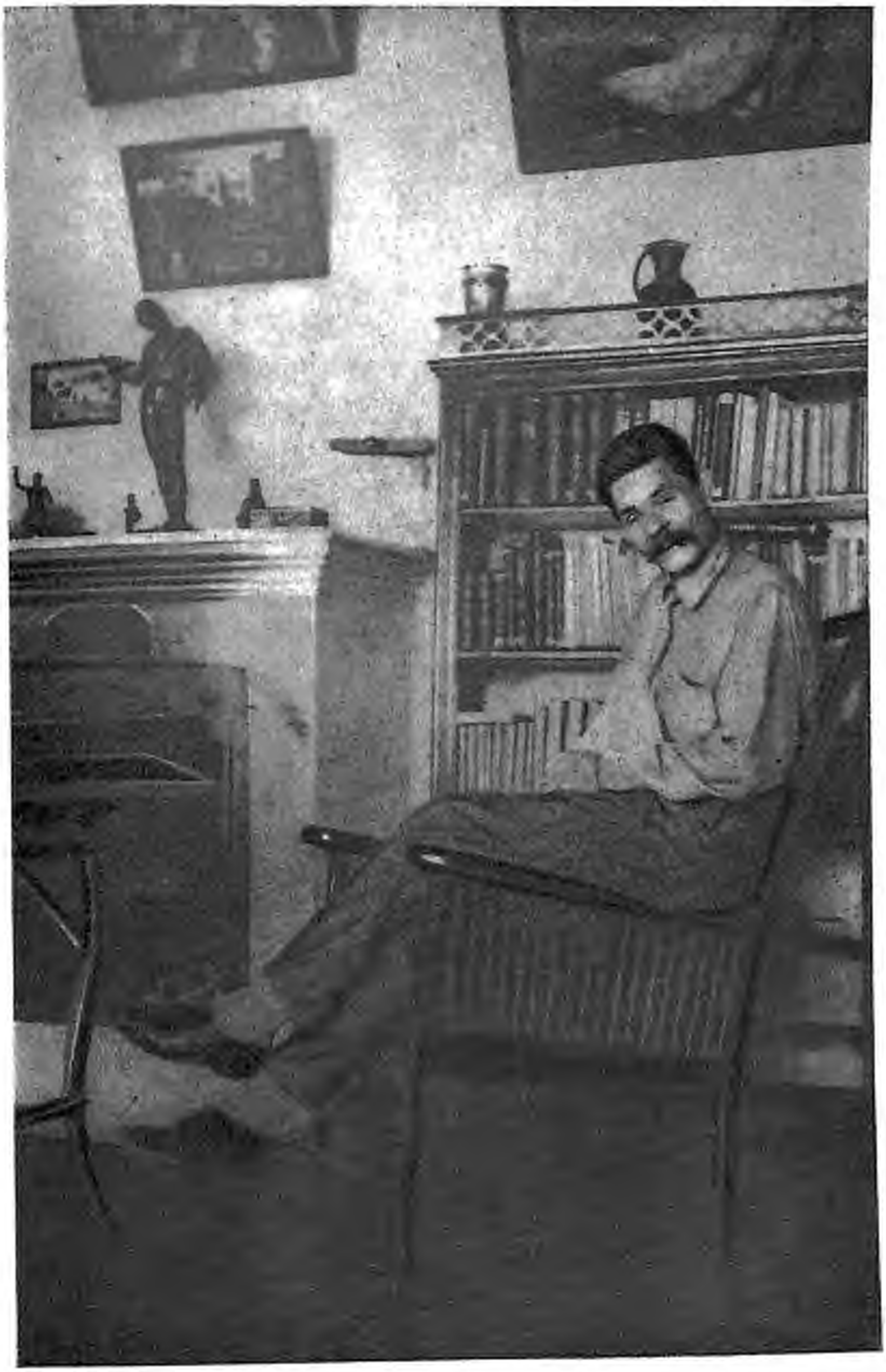
17

М. ГОРЬКИЙ — Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОМУ

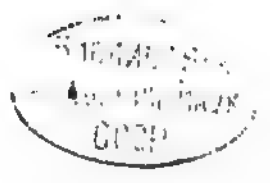
2 мая [19 апреля ст. ст.] [1]913 г. Capri.

Многоуважаемый Дмитрий Николаевич!

Молодой стихотворец Леонид Николаев Старк просит меня послать два его стихотворения вам,—для «Вест[ника] Европы»,— не напечатаете ли?



1913 г. Капри.



Старку — 22 года, он довольно интеллигентный парень, любит учиться; мне кажется, что в нем есть что-то свое, оригинальное и здоровое, — очень хочется, чтоб это разгорелось в нем. Если бы его стихи появились в «Вест[нике] Европы», — это подействовало бы хорошо на юношу.

Послал вам очерк «На пароходе» — получили? Могу дать еще рассказ о том, как убили человека.

Весьма прошу вас, Дмитрий Николаевич, во всех тех случаях, когда очерки мои покажутся вам многословными или неудачными в каком-либо ином отношении, — сказать мне это. Я не перестаю учиться, ваши указания будут приняты мною благодарно.

Очень ушибла меня смерть М. М. Коцубинского, знал я, что он болен тяжко, знал и видел это, а всетаки, — обидно, что так рано ушел от жизни этот славный человек, этот лирик, любивший землю какой-то особенной, как бы женской любовью. Хорошо мы жили с ним.

Почтительно кланяюсь вам, Дмитрий Николаевич! Великое это дело, проработать на Руси четверть столетия, да еще так прекрасно и значительно, как вы работали!

Мне хотелось написать вам длинное письмо «от души», да — постеснялся, вероятно и без меня достаточно утомил вас шум разных слов и речей.

Позвольте сердечно пожать руку вашу, пожелать вам доброго здоровья на многие лета!

А. Пешков

Письмо на листе бумаги большого почтовсго формата. На конверте адрес на итальянском и русском языках рукою М. Горького: Россия. С.-Петербург. Дмитрию Николаевичу Овсянико-Куликовскому. Гончарная, 22, 10. Штемпель: 2 мая 1913 г. Capri.

Леонид Николаев Старк — поэт, сотрудник большевистского журнала «Просвещение». Посланные М. Горьким стихи были напечатаны в «Вестнике Европы», 1913, № 6 — «Ответ», в № 7 — «Колдунья».

...вероятно и без меня достаточно утомил вас шум разных слов и речей. — М. Горький имеет в виду юбилей Овсянико-Куликовского, посвященный 60-летию со дня рождения и 35-летию его литературной и общественной деятельности. В «Вестнике Европы» — апрель 1913 г. — была помещена редакционная статья «Юбилей Овсянико-Куликовского» (стр. 429—434), из которой видно, что юбиляра приветствовали телеграммами М. Горький, В. Короленко, Л. Андреев, А. Куприн и другие писатели и общественные деятели.

... рассказ о том, как убили человека. — М. Горький имел в виду, видимо, рассказ «В ущелье», напечатанный, однако, не в журнале, а в газете «Русское слово», 1913, № 156, 7 июля и № 157, 9 июля и вошедший впоследствии в цикл «По Руси».

18

Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ — М. ГОРЬКОМУ

24 апреля 1913 г.

Гончарная, 22, кв. 10.

Глубокоуважаемый

Алексей Максимович!

От души благодарю за доброе слово, как и за телеграмму, которые я получил от Вас и И. А. Бунина ко дню моего юбилея. — «На пароходе» печатается в майской книге. Ждем других очерков, а равно и повести и воспоминаний об Н. Ф. Анненском. Все, что пришлете, будет принято с величайшей благодарностью. — Стихи Л. Н. Старка мне очень понравились и будут напечатаны в ближайших книгах. Если судить по двум стихотворениям, — у него несомненный лирический талант, это сразу чувствуется. Пусть присылает еще.

Юбилейный шум не столько утомил меня, сколько сконфузил. В особенности тронули меня приветствия от молодежи, — курсисток и студентов. Эти приветствия (между прочим, в письмах) такого рода, что я теперь называю себя ростовщиком. Я дал молодежи примерно на один грам мысли, искренности, знаний и т. д., а взамен получил пуды восторженного сочувствия. Ростовщичьи проценты! И я жду, что какой-нибудь Сквозник-Дмухановский от науки или литературы скажет мне: «не по чину берешь!» — И, пожалуй, будет прав. —

Крепко жму руку.

Искренно преданный

Д. Овсянико-Куликовский

Письмо на листе бумаги обычного почтового формата на бланке редактора «Вестника Европы».

... воспоминаний об Н. Ф. Анненском. — Воспоминания М. Горького «Н. Ф. Анненский» были опубликованы в книге писателя: «Воспоминания. Рассказы. Заметки». Изд. «Книга», Берлин, 1927 и затем включены в «Собрание сочинений».

В особенности тронули меня приветствия от молодежи... В день юбилея Овсянико-Куликовским, помимо большого количества приветственных писем, были получены адреса от учащихся — слушательниц киевских высших женских курсов, студентов Петербургского университета и др., отмечающих роль Овсянико-Куликовского в воспитании молодежи. Так, адрес студентов заканчивался словами: «Три с половиной года назад мы обратились к профессорской коллегии историко-филологического факультета с просьбой пригласить Вас в состав наших преподавателей. И тогда Вы вняли нашей просьбе. Времена меняются. Теперь у нас нет легальных средств с той же определенностью высказывать наше пожелание. Уже более двух лет мы ждем Вашего

возвращения. Мы твердо верим, что ученый, громко заявивший, что только в условиях демократического и общественного строя возможен полный расцвет научной мысли, вернется на нашу кафедру в момент, когда такой остроты достигнут наши чаяния демократической школы».

19

М. ГОРЬКИЙ — Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОМУ

[Конец мая 1913 г.]

Уважаемый Димитрий Николаевич!

Посылаю несколько страниц моих воспоминаний о М. М. Коцубинском, человеке, любимом мною.

Воспоминания эти предназначены для «Л[ітературно]-Н[ауково]го] Вістника» и будут напечатаны по-украински. Но, может быть, это не помешает Вам поместить их и в «Вестнике Европы», ибо наша публика знает рассказы Коцубинского и, вероятно, ей не безинтересно будет узнать кое-что о личности автора.

Гонорара, как это само собою разумеется, мне, в этом случае не нужно платить.

Когда появится моя заметка в «Вістніке» — не осведомлен, если Вам это нужно знать — удобней справиться в редакции «Вістніка» из С. Петербурга.

Искреннейше желаю Вам всего лучшего, а главное — доброго здоровья.

А. Пешков

Печатаем по сохранившейся в Архиве М. Горького машинописной копии без подписи.

20

Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ — М. ГОРЬКОМУ

4 июня 1913 г.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Только что получил (в редакции) Вашу статью о Коцюбинском, прочитал и сдал в набор для июльской книги. Статья превосходная! Редакция Вам очень благодарна, но не может согласиться с Вашим заявлением, что гонорара не надо. «Вестн[ик]

Евр[опы]» не печатает без гонорара. Вам будет выслан гонорар по расчету — 100 руб. за печ. лист.

Всего хорошего. Завтра едем (я + жена: дочь вышла замуж и уехала за границу) в Одессу, где адрес мой будет такой:

Одесса. Большефонтанская дорога 13 станция. дача Галиной.

Буду рад получить от Вас весточку.

Пробуду я там до сентября.

Душевно преданный

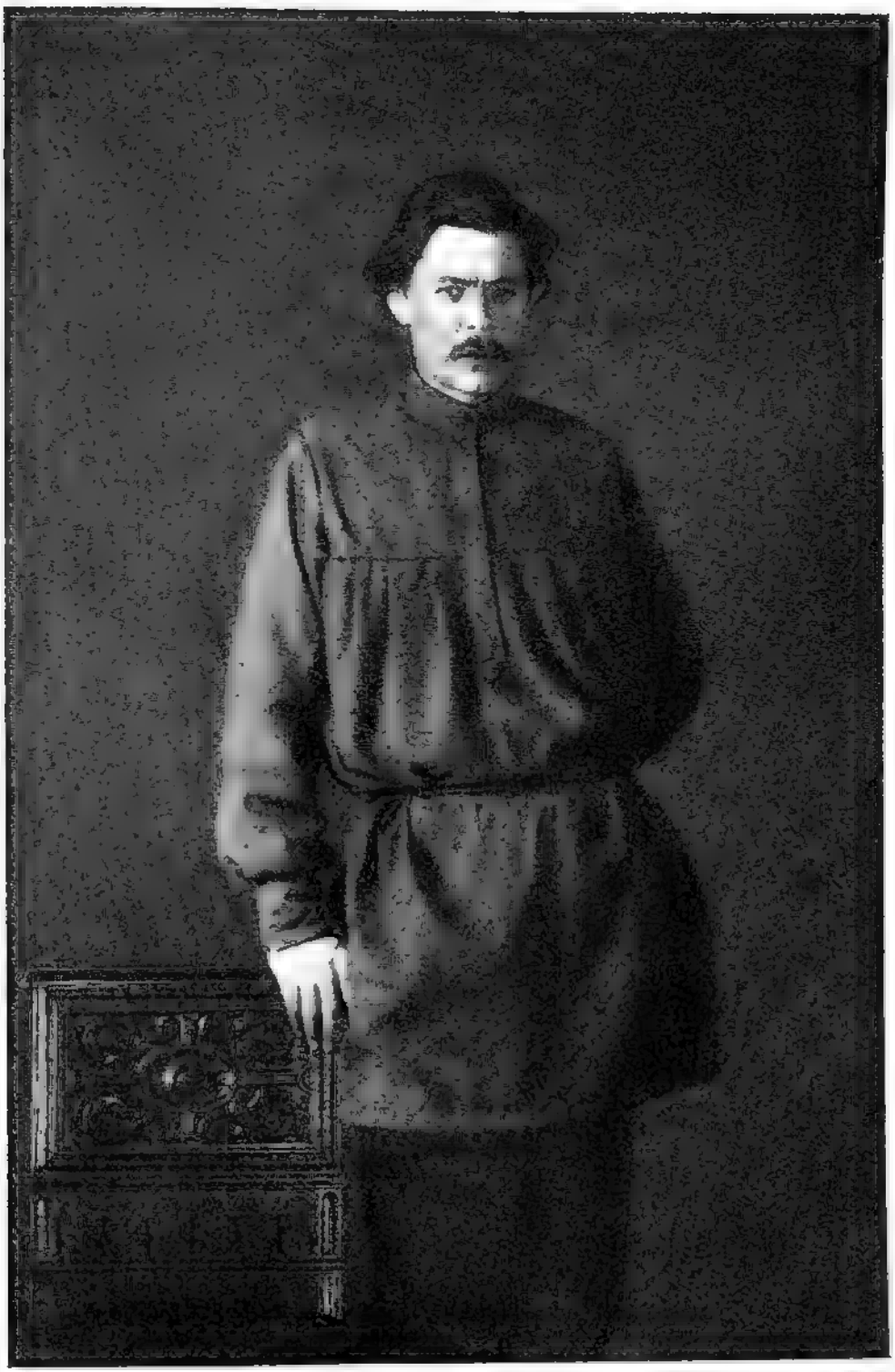
Д. Овсянико-Куликовский

Письмо на листе бумаги обычного почтового формата на бланке редактора «Вестника Европы».

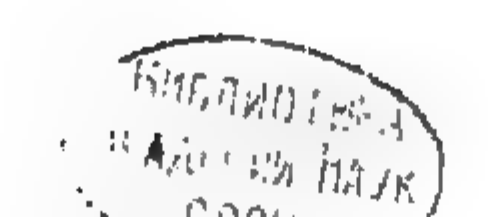
...статью о Коцюбинском — статья была опубликована под заголовком «М. М. Коцюбинский» в «Вестнике Европы», 1913, кн. 7, июль и одновременно в украинском журнале «Літературно-науковий вістник», 1913, т. VI, на русском и украинском языках.

II

СТАТЬИ О М. ГОРЬКОМ



1890-е годы. Н.-Новгород.



С. БАЛУХАТЫЙ

«ПЕСНЯ О СОКОЛЕ»

В громадном литературном наследии М. Горького есть ряд случаев, когда писатель идейно и стилистически перерабатывал весьма существенно ранее созданные им произведения. Анализ этих примеров облегчает изучение особенностей художественной работы М. Горького, позволяет установить принципиальные основания творческого метода великого пролетарского писателя, — что является насущной задачей нашего литературоведения.

Предлагаемая ниже работа говорит об одном из таких случаев и является опытом изучения творческой истории одного из самых замечательных произведений раннего М. Горького — «Песни о Соколе». Однако история создания писателем этого рассказа не может ограничиться лишь установлением условий писания и последующих переработок произведения. Возникает необходимость изучить происхождение идейных мотивов и образных форм их выражения в данном рассказе. Задача эта подводит к постановке более широкого вопроса об отношении М. Горького к традиции, ему предшествующей как фольклорной, так и литературной. Отсюда в нашей работе центральное место отведено вопросу о генезисе образов в рассказе-песне М. Горького. С другой стороны, идейные основания произведения и образная их формулировка не могут получить исчерпывающую свою характеристику без определения места их в общем идейном и художественном пути раннего М. Горького. Решение этого вопроса предполагает, в свою очередь, установление органической связи литературной деятельности М. Горького с общественно-политическими тенденциями и с условиями классовой борьбы в 90-х годах XIX в. Только в свете этой связи мы поймем специфику творческого метода М. Горького, исключительное революционно-пропагандистское значение его бессмертного произведения в истории освободительного движения пролетариата и общественно-политическую роль образов «Песни о Соколе» в последующие годы, вплоть до наших дней.

1

Поэтическая идея знаменитой «Песни о Соколе» М. Горького не сразу получила то художественное выражение, которое известно нам по распространенному тексту рассказа. Впервые рассказ был

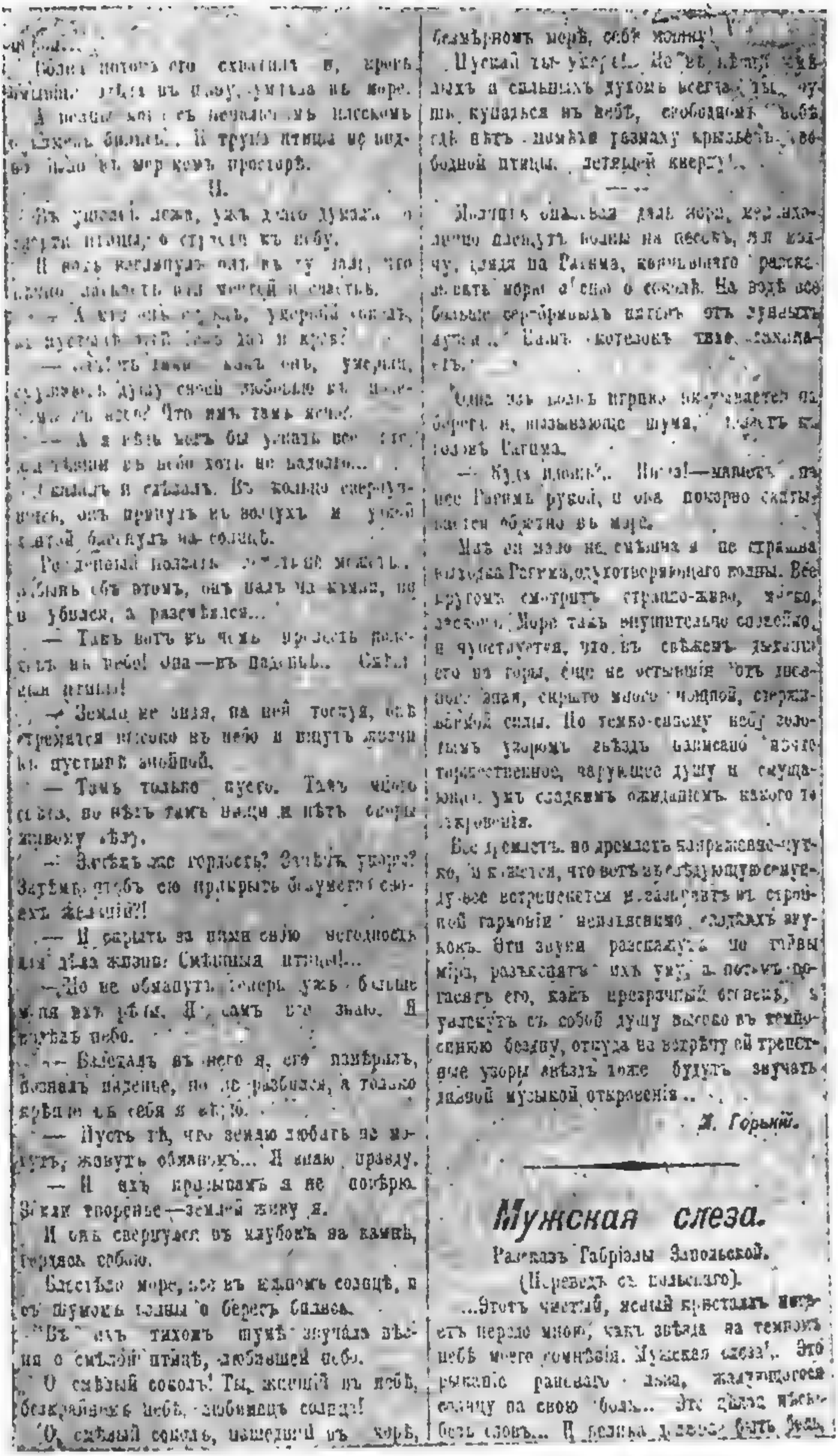
напечатан в 1895 г. в «Самарской газете», № 50, 5 марта под заглавием «В Черноморье» и с подзаголовком «Песня» в серии рассказов, названных «Теневые картинки». В этом тексте налицо то общее композиционное и сюжетное построение рассказа, которое сохранено и в позднейших его текстах. Уже в первом печатном тексте рассказа есть две части: обрамляющая рассказ эпическая рамка с колоритом южной крымской природы и «старая песня» — ритмизованный рассказ о Соколе и Уже. Значение второй, внутренней части рассказа подчеркнуто дополнительным авторским заголовком, ее выделяющим, — «О соколе и уже».

Но рассказ в раннем тексте имеет существенные отличия от текстов позднейших, отличия, указывающие на иное идейно-поэтическое звучание всего произведения. Так, первоначальным «бессодержательным» заглавием «В Черноморье» еще не выделен ведущий мотив рассказа — гибель Сокола, Песня Рагима была изложена в виде спокойного, не взволнованного активной авторской эмоцией поэтического рассказа об Уже — земном творении, любящем только землю, и Соколе — смелой птице, любящей небо. В финале этой песни М. Горький ограничился лишь лирическим указанием, что «в песне смелых и сильных духом» Сокол будет «купаться в небе, свободном небе, где нет помехи размаху крыльев свободной птицы, летящей кверху! . .»

Лирическая струя первоначальной редакции рассказа не была окрашена высокой эмоциональной взволнованностью — пафосом борьбы, она еще не раскрывала отчетливо героической темы, не была пронизана революционной патетикой, столь знакомой нам по последним авторизованным текстам.

Эта первая, газетная редакция рассказа осталась неизвестной широкому читателю. У М. Горького не было повода перепечатывать рассказ в ближайшие годы после появления его на страницах газеты. Лишь три года спустя, задумав первое собрание избранных своих сочинений в виде двухтомника «Очерков и рассказов», к которому в следующем году был присоединен третий том, М. Горький вновь опубликовал рассказ. С очень небольшими изменениями и с новым заглавием — «Песня о Соколе» — он вошел в первый том «Очерков и рассказов» 1898 г.; второе, внутреннее заглавие для песни («О соколе и уже») при этом было снято. Рамка рассказа не была изменена, за исключением одной снятой фразы (после описания гор до слов Рагима — «А-ала-ах-а-акбар»): «Все кругом так меланхолично-красиво и полно затаенной жизни, жизни без звуков, доступных уху, и без движения, заметного глазу».[1] Неизмененной осталась и основная часть рассказа — песня, до заключительной ее фразы, замененной другой. Слова:

[1] В газетном тексте была фраза о волнах — «точно просятся погреться к костру», воспроизведенная в «Очерках и рассказах» ошибочно: «. . .просят погреться к костру», что было исправлено М. Горьким на новый оборот лишь в четвертом издании «Рассказов» 1903 г.


...
Волна потомъ его схватила и, кровь омывши, одѣвъ въ пѣну, умчала въ море.

А волны моря съ печальнымъ плескомъ о камень бились... И трупа птицы не видно было въ морскомъ просторѣ.

II.

Въ ущельѣ лежа, ужъ долго думалъ о смерти птицы, о страсти къ небу.

И вотъ взглянулъ онъ въ ту даль, что вѣчно ласкаетъ очи мечтой о счастьѣ.

— А что онъ видѣлъ, умершій соколъ, въ пустынѣ этой безъ дна и края?

— Зачѣмъ такіе, какъ онъ, умерши, смущаютъ душу своей любовью къ полетамъ въ небо? Что имъ тамъ ясно?

— А я вѣдь могъ бы узнать все это, взлетѣвши въ небо хоть ненадолго...

Сказалъ и сдѣлалъ. Въ кольцо свернувшись, онъ прянулъ въ воздухъ и узкой лентой блеснулъ на солнцѣ.

Рожденный ползать — летать не можетъ... Забывъ объ этомъ, онъ палъ на камни, но не убился, а разсмѣялся...

— Такъ вотъ въ чемъ прелесть полетовъ въ небо! Она — въ паденьи... Смѣшныя птицы!

— Земли не зная, на ней тоскуя, онѣ стремятся высоко въ небо и ищутъ жизни въ пустынѣ знойной.

— Тамъ только пусто. Тамъ много свѣта, но нѣтъ тамъ пищи и нѣтъ опоры живому тѣлу.

— Зачѣмъ же гордость? Зачѣмъ укоры? Затѣмъ, чтобъ ею прикрыть безумство своихъ желаній?!

— И скрыть за ними свою негодность для дѣла жизни? Смѣшныя птицы!...

— Но не обманутъ теперь ужъ больше меня ихъ рѣчи. Я самъ все знаю. Я видѣлъ небо.

— Взлеталъ въ него я, его измѣрилъ, позналъ паденье, но не разбился, а только крѣпче въ себя я вѣрю.

— Пусть тѣ, что землю любить не могутъ, живутъ обманомъ... Я знаю правду.

— И ихъ призывамъ я не повѣрю. Земли творенье — землей живу я.

И онъ свернулся въ клубокъ на камнѣ, гордясь собою.

Блестѣло море, все въ яркомъ солнцѣ, и съ шумомъ волны о берегъ бились.

Въ ихъ тихомъ шумѣ звучала пѣсня о смѣлой птицѣ, любившей небо.

О смѣлый соколъ! Ты, жившій въ небѣ, безкрайнемъ небѣ, любовникъ солнца!

О, смѣлый соколъ, нашедшій въ морѣ, безмѣрномъ морѣ, себѣ могилу!

Пускай ты умеръ!.. Но въ пѣснѣ смѣлыхъ и сильныхъ духомъ всегда ты будешь купаться въ небѣ, свободномъ небѣ, гдѣ нѣтъ помѣхи размаху крыльевъ свободной птицы, летящей кверху!..

— —

Молчитъ опаловая даль моря, меланхолично плещутъ волны на песокъ, и я молчу, глядя на Рагима, который разсказалъ мнѣ эту пѣсню о соколѣ. На водѣ все больше серебряныхъ пятенъ отъ лунныхъ лучей... Нашъ котелокъ тихо закипаетъ.

Одна изъ волнъ игриво вскатывается на берегъ и, вызывающе шумя, ползетъ къ головѣ Рагима.

— Куда идешь?.. Пошла! — машетъ на нее Рагимъ рукой, и она покорно скатывается обратно въ море.

Мнѣ ни мало не смѣшна и не страшна выходка Рагима, одухотворяющаго волны. Все кругомъ смотритъ странно-живо, мягко, ласково. Море такъ внушительно спокойно, и чувствуется, что въ свѣжемъ дыханіи его на горы, еще не остывшія отъ дневного зноя, скрыто много мощной, сдержанной силы. По темно-синему небу золотымъ узоромъ звѣздъ написано что-то торжественное, чарующее душу и смущающее умъ сладкимъ ожиданіемъ какого-то откровенія.

Все дремлетъ, но дремлетъ напряженно-чутко, и кажется, что вотъ въ слѣдующую секунду все встрепенется и зазвучитъ въ стройной гармоніи неизъяснимо сладкихъ звуковъ. Эти звуки разскажутъ о тайнахъ міра, разъяснятъ ихъ уму, а потомъ погасятъ его, какъ призрачный огонекъ, и увлекутъ съ собой душу высоко въ темно-синюю бездну, откуда на встрѣчу ей трепетные узоры звѣздъ тоже будутъ звучать дивной музыкой откровенія...

М. Горькій.

Мужская слеза.

Разсказъ Габріэлы Запольской.

(Переводъ съ польскаго).

...Этотъ чистый, ясный кристаллъ искрится передо мною, какъ звѣзда на темномъ небѣ моего сомнѣнія. Мужская слеза!.. Это рыданіе раненаго льва, жалующагося солнцу на свою боль... Это цѣлая пѣсня безъ словъ... И пѣсня [illegible]

«Песня о Соколе» в первой, газетной редакции.— «Самарская газета», 1895 г., № 50, 5 марта (конец рассказа).

«Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь купаться в небе, свободном небе, где нет помехи размаху крыльев свободной птицы, летящей кверху!..» — были заменены новыми (выделенными нами курсивом): «Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь *призывом громким к свободе, к свету!*» Эта замена весьма характерна: она наметила тот путь переработки песни в сторону усиления призывного революционного звучания ее героической темы, который особенно отчетливо определится в дальнейшей переработке рассказа.

Выпуская в 1899 г. второе издание своих «Очерков и рассказов», М. Горький вновь пересматривает рассказ: он стилистически его исправляет и вносит ряд новых образов, с исключительной силой подчеркивающих идейный план произведения. Изменения в рамке рассказа незначительны и сводятся преимущественно к исправлению опечаток, вкравшихся в предыдущий текст. Так, «одна из волн... вкатывается на берег» исправлено на «вскатывается».[1] Исправлен ошибочный эпитет в фразе: «все кажется прозрачным, одухотворенным» на: «все кажется призрачным, одухотворенным». Исправлено «небо» на «море» и добавлен эпитет «могуче» в фразе: «Темное, *могуче* размахнувшееся *море* светлеет». Снят соединительный союз в фразе: «написано нечто торжественное, чарующее душу [и] смущающее ум...». В определении моря: «в свежем дыхании его на горы... скрыто много мощной, сдерживающей силы» — дана другая форма определения: «сдержанной». Снят акцент Рагима: вместо «Куда идошь?» — «Куда идешь?»[2]

Изменения в песне двоякого рода: одни сводятся к стилистическим исправлениям, другие — к усилению идейного значения основного образа рассказа. Стилистические исправления касаются следующих случаев. Исправлены погрешности ритма: вместо «поток стремился навстречу морю, скача через камни» — «...чрез...» Или вместо «прошипел ей прямо в очи» — «прошипел он ей прямо в очи». Или вместо «и поживешь еще ты немного в своей стихии» — «поживешь еще немного в твоей стихии». В фразе: «И трупа птицы не видно было в морском просторе» слово «просторе» заменено на «пространстве». Внесена однообразная ритмическая конструкция: вместо «Я храбро бился!.. И видел небо» — «Я храбро бился!.. Я видел небо». Заменено слово для избежания тавтологии: вместо «И сам, как камень, скользя по камням» — «...скользя по скалам». Выправлена пунктуация (встав-

---

[1] Опечаткой в этом издании является пропуск соединительного союза «и» в фразе: «волны набросали тины и водорослей, [и] обвешанный ими камень кажется привязанным к узкой песчаной полоске...» Союз этот восстановлен во всех последующих авторизованных переизданиях рассказа.

[2] Новой опечаткой является замена «частой» на «часто» в фразе: «по старому камню, изрезанному часто сетью глубоких трещин», — опечаткой, сохранившейся во всех последующих авторизованных переизданиях рассказа, вплоть до Собрания сочинений 1933 г.

лено тире): «Сказал и — сделал». «Я — видел небо». В речи Ужа во второй главе песни снято деление на абзацы.

Исправления в образной системе песенной части рассказа-песни весьма выразительны. Они существенно видоизменяют раскрытие центрального образа песни, подчеркивая общую идейно-поэтическую направленность всего произведения и героическую его тему. В одном случае М. Горький снял один из двух близких образов (снятое берем в прямые скобки) и усилил эмоциональное звучание речи Сокола новой фразой (добавленное выделяем курсивом). Вместо «Я славно пожил... [Я много прожил...]» — «Я славно пожил!.. *Я знаю счастье!..*» Усиление этого места в речи Сокола находит свое продолжение в дальнейших словах Сокола. Вместо одной, как бы «лирической» фразы в крике Сокола: «О, если б в небо хоть раз подняться!..» даны новые фразы большой силы и выразительности, вскрывающие отчетливо идейно-поэтическую сущность всего произведения:

«О, если б в небо хоть раз подняться!.. *Врага прижал бы я ...к ранам груди и... захлебнулся б моей он кровью!.. О, счастье битвы!..*»

Переключение основной темы с лирического плана на героический привело к усилению красок в романтическом пейзаже, окружающем гибель Сокола.

Вместо:

А волны моря с печальным [плеском] о камень бились...

Стало:

А волны моря с печальным *ревом* о камень бились...

Вместо:

Блестело море все [в южном солнце] и [с шумом] волны о берег бились.
В их [тихом шуме звучала] песня о [смелой] птице [любившей небо].

Стало:

Блестело море все *в ярком свете и грозно* волны о берег бились.
В их львином реве гремела песня о *гордой* птице, *дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни.*

И наконец, финал песни зазвучал с необычайной силой и предельной революционной патетикой.

Вместо:

О, смелый сокол! [Ты, живший в небе, бескрайнем небе, любимец солнца!

О, смелый сокол, нашедший в море, безмерном море, себе могилу!|

Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь призывом громким к свободе, к свету!

Стало:

Безумству храбрых поем мы славу!
Безумство храбрых — вот мудрость жизни! О, смелый Сокол!
В бою с врагами истек ты кровью... Но будет время — и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!
Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь *живым примером,* призывом *гордым* к свободе, к свету!
Безумству храбрых поем мы песню!

Итак, лишь в этом тексте песни М. Горький впервые раскрыл героический образ Сокола как символ смелого, непреклонного революционного борца, как патетический образ борьбы за свободу. В новом тексте в соответствии с образом Сокола — храброго борца с врагами, прообраза тех борцов, сердца которых зажгутся безумной жаждой свободы, — поэтический образ вольной птицы, живущей в небе, как в своей родной стихии, переведен в символический план революционной, горячей патетики, вставлен в гимн, призывающий к решительным революционным действиям, в подкрепление чего в финале песни дается рефрен: «Безумству храбрых поем мы песню!..»

Новая работа М. Горького, являясь отчетливым выражением политической мысли автора в яркой художественной форме, составляет в т о р у ю редакцию «Песни о Соколе», легшую в основу всех последующих авторских переизданий рассказа.

К этому моменту работы М. Горького над второй редакцией песни относится его запись слов-добавлений, сохранившаяся в единственной рукописи-автографе части произведения. Листок с этой записью был найден Литературным музеем г. Горького в одной из книг, принадлежащей М. Горькому и отосланной им вместе с другими книгами в Городскую библиотеку Н. Новгорода.[1]

В р е ч ь С о к о л а:
Я знаю счастье!
Врага прижал бы я к ранам груди и — захлебнулся б моей он кровью! О счастье битвы!

---

[1] Описание рукописей М. Горького, вып. I. Художественные произведения. Под. ред. С. Балухатого. Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1936, стр. 193.

В песню волн:

В их львином реве гремела песня о гордой птице, дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни.

Безумству храбрых поем мы славу! Безумство храбрых — вот мудрость жизни! О, смелый сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Но будет время — и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!

В автографе нет всех тех добавлений, которые даны во второй редакции, — и это, видимо, потому, что автографная запись добавочных фраз для песни, сохранившаяся у М. Горького, была сделана им для себя, «на память», а при печатании рассказа М. Горький, независимо от автографа, вновь держал корректуру.

Итак, заново пересматривая текст своего рассказа, М. Горький немногими выразительными штрихами, усилением основных черт центрального образа и введением нового сильнейшего мотива сообщил рассказу огромную художественную силу, углубил его идейный смысл. В соответствии с новой, более открытой идейной направленностью произведения, с широтой значения его центральных образов, получивших характер обобщенных символов, М. Горький всюду, впервые в этом тексте, обозначил Ужа и Сокола прописными буквами. Новый идейный смысл рассказа — высокая патетика революционной борьбы. В нем выражен не просто восторг перед вольной, гордой птицей Соколом, «любимцем солнца» и столь беззаветно любящим бескрайнее, свободное небо. Образ смелого Сокола раскрыт как символический образ героики борьбы, как гимн храбрости, не знающей сомнения в своем стремлении к свободе, а вся песня в общественно-политических условиях времени своего возникновения зазвучала как восторженное приветствие непримиримой, идущей до конца борьбе за политическую свободу. Народно-поэтическая легенда, пленившая М. Горького в начале работы над рассказом отчетливым противопоставлением двух стремлений: одного — ограниченного и самоуверенного — к делам земли («земли творенье — землей живу я») и другого — храброго и смелого — к красоте бесконечного, безмерного, свободного неба, — была доведена писателем в образной системе рассказа до степени высокого художественного символа победной героики, настроена на тон политического призыва, переведена в художественно-революционную прокламацию. И в то же время огромное чутье поэта, большое мастерство художника и ясное понимание требований искусства позволили М. Горькому сохранить гармоничное равновесие формы и содержания, избежать поверхностной тенденциозности, обнаженной публицистичности, выпадающей из художественной ткани произведения. Возникло произведение, которое своей идейной направленностью не могло не зажечь «безумной жаждой свободы, света» сердца со-

временников, живых и взволнованных свидетелей «мрака жизни» тогдашней российской действительности.

Текст рассказа в этой второй, революционной редакции при дальнейших авторских его переизданиях вплоть до 1923 г. оставался в основе своей неизменным, но стилистически М. Горьким многократно исправлялся.

Так, первые три издания «Рассказов» М. Горького в издании т-ва «Знание» 1900—1901 гг. повторили без изменения текст 1899 г.[1] Но уже в четвертом издании 1903 г. мы найдем существенные стилистические исправления и небольшую обработку текста преимущественно в сторону его сокращения.

В песне М. Горьким исправлено одно место, получившее более благозвучную форму. Вместо «поток стремился навстречу морю, [скача через камни]» — «...*гремя камнями*».

В другом случае усилен эпитет: вместо «И дрогнул Сокол и, [слабо] крикнув...» — «...*гордо крикнув*».

Исправлено вместо «во тьме и в брызгах» — «во тьме и брызгах».

Исправлено «Высоко в небе сияло солнце, и горы зноем дышали в небо, и бились волны внизу о камень...» — «...*а* горы... *а* по ущелью...»

Исправлено в следующей фразе «И по ущелью...» — «*А* по ущелью...»

Исправлена для достижения интонационной точности в двух местах пунктуация. Вместо: «Ну, что же небо? — пустое место!» — «Ну, что же — небо? — пустое место». Вместо: «сверкнул очами и вниз скатился» — «сверкнул очами и — вниз скатился».

Существенны исправления, доработки и исключения мест в рамке рассказа. Приведем эти изменения в порядке изложения рассказа.

Исправлено начало рассказа с пропуском первой фразы.

Вместо:

Море дремлет.

Огромное, лениво вздыхающее у берега, оно уже уснуло...

Стало:

Море огромное, лениво вздыхающее у берега, — уснуло...

В описании моря дан другой эпитет. Вместо: «Бархатисто-мягкое и черное» — «*Мягкое и серебристое*».

Снято в описании деревьев определение с иностранным корнем в слове. Вместо: «фантастически изогнутыми норд-остом» — «*уродливо* изогнутыми норд-остом».

---

[1] В изд. «Знание» исправлены опечатки издания 1899 г.: «вдали» вместо «в дали», «всползая» вместо «вползая», «нимало» вместо «ни мало». Но в этом издании появилась новая опечатка: «горючей» вместо «горячей» в фразе: «и капли крови твоей горючей».

Снята следующая характеристика Рагим-Оглы: «старый крымский чабан [всегда минорно настроенный]».

Сняты лишние слова и исправлена интонация. Вместо: «...у огромного камня, оторвавшегося от родной ему горы, одетого тенью, поросшего мхом и такого печального, хмурого» — «... оторвавшегося от родной горы... поросшего мхом, — у камня печального, хмурого».

Переставлены слова. Вместо: «На тот его бок, который...» — «На тот бок его, который...»

Снято указание на одушевленный образ камня: «[Он кажется думающим и чувствующим]».

Исправлено южное, местное название рыбы на общее. Вместо: «...из только что наловленных бычков» — «из только что *наловленной рыбы*».

Снят эпитет, упрощена характеристика: «...и оба находимся в том [исключительном] настроении».

Упрощены эпитеты и в следующих фразах: «волны звучат [так меланхолично-] ласково».

Или — вместо: «такая шаловливо [-коварная] нота» — «шаловливая нота».

Исправлен грамматический оборот. Вместо: «точно просят погреться к костру» — «точно просят *пустить их* погреться к костру».

Снято указание на одушевление стихий моря Рагимом: «[Рагим уже сравнил волны с женщинами и заподозрил их в желании обнять и расцеловать нас]».

Снят добавочный мотив в описании Рагима в фразе: «Он философствует, не справляясь, слушаю ли я его [и не обращая на меня ни малейшего внимания], точно он говорит с морем».

Введением тире исправлена интонация: «Может, он — вот в этой пене...»

В одном случае М. Горький дает новые детали образа — в описании лунного света: луна «... задумчиво льет свой свет на море, тихо вздыхающее ей навстречу, *на берег и камень, у которого мы лежим*».

Заключительная фраза первой части рамки — перед песней — сокращена с пропуском таких деталей: «Я хочу слышать старую песню, и [он] унылым речитативом, стараясь сохранить своеобразную [степную] мелодию песни [и страшно коверкая русские слова] *он* рассказывает».

Во второй, финальной части рамки М. Горький заменил «меланхолично плещут волны на песок», на: «*певуче* плещут волны на песок». Снято указание на Рагима: «и я молчу, глядя [на Рагима, кончившего рассказывать морю песню о Соколе]», и сделана замена: «глядя *вдаль моря*».

В финальной фразе, в словах «трепетные узоры звезд тоже будут звучать дивной музыкой откровения» — глагол «будут зву-

чать» получил другую форму будущего времени — «зазвучат», — в соответствии с той же формой глагола в предыдущей фразе: «все встрепенется и зазвучит в стройной гармонии неизъяснимо сладких звуков».

Итак, в издании 1903 г. М. Горький вновь пересмотрел рассказ и тщательно стилистически его исправил.

В изданиях «Рассказов» М. Горького — в 5-м и 6-м 1903 г. и 10-м 1908 г. — текст рассказа-песни воспроизведен без изменений с издания 4-го.

Помимо издания «Песни о Соколе» в томе первом «Собрания сочинений» М. Горького издания т-ва «Знание», рассказ был напечатан в первом выпуске избранных сочинений М. Горького в серии «Дешевой библиотеки» т-ва «Знание» 1906 г. Текст рассказа в этом издании повторяет без изменений текст 2-го издания «Рассказов» 1901 г.,[1] т. е. исправления М. Горьким рассказа в 1903 г. этим изданием учтены не были — издание не было авторизовано.

Новое переиздание рассказов М. Горького было осуществлено лишь девять лет спустя — в 1917 г. изд. А. Маркса в приложении к журналу «Нива». Текст «Песни о Соколе» в первом томе «Собрания сочинений» М. Горького в этом издании воспроизводит в точности текст тома первого 10-го издания т-ва «Знание» 1908 г., т. е., очевидно, М. Горьким текст рассказа не пересматривался.

Но для нового издания своих сочинений в 1923 г. в изд. «Книга» (Берлин) М. Горький, вновь редактируя все свои сочинения, сделал незначительные поправки в рассказе, исключив ряд слов.

В одном случае, снимая определение («сухие»), М. Горький избегал противоречия с определением, данным выше («поросшие деревьями»), и заострял внимание на основном эпитете:

> «Горы, поросшие деревьями, уродливо изогнутыми норд-остом, резкими взмахами подняли свои вершины в синюю пустыню над ними, [и сухие] суровые контуры их округлились, одетые теплой и ласковой мглой южной ночи».

В другом случае исключение соединительного «и» в перечислении позволило избежать совпадения со следующим союзом в соединительном предложении:

> «На тот бок его, который обращен к морю, волны набросали тины, [и] водорослей, и обвешанный ими камень кажется привязанным к узкой песчаной полоске, отделяющей море от гор».

---

[1] Текст «Дешевой библиотеки» совпадает с этим изданием полностью, даже по типу набора, и в нем повторена опечатка 2-го издания: «капли крови твоей горючей» вместо «горячей».

В последнем случае пропуск союза «и», встречающийся в подобных же конструкциях в соседних фразах, разнообразил построение фразы:

> «Мохнатая баранья шапка съехала ему на затылок, [и] с моря веет свежестью в его высокий лоб, весь в мелких морщинах».

Эта тонкая стилистическая работа соответствовала уже зрелому мастерству М. Горького, заново прочитавшего свое произведение почти тридцать лет спустя после его первого появления из-под пера художника и пятнадцать лет спустя после последней его правки. [1]

В истории текста «Песни о Соколе» в первые годы жизни рассказа в печати был один яркий эпизод. Несколько лет спустя после появления авторской второй редакции «Песни» 1899 г. в нелегальной печати за границей появился еще один текст рассказа.

---

[1] В свете приведенной текстологической характеристики изданий «Песни о Соколе» вызывают полное недоумение выводы А. Елисеева в его статье «Работа Горького над своими произведениями» (Материалы к истории печатных текстов ранних рассказов М. Горького). — Натиск (г. Горький). 1934, № 1. Подсчитывая общее количество текстовых исправлений М. Горького, А. Елисеев в специальной таблице числа авторских исправлений против рассказа «Песни о Соколе» ставит цифру: 0.

Сделанный обзор авторизованных изданий «Песни о Соколе» не оставляет сомнений в том, что вторая редакция рассказа впервые раскрывает политические тенденции его поэтической символики и что текстом *каноническим*, т. е. окончательно утвержденным писателем, является текст 1923 г. Тем удивительнее, что в последние годы могла появиться перепечатка текста «Песни», искажающая творческую волю М. Горького и историческую обстановку создания рассказа. Так, том первый хрестоматии «Пролетарские поэты», выпущенный под редакцией А. Л. Дымшица в 1935 г. изд. «Советский писатель», в серии «Библиотека поэта» открывается текстом «Песни», в котором произвольно соединены элементы ранней редакции (в рамке рассказа) и поздней (в песне). Для оправдания этого приема редактор выдвинул «теорию» о том, что газетный текст «Песни» был якобы подцензурным, что, печатая впервые «Песню», М. Горький должен был «всячески маскировать идейно-политический смысл своего произведения» и все же вынужден был «исказить» текст «Песни» и опустить отдельные места. Впоследствии, утверждает редактор, М. Горький якобы «восстановил вынужденные купюры». Дело, как мы видели, было значительно проще и в то же время принципиальнее. Творческий процесс шел в обратном направлении: М. Горький с н а ч а л а написал произведение, лишенное открытых политических мыслей, и лишь в следующие годы, в связи с обострением общественно-политической борьбы и в силу эволюции собственного политического и художественного самосознания создает революционную редакцию «Песни». Редактор без всякого основания и надобности создает особый, контаминированный текст «Песни», в котором игнорируется последняя правка М. Горького и восстанавливаются неудачные и оставленные автором места первой редакции.

Ту же версию о подцензурном тексте «Песни о Соколе» повторил в своей статье Л. Перльмуттер: «Язык и стиль „Песни о Соколе" и „Песни о Буревестнике" М. Горького» (Литературная учеба, 1937, № 6, стр. 92). Другое нарушение редактором авторизованной формы произведения — деление в своем

Это — текст в берлинском издании Иоанна Рэдэ 1903 г. в книжке, озаглавленной: «М. Горький. Революционные песни и баллады. С предисловием М. Сукенникова». Рассказ в этом издании снабжен многообещающим подзаголовком «В редакции, воспрещенной русской цензурой» и имеет ряд весьма существенных отличий от известных нам двух редакций рассказа. Текст рассказа составлен из двух слоев: его рамка и песенная часть воспроизведены по редакции в «Самарской газете», без учета тех исправлений, которые были сделаны М. Горьким при последующих публикациях произведения; но при этом в песенной части приведены все те добавления, которые были даны во второй авторской редакции.

Отличительной чертой нового текста являются новые вставки, новые добавления целых фраз. Вставки эти выполнены в одном плане, с одной целеустремленностью и ставят своей задачей особо подчеркнуть революционный характер песни в рассказе, выделить те мотивы в нем, которые являются прямым призывом к революционной борьбе. Вот эти вставки:

> .. Я славно пожил... *Я был свободен!... Я изведал счастье борьбы за свободу.*
>
> ... Врага — *тирана* прижал бы я... к ранам груди и... захлебнулся б моей он кровью!... О, счастье битвы! *О, счастье борьбы за свободу!... О, сладость смерти за свободу!..*
>
> ... И трупа *свободной* птицы не видно было в морском пространстве...
>
> ... В ущелье лежа, Уж долго думал о смерти птицы, о страсти *к свободе.*[1]

В словах Ужа:

> ... И их призывам *в небо, к свободе* я не поверю.

В песне волн:

> ... В их львином реве гремела песня о гордой птице, *умершей в борьбе за свободу...*

Особенно усилены революционные мотивы в завершительной части песни:

> ... О, смелый Сокол! *Завидна участь твоя.* В бою с врагами *твоей свободы* истек ты кровью... Но будет время — и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке *нашей* жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света! *Горе врагам свободы, горе тиранам!..*
>
> Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету! *Тобой вдохновившись, они сбросят иго тиранов, тобой вдохновившись, они завоюют свободу!*
>
> Безумству храбрых поем мы песню!..
> *Борцам за свободу поем мы славу!..*

изданиии текста «Песни» на стихотворные строки, — также было подхвачено автором той же статьи о стиле «Песен» и из него были сделаны ложные выводы о работе М. Горького в последующие годы над приближением своих стихотворений к ритмической прозе.

[1] Замена вместо: к небу.

Совершенно очевидна идейная направленность этих вставок: не довольствуясь ясной революционной темой и призывным тоном песни, вытекающими из всего художественного контекста произведения, составитель нового текста вводом новых образов, упорным, многократным выделением таких слов, как «свобода», «тиран», стремился подчеркнуть прокламационный характер произведения М. Горького, дать в «открытом» звучании тот основной мотив песни, который и без того отчетливо был выделен аллегорической формой произведения, сильными и контрастными эпитетами, глубокой эмоциональной взволнованностью тона, романтическими красками пейзажа, ритмическим строем фраз, — вообще всей образной системой и всей патетической интонацией рассказа-песни.

Мы склонны думать, что автором этих вставок, а тем самым и новой редакции произведения, не мог быть М. Горький. Несмотря на всю очевидную политическую направленность, на отчетливый революционный пафос, эти вставки органически не сливаются с поэтическим строем всей песни, оказывая сопротивление его поэтическому материалу: в цельной и художественно яркой песне, где без особых нажимов, без повторов очевидна революционно-поэтическая мысль автора, они воспринимаются как назойливые, «лишние», риторические. Сделанные вставки, к тому же, явным образом разрушают основной ритм всей песни; добавленные слова ломают ритмический рисунок песни, легко «выпадают» из поэтического ее строя.

Новый текст рассказа М. Горького, по всей видимости, возник под пером неизвестного нам автора, который в напряженные предреволюционные годы, накануне 1905 г., решил с пропагандистскими целями использовать текст уже известного в печати произведения М. Горького: «усилением» революционного пафоса превратить его в прямую политическую прокламацию. Совершенно очевидно, что по цензурным условиям текст рассказа в таком виде не мог быть напечатан обычным образом, и он стал предметом нелегального распространения. Отсюда — появление текста рассказа в заграничном издании в качестве «редакции, воспрещенной царской цензурой». [1]

2

Итак, история текста рассказа-песни позволяет установить большую работу М. Горького над углублением идейного плана

[1] Предположению об анонимном авторстве этой редакции рассказа не противоречит то обстоятельство, что М. Горький не возражал в печати против публикации нового текста «Песни о Соколе» с его именем, выступая в те же годы в печати (Самарская газета, 1905, № 110, 15 июня) с опровержением авторства поэмы «Разрушенный мол», принадлежащей перу Г. Гершуни, и статьи «Он прощает». В последнем случае М. Горький опровергал свое авторство произведения, целиком созданного другим лицом. Основа же «Песни о Соколе» в данной анонимной редакции принадлежала М. Горькому; сделанные вставки, хотя и снижали художественную целость произведения, но все же несли большую агитационную роль.

произведения несколько лет спустя после его появления из-под пера писателя. В то же время текстологический анализ свидетельствует, что общий композиционно-стилистический рисунок рассказа был оставлен М. Горьким без изменения. В новую творческую работу писателя не входил пересмотр образов и их соотношения, поскольку характер этого отношения и основное содержание образов окончательно определились у М. Горького еще в первоначальной стадии работы над рассказом.

Возникают вопросы — откуда в процессе работы М. Горького над произведением взяты им образы, оказавшиеся столь устойчивыми при дальнейшей обработке произведения, что̀ предопределило их глубокое лирическое содержание, что̀ подсказало писателю отчетливое идейное их наполнение, где были найдены яркие поэтические краски их живописания? Это — вопросы об источниках образной системы рассказа и тем самым — об отношении творческой инициативы М. Горького к поэтической традиции прошлого. Ответы на них будут нами даны при характеристике возможного отношения М. Горького к сходным с его рассказом образным мотивам в предшествующей ему литературе, т. е. при характеристике сходных явлений как в народно-поэтическом творчестве, так и в мировой лирико-эпической поэзии.

«Песня о Соколе» была написана М. Горьким, видимо, на основе народного крымско-татарского сказания, сообщенного М. Горькому, как явствует из текста самого рассказа, крымским чабаном, названным в рассказе Надыр-Рагим-Оглы. Нет основания предполагать, что указание М. Горького на народный источник сюжета рассказа было лишь условным литературным приемом. Не вызывает сомнения, что во время скитаний по югу России, задуманных будущим писателем, по его словам, с целью «знать Россию», «видеть, где я живу, что за народ вокруг меня», М. Горький, общаясь по условиям своего вольного бродяжничества с жителями юга и юго-запада России разных национальностей, слышал от них много сказаний и песен, часть которых записал или запомнил, использовав их в дальнейшем в качестве основных мотивов ряда своих произведений. Фольклорная основа таких рассказов-легенд, как «Макар Чудра», «Хан и его сын», «О маленькой фее и молодом чабане (Валашская сказка)» и некоторых других, очевидна непосредственному восприятию, хотя и не вскрыта еще исследователями горьковского творчества. При этом фольклорная основа легендарных сюжетов ряда рассказов М. Горького названа самим писателем или же подтверждается мемуарными свидетельствами о нем. Так, из мемуарной литературы известно, что А. М. Калюжный убедил М. Горького записать услышанную им в скитаниях по югу России легенду про Лойко и Радду, которая и легла в основу первого печатного рассказа М. Горького «Макар Чудра».[1] По поводу «Старухи Изергиль»

[1] Заря Востока, 1936, № 162, 14 июля.

М. Горький сказал в статье-некрологе об А. Стриндберге, что герой и поэт Данко — образ «героя одной легенды, которую я слышал в юности на Дунае». По воспоминаниям Скитальца (Г. С. Петрова) [1] М. Горький признавался ему, что «Хан и его сын» сделан им из песни, которую он слышал в Крыму от бродячих базарных певцов и которую ему перевели.

Но эти данные, убеждая нас в том, что основа ряда произведений М. Горького принадлежит действительно народному творчеству, еще не говорят о характере связи народного материала с художественной тканью произведения, созданного писателем, о степени возможной художественной трансформации фольклорного материала поэтом, о силе и качестве образно-творческой его инициативы. [2] Возможно заранее утверждать, что, опираясь в ряде своих произведений на материал народного творчества, М. Горький, как большой и оригинальный мастер, использовал его, однако, не автоматически и даже не в целях простейшей стилизации, но в форме, видоизмененной его творческой фантазией, подвергая народные сюжетные элементы существенной идейной и стилистической переработке в духе поставленной им художественной задачи. К сожалению, мы лишены пока возможности проверить конкретным образом — путем простого сопоставления текстов оригинала и его переработки — эту особенность творческого метода М. Горького. До сих пор литературоведами еще не были предприняты розыски в национальном эпосе народов юга России следов тех сказаний, которые могли быть использованы М. Горьким, и мы не владеем определенными данными, которые позволили бы вскрыть процесс творческого воспроизведения или обработки М. Горьким этих сказаний. Поэтому показателями связи творчества М. Горького с соответствующими национальными литературами должны явиться как прямые ссылки, косвенные указания, или локальные элементы стиля, так и то совпадение в трактовке образов с народной символикой, которое мы находим в рассказах М. Горького и которое позволяет вскрыть второй, фольклорный план его произведений.

Мы дадим попытку, исходя из образов, закрепленных в разнообразных жанрах народно-поэтического творчества, подойти к решению вопроса о соотношении с ними основных образов рассказа-песни М. Горького; сделаем опыт реконструкции не того текстового оригинала, который мог быть известен М. Горькому, но лишь той идейно-образной схемы, которая возникла в созна-

---

[1] Октябрь, 1937, № 2, стр. 153.

[2] О месте фольклорного материала в творчестве М. Горького см. в книге Н. Пиксанова «Горький и фольклор» (изд. 2-е доп., «Худож. литература», Л., 1938). Но в этой книге, посвященной преимущественно сводке богатейших данных о фольклорных реминисценциях в творчестве М. Горького, совсем не поставлен вопрос о характере художественной обработки М. Горьким известных ему материалов народного творчества.

нии художника в момент работы его над произведением и которая была оживлена в дальнейшем его оригинальной творческой мыслью.

В первоначальном тексте рассказа, как мы указывали выше, для песни о Соколе был особый заголовок — «О соколе и уже». Он был снабжен следующим примечанием М. Горького: «Хотя форма песни значительно изменена, но содержание ее передается целиком». Этими словами М. Горький подчеркнул, что содержание легенды заимствовано им из народного творчества, но что оно было им литературно обработано, что ритмическая форма, как возможно и другие поэтические средства в изложении легенды, сообщающие ей романтический характер, порождены творческой фантазией писателя. Условной надо считать также ту особенность рассказа-песни, что, используя ритмическую форму, М. Горький, как он оговаривает в тексте, старался «сохранить своеобразную степную мелодию песни».

Наша задача — определить: на какие художественные образы и средства из народно-поэтического обихода М. Горький мог опираться, какое идейное качество он нашел в устной традиции народного творчества и какого рода изменения этого качества он сделал в своем произведении. Мы дадим анализ лишь основных структурных образов произведения М. Горького — Сокола и Ужа, — а также их идейного соотношения, являющегося опорным в поэтической концепции рассказа-песни.

Естественнее всего было бы обратиться к материалу крымско-татарского фольклора, ссылка на который дана в самом рассказе. Национальный колорит легенды усиливает и иноязычная (арабско-татарская) фраза в устах Рагим-Оглы: «А-ала-ах-а-акбар!», т. е. «Алах акбар», что значит: «велик бог!» Однако крымско-татарский фольклор в переводных текстах известен лишь в очень немногих печатных изданиях, не имеющих нужного нам материала.[1] Вот почему в поисках интересующих нас образов и мотивов мы обратимся к обширному материалу как русского фольклора, вне сомнения, хорошо известного М. Горькому, так и к другим сходным фольклорным материалам, имевшим распространение по преимуществу по южным и юго-западным окраинам России. Основное свое внимание при этом мы обратим на народную поэтическую интерпретацию образа сокола.

Образ сокола — пернатого хищника — как и образы его аналогов — орла, кречета, кобчика — является одним из частых, наиболее устойчивых и весьма популярных образов в народно-поэти-

---

[1] В татарских волшебных сказках и сказках приключений, опубликованных членом Русского географического общества В. Х. Кондараки в книге «Крымско-татарские сказки» (М., 1883), встречаются образы птиц, несущие в сюжетах этих сказок лишь служебную роль. В сказке «Водовоз» в этом издании (стр. 16) мы найдем образ сокола только в эпизодической роли.

ческой традиции. Его популярности способствовало, видимо, то обстоятельство, что сокол со своими отличительными орнитологическими свойствами был хорошо известен народам разных стран. Свойства сокола были известны в народе как по непосредственным наблюдениям над миром птиц, так и по бытовому поводу — по соколиной охоте.

Орнитологические и охотничьи свойства сокола зорко отмечены народными наблюдениями и отражены в народно-поэтических образах с древнейших времен. Сокол и его поэтический аналог — орел вошли в сознание многих народов на мифологической стадии их мышления. Народное искусство — песенное и живописное — имеет следы мифологического толкования образа сокола, толкования, идущего с глубочайшей древности.[1]

Еще большее место занимает сокол в практическом мышлении народа и связанном с ним лирическом восприятии природы. О свойствах сокола часто говорят народные пословицы и поговорки:[2] «сокол мал да удал», «соколу лебедь (или лес) не в диво», «сокол на̀стигом (или вдогонку) берет». О необычайной зоркости сокола: «от соколиного глазу никуда не укроешься». О быстроте полета: «ни одна птица не облетит кречета». О его смелости и ловкости: «сокол везде добычу себе найдет», «где бы ни летал сокол, везде ему свежий мосо̀л». В этих суждениях мы находим не только характеристику объективных орнитологических признаков сокола, но и высокое положительное восприятие его свойств народным сознанием.

В народном понимании с соколиными положительными качествами может соревноваться лишь орел, со своими, правда, другими выдающимися данными. Орел поражает своею мощью, величием, что по народному представлению позволяет отдать ему предпочтение перед другими птицами: «всем птицам птица — орел». Замечено, что орел всего охотнее летает в одиночестве, в отдалении от

---

[1] Известно, какое исключительное распространение образ сокола имел еще в египетской мифологии и бытовом культе с древнейших времен. Здесь сокол — сын солнца или солнечный бог; его жилище — небо; он вечно враждует и борется со змеей — сыном земли. Параллельный образ орла в той же функции мы найдем в мифологических сказаниях греков и римлян. Также у древних персов сокол — птица мифологическая, живущая на одном из двух всемирных деревьев и разносящая с него семена, передавая их дождю для оплодотворения. По скандинавским преданиям Один является в виде сокола или же с орлиною головою. Символическое отношение сокола к небу на мифологической основе показано в славянском фольклоре в полетах сокола к небу и на небо. (А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I. Изд. Е. Солдатенкова, М., 1865, стр. 492—493. — Также: Н. Костомаров. Историческое значение южнорусского народного песенного творчества. Собрание сочинений, т. XXI. Пб., 1906, раздел «Символика животных», стр. 648—651).

[2] А. Ермолов. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Вып. III, Животный мир в воззрениях народа. Пб., 1905. — В. Даль. Пословицы русского народа. М., 1862; изд. 2-е, Пб., 1879.

других птиц. Полет орла самый высокий: «орел летает найвысше, а хрен растет найглибше» (укр.). Орел летает выше всех, по полету он ближе всех к солнцу, — отсюда народное поверье, что орел может смотреть на солнце. И тем не менее, хотя «царь птицам — орел, а сокола боится». И вполне закономерно, что в народно-поэтическом сознании, закрепленном в образах устной лирико-эпической традиции, сокол и орел, олицетворяющие мужественную красоту, отвагу, удальство, выступают как взаимные заместители образов, как аналоги, и даже в виде двойственной птицы — орла-сокола.[1]

Реальные орнитологические черты сокола — его быстрота, резвость его полета, сила и смелость опоэтизированы народом, и образ «ясен сокола», «млад ясен сокола» стал любимейшим образом народной поэзии.

В народной поэзии сокол неоднократно встречается в качестве помощника, друга человека, что видно из обращений к соколу за помощью.

В той же роли помощника, а еще чаще — вестника, выступает в украинской поэзии орел. Эта величественная, гордая, по народному представлению, птица обычно является вестником радости и только в редком случае — печали. Такое использование образа углубляет его значение, абстрагирует образ, переводя его значение из плана бытового в план символический, расширяет круг его поэтического использования.

В зачинах украинских дум об Алексее Поповиче Пирятинском, а также в цикле дум о буре на море сокол дан в виде печального образа, предвещающего несчастье.

В той же функции зачина, начала песни, выступает образ сокола (или орла), сидящего на высоком месте, озирающегося кругом и видящего то, что не видит человек. В этом случае следует видеть не только простейшую фиксацию реального свойства сокола (орла), его повадку — жить на большой высоте, но, как тонко определяет Потебня, новое качество поэтической мысли, служащее целям лучшего поэтического видения, — «чем шире кругозор, тем выше должен стоять тот, чьими глазами смотрит певец».[2] Это углубляет символику образа и, в дальнейшем, в фактах литературного творчества, подведет к толкованию птичьего полета как особой позиции, удобной для обозрения объектов живописания и размышления. По словам Потебни: «По подобным побуждениям певцы разных времен и народов и их герои выска-

---

[1] См. примеры для этой главы в изданиях: Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. I, М., 1911; вып. II, ч. 2, М., 1929. — Сахаров. Сказания русского народа, т. I, кн. IV, Пб., 1841. — П. Шейн. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. I. Пб., 1898. — А. Потебня. Объяснения малорусских и сродных народных песен — в книге А. Потебни: «Слово о полку Игореве». Харьков, 1914.

[2] А. Потебня. Объяснения..., стр. 295, 297.

зывают желание подняться на крыльях птицы; унестись на них, куда порывает их душу, видеть даль очами птицы».

Вот этому поэтическому «парению», этому взгляду в поэзии на вещи с «птичьего полета» предшествовали в народной поэзии ситуации, когда «сокол с высоты дерева» видит на море (вариант: Дунае) «корабль» или когда поется в щедровках об орле-соколе:

Высоко сидишь, далеко видишь.

Или в великорусской песне поется об орле, который далеко глядит и диво видит.

Наиболее частое упоминание сокола со сквозным положительным эпитетом «ясный», «млад-ясен» встречаем в устной лирической поэзии — в плачах-причитаниях, в песнях обрядовых (подблюдных), свадебных, семейных, потешных, сатирических. Здесь прежде всего найдем использование образа в переносном метафорическом значении на основе отмеченных выше качеств сокола: сокол — это добрый молодец в быту, парень, боярин, противопоставляемый лебеди, утице — красной девице, девушке, боярышне:

Не ясен сокол по воздуху летает,
Добрый молодец на вороном коне разъезжает.

В сравнительном плане ставится знак равенства между смелостью сокола и удалью молодца:

Соколы вы наши ясные
Да ясные,
Молодцы вы наши удалые
Да удалые!

Удаль, смелость, доблесть парня-жениха воспеваются в образе сокола в свадебных и семейных хороводных песнях, когда брак символизируется образами: «бьет сокол серу утицу», или «высоко сокол загоняет серу утицу» на заводи, на море.

И в песне поется, как «соколы залетные» видели в своих полетах серу утицу и ей «крылья, перья повыщипали», а далее из содержания песни видно, что соколы — бояре, утица — красна девица.

Соотношение пары «добр молодец» — «красная девица» с уподоблением соколу — утице, соколу — лебедю остается наиболее устойчивым образом в народной песне, свидетельствующим о постоянном и неизменяемом восприятии народным сознанием характерных признаков сокола. Признаки эти позволили поэтическому чувству народа выделить сходные с ними свойства человеческих отношений. Отсюда переход к следующей ступени сравнения, к признанию полного тождества между рядами сравниваемых образов: добрый молодец прямо называется именем птицы.

В сказках, подобно песням, сокол (как и орел) является также частым символом жениха и в то же время он нередко выступает в роли помощника героя сказок, наделяя его даром оборотниче-

ства, принося живой воды, вынося его на своих могучих крыльях из подземного царства, исполняя задуманные им работы.

Народное творчество не остановилось на использовании образа сокола в его сравнении с человеком преимущественно в одном отношении — жениха, добытчика невесты. Качества сокола, правильно наблюденные народным восприятием явлений природы, в данной поэтической практике оказались суженными, обедненными, — и образ сокола оказался заместителем лишь одного его свойства — молодечества, смелости, взятого в определенно бытовом, ограниченно-житейском плане. Но образ сокола в этом значении перешел и на героя-воина. В немногих, по сравнению с предшествующей поэтической практикой, случаях сокол в народной поэзии символизирует не просто бытовую, а воинственную доблесть добра молодца, удальца, являя образ богатыря, витязя, храброго казака. Примеры этого мы найдем в героическом украинском эпосе, — в украинских думах.

Былина также знает сокола — добра молодца, удальца, но былинный образ сокола не раскрывает всего подлинного героизма былинных богатырей, не служит целям выражения высокой воинской доблести; с его помощью дается лишь характеристика внешнего молодечества героев, их бравой поступи, их быстрого бега. Оттого-то сокол встречается в былинной поэтике не при описании воинских подвигов богатырей, а преимущественно в зачинах песни, описывающих выезд богатыря.

Дальнейшее развитие образа сокола найдем в применении его к историческим лицам в поэтическом народном толковании. Песенная и былинная символика сокола — добра молодца была воспринята историческими песнями и украинскими думами. В форме обычного в народной поэзии параллелизма с отрицательным сравнением мы найдем ее в песнях об Иоанне Грозном.[1] То же в народных песнях о Степане Разине:

Не сокол гулял по поднебесью,
Ясаул гулял по насаднику.

Однако примечательно, что впервые в исторических песнях ясными соколами названы люди вольные. В одних случаях это — разбойники, «музурушки персидские» и «низовые бурлаченьки беспашпортные»,[2] — в других казаки.

В песнях сам добрый молодец, атаманов сын Степан Разин — народный герой — хотя и называется соколом, но без поэтической детализации образа:

---

[1] В. Миллер. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв., стр. 93, 94, 177.

[2] См. тексты песен в приложении к книге А. Лозановой «Народные песни о Степане Разине» (Н.-Волжск. обл. научн. общ. краеведения, 1928, стр. 194, 195, 229).

Степанушка у нас, братцы, стал на возрасте,
Как мил-ясен сокол стал на возлете.

Лишь в сцене допроса Степан Разин сравнивается с развернутым образом сокола в таком контексте:

Не от пламечка ковыль-трава загоралася,
Горела она, разгоралася,
Подгорели у ясного сокола желты ноги,
Подпалило его крылья быстрые,
Крылья быстрые — златы перышки.[1]

Народное воображение, любуясь образом смелой птицы, готово взять ее под защиту от врага — человека. Это видно из редких записей песен, где сокол дается не в сравнительном плане с подчинением образа теме о человеке, но как непосредственный объект описания, как лирический герой песенного рассказа, и притом как герой — жертва человека, герой — добыча добра молодца, сударева охотничка.

Из этой символики вырос в украинских думах образ печального сокола, которому трудно или вовсе нельзя вить гнезда, что сопоставляется с затруднительным положением молодца или казака, отъезжающего в поход, или рекрута. Отсюда появление в украинской народной поэзии в цикле песенных представлений о казацком времени, о невольниках в Турецкой земле аллегорического образа сокола-казака в неволе. К этому циклу «невольничих» дум принадлежит популярная «дума про сокола», в которой в аллегорической форме рассказывается о пленении соколенка и о том, как старый сокол по совету орла летит в Царьград, убеждает свое дитя не прельщаться ни серебряными путами, ни жемчужным колпачком и поступить по-казацки — вырваться на волю.[2]

«Невольничий» цикл дум продолжен в цикле разбойничьих тюремных песен с темой о млад-ясен соколе, у которого «подпалило то крылья быстрые».

Из приведенных материалов видно, что образ сокола и его аналога орла в народной лирической и эпической поэзии использован в плане ограниченной символики с перенесением лишь некоторых свойств сокола — без особых попыток углубления образа — на человека. Эта символика дается в народной лирике под знаком высоко положительного понимания образа сокола; его свойства уже в первоначальном и непосредственном восприятии жизненного облика птицы толковались как качества редкие, исключительные, вызывающие восхищение. Характерно и то, что практика лирической народной песни использовала образ сокола по преимуществу в служебном плане, подчинив его своей основной лирической теме — теме о человеке. Крайняя степень положительной трактовки образа сокола в этом сравнительном плане — уподобле-

[1] А. Лозанова, стр. 188, 180.
[2] Н. Костомаров, стр. 645—647.

ние его образу человека вольной жизни. Но народное поэтическое чувство в своем положительном и даже любовном движении к соколу готово было, правда в немногих, почти единичных случаях поэтизировать самый образ птицы смелой, вольной по своей природе и наиболее свободной, независимой по характеру своей жизни. Это трогательное, овеянное теплым человеческим лиризмом изображение сокола, проникновенное восприятие натуры птицы в духе наиболее дорогих народному сознанию идей, — принципиально отлично от образов-схем, многократно повторенных в образцах народных свадебных песен. Здесь наличествует тот элемент с о ч у в с т в и я вольной жизни сокола до его «поймания», из которого при дальнейшем развитии образа могла бы возникнуть уже открытая и патетическая тема о преимуществе свободной жизни птицы-человека от жизни в неволе, в заточенье. Но дальнейших следов развития образа сокола в народной лирике в этом направлении мы не знаем.

Само собой очевидно, что народно-лирический образ, будучи взят в сравнении с образом Сокола в первой редакции рассказа-песни М. Горького, имеет все черты однопланно-бытового или узко-аллегорического, а не широкого символического изображения.

Обратимся к другому интересующему нас образу — к ужу, о котором в народной поэзии мы найдем более скудные данные.

В народе существует много рассказов об ужах-полозах, и, — что весьма примечательно, — местопребыванием полозов считают недоступные скалы над Днестром, где полозы живут вместе с черными и белыми орлами.[1] Этими данными как бы предопределена топографическая обстановка рассказа М. Горького и вполне естественная сюжетная связь основных его образов.

Несмотря на широкую известность ужа в быту, народная символика не сохранила нам особого его образа, относя ужей без оговорок к породам змей. Народ боится змей, не умея подчас отличать змей безвредных, — вроде ужа и некоторых видов медянок, — от змей ядовитых. Отсюда в народе — нелюбовь к змеям, недоверие к ним, чувство презрения, отвращения и брезгливости. В народном представлении ужи, змеи, черви, лягушки и вообще земноводные объединяются понятием «гад», и к ним относятся пренебрежительные и уничижительные характеристики, вроде: «Кажин (или каждый) гад теплу рад».[2] «Хробак (робак = червь) влиз в хрін, та й думае, что нема солодчого коріння». То же презрение вложено в поговорочные выражения, употребляемые в переносном смысле — «ползти ужом», «червь во праже». Вполне понятно, что в сонниках

[1] Н. Сумцов. Культурные переживания. Киев, 1890, стр. 326.

[2] С этим толкованием образа корреспондирует такой аналог в собрании пословиц Даля: «Где живешь, Кулик?» — «На болоте». «Иди к нам в поле!» — «Там сухо!» Ср. с сентенцией ужа у М. Горького: «Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!»

считается к худу — видеть во сне змею, гада. И вполне закономерно, что в поэтическом народном представлении, — в сказочных образах, — змея выступает преимущественно как существо, хотя и мудрое, но враждебное человеку и только в редких случаях — в роли покровителя и советника героя.

Для целей сравнительного анализа фольклорного материала и сюжетно-образной стороны рассказа М. Горького представляют интерес, на ряду с поэтическими качествами образов животных, их сюжетно-бытовые взаимоотношения и связи.

Народно-поэтическая символика устной традиции дает нам не только отдельные, как бы изолированные характеристические образы сокола и ужа. Прибегая к сравнению для уточнения своего понимания природы вещей и для более резких определений результатов своих житейских наблюдений, народное творчество развило длинный ряд параллельных образов, где в плане противопоставления, антитез, в поэтической игре контрастами отчетливее видно выражение коллективных народных утверждений и симпатий. В этих сопоставлениях, закрепленных преимущественно в пословичной форме, неизменно отмечается преимущество сокола перед другими птицами и земноводными животными. Пословицы и поговорки сравнительным приемом подчеркивают особую повадку сокола, летные и другие биологические его свойства. Другие животные, имеющие свои особые повадки, не могут равняться по соколу.

Антитетическое сопоставление сокола (и его аналога — орла) с другими представителями животного мира, ярко выраженное и многократно повторенное в пословично-поговорочной форме, при дальнейшем поэтическом своем развитии должно было привести к первым формам сюжетной связи этих образов. В эмбриональном состоянии сюжет такого рода встретится в заговорах с упоминанием орла и жабы, где в результате непосредственного наблюдения над природой и характером птицы дано противопоставление ее жабе. Сюжетные мотивы, построенные на противопоставлении сокола и змея, мы найдем в изобилии в сербских величальных песнях, а также в румынских песнях, где обычно сокол (или соловей) сидит на верху яблони (или вяза, кипариса) и вьет гнездо, а у корня дерева лежит змея (или жаба) и грозит попалить соколят. То же встречается с мотивами спора сокола и змея с перебранкой бранными словами.

Но народное поэтическое творчество в устной своей традиции не пошло далее в сюжетном развитии двух интересующих нас образов на антитетической их основе. Оно лишь подготовило материал для той сюжетной спайки этих образов с цементирующей ролью морализующей идеи, которая, как мы увидим из дальнейшего изложения, получила свою законченную поэтическую форму в басенном эпосе.

Подведем итоги обзору фольклорных мотивов сокола — ужа и их аналогов, сравнив эти мотивы с символикой рассказа-песни М. Горького в первой его редакции. Не вызывает сомнения, что, создавая рассказ-песню, М. Горький мог опереться на образный и отчасти сюжетный материал народно-поэтического обихода. Центральный образ сокола до творческого почина М. Горького имел многовековую, восходящую к глубокой древности и весьма разветвленную поэтическую традицию в умственном творчестве многих народов. В этой традиции устойчивым было высоко-положительное восприятие образа сокола — любование стремительностью его полетов, отважным его поведением в высоте, его привычкой к широким воздушным просторам. Это любование исключительными для птичьего царства данными затушевало в народном поэтическом сознании исконные хищнические черты сокола. Высокие, в поэтическом восприятии, свойства сокола сделались предметом теплого лирического чувствования, а в дальнейшем были перенесены на идеальные свойства человека, — правда, скорее всего, в плане бытового молодечества, удальства, храбрости, — и лишь в самых редких случаях расширяли образ сокола до символа вольной жизни птицы-человека.

Положительному образу сокола в фольклорной практике противостоит в народно-поэтическом сознании образ ужа с резко противоположными чертами, воспринимаемыми также поэтически эмоционально, но уже с отрицательным знаком — презрения, гадливости, ненависти. Народно-поэтическая мысль в силу логики соотношения антитетических образов должна была прийти к мотивированному их противопоставлению, что в дальнейшем развитии образов сокола и ужа (и их аналогов) в поэтической народной практике привело к сюжетной их связи. Эмбриональные формы этих сюжетов мы видели в пословично-поговорочной и песенной практике. Примечательно, однако, то, что в известных нам случаях эти сюжетные начала еще не несут достаточно выразительной идейной нагрузки, еще не одушевлены большой поэтической идеей.

Итак, если даже мы лишены возможности, за отсутствием прямых данных, реконструировать тот конкретный народно-поэтический сюжет, который мог явиться оригиналом произведения М. Горького, то все же мы можем уверенно сказать, что основные характеристические очертания образов и схему их соотношения М. Горький мог взять из народной практики. Создавая новое произведение на материале исключительно популярных в народной среде образов, М. Горький не отступил от того эмоционального и отчасти идейного рисунка этих образов, который был создан многовековым народно-поэтическим опытом и разрозненные элементы которого видны в приведенных примерах. В этом смысле очевидна фольклорная основа произведения М. Горького. Утверждая, что «содержание песни передается целиком», М. Горький под «содержанием» разумел характеристику основных черт обра-

зов в их природной объективной сущности, а также их поэтическое сюжетно-идейное соотношение, т. е. в первую очередь зерно образа сокола как смелой птицы, любящей полет в высь, в небо, и зерно образа ужа, как ограниченного в своих свойствах обитателя земли.

Но М. Горький — автор произведения, и в формальном и в идейном отношении нового по сравнению с народно-поэтической практикой. Разрабатывая традиционную образную схему, М. Горький не стал на путь механического воспроизведения условной народно-поэтической символики, не пошел по линии подражательства народно-поэтическим приемам, по линии стилизации народного материала и средств его художественного воспроизведения. Если даже отвлечься от ярких романтических красок горьковской поэтической живописи в его рассказе-песне, охватывающей горноморской пейзаж, идейный тон и эмоциональный характер всего изложения, можно утверждать, что уже в первой редакции «Песни о Соколе» М. Горький вложил в идейную разработку образа сокола и противоположного ему образа ужа индивидуальную символико-поэтическую мысль, отсутствующую в приведенных нами образцах устно-народного творчества; можно утверждать, что опорные символические образы, заимствованные из народной поэзии, и разрозненные элементы народной стилистики М. Горький подчинил новой лирической идее. Ведущий мотив рассказа — презрение к рабам земли и гимн свободе, гимн «смелой птице, любившей небо», которая в восторженных песнях о ней будет «купаться в небе, свободном небе, где нет помехи размаху крыльев свободной птицы, летящей кверху», — мотив этической красоты смелого порыва в высь, к солнцу, — вводит нас в углубленную символику образа, где любование вольным полетом птицы настраивает читателя на мысль о «страсти к небу» как непроизвольном выражении «мечты о счастье», где эта мысль подкреплена ссылкой на то, что образ вольного сокола, как волнующий пример, будет жить в «песне смелых и сильных духом». Романтика мысли, чувства и символики горьковского рассказа с этой идейно-поэтической направленностью отсутствовала в известных нам фольклорных толкованиях образа, — и в этом новое его качество, созданное уже поэтом, новая ступень в развитии традиционного образа, на которую его подняла замечательная творческая инициатива М. Горького.

3

При углубленном индивидуальном раскрытии образа в новых художественных его очертаниях М. Горький в своей творческой работе мог опереться на поэтический опыт мировой классической литературы, на лучшие традиции в лирическом и эпическом творчестве отдельных выдающихся поэтов прошлого. Задача нашего

дальнейшего анализа — найти в неисчерпаемом поэтическом наследии, созданном мировой художественной литературой, типовые случаи трактовки образов, сходных отдельными своими сторонами с основными элементами рассказа-песни М. Горького, показать — в каком направлении предшествующая М. Горькому классическая литература разрабатывала эти образы и какие стороны художественно-индивидуального их толкования помогли М. Горькому найти им свое идейно-поэтическое выражение.

Прежде всего мы выделим группу произведений, в которых центральный образ рассказа М. Горького — образ сокола встречается весьма часто в значении, совпадающем или близком к народно-поэтической трактовке.

Прямое использование фольклорных мотивов мы найдем в древнейшем эпосе разных народов, где мотивы поэтические даны в теснейшем соединении с мотивами мифологическими. У древних греков аналогом соколу выступает орел — птица, которая слыла вестником победы, плодородия и счастья, а ее роль — посла Зевса — показана в ряде мифов. Феокрит называет орла — вещей птицей, а Гомер — птицей самой совершенной. В «Илиаде» Гомер неоднократно использует образ орла (или ястреба) для выражения быстроты, натиска, удали, храбрости воинов.

Классическое использование народного образа сокола и орла как символов широкого полета, известно из «Слова о полку Игореве» в зачине поэмы: «Растекашеться мысию по древу, сирым волком по земли, шизым орлом под облакы». И в той же поэме мы находим оригинальное уподобление пальцев — соколам, а струн — стаду лебедей, исходное от антитезы сокол — лебедь в устной традиции: «тогда пущашеть 10 соколов на стадо лебедей: которыи дотечаше, та преди песнь пояше». Еще раз в поэме сокол встретится в сочетании, также знакомом устной традиции: «ни соколу, ни кречету, ни тебе черный ворон». И в сравнении воина с соколом для выражения доблести, удали: «О, далече заиде сокол, птиць бия — к морю»; или в сравнении князей с соколами: «се бо в сокола слетеста». И еще: «коли сокол в мытех бываеть, высоко птиць взбиваеть, не даеть гнезда своего в обиду».

Уподобление соколам героических действий, доблестных действий воинов в духе фольклорных сравнений знает и древнерусская летопись.

Иное народное толкование образа сокола (или орла) мы найдем в средневековых русских памятниках церковного содержания, тесно связанных образной своей системой с библейской и затем древнехристианской символикой, закрепленной в греческих, по происхождению, сказаниях. Но и здесь — что весьма знаменательно для устойчивого толкования образа — изображение сокола (орла) дано в аспекте углубленного высоко-положительного его восприятия: сокол символизирует «правду жизни». Здесь наличествует новое качество в поэтическом использовании образа сокола: об-

щее значение образа, его философско-нравоучительный смысл выводится не непосредственно из реальных или уже привычных в поэзии данных конкретной его основы, но из условного его понимания как образа-заместителя иного, более углубленного смыслового плана. Эмоционально-лирический образ перешел в образ аллегорический с идейно-поучительным основанием.

Нравоучительно-философское толкование символического образа подводит нас к тому устойчивому поэтическому жанру, который в значительной своей части, по поэтическому содержанию своих образов, мог сложиться под влиянием народного, так называемого животного эпоса и сюжетно-поэтическая схема которого дана в рассказе-песне М. Горького. Этот жанр — б а с н я.

Басня с ее героями-птицами, являющимися условными носителями определенных человеческих черт, дает характеристику этих черт обычно в определенном развитии сюжета, причем этот сюжет, лаконичный и четкий, подводит резким, прямым образом к дидактическому выводу. Символика басни, как известно, несет служебную роль; ее образы, подчиненные нравоучительному заданию, несмотря на свою исключительную устойчивость в многовековой поэтической своей жизни, могут все же претерпевать сюжетные и иные видоизменения по своему содержанию, — и в этом отношении исконные народные представления в басенном творчестве склонны к деформированию по творческому почину баснописцев. Эта роль творческой инициативы, как мы увидим из дальнейшего обзора, тем отчетливее, чем ближе мы подходим к новейшему времени.

Среди басен Э з о п а с героями соколами и орлами, сотканных как известно, из множества народных мотивов, мы найдем басню «Черепаха и орел», некоторыми чертами своего сюжета, соотношением основных образов и идейным, вытекающим из построения басни, заключением, напоминающую рассказ М. Горького. Содержание басни:

> «Черепаха, недовольная своим состоянием и соскучившаяся ползать всегда по земле, желала учиться птицею, почему и просила орла выучить летать ее. Орел сперва отрекался, представляя ей, что она требовала противного своему свойству; однако убежденный неотступною просьбою, взял ее в свои когти и, подняв на высоту, опустил на камень, о которой она, расшибшись на части, издохла».[1]

В басне Л а ф о н т е н а «Раненая птица» мы найдем как бы прообраз раненого горьковского Сокола, но основной образ этой басни раскрыт, однако, в иной, по сравнению с произведением М. Горького, явно пессимистической, тональности, — с укором человеку за его явное коварство. Уклонения от традиционного в народной символике положительного образа птиц мы най-

---

[1] Приводим изложение басни по изданию: Езоповы басни... На росийский язык переведенные Д. Т., М., 1792, стр. 259.

дем в ряде других басен Лафонтена, — в них проводится определенно отрицательный взгляд на сокола и орла. Так, в басне «Каплун и сокол» говорится о соколиной спеси, в «Орле и жуке» — о надменном орле, которому льстит жук, в «Соколе и Филомене» — о безжалостном соколе-хищнике. Такой же характер носит басня Флориана «Сокол и голубка», в которой изображен мстительный сокол.

Из басен нового времени особо примечательна басня Гете «Орел и голубка» (1773); содержание центральных ее образов и их соотношения во многом весьма сходны с рассказом М. Горького.[1] Молодой Гете раскрывает в этом произведении образ смелого дерзновенного орла, противоположный образу робкой в своих желаниях голубки с ее философией довольства малым. Развивая последний образ, Гете выступает с обличением филистерской ограниченности, умеренности.

Басня Гете не раскрывает с достаточной полнотой внутреннего образа Орла, она лишь схематично противопоставляет его тоску по «небесному своду», — значит и по широкой вольной жизни, — умеренным желаниям голубки, довольствующейся благами земли. Но это противопоставление, намеченное Гете в философско-общественном плане, как и исчерпывающий образ мещански-мыслящей натуры голубки, не могли не помочь дальнейшему углублению идейного содержания подобного же сюжета, развернутого в рассказе-песне М. Горького.

Не менее показательна в своем сближении с символикой горьковского рассказа линия басенного творчества русских и украинских писателей. Известно, что среди книг, с которыми М. Горький успел рано ознакомиться, были сочинения украинского философа XVIII в. Г. С. Сковороды. В 1894 г., т. е. за год до появления в печати «Песни о Соколе», сочинения Сковороды были выпущены юбилейным изданием к 100-летию со дня смерти философа. По этому изданию М. Горькому могли быть известны так называемые «Басни харьковские» Сковороды в количестве 30 номеров (басни эти были написаны Сковородой в 1774 г. в окрестностях Харькова). Сковорода-философ ценил высоко жанр басен, этих, как он сам говорит в посвятительном письме к неизвестному, «благопристойных игрушек», состоящих из фабулы и «силы», т. е. внутреннего смысла. В баснях Сковороды развиваются те же философско-нравоучительные положения, которые изложены в ученых его трудах, в особенности в его «разговоре дружеском о душевном мире». Но нас могут заинтересовать лишь те случаи, в которых философские сентенции Сковороды и выявляющая их художественная образность подводят нас вплотную к образной системе и к характеру содержания произведения М. Горького. Одна из

[1] Указание в печати на сходство басни Гете и песни М. Горького было сделано Ф. Головенченко: Иоганн-Вольфганг Гете. — Литература и язык в политехнической школе, 1932, № 3, стр. 17—24.

основных мыслей Сковороды — различие природы живых существ, предопределившее различие в их поведении. Как известно, на биологическом различии и М. Горький раскрывает в своем рассказе противоположное мышление и поведение выведенных им существ — образов.

В басне Сковороды «Орел и сорока», ставящей задачу раскрыть сентенцию, — кто имеет склонность к вечности, тот любит жить в полях, а не в городах, — перед нами спор двух птиц с явным предпочтением автора орлу. Та же мысль о преимуществе одного существа перед другим по его естественной природе раскрыта в басне Сковороды «Две курицы». Сентенция этой басни сводится к тому, что способности расширяются и укрепляются упражнением, практикой, но сама по себе практика без природных особенностей не имеет значения. Эта сентенция не имеет никакого отношения к замыслу рассказа М. Горького, но элемент резкого сопоставления образов, наличный в басне, в какой-то степени близок к его произведению. В басне «Жаворонки» Сковороды мы найдем упоминание о том времени, когда, по приведенной нами выше басне Эзопа, «у орлов черепахи летать учивались». В басне «Орел и черепаха» Сковорода использует игру эзоповских образов для утверждения своей основной мысли о различной природе живых существ. И в этом случае нравоучительная мысль басни Сковороды чужда идее рассказа М. Горького, но противопоставление образов и ход мыслей черепахи даны в формулах, близких к его рассказу.

Исключительно интересна по близости к аллегорическому смыслу образов в произведениях М. Горького басня Сковороды «Нетопыр и два птенца, горлицын и голубинин», в которой мы найдем развернутые рассуждения сына земли — крота, сомневающегося даже в существовании солнца, и горячие возражения ему представителей птичьего царства. Текст басни:

«Великий преисподний зверь, живущий в земле так, как крот, кратко сказать, великий крот писал самое сладкоречивейшее писмо к живущим на земле зверям и к воздушным птицам. Сила была такая:

„Дивлюся суеверию вашему; оно в мире найшло тое, чего никогда нигде нет и не бывало; кто вам насеял сумасброд, будто в мире есть какое-то солнце? Оное в собраниях ваших прославляется, начальствует в делах, печатлеет концы, услаждает жизнь, оживляет тварь, просвещает тму, источает свет, обновляет время. Кое время? Одна есть только тма в мире, так одно и время; а другочу времени быть чепуха, вздор, небыль... Сия одна ваша дурость есть плодовитая мать и других дурачеств. Везде у вас врут: свет, день, век, луч, молния, радуга, истина. А смешняе всего, почитаете химеру, называемую око, будто оно зерцало мира, света приятелище, радости вместилище, дверь истины... Вот варварство! Любезные мои други! не будьте подлы, скиньте ярем суеверия, не верьте ничему, поколь не возьмете в кулак. Поверьте мне: не то жизнь, чтоб зреть, но то, чтоб щупать. От 18 дня апреля 1774 года. Из преисподнего мира". NN

Сие письмо понравилося многим зверям и птицам, например, сове, дремлюге, сычу, вдоду, ястребу, пугачу; кроме орла и сокола. А паче всех нетопыр пловко шатался в сем высокородном догмате и, увидев

горличина и голубинина сынов, старался их сею высокопарною философиею ощасливить. Но горличин сказал: „Родители наши суть лучшии тебе для нас учители. Они нас родили во тме, но для света". А голубчик отвещал: „Не могу верить обманщику. Ты мне и прежде сказывал, что в мире солнца нет. Но я, родившись в мрачных днях, в днешний воскресный день увидел рано восход прекраснейшего всемирного ока. Да и смрад, от тебе и от вдеда исходящий, свидетельствует, что живет внутрь вас недобрый дух".

Сила. Свет и тма, тление и вечность, вера и нечестие мир весь составляют и одно другому нужное. Кто тма, будь тмою, а сын света, да будет свет. От плодов их познаете их».

Отметим: органически «земную» психологию крота и его, ограниченный практикой жизни только в земных условиях, ход рассуждений, столь напоминающий нам направленность мыслей ужа в рассказе М. Горького; принципиальное и убежденное возражение кроту птиц; характерную деталь — упоминание вскользь о несогласии с кротом орла и сокола.

Басенная практика использовала бытовое восприятие и старинкейшее поэтическое представление об орле — пожирателе змей. Так, через многочисленные мифологические буддийские сказания проходит образ мощной хищной птицы, возможно, соколиной породы — гаруда (garuda) с постоянной функцией — пожирателя змей, злого и непримиримого их врага. Этот мотив мы встретим в басне А. Измайлова «Орел и сорока», в которой особо подчеркнута непримиримая вражда орла к змеям, которых он нещадно уничтожает. На совет сороки не делать этого, чтобы избежать гибели от жала змеи, он отвечает, что будет слушать не ее, а Зевеса:

Он зренье острое, полет мне мощный дал
И силу не на то, чтоб их употреблял
Для дел ничтожных и напрасных,
Но чтобы гадов сих опасных
С лица земли я истреблял.[1]

Таким образом мотив несогласия в мыслях, как оправдание противоположного поведения Сокола и Ужа в песне М. Горького, мог быть подготовлен издалека идущим мотивом вражды птицы и змеи.

Ряд образных деталей, относящихся к интересующему нас сюжету, найдем в баснях Крылова. Среди пернатых героев его басен наиболее частым является орел. Его басни неизменно подчеркивают отважный полет орла, говорят о высоте как о стихии орла, недоступной другим животным («Орел и пчела», «Орел и куры»). В басне «Орел и паук» орел поднялся на вершины кавказских гор и «зримым под собой пространством любовался». Басня направлена к тому, чтобы показать превосходство величественного орла и в то же время наказать ничтожного паука, который осмелился забраться на ту же высоту. Можно наблюсти

[1] Сочинения Измайлова, т. I, Изд. А. Смирдина, Пб., 1849, стр. 82.

в сюжете басни и в антитезе его образов черты, сходные с рассказом М. Горького: разговор двух противоположных по основным своим биологическим свойствам существ, превосходство орла, бесполезная попытка паука приобрести преимущества этой птицы.

Сходна с рассказом М. Горького и другая басня Крылова — «Сокол и червяк». И в этой басне есть некоторые черты, близкие к сюжетной схеме рассказа М. Горького: антитеза основных образов, подчеркнутое преимущество достоинств сокола перед червяком, уничижительная характеристика червяка.

Последний образ, раскрываемый в своих аналогах другими баснописцами, получил вполне конкретные определения своих характеристических черт и своего поведения, исключительно близко подходящих к характеристике поведения ужа в рассказе М. Горького. Так, в басне поэта начала XIX в. Александра Бенитцкого «Орел и муравей» разработан сюжет, сходный с басней Крылова «Орел и паук». Орел взлетел на высочайшую гору, но там оказался муравей, который на вопрос орла — как он сюда добрался — отвечает в последней строке басни:

«Ты силен — ты взлетел, я слаб — так я всполоз».[1]

Эта образная формула Бенитцкого близка к формуле М. Горького, — и тем не менее идейная направленность в басне Бенитцкого противоположна идеологии рассказа М. Горького.

Но уже в прямом соответствии с горьковской характеристикой поведения ужа и с почти текстуальным совпадением ее поэтической формулы дана заключительная сентенция в басне И. Хемницера «Мужик и корова». В басне рассказывается о том, как «коня у мужика не стало, так он корову оседлал» и что «корова, наконец под седоком сваляласъ» — «не мудрено: скакать корова не училась». Басня заканчивается нравоучением:

А потому и должно знать:
Кто ползать родился, тому уж не летать.

Ср. это образное определение с определением-афоризмом в рассказе М. Горького, являющимся как бы ее перифразом: «рожденный ползать — летать не может».

Помимо сюжетных схем и отдельных характеристических черт основных образов, близких или же сходных с элементами рассказа-песни М. Горького, басенное творчество разработало в отдельных случаях и те пейзажные символические мотивы, которые играют существенную роль в произведении М. Горького. В этом отношении примечательны стихотворения Я. Полонского с басенными сюжетами. В стихотворении «Орел и змея» использован известный уже нам басенный мотив вражды орла и змеи. Образу гордого орла противопоставлено коварство змеи, забравшейся в расселины высоких гор. Змея уговаривает орла взять ее с собою, познакомить «с темными грозами» или умчать «в сферы

[1] «Поэты-радищевцы». Изд. «Советский писатель», 1935, стр. 718.

надзвездные». В полете змея, прижавшись под крылом орла, смертельно его жалит. Помимо высокой эпитетности (орел — «могучий», у орла — «гордый взгляд») в стихотворении дан романтический пейзаж с мотивами бури.[1]

В другом стихотворении Полонского «Орел и голубка» изображено невольное коварство орла, отпустившего из своих когтей голубку, которая сделалась добычей бездушной стихии — бури. В стихотворении примечательны для нас не сюжетные мотивы, но элементы романтического пейзажа, близкие к пейзажу рассказа М. Горького:

Вздымая волны над заливом
Шла к ночи буря, — гром гудел...
. . . . . .
Клубились тучи — пена
Посеребряла берега.
Ручьи скакали по каменьям,
Орлы кричали.

А голубка

... исчезла в серой пене
Валов, несущихся к скале.

Обзор поэтических мотивов в басенном творчестве позволяет установить большую их близость к произведению М. Горького. Помимо формальной басенной фабульной схемы, восходящей, видимо, к устно-народной поэтической практике, М. Горький многое мог позаимствовать из басенной поэтики и символики. Идейно-поэтические ассоциации, стилистические образы, формулы и эпитеты, накопленные устной народной традицией и подхваченные литературным книжным поэтическим творчеством в басенной его форме, показывают, что художественный опыт коллектива к приходу М. Горького в литературу успел сложить разные поэтические стороны его будущего произведения. Здесь мы найдем

---

[1] В первоначальном тексте этого стихотворения, имевшего подзаголовок «басня» и напечатанного в «Литературной библиотеке» (1866, октябрь, кн. I), был вариант с мотивом, близким к основному идейному мотиву первоначальной редакции «Песни о Соколе», но вставленным не в речи орла, а коварной змеи:

Там — внизу — никого не счастливили
Моих дум роковые стремления.
Норы душные мне опротивели —
Опротивели до омерзения..
Кто поймет меня богом проклятую!
Полюбила я силу крылатую,
Родилась я для гения.

Вариант этот, близкий по идейной направленности к думам горьковского Сокола, был исключен Полонским в последующих изданиях, возможно, потому, что он резко нарушал характером своих размышлений привычный басенный образ змеи, как существа коварного и мстительного.

резко-контрастную характеристику разных по биологической своей сущности образов: высоко положительную оценку величественной птицы и противоположную ей оценку существ — не отрывных от земли, постоянных ее насельников, робких и ограниченных; перевод этих образов в отчетливые аллегорические символы: сокол (орел), быстрый и смелый — стремление к вольной, широкой жизни, змея (черепаха, крот, муравей, голубка) — ограниченные природные данные, узость суждений, удовлетворение мелкими, мизерными земными интересами; тенденцию к толкованию этих аллегорий как философских символов двух полярных укладов психики и мировоззрения. Найдем отчетливые сюжетные соотношения этих образов, тот всегда ясный фабульный рисунок, рельефный характер которого неизменно сохраняется даже при различных индивидуальных оттенках поэтической идеи, сопутствующей сюжетной разработке этих образов; меткие и яркие характеристические определения свойств основных образов, афористические словесные формулы выражения идейного стержня произведения.

Все эти данные говорят за то, что басенно-аллегорическая форма с ее образной и стилистической поэтикой и с ее идейно-нравоучительной направленностью была выбрана М. Горьким для своего поэтического замысла не случайно. Помимо литературных своих достоинств, проистекающих от самой аллегорической формы, позволяющей почти открыто и в то же время художественно убедительно трактовать волнующую автора идею, басня в своем многовековом развитии накопила настолько ёмкие и выразительные образы, столь отчетливые сюжеты и связи мотивов в них, настолько меткие характеристические детали и определения, что воспользоваться ими означало для нового поэта — пойти по пути, наиболее знакомому читательскому восприятию, максимально облегчить читателю усвоение традиционной по внешним, стилистическим очертаниям, но все же оригинальной, своей поэтической идеи.

Мы не беремся утверждать, что все приведенные нами образцы басен, как и им подобные, во множестве нами не учтенные, были известны М. Горькому, но мы в праве предположить, что в сознании молодого М. Горького, — неутомимого и высококультурного читателя русской и мировой литературы, — мог отразиться поэтически-идейный опыт этой литературы в ее главнейших художественных проявлениях, что его творческая инициатива могла уверенно опереться в стилистических формулировках своих идей на художественные элементы, уже удачно найденные поэтами.

Но эти образно-поэтические данные М. Горький воспроизвел в своем произведении не механически; совпадение поэтических черт из традиционной литературы и из творческого опыта М. Горького не явилось в результате простейшего внешнего воспроизведения чужих образов, в результате стилизации: элементы традиционного стиля одухотворены им глубоким индивидуальным

содержанием, личным поэтическим лиризмом. И перед нами стоит задача: определить своеобразие этого содержания по сравнению с другими сходными образцами индивидуальной лирики в мировой классической литературе. Разрешение этой задачи позволит нам подойти вплотную к характеристике отношения М. Горького к литературным традициям прошлого и, тем самым — к оценке основного качества творческой инициативы М. Горького.

4

Басенная традиция не исчерпывает случаев поэтической трактовки интересующих нас образов. Сокола, ужа и их аналогов можно встретить в любых лирических и эпических жанрах, то в виде простейшего аллегорического толкования, часто в приближении к устно-поэтической традиции, то в виде художественного приема, варьирующего новые оттенки оригинальной мысли поэта. Мы проследим немногие, наиболее выразительные примеры использования этих образов в литературе, предшествующей появлению рассказа М. Горького, и обратим внимание лишь на те средства художественного раскрытия образов, которые разными своими сторонами и в разной степени приближения напоминают образы, созданные М. Горьким. Мы привлечем также для сравнения и случаи, когда, близкие к рассказу М. Горького, образные схемы заполнялись совершенно иным идейно-поэтическим содержанием, т. е. когда сходство поэтических частностей еще резче позволяет подчеркнуть принципиальное отличие лирического целого в его основном, главном выражении.

Весьма обычен в поэзии прием простейшего перенесения в лирическую ткань произведения фольклорных образов и мотивов. Это чаще всего имеет место в тех стихотворениях-песнях поэтов, в которых образная символика стилизуется под народный лад, а потому фольклорные по своему происхождению образы воспроизводятся как бы автоматически, без дополнительной индивидуально поэтической обработки. Легче всего это показать на русском материале. В русском поэтическом материале прямые фольклорные мотивы с образом сокола («ясный сокол» — друг, добрый молодец в форме прямого или отрицательного сравнения) мы найдем в песнях Н. Грамматина, Н. Цыганова, Ф. Слепушкина, Ф. Смирнова, А. Тимофеева, И. Кругликова. [1]

И то же использование образа сокола в сравнительном плане мы увидим в анонимных солдатских песнях, где солдаты — «соколы — крылаты». [2]

---

[1] Примеры для этой группы поэтов см. в книге «Песни русских поэтов (XVIII — первая половина XIX в.)». Изд. «Советский писатель», 1936.

[2] См. эпиграф к стих. V в революционном цикле «Солдатские песни» (Лондон, 1862, Вольная русская типография).

В этой группе поэтов следует выделить А. Кольцова. В его «Песне старика» мы встретим простое повторение фольклорного мотива («я помчусь, полечу легче сокола»). Но в «Думе сокола», в которой соколом назван молодой тоскующий парень, Кольцов поэтически расширяет образ, выражая им мотив тоски в раздумье над жизнью.

Обильны примеры использования образа сокола-орла в фольклорном духе в виде сравнения и в форме обращения в поэзии Шевченко. В поэтическом рассказе о гетмане Дорошенко гетман в неволе уподобен томящемуся в неволе орлу.

Использование образа сокола в фольклорном духе мы найдем в бесчисленных примерах у других наших поэтов. И столь же многочисленны примеры использования в фольклорном духе и образа ужа в прозе и драме.

В одном из произведений Н. Лескова, писателя, прекрасно знавшего народную образную речь, мы встретим образ, близкий к народно-поэтической символике и в то же время внешними очертаниями напоминающий символику рассказа М. Горького: «Пусть черви грома прячутся, а стрепету за тучами еще простора вволю». Слова эти, однако, использованы с отрицательным знаком, будучи вложены в уста купца-лиходея и хищника Князева в пьесе «Расточитель».

Иное, вполне индивидуальное отношение к исконным объектам народной поэзии мы найдем в личной лирике крупнейших поэтов мировой литературы. Образ вольной птицы стал любимым образом лирической и эпической поэзии, служа целям раскрытия оригинального идейно-поэтического замысла. Образ свободной птицы, парящей в бесконечных небесных просторах и чуждой навыкам наземных существ, сделался необычайно ёмким образом, способным углублять свое значение до пределов мировоззренческих — философско-космических, социальных или злободневно-политических. При этом не ограничивались возможности различной идейной окраски символа, переливающего всеми цветами лирического настроения — от понижающих тонов грусти, тоски, скептической резиньяции, беспредельного пессимизма до возвышающих тонов широкого приятия жизни, патетической радости, светлого оптимизма. Идейная направленность образа со всей гаммой лирического вчувствования в него живой эмоцией поэта привела в практике мировой литературы к созданию высоких поэтических образцов как прогрессивного, по своему социальному значению, характера, ведущих к открытому жизнеутверждению, к активному мировоззрению, к романтическому преобразованию жизни, так и характера регрессивного, резко реакционного, со знаком философического неприятия жизни.

Эта идейно-лирическая широта в использовании образа видна из приводимых далее примеров. Нет необходимости при разрешении задачи, которую мы себе ставим, обозреть все возможные

случаи поэтической разработки интересующего нас образа. Достаточно ограничиться приведением лишь типичных случаев раскрытия идейного образа в поэтической практике выдающихся первоклассных мастеров художественного слова. Ведь в целях поэтико-морфологического сравнительного изучения вполне достаточно определить лишь те основные стадии развития образа, которые сложились у предшественников М. Горького до его художественного почина.

Можно быть уверенным, что героическая направленность М. Горького, вложенная им в образ отважного сокола, который всегда стремится в высь, к небесным просторам и противостоит своими свободными полетами поведению иных, «земных» существ, сокола, который является примером для людей смелых и сильных духом, должна была быть близкой по своему идейно-эмоциональному пафосу романтическим образам художественной литературы, и что ее поэтическое воплощение мы скорее всего можем найти у поэтов-романтиков. Назовем имена Байрона и Шиллера.

Байрон — поэт исключительно близкий поэтическим симпатиям молодого М. Горького. Из мемуарной литературы о молодом М. Горьком нам известно, что он увлекался поэзией Байрона, что его поражала необычайная смелость полета мысли великого поэта, который «поддерживал в нем уже теплившийся в груди дух недовольства настоящим, дух протеста и уносил его вместе с Манфредом в заоблачные края» [1] — по словам написанного им тогда (1891) [2] монолога —

В мир новый, мир иной,
Где слез не надо проливать,
Где крик души больной
Не станет сердце разрывать
Щемящею тоской.

В стихотворениях и поэмах Байрона М. Горький мог найти волнующий его романтический пафос, влечение к широким взле-

---

[1] Идейно-поэтическое выражение «полета в высь» восходит к античному мифу об Икаре, поэтически воспроизведенному в VIII книге Овидия Назона «Метаморфозы». Икар, спасаясь с острова Крита от раздраженного Миноса, полетел на восковых крыльях, сделанных отцом Дедалом, но не выполнил его совета — не подниматься при полете слишком высоко. «Стремлением к небу влекомый», он слишком приблизился к солнцу, восковые крылья растопились, — и Икар погиб. Миф о погибающем Икаре обычно воспринимался как рассказ об увлекающей человеческое воображение мечте к полетам в высь и в то же время о тщете дерзких усилий смертного подняться к небу, приблизиться к недосягаемому солнцу. Символика мифа окрашивала резко пессимистически попытку человека подняться вверх над землей и в значительной степени предопределила образное выражение этих попыток в широкой поэтической символике противопоставления неба и земли в последующих поэтических образах мировой лирики.

[2] С. Вартаньянц. М. Горький в Тифлисе. — Бакинские известия, 1903, № 13, 16 января.

там поэтической мысли, презрение к натурам, ограниченным узкими «земными» интересами, любование мятежными исканиями, героическими порывами, богатую палитру ярких красок романтического пейзажа.

В поэзии Байрона М. Горького могла увлечь символическая картина вольной жизни орла в том месте поэмы «Шильонский узник», где взор узника следил за полетом птицы в облаках. Или когда в поэме «Чайльд-Гарольд» Байрон говорит о грядущем свободном народе, сравнивая его с молодыми орлами.

Байрон мог внушить М. Горькому размышления над несовершенной природой человека, подобно тому как пролетающий над головою Манфреда орел — «пернатый царь заоблачного мира», [1] чье «крыло так часто видит небо», — внушил ему мысли о натуре людей, оскорбляющих своей двойственностью гармонию природы, людей, в коих «гордость с униженьем ходит рядом, и подле благородного порыва в нас шевелятся низкие желания». Эти слова Манфреда будут повторены в его обращении к духу, когда в порыве покаянном он скажет о себе, что «много лет привык во праже ползать». Байрон мог углубить чувство негодования к тем, кто создан из простого праха, «что породил весь род людской с его ничтожностью земной», к тем, кто «жил, чтоб есть, сносить презренье и умер смертию скота, вдруг околевшего в забвеньи». [2]

Байрон мог увлечь своим жарким порывом ненависти к покою и столь же горячей влюбленностью в героику борьбы. Он воспевал тех, у кого «бились пламенно сердца; жила в них пылкость храбреца»: [3]

В душе их — буря: жизнь — волненье;
Хоть часто губит их оно,
Но без борьбы, но без паденья
Им в мире жить не суждено.
Покой их давит вечной скукой;
Им нужны: ненависть, вражда. [4]

Он восклицал:

Вперед! и покажи, что ты еще сумеешь
Погибнуть в битве как герой! [5]

---

[1] Цитируем по изданию: Сочинения лорда Байрона в переводах русских поэтов, изданных под ред. Н. В. Гербеля, т. I. Изд. 2-е, Пб., 1874.

[2] Там же, стр. 262. — Ср. со строками из стихотворения М. Горького «Легенда о Марко»:

А вы на земле проживете,
Как черви слепые живут:
Ни сказок про вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют.

[3] Там же, стр. 237.

[4] Там же, стр. 236.

[5] «Сегодня мне исполнилось 36 лет», там же, стр. 47.

и приветствовал «в битве грядущей геройский конец»,[1] — что по всей совокупности приведенных поэтических высказываний Байрона и по основной их направленности как бы предрешает героическую линию в горьковском рассказе-песне.

В романтической лирике Шиллера образ орла с «могучими крыльями» служит выражению благородных человеческих порывов. Орлиный полет символизирует пытливую мысль, которая отважно проникает в беспредельные просторы. Крылья ассоциируются поэтически с образом свободного полета в мир фантазии.

В лирике Гейне своеобразно сочетались романтические устремления — идеальные представления о свободной и гармонической индивидуальности — со скептическими размышлениями и настроениями по поводу реального поведения человека — современника поэта. Отзвук этого мы найдем в любовной лирике Гейне, когда в ответ на измену женщины Гейне предлагает превреть людские отношения и вольно гулять по свету:

На горы крутые взбираясь,
Вздыхаешь ты, как старик...
Но если достигнешь вершины —
Орлиный услышишь там крик
И сам ты в орла превратишься!
Почуешь, что силен ты стал,
Что стал ты свободен — и очень
Немного внизу потерял.[2]

Углубление реалистических струй в лирической поэзии, соотнесенное с фактами общественной борьбы в социально-исторических условиях переломных эпох, принесло новое обогащение поэзии: усиление в представлениях поэтов разрыва между идеалом и действительностью, между правдой мечты и правдой жизни. Глубокая демократическая мысль иных поэтов смыкалась с их представлением о революционной ломке существующего порядка вещей, а самый порядок освещался беспощадным сатирическим светом. Примером может явиться Беранже, чья поэзия в эпоху реставрации во Франции явилась яркой защитой попранных человеческих прав и светлой надеждой на будущее торжество революции. В песнях Беранже многократно проходят образы свободных птиц, распевающих вольные песни, — образы, легко соотносимые с вольнолюбивыми общественными идеалами поэта. Свободным полетам птиц в его стихотворениях-песнях завидуют другие, подневольные птицы, которых Беранже уподобляет поэтам времени укрепления контрреволюции.

---

[1] «Песнь Саула перед последним боем», там же, стр. 6.

[2] «Странствуй!» в сборнике «Поэты всех времен и народов» (Сборник, издаваемый Костомаровым и Бергом, Пб. — М., 1862, стр. 123).

В стихотворении Беранже «Вещуньи-птицы» («Les oiseaux de la Grenadière») птицы утешают разочарованного в своих желаниях человека такими словами:

Ты говоришь, что над тобою
Висит, как туча, нищета...
Ты прежде ей грозил борьбою!
Иль вера в солнце уж не та?!
Гони отчаянье бессилья;
Поверь ты нам: не бойся туч!
Пройдет гроза — и солнца луч
Тебе опять осушит крылья.[1]

Беранже, быть может, был первым поэтом, который философско-лирическое содержание образа птицы в поэзии перевел открыто в план социального его звучания, осмыслил как политический образ, сделал символом революционного поведения. Слова о непреклонной борьбе, вере в победную силу солнца, как символа торжества, вложенные в уста свободных птиц, приобретают определенно социально-политическую окраску, сближая его символику с символикой рассказа М. Горького. Этой поэтической трактовке образа птицы у Беранже соответствует разработка антитетического образа — аналога к горьковскому Ужу: чванливые и жирные улитки одноименного стихотворения Беранже «Улитки» («Les Escargots»)[2] означают у него самодовольных французских буржуа — «этих слизняков моей страны».[3]

Круг западной лирической поэзии можно замкнуть примерами противоположного идейно-поэтического содержания. Мы имеем в виду пессимистические мотивы лирической поэзии, отраженные в образе птицы.

Еще в романтической поэзии молодого Гюго можно найти образ отважного орла, как бесплодной жертвы стихии моря, образ, вставленный в рамку романтического пейзажа.[4]

Печальный образ гибнущей в напрасной борьбе птицы обычно всплывает в сознании поэтов-лириков в периоды их мировоззренческого упадка как отражение резко выраженного философского пессимизма. Наиболее ярким представителем эпохи упадочного романтизма времен буржуазной реставрации во Франции явился

---

[1] Беранже, Полное собрание песен, т. II, 1935, стр. 197, пер. И. Тхоржевского.

[2] Там же, стр. 227.

[3] Беранже издавна был в числе поэтов, особо любимых М. Горьким. Одновременно с публикацией первой редакции «Песни о Соколе» М. Горький подарил журналисту Н. П. Ашешову переводную книгу стихотворений Беранже со следующей надписью: «Максим Горький — Н. П. Ашешову на добрую память и с пожеланием усвоить и впитать в себя веселую философию гражданина-поэта. Самара. 19 апреля 1895».

[4] «Небесный огонь» — см.: Сборник стихотворений иностранных авторов. Переводы В. Костомарова и А. Берга, т. I. М., 1860, стр. 8.

Бодлер. Острый пессимистический характер поэзии Бодлера с мотивами глубочайшего разочарования в жизни и презрения к житейским делам отражен в трактовке им образа вольной птицы, трактовке, несущей весь тяжелый груз мрачной философии поэта. Бодлер уходит от жизни земли и в стихотворении «На высоте» он воспевает тех, кто

Забывая страдания жгучие,
Жизни пасмурной скуку и гнет —
О, блажен тот, чьи крылья могучие
В высоту направляют полет!

Он воспевает тех,

...чьи мысли, как птицы свободные,
Горделиво над жизнью парят.[1]

Пафос его поэзии — в категорическом неприятии жизни, как явления, враждебного тенденциям «свободного» искусства, в признании ее непреодолимой и убивающей «дух» поэзии косной силы. Поэт — жертва; эта идея раскрыта Бодлером в образе альбатроса, распластанного матросами на палубе корабля:

Поэт, вот образ твой! Ты также без усилья
Летаешь в облаках средь молний и громов,
Но исполинские тебе мешают крылья
Внизу ходить, в тоске, средь шиканья глупцов.[2]

Обратимся к русской поэзии.

Поэтическое воспроизведение образа сокола и орла мы можем проследить в ней, начиная с основателя новой русской литературы — Ломоносова. Образ орла в его одах знаменует силу и храбрость русского войска.

Но классическая поэзия XVIII в. не знает достаточно выразительных случаев углубленного идейно-лирического использования искомого образа. Его широкое поэтическое и идейное раскрытие мы найдем, по аналогии с западноевропейским движением романтизма, у русских поэтов-романтиков. Их предшественником является Пнин, хотя и вышедший из недр поэзии классической, но философско-публицистической направленностью своей лирики содействовавший разрушению классицизма. Поэма «Человек» (1804) написана Пниным, как известно, в виде поэтически-философского ответа на знаменитую державинскую строку из Оды «Бог»: «Я царь, я раб, я червь, я бог». Стоя на позициях философского и политического радикализма, пронизав свою поэзию общественно-политическими мотивами, Пнин выступил и в этой поэме с отчетливым тезисом о политических правах и твор-

[1] «Стихотворения Бодлера в пер. П. Я[кубовича]» в изд.: «Стихотворения П. Я.» (т. II, изд. 3-е, Изд. „Русское богатство", Пб., 1906, стр. 117—118).
[2] Там же, стих. «Альбатрос».

ческих возможностях человека. Он протестует против утверждения, что человек — ничтожность, что «человек лишь червь земной», и проводит мысль о кардинальном различии Человека и Раба. И пафос своей поэмы Пнин вкладывает в призыв к активной деятельности, в восторг перед творческим духом человека. Он приветствует творческие силы человека как «зиждителя вселенной» и раскрывает его величие в таком ореоле:

О сколь величествен бываешь,
Когда ты землю оставляешь
И духом в облаке паришь;
Воздушны бездны озирая,
Перуны, громы презирая,
Стихиям слушаться велишь.[1]

Если в поэзии Пнина мы сможем наблюсти идейную напряженность того тона, который зазвучит потом в рассказе М. Горького, то в поэзии Рылеева мы найдем некоторые сходные с горьковским же рассказом штрихи внешнего рисунка его образов. Рылеев в своих думах под влиянием стилистики народной поэзии вводит для героического изображения воина сравнительный образ птицы (сокола, орла, ястреба): войска «летят как соколы» («Дмитрий Донской»), «орлом из-за дубравы, Волынский грянул на врагов» (там же), «летит как ястреб витязь вслед» («Смерть Чигиринского старосты»). В этом употреблении образа Рылеев традиционен, зависим непосредственно от фольклорной символистики, как неоригинален он будет и в другом случае — в антитетическом использовании контрастных образов. Но здесь интенсивная художественная разработка поэтом своей темы сообщает особо выразительную силу взятому образу. Так, в «Послании Н. Гнедичу» Рылеев говорит:

Не удивляйся же, что зависть вкруг тебя
Шипит, как черная змея!

И далее:

На лоне праздности дремавши долго гений,
Стрелами зависти быв пробужден от лени,
Ширяясь, как орел, на небеса глядит,
Где клеветой его порочит пустомеля.

И еще:

Орла ль парящего среди эфирных стран
В полете карканьем удержит наглый вран?[2]

Суммируя черты образа орла и его антипода в стихотворении Рылеева, можно наблюсти в них черты, во многом сходные с образами в произведении М. Горького.

---

[1] «Поэты-радищевцы». Изд. «Советский писатель», 1935, стр. 182.
[2] К. Рылеев, Полное собрание стихотворений. Изд. писателей в Ленинграде, 1934, стр. 112—113.

В политической лирике начала XIX в. довольно обычен образ птицы, ассоциируемой поэтами с образом вольности. (См. в зачине и в финале «Новогородской песни» Н. Языкова.) Образы птиц (сокол, орел, ворон) в качестве символов воли, раскрепощения мы найдем в лирике Пушкина («Узник») и Лермонтова («Желание», «Мцыри»). Романтический взлет, характерный для этих мотивов лермонтовской поэзии, сменяется у поэта мотивами общественного обличения в стихотворении «Два сокола», где соколы обмениваются впечатлениями о жизни людей. Но дальнейшего раскрытия общественно-обличительной темы в рамках данного, условно взятого поэтом, аллегорического образа в стихотворениях Лермонтова мы не найдем.

Лирическому творчеству Н. Огарева были свойственны минорный характер, та «внутренняя меланхолическая музыкальность», которую отметил в свое время Белинский и которая, однако, не находилась в противоречии с активной политической позицией Огарева-революционера. Протестующие мотивы его лирики подчас окрашивались в тона обреченности, тоски, — что стоит в прямой связи не с философскими устоями мировоззрения Огарева, а с гнетущими условиями николаевского режима. И сквозь лирико-меланхолический тон его лирики подчас решительно прорывается яркая романтическая мечта о вольной, свободной жизни где-то над «скучной землей». В стихотворении «Гений» (1835) Огарев противопоставляет «сладостным» ощущениям бытия — восторг перед полетом орла. В стихотворении «А. Герцену» проводится мысль о «низменной земле», о человеке — «безродном сироте» на ней, о ее «скучных людях». Поэт расстается с землей и летит «в пределы света, и там гармония миров обворожит весь ум поэта»:

Там проблеснет любимых снов
Давно желанная разгадка.
В восторга полный, светлый час
Перестает нам быть загадкой —
Что было тайного для нас.[1]

Раздумья Огарева — это зоркий взгляд в далекое будущее мечтателя-романтика, вполне реально чувствующего величайший разлад своего настоящего дня с днем грядущим, это — глубокое желание сбросить тяжелые одежды современности для легкой жизни вольного человека. В основе этой мечты лежит не отчаяние, а страстная вера в возможность в грядущем разрешения томительных современных «загадок». В противоположность Огареву М. Горький с его неуклонным волевым стремлением приблизить во что бы то ни стало это социальное будущее, осуществить в нем, уже как в настоящем, лучшие мечты человека о

[1] Н. Огарев. Стихотворения и поэмы, т. I. Изд. «Советский писатель», 1937, стр. 13—14.

всем, достойном его жизни, М. Горький — активный борец в общественно-политических условиях своего времени — не мог пленяться этой бескровной мечтой, этой — тенью того дела, в которое он вкладывал прежде всего полнокровный жизненный и злободневно-политический пафос. Вот почему горьковское наполнение идейно-лирическим содержанием исходных образов, несмотря на некоторые внешне-близкие черты, окажется иным, нежели у Огарева.

И тем не менее М. Горький счел возможным ближайшие конкретные задачи поэтического и политического своего дела, намеченные им в центральной песенной части рассказа «Песни о Соколе», осветить, по манере Огарева, общим философским светом в финальной части всего произведения. В этом случае заключительная часть приведенного стихотворения Огарева перекликается с заключительным абзацем горьковского произведения, в котором следует видеть не абстрактно-романтический пейзаж, а ключ к философскому пониманию дел людских, к пониманию общего смысла жизни, как непреодолимого стремления человека к разрешению вечных загадок бытия и стремления к счастью. В начале рассказа, в первом же абзаце его пейзажной рамки М. Горький говорит: «Кажется, что небо все ниже наклоняется над морем, желая понять то, о чем шепчут неугомонные волны, сонно всползая на берег». И в конце всего рассказа: «Все дремлет, но дремлет напряженно-чутко, и кажется, что вот в следующую секунду все встрепенется и зазвучит в стройной гармонии неизъяснимо сладких звуков. Эти звуки расскажут про тайны мира, разъяснят их уму, а потом погасят его, как призрачный огонек, и увлекут за собой душу высоко в темносинюю бездну, откуда навстречу ей трепетные узоры звезд тоже зазвучат дивной музыкой откровения...» [1]

Философская мечта о разгадке тайн мира, в свете которой должны быть поняты порывы в высь и влечение к борьбе храброго Сокола, не что иное как сублимированная в форме поэтического раздумья мечта о счастье людей, та мечта, которая окрыляла лучшие политические и поэтические умы прошлого, являясь по словам Огарева, приведенным выше, как «любимых снов давно желанная разгадка».

На другой, по сравнению с поэзией Огарева, мировоззренческой и политической почве взросла романтическая поэзия Тютчева, поэта, которому, по слову Добролюбова, [2] были «доступны... и знойная страстность, и суровая энергия и глубокая дума, возбуждаемая не одними стихийными явлениями, но и вопросами

---

[1] Современная критика оценивала это место рассказа М. Горького как «мистичное», утверждая, что в нем «слышится эхо западного, модного теперь там, эстетического пантеизма». См. А. Басаргин. Тоскующий талант. — Московские ведомости, 1898, № 286, 17 октября.

[2] Н. Добролюбов. Полное собрание сочинений. Изд. ГИЗ «Художественная литература», т. II, 1935, стр. 52.

нравственными, интересами общественной жизни». Художественное сознание Тютчева питалось преимущественно идеями позднейшего Шеллинга в его учении о свободе. По учению Шеллинга мировая воля стремится к единению своих космических сил и на пути своем встречает бунт человека, борющегося за сохранение индивидуальной своей воли, но всегда все же покоряемого волей мировой. В этом неизбежном столкновении личности с космосом, в этом разладе человека со вселенной заключена его вечная трагедия, ощущение им своей обреченности. В философские, полные чисто поэтической образной смелости, мотивы своей поэзии Тютчев вкладывает это абстрактно-романтическое свободомыслие, этот страстный внутренний протест романтика. Его природа в философско-поэтических размышлениях поэта не конкретна и не жизненна; она явно условна, символична, она лишь повод для мысли поэта о сложной и трагической судьбе человека:

С поляны коршун поднялся,
Высоко к небу он взвился;
Все выше, дале вьется он,
И вот ушел за небосклон.
Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла;
А я здесь в поте и пыли,
Я, царь земли, прирос к земли!

Полет вольной птицы, смелый взлет к небу, как к символу свободы, поэтически вдохновляет Тютчева, но подчас он рождает в его медитациях и противоречивое чувство — чувство примирения, — и это отчетливо сказалось в стихотворении «Лебедь» с гимном лебедю, противопоставленному орлу.

Поэзия Тютчева переводила конкретное ощущение реальной жизни в план философских раздумий на абстрактно-идеалистические темы. Положительным в поэзии Тютчева было раскрытие беспокойной мысли человека, его интеллектуальной неумиротворенности, его трагически приподнятой взволнованности, — но, приняв раз навсегда для себя примат космоса над волей человека, Тютчев неизменно приходил в философско-поэтическом сознании к остро-пессимистическим выводам. В поэтической символике, нас интересующей, это утверждало образ не птицы-победителя, а птицы-жертвы, подобно сходному образу Бодлера. В стихотворении Тютчева 1864 г. с датой «Ницца, декабрь» читаем:

О, этот юг! о, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет и не может...
Нет ни полета, ни размаху:
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья..

Если в поэзии Тютчева образ птицы служил целям раскрытия широких философских идей, отдаленных на большое расстоя-

ние от ближайших интересов живого человека, современника поэта, то в поэзии Фета он помогает поэту углубить изображение непосредственных душевных движений, живых лирических струй. Обращаясь к картинам природы, Фет не разрешает социальных или мировоззренческих задач, но ищет образов, помогающих ему вскрыть, обнаружить, досказать «невыразимое» душевного состояния лирического субъекта. Основная тема его поэзии — душевная жизнь сама по себе, и внешний мир является лишь средством ее опознавания. Вот почему дерзновенный полет «ласточки стрельчатой» с ее «молниевидным крылом» («Ласточки») позволяет поэту лучше понять стремительный полет его собственного вдохновенья, а отвагу своей души в «Вакхической песне» он сравнит с орлиным полетом.

В поэзии Фета образы вольных птиц сокола и орла раскрыты как символы тех свободных порывов, на которые способен поэт, которые дают ему преимущества вещего видения, широты кругозора и всеохватности явлений, недоступные другим смертным. Внешний рисунок этого образа Фет дает в стихотворении «Вольный сокол», а содержание образа, его смысл и значение для поэта Фет вскрывает в другом стихотворении — «Шиллеру» (1857), в котором гения поэзии он уподобляет могучему гордому орлу с «отважным взмахом южных крыл», орлу, открывающему человеческому уму «как тоскливо тесен земного ока кругозор» и дерзающему отважно взлететь в «предел надзвездный».

Тютчев и Фет, подобно своим предшественникам в романтической поэзии, углубили значение образа сокола-орла, восприняв его не в виде простейшей ассоциации с образом вольной жизни, что было в значительной степени подготовлено многовековой литературной традицией этого образа еще в народной среде, и не в виде только условного басенного аллегоризма, но наполнив этот образ большим философско-поэтическим и глубоким эмоционально-лирическим содержанием.

В плане романтической трактовки образа орла представляет особый интерес одно стихотворение Апухтина, примечательное тем, что на него было сделано прямое указание М. Горьким. В очерке о Н. Е. Каронине-Петропавловском М. Горький вспоминает, как в 1889 г. писатель отговаривал его итти в земледельческие колонии и прочитал ему следующее место из своей написанной в то время повести «Борская колония»: «Что идеального в том, если человек душу свою закопает в землю, окружив себя миллионами пустяков? Человек должен бороться против пустяков, уничтожать их, а не возводить в подвиг и заслугу». И вслед за этим М. Горький вспомнил, что Каронин-Петропавловский прочитал ему с восторгом стихи Апухтина, посвященные Л. Н. Толстому.

— Кто по земле ползет, шипя на все змеею,
Тот видит сор один. И только для орла,

Парящего легко и вольно над землею,
Вся даль безбрежная светла.[1]

По приведенным образцам мы видели, что параллельно с философско-лирическим значением образ сокола-орла в художественной литературе, — возможно, под влиянием басенной традиции, — рано получил контуры образа эмблематического, лирико-аллегорического, как символ свободы, вольности, и что в дальнейших литературных обработках он приобрел способность впитывать в себя богатое лирико-философское содержание без особенно заметного нарушения устойчивых границ этой эмблематики.

Однако по условиям общественной жизни поэта, под влиянием философско-мировоззренческих его утверждений, в свете исторических условий времени возникновения произведения, символ птицы-свободы приобретал иногда резко-контрастную индивидуально-поэтическую окраску — в тонах общественного оптимизма или философской резиньяции. Политические дерзновения поэтов радикальных кругов в годы общественного оживления сменялись настроениями уныния, пессимизма в годы безысходной борьбы с российским самодержавием. Так, образ сокола в этой последней тональности мы найдем в тюремной поэзии народников, в революционной поэзии участников подпольных организаций. В одном из стихотворений вольной русской поэзии узник в темнице вспоминает под «унылый звук» своих цепей виденного им в детстве молодого сокола, умершего в неволе, и сравнивает с ним свою участь:

И, может быть, как сокол тот,
Умру и я в стенах тюрьмы,
Умру за то, что свой народ
Освободить хотели мы...[2]

Примечательно, что в этом унылом, насквозь мизантропическом стихотворении, вышедшем из народнического стана революционных деятелей, мы находим прямое, открытое использование сокола как политического борца, что само по себе, независимо от остро-пессимистического тона произведения, является дальнейшим развитием образа.

Огромна выразительность вольнолюбивых мотивов, трактующих образ птицы — политического борца в образной символике поэзии П. Я. — Якубовича-Мельшина. В одном из ранних боевых своих стихотворений — «Смерть орла»[3] — поэт-народоволец дает героический образ отважного орла с «гордой мощью» в крыльях,

---

[1] «Графу Л. Н. Толстому» (1877).

[2] Стихотворение Д. А. в книге: «Из-за решетки». Сборник стихотворений русских заключенных по политическим причинам в период 1873—1877 гг., осужденных и ожидающих суда. Женева, 1877, стр. 84—86.

[3] П. Я., Стихотворения, т. II. Изд. «Русское богатство», 3-е изд., Пб., 1906, стр. 92.

«безумного» орла, с «мятежной душой», прямо и смело бросающегося в бой, и хотя и побежденного, но лишь в славной битве с могучими стихиями.

Трактовка образа орла в этом стихотворении в основных своих признаках совпадает с образом горьковского Сокола. Но если внешние элементы символа и его эпитетность здесь поразительно сходны, то внутренняя направленность образа, целеустремленность и смысл борьбы в стихотворении Якубовича не выражены, не выделены ни одним штрихом. Орел дан как самодовлеющий образ, лишь по традиции соотносимый воображением читателя с обаятельной жизнью вольной птицы; «безумный» порыв орла к борьбе, как проявление встрепенувшейся еще раз гордой его мощи, остается неоправданным; тема стихотворения не углублена более или менее ясно политической идейностью.

Поэзии Якубовича следующих, 80-х годов, времени реакции, присущи другие мотивы — мотивы уныния, как очевидный результат крушения политического дела народовольцев. Так, поэт — революционный боец хотя и отожествляет себя с орлом, но не с гордым орлом-победителем в «мятежных бранях», а с орлом-жертвой, раскаявшимся в том, что он столь беспечно растратил свои молодые силы («Орлица»).

Но революционный порыв поэта-народовольца — даже в унылые годы эпохи безвременья — не может примириться с угодничеством и смирением, с рабской психологией, не свойственной «сынам свободы», — и в стихотворении «Голуби», из цикла своих тюремных мелодий, он посылает презрительное проклятие рабам жизни, олицетворяемым в образе «голубей, смиренников голодных». В этом стихотворении примечательно не только то, что Якубович отверг традиционный в баснях и лирической поэзии «идеальный» образ голубя, но и то, что, переосмысляя его, поэт создал политическое произведение, весь пафос которого направлен был, однако, не на мотивы борьбы, а на разоблачение поведения «смиренников», рабов жизни, покорных, несопротивляющихся, равнодушных к тому, что происходит на революционных баррикадах. И в этом отношении новый аллегорический образ Якубовича помогает понять общественно-политический смысл позиции горьковских «ужей» на боевом этапе революционного движения последующих лет.

Необходимо, однако, отметить, что в политической лирике Якубовича 90-х годов, в годы подъема рабочего движения, если не зазвучали вновь полным голосом боевые, мажорные мотивы, то все же определилось то поэтическое предчувствие общественной «весны», которое подсказало ему новые мотивы: уверенность, что «тучи бессилья и сна» промчатся над родиной и «гений поэзии» придет «в сиянии власти победной».[1] В эти годы Якубович отвергнет

[1] П. Я., Стихотворения, т. I, стр. 271. — В стихотворениях начале 900-х годов уже вполне отчетливы оптимистические мотивы поэзии Якубовича.

следующий некогда им созданный образ, столь характерный для лет «мрачного бессилья»:

И молодость влачит уныло крылья,
Как сокол раненый — в плену.
И кажется — конца не будет ночи;
В пустынной мгле затерян к солнцу свет.

— и утвердит новый образ:

И песня, поникшая грустно челом,
Как птица в предчувствии бури,
Очнется внезапно, ударит крылом —
И гордо взовьется к лазури.[1]

Знаменательно, что это четверостишие, проникнутое настроением и символикой уже горьковских героических образов птиц, было создано Якубовичем в те же срединные 90-е годы — в 1896—1897 гг., когда была написана и «Песня о Соколе» М. Горького.

Вспомним, что незадолго перед тем — в 1894 г. — В. Короленко написал рассказ «Парадокс», ведущей темой которого были слова, любовно цитируемые впоследствии М. Горьким: «Человек создан для счастья, как птица для полета».

На этом мы закончим очерк истории развития образов сокола и ужа и их аналогов в мировой поэзии в сравнении со структурными и идейными особенностями построения этих образов в рассказе-песне М. Горького. Совершенно очевидно из анализа даже выборочного материала художественных толкований образа, что предшествующая М. Горькому поэтическая практика разработала многие стороны интересующего его сюжета, обогатила глубоким индивидуальным вчувствованием достаточно устойчивые, ставшие традиционными, идейно-лирические мотивы и формулы, углубила содержание образов до значения высоких идейных символов. Весьма рано вполне реальные биологические черты живых существ в художественно-поэтическом изображении получили идеалистическую интерпретацию как символы не только практического, но и мировоззренческого характера. Небо и земля в этой идеалистической концепции явились полярными идейным понятиями, а их обитатели стали во враждебные отношения. Птицы, а из представителей пернатого царства самый стремительный и отважный сокол и самый мощный — орел, были закреплены в качестве устойчивых символов влечения к небу, олицетворяющему вольную и красивую жизнь. Змея, постоянная жертва орлов, и сходные с нею животные явились в поэтическом сознании обобщенными и

Так, в стих. «Мать» (1903) мать мечтает, что ее сын, «как орел могучий, он взовьется к солнцу» и что «в борьбе великой он добудет долю» для отчизны бедной. — См. П. Я., Стихотворения, т. II, изд. 3-е, стр. 71.

[1] П. Я., Стихотворения, т. II, изд. 3-е, стр. 49.

типичными обитателями земли, обитателями с подчеркнутой биологической детерминированностью — существами с ограниченными психо-физическими возможностями, с консервативными интересами, с узкими привычками. При сравнении поэтическим сознанием двух антиподных категорий существ предпочтение неизменно отдавалось тем, кто, как бы пытаясь преодолеть границы земного своего бытия, стремился в высь, т. е. к достижению трудного, недоступного другим. Образ птицы, отсюда, явился постоянной аллегорией — символом идеальных, высоких стремлений, контрастно с образами наземных существ, олицетворяющих «низменные» интересы земли.

На антитетическом противопоставлении антиподных образов развились сюжетные отношения на тему о постоянной вражде различных существ, вражде в поведении — в стремлении уничтожить друг друга и вражде интеллектуальной — борьбе мыслей, столкновении противоположных мировоззрений. Примерно до этой стадии внутреннего раскрытия образов доводит их классическая басенная традиция.

Но параллельно басенно-аллегорическому использованию образов шло их развитие в творчестве лирико-поэтическом, закрепленное в бесчисленных вариациях образов у поэтов нового времени. Потребности лирического самораскрытия поэтов привели к углубленной индивидуальной интерпретации ими традиционных символов-аллегорий. Философско-мировоззренческие представления поэта, отправляясь от традиционного образного материала, наполняли образы новым содержанием, доводя до степени философско-поэтических формул, символов-сентенций. Свобода, влечение к ней, стремление разорвать «узы земли», презрение к ограниченным природой возможностям земного существования, к несовершенным формам земных существ стали категориями идеалистического мировоззрения, категориями, выраженными средствами поэтического искусства в эффектной образной форме. Эта идеалистическая философия могла свидетельствовать как о реакционных тенденциях одних поэтов, чуждых интересам переустройства несовершенных «дел» земли, так и о прогрессивных тенденциях других лириков.

Прогрессивные лирики, внутренно не удовлетворяясь сложившимися условиями ограничения прав и возможностей проявления личности, либо только теоретически осознавали необходимость иных для жизни человека социальных условий существования, либо практически и решительно становились на путь прямого обличения косного и несправедливого социального порядка вещей, мешающего росту человека. Само собою разумеется, что теоретико-поэтическая позиция лириков получала ту или иную свою определенность и выразительность в зависимости от социально-политической обстановки эпохи, от общественного места и роли в ней поэта. И прогрессивно-романтический и реально-обличительный

уклад мышления одинаково способствовали переключению образа птицы как символа свободы философической в образ свободы политической.

Этому переключению, переосмыслению образа способствовала и романтическая разработка элементов, сопутствующих, усиливающих выражение основных образов, элементов фоновых, — как стихийный, мощный пейзаж с необычными, яркими красками, как тема героики с ее романтическими эпитетами, как особая тональность, в которой волнующая поэта тема звучит на исключительно высокой, пафосной ноте, окрашивается в предельно напряженную лирическую эмоцию.

Многовековая лирико-эпическая жизнь образа в различных индивидуально-поэтических его наполнениях разработала, помимо своего содержания, блестящие, впечатляющие детали своего художественного рисунка в виде метких определений, ярких эпитетов, сочных красок. Они не остались не замеченными тем новым поэтом, который осмелился вновь творчески преобразовать накопленный поэтический опыт. Таким поэтом и был М. Горький.

Поэтическая мысль М. Горького работала не на пустом месте: ей помогала коллективная художественная мысль его замечательных предшественников в словесном искусстве, к чьим поэтическим голосам он не мог не прислушиваться. И примечательно то, что идейно-лирическая направленность песни М. Горького ближе всего стоит к лирическому творчеству поэтов с активной социальной тематикой; примечательно то, что чем решительнее, политически острее, по тональности оптимистичнее и художественно отчетливее эти мотивы и образы, тем они созвучнее с основными мотивами в рассказе-песне М. Горького. Легко установить также, что если отдельные черты образов, порознь взятые, и были уже закреплены поэтическим сознанием предшественников М. Горького в литературе, то объединенное действие этих элементов в рамках одного произведения, как и своеобразная их сюжетная игра не имели себе прецедента в мировой лирической поэзии. Мы не можем указать ни одного произведения в прошлом, которое явилось бы единственным оригиналом рассказа М. Горького, его прямым дублетом, его точной моделью. М. Горький не переписывал «чужое» для выражения «своего», не стилизовал уже знакомое по другим образцам. Внимательный и восторженный читатель лучших произведений мировой литературы, писатель, включивший в круг своего познавательного и эмоционального восприятия огромное число книжных фактов и даже, как мы знаем из его признаний, опасавшийся, что это чтение «поглотило» его творческую индивидуальность, М. Горький не явился простым подражателем уже известного, разработанного в поэзии прошлых времен, но стал продолжателем лучших традиций мировой литературы и творцом новых эстетических качеств. Взволнованный острой поэтической идеей, М. Горький переплавил хотя и чужие, но прекрасные художественные эле-

менты в новом сплаве, одухотворил их своим оригинальным лиризмом. Захваченный поэтическим замыслом, М. Горький нашел свою вполне индивидуальную форму его выражения, хотя и опирался во внутреннем процессе своей художественной работы на неисчерпаемые данные народного творчества и великое классическое наследие литературы всех времен и народов.

Для произведения М. Горького в пределах поставленной им задачи характерны вполне завершенная разработка образов и сюжета, органическое слияние сюжета с идеей, большой идеи с огромным внутренним пафосом, лирического пафоса с высоким оптимизмом и, наконец, оптимизма мысли и тона с движением высоких общественных чувств, — та органическая слитность разнородных элементов в идейном сплаве художественного произведения, которая делает его почти неразложимым на раздельные, хотя интуитивно и легко угадываемые нами планы — поэтический, философский, политический, злободневно-общественный. Отсюда, даже при наличии в мировой литературе элементов, сходных с горьковским рассказом, можно утверждать, что М. Горький создал произведение высоко принципиальное по идее и вполне оригинальное по художественному своему мастерству.

Но мера индивидуальности писателя и принципиальное значение его творческого почина не измеряются только теоретическим критерием или же определением места, занимаемого данным произведением в цепи сходных литературных явлений. Она выверяется также исторически, фактом соотношения индивидуального с общественным, определением роли, которую играет дело писателя как в его собственном общественном сознании, так и в историческом сознании его современности. Вот почему, желая получить исчерпывающий ответ на вопрос, — чем отличен был М. Горький в своей поэтической работе от своих предшественников, мы должны прежде всего обратиться к характеристике места, занимаемого анализируемым нами произведением М. Горького в его собственном литературном пути.

5

Выше мы установили, что первая редакция «Песни о Соколе» 1895 г., имея развернутую обличительную часть, еще не включала тех героических мотивов с явной политической направленностью, которые известны по редакции второй — 1899 г.; редакция вторая выявляет зрелое политическое сознание автора, отчетливую линию его общественных устремлений, сильное и ясное его художественное мастерство. Редакция начальная создавалась в первые годы выхода М. Горького, еще почти никому неизвестного провинциального писателя, на литературную дорогу; редакция вторая падает на время необычайной известности М. Горького, писателя уже с всероссийским именем, писателя, уверенно завоевы-

вающего внимание массового читателя. Период в четыре года, разделяющий обе редакции, является исключительно важным периодом в истории русского рабочего революционного движения и в литературной биографии М. Горького. За эти годы, целиком отдавшись литературе, он создал огромное число художественных и публицистических произведений; путем усиленных поисков пытливой и никогда не успокоивающейся своей мысли он выковал общественно-политическое и эстетическое свое мировоззрение, нашел основы своего художественного метода. Очевидно, что правильный ключ к пониманию основоположных в разных редакциях его произведения эстетических задач и их литературного разрешения мы найдем, характеризуя как общественно-исторические условия этой поры, так и наследие всего молодого М. Горького, в его росте, в эволюции его мировоззрения и изобразительного метода. Однако мы не в праве для своей относительно частной задачи углубляться в характеристику всей этой большой проблемы, ждущей своего специального исследования, и остановимся лишь на вопросах, непосредственно относящихся к идейному и тематическому анализу разных редакций «Песни о Соколе», а также к определению места, занимаемого этим произведением в литературном пути раннего М. Горького.

Обратимся к обзору произведений, написанных М. Горьким до «Песни о Соколе». Наша задача облегчается тем, что М. Горький, подобно тому, как это будет иметь место на всем протяжении его дальнейшего литературного развития, оставил нам на разных этапах даже первого периода своей литературной работы ряд эстетических трактатов. Они позволят нам вскрыть мировоззренческие и эстетические корни литературной деятельности М. Горького и проследить накопление и постепенное формирование им своих идей в материале искусства.

Самым ранним из таких рассказов-деклараций М. Горького является рассказ «О Чиже, который лгал, и о Дятле — любителе истины» (1893). Совершенно очевидно, что идейный узел этого рассказа сводится к обсуждению в образной форме вопроса об отношении личности к современной действительности и о роли искусства в современных общественно-политических условиях. М. Горький выступает против *мизантропического*[1] взгляда на жизнь (песня ворон), против тех, в чьих сердцах «честь и гордость спят», чьи глаза «съел сомнений дым», против искусства, в котором преобладают «уныние и безнадежные ноты». И в то же время он приветствует замечательные, неповторимые дни жизни, *«из которых каждый был целой высоко-красивой поэмой»*, приветствует символически дни возможного общественного оживления, славные «весенние» дни, «когда не нужно было принуждать себя

[1] Курсивом отмечаем определения и фразы, бывшие в первоначальном печатном тексте рассказа в «Волжском вестнике», 1893, № 226, 4 сентября, и исключенные М. Горьким в последующих его переизданиях.

жить, потому что жить хотелось, — была цель и была надежда достичь ее», приветствует тех, кто борется с тьмой жизни, чьим лозунгом являются жизнерадостные слова: *«Мы победим!.. Перед умом исчезнет мрак!»* Он с иронией и гневом говорит о тех, кто, подобно щегленку, вместо непосредственного ощущения жизни занимается бесплодным рассуждением о ней, «погрузясь в философический туман», кто чадом своих мудрствований отравляет *«сердца борцов уставших»*, кто, подобно дятлу, чужд мечтаний, придерживаясь правды простейших жизненных фактов, призывая подчиняться непреложным законам и силам природы. Он утверждает высокие права искусства, которое говорит «голосом чести и мысли», исполнено надежд и уверенности, призывает смело итти в бой с богами, ибо им объявлена «за право первенства война». Искусство должно активно помочь делу жизни, когда пришло время «бороться и все победить», решительно пойти вперед, «идя гордой и смелой дружиной к победе», когда родилась уверенность, что там, впереди, будут великие дела, там разрешатся все ожидания и наступит «жизнь, достойная нас». Искусство должно привить чувство уважения людей друг к другу, вновь родить в их сердцах «страстное желание жизни и счастья».

Исключительно энергичен общественный пафос этого рассказа — первого эстетического трактата М. Горького, зовущего символикой своих образов к утверждению революционного отношения к действительности, высоко оптимистична его тональность, лежащая в плоскости борьбы с преобладающим пессимистическим тоном современной литературы. Примечательно в нем и то, что, вступая в литературу писателем, наделенным огромным и тяжелым жизненным опытом, писателем, уже соприкоснувшимся с общественно-революционной работой, М. Горький отчетливо определил актуальные задачи искусства, характер своей писательской деятельности.[1] Свой основной тезис об искусстве М. Горький углубит в последующих рассказах-декларациях и публицистических выступлениях 90-х годов. Так, проблема искусства вновь обсуждается М. Горьким в рассказе «Об одном поэте» (1894).[2] В нем говорится о поэте, который, не любя города, витал в «беспредельной стране фантазии» и полагал, что город, развернувшийся у его ног, живет «не той жизнью, которой нужно жить, чтобы быть достойным счастья», что он — поэт — призван указать истинные пути к счастью, «осветив тьму жизни лучами своего вдохновения и смыв с сердец людей копоть низменных желаний соком нервов своих». Однажды его посетили три музы и вступили с ним в беседу-соревнование о задачах искусства. Первая муза

[1] Рассказ напечатан в 1893 г., но возможно предположить, что написан он был М. Горьким годом раньше, т. е. в первый же год его литературной деятельности. Так, помещая рассказ в первом томе своих сочинений «Рассказы» (изд. «Знание»), Горький поставил дату: 1892.

[2] Волжский вестник, № 163, 29 июня.

сказала, что ее слова «холодны и красивы» и из ее слов «создаются вечные творения, которыми могут наслаждаться только избранные умы и сердца». Муза предупреждает, что у нее «нет ни печали, ни радости, ни добра, ни зла», что она служит только «красоте и она есть высшая правда, та, которую не разрушат ни века, ни тысячелетия». Поэт отвергает эту музу, ибо знает, что ее слова «так мало влияли на жизнь». Вторая муза принесла слова простые, легкие, ласковые, красивые. Ее задача — сожалеть, ободрять, смягчать. Ее слова призваны будить любовь, позволяют мечтать о лучшем. Но поэт испытывает силу ее слов на другом — ведь люди забыли свое призвание быть великими: «Ты напомнишь о нем, ты разбудишь жажду подвига? Смоет ли твой лиризм копоть взаимного недоверия с сердец людей? Смоет ли он ржавчину эгоизма с их душ, счерствелых в бою за право жить»? Заставлять мечтать? Но ведь «мечтать — это не значит жить». «Нужны подвиги, подвиги! Нужны такие слова, которые бы звучали, как колокол набата, тревожили все и, сотрясая, толкали вперед». «Мало любить и смягчать; нужно ненавидеть и быть твердым. Все дело в том чтобы, не забывая себя, помнить о других и, не унижаясь, возвышать». Третья муза предлагает поэту еще раз прогнать мир «сквозь строй огненных упреков и ядовитых уколов совести». «Мои слова, как бичи и иглы терновника. Ничто так не двинет людей, как удары». «Для того, чтобы двигать людьми, нужно превзойти их во всем. И нужно быть холодным, как снег, и равнодушным, как камень, чтоб не миновать их и не тронуться их стонами. А также не нужно позволять им заметить свою любовь к ним, ибо они сочтут ее за слабость и, уверенные в ней, не будут бояться тебя». После слов этой музы поэт «почти понял, чем нужно быть, чтобы решиться поучать людей, и ужаснулся той ответственности пред самим собой, которую налагает эта роль». И в конце рассказа, определяя его основную идею, М. Горький говорит о том, что необходимо отчетливо осознать себя и свой писательский путь и только тогда осмелиться сказать свое слово. «Оно должно быть кратко, просто, искренно и горячо, как огонь».

Совершенно очевидно принципиальное содержание этого развернутого декларативного выступления М. Горького. Критически оценивая современную общественную жизнь и искусство, он осознает исключительную ответственность задач искусства и дела писателя перед людьми в их неуклонном стремлении к счастью. Ни существующие социальные формы жизни, ни характер людских отношений, ни, наконец, качества самого человека, в этой жизни проявляемые, не могут быть приняты художником. Поэт должен показать путь к истинному счастью, которого так хотят люди, — и прежде всего он должен привить страстное отвращение к настоящему, ненависть к низменным и эгоистическим желаниям людей, презрение к половинчатым людям, лишенным цельных

чувств, жажды жизни. Он должен научить людей вновь сильно чувствовать, страстно хотеть, горячо ненавидеть, мучительно желать иного будущего, быть твердым в настоящем; он должен разбудить жажду подвига, желание возвысить, не унижаясь, привить уважение к себе за чистоту и величие своих дум и поступков. Поэт должен не сожалеть, не ободрять, не смягчать, но сурово вести к намеченной цели — к достижению счастья, — и его мощным орудием будет слово. Слова поэзии должны быть не холодными или равнодушными или всем знакомыми словами; это должны быть не туманные фразы и намеки, но слова ясные и честные, горячие и искренние; слова огненных упреков и ядовитых укоров совести; слова тревожные и волнующие, но неизменно толкающие людей вперед. Лишь при таком понимании роли искусства в действительности поэзия вновь обретает свое право влиять на жизнь. Стремясь всегда быть справедливым, рождая новые идеи, нужные поступательному ходу жизни, воссоздавая их в искусстве соком своих нервов, облекая их в горячие впечатляющие призывы, поэт из бесполезного мечтателя превращается в страстного деятеля жизни.

Не вызывает сомнения, что при внимательном анализе этого рассказа-декларации М. Горького мы найдем в нем те предпосылки, которые подведут нас к основным идейно-эстетическим и стилистическим особенностям литературного искусства раннего М. Горького. Здесь предопределена отрицательная позиция М. Горького к современной ему социальной и бытовой действительности, намечена линия развенчания буржуазного реализма с его псевдо-гуманистической программой, названа в качестве ведущей темы словесного искусства идея достоинства человека, указана возможная действенная сила героической идеи и романтического метода в искусстве. Развивая именно эти принципы искусства, ранний М. Горький создает серию бытовых рассказов, очерков, набросков, рассказов-аллегорий, героических песен и легенд, поэтических размышлений и символических картин с волнующими и острыми темами. Среди них одной из характерных и наиболее выразительной иллюстрацией к эстетическим суждениям писателя и является «В Черноморье», как была озаглавлена первая редакция «Песни о Соколе». Значение ее героической темы, выразительность аллегорических образов, особенности ее романтического стиля имеют свое обоснование в приведенном нами рассказе-декларации М. Горького, а свое подкрепление получают в аналогичных темах, сентенциях и аллегориях М. Горького, данных им в других, соседствующих по времени, его произведениях.

Мы остановимся на некоторых из этих суждений и образов. В рассказе «Месть» (1893),[1] написанном в виде трехчастного рассказа — триптиха, М. Горький раскрывает тему мести, показывая

[1] Волжский вестник, № 211, 18 августа.

ее выражение в разной среде и в образах людей различного человеческого достоинства. Первая часть рассказывает в сурово-романтическом стиле о величавой горной природе Кавказа и об убийстве-мести старика-горца за своего сына; во второй — лодочник, задумав убить барина, соблазнившего его дочь, оставляет ему жизнь, поддавшись корысти, — беря с барина деньги; в третьей — раскрыта «психологическая» месть: «она» отвечает холодно на «его» любовь, и тогда «он» фальшивым выражением страсти вызывает у «нее» все же искреннее чувство и отвечает «ей» отказом во взаимности. Тема всего произведения: красота стихийного порыва, цельных и страстных чувств, и пошлость чувств мелких, своекорыстных. Направляющая мысль автора: «Человек всегда хочет быть свободным, раз он действительно человек, а не временно исполняющее должность такового существо, знакомое с употреблением брюк и дара слова и, в силу этого знакомства, ловко умеющее скрывать истину».

В аллегорическом рассказе «Разговор по душе» (1893) [1] приведен характерный для обличительных суждений М. Горького о современности разговор Порока с Добродетелью на берегу реки Времени. Добродетель спрашивает — есть ли в сердце современных людей чувство любви и ненависти, «присутствует ли в них вообще какое-либо чувство, кроме самоуслаждения во всех видах?» И в конце рассказа М. Горький внушает читателям «необходимость для жизни поступков цельных, крупных и дело жизни оживляющих».

Примечательно, что ту же мысль М. Горький выразит, помимо всей системы поэтических средств рассказа, прямым образом в героическом рассказе «Старуха Изергиль» (1895), в концовочной ее части. Здесь первоначально им была высказана следующая обличительная сентенция в тот же адрес современности, сентенция, которая была отброшена автором при последующих перепечатках рассказа: «И думал о великом сердце Данко и о человеческой фантазии, создавшей столько красивых и сильных легенд *о старине, в которой были возможны герои и подвиги, и о печальном времени, бедном сильными людьми и крупными событиями, богатом холодным недоверием, смеющимся надо всем, лишенном красоты, — жалком времени мизерных людей с мертворожденными сердцами*».

Ту же направленность идейно-поэтической мысли М. Горького при характеристике им современности мы найдем и в других его художественных произведениях 1895 г., близких ко времени создания «Песни о Соколе» в первой ее редакции. Так, в рассказе «Извощик» [2] обличение современности дано в образе Павла Николаевича. О нем сказано, что: «Мертвый духовно, он творил

---

[1] Волжский вестник, № 233, 12 сентября.
[2] Самарская газета, 1895, № 277, 25 декабря.

мертвые дела и знал, что они безжизненны. У него не было души, и он не мог вложить в жизнь душу». Он мог только тосковать: «Хорошо бы иметь какое-нибудь желание!» Извозчик обличает Павла Николаевича: «Скверная твоя жизнь, без чувств-то!» «Мерзость и скверна, и тьма, а в самом тебе никакого свету не возжег господь. То есть господь-то возжег, да ты его погасил, мудрствуя лукаво. Ну и отсохло у тебя сердце и все лучшие чувства с ним». «А огнем ты никаким не пылаешь — делаешь свои дела по мерке да по обязанности». И сам Павел Николаевич приходит к таким мыслям о людях: «Все слепые, жалкие, все живут вне действительной жизни — жизни сердца», и что самое страшное в жизни — равнодушие: «не будьте равнодушны, ибо равнодушие смертоносно для души человека».

В рассказе, озаглавленном «Сказка»,[1] М. Горький указал, что жизнь знает две категории людей: «глупых и подлых, которые покойны и счастливы» и «умных и честных, которые изнемогают от борьбы, озлоблены, измяты жизнью и потеряли доверие к людям»; «честные» в глазах большинства людей, умеющих пользоваться жизнью, — «смешные», «несчастные». М. Горький говорит в этом рассказе о матери, о материнских заботах и любви, о матери, как «серой, скромной героине», которая «мечется в тоске и сознании своего бессилия очистить путь жизни своим детям и указать им, в чем счастье и где та незыблемая истина, которая нужна для борьбы за право жить, не угнетая другого». И М. Горькому ясно, что, преодолевая удары жизни, надо овладеть ясным «знанием врагов» и привить себе качества «отчаянного героизма».

Тему героизма М. Горький раскрывает в негативном плане в ироническом рассказе «Грустная история» [2] на примере поведения некоего поэта. Поэт воспевал природу, любовь и женщин, свои желания, грезы и свои страдания, «то есть страдания, — поясняет М. Горький, — человека, который, имея счастье быть поэтом, подвержен несчастью жить на земле, где даже подлецам живется не легко». В нем рождалось «божественное чувство сознания его силы и мощи», возносившее его «в родное его духу небо», — он «мечтал о славе и любви, и прозирал в тумане будущего себя из бронзы на пьедестале из мрамора». Поэт говорил в стихах о своих сомнениях, о чувстве тоски, но он был молод — и потому «порой в его стихах звучали живые, энергичные ноты надежд и желаний, ноты угроз и упреков».

Мысли поэта в основном — это мысли самого М. Горького; он солидаризируется с основной целью поэзии, здесь выраженной, он симпатизирует горячему чувству поэта. Но М. Горький трезво смотрит на жизнь, он знает суровую ее правду, по которой самым трудным испытанием для поэта является быть стойким не

---

[1] Самарская газета, 1895, № 162, 30 июля; № 168, 6 августа.
[2] Там же, № 193, 8 сентября; № 194, 10 сентября.

на словах, а на деле, быть принципиальным и прямолинейным в проведении своих взглядов и убеждений в жизнь, в противодействующую намерениям поэта действительность. Этот разлад между мечтой и правдой, между теорией и практикой поэтического дела, между намерением и осуществлением, М. Горький иронически раскрывает в сюжетном плане рассказа, по которому в самых патетических местах гордой и самоуверенной речи поэта его начинает нещадно кусать обыкновенная, «прозаическая» блоха. Блоха олицетворяет собою те «мелочи» жизни, в борьбе с которыми выковывается жизнестойкая воля человека, выверяется сила его горячих намерений, его подлинная готовность отразить не вымышленные, а вполне реальные удары, препятствия, уколы жизненных обстоятельств. Поэт не выдерживает даже первых же ничтожных житейских препятствий, и М. Горький иронически демонстрирует спад его патетики, гнилую основу его высокопарных речей, пусть даже и с симпатичной идейной направленностью. «О, эти мелочи! — восклицает М. Горький. — Эти чуть заметные глазом ядовитые пылинки действительности, разрушающие грандиозные и величественные здания мечтаний и отравляющие цветы грез!.. Нужно быть почти великим, чтоб уметь успешно бороться с мелочами». Поэт побежден укусами блохи и сознает свое бессилие перед мелочами жизни.

Поэт поникает главой перед жизнью. Истерзанный телесной болью, угнетенный душевной скорбью, он пишет тоскливые стихи, предается меланхолии, — и М. Горький иронически заключает рассказ словами: «Так печально погиб мой герой! Вот как гибнут лучшие силы и мысли наших поэтов! Вот почему печальные песнопения так обильны и громки». Сюжетная концовка рассказа завершена еще одним высказыванием М. Горького, данным в позитивном плане, в котором он прямо говорит об основной задаче своего рассказа: «Погиб мой поэт!.. Я описал один только эпизод из его жизни, но и этот эпизод ясно говорит о том, какой грандиозный и непосильный труд жизнь для человека, который с понятием „жить“ — соединяет необходимость быть чем-нибудь в жизни!» Рассказ, по замыслу М. Горького, должен был продемонстрировать трудность миссии поэта в реальной действительности.

Если рассказ-декларация «Об одном поэте» говорил о том, из каких теоретических и общественных предпосылок должен исходить поэт в своем отношении к жизни и людям, то рассказ «Грустная история» явился принципиальным раскрытием первого же эпизода на пути столкновения мечты поэта с правдой действительности. М. Горький знал, что труд поэта для того, чтобы быть действенным, должен сопровождаться прежде всего будничным героизмом повседневных усилий, что *не слова*, как бы они ни были красивы и увлекательны, но человеческие дела, проникнутые подлинным благородством мысли и чувства, что лишь приближение к поставленной цели огромным героическим порывом воли

могут воздействовать на мысль и воображение людей, могут содействовать делу преобразования жизни.

Эти рассуждения М. Горького, облеченные им в поэтическую форму иронического рассказа, помогают правильно оценить внутренний героический смысл одновременной первой редакции «Песни о Соколе» как идею борьбы, борьбы не абстрактно-поэтической, а вполне реальной, жизненной, цель которой, в первой редакции рассказа-песни, правда, поэтом еще не названа.

Тему о современности в том же идейном плане М. Горький раскрыл в серии своих публицистических статей-фельетонов того же 1895 г. На многочисленных бытовых фактах и явлениях М. Горький показал опустошающее значение жизненных мелочей, бытовой и житейской тины, засасывающей современного человека, убивающей в нем живую душу. В фельетоне «Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты» [1] Паскарелло — М. Горький говорит о том, что он видит вокруг себя жизнь без общественного мнения, без событий, оживляющих «зеркало жизни»: «И мне кажется, что я живу в густом и темном болоте, засасывающем меня все глубже и глубже в свой неприятно пахучий ил, в нем цвели разные цветы благородных намерений, корни которых питала влага грязненьких побуждений, в нем кишели бесхвостые и безголовые, невероятно уродливые существа — и все это были обывательские мысли. В нем было еще много всякой дряни, и вся она кипела, разлагалась и наполняла воздух ароматами необыкновенно крепкими». «Садишься за стол, — говорит М. Горький — Иегудиил Хламида в другом фельетоне, — и берешь перо в руку с намерением отметить движение общественной жизни, совершившееся за истекший день. Оказывается, что жизнь за истекший день, как и за все раннее истекшие дни года, никуда не подвинулась. То есть в ней есть движение, но это только потому, что она разлагается». [2] Иегудиил Хламида желает увидеть в повседневных формах этой пассивной жизни обывателя, жизни без событий и движения, хотя бы проявление оживления внешнего. Вот рассуждение Иегудиила Хламиды о конке: «Конка имеет тенденцию ускорять движение обывателя, а обывателю необходимо куда-нибудь скорее двигаться, ибо иначе он превратится в китайца, к которому он и так уже духовно близок. А мне кажется, что он все-таки заслуживает лучшей участи и по этой причине я бы желал для обывателя движения... Пусть он куда ни то стремится, и по дороге к цели да спадают с него одна за другою азиатские привычки...»[3] Фельетонист обобщает эти явления обывательщины, «жизни тусклой и бледной впечатлениями», в таких обличительных характеристиках: «нет желаний, и нет надежд, и новых дум тоже нет, а есть только серенькая бледная жизнь людей, утомлен-

[1] Самарская газета, 1895, № 129, 20 июня.
[2] Между прочим. — Самарская газета, 1895, № 183, 25 августа.
[3] Там же, № 149, 14 июля.

ных жизнью и запутавшихся в ее противоречиях, людей сухих и черствых, с отсохшими сердцами, с темным умом, без интереса к жизни как к общему явлению, всецело поглощенных собой, верующих только в себя (да и то слабо!), живущих исключительно для себя, считающих центром жизни себя — нет ничего нового и нет стремления к новости в людях нищих духом...»[1] Эгоистический характер жизни мещанского массива с его «напыщенным, пустым, самолюбивым и бессильным «я» М. Горький подчеркивает, сравнивая своих современников с романтическими фигурами прошлого. Так, по поводу образа Сезаре де-Базана в драме «Испанский дворянин» М. Горький вновь характеризует современность как «серенькое, меркантильное время, время, когда люди так мало ценят свое человеческое достоинство, то и дело меняя свое первородство на жиденькие чечевичные похлебки земных благ».[2] М. Горький убежден, что в эти серые дни жизни «тупоумных» и «тенеобразных» людей необычайно повышаются задача печати, роль публициста, мастерство художника, — и он говорит: «В данное время — время неопределенного шатания мысли, нищеты духа и упадка жизнеспособности — пресса, более чем когда-либо, должна быть на страже всего чистого и честного, более резко и живо будить совесть общества и подчеркивать в нем надежду на себя самого и веру в лучшее будущее».[3]

Примечателен в этом плане разговор Иегудиила Хламиды с другом — просвещенным обывателем — о скуке жизни, разговор, который он приводит в одном из своих фельетонов. Друг недоволен жизнью, от безделья строго критически оценивает окружающее и занят «скорбью» о жизни. «Как известно, — иронически разъясняет Иегудиил Хламида, — тихая скорбь с легонькой гражданской ноткой и с поползновениями в область философии — вполне современное и самое излюбленное занятие большинства просвещенных обывателей. Вместе с тем это и очень выгодная профессия — она решительно ни к чему не обязывает, но всегда оставляет за вами право на звание передового и мыслящего человека». Иегудиил Хламида ищет для себя примера другого поведения и видит его в окружающей природе, в мире насекомых, где неустанно била жизнь, где «все было настроено нервно, все кипело, — малюсенькие букашки во всю мочь устраивали „как лучше“ свою краткую жизнь»; и он заключает свои наблюдения знаменательным размышлением: «А не заняться ли нам от скуки, по примеру букашек, муравьев и других микроскопических насекомых, устроением нашей жизни „как лучше“».[4] Эта же нота настойчиво звучит и в других фельетонах и статьях М. Горького.

---

[1] Самарская газета, 1896, № 1, 1 января.
[2] Там же, № 11, 14 января.
[3] Газетные «мошки» да «букашки». — Самарская газета, 1895, № 205, 24 сентября.
[4] Между прочим. — Самарская газета, 1895, № 179, 20 августа.

Так, он говорит: «Мы живем в странное время оскудения энергии, в равнодушные, скептически тусклые дни, и на нашей обязанности лежит исправить это, расцветить жизнь желаниями, оживить ее поступками, облагородить мыслью и всячески сделать ее более разумной, живой и разнообразной; мы ничего не делаем в этом направлении, прикрываясь от упреков совести, как щитом, нашими амплуа маленьких, шаблонных, дюжинных людей».[1]

Одновременно с повседневными и непрерывными наблюдениями над мизерными сторонами современной жизни М. Горький обращает особое внимание и на те энергичные усилия, которые, несмотря ни на какие препятствия, направляются на преобразование жизни. М. Горький знает, что в современности есть и проявление подлинного героизма, героизма не легендарного, не в ореоле мечты и романтики, но в страшных бытовых условиях эпохи. Знаменательна в этом плане оценка М. Горьким деятельности «маленьких» людей, деревенских учителей и учительниц, этих, по определению М. Горького, «пигмеев, совершающих на русской земле колоссальное дело просвещения». Они «работают, тратят долгими годами кровь сердца и сок нервов и умирают истощенные трудом, умирают скромно, как и жили, никому неизвестные, никем не оплаканные и ничем не вознагражденные за свой великий труд, перерождающий почву». Эту высокую оценку труда работников культуры М. Горький заключил такими словами: «В наше худосочное, скептическое время, среди всеобщей моральной нищеты, среди шатания мысли и смятения духа даже у передовых представителей культуры — в наше бедное подвигами время — тем ценнее и поучительнее гигантская работа этих маленьких, незаметных людей, неустанно, не щадя своих юных сил, перерождающих нашу массу, бросающих в подавившую ее тьму искорки знания. Да здравствуют маленькие — когда нет больших героев!»[2]

Из этих слов совершенно очевидно, что героическая тема раннего М. Горького, вытекающая из острого обличения писателем-общественником подлой «оскорбительной» действительности, питалась прежде всего материалом самой этой действительности. Те взрывы энергии, те усилия настойчивого и притом принципиального, а не насильственного, труда, та горячая кровь сердца и тот густой сок нервов, проявления которых М. Горький видел — и прежде всего у м е л видеть — в поведении современного ему человека в разных общественных группах, убеждали его в том, что жизненный героизм возможен, что он существует, вопреки громадной силе инерции обывательско-мещанской жизни. М. Горький в своих бесчисленных наблюдениях в качестве активного участника жизни, ее тонкого бытописателя и фельетониста-обличителя обрисовал с огромной конкретностью тусклый, казалось, без-

[1] Самарская газета, № 160, 28 июля.
[2] Несколько теплых слов. — Самарская газета, 1895, № 124, 14 июня.

надежно-серый, застойный жизненный фон, и в то же время по особенному тепло и чутко сказал о величественной работе маленьких героев этой жизни. В этой работе одно из первых мест, по убеждению М. Горького, занимает и труд других героев — тех писателей, которые владеют «тонким гражданским чувством», которые своими «нервными и горячими картинками жизни» «всегда будят ум, всегда трогают сердце и о многом заставляют глубоко подумать». [1]

Если учесть, что приводимые нами цитаты взяты из фельетонов М. Горького, которые находятся в самом ближайшем хронологическом соседстве с «Песней о Соколе», то очевиден теснейший контакт приведенных суждений М. Горького с обличительным и героическим планами его рассказа-песни.

Итак, идейные предпосылки «Песни о Соколе» были многократно сформулированы в печатных выступлениях М. Горького-беллетриста, фельетониста и публициста времени первых лет литературной деятельности писателя. Высказывания эти, свидетельствуя об активном общественном мировоззрении М. Горького, о его остро-критическом отношении к современности, позволяют оценить идейную направленность рассказа-песни в первой же редакции не как беспредметный «поэтический» порыв, не как простое лирическое наполнение эффектной образной схемы, как это может показаться при непосредственном восприятии этой части «Песни», но как художественное выражение высоко-принципиального мировоззрения, направлявшего внимание читателя на обличение мещанско-обывательского довольства жизнью и на красоту смелого стремления к свободной жизни и беззаветной гибели во имя поставленной благородной цели. Эта цель еще не была ясно сформулирована М. Горьким, но ее содержание определялось полным презрением к гнусному и темному настоящему и радостным приветствием прекрасного будущего. Эту же идейную направленность мы увидим в лирических мотивах одного интимного стихотворения М. Горького, не предназначенного им для печати и по всем данным относящегося к тому же раннему периоду его творчества. В первой строфе стихотворения поэт говорит:

Не браните вы музу мою —
Я другой и не знал, и не знаю,
Не минувшему песнь я слагаю,
А грядущему гимны пою.

По самоопределению поэта:

В незатейливой песне моей
Я пою о стремлении к свету.

И в концовке стихотворения вновь рефрен:

В этой жизни, больной и несчастной,
Я грядущему гимны пою.

---

[1] Рецензия И[егудиила] Х[ламиды]: Д. А. Линев (Далин). Не сказки. Изд. 2-е, Пб., 1895. — Самарская газета, 1895, № 261, 3 декабря.

Идейные устремления М. Горького питались не только впечатлениями от современной общественной жизни, активным участником которой он был, начиная с юношеских лет, но и теми книжными источниками литературы социалистической, раннее знакомство с которой М. Горького подтверждается биографическими данными. Идейными учителями М. Горького были также замечательные классики русской литературы, накопившие исключительно богатый материал жизненных наблюдений и суждений о вопиющих социальных противоречиях в русской действительности, о великих и малых общественных ее пороках, о всех тех государственных, правовых и житейских условиях, которые искажали жизнь человека, стояли неумолимым препятствием к достижению им счастливой жизни. Революционно-поэтическое мировоззрение М. Горького — художественного конденсатора передовых идей своего времени — протягивается многочисленными нитями к лучшим, прогрессивным идеям замечательных общественных деятелей русского прошлого.

Применительно к анализу «Песни о Соколе», мы остановимся лишь на одном литературном предшественнике М. Горького — Салтыкове-Щедрине.

В идейном содержании первой редакции рассказа-песни явный перевес имеет часть обличительная — резко отрицательная характеристика мещанского самодовольства, обывательского мировоззрения, ограниченного пределами так называемого «здравого смысла», смиренно довольствующегося наличными рамками социально-бытовой жизни и оправдывающего ее несовершенства. Ведущей мыслью автора, возвышающей человека, является убеждение в необходимости для него, пусть «безрассудного», порывания от этих слишком «земных» представлений вверх, в необходимости красивых и волнующих воображение попыток «дерзающих» — порвать «законы», освещенные вековой «мудростью» мещан. Нет надобности доказывать, что в части обличительной — это тема многих произведений Щедрина, но следует лишь напомнить, что в его творчестве поразительно близко к горьковским образам мещан — ужа и дятла — раскрыта психология и поведение их социальных аналогов. Приведем для примера отдельные мотивы и формулы-сентенции из «Сказок» Щедрина.

Помимо сходства аллегорической формы «Сказок» с формой «Песни» и использования образов птиц для трактовки общественно-политической темы, мы найдем в сказках и тожество отправной мысли: презрительную характеристику психологии и поведения примирившихся с жизнью и восторженную оценку дерзающих. Так, некоторыми своими сторонами к образу ужа подходит образ пискаря в сказке «Премудрый пискарь», который «жил — дрожал, и умирал — дрожал». Напомним такое место:

> «Неправильно полагают те, кои думают, что лишь те пискари могут считаться достойными гражданами, кои, обезумев от страха, сидят в но-

рах и дрожат. Нет, это не граждане, а по меньшей мере бесполезные пискари. Никому от них ни тепло, ни холодно, никому ни чести, ни бесчестия, ни славы, ни бесславия... живут, даром место занимают да корм едят». [И далее о жизни пискаря в речной тине:] «В норе у него темно, тесно, повернуться негде; ни солнечный луч туда не заглянет, ни теплом не пахнет. И он лежит в этой сырой мгле, незрячий, изможденный, никому не нужный, лежит и ждет: когда же, наконец, голодная смерть окончательно освободит его от бесполезного существования?» [1]

В сказке «Ворон-челобитчик» найдем такую сентенцию в устах ястреба:

«А ежели ты червь, так и живи, как червю жить подобает... что если б он на вас гвалт поднял, не вы ли бы первые удивились: червь, мол, ползущий, а тоже разговаривает!» [2]

В знаменитой сцене «Торжествующая свинья» (в VI главе «За рубежом») Щедрин вывел свинью, сомневающуюся в существовании солнца и в необходимости свободы. [3]

С идейной направленностью «Песни» поразительно совпадает тема другого произведения Салтыкова-Щедрина, в котором найдем даже прямые текстуальные совпадения. В письме первом из цикла «Пестрых писем» Щедрина, примыкающего к «Сказкам», находим следующее ироническое рассуждение об «опыте», способствующем делу умиротворения, примирения с действительностью и о действиях героических, о «красивых безумствах», противостоящих этому «опыту»:

«Опыт — это, так сказать, консолидированный свод привычек прошлого. Все уступки, компромиссы, соглашения, которыми так богата история личная и общая, все малодушия, обходы и каверзы — всё это складывается по мере осуществления, в кучу, надпись на которой гласит: опыт или мудрость веков. Действия геронческие, подвиги самоотвержения, факты, свидетельствующие о беззаветной преданности идее, — всё это не более как красивые безумства, от которых никаких подспорий в жизни ожидать нельзя. Правда, что эти безумства освещают тьму будущего и что плодами их несомненно воспользуются грядущие поколения; но ведь, с одной стороны, подвижничество необязательно и не всякий может его вместить, а с другой стороны, как еще на эти красивые безумства поглядеть: иное, быть может, пользительно, а другое, пожалуй, и неблаговременно. Тогда как в той куче, которая именуется мудростью веков, за что́ ни возьмись — все пользительно».

И в этом же письме, анализируя психологию «почвенного» и «руслового люда», трусливо заботящегося только о своем «служительском благополучии», Щедрин определяет уклад его консервативного мышления словами, в которых мы угадываем прямое определение характера мышления ужей и дятлов:

---

[1] Н. Щедрин (Салтыков). Полное собрание сочинений, ГИЗ, т. XVI, М., 1937, стр. 65.

[2] Там же, стр. 239.

[3] Образ этот М. Горький приводит в фельетоне «Очерки и наброски». — Самарская газета, 1895, № 89, 27 апреля.

«И он [почвенный и русловой люд] был, по своему, прав, ибо какая надобность изнывать над отыскиванием новых жизненных идеалов, рискуя при этом прогневить начальство и насмешить массу однокорытников, тогда как существуют идеалы вполне формулированные, ни от кого не возбраненные и для всех однокорытников равно любезные?» [1]

Этим же целям мещанского мирного приятия существующей социальной действительности, «служительского дела» отвечает в дальнейшем тексте «Письма» Щедрина рассуждение «людей средних и при средней обстановке», «среднее рассуждение»:

«Оно одно укажет человеку в перспективе безопасное служительское счастье, одно поможет примириться с этим счастьем и преподаст средства для его осуществления». «Оно с необыкновенной ясностью убеждает, что жизнь обязательна, и затем указывает, для соглашения с нею, именно на те средства, которые в данную минуту благовременны. Оно не поведет в область эмпиреев, заблуждений и риска, а прямо предложит оголенную от всяких экскурсий жизнь не блестящую и не особенно интересную, но зато общепризнанную и вполне заслуженную. Но, главное, оно докажет, что все старое, колеблющееся, дававшее только кажущийся простор, исчезло навсегда! Да-с, навседа-с». [2]

Разоблачительные тенденции Щедрина, как и его понимание социальной роли «красивых безумств» дерзающих, настолько близки М. Горькому, его образные формулировки столь идентичны с ведущими мотивами горьковского рассказа, что мы в праве были бы считать суждения Щедрина как бы прямой идейной подготовкой рассказа М. Горького.

6

До сих пор мы говорили о тех идейных корнях рассказа-песни М. Горького, которые издавна определились в его художественной и публицистической практике. Но поэтическое изложение обличительной и одновременно героической идеи рассказа подготовлялось у М. Горького также постепенным накоплением соответствующих стилистических и образных средств. Мы уделили в начальных главах статьи внимание тем поэтическим средствам, которые восходят к глубокой, многовековой традиции как фольклорной, так и литературной. Поэтическая практика бесчисленного коллектива мастеров слова облегчила М. Горькому художественное выражение идеи, но она не сняла задачи писателя — найти свое индивидуально-поэтическое ее толкование. Поиски стиля будущего рассказа, соотносимого с его героической темой, также характерны для раннего М. Горького.

Легко поставить в стилистическую связь с «Песней о Соколе» по общности признаков художественного метода такие произ-

---

[1] Н. Щедрин (Салтыков). Полное собрание сочинений. ГИЗ. т. XVI. М. 1937. стр. 257 и 258.
[2] Там же, стр. 259.

ведения М. Горького, предшествующие появлению рассказа-песни, как «Макар Чудра» и «Месть» с их романтизованным бытом, как «О Чиже, который лгал, и о Дятле — любителе истины» с их аллегорически-образной трактовкой героической темы, как «Возвращение норманнов из Англии», «Хан и его сын», «Старуха Изергиль» с темой героики на историческом и легендарном материале. Идейно-поэтическая основа этих произведений и общий характер системы стилистических средств в них говорят о том, что «Песня о Соколе» не явилась исключением в ряду художественных разработок М. Горьким волнующих его идей.

Какие же элементы стиля, поэтического языка, образной системы сближают рассказ-песню с предшествующими ему произведениями М. Горького?

Поэтическим сознанием М. Горького не сразу был закреплен образ сокола в качестве образа героического. Образ сокола (орла) и ужа (червя) встречается в ранних рассказах М. Горького — до написания «Песни о Соколе» — сравнительно редко и обычно в фольклорном духе. Так, в «Макаре Чудре» (1892) «сокол» многократно употреблен в виде ласкового обращения Макара к своему собеседнику. Там же Радда говорит отцу Даниле: «Кабы орлица к ворону в гнездо по своей воле взошла, чем бы она стала?», или по поводу песни Лойко: «Вот так однажды комар гудел, орлиный клекот передразнивая». О Лойко автор говорит, что красота Радды «покорила удалого Лойку Зобара, который до нее играл с девушками, как кречет с утками».

В рассказе «О Чиже...» (1893) по поводу горделивой и смелой песни мизерного по внешности Чижа сказано иронически: «Когда это кричит орел, сокол, ястреб, наконец, — это и красиво и мощно; но чиж... чиж, объявляющий войну богам... тут есть некоторое несоответствие, что-то странное и смешное». Знаменательно символическое развитие образа сокола в этом рассказе: серые совы — в песне Чижа — держат бедную рощу во мраке, если бы упали с рощи оковы мрака, то исчезли бы дикие совы и вместо них «соколы только б летали».[1]

И далее:

Но соколы — слабы и хилы —
Забились робко в ущелья
И злятся без чести и силы
Под звуки чужого веселья.

---

[1] В первоначальном тексте вслед за этой характеристикой следовала такая строфа:

И бил бы птицу ночную,
Что с радостью день провожают,
Что бедную рощу родную
Во мраке держать продолжают.

Их крылья уныло повисли,
Постыдно сердца у них дремлют,
И голосу чести и мысли
Свободные птицы не внемлют...

Здесь образ сокола раскрыт в негативном, отрицательном плане, хотя и во всех тех основных признаках, которые подготавливали возможное раскрытие образа под противоположным, уже героическим знаком.

В одноименном с первой редакцией «Песни о Соколе» стихотворении М. Горького «В Черноморье» (1895) [1] дан горно-морской пейзаж в стиле пейзажа «Песни о Соколе»: седому валу, бросающему смелым движением каскад брызг, — «с вершины горной лысый гриф свой крик задорный вниз кидал».

В «Старухе Изергиль» (1895) приведена легенда о юноше Ларре, сыне орла и гордом, как орел. Вольная духом Изергиль сравнивает себя со свободной птицей.

Челкаш (1895) — возбужденный и зоркий, кипучий и нервный — дан в сравнении с «нервной» птицей, «готовой лететь куда-то», — со степным ястребом.

В «Ошибке» (1895) сумасшедший Кравцов в патетической речи своей называет себя «орлом будущего».

В «Грустной истории» (1895), изложенной нами выше, мы встречаем формулу совмещенных образов в значении, весьма близком к толкованию их в «Песне о Соколе». Поэт с «благородными» мыслями, с «высокими» рассуждениями, укушенный «прозаической» блохой, говорит: «Я признаю себя побежденным... Я не виноват в моей слабости... Я полчаса тому назад был орел и червь теперь...» [2]

Этими немногими случаями и ограничивается непосредственное употребление более или менее раскрытых образов сокола и его аналога [3] в произведениях, предшествующих или примыкающих к дате написания «Песни о Соколе» в первой ее редакции. Их количественная бедность восполняется исключительно богатым набором других идейно-поэтических формул, выражающих темы, совпадающие или сходные с рассказом-песней М. Горького как по героической его линии, так и по линии обличительной.

В «Макаре Чудре» (1892) противопоставлена жизнь вольная, широкая — жизни тех, кто «родился затем, чтобы поковырять землю, да и умереть», кто «раб как только родился и во всю жизнь раб». В рассказе говорится о цельных и гордых натурах, о их любви к свободной жизни и о житейских подвигах, которые «как запомнишь, век свой будешь свободной птицей».

---

[1] Самарская газета, 1895, № 71, 2 апреля.

[2] Там же, 1895, № 194, 10 сентября.

[3] Мы минуем такие «скользящие» метафорические образы, как «понесся на крыльях мечты», «он летел птицей» («Челкаш»), которые обильны в описательном языке раннего М. Горького.

Наибольшую близость к «Песне о Соколе» имеет рассказ «О Чиже...» (1893). Здесь примечательно не только использование образов птиц в качестве основных героев рассказов, но и наличие сходной поэтической фразеологии, общих поэтических мотивов. Чиж оптимистичен, его песни полны надежд и уверенности, в них звучат сильные, энергичные ноты. Чиж приветствует тех, «кто честно смерть приял в бою», и презирает тех, кто «робко грудь свою прикрыв, ушел из битвы вон», чьи очи «съел сомнений дым», чьи «мудрствования» отравляют, подобно яду, «*сердца борцов уставших*».[1] Горячие речи Чижа зажигали жаждой жизни, «ибо была цель и была надежда достичь ее», и удивляли слушающих: «*И как удивительно устроены глаза этой птицы, если она видит дело жизни так, как поет его...*» Чиж призывал к неустанной борьбе со злом в настоящем во имя замечательного будущего, он призывал итти «гордой и смелой дружиной к победе», итти вперед, «в страну счастья», ибо «там мы насладимся созерцанием нашей силы, и весь мир будет ареной наших деяний, величие которых невозможно представить нам теперь». Чиж вдохновенно призывает откинуть сомнения и решительно уверовать в себя.

Чижу противостоит Дятел, подобно тому, как Соколу противостоит Уж. Дятел и птицы-слушатели — «*мелки и не самостоятельны*».[2] «Мудрый» дятел пошл, он доверяет только своим обывательским рассуждениям, ему недоступно увлечение мечтой, он любит только ту истину, которая строится на очевидных, всем понятных, всеми признанных и потому как бы нерушимых фактах и только фактах. Законы природы для него факты, из которых с очевидностью вытекает, «что никто из нас не взлетал и не может взлететь выше самого себя» и что поэтому — по философии Дятла — надлежит не преодолевать природу в надежде на иное, лучшее бытие, а «подчиняться» ей. Дятел своими мещански «правдивыми» суждениями убивает «ложь» Чижа, который «хотел пробудить веру и надежду», — но, по слову автора, «на что нужна его правда, когда она камнем ложится на крылья и *не позволяет высоко взлетать в небеса*».

Рассказ «О Чиже» своим идейно-поэтическим содержанием и своими образными формулами настолько близок к «Песне о Соколе», что его можно считать как бы поэтической заготовкой к рассказу-песне, первым художественным обсуждением темы, которую в последующие годы вновь ярко и выразительно М. Горький раскроет в «Песне о Соколе».

В рассказе «Мой спутник» (1894) М. Горький показал в лице грузина князя Шакро Птадзе образ человека, конкретно выра-

---

[1] Курсивом выделяем слова первоначального текста, в дальнейших переизданиях снятые М. Горьким.

[2] Позднее исправлено на: «Черствы сердцем и мелки, позорно мелки».

жающего психологию и философию Ужа. Шакро верит только фактам, он убежден, что «жизнь, какова она есть, вполне законна и справедлива», он считает только свое знание жизни «истинным, непоколебимым, справедливым». От лиц, подобных Шакро, нельзя уйти, «ибо имя его — легион», и «это — спутник всей моей жизни», — заключает М. Горький. Всматриваясь в это массовидное лицо, М. Горький размышляет об одиночках, носителях иных идей — «о великом несчастии тех людей, которые, вооружившись новой моралью, новыми желаниями, одиноко ушли вперед и потерялись в жизни и встречают на дороге своих спутников, чуждых им, неспособных понимать их... Тяжела жизнь таких одиноких! Безвольно носятся они в воздухе... Но они носятся в нем как семена добрых злаков, хотя и редко сгнивают в почве плодородной». В этих словах можно увидеть то зерно образа «одиночки» Сокола, которое М. Горький вскоре соотнесет с его «спутником» Ужом в своем рассказе-песне. Характерно, что, как бы продолжая тему упорного преодоления жизненной инерции усилиями людей, окрыленных определенной целеустремленностью, М. Горький вслед за этими рассуждениями дал следующее символическое описание морского прибоя, явно корреспондирующее с основной идейной направленностью писателя. Море «жило своей широкой жизнью, полной мощного движения»:

> «Взмахивая белыми гривами, передовые волны с шумом ударялись грудью о берег и отступали, отраженные им, а их уже встречали другие, шедшие поддержать их. Обнявшись крепко в пене и брызгах, они снова катились на берег и били его в стремлении расширить пределы своей жизни. От горизонта до берега, на всем протяжении моря, рождались эти гибкие и сильные волны и все шли, шли плотной массой, тесно связанные друг с другом единством цели...» «Ни одной капли не пропадало бесследно в этом титаническом движении водной массы, которая, казалось, воодушевлена какой-то сознательной целью и вот достигает ее этими широкими, ритмичными ударами. Увлекательна была красивая храбрость передовых, задорно прыгавших на молчаливый берег, и хорошо было смотреть, как вслед за ними спокойно и дружно идет все море, могучее море, уже окрашенное солнцем во все цвета радуги и полное сдержанного сознания своей красоты и силы...»

И то же ощущение стихии при описании степной грозы: «Дивный хаос увлекал и настраивал на героический лад, охватывая душу грозной и дикой гармонией». М. Горький говорит, что ему «захотелось принять участие в ней, выразить чем-нибудь переполнявшее меня чувство восхищения перед этой тайной силой, сокрушающей тьму и тучи»: «Я запел — громко, во всю силу... Я безумствовал».

Весьма близок к поэтической символике рассказа-песни о Соколе другой рассказ-песня Горького 1895 г. — «О маленькой фее и молодом чабане».[1] Рассказ этот лиричен по теме и стилю,

[1] Обширный рассказ «О маленькой фее...» с большим числом инкрустированных в его ткань песен был опубликован два месяца спустя (11—24 мая)

лиричны в нем и его персонажи — чабан и фея Майя. Но черты романтической героизации проступают в некоторых моментах повествования, и лирический образ чабана воспринимается тогда как образ потенциального героя, как опыт психологизации тех черт, которые в трансформированном виде будут даны в образе сокола методом отвлеченно-аллегорическим. Так, в глазах Майи чабан «хорош был раньше, сильный и смелый, с ясным челом и огненными глазами!» Чабана влекут к себе такие мощные явления природы, как «бескрайняя степь и бездонное небо». В песнях чабана слышны восторженные приветствия свободным стихиям природы.

Ритмизованное описание степной бури в рассказе является развернутым поэтическим вариантом такого же романтически-приподнятого описания грозного морского прибоя и бури в песнях о «Соколе» и «Буревестнике». [1] Вот это описание:

> «Стрелы молнии рвали тучи, но они опять сливались и неслись над степью мрачной, наводящей ужас стаей. И порой, с ударом грома, что-то круглое, как солнце, ослепляя синим светом, с неба падало на землю; и блестели грозно тучи и казались взгляду ратью страшных, черных привидений, в бархат с золотом одетых, потрясающих мечами, что перекованы из злата и каленными из горна были прямо в руки взяты. Привиденья рокотали и гремели, угрожая замолчавшей в страхе степи, и волною беспрерывной и громадной, с море ростом, их проклятья и угрозы неустанно вдаль летели и звучали так, как горы вдруг бы, вдребезги разбившись, пали с грохотом на землю и, во прах ее разрушив, вместе с нею полетели в бесконечное пространство, камень, камень раздробляя, — и звучали так, как небо зазвучало б, изломавшись на куски и с выси синей быстро падая на землю... Вот как тучи те звучали!..
>
> Ужас сердце чует в этот краткий миг, который делит гул громовый на удары; а они гремят, и тучи разрываются, бросая золотые стрелы молний из рядов своих на землю. Гром гремит, пылают тучи и огонь их синь и страшен, и дрожит пустыня неба, и земля трясется робко... И на свете нет явлений больше сильных, больше страшных, чем грозы в степи широкой и на море бури бой!..»

Но чабан не устрашен бурей:

> «Твердо, как скала, чабан стоял в степи, подставив грудь дождю и порывам ветра; и молнии, прядая по небу, точно не смели пасть на него, точно боялись они разлететься огненной пылью, ударившись в смуглую грудь чабана...» И он, восхищаясь грозной картиной бури,

---

после первой публикации «Песни о Соколе». Но по своему стилю рассказ явно может быть отнесен к более раннему времени, быть может, к самым первым литературным опытам М. Горького. В своих воспоминаниях о Короленко М. Горький говорит к тому же, что рукописи рассказа «О рыбаке и фее» и рассказ «Старуха Изергиль» были им показаны Короленко в конце 1893 г. или в начале 1894 г., но что первый из этих рассказов был им написан еще в Тифлисе, т. е. не позднее 1892 г.

[1] На сходство картины грозы в этом рассказе с описанием ожидания бури в «Песне о Буревестнике» было указано в печати в статье Н. Белкиной: «„Валашская сказка" А. М. Горького» (Литературная учеба, 1938, № 6, стр. 69—70).

«с улыбкой смотрел на тучи, любуясь их мрачной красотой и силой, и в его черных очах горел огонь зависти им, огонь такой же яркий, как сами молнии». «Ему самому хотелось летать с тучами и петь громкие песни с ними».

Здесь наличествуют героическая эмоция и героическая стилистика, но настоящего героя еще нет, ибо нет еще той реальной целеустремленности, того «дела», которое направило бы отважную натуру на выполнение идейно-осмысленного и поэтически-убеждающего задания. М. Горьким в этом рассказе даны лишь те поэтические пробы, стилистические заготовки, которые с огромным искусством лаконизма он использует в последующих песнях о «Соколе» и о «Буревестнике».

Герой, в значении близком к рассказу-песне, впервые показан М. Горьким в рассказе «Старуха Изергиль» (1895). В нем разбросаны мысли и образы, прямо относящиеся к героической теме «Песни о Соколе». Устами Изергиль М. Горький говорит о необходимости «любить подвиги»:

«А когда человек любит подвиги, он всегда сумеет их сделать и найдет, где это можно. В жизни, знаешь ли ты, всегда есть место подвигам. И те, которые не находят их для себя, те просто лентяи, или просто трусы, или не понимают жизни, потому что, кабы люди понимали жизнь, каждый захотел бы оставить после себя свою тень в ней».

В рассказе выразительно дана и обличительная тема. Изергиль всматривается в современную жизнь и не видит в ней людей сильных. Ее совет: смотреть зорко в старину, «там все отгадки найдутся», там «больше было в человеке силы и огня». Символическая легенда о Данко — прямой аналог идейно-поэтической теме «Песни о Соколе». Люди не могут выбраться из глухого леса и ядовитого смрада болот. Они сидели и только думали, но «не своротить камня с пути думою», — «кто ничего не делает, с тем ничего не станется». Люди обессилили от дум, они были скованы страхом и готовы были итти к врагу и, не боясь рабской жизни, отдать ему себя и свою волю. Их спасает Данко, красивый и смелый, горящее сердце которого пылало великой любовью к людям. Данко вывел людей из темного леса.

Совершенно очевидно, что образ Данко является параллелью образу Сокола, что оба произведения не что иное как завершенные поэтические варианты одной и той же идеи, что героический образ уже был предуготовлен и во многом даже развит глубже (наличие цели подвига) в образе Данко, чем образ Сокола в первой редакции рассказа.

О замечательных явлениях природы, «возбуждающих высокие желания в людях», о широте моря, «бескрайней, свободной и мощной» стихии, о бесшабашном удальстве смелых людей, о сознании ими своей свободы и своего достоинства, и о «житейской скверне», о низком, «жадном рабе», выброшенном на время «из

того порядка жизни, в котором выработалась та кровь, что течет в его жилах», — говорит М. Горький в рассказе «Челкаш» (1895), создав контрастные по идейной своей целеустремленности образы Челкаша и Гаврилы.

И, наконец, в рассказе «Ошибка» (1895) с его символической, почти памфлетно-политической основой М. Горький еще раз в лице сумасшедшего Кравцова, этого энтузиаста — «созидателя всеобщего спасения», принципиального «романтика» и «идеалиста», и его восторженного поклонника Ярославцева раскрывает героический пафос одиночек, смело ищущих выхода из мрака настоящего, где «запрещено жить», в светлое будущее. Отягощенный страшной правдой жизни, Кравцов полон горячего желания спасти «бедных, загнанных жизнью и затравленных друг другом людей», находящихся «в плену у жизни», побежденных ее мелочами:

> «Я хочу вывести вон из жизни всех тех людей, которые, несмотря на свои пятна, есть все-таки самые светлые люди жизни... Они погибают от тоски одиночества и вашего гонения на них. Они, видишь ли, задыхаются в смраде жизни...»

Кравцову ясно, что «мы подлеем, умирая морально», что «мы пошло умираем физически» — и «все это от тоски по желаниям, от скорби одиночества, от недостатка жизни, в которой нам не дают места».

Итак, ко времени написания и первой публикации «Песни о Соколе» М. Горький в публицистических выступлениях и в художественном творчестве с достаточной отчетливостью определил те основы своего общественного мировоззрения, которые еще раз с большой яркостью в части обличительной раскрыл в рассказе-песне. Этому определению мировоззренческих основ писателя сопутствовала его непрерывная работа по накоплению художественных средств выражения в образах искусства волнующей писателя идеи. Средства эти оказались, если и недостаточно разнообразными, то исключительно интенсивными, настойчиво разрабатываемыми художником в определенном идейном направлении. Соединение в одном творческом движении, подчиненном воплощению основной, ведущей, сквозной темы раннего М. Горького, постепенно им находимых и ранее воспроизводимых лишь разрозненно отчетливых образов, ярко живописных красок, ёмких поэтических формул — должно было привести к созданию произведения огромной впечатляющей силы и необычайно острого политически-злободневного содержания.

7

Замечательный творческий почин М. Горького в рассказе-песне не был разультатом яркого выражения лишь глубоко индивидуальной мысли и чувства высоко-талантливой и сильной своим взволнованным лиризмом личности поэта. М. Горький явился

гениальным художественным воплощением дум и надежд угнетенного пролетариата, рабочего класса в России времени массового рабочего движения. Еще в ранние годы своей общественной и литературной деятельности, подобно тому, как это имело место и в последующие годы, М. Горький «слишком крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира». [1]

Время создания «Песни о Соколе» было временем напряженной борьбы рабочего класса за свое политическое освобождение. Уже с середины 80-х годов рабочий класс вступил на путь организованной борьбы с самодержавием и вскоре стал могучей передовой силой. В год возникновения первой редакции «Песни о Соколе» Ленин образовал петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», этот первый зачаток революционной пролетарской партии в России, который повел массовую агитацию среди рабочих и руководил стачками.

Перед социал-демократической партией, вместе с успешным продвижением в массы социалистических идей, стала настоятельнейшая задача мобилизации всех сил на организованную и решительную борьбу с самодержавием и на всестороннее политическое обличение капиталистического строя. Эта задача стояла и перед литературой, перед писателями демократических, радикальных групп, перед писателями-революционерами, активно участвующими в общем политическом движении. Но политические тенденции литературы этого времени, ее активный общественный рост, ее революционные мотивы не могли проводиться открыто: оппозиционная литература была зажата жестокими цензурными тисками, пресекавшими широкое агитационное влияние художественных образов на массы.

М. Горький во всем раннем своем творчестве и, в частности, в «Песне о Соколе» выразил в художественно-образной форме ту мечту о раскрепощении человека, ту волю к победе за права свободной личности, которая вдохновляла революционных бойцов. Лучшим доказательством своевременности выступления М. Горького со своим произведением является совпадение его идейно-поэтических воззрений с передовыми общественными идеями своего времени и прежде всего с суждениями, характеристиками и оценками, данными Лениным в его публицистических выступлениях того же времени и направленных на то, чтобы «будить классовое самосознание в русских рабочих». [2]

В работах Ленина времени появления первой редакции «Песни о Соколе» мы найдем характеристики всех тех основных задач пролетариата, которые были выдвинуты условиями роста рабочего движения и классовой борьбы начала 90-х годов и ко-

---

[1] Ленин, Сочинения, т. XIV, изд. 2-е, стр. 211.
[2] Ленин, Сочинения, т. I, изд. 2-е, стр. 410.

торые нашли также свое идейно-поэтическое выражение в творчестве М. Горького. Эти задачи сводились прежде всего к разоблачению мещанской, реакционной сущности идеологов тех групп, которые, называя себя «друзьями народа», в сущности были врагами рабочего класса, к необходимости во что бы то ни стало решительно разорвать со всеми мещанскими идеями, неизбежно ведущими к дальнейшему закрепощению пролетариата. Эти обличительные задачи соединялись с задачами выработки нового сознания рабочих: будить протестующую их мысль, разъяснять им освободительные задачи и цели, всемерно поддерживать личную инициативу, утверждать роль личности в развертывающихся актах борьбы, — роль личности, выдвигаемой ходом истории и интересами масс на передовые позиции борцов, сознательных идеологов и руководителей борьбы.

Нет необходимости особо подчеркивать, что эти же задачи в плане идейно-художественном разрешал в своем творчестве и М. Горький и что «Песня о Соколе» 1895 г. явилась образным выражением этих же социальных идей.

Но первая редакция рассказа-песни имела одну особенность: в ней преобладал пафос обличения и еще не была отчетливо выражена идея решительной, идущей до конца, борьбы за поставленные цели. Переакцентировку тематического содержания рассказа М. Горький, как мы видели, сделал лишь четыре года спустя, в 1899 г., в редакции второй, где в песне полным голосом зазвучал героический пафос, пафос безудержного влечения к свободе, пафос энергичной, беспощадной борьбы. Работе М. Горького, политически исключительно важной и творчески принципиально новой, помогли как общественно-политические события знаменательного четырехлетия — 1895—1899 гг., так и личный идейный и художественный рост писателя, обусловленный активным восприятием писателя — гениального выразителя интересов и дум пролетариата — передовых идей своего времени.

Вспомним, что на эти годы падают мощные организованные стачки рабочих, что в эти годы непрерывно расширялась социал-демократическая пропаганда. «От пропаганды стали переходить к широкой агитации. Широкая агитация, естественно, стала выделять все большее число сознательных передовых рабочих; стали образовываться революционные организации (С.-Петербургский, Киевский и др. „Союзы борьбы", Еврейский Рабочий Союз). Эти организации, естественно, стали стремиться к слиянию, что им, наконец, и удалось: они соединились и положили основание „Рос. Социал-Дем. Раб. Партии"».[1] Оценивая эти годы несколько позднее, Ленин писал: «на-лицо было и стихийное пробуждение рабочих масс, пробуждение к сознательной жизни и сознательной борьбе, и наличность вооруженной социал-демокра-

[1] Ленин, Сочинения, т. II, изд. 2-е, стр. 551—552.

тическою теориею революционной молодежи, которая рвалась к рабочим».[1]

Ленин, находясь в ссылке, продолжает вести напряженнейшую работу по организации классовой борьбы пролетариата, неустанно разъясняет, что классовая борьба — это не мелкая борьба с отдельными хозяевами и с отдельными чиновниками, а борьба «против всей буржуазии и против всего правительства»,[2] агитирует за руководство этой борьбой, «конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и организация социалистического общества»,[3] указывает на необходимость привлечь к борьбе за политическую свободу «все боевые демократические элементы и использовать все прогрессивные силы России».[4] Ленин разъяснял, что задача социал-демократии в новых условиях — «внести в стихийное рабочее движение определенные социалистические идеалы, связать его с социалистическими убеждениями».[5]

Знаменательны указания Ленина этого времени на роль социал-демократов, способствующих слиянию передовых рабочих с социал-демократическими организациями. Ленин говорил, что рабочее движение 90-х годов получило широкое политическое значение оттого, что «характер движению придали, как и везде, как и всегда, передовые рабочие, за которыми рабочая масса шла потому, что они доказали ей свою готовность и свое уменье служить рабочему делу, что они сумели приобрести ее полное доверие».[6] Ленин с гордостью указывает, что среди рабочих выделяются «настоящие герои», которые находят в себе столько характера и силы воли, чтобы «несмотря на безобразную обстановку своей жизни... учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, „рабочую интеллигенцию“».[7] Ленин вспоминает в эти годы об измене «друзей народа» — либеральных и радикальных представителей буржуазии, недовольных поворотом революционного движения от народовольчества к социал-демократии и в то же время сожалеющих о том, что революционеры оставили террор. Характерно определение Лениным этих буржуазных либералов: «люди, дрожавшие больше всего за свою шкуру и не оказавшие в решительный момент поддержки тем героям, которые наносили удары самодержавию».[8]

Итак, широкий подъем пролетарских масс, напряженный ход рабочего освободительного движения, общие условия обществен-

---

[1] Ленин, Сочинения, т. IV, стр. 385.
[2] Там же, т. II, стр. 495.
[3] Там же, стр. 492.
[4] Там же, стр. 504.
[5] Там же, стр. 497.
[6] Там же, стр. 536.
[7] Там же, стр. 553.
[8] Там же, стр. 551.

но-политической борьбы в ответственнейшие предреволюционные годы привлекли всеобщее внимание к основным, боевым политическим задачам, — и они должны были подсказать писателю углубление и усиление соответствующих мотивов в образной ткани своего произведения.

М. Горький во второй половине 90-х годов продолжает активно участвовать в текущих общественных делах (как известно, в 1898 г. он был вторично арестован), расширяется круг его общественных связей, углубляется его мировоззрение, всецело направленное на острую критику современности, полное уверенности в необходимости революционного преобразования социальной действительности. Формирование этого мировоззрения, как и настойчивая работа над стилевым выражением его в художественных образах, отражены в произведениях М. Горького 1896—1899 гг. и помогли ему с предельной идейной остротой и художественной отточенностью закрепить волнующую его идею в новой редакции «Песни о Соколе».

Мы проследим нарастание этих идейных и художественных данных в публицистике и беллетристике М. Горького конца 90-х годов.

1896 год — наиболее трудоёмкий год в жизни раннего М. Горького, позволивший ему развернуть во всю ширь свой разносторонний публицистический талант, давший ему возможность в связи с Нижегородской выставкой расширить круг своих наблюдений над разнообразными сторонами русской культурной жизни. Его оценки этой жизни остались, в сущности, неизменными и получили только бо́льшую определенность и силу. Почти гневны следующие слова М. Горького: «Я хотел бы видеть порядочных людей порядочнее, а подлецов еще подлее — будь это так — жить было бы удобнее... Или добродетель, или порок — прочь лигатуру!» Видя огромную и разнообразную производительность труда талантливой юной русской нации, М. Горький требует от нее «больше энергии и меньше разгильдяйства, больше жизнедеятельности и менее скаредничества, жадности к наживе». [1]

Размышляя о настоящем времени, М. Горький противопоставляет ему большие дела великих людей прошлого. Настоящему он предпочитает масштабы и силу выразительности дел в прошлом: «Теперь и тогда — какие эпохи! Одна — вся в ярких огнях, полная энергии, самозабвенья, дон-кихотства, эпоха великих реформ, великих надежд, великих ошибок: трагическое и смешное, бодрое и мечтательное — все перепутывалось в ней и все было — крупно, по меньшей мере. Теперь — туманно и серо, храмы пусты, боги забыты, души — нищи, иногда вспыхивает кое-где свет, но это блу-

[1] С Всероссийской выставки. — Одесские новости, 1896. № 3647, 1 июня.

ждающий огонь, и вся жизнь, по меньшей мере — мелочна и бедна». Ссылка М. Горького на «великое прошлое» примечательна тем, что писатель приоткрывает здесь еще один источник героического, который вдохновил его при создании своих исторических легенд.

М. Горького в эти годы настойчиво интересует проблема героизма — качество героики и ее место в сознании неудовлетворенного жизнью современника. В этом плане представляет интерес некоторыми своими сторонами очерк М. Горького «Разбойники на Кавказе».[1] В нем среди портретов разбойников М. Горький останавливает внимание на романтических разбойниках Кавказа, на разбойниках-рыцарях, вроде Керима, Саммата, Кайбулла. Керим, «облеченный в уборы легендарных рассказов о нем», представлен народным сознанием в легендах и анекдотах строго справедливым защитником прав туземцев от посягательства на них со стороны армян и русских. М. Горький говорит, что «пылкое и очень романтическое воображение кавказцев позволяет им рисовать себе Керимов и Самматов — до встречи с ними — как героев, вызывает к жизни некоторый культ обожания разбойников». М. Горький считает, что «героическое, как и таинственное, в большом спросе на Кавказе», и готов объяснить это «темпераментом и историей горцев». И далее М. Горький приводит ряд фактов и легенд, подчеркивающих наличие этого «культа», как одного из факторов, способствующих процветанию разбоев и безопасности разбойников.

Наблюдая наличие легендарных рассказов даже у «почтенного, благочестивого и довольно-таки черствого кубанского казачества», М. Горький отмечает, что, видимо, «стремление к романтизму и поклонение культу героев лежит очень глубоко в натуре человека». Изложив ряд легенд, созданных зажиточными кругами кубанского казачества, М. Горький говорит о «прозаическом и самодовольном человеке» в среде казачества: «Утрачивая понемногу казацкую широту натуры, материально облегченный он превращается в мелкого рантье, спокойно живет трудами чужих рук, обрабатывающих его богатые поля, и, не имея своих героев, создает их, как видите... Человек всегда нуждается в герое...»

Пересказывая закавказские устные рассказы о Кериме, М. Горький обращает внимание на то, что «он — герой легенд и сказок, он — воплощение справедливости, хотя и грубой, но так нужной темному люду, такой понятной ему...»

Знаменательно в суждениях М. Горького этого времени то, что в поисках факторов, которые могли бы способствовать преобразованию жизни, М. Горький все чаще и настойчивее останавливает свое внимание на роли искусства в жизни. Его размышления по этому поводу проходят по тому же руслу резко отрица-

---

[1] Нижегородский листок, 1896, № 309, 8 ноября; № 314, 13 ноября; № 324, 23 ноября; № 325, 24 ноября, № 327, 26 ноября.

тельных оценок социальных явлений своей эпохи. М. Горький говорит о необходимости активного, влияющего на жизнь своими образами, и высоко содержательного искусства: «хочется впечатлений — таких, которые, лаская душу своей красотой, оживляли бы ее, будя ум своим содержанием — изощряли бы его».[1] Облагораживающую роль искусства М. Горький подчеркивает словами: «Я уверен, что искусство нужно жизни, людям, что оно может помочь жить им. Жизнь тяжела, — оно даст возможность отдохнуть от нее; люди грубы, — оно облагородит их; они не особенно умны, — искусство им поможет развиться».[2] М. Горький категорически возражает против пассивных, созерцательных форм искусства, примерно тех, которые предлагала вторая муза поэту в рассказе «Об одном поэте» и о которых он еще раз напоминает словами: «Скорбь или сострадание, печаль или злоба в наше время обращают на себя внимание не тогда, когда они выражаются сильно, а тогда, когда их выражают туманно и изящно».[3] Под этим углом зрения М. Горький отрицательно оценивает поэзию декадентов, говоря, что «Пессимизм и полная безучастность к действительности, страстный порыв куда-то вверх, в небо, сознание своего бессилия, ясно ощущаемое отсутствие крыльев у поэтов, отсутствие святого духа в сердцах их — вот основные ноты и темы новой поэзии».[4] М. Горький считает, что искусство должно «охватывать зрителя», «заставлять его чувствовать и думать»; нужно искусство, которое «поражало бы зрителя, будило бы в нем мысль и облагораживало его чувство».[5] Искусство требует от мастеров «искреннего чувства и активного настроения», а нынешние, по определению М. Горького, «картинописатели и драмостроители» не способны воздействовать этими основными сторонами подлинного искусства, так как они — «по отсутствию вдохновения и чувства красоты, с холодною кровью, но не без мысли о разовых, строят свои картины и драмы главным образом на факте».[6] Современное состояние искусства не удовлетворяет М. Горького потому, что оно говорит «об общем понижении вкуса и об упадке в жизни красоты». Это он видит, прежде всего, в архитектурном искусстве обозреваемой им Нижегородской выставки. Вот его наблюдение: «Эти широкие и низкие павильоны, осевшие к земле, как-то придавленные к ней, без порыва кверху, без признака в них свободной и смелой фантазии, пытливости и гордости бодрого идеализма и веры человека в самого себя — как бы характеризуют собой нашу будничную,

---

[1] С Всероссийской выставки. — Одесские новости, 1896, № 3673, 27 июня.
[2] Ответ А. А. Карелину. — Нижегородский листок, 1896, № 215, 6 августа.
[3] С Всероссийской выставки. — Одесские новости, 1896, № 3686, 11 июля.
[4] Еще поэт (Ф. Сологуб. Стихи, Кн. 1). — Самарская газета, 1896, № 47, 28 февраля.
[5] Там же, № 3596, 21 июля.
[6] Беглые заметки. — Нижегородский листок, 1896, № 271, 1 октября.

застоявшуюся в тесных рамках, обыденную жизнь, скупую и серую, без крупных интересов, без широких запросов, без оригинальности, но и без простоты, странную, пониженную и запутанную жизнь людей, утомленных и растерявшихся в массе мелочей». [1] Общее наблюдение М. Горького над искусством сводится к утверждению, что как ни бедна жизнь, отраженная в искусстве, — искусство беднее этой жизни, а потому неспособно влиять на жизнь, преображать ее своим пониманием красоты, своими выразительными средствами: «Жизнь вообще, а русская жизнь в особенности, не богата красками, — это так, но она не до такой степени сера и бедна, на какую сводит ее наше современное [живописное] искусство, в котором так мало красоты и вдохновения и так много претенциозной грубости, выступающей в нем под старым смелым и благородным девизом реализма». [2]

Приведенные эстетические суждения М. Горький делает темой и ведущими мотивами ряда своих художественных произведений того же 1896 г. Некоторые из этих произведений почти открыто обсуждают те же вопросы, в других — авторское разрешение общественной проблематики дано в художественных образах. В рассказе «Часы отдыха учителя Коржика», [3] обличая себя и себе подобных, Коржик говорит, что «ныне люди равнодушны ко благу и злу и силы в душе своей не имеют, подчиняясь первым ударам судьбы и покоряясь без борьбы, без страха за себя». Почти открытую трактовку вопроса об окружающей жизни мы найдем в рассказе «За бортом. (Элегия)». [4] М. Горький рисует в рассказе мучительное одиночество человека, скептически относящегося к жизни, не принимающего в ее делах активного участия и тем самым оказавшегося «за бортом» ее неустанного движения. В размышлениях этого человека мы услышим прямой отзвук мыслей самого М. Горького. Он говорит о том, что большинство людских взглядов «так потрепано и ветхо», «так пошло и изношено», что их надо проветривать и очищать «от плесени времени щеткой скептицизма». Этот скептицизм, недоверие к установившимся оценкам и суждениям о жизни внушены М. Горькому мыслью, что убеждения косных людей обычно превращаются в предрассудки — в эти «обломки старой истины», что люди «судят друг о друге и о всех явлениях жизни по шаблону, приобретенному ими давно и не расширенному сообразно с потребностями времени». А в это время «жизнь идет, она всегда движется — и так легко разучиться понимать ее, измеряя ее старой меркой», — и «жизнь умеет наказать того, кто не хочет служить ей...» По ходу своих размышлений о жизни, данных как бы в элегическом аспекте выведенного им единственного персонажа рассказа, М. Горький приходит к основополож-

[1] С Всероссийской выставки. — Одесские новости, 1896, № 3647, 1 июня.
[2] Беглые заметки. — Нижегородский листок, 1896, № 271, 1 октября.
[3] Самарская газета, 1896, № 63, 17 марта.
[4] Нижегородский листок, 1896, № 249, 9 сентября.

ной во всем этом рассказе мысли о несправедливом, обидном, недостойном человека отношении людей друг к другу. «В общем жизнь представляет собой картину безумной суеты очень несчастных, очень нищих духом существ, говорящих на разных языках и, не понимая друг друга, торопливо осуждающих и определяющих друг друга». И здесь же М. Горький впервые открыто высказывал мысль, которая явится в дальнейшем направляющей идеей его публицистического и художественного творчества: «А между тем „истинный шекинах — есть человек!“ [1] Да, именно он святая святых, он целый мир, мир сложный, интересный, глубокий... Выучатся ли когда-либо люди, если уже не понимать, то хоть молча уважать друг друга? Поймут ли они когда-нибудь, что кроме человека — в мире нет ничего интересного и что только человек — мера вещей — и творец жизни?» М. Горький высмеивает своеобразный «героизм» эгоистических натур, когда человек-одиночка, отрешенный от интересов окружающей жизни, не удовлетворенный ею и, в то же время, не желая растрачивать энергию и «углубляясь в самом себе, лелеет в себе свое страдание до конца жизни, будет чувствовать себя полным мысли и героем. Иметь в себе что-либо прочное — вот гарантия от нищеты духа и нет ничего прочнее страдания». «Героизм» страдания — это пародия на подлинный героизм, это так же фальшиво, как жизнь человека вне, «за бортом» общественной жизни, так же лживо, как убеждение, что возможна полная, содержательная жизнь без общения с людьми. Не случайно «элегические» размышления человека порой невольно прорываются ощущениями другого, оптимистического рода: «Бывают моменты, когда среди людей — так хорошо, и жизнь полна чарующей прелести, когда душа полна трепетом ожидания чего-то нового, вдали будущего ярко горят огни надежд на что-то благородное, великое, и в душе человека играет яркая радуга страстных дум и чувств. Эти моменты редки... Но они есть. Они есть и хотя бы они были только „нас возвышающий обман“ — ими можно жить...»

В том же жанре художественной публицистики М. Горьким был написан философский этюд «Часы», [2] в форме элегических размышлений под тиканье часов о неустанном движении жизни. Автор задумывается над вопросом — «как жить, чтобы сознавать себя нужным для жизни, как жить, не теряя веры и желания,

---

[1] Эту же формулу М. Горький приводит в письме к Ф. Батюшкову: «Я думаю, что смысл жизни в человеке, что „истинный шекинах — есть человек“, как говорит Златоуст, верю, что „человек есть нечто такое, что должно быть превзойдено!“» (М. Горький. Материалы и исследования, т. II. Изд. Академии Наук СССР, 1936, стр. 271). Шекинах — очевидно, от еврейско-арамейского слова «шехина», что означает существо, стоящее между богом и миром. Во второй цитате М. Горького приведены слова Ф. Ницше.

[2] Нижегородский листок, 1896, № 323, 22 ноября. — Рассказ был доработан М. Горьким в 1905 г. для «Нижегородского сборника» (Пб., 1905).

как жить, чтобы ни одна секунда не исчезала, не волнуя души и ума?» Это — все те же основные мировоззренческие вопросы, которые М. Горький ставил и в предыдущих своих статьях. Его ответы вполне определенны: нужно создавать себе в жизни часы, «полные ощущений и мысли, полные действий», «всего полнее и интереснее жизнь тогда, когда человек борется с тем, что ему мешает жить», надо не уклоняться от жизни, а всецело посвящать себя ей. Надо почувствовать «вражду к жизни, унижающей вас», и объявить ей борьбу в своем бессознательном, инстинктивном стремлении к лучшему». «Сделайте это стремление сознательным, учите людей понимать, что только в сознательном стремлении к лучшему — истинное счастье». «Стремление вперед — вот цель жизни». Люди мало любят жизнь, других людей, свои дела, не зная того, что — «Если люди захотят, они всего достигнут; если они захотят, они будут владыками жизни, а не рабами ее, как теперь. Только бы явилось желание жизни, и вся жизнь представит собой прекрасные часы, полные явлений силы духа, поражающие благородством подвигов — великие часы».

Вопросы активного революционного мировоззрения неразрывно связываются М. Горьким в эти же годы с вопросом о характере того художественного метода, которым должно овладеть искусство, ставящее своей задачей прямое воздействие на ум и воображение читателя, искусство, стремящееся не к констатации жизненных фактов, а к их преобразованию и подчинению целям

когда им была дописана яркая заключительная глава (VIII) с призывными словами, с пафосом героики в духе «Песни о Соколе», с глубокой уверенностью в необходимости красивым подвигом самопожертвования преодолеть косные формы жизни. В этой главе М. Горький как бы вновь возвращается к основной проблематике «Песни о Соколе» и в условиях революционной борьбы 1905 г. дает ей страстную образную трактовку. Вот эта глава:

> «Да здравствуют сильные духом, мужественные люди, — люди, которые служат истине, справедливости, красоте! Мы их не знаем, потому что они горды и не требуют награды; мы не видим, как радостно они сжигают свои сердца. Освещая жизнь ярким светом, они заставляют прозревать даже слепых. Нужно, чтобы прозрели слепые, которых так много, нужно, чтобы все люди с ужасом и отвращением увидели, как груба, несправедлива и безобразна их жизнь. Да здравствует человек, владыка своих желаний! Весь мир — в его сердце, вся боль мира, все страдания людей — в его душе. Зло и грязь жизни, ложь и жестокость ее — его враги; все часы свои он щедро тратит на борьбу, и жизнь его полна буйных радостей, красивого гнева, гордого упрямства... Не жалей себя, — это самая гордая, самая красивая мудрость на земле. Да здравствует человек, который не умеет жалеть себя! Есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые — вторую; каждому, кто любит красоту, ясно, где величественное.
>
> Часы нашей жизни — пустые, скучные часы; наполним же их красивыми подвигами, не жалея себя, и тогда мы переживем красивые, полные радостного трепета, полные жгучей гордости часы! Да здравствует человек, который не умеет жалеть себя!»

человека. По ходу своих размышлений о задачах искусства и о современной действительности М. Горький должен был притти к отрицательному суждению о натуралистических тенденциях в искусстве, тенденциях, сводящихся в конце концов к простейшей регистрации фактов и не ставящих перед обществом синтетических и притом высоко-прогрессивных задач. Борьбу с таким плоским, ограниченным реализмом М. Горький упорно ведет как в своей публицистике 90-х годов, так и качественно новыми образами своего творчества.

В одном из рассказов 1896 г. — «Как меня отбрили»[1] — М. Горький в открытой форме обсуждает вопрос о характере современной натуралистической литературы, об отсутствии в ней организующих воображение и волю человека образов и идей. Герой рассказа, парикмахер, обличает писателя-натуралиста: «Я хочу сказать, что вы пишете о том, что уже есть, и ничего не выдумываете сами. Хорошие писатели, изволите видеть, обыкновенно выдумывают». «Никакого вознесения чувств опосля чтения не возбуждается и никакого подъема духа нет-с!» «Все жизнь, жизнь и никакой фантазии». Эту «выдумку», возвышающую человека над жизнью, парикмахер находит прежде всего в авантюрно-романтической литературе, которую и ставит в пример писателю-натуралисту: «И вижу-с в ней совсем не то, что существует на самом деле. Первое дело, люди — весьма ясные господа. Этот подлец, а этот дурак, этот благороден, а эта ангел с небес. Поток чувств-с! Погашенные вулканы и мрачные омуты! Жестокая борьба-с, свинство поступков, одушевление, сотрясение всяких порядков жизни, бури и грозы». «И могу мечтать о возможности благородных чувств и бесстрашно-геройских людей на нашей тесной и грязной улице. Отдыхаю душою-с, мечтая, очищаю с сердца пыль жизни... — А вы — разве вы можете оторвать человека от жизни и вознести его к мечтам?» Литература, по мысли М. Горького, вложенной в уста героя рассказа, должна обогащать, облагораживать человека переживаниями глубокими, мощными и красивыми, и тем самым «приносить отраду духа-с»; ее приемы должны быть решительными и впечатляющими. Парикмахер говорит: «Главное дело-с, — вы не стесняйтесь! Валяйте во всю и чем меньше на жизнь похоже, тем оно лучше... приятнее для сердца... Фантазии больше, а она производит в человеке вознесение чувств к небесам и этакое сладостное трепетание сердца-с... Отрывайте человека от жизни, — видите — он заглотался ей!»

Как видно из рассказа, М. Горький в поисках отчетливых образов-синтезов, поэтических образов большой впечатляющей силы и яркого тона повествования вспоминает устами своего персонажа и о литературе авантюрно-романтической, импонирующей прежде

[1] Как меня отбрили (Quasi una fantasia). — Нижегородский листок, 1896, № 262, 22 сентября.

всего четкостью своих образов, героическим пафосом своих ведущих персонажей.

В следующем, 1897 году, М. Горький в ряде своих произведений вновь трактует в идейно-поэтическом плане ту же тему о современности. В рассказе «Тоска» он выводит «тоскующего» мельника Тихона Павловича, который попал в «раздумчивую полосу», растерял свое «стойкое, жизнерадостное чувство», стал крепко думать о своей «пошатнувшейся жизни». Его взволновали слова оратора над могилой неизвестного мельнику человека. Оратор говорил о том, что покойник посвятил «всего себя неблагодарной, черной подготовительной работе по устройству на земле хорошей жизни для людей! Для всех людей без разбора...» — и здесь же характеризовал современность такими словами: «Засыпали мы наши души хламом повседневных забот и привыкли жить без души, до того привыкли, что и не замечаем, какие все мы стали деревянные, бесчувственные, мертвые». Тихон Павлович чувствует, что надо жить иначе, что надо дать «простор» душе, и он завидует своему работнику — «веселому, вольному человеку за его уменье жить, за его уверенность в своей правоте».

Как бы «вне жизни» живут люди в рассказе «Скуки ради».

В «Озорнике» брошена мысль о «несправедливости жизни» для многих людей и о том, что вот «живешь — и постепенно раздвигается понимание жизни».

«Понимание жизни» есть у главного персонажа рассказа «Коновалов». Тоскующий Коновалов презрительно оценивает социальные устои и мораль буржуазного общества, трезво определяет свою роль пассивного наблюдателя в этой жизни. В одном месте рассказа М. Горький дает символическое описание моря — Гулливера и людей-лилипутов, людей-рабов, возводящих на берегу преграды морю. Море — стихия и люди — стихия. «Эти серые маленькие черви, так источившие гору — то же самое, что и его капли, которые первыми идут на неприступные и холодные скалы берегов, в вечном стремлении моря расширить свои пределы, и первыми гибнут, разбиваясь о них». И далее М. Горький говорит о людях — рабах земли, которые всегда повиновались, вечно исполняя «великое и чудесное» и лишь «изредка возмущаясь против своих владык». И кончает словами, опущенными при последующих переизданиях рассказа: *«И улыбаясь спокойной улыбкой титана, сознавшего свою мощь, море овевало своим живописным дыханием титана, еще духовно слепого, порабощенного и жалко ковыряющего землю, вместо того, чтоб стремиться к родству с небом»*. С этим местом рассказа корреспондирует символический его финал, в котором М. Горький, смотря на затухающие угли в костре, говорит в раздумье: « — Так и все мы... Хоть бы разгореться ярче!». В этом же рассказе мы найдем образ сокола в героическом значении: Коновалов потрясен судь-

бой Степана Разина, чувствуя боль и гнев «пойманного триста лет тому назад вольного сокола».

В «Супругах Орловых» Григорий, попав на работу в бараки и почувствовав себя человеком, загорелся желанием дела, которое утвердило бы в нем это самочувствие. «Это было честолюбие, постепенно перерождавшееся в жажду бескорыстного подвига». «Горит у меня душа... Хочется ей простора... чтобы мог я развернуться во всю мою силу... Эхма! силу я в себе чувствую — необоримую». В нем «вспыхивало желание совершить какой-нибудь подвиг и поразить им всех». И М. Горький показывает, как, с одной стороны, «беспокойство в сердце» Орлова не позволило ему «помириться с буднями», зажить «серой жизнью полусытой бедности, кулацкой жизнью, всецело поглощенной погоней за грошом», и как, с другой стороны, в реальных условиях жизни из геройства Орлова ничего не вышло.

В «Бывших людях» Кувалда, как бы подводя итоги жизни «босяков» — пассивных людей, говорит знаменательные слова: «В критические моменты человек становится энергичнее... и если б жизнь, во всей ее совокупности, сделать сплошным критическим моментом, если б каждую секунду человек принужден был дрожать за целость своей башки... ей богу, жизнь была бы более живой, а люди более интересными».

В аллегорическом рассказе «Фарфоровая свинья»,[1] М. Горький вновь раскрывает «философию» мещанства, вполне укладывающегося в наличные текущие рамки жизни, и противопоставляет ему требование борьбы за иные формы жизни, требование работы над «расширением жизни». Персонажи рассказа — вещи на камине: фарфоровая свинья, часы, чортик из папье-маше, гипсовый бюст. Свинья рассуждает: «Люди ленивы — это так! Они потому и несчастны, что ленивы..., и потом — ведь они еще и глупы... А в сущности — так просто быть счастливым! Что такое счастье? Довольство собой... и ничто иное...» Свинья подробно развивает мысль о том, что главная основа жизни — хорошее питание, и что вслед за питанием место нужно отдать идеям, но идеям «простым», «здоровым», вроде: «личность должна быть свободна, но в разумных пределах». Надо придерживаться «земных» идей, а «о небесах самое лучшее совсем не говорить... дело в том, что никто из нас, иоркширских свиней, не видал их и, право, я не уверена в том, что они существуют...» «Однажды, впрочем, кто-то из наших видел в луже отражение чего-то... пустого... знаете — совершенно пустого — может быть, это и есть небеса?.. Если так, то какая в них польза?» Свинья гордится тем, что не имеет идей и не нуждается в них: «с нас довольно убеждения в том, что именно мы — соль земли и опора... э...

[1] Нижегородский листок, 1898, № 354, 25 декабря.

и вообще — опора, устои, так сказать, или — иначе — столпы...»[1] Часовая стрелка вступает в беседу и говорит о том, что за ней следует отражение того, что необходимо было совершить людям и что не совершено ими. Знаментальны дальнейшие слова о деяниях созревших, но ждущих своего свершения, слова, почти открыто говорящие о насущных общественно-политических делах в современности: «Жизнь идет к своей цели и требует деяний от людей, а люди, в плену своей лени, задерживают темп ее... Необходимые деяния уже созрели, но не свершены, ибо нет рук для работы дружной и святой, — для работы над расширением жизни... и отстают люди от жизни...»

Новое обращение к аллегорической форме, повторенное М. Горьким многократно в ряде рассказов этого времени, получило свое теоретическое оправдание в особой статье, посвященной аллегориям английской писательницы Оливии Шрейнер.[2] В этой статье М. Горький определяет то свое отношение к аллегории как особой художественно-выразительной форме рассказа, которое уже известно нам из его ранней литературной практики и которое предопределило выбор формы для образной трактовки идеи «Песни о Соколе». М. Горький считает, что аллегория — «трудная литературная форма, всегда стремящаяся изложить заранее предвзятую мысль, нравоучение в художественном образе», и что ее необходимость в литературе подтверждается фактом большого распространения за последнее время у писателей разных стран (Немоевский, Мария фон-Эшенбах, Стриндберг, Короленко, Мамин-Сибиряк и др.). Причину частого обращения писателей к этой форме М. Горький видит в том, что «в форме аллегории можно удобнее и проще сказать то, что хочешь», «аллегория позволяет быть схематичным». Есть огромные по замыслу темы, которые требуют исключительных талантов для своего раскрытия в художественном творчестве, «а в рамки аллегории можно уложить такую грандиозную тему, обрисовав ее, разумеется, легкими чертами и развивая ее механически, внешним штрихом, без психологии явлений, без того проникновения в душу, в суть их, которое и представляет собой собственно художественное творчество, являясь счастливым уделом единиц — гениев». По мысли М. Горького, «являясь трудной как форма, как работа, — аллегория очень удобна как одежда идеи, как вместилище ее. Под аллегорией можно ловко скрыть сатиру, колкость, смелую речь, в нее можно вложить огромное идейное содержание». В рецензируемой

---

[1] Ср. со следующими, выделенными нами курсивом, словами Ужа в «Песне о Соколе»: «Земли не зная, на ней тоскуя, они стремятся высоко в небо и ищут жизни в пустыне знойной. *Там только пусто.* Там много света, но *нет там пищи и нет опоры живому телу*».—Образ в «Фарфоровой свинье» тожествен с щедринской «торжествующей свиньей».

[2] Аллегории Оливии Шрейнер. — Нижегородский листок. 1899, № 348. 19 декабря.

М. Горьким книжке аллегорий О. Шрейнер он обратил внимание на те черты ее рассказов, которые считал наиболее ценными в аллегории вообще и над выражением которых он работал в собственном творчестве: «простота и ясность — вот первое внешнее достоинство ее маленьких рассказов; бодрость настроения и глубокая вера в силу человеческого духа — вот внутреннее значение ее аллегории». Характерно, что М. Горький замкнул статью следующим общим рассуждением об отношении к современности: «Наступление грядущего ускоряется движением людей навстречу ему. И чем живее, чем быстрее движение людей вперед — тем скорее свобода обнимет животворящим объятием своим».

Тему о современности М. Горький вновь затрагивает в аллегорическом рассказе «О чорте», где говорит еще раз, что «позорно жить такой гнусной, бездушной жизнью», и в рассказе «Еще о чорте». Сюжет рассказа, как известно, сводится к тому, что чорт вынимает из сердца обывателя Ивана Ивановича его мизерные страстишки. Эти страстишки, составляющие сущность обывателя, ничем не напоминают великих страстей «здоровых, крупных душ», страстей твердых сердец тех людей, «у кого чувства цельны и глубоко вросли в сердце». И М. Горький, обличая обывателя, приветствует искусство, которое говорит о человеке нужную ему правду, помогающую его возрождению: «Есть правда, которая нужна человеку, она обжигает с его сердца грязь и пошлость пламенем стыда, — да здравствует!»

Художественная практика М. Горького этих лет, глубокая идейная направленность его творчества и характер его оригинальных образно-стилевых средств получили свое теоретическое освещение в новом эстетическом трактате писателя, где он подвел итоги своему отношению к задачам и методам искусства в условиях современности. Это трактат — «Читатель» 1898 г. В нем М. Горький прежде всего говорит об общих мировоззренческих вопросах, явно соотнося их с политическими задачами дня: «Смысл жизни в красоте и силе стремления к целям, и нужно, чтобы каждый момент бытия имел свою высокую цель. Это было бы возможно... но не в старых рамках жизни, в которых всем так тесно и где нет свободы духу человека...» М. Горький показывает, каким выглядит человек в этих тесных рамках жизни, он гневно обрушивается на современный «хаос мерзости», на современного, приниженного тяготами жизни, бескрылого скептического человека, этого не «царя земли», а раба ее, преклонившегося перед фактами, перед явно несовершенными, несправедливыми общественными формами. «Из фактов, созданных им, он делает вывод и говорит себе: вот непременный закон! И подчиняясь этому закону, он не замечает, что ставит себе преграду на пути к свободному творчеству жизни, в борьбе за свое право ломать для того, чтобы создавать. Да он и не борется больше, а только приспособляется». Жалкий человек современности «растленен мер-

зостью жизни», «упал духом», «дремлет и превращается в животное», «его интерес к жизни низок, желание жить с достоинством в нем иссякает, он хочет жить просто, как свинья, и — вы слышите? — уже он нахально смеется, когда произносят слово идеал». И примиренческие, мещанские идеалы находят вновь в М. Горьком своего ожесточенного врага.

В этих условиях М. Горький решительно ставит вопрос о задачах текущей литературы. Писатель не должен «холодными и бессильными словами» «тихонько ворошить мелочи жизни», «описывать будничные чувства будничных людей», «рыться в мусоре буден» — это даст уму современников «много низких истин, но можешь ли ты создать для них хотя бы маленький возвышающий душу обман?» М. Горький противопоставляет этому необходимость «создать образы, которых нет в жизни, но которые необходимы для поучения ее»: «Все будни, будни, будничные люди, будничные мысли, события... Когда же будут говорить о духе смятенном и о необходимости возрождения духа? Где же призыв к творчеству жизни, где уроки мужества, где бодрые слова, окрыляющие душу?» Необходимо искусство, которое вызвало бы в человеке «мстительный стыд и жгучее желание создать иные формы бытия», «ускорить биение пульса жизни», «вдохнуть в нее энергию». Необходимо такое страстное и яркое слово писателя, которое возбудило бы в людях искренние чувства, — а ими, «как молотками, одни формы жизни должны быть разбиты и разрушены для того, чтобы создать другие, более свободные, на место тесных». Ведь «цель литературы — помогать человеку понимать себя самого, поднять его веру в себя и развить в нем стремление к истине, бороться с дурным в людях, уметь найти хорошее в них, возбуждать в их душах стыд, гнев, мужество, делать все это для того, чтоб люди стали благородно сильными и могли одухотворить свою жизнь святым духом красоты». М. Горький с восторгом говорит о замечательных художниках прошлого, о тех великих мастерах слова, которые одухотворялись «неукротимым стремлением к совершенству бытия», «глубокой верой в человека» и чьи образы должны быть примером для писателей современности. М. Горький страстно восклицает: «О, если б явился суровый и любящий человек с пламенным сердцем и могучим, всеобъемлющим умом! В духоте позорного молчания раздались бы вещие слова, как удары колокола, и, может быть, дрогнули бы презренные души живых мертвецов!...» Этому делу писателя должна помочь и новая форма искусства, романтическая форма художественного письма, появление которой М. Горький оправдывает такими словами: «Мы, кажется, снова хотим грез, красивых вымыслов, мечты и странностей, ибо жизнь, созданная нами, бедна красками, тускла, скучна! Действительность, которую мы когда-то так горячо хотели перестроить, сломала и смяла нас... Что же делать? Попробуем, быть может, вымысел и воображение по-

могут человеку подняться ненадолго над землей и снова высмотреть на ней свое место, потерянное им».

Новый литературно-эстетический трактат М. Горького по сравнению с предшествующими его эстетическими высказываниями не явился изложением какого-либо неожиданно нового поворота его взгляда на искусство, на роль его в современности. М. Горький здесь лишь ярко и страстно формулировал то, что определилось у него ранее и выражением чего были уже созданные им к этому времени образы, затронутые им темы, высказанные мысли. Но все эти мысли и чувства писателя в новых политических условиях приобрели большую концентрированную силу; они накалились неукротимой революционной энергией их носителя — живого и страстного практика жизни; они приобрели ярко-политическую и остро-злободневную окраску писателя-революционера.

М. Горький учел в полной мере то обстоятельство, что в бурных условиях напряженнейшей классовой борьбы, в годы решительных схваток с капитализмом и самодержавием литература, отражая явления жизни, превращается ходом вещей в призывный голос революции и в ее действенное орудие. М. Горький требует, чтобы темный, забитый читатель Ванька, зачитывавшийся низкосортной литературой, крикнул людям, отравляющим его всякой мерзостью: «не хочу мерзостей!», [1] — и, видя, что место Ваньки заступает новый читатель, сказал: «Вокруг нас закипает жизнь, пробуждаются новые сознания, возникают новые смелые запросы, нарождается новый человек, он же читатель пытливый и жадный до книги... Этот читатель требует ответа на коренные вопросы жизни и духа, он хочет знать где правда, где справедливость, где искать друзей, кто враг». [2] О революционной миссии писателя М. Горький еще раз скажет так: «Литература есть трибуна для всякого человека, имеющего в сердце горячее желание поведать людям о неустройстве жизни и о страданиях человеческих, о том, что надо уважать человека, и о необходимости для всех людей — свободы! свободы! свободы!» [3]

Приведенные суждения М. Горького конца 90-х годов непосредственно примыкают ко времени доработки писателем «Песни о Соколе» во второй редакции рассказа. Но в том же идейном направлении М. Горький продолжал высказываться и в следующие годы, еще острее определяя свои мысли, еще ближе связывая дело жизни и дело писателя. Многие из его образных сентенций имеют прямое совпадение с идейно-поэтическим содержанием рассказа-песни. В аллегорическом рассказе «Песни покойников» [4]

[1] Ванькина литература. — Нижегородский листок, 1899, № 56, 26 февраля.
[2] Тан. Чукотские рассказы. — Нижегородский листок, 1899, № 329, 30 ноября.
[3] Рассказ. — Северный курьер, 1899, № 14, 15 ноября.
[4] Нижегородский листок, 1900, № 1, 1 января.

М. Горький обличает современников, развивая мотив мести мертвых живым. В рассказе мы найдем образцы-понятия, текстуально совпадающие с образами в рассказе-песне. Мертвые тоскуют о жизни:

«Земля нас давит, шум жизни будит и вот ночами в тоске о жизни мы бьемся, бьемся на волю, к свету, к небу!..» [Мертвые предупреждают живых] «Живые! Послушайте мертвых — живите подальше от кладбищ! . Жизнь — область безумств благородных: быть может, — она — лишь дурная привычка, а может быть — подвиг, а может — недуг неизбежный... Но жизнь есть движенье! Жизнь — радуга мыслей, надежд, ощущений, желаний, догадок, побед, поражений! Иллюзии счастья ее украшают и в поисках счастья проходит она...»

В рассказе «О беспокойной книге»[1] М. Горький обличает психологию и поведение обывателя, используя прием отожествления с ним авторского «я» в форме монолога с самим собою:

— «Подумай-ка, подумай — зачем ты прожил сорок лет? Что ты внес в жизнь за это время? Ни одной свежей мысли не родилось в твоей голове, ни одного оригинального слова не сказал ты за эти сорок лет... Никогда твоя грудь не вмещала в себе здорового, сильного чувства... И всегда ты заботился только об удобствах жизни, о тепле, о сытости... Ничтожный, незаметный ты человек, лишний, не нужный никому. Ты умрешь, и — что останется после тебя? Как будто ты и не жил...»

И далее:

«Жизнь никогда не казалась мне особенно яркой, я смотрел на нее как на обязанность, которая вошла в мою привычку... А впрочем, вернее сказать, я никак не смотрел на нее... Жил и — все тут... Люди страдают, чего-то хотят, к чему-то стремятся, а ты служишь. . Чему ты служишь? Для чего? Какой смысл в этой службе? И сам ты не находишь в ней удовольствия, и другим ничего не дает она... Зачем ты живешь?..»

Неоднократно М. Горький указывал на «все ярче и ярче выступающие из хаоса жизни противоречия», на то, что буржуазию должна страшить «роковая логика событий»[2] или «логика фактов». Под «логикой фактов» он разумел неизбежность решительной борьбы за восстановление исконных прав свободного человека, утерянных им в социальном строе буржуазного общества. В этой борьбе за человеческое достоинство будут гибнуть люди, сильные и прямые, «но каждое паденье этих людей будет оставлять трещину в той стене, которою одни люди отгородились от других. Каждое падение будит чье-то сознание, возмущает чье-то человеческое достоинство».[3] Но сила высшей, социальной спра-

---

[1] Нижегородский листок, 1900, № 357, 29 декабря.

[2] Стихи К. Бальмонта и В. Брюсова. — Нижегородский листок, 1900, № 313, 14 ноября.

[3] Эдмонд Эстонье. «Жульен Дарто». — Нижегородский листок, 1900, № 261, 23 сентября.

ведливости все же восторжествует: «И все то, что унижает человека, низвергая его в грязь и как раба уродуя его, и все то, что мешает человеку жить согласно желаниям духа его, — все это падет перед силой справедливости, которая действует в жизни медленно, как дождь и ветер, уничтожающий высокие горы — но верно действует и — восторжествует!» [1]

М. Горький находит все новые и новые живые слова разоблачения того хилого и подлого «размагниченного интеллигента», который отошел от боя и предпочел укрыться в тихом застойном месте жизни: «он сидит в месте теплом, в месте уютном, окруженный милыми детками, и, разглядывая живые токи, творящие жизнь, сытенький и хитренький, скептически критикует их. — Это все не то! — говорит он. — Это не так как-то... Это, кажется, марксизм или декадентство... а может быть, ницшеанство, но только совсем не то... Его — мягкое железо — разъела ржавчина, и он живет спокойно... „применительно к подлости"». М. Горькому, изобличающему этих «размагниченных» и подленьких в сущности своей интеллигентов, ясно, что большинство из них, «не имея мужества искренно сознаться в совершенной утрате живой души», клевещет на жизнь, «усиленно пытаясь доказать то, что не он мертв, а сама-де жизнь остановилась и омертвела. Тогда как жизнь неустанно растет и вширь и вглубь, и нет сил, которые могли бы остановить рост ее». [2]

М. Горький отказывает таким «мертвым» интеллигентам и явным обывателям в праве говорить от лица жизни, представлять ее интересы, корректировать ее неумолчный ход:

> «Ну, много ли среди вас настоящих людей? Может быть, человек пять на тысячу найдется таких, которые страстно верят, что человек есть творец и владыка жизни, а право его свободно думать, говорить, ходить — святое право; может быть, только пять из тысячи способны бороться за это право и без страха погибнуть в борьбе за него. Большинство же из вас рабы жизни или наглые хозяева ее — и вы, вы — кроткие мещане, временно заступающие настоящих людей; то, что в вас есть человеческого, только зоологическое. Я вот смотрю в ваши тусклые и робкие глаза и со страхом вижу, как мало среди вас смелых, как мало честных! Бедна страна моя людьми смелыми, а уж вновь наступает время, когда ей нужны герои!» «Хороший, живой человек всегда куда-нибудь стремится, чего-нибудь ищет, а вы живете тихо, смирно, неподвижно — так, как приказали вам. Жить вам тесно, думать лень, двигаться вы боитесь. Вокруг вас, — точно у кокотки в гостиной, безделушки на полочках торчат, — полусгнившие традиции да разные житейские правила, ни к чему негодные. Все это мешает вам рукою шевельнуть, а вы не смеете низвергнуть их, хотя они как оковы вам. И когда ветер с поля приносит в затхлый воздух ваших нор новые свежие запахи — вы, опасаясь флюса в сердце, закрываете все форточки. Беспокойства не любите вы, беспокойство пугает вас!».

---

[1] Там же.

[2] О «размагниченном» интеллигенте. — Нижегородский листок, 1901, № 86, 30 марта.

Вина обывателя, по словам М. Горького, усугубляется и тем, что он останавливает слух детей своих на мелочах жизни, на ее пошлостях, и дети «тихо идут проторенными тропами, преждевременно старенькие, холодненькие, дрянненькие». «Идут они и ищут жизнь теплую, жизнь тихую, жизнь уютную, находят ее и существуют потихоньку, по примеру отцов».[1]

Весь круг приведенных суждений М. Горького в виде общественных и эстетических характеристик, образов, художественно-изобразительных формул и окрашивающая их определенно-революционная тональность говорят о том, что к концу 90-х годов М. Горький, в соответствии с насущными задачами политического дня и ходом освободительного движения пролетариата считал недостаточно действенным уже некогда найденные им словесные средства художественного воплощения волнующих его социальных идей, что он стремился найти новое, более энергичное и прямо воздействующее на читателя эмоциональное слово, что в его понимании искусство и писатель должны были непосредственно служить делу преобразования жизни, делу революции.[2] Под углом зрения этой общественно-политической и литературно-эстетической позиции он должен был доработать, доуглубить и свой рассказ-песню, переведя его из жанра лирико-обличительного в жанр лирико-героический в форме открытой художественной прокламации, революционной аллегории.

И совершенно закономерно, что в эти же годы М. Горький создает новую художественную прокламацию — «Песню о Буревестнике» (1901), которую можно рассматривать как дальнейшее творческое развитие центральных образов «Песни о Соколе» в образах-аналогах, как последующую, вызванную ходом политической борьбы пролетариата, художественно необычайно выразительную и политически открытую авторскую оценку расстановки классовых сил и классовой борьбы. Эти силы противопоставлены открыто: с одной стороны — буржуа, мещанин (пингвины, гагары), с дру-

---

[1] О писателе, который зазнался. — В книге: «М. Горький. Запрещенное», изд. Гуго Штейница, Берлин, 1902.

[2] Идеи М. Горького, вложенные им в эти годы в художественное и публицистическое искусство, питались огромной зарядкой жизненных чувств М. Горького — человека, М. Горького — реального борца, что видно из личных писем М. Горького того времени. Достаточно привести следующие слова М. Горького из письма к К. Пятницкому 1900 г., июль: «Какая вообще задача у литературы, искусства? Запечатлевать в красках, словах, в звуках, формах то, что есть в человеке наилучшего, красивого, честного, благородного... В частности, моя задача — пробуждать в человеке гордость самим собой, говорить ему о том, что он в жизни — самое лучшее, самое значительное, самое дорогое, святое и что, кроме него — нет ничего достойного внимания» (Горьковская коммуна, 1937, № 5, 6 января). Или слова из письма к В. Миролюбову (1901, декабрь), в котором М. Горький писал о необходимости иметь «силу и храбрость смело встать на защиту попранного властью человеческого права жить, свободно перестраивая порядки жизни» (см. письмо на стр. 45 настоящей книги).

гой — революционный пролетариат — «гордо реющий Буревестник», знаменующий собой бурю-революцию, а с ней и выход трудящихся к освобождению от эксплоататорской кабалы, к полному разностороннему своему развитию. [1]

М. Горький с самого начала своей художественной и публицистической деятельности начал с постановки идейных вопросов, разрешение которых в социалистической действительности явилось самым насущным делом пролетариата. Общественно-политические

---

[1] Возможно предположить, что к доработке своего произведения в указанном направлении М. Горький был стимулирован и таким внешним фактором, как критические отзывы о «Песне о Соколе». В нашем распоряжении нет отзывов интимной критики первых произведений М. Горького его друзей, к голосу которых он мог бы прислушаться. В неопубликованных письмах одного из издателей «Очерков и рассказов» М. Горького — С. П. Дороватовского мы находим лишь общие восторженные оценки, вроде: «могучие произведения». Или же в шутливой форме — по поводу предложения дать обложку цвета морской воды и слов М. Горького о возможном заключении читателя по такой обложке о «водянистом» содержании книжки: «но ведь вода-то морская с солью!..» — Рассказ-песня в первой редакции вызвал, по сравнению с другими произведениями М. Горького в «Очерках и рассказах», небольшое число критических откликов, но отзывы эти характерны тем, что в них не получила прямого и четкого отражения основная лирическая идея произведения: замысел автора не до конца был расшифрован критикой. Так, В. Поссе отметил, что «М. Горький тоскует, подобно любимым героям, но тоска его — деятельная, протестующая, тоска не от бессилья, а от избытка сил, не находящих себе разумного выхода», что «М. Горький любит могучие порывы за то, что они нарушают ненавистный ему самодовольный покой». Поссе не усмотрел в «Песне о Соколе», как и в рассказах «Макар Чудра» и «О Чиже, который лгал...» какой-либо определенной, положительной цели писателя, он нашел в них лишь — «стремление к подвигу ради подвига, поклонение силе как силе». И вывод критика, что М. Горький — «певец протестующей тоски», что М. Горький — «это живительный протест против скуки и покоя общинно-деревенской русской жизни», «реакция против славянской расплывчатости, мягкости и покорности» (Образование, 1898, № 11). — Примерно таким же образом определил идейную сущность произведений М. Горького другой критик — А. Басаргин. Он сказал, что М. Горький «скуп на разъяснение своих положительных идеалов» и что в этом существенный недостаток его «Очерков и рассказов». М. Горький, видите ли, «с несомненным и недюжинным талантом воссоздает дурную действительность, но во имя чего он признает ее дурною и во имя чего отрицает — это, повидимому, неясно и для него самого». Критик считал, что положительный идеал автора в его «Песне о Соколе» выражен «лишь символически» и что «в мечте о тоске» автора о «красивых и сильных» людях в «Старухе Изергиль» и «Песне о Соколе» «чувствуется смутный отголосок ницшеанского „сверхчеловека"» (Московские ведомости, 1898, № 286). — А. Басаргину вторил Н. Минский, который в качестве двух основных мотивов рассказов М. Горького отметил: «тоска жизни и жажда воли, — именно стихийной воли, а не разумной свободы» (Новости, 1898, № 135, 21 мая). — Положительной идейной направленности писателя не определил и Н. Михайловский, который в своем сочувственном отзыве о рассказах М. Горького настаивал на своеобразной жертвенности его героев. Михайловский отметил, что М. Горький создает людей и фантастические существа в своих рассказах по своему образу и подобию, «вкладывая в них нечто свое, задушевное». По характеристике Михайловского «Песня о Соколе» — аллегорический символ босячества, в горьковском понимании — людей вольнолюбивых и жадных к

тенденции М. Горького-художника и публициста определились в основных чертах еще в середине 90-х годов, в эпоху первых шагов рабочего движения, когда и была создана М. Горьким «Песня о Соколе» в первой редакции, лишь слегка приоткрывавшей политические свои мотивы. В дальнейшем, вместе с решительным взлетом революционной волны рабочего движения, вместе с ростом массовых стачек, вспыхнувших по всей стране, вместе с лозунгом политической свободы, выдвинутым вождями революции, М. Горький все чаще и категоричнее выступает с резкой критикой самодержавного строя, с яркой защитой интересов трудящихся, с самой энергичной поддержкой революционного пролетариата. К 1899 г., ко времени создания М. Горьким второй редакции «Песни о Соколе», совершенно отчетливо определилась позиция М. Горького как горячего трибуна революции, как художника, отражающего в своем многообразном творчестве ведущие идеи передового рабочего класса, освободительные его тенденции. Полновесным выражением этих идей и явилась новая обработка М. Горьким «Песни о Соколе». К 1900-м годам вполне определилась роль творчества М. Горького как выразителя устремлений пролетарских масс и примыкающей к ним интеллигенции. М. Горький — художник, с годами крепнувший в своем оригинальном мастерстве, к этому времени приобретший огромную известность, и

жизни и ради этой жадности не жалеющих о своей гибели. Сокол, как и другие образы М. Горького (Лойко Зобар, Радда, Чиж, Данко, Ларра) — образы босяков «идеальных», очищенных от житейской грязи. «Мы видим в них ту же „жадность жить"; то же стремление к ничем не ограниченной свободе; то же фатальное одиночество и отверженность, причем не легко установить, — отверженные они или отвергнувшие; ту же высокую самооценку и желание первенствовать, покорять...; то же тяготение к чему-нибудь чрезвычайному, пусть даже невозможному, за чем должна последовать гибель; ту же жажду наслаждения, соединенную с готовностью как причинить страдание, так и принять его; ту же неуловимость границы между наслаждением и страданием» (Русское богатство, 1898, № 10).

Этими немногими оценками и исчерпываются отзывы критиков о первой редакции «Песни о Соколе». Буржуазная критика как бы не замечала скрытого политического содержания произведения М. Горького, делала вид, что не понимает социального смысла активной направленности его творчества. Она явно игнорировала обличительную антибуржуазную часть рассказа и слабо реагировала на часть лирическую, возвышенную. Она делала вид, что художественный материал рассказа не позволяет говорить об отчетливых общественных позициях писателя. М. Горького не могло удовлетворить такое восприятие произведения критикой и в своей доработке рассказа он открыто и ярко сформулировал ведущую идейную его линию. Это тем уместнее было сделать, что хотя в критике и не было развернутых положительных суждений о героической теме рассказа, но из общего восторженного отношения критики и читателей разных лагерей о рассказах М. Горького в его сборниках можно все же сделать заключение, что рассказ-песня, в полном соответствии с оптимистическими и героическими темами в других произведениях М. Горького этого же времени, настраивал читателя на повышенный тон определенной направленностью своей символики, общим духоподъемным своим настроением. Это отношение было дорого М. Горькому-революционеру — и в новой работе над произведением он стремился усилить выражение своей идеи агитационной образной ее формой.

М. Горький — публицист, ставший на путь агитационного, памфлетного обсуждения животрепещущих вопросов дня, — стали символом крепнувшего революционного пролетариата.

Один из вопросов, который в конце 90-х годов имел огромное значение и многообразно обсуждался М. Горьким в эти годы в его художественных и статейных произведениях, был вопрос о врагах революции, о тех силах, которые задерживали ее приход и ослабляли волю пролетариата в борьбе. Этим врагом революции, этой реакционной силой, помимо самодержавия и капиталистов, было мещанство. Обычно под «мещанством» разумеется известный психологический и бытовой уклад мелкого буржуа, мелкого производителя, господствующего при системе товарного хозяйства, уклад, выражающийся в узости общественных взглядов, в оторванности от общих интересов коллектива, в эгоистическом стремлении к личному благополучию, в ярком проявлении собственнических инстинктов. Мощный пласт экономического и бытового мещанства в России второй половины XIX в., сложившийся преимущественно из мелких крестьянских производителей, в годы интенсивного развития капитализма являлся огромным препятствием на пути роста рабочего революционного движения. В период острых капиталистических кризисов, в разгар революционной борьбы, направленной на подготовку к сильнейшему штурму самодержавия в 1905 г., мещанство, знаменуя собой реакционное течение общественной жизни и политической мысли, — поскольку оно всегда боролось за сохранение своего положения как мелкой буржуазии, — явилось ближайшим, необычайно разнообразным и многоликим врагом, стоящим на пути свободного развития России и политического освобождения пролетариата. Обличению этого мещанства М. Горький посвятил многие страстные страницы своих художественных произведений предреволюционной поры. М. Горький неустанно клеймил психологию мещанина, обнажал его реакционные идейные корни, его связь со всем буржуазным укладом общества и тем самым вел неуклонную борьбу за нового, свободного человека.

В силу особенностей своего художественного творчества и по цензурным условиям того времени М. Горький неоднократно прибегал в своих произведениях к такой системе образов, в которой революционные идеи пролетариата воплощались в аллегорической форме, а условные персонажи символизировали социальные и общественные группировки предреволюционной эпохи; М. Горький работал над образами-символами, в которых должна была получить обобщенное свое выражение оценка предстоящей классовой борьбы и расстановки классовых сил в напряженной политической атмосфере эпохи. Одна сила — капитализм, колеблющийся мелкий буржуа, мещанин, довольствующийся своим бытием, примиряющийся с социальными противоречиями в общественной действительности, противоборствующий попыткам решительного пе-

релома в социальных отношениях и во всей политической обстановке. Другая сила — крепнущий революционный пролетариат, революционная мысль в сочетании с действенной практикой, мысль, которая ломает традиционные формы общественной жизни, бичует мещанские идеалы современности, выступает с лозунгом политической свободы, завоевывает политические права, освобождает личность от экономической кабалы, указывает ей путь к разностороннему своему развитию.

Образом реакционной силы эпохи, типичного мещанина, узкого обывателя является Уж в «Песне о Соколе». Он довольствуется настоящей жизнью, где ему «тепло и сыро», он удовлетворен укоренившимися социальными формами и ему не нужна борьба за другие формы общественной жизни; он даже не понимает смысла самой борьбы, «безумства желаний» решительного преодоления жизни. Его правда — узкая правда «земного» человека, целиком принявшего те условия жизни, которые сложились исторически, укрепились традицией и узаконили кричащие социальные противоречия. Это та правда, которая, по словам Чижа («О Чиже...»), «камнем ложится на крылья». Земли творенье — землей живу я», — говорит о себе Уж, признав власть над собой им же созданных, но не всеми признаваемых, явно несовершенных общественных форм, — и он отказывается от какой бы то ни было радикальной перемены в этом строе жизни.

Но в современности назревали новые, живые силы, противостоящие этим тусклым, безжизненным обывателям, их консервативным привычкам, силы, долженствующие разрушить старое потрескавшееся здание жизни, — люди прямые, бесстрашные, до конца преданные делу революции. Об этих людях, призванных ходом истории преобразовать жизнь, М. Горький убежденно и настойчиво говорит в эти годы в своих статьях, прообразы их даны им в ряде персонажей его рассказов. Их революционную направленность М. Горький символизирует ведущими образами Сокола и Буревестника.

Сокол символизирует собой мятежных революционных людей, бесстрашно рвущихся в бой — погибнуть или победить — за лучшее, социалистическое будущее. Сокол погибает, — как гибли многие сотни революционных деятелей в годы решительной схватки с царизмом, — но дело его остается все же победным, ибо подвиг его зажигал сердце других смелых бойцов волей к окончательной победе за политическую свободу. Силой своих образов М. Горький убеждал в том, что окружающий кошмар жизни не может быть вечным, что свободная жизнь может и должна существовать, но ее условием прежде всего является борьба, борьба непреклонная и неустанная, что если на пути к победе погибнут одни товарищи, то на смену им придут другие, — и так до победного конца, который сметет общественные условия и классовые отно-

шения при буржуазно-капиталистическом строе, погубившие смелых бойцов.

Образы Сокола и Буревестника явились полновесным раскрытием в поэтическом слове ведущей, активной силы в борьбе за политическое освобождение рабочего класса, художественным показом поведения того революционного авангарда, который, обладая изумительной энергией борьбы, вел с величайшим упорством и величайшим самопожертвованием пролетариат к победам.

Отразив в своем творчестве передовые идеи этого времени, М. Горький оказал величайшую помощь историческому делу пролетариата. Побуждая массы к революционной борьбе, агитируя за нее, воспевая радость решительной схватки с врагом, — М. Горький прямым образом служил делу освобождения пролетариата, ибо, по словам Ленина, — «Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю».[1] Вот почему образ горьковского сокола стал в досоветские годы образом высокой революционной патетики, популярнейшим образом революционно-поэтической символики в боевой партийной публицистике и в устных общественно-политических выступлениях, — стал образом нарицательным. Много лет спустя М. Горький вспоминает, что «начал свою работу возбудителя революционного настроения славой безумству храбрых». И когда в 1920 г. М. Горький дал свой первый литературный портрет В. И. Ленина, «человека, который имел бесстрашие начать процесс общеевропейской социальной революции в стране, где 85% крестьян хотят быть сытенькими буржуа — не больше этого», в стране, где «бесстрашие многие считают безумием», он сказал: «Я снова пою славу священному безумству храбрых. Из них же Владимир Ленин — первый и самый безумный».[2]

Но произведения М. Горького не явились простым, как бы бесстрастным отражением в литературе того, что совершалось в общественной деятельности. В них кипит живым ключом гневная мысль художника-обличителя, в них слышен страстный голос художника-агитатора, защитника прав нового человека, в них бьется горячее сердце преданнейшего друга революционного пролетариата. Это были художественные политические прокламации высокого агитационного значения, сильнейшее орудие мобилизации революционных сил и революционного перевоспитания масс. Выразить высокие идеи и пафос социальных чувств М. Горькому помог прием своеобразной романтизации явлений, разработанный им метод художественного «вымысла» и «воображения». Впослед-

---

[1] Сочинения, т. XIX, изд. 2-е, стр. 347.

[2] Владимир Ильич Ленин. — Коммунистический Интернационал, 1920. № 12, стлб. 1936.

ствии М. Горький скажет, что на этот путь он стал «по силе давления „томительно бедной жизни“», пытаясь «внести в „бедную“ жизнь такие „вымыслы“, как „Сказка о соколе и уже“, „Легенда о горящем сердце“, „Буревестник“». [1] По замыслу М. Горького, им не однажды обоснованному, его «вымыслы», его поэтическая «ложь» не должны были скрывать от человека правду жизни, уводить его из земной борьбы в «царство грезы» или проповедывать отрешение от обыденной суеты во имя бездейственного созерцания мира, или нищую, немощную, пассивную личность питать анархическими, антиобщественными идеями. В момент обостренных социально-политических конфликтов на подступах к решительным классовым боям М. Горький как полновесный выразитель интересов передового пролетариата должен был отвергнуть буржуазный реализм, либо лакирующий социальную действительность, не выявляющий ее глубоких противоречий, либо в тоне своего пессимизма искажающий действительность, закрывающий пути выхода из нее. М. Горький не мог довольствоваться и критическим реализмом лучших представителей русской и мировой литературы, ибо политические задачи эпохи и социальная обстановка проистекающих событий требовали немедленного, как бы оперативного вмешательства художественным словом в дело формирования просыпающегося революционного сознания. [2] Вот почему М. Горький стал на путь горячей полемики в литературе с теми писателями-реалистами, которые не видели всей правды в сложных формах нарождающейся новой действительности, не хотели или не могли вдохновлять на классовую борьбу живые силы в этой действительности.

Романтизм молодого М. Горького не был «ложью» против основ социальной жизни, не был субъективным ее идеализированием, в котором искажалась бы объективная картина классовых группировок современной социальной действительности. Его ро-

---

[1] О том, как я учился писать (1928). — В сборнике: М. Горький. «О литературе», Изд. «Советский писатель», М., 1937, стр. 205.

[2] О познавательной силе и организующей революционное сознание роли художественных образов в эти годы свидетельствует их частое использование в выступлениях публицистов-большевиков. Так, в работе Ленина «Что делать» мы найдем такое, условно говоря, поэтическое место: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения» (Сочинения, т. IV, стр. 368—369). Или в статье Ленина «Начало демонстраций» — по поводу нижегородских проводов М. Горького в 1901 г.: «Когда здесь и там начинают вспыхивать огоньки народного возмущения и открытой борьбы, — всего прежде и всего более нужен сильный приток свежего воздуха, чтобы эти огоньки могли разгореться в широкое пламя!» (Сочинения, т. IV, стр. 347).

мантизм был «правдой» молодого рабочего класса, осознавшего необходимость борьбы с жестокими силами жизни, с ее кричащими социальными противоречиями. Это тот романтизм, который, по определению М. Горького, «обычно предшествует революции», «неизбежен и законен в эпоху здорового духовного подъема». Направленный на революционное преодоление — в художественных образах с высокой идейной целеустремленностью — современной социальной действительности и служа целям непосредственной борьбы пролетариата, метод М. Горького в этом его виде может быть определен как р е в о л ю ц и о н н ы й р о м а н т и з м. Романтизм раннего М. Горького — это проповедь активного отношения к действительности, мятеж против всяческого гнета ее, ненависть к старому миру, в то же время, — это воспитание воли человека к жизни, героизм и пафос революции. Наличие в поэтическом стиле молодого М. Горького большого ряда «вымыслов», легендарных, фантастических образов, лирически приподнятых, широко раскрытых для проявления ярких оптимистических чувств, свидетельствует об увлечении пролетариата более совершенными образами жизни, которое можно было противопоставить окружающему кромешному ужасу социального неравенства и обывательщины. Роль для пролетариата этого влечения к фантастике К. Маркс в «Манифесте коммунистической партии» определил такими словами: «Фантастическое описание будущего общества является в свет в то время, когда пролетариат находится еще в очень неразвитом состоянии и представляет себе свое положение еще совершенно фантастически, оно возникает из его первого, полного предчувствия, порыва к всеобщему преобразованию общества». [1]

Историческая роль и бессмертная заслуга М. Горького в том, что он отразил в полном объеме это стремление пролетариата к «всеобщему преобразованию общества», что в романтическом содержании и в романтической форме его замечательных произведений показаны реальные стороны борьбы рабочего класса и дано страстное ощущение грядущих социальных форм.

8

Замысел М. Горького ясен. Идейная зависимость общественного сознания писателя от передовых стремлений своего времени очевидна, как очевидно и то, что идейно-поэтическую тему писатель выразил в оригинальной и сильной художественной форме. Остается ответить на вопрос — как в исторических условиях времени своего возникновения выполнило произведение М. Горького свое

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. V, стр. 510—511.

прямое назначение, дошла ли идея писателя в очертаниях, им намеченных, до сознания читателя, чье внимание хотел возбудить писатель, чье пробудившееся сознание было ему близко, чьим мнением он дорожил? Вызвали ли слова произведения, по слову писателя, «налитые живым соком сердца», то прямое желание «преобразовать жизнь», которое М. Горький считал первейшим делом своей современности, времени исключительно знаменательного в истории рабочего освободительного движения. На этот вопрос нам дадут ответ реальные факты в исторических рамках начала 1900-х годов.

По многочисленным свидетельствам современников, «Песня о Соколе» и написанная вскоре «Песня о Буревестнике» были восприняты читателями как захватывающий революционный призыв.

Первая публикация «Песни о Соколе» в новой редакции была устная: сам автор неоднократно читал свое произведение перед публикой.[1] Так, зимой 1898 г. М. Горький читал «Песню о Соколе» рабочим фабрики Кувшиновой в Твери, когда гостил у своего друга Н. В. Васильева.[2] 21 октября 1899 г. М. Горький читал «Песню о Соколе» и «Однажды осенью» на вокально-музыкальном вечере в Петербурге. В газетном отзыве об этом чтении были, однако, приведены заключительные слова «Песни» в ее первой редакции в тексте 1898 г. Возможно, что рецензент, желая быть точным, воспроизвел приводимые слова «Песни» не напамять, а взяв их из имевшегося у него первого издания «Очерков и рассказов».[3]

4 декабря 1899 г. М. Горький читал «Песню о Соколе» вместе с другими своими произведениями («Старуха Изергиль», «Читатель») на литературно-музыкальном вечере в пользу Общества взаимного вспомоществования учащимся и учащим в г. Смо-

---

[1] Работа М. Горького над второй редакцией «Песни о Соколе» для второго издания «Очерков и рассказов» датируется такими данными. Второе издание «Очерков» было задумано С. Дороватовским в феврале 1899 г. М. Горький 15 февраля ответил письмом С. Дороватовскому, что «книжки нуждаются в очень тщательном просмотре», и просил подождать с переизданием месяца два, так как занят работой над повестью. 7 мая С. Дороватовский вновь писал М. Горькому, что одновременно с III томом «Очерков» «можно выпустить второе издание I и II тт., если Вы его пересмотрите». В мае М. Горький ответил, что «первые тома вы скоро получите — через неделю, не более, я думаю». Но 28 мая С. Дороватовский вновь писал: «Очень многие требуют I—II тт.... Не можете ли Вы ускорить пересмотр I и II тт.» М. Горький ответил: «Пришлю книжки в июне». В июне М. Горький писал: «Нет больше скучного занятия, — чем исправление своих грехов! И как это трудно!» Следовательно, основная работа М. Горького по переделке рассказов в «Очерках», а с ними и над «Песней о Соколе», падает на этот месяц. К 10 августа т. I «Очерков» был уже сброшюрован.

[2] Т. Богданов. А. М. Горький на Каменке. — Пролетарская Правда (Калинин), 1937, № 150, 3 июля.

[3] Львов. На литературном вечере. — Одесские новости, 1899, № 4782.

ленске. По словам газеты, чтение «Песни» — «глубоко поэтической статьи» — произвело «особенно сильное впечатление на публику». [1]

Тотчас же после появления в печати «Песня о Соколе» была живо воспринята революционными кругами общества. Ее слова звучали «как призывный набат, бодрили, будоражили, звали к борьбе и подвигам». [2] Горький в эти годы был признан всей революционной общественностью как «борец за свободу человеческой личности», [3] как «талантливый выразитель протестующей массы», [4] как «представитель демократии великого свободного русского народа, который начинает просыпаться от своей вековечной спячки». [5] Впервые в 1901 г. В. И. Ленин определил М. Горького как «европейски знаменитого писателя», все оружие которого состояло в свободном слове. [6] Современники горячо полюбили М. Горького «за тот живой, бодрый, как бы зовущий к свободе дух, которым проникнуты все его произведения». [7] Примечателен текст адреса молодежи, прочитанный от лица высланных студентов и курсисток и части местной интеллигенции на банкете по случаю отъезда М. Горького из Н.-Новгорода весной 1901 г.:

«...Больше всего ценим Вас за идеи, красной нитью проходящие через все Ваши произведения: мощное прославление свободной, смелой личности, отражающей все условности, стесняющие ее развитие, могучий призыв к открытой и смелой борьбе за свободу. Но и это прославление и этот призыв привлекают нас не столько красотой формы, сколько ясностью и определенностью, которые не допускают никаких колебаний и которые кажутся нам так необходимыми. Ваше могучее слово особенно нужно теперь, когда человеческая личность все более и более подавляется растущей наглостью темных сил, когда реакция все усиливается, когда открытая борьба и смелость становятся необходимыми. Да! в наше время странно восхищаться Вашими идеями и проповедывать и „благоразумие и постепенность", непоследовательно отзываться на Ваш призыв „к свободе и к свету" и оставаться в бездействии тогда, когда сажают по тюрьмам всех, кто не мирится с гнетом и протестует против тьмы. Мы благодарны Вам за Вашу песнь „безумству храбрых", так как в ней мы черпаем силы, в ней мы видим оружие против тех, кто называет смелость безумной... Наступает новая эпоха в русской жизни: смелость и откровенность становятся необходимыми, и мы считаем Вас самым ярким ее представителем, самым талантливым ее провозвестником. Мы не забудем, что Вы дали лозунг, который помог и поможет нам бороться с нашими врагами и разобраться в наших друзьях». [8]

---

[1] Русские ведомости, 1899, № 344, 13 декабря.
[2] Красная новь, 1929, май, стр. 201 и отд. изд.
[3] Из нижегородской прокламации «В верхней чертежной 3-го курса», 7 ноября 1901 г. — Новый мир, 1928, кн. III, стр. 203.
[4] Искра, 1902, № 19, 1 апреля.
[5] Из анонимного письма, перлюстрированного Департаментом полиции. — Новый мир, 1928, кн. III, стр. 197.
[6] Сочинения, т. IV, стр. 345.
[7] Из слов оратора на демонстрации в Н.-Новгороде по поводу высылки М. Горького. — Искра, 1901, № 13, 20 декабря.
[8] Искра, 1902, № 15, 15 января, «Из нашей общественной жизни», стр. 5—6.

В другом адресе, преподнесенном тогда же М. Горькому, было сказано:

Когда повсюду нависли тучи
И чуть видна лишь черта рассвета,
Твой голос, сокол, звенит набатом.
В угрюмой ночи не дай уснуть нам,
Буди нас криком,
Уж час рассвета, быть может, близок![1]

«Песня о Соколе» стала популярнейшим произведением, часто читаемым в годы 1901—1903 с эстрады,[2] непрерывно цитируемым, вызывающим подражания,[3] пародии.[4]

Высокое агитационное значение «Песни о Соколе» видно из случаев неоднократного использования образов песни в прокламациях тех лет. Так, рижская прокламация 1901 г. «Суд присяжных для Карповича» — революционера, казнившего министра Боголепова, заканчивалась словами из «Песни о Соколе».[5]

В августе 1903 г. Бакинским комитетом с.-д. Рабочего Союза была выпущена прокламация по случаю зверского убийства тюремной администрацией замечательного большевика Ладо Кецховели, одного из лучших друзей товарища Сталина.[6] Эпиграфом к прокламации были взяты строки из «Песни о Соколе»: «О смелый Сокол, в борьбе с врагами истек ты кровью».[7] Тифлисское литературное бюро большевиков по случаю убийства в Баку по-

---

[1] Р. Пересветлов. Музей А. М. Горького. — Красная новь, 1938, № 3, стр. 242.

[2] В. Кондратьев. Вечно юная... — Полярная звезда (Мурманск), 1937, № 139, 18 июня.

[3] В одной из песен Скитальца 1902 г. поется о побежденном человеке-птице, крылья которого разбил «грозной молнии луч»:

«Но не жаль мне, что к солнцу я гордо стремился,
Что на крыльях орлиных недолго парил.
Пусть о твердые скалы я в бурю разбился: —
Только миг — но я жил!»

См. сб. «Литературное дело», П., 1902, стр. 32.

[4] В Архиве А. М. Горького хранится рукописный текст пародийной «Песни о Соколе» анонимного автора. В ней описывается любовь голубки к голубя, которого заклевывает внезапно низринувший с выси сокол. «Закон предвечный: да здравствуй сильный, погибни слабый... Всесилен сокол и гордой мощью он жрет спокойно: в своем он праве, и как прекрасен: могуч и грозен...» Голубка, полная восторга пред храбростью сокола, предлагает себя ему в жены. После любовной неги сокол почувствовал голод и съел голубку. Конец текста: «А соколиха к нему навстречу неслась стрелою. Про шашни мужа она прознала и в гневе правом к нему спешила. Слетелись оба, и грудью мощной, как булавою, его сразила. Залился кровью наш сокол грозный и ринул в бездну, к ужу в соседство... Что было дальше, сказал то Горький». М. Горький приложил текст этого пародийного произведения к письму к К. Пятницкому от 26 апреля 1903 г. со своей припиской: «Прилагаемое сочинение прислано мне в конверте с бланком «Рус[ского] Богат[ства]. Спрячьте».

[5] См. указание в «Листке Рабочего дела», 1901, № 6, апрель.

[6] Л. Берия. Ладо Кецховели. — Правда, 1937, № 189, 11 июля, стр. 3.

[7] См. фотоснимок с прокламации на стр. 262 настоящей книги.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ТОВАРИЩЪ.

„О смѣлый соколъ, въ борьбѣ съ врагами жестокъ ты кровью"...

Въ тифлисской тюрьмѣ застрѣлили Владимира Кицховели (Ладо). Подробности этого подлаго убійства пока не извѣстны. Въ лицѣ убитаго наша партія потеряла одного изъ самыхъ видныхъ и горячихъ борцовъ за дѣло рабочаго класса.

Владиміръ вступилъ въ ряды борцовъ въ самое тяжелое время, когда весь русскій рабочій классъ, казалось, спалъ непробуднымъ сномъ и борьба съ правительствомъ велась лишь отдѣльными лицами изъ рабочихъ и интеллигенціи. Это было десять лѣтъ тому назадъ. Тогда Владиміръ, совсѣмъ еще юноша, былъ исключенъ изъ Тифлисской Семинаріи за участіе въ безпорядкахъ. Онъ уѣхалъ въ Россію, гдѣ и провелъ около двухъ лѣтъ. Въ этотъ періодъ окончательно и прочно сложился умственный укладъ Владиміра: борьба, борьба безпощадная съ произволомъ и гнуснымъ самодержавнымъ правительствомъ. Первые стычки рабочихъ съ правительствомъ и капиталистами заставили радостно забиться его сердце. Въ нихъ онъ слышалъ раскаты надвигающейся бури, которая разнететъ гнетъ насилія и безправія.

И онъ торопится на родину, гдѣ такъ нужны борцы, такъ необходимо пробужденіе вѣры въ паденіе гнета и рабскихъ цѣпей.

Тифлисъ его порадовалъ. Вмѣсто кучки работающихъ интеллигентовъ, которую онъ оставилъ, появились сотни и тысячи мужественныхъ борцовъ изъ рабочаго класса. И не робкія малочисленныя кружки, собирающіеся въ полночь по глухимъ закоулкамъ Тифлиса, увидалъ онъ здѣсь, а громадныя арміи рабочихъ, смѣло и со знаменами въ рукахъ на людныхъ площадяхъ и улицахъ заявляющихъ свои требованія на человѣческую жизнь. Со всей страстью своей благородной и боевой натуры отдался Владиміръ святому и великому дѣлу борьбы. Но скоро онъ былъ замѣченъ врагами и принужденъ былъ перейти на нелегальное положеніе, жить подъ чужимъ именемъ.

Пять лѣтъ онъ прожилъ такимъ образомъ на Кавказѣ, скрываясь подъ разными именами то въ Тифлисѣ, то въ Баку, то въ Батумѣ, то въ какой нибудь глухой деревушкѣ. За это время онъ не зналъ личной жизни. Не зная усталости и отдыха, Владиміръ (или Ладо, какъ его называли) провелъ это время въ напряженной работѣ и неустанной борьбѣ за интересы трудящихся. То онъ работаетъ въ кружкѣ рабочихъ, то организуетъ огромную стачку въ Тифлисѣ, то гдѣ нибудь въ глуши Озургетскаго уѣзда призываетъ крестьянъ сбросить съ себя ярмо господскаго деспотизма и прижкнуть къ борющемуся пролетаріату, то, наконецъ, при самыхъ невозможныхъ условіяхъ работаетъ днемъ и ночью за ручнымъ типографскимъ станкомъ, печатая книжки для рабочихъ и крестьянъ.

Много, товарищи, мы могли бы разсказать вамъ объ изумительной дѣятельности этого благороднаго бойца, но должны отложить это до болѣе счастливаго времени. Слишкомъ много лицъ и интересовъ съ нимъ связано, и подробный разсказъ о его жизни повредилъ бы тому дѣлу, за которое Ладо отдалъ свою жизнь.

Но одно должны сказать вамъ: изъ рядовъ вашихъ выбылъ одинъ изъ смѣлыхъ и сильныхъ работниковъ, человѣкъ, отдавшій дорогому дѣлу всѣ, что можетъ отдать человѣкъ: свое счастіе, свою силу, свою жизнь.

И лучшимъ памятникомъ и наградой такихъ борцовъ является отчаянная борьба съ тѣмъ самодержавіемъ, которое ихъ убило, съ тѣмъ дикимъ произволомъ, который отнимаетъ у насъ нашихъ лучшихъ друзей.

Мы надѣемся, товарищи, что воспоминаніе объ убитомъ другѣ будетъ прочно въ нашей памяти. И это еще больше укрѣпитъ нашу вѣру въ близкое торжество святого дѣла, вѣру, что:

СЪ КАЖДОЙ СМЕРТЬЮ ВЕЛИКОЙ БОРЦА

ПРИБЛИЖАЕМСЯ КЪ ЦѢЛИ ЖЕЛАННОЙ!..

ДОЛОЙ ПАЛАЧЕЙ И ИНКВИЗИТОРОВЪ!

ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВІЕ!

25 августа 1903 г.

Бак. Комитетъ Кавказск. Соц.-Дем. Раб. Союза.

ТИПОГРАФІЯ БАКИНСКАГО КОМИТЕТА.

Прокламация Бакинского комитета Кавказского социал-демократического рабочего союза. 25 августа 1903 г.

лицейскими властями Вано Инцкривели (партийная кличка «Степко») выпустило прокламацию с эпиграфом «Безумству храбрых поем мы песню». В конце прокламации цитировался конец «Песни о Соколе» со слов «О, смелый сокол! В бою с врагами истек ты кровью...» [1]

И совершенно закономерен тот факт, что в период ожесточенной борьбы народов России против гнета царизма одним из первых произведений М. Горького, переведенных на национальные языки, явилась «Песня о Соколе». [2]

В свете этих данных вполне справедливы слова Е. Ярославского, который в одной из своих статей-воспоминаний о М. Горьком сказал: «Нет никакого сомнения в том, что воззвания Горького и его пламенные боевые песни „Буревестник", „Песня о Соколе" имели не меньшее воздействие на массы, чем прокламации отдельных революционных комитетов партийной организации;

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

„Безумству храбрых поем мы песню".

М. Горький.

Товарищи!

Прокламация Тифлисского литературного бюро большевиков.

[1] См. фотоснимок с прокламации на этой странице.

[2] «Песня о Соколе» была первым произведением М. Горького, переведенным на армянский язык в 1899 г. и в следующие годы вновь неоднократно переводимым. Известны переводы: Л. Туманяна в журнале «Мурч» (Молот), 1890, № 4—5; Т. Ованесяна в газете «Мшак» (Труженик), 1900, № 82; Т. В. в журнале «Луна» (Лепта), 1902, № 3. «Песня о Соколе» была переведена также и на грузинский язык ранее других произведений М. Горького (в 1903 г.)

да и сами партийные организации нередко издавали горьковские воззвания и распространяли их широко в массах».[1]

Оценка Е. Ярославского вполне подтверждается другими мемуарными данными. П. А. Заломов — прототип Павла Власова в повести «Мать» — вспоминает:

> «Во время революционного подполья мы — революционные марксисты рабочие — на вес золота ценили ту легальную литературу, с помощью которой возможно было воспитывать чувство протеста, чувство ненависти к господству царя, помещиков, капиталистов... Произведения Алексея Максимовича Горького имели для нас огромную ценность. В художественной форме они воспевали великодушие, отвагу, самоотверженность, гордое чувство человеческого достоинства, прямоту, честность...»

П. Заломов называет «Сердце Данко», «Песнь о Буревестнике», «Песнь о Соколе»:

> «Песня о Соколе» была для нас ценнее десятков прокламаций. Мы изумлялись глупости царской цензуры, пропустившей ее. Разве только мертвый, или неизмеримо низкий и трусливый раб мог от нее не проснуться, не загореться гневом и жаждой борьбы. Мы разъясняли, что смелый сокол — это революционный пролетариат. Врагом сокола является двуглавый орел, олицетворяющий власть царя, помещиков и капиталистов. Уж — это подлые и низкие мещане, которые за жалкие подачки верой и правдой служат царю, помещикам и капиталистам».[2]

И в другом своем воспоминании П. Заломов сказал: «Мы, старые рабочие, видевшие начало марксистского движения на фабриках и заводах, были революционными романтиками. „Песня о Соколе“ звучала для нас, как боевая труба, вызывала слезы восторга».[3] И здесь же он вспомнил о первом своем знакомстве с М. Горьким в 1905 г. на его даче в Куоккале: «Я сказал ему, что люблю „Песню о Соколе“ и загорожу его в бою своей грудью. Он ответил: „Я тоже загорожу вас своей грудью в бою“».

По воспоминаниям старых агитаторов: «„Песня о Буревестнике“ и „Песня о Соколе“ служили излюбленным материалом для выступлений тогдашних агитаторов и пропагандистов, сторонников ленинской „Искры“. Наши агитаторы и пропагандисты умело проводили сравнения между ленинским „Что делать“ и горьковской „Песней о Соколе“».[4]

Ф. Кон вспоминал:

> «Горький не знал и, к несчастью, уже не узнает, какую роль сыграли для ссыльных его бодрые революционные призывы. Люди очнулись,

---

[1] Е. Ярославский. Путь пролетарского писателя в подполье. — Сб. «Революционный путь М. Горького». Центрархив. ГИХЛ, 1933, стр. 10.

[2] Наш бессмертный М. Горький. — Молодая гвардия (Курск), 1938, № 43, 28 марта.

[3] Мои встречи с М. Горьким. — Литературная газета, 1937, № 51, 20 сентября.

[4] И. Колосов. Партийная агитация и пропаганда и Максим Горький (Воспоминания старого агитатора). — Удмуртская правда (Ижевск), 1937, № 138, 18 июня.

ободрились... „Рожденный ползать — летать не может", — подчеркивал Горький... „Летать рожденный — ползать не может", — ободряли себя ссыльные. Луч света проник в мрак реакции. Никакой историк никогда не учтет, сколько сосланных в морозную Якутскую область были в то время спасены Горьким от отчаяния, а может быть, — и от разложения». [1]

Революционное воздействие «Песни о Соколе» проверяется фактом непрерывного «беспокойства» царских цензурных органов по поводу существования агитационного произведения М. Горького. Так, в переводах «Песня о Соколе» запрещалась цензурой неоднократно. 12 ноября 1902 г. Варшавский цензурный комитет запретил сборник «W stepie. Piesn o sokole. Czolkarz» (Перевод B...é. Krakow-Warszawa, 1902) на том основании, что в рассказе М. Горького заключена аллегорическая идеализация революции. [2]

В 1903 г. был запрещен перевод «Песни» на армянский язык Л. Туманяна. [3] В докладе цензора армянских изданий Драгомирецкого было сказано: «В виду тенденциозного содержания этого сочинения, неоднократно запрещенного цензурою, цензирующий не признает возможным дозволить названную рукопись к печати. Армянский текст ее есть дословный перевод русского подлинника». Следует отметить, что текст «Песни» в обеих редакциях русскою цензурою не запрещался. Видимо, цензор в данном случае имеет в виду не горьковский текст «Песни», а анонимную его обработку, изданную за границей, охарактеризованную нами на стр. 172 настоящей работы, с которой, вероятно, и был сделан перевод на армянский язык.

В 1906 г. была запрещена брошюра «Стихотворения М. Горького», в которую кроме «Весенних мелодий» (=«Песня о Буревестнике») входила «Песня о Соколе», причем запрещение мотивировалось ст. 129 уголовного уложения, каравшей за возбуждение «к учинению бунтовщического или изменнического деяния», к ниспровержению существующего в государстве общественного строя, а также к неповиновению или противодействию закону. [4]

В 1903 г. было запрещено издание «М. Горький. Революционные песни и баллады» (изд. Н. Рэдэ, Берлин, 1903), куда вошел не-горьковский текст «Песни о Соколе», на том основании, что в «Песне» дана аллегория борьбы за свободу против высшей власти. [5]

И в следующие годы истории борьбы с самодержавием «Песня о Соколе» продолжала воздействовать на широкие круги читателей. Революционное ее влияние засвидетельствовано участниками

---

[1] Рожденный летать... — Коммуна (Воронеж), 1936, № 144, 26 июня.
[2] Центральный комитет иностранной цензуры, рапорты за 1902 г., № 9364.
[3] С.-Петербургский цензурный комитет, 1903, дело № 185. Заседание комитета 24 апреля 1903 г. Рукопись представил Х. Башинджамян.
[4] Там же, 1906, дело № 59.
[5] Центральный комитет иностранной цензуры, рапорты за 1904 г., № 2014.

и современниками нашего великого рабочего освободительного движения, оно вытекает из бесчисленных случаев цитации «Песни», в особенности в годы напряженной общественно-политической борьбы, из фактов решительного пресечения органами царской полиции и цензуры форм художественной ее популяризации. Так, известны случаи, когда в 1905 г. цензура оказывала препятствие к прочтению «Песни» с эстрады [1] или удаляла с художественных выставок картины — иллюстрации к «Песне», [2] когда призывные слова «Песни» были использованы в качестве политических лозунгов, [3] когда махровая реакционная печать, озверелая в своей классовой ненависти к М. Горькому, расценивала «Песню» как «орудие растления». [4]

Призывные слова «Песни» мобилизовали силы активных борцов и в советское время. На стягах красноармейцев, уходящих в 1919 г. на фронт, было: «Безумству храбрых поем мы песню!» [5]

9

Художественно-политические образы, созданные М. Горьким, имеют не только историко-общественное значение. Они переросли эти рамки, дошли до дней социалистического строительства и срослись в эпоху с совершенно иным социальным содержанием.

Творческая инициатива М. Горького внесла новое качество в традиционное народное понимание образа сокола. В наше сознание включен новый содержательный образ высокого социального

---

[1] Н. Ходотов. Близкое — далекое. Изд. «Academia», М.—Л., 1932, стр. 232.

[2] Русское слово, 1906, № 49, 20 февраля.

[3] В музее Института литературы Академии Наук СССР (Ленинград) имеется снимок с картины художника Малышева, изображающий сжигаемого на костре революционера с записью слов: «Безумству храбрых поем мы славу!». — В январе 1905 г. в печати появился поэтический отклик на арест М. Горького в виде ритмической поэмы — «вольного подражания» «Песне о Соколе», — изображающей сокола, попавшего в клетку (В. М. Ткачев. Сокол. — Русь, 1905, № 16, 23 января).

[4] В. Пуришкевич. Правительство и народная школа. — Прямой путь, 1914, № 7. — Предтечей реакционных критических откликов на «Песню о Соколе» явился М. Меньшиков, который еще в 1900 г в «Книжках недели», сентябрь, возмутился тем, что «безумство храбрых» для М Горького «не красивая только фраза, а действительное убеждение», что аллегорию М. Горького надо понять как выражение не условной, отвлеченной храбрости, но храбрости конкретной, «боевой, кровавой». «Бой должен быть смертельным, с той сатанинской злобой, когда хочется, чтобы враг захлебнулся вашей кровью, если нельзя умертвить его иначе...» Но Меньшиков должен был признаться, что «Песня» «очень многим нравится, многие из молодежи от нее в восторге». И критик занялся иронической дискредитацией «Песни», а, глумясь над образом сокола, говорил, что вместо «птичьей драки» в небе он предпочел бы образы прежних поэтов: «Прежние поэты небу давали другое назначение. Вспомните: „По небу полуночи ангел летел и тихую песню он пел". Та, старая песня была не о соколе или другой птице, а „о боге великом"... Маленькая разница! Современный поэт заменяет ангела хищной птицей и поет „безумство храбрых"».

[5] П. Безруких. Максим Горький. — 30 дней, 1936, № 8, стр. 66.

значения, огромной художественно-эмоциональной силы. И в то же время необычайная познавательная ёмкость нового образа позволяет расширить почти до бесконечности круг его применения, раздвинуть ассоциативные рамки связей его с новыми явлениями непрерывно растущей социальной жизни.

Обратимся для раскрытия этого утверждения к фактам из поэтической жизни горьковского образа в наши дни.

В народной и личной поэзии советского времени образ сокола (орла) бытует прежде всего в традиционном фольклорном смысле и стиле.

В былинах советского времени:

Две-то зорюшки утренние сходилися,
Два-то ясных сокола слеталися.[1]

О спасении папанинцев:

Ледоколики, наши советские соколики,
Не пароходами шли, летели птицей перелетною.[2]

«Ясными соколами» названы советские «геройские перелетчики».[3]

Народный акын Казахстана, Джамбул Джабаев, в песне «Родина радости» сказал о себе:

С горячей песней столетний Джамбул,
Как сокол на взлете, крылами взмахнул...[4]

В сказе М. С. Крюковой сказано о Ворошилове:

На коне сидит да наш ясен сокол
На имя Клим да Ворошилов.[5]

В эту поэтическую практику вошел и горьковский образ. М. Горький внес политическую окраску в героическое толкование традиционного образа, и тем самым направил художественную мысль на качественно иное, революционно-поэтическое использование символики этого образа.

Соответствие такому горьковскому политическому наполнению символического образа отважной птицы мы найдем в замечательной характеристике товарищем Сталиным Ленина в речи 1924 г., обращенной к кремлевским курсантам, в речи, в которой Сталин раскрыл неповторимые черты Ленина-мыслителя, деятеля всемирно-исторического значения, великого большевика. «Ленин... — сказал Сталин, — не просто один из руководителей, а руководитель высшего типа, горный орел, не знающий страха в борьбе и смело ведущий вперед партию по неизведанным путям русского революционного движения».[6]

---

[1] Былины. Изд. «Советский писатель», 1938, стр. 495.
[2] Там же, стр. 501.
[3] Там же, стр. 503, 505.
[4] Известия, 1938, № 260, 7 ноября.
[5] «Сказания М. Крюковой». ГИХЛ, М., 1937.
[6] И. Сталин. О Ленине. Партиздат ЦК ВКП(б), 1940, стр. 38.

Политическое содержание образа, возникшее впервые в поэзии по творческому почину М. Горького, явилось излюбленной поэтической темой. В «Мавзолее Ленина» Джамбул сказал о Ленине:

Он — горный орел.
Он мудр и отважен.
Как ты, он народы к победам повел.
На крыльях могучих сквозь тучи всех гроз
Он ясное счастье народам принес.[1]

Сулейман Стальский:

Был Ленин первым, кто повел,
Кто вражьи гнезда в прах размел,
Кто над землею, как орел,
Поднялся, став за бедных.[2]

В киргизской песне:

Ленин летал мыслями выше орла.
И оттого, что его мысли были близки к солнцу.
Они были горячи и светлы, как солнце.[3]

В украинском сказе «Два сокола», написанном со слов рабочих корпусного отдела завода «Ленинская кузница» в Киеве, соколами названы Ленин и Сталин.[4]

Сталин уподоблен орлу в сказе, записанном в 1936 г. в Грузии со слов грузинского сказителя Павле Геджурашвили,[5] а также в сказах таджикском[6] и удмуртском.[7]

Сандро Шаниашвили сравнил Сталина

С орлом вершин, между скал клекочет
И крылья чьи без отдыха летели.[8]

Симон Чиковани:

Ты — в высь поднявшийся орел.
Что над вершинами летает.[9]

Ашуг Муса сказал о Сталине: «Как смел твоих мыслей орлиный полет!»[10]

В грузинском сказе:

Ты — орел надгорной выси,
Небеса ты рвешь крылами,
Смело тучи рассекая,
Рассекаешь солнца пламя.[11]

---

[1] Ленин и Сталин в поэзии народов СССР, стр. 23.
[2] Там же, стр. 519.
[3] Там же, стр. 195.
[4] Там же, стр. 68—69.
[5] Там же, стр. 117.
[6] Там же, стр. 123.
[7] Там же, стр. 150.
[8] Там же, стр. 338.
[9] Там же, стр. 507.
[10] Там же, стр. 521.
[11] Там же, стр. 534.

В казахской песне поется:

Сталин — гордый горный орел,
С ним народ мой окреп и расцвел.[1]

Г. Леонидзе о юном Сталине:

Словно сокол, быстр и смел он,
Мал, зато смельчак большой![2]

Или же:

Как орел, ты в грозах вспененных
Плыл, алмазным взором сверкая.[3]

Умурзак:

Сталин, сокол мой, мой орел![4]

Али-Ибрагим Сафаров:

Где у нас в горах увидишь орла,
У которого тысяча тысяч орлят?
. . . . . .
Сталин такой орел
С тысячей тысяч орлят.[5]

Янко Купала:

Под молотом искрится сталь,
Все двери распахнуты в жизнь.
Бесстрашные соколы — в даль,
Бесстрашные соколы — в высь[6]

М. Рыльский:

Взмыл орлом от гор высоких
Сизокрылый великан.
. . . . . .
Летом солнечным, орлиным
Вождь указывает путь.[7]

Симон Чиковани:

Выше гор несутся тучи,
Выше молний сокол взвит.
Но тебя, наш вождь могучий,
Кто тебя воспеть сумеет?[8]

Или:

Зорок беркут, степной орел,
Озирающий мир с высоты,
Но народ ты к вершинам привел, —
Дальнозорче беркута — ты![9]

---

[1] Ленин и Сталин в поэзии народов СССР, стр. 129.
[2] Там же, стр. 231.
[3] Там же, стр. 305.
[4] Там же, стр. 289.
[5] Там же, стр. 303.
[6] Там же, стр. 313.
[7] Там же, стр. 357.
[8] Там же, стр. 365.
[9] Там же, стр. 443.

Ило Мосашвили сказал, что у Сталина — «орлиный зоркий глаз».

И мы становимся орлами,
Когда встает он перед нами —
Борьбы и подвигов орел![1]

Хуссейн Макэ, дунганский поэт, в стихотворении «Солнце-сокол» говорит о соколе, который долетает к солнцу, о том, что сокол дарует бедному люду солнце и что сокол этот — Сталин.[2]

Горьковскую окраску образа сокола мы найдем в новейшей записи плача Е. Кривошеевой о Кирове, где есть строка:

Ох, Сергей Мироныч, гордый сокол наш![3]

В стихотворном коллективном письме узбекского народа Сталину говорится:

Как сокол горьковский, язык свободен наш...
О, чаша вольности, сладчайшая из чаш![4]

На этом развитие образа не остановилось. В наши дни, в дни полного торжества Октябрьской социалистической революции и славной борьбы за движение вперед к коммунизму, образ горьковского сокола получил существенное видоизменение и новое смысловое обогащение. Он означает теперь не только революционного борца, отдающего беззаветно свою жизнь на баррикадах революции, не только политического деятеля, ведущего человечество вперед, к достижению счастья, — но также активного борца на огромных и ответственнейших фронтах культуры. Героизм повседневного социалистического труда, храбрость военная при охране границ нашей священной родины, отвага при выполнении ответственнейших поручений партии и правительства, беззаветная преданность делу служения великому советскому народу, бесстрашное преодоление всех препятствий на пути овладения силами природы и победы над нею, неукротимое стремление вперед для свершения новых дел, нужных нашей стране и всему прогрессивному человечеству, — вот черты лучших людей эпохи социализма. Эти сыны великого русского народа — новые герои, хотя и не украшенные романтическим ореолом. Страна назвала их «сталинскими соколами».

В 1936 г. по случаю рекордного беспосадочного полета на Дальний Восток Чкалова, Байдукова, Белякова вся страна приветствовала славных героев, и в газетных заголовках можно было прочесть: «Да здравствуют советские пилоты — гордые соколы нашей родины!»[5]

---

[1] Там же, стр. 351.
[2] Огонек, 1938, № 27, 30 сентября.
[3] Русские плачи (Причитания). Изд. «Советский писатель», 1937, стр. 243; также: Правда, 1936, № 330, 1 декабря.
[4] Известия, 1939, № 56, 10 марта.
[5] Известия, 1936, № 245, 21 октября.

Вслед за легендарным трансарктическим полетом тех же летчиков-героев в июле 1937 г. другие славные сыны родины — Громов, Юмашев, Данилин совершили беспосадочный полет Москва—Северный полюс — Северная Америка. Замечательных героев как «сталинских соколов» [1] приветствовала наша страна. «Правда» в передовой, посвященной героям-летчикам и озаглавленной «Честь и слава героям Сталинской эпохи!», писала, вскрывая содержание, смысл и значение нового героизма новых людей нашей великой страны:

«Символом нашего времени, символом эпохи строительства социализма являются замечательные, полные глубочайшего смысла сталинские слова: из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры.

Человек, активный строитель нового общества — всегда в центре внимания партии, всей нашей страны, в которой ценят людей инициативных, ценят кадры, ценят каждого работника, преданного родине и способного принести пользу делу рабочего класса. Страна наша — родина талантов, родина смелых и бесстрашных людей, знающих во имя чего они живут и творят.

...Миллионы „маленьких" людей, которых капитализм ранее мял, давил и душил, впервые обрели себя, как настоящие свободные люди и расцвели под благодатным небом социализма во всем многообразии своих талантов и творческих способностей.

Сталинская эпоха по праву стала эпохой торжества социализма, эпохой замечательных побед человека над природой, побед, которые превосходят лучшие мечты человечества.

...Замечательная черта наших людей — их неукротимое стремление двигаться вперед, совершать новые подвиги, славящие родину.

...Черты нового общества, облик человека эпохи социализма познается по нашим лучшим людям. Наши летчики стартуют из Москвы героями Советского Союза, а прилетают в Америку героями мира, ибо в них человечество видит подлинных носителей культуры, рыцарей прогресса и цивилизации.

...Эхо чкаловских, громовских полетов, эхо героических дел, перекатываясь из одного конца страны в другой, рождает новых, скромных и благородных героев, сынов великого русского народа.

...Сердца трех буревестников питаются той чудесной силой, которую посылает им родина-мать, с неослабным вниманием, любовью и нежностью наблюдающая за полетом своих верных и храбрых сынов. Гордые соколы, они знают, что за ними стоит Сталин, стоит страна. В мыслях о Сталине они черпают мужество, отвагу и волю к победе. Они несут на своих крыльях национальную гордость великого русского народа, блистательную славу страны.

...Мы живем в стране, народ которой поднят гением Ленина и Сталина из бездны разрухи, нищеты и бесправия на вершины свободной и радостной жизни. Народ впервые в истории сознательно творит свою жизнь, кует свое счастье. Он окрылен великими победами, богатейшими перспективами и потому рождает героев, которых не знало человечество.

Честь и слава сталинским героям, несущим на своих крыльях символы победоносного социализма и открывающим новую главу в истории покорения человеком природы!» [2]

---

[1] Известия, 1937, № 163, 14 июля.
[2] Правда, 1937, № 191, 13 июля.

«Гордыми соколами советской авиации» был назван героический экипаж самолета «Родина» — Гризодубова, Осипенко и Раскова — в приветствии трудящихся г. Комсомольска на Амуре, посланном товарищу Сталину по поводу радостной встречи с экипажем.[1]

Славный экипаж послал поздравительное приветствие Московскому художественному театру им. М. Горького ко дню 40-летнего юбилея театра. В. И. Немирович-Данченко и ведущие артисты театра в своем отчете им писали:

> «Сердечное спасибо за ваше приветствие. Коллектив театра, носящего имя великого пролетарского писателя Максима Горького, счастлив жить и творить в эпоху, когда мечта о гордом Соколе, запечатленная Горьким в его бессмертной песне, стала живой правдой наших дней. Мы горды тем, что можем приветствовать вас — гордых сталинских соколов нашей родины, совершивших героический подвиг во славу своего народа».[2]

Гордым, дерзновенным, бесстрашным соколом был назван великий летчик нашего времени, несравненный мастер своего дела, сочетавший отвагу с совершенным знанием техники, и «храбрейший из храбрых», имя которого «являлось синонимом героизма и мужества»,[3] — погибший Валерий Чкалов. Испанская газета «Френте рото» справедливо отметила, что Чкалов — «прототип нового человека», прообраз героя мирового пролетариата, а «Правда» раскрыла, чем именно был замечателен этот «гордый сокол нашей родины»: «Наш Валерий Чкалов являет пример замечательной доблести для всех, кто борется за дело трудящихся», «кто защищает честь и независимость своего народа».[5] В передовой «Известий» было сказано, что «Образ Чкалова всегда будет служить призывом к новым победам, к великим подвигам во славу социалистического государства. Образ Чкалова бессмертен». И свою оценку газета закончила горьковскими словами: «Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!»[6]

Среди великих героев, бессмертных сынов нашей родины, гигантом высится образ самого Алексея Максимовича Горького. По поводу его смерти «Правда» писала:

> «Алексей Максимович Горький — пламенный буревестник пролетариата, активный борец за победу коммунизма. Он был соколом большевистской революции и лютой ненавистью презирал и ненавидел ужей, змей и гадов меньшевизма и прочих видов буржуазного либерализма. В годы, когда меньшевистские ужи, пропищав: „не надо было браться за оружие", спрятались от опасностей и бурь революции, М. Горький

---

[1] Ленинградская Правда, 1938, № 237, 14 октября.
[2] Правда, 1938, № 297, 27 октября.
[3] Там же, № 345, 16 декабря; № 346, 17 декабря; № 347, 18 декабря.
[4] Там же, № 348, 19 декабря, передовая.
[5] Там же.
[6] Известия, 1938, № 293, 20 декабря.

воспел смелых соколов большевизма, явившихся — „Живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!.. "И сам он явился таким примером».[1]

Чуткая народная мысль перенесла образ светлого Сокола на самого создателя. В коллективной песне акынов и поэтов Киргизии, озаглавленной «Песня о Соколе», М. Горький был назван «светлокрылым буревестником», «Соколом нашим родным»: «как вестник счастья Сокол в небо поднялся».[2]

В «Плаче об Алексее Максимовиче Горьком» мордовской сказительницы Ф. Б. Беззубовой говорится о М. Горьком — «гордом соколе нашем»:

Для народа стал ты соколом,
Стал ты гордым буревестником.[3]

Джамбул в своей песне «О солнечном М. Горьком» называет его «сыном солнца», у которого:

Орлиное сердце, привычное к бою,
Большое, горячее сердце героя.[4]

Пионеры из Игарки пишут «Прощание» — памяти М. Горького, в котором говорят:

О, смелый Сокол, ты над землею, дыша борьбою, парил высоко. Из битв жестоких ты вынес сердце, любовью полно.

Ты гордо бросил проклятье жадным, живущим праздно чужою кровью. Ты подал руку несчастью бедных, и раб увидел дорогу к свету.

Для поколений, идущих к жизни, ты будешь вечно светящим солнцем.

«Ты славно пожил»... Твоею жизнью учиться будем и будем вечно дышать борьбою, как ты, любимый, как ты, наш Сокол.

Мы будем помнить и славить вечно твои заветы и будем сильны, как ты, любимый, — о смелый Сокол.[5]

Народ подхватил замечательную творческую инициативу М. Горького, — созданный им образ Сокола, — углубил его идейный и поэтический смысл и дал ему новую содержательную жизнь, — и, тем самым, М. Горький вошел навсегда в обновленную народную символику.

---

[1] Правда, 1936, № 167, 19 июня.
[2] Комсомольская правда, 1938, № 71, 28 марта.
[3] Красная Мордовия (Саранск), 1938, № 93, 23 апреля.
[4] Правда, 1938, № 86, 28 марта.
[5] Стихотворение С. Перевалова, 15 лет. См. в книге «Мы из Игарки». Книга, написанная пионерами Заполярья по замыслу и плану А. М. Горького. Изд. Детской литературы, М.—Л., 1938, стр. 36.

В. ГОЛУБЕВ

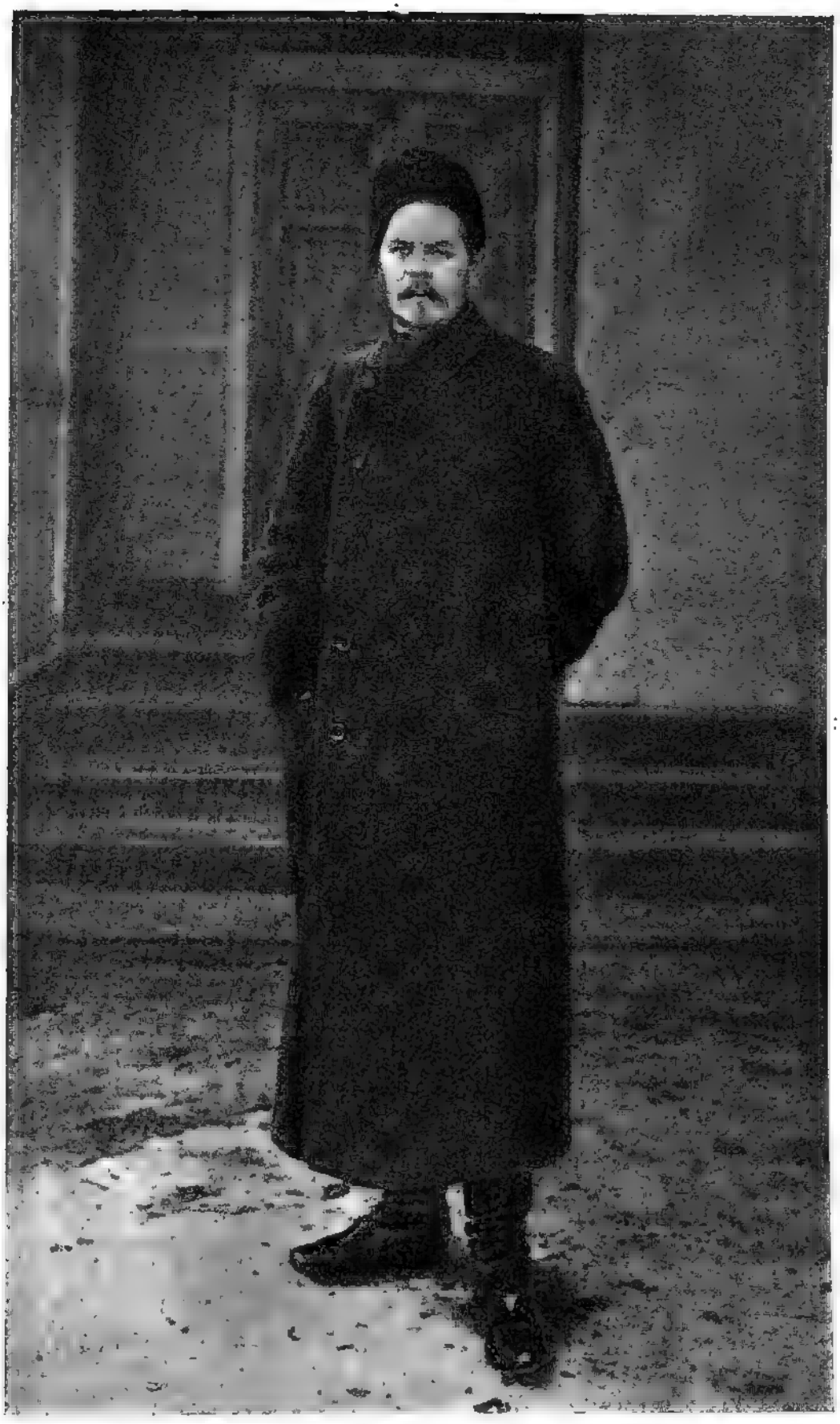
К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКАХ ПЬЕСЫ «ДЕТИ СОЛНЦА»

Вопрос об источниках произведений М. Горького еще мало освещался нашими исследователями. Исключения представляют такие произведения, как «Мать», «Коновалов», «Детство», «В людях» и некоторые другие, о прообразах которых мы знаем от самого автора.

В основу своих ранних произведений М. Горький, как известно, брал, главным образом, жизнь людей не из привилегированных классов общества, — не родовитых людей, дела и мысли которых записаны во многих дневниках, мемуарах, портретах, календарях, — но жизнь людей мало известных, с громадными усилиями отвоевывавших свое право на существование. Жизнь самого М. Горького, до того как он стал известным писателем, тоже мало кого интересовала, и разнообразнейшие жизненные перипетии этого великого человека в то время не отмечались, не регистрировались. Между тем, жизненый путь М. Горького даже в первой его половине настолько разнообразен и содержателен, круг его чтения и личных знакомств так широк, что позволял ему давать вполне правдивые и глубоко реалистические художественные полотна из жизни людей науки, культуры и промышленности.

Значение художественного творчества М. Горького невозможно преувеличить. В борьбе за социализм, в формировании социалистической идеологии трудящихся, в выработке социалистической эстетики и этики — творчество М. Горького сыграло огромную роль. Вот почему для нас важно раскрыть его замечательную творческую лабораторию и уяснить не только содержание художественных произведений М. Горького, но и вскрыть то, что непосредственно питало его воображение, — жизненные и литературные источники его произведений и их переработку художественным гением писателя.

С этой точки зрения интересно рассмотреть пьесу М. Горького «Дети солнца» в сопоставлении ее с другими материалами, имеющими, как нам представляется, непосредственное отношение к пьесе. В сборнике «М. Горький. Материалы и исследования», т. I, С. Д. Балухатым было уже указано, что непосредственным поводом к написанию пьесы было кровавое событие 9 января 1905 г.,



1905 г.

чему М. Горький был очевидцем. Но творческий процесс чрезвычайно сложен, и он, кроме непосредственного стимула, мог включить многое из ранее пережитого, виденного, читанного, что каким-либо образом отложилось в памяти писателя.

В своих «Беглых заметках» 1896 г. М. Горький писал: Задача искусства — о б л а г о р о д и т ь человека, скрасить тяжесть земного бытия».[1] В «Ответе А. А. Карелину» в 1896 г. М. Горький отмечал: «Я уверен, что искусство нужно жизни, людям, что оно может помочь жить им. Жизнь тяжела, — оно дает возможность отдохнуть от нее; люди грубы, — оно о б л а г о р о д и т их; они не особенно умны, — искусство им поможет развиться».[2] В «Беглых заметках» 1896 г. М. Горький высказывает эту же мысль: «Какое же отношение к социальному искусству, к искусству, имеющему своей целью воспитание духа и чувств человека, какое отношение к искусству, стремящемуся о б л а г о р о д и т ь жизнь, могут иметь картины Врубеля и Галлена, стихи Гиппиус и Бальмонта, и вообще все то, что делают в области искусства люди, ищущие „несуществующего“ и стремящиеся „за пределы предельного“».[3]

Мысль о том, что искусство должно облагородить человека, должно помочь человеку «изменить формы бытия», М. Горький высказывает в «Рождественском рассказе», в рассказе «Как меня отбрили», в фельетоне «Первый дебют» и других ранних произведениях. В «Читателе» (1899) М. Горький эту мысль выразил следующим образом: «Цель литературы — помогать человеку понимать себя самого, поднять его веру в себя и развить в нем стремление к истине, бороться с пошлостью в людях, уметь найти хорошее в них, возбуждать в их душах стыд, гнев, мужество, делать все для того, чтобы люди стали б л а г о р о д н о с и л ь н ы м и и могли одухотворить свою жизнь святым духом красоты».

Эту же мысль М. Горький устами Елены, жены Протасова, высказывает и в «Детях солнца» (1905):

> «И с к у с с т в о д о л ж н о о б л а г о р а ж и в а т ь л ю д е й... Жизнь — трудна, человек часто устает жить... Жизнь груба, да? На чем отдохнуть душе. Красивое — редко, но когда оно истинно красиво, оно согревает мне душу, как солнце, вдруг осиявшее пасмурный день... Нужно, чтобы все люди понимали и любили красоту, тогда они построят на ней мораль...
>
> ...Нужно, чтоб в искусстве отражалось вечное стремление человека в даль, к высоте... Когда это стремление есть в художнике и когда он верует в солнечную силу красоты, его картина, книга, его соната — будут мне понятны... дороги... он вызовет в душе моей созвучный аккорд... и если я устала, — я отдохну и снова захочу работы, счастья, жизни!»

---

[1] Нижегородский листок, № 209, 31 июля. — Здесь и в цитатах ниже разрядкой выделены слова, подчеркнутые нами.

[2] Там же, № 215, 6 августа.

[3] Там же, № 250, 10 сентября.

Таким образом в этих словах наиболее цельного и положительного персонажа пьесы М. Горький утверждает мысль, волновавшую писателя в течение десяти лет и, следовательно, игравшую большую роль в формировании его эстетических взглядов.

В пьесе «Дети солнца» нашли свое отражение не только ранее сформировавшиеся эстетические взгляды М. Горького и впечатления конкретных событий русской действительности, но и некоторые книжные источники.

Мы имеем в виду книгу немецкого астронома и метеоролога Германа Клейна «Астрономические вечера», изданную «Знанием» в 1900 г. под редакцией К. П. Пятницкого, и роман Джиованни Чена (1870—1917) «Ценою жизни», видимо, прочитанный М. Горьким еще до появления его в журнале «Мир божий», 1905, №№ 6—9.

Как Дж. Чена, так и М. Горький в своих произведениях ставят одни и те же вопросы: о смысле жизни, о жизни и смерти, о любви и смерти, о личности и обществе, о судьбах человечества, о настоящем и будущем. Кроме этих общих проблем, затронутых романом Дж. Чена и пьесой М. Горького, можно обнаружить в обоих произведениях и некоторые конкретные совпадения, частично перекликающиеся с книгой Г. Клейна «Астрономические вечера», которую М. Горький, по свидетельству К. П. Пятницкого, сознательно использовал при работе над пьесой.[1]

Так, например, Протасов в пьесе М. Горького говорит:

> «Когда-то под лучом солнца вспыхнул к жизни ничтожный и бесформенный кусок белка, размножился, сложился в орла и льва и человека; наступит время, — из нас, людей, из всех людей, возникнет к жизни величественный, стройный организм — человечество!..»
>
> «...Мы, люди, дети солнца, светлого источника жизни, рожденные солнцем, мы победим темный страх смерти! Мы — дети солнца! Это оно говорит в нашей крови, это оно рождает гордые, огненные мысли, освещая мрак наших недоумений, оно — океан энергии, красоты и опьяняющей душу радости!»[2]

В черновом варианте пьесы М. Горького это выражено следующим образом:

> «Когда-то под солнцем из бесформенных кусков живого вещества сложился червь, прошло время и — ты видишь вот он! Червь — он мыслит и все лучшие люди мира трепетно следят за работой его мозга... подумай над этим!.. Наступит время и точно так же, как клетка белка сложилась в орла и льва и человека, — из нас людей, из всех людей сложится величественный стройный организм — человечество!..

---

[1] В письме к К. П. Пятницкому в 1903 г. М. Горький сообщал: «С Андреевым тоже буду писать пьесу „Астроном". Леонид вдохновился Клейном и хочет изобразить человека, живущего жизнью всей вселенной, среди нищенской серой обыденщины. За это его треснут в 4 акте телескопом по башке».

[2] М. Горький, Собрание сочинений, ГИЗ, 1929, т. VI, стр. 91 и 92.

...Мы лучшие дети солнца, мы победим темный страх смерти... Рожденные солнцем — источником жизни — мы победим... Друзья! Ведь мы рождены от солнца, оно сверкает в нашей крови, это оно мыслит во мне, это солнце говорит! Великое светило, могучий владыко жизни... Ты всё».[1]

У Дж. Чена в романе:

«Человек, это не что иное, как воплощение земного сознания, — это земля, самое себя ощущающая... Что такое земля? Точка, Дочь солнца, несколько больше точки... Солнце ее создало... Солнце нагревает воздух, вызывает течение атмосферы от полюсов к экватору и создает ветры; солнце создает морские течения, поглощает пары, кристаллизует их на горных высотах в ледники и образует текущие из ледников реки; солнце заставляет море вздыматься, как дышащая грудь. Быть может, солнце вздымает и сердце земли, пластичное ядро, трепещущее в глубине коры, и влечет его к себе, и заставит его когда-нибудь взорваться. Мы дети солнца».[2]

У Клейна в книге:

«Энергия, затрачиваемая при всякой мускульной или нервной деятельности, — говорит Гефдинг, — накопляется путем питания. Следовательно, ее доставляет солнце. Припомните главные произведения человеческого гения: эти научные открытия, эти религиозные и философские системы, эти дивные поэмы, мелодии, картины, статуи, храмы, — все, что создано человеческим умом, воображением и волею. Все эти завоевания стоили тысячелетий упорного духовного труда. Силы для него доставлены солнцем. Когда Рафаэль рисовал Сикстинскую Мадонну, когда Ньютон размышлял над законом тяготения, когда Спиноза писал свою „Этику" или Гёте своего „Фауста", — в них работало Солнце. Все мы, гении и простые смертные, сильные и слабые, цари и нищие, все мы — дети солнца».[3]

Из сопоставления приведенных выше высказываний видно, что для них характерна одна общая мысль, сводящаяся к тому, что солнце — первоисточник всего, что произошло и происходит с землей и на земле. Слова же: «Мы — дети солнца» в книге Клейна были М. Горьким взяты в текст пьесы и явились ее названием.[4]

Следующие совпадения мы усматриваем в обрисовке одной психологической черты, присущей Протасову (М. Горький), Станга — Крастино (Дж. Чена) и Ньютону (Клейн).

Протасов, благодаря своей углубленности в научные изыскания, не замечал окружающей его обстановки. В конце первого действия он выходит на сцену из своего кабинета, как раз в момент когда художник Вагин убеждал жену Протасова, Елену

---

[1] Архив А. М. Горького.

[2] Джиованни Чена. Ценою жизни. Перевод с итальянского Е. Лазаревской. — Мир божий, 1905, № 7, стр. 147.

[3] Клейн. Астрономические вечера. 3-е изд. русск. перевода под ред. К. П. Пятницкого, 1900, стр. 181.

[4] Кстати, это опровергает мнение, высказанное критиком А. Кугелем (Homo Novus) в журнале «Театр и искусство», 1905, № 42—43, стр. 679, о том, что «Горький взял название от Бальмонта».

Павловну, бросить мужа и уйти с ним. Но Протасова это не коснулось; он, огорченный неудачей научного опыта, спрашивает Елену:

> — Она — раскислилась, — понимаешь? Да, раскислилась... А опыт был обставлен строго!.. Я все принял во внимание... (Смотрит на жену и как бы не видит ее. Проходит к столу, садится, нервно шевелит пальцами. Вынимает из кармана записную книжку, быстро чертит карандашом и погружается в это. Ватин молча жмет руку Елены и уходит).
>
> Елена (негромко). Павел... (Громче) Милый Павел... ты очень огорчен? да?
>
> Протасов (сквозь зубы). Подожди. Почему она раскислилась? (Занавес).

В последнем действии:

> Елена. Что это — тебе холодно?
>
> Протасов. Почему? Нисколько!
>
> Елена. Зачем же ты надел галоши?
>
> Протасов (смотрит на ноги). Действительно... галоши! Когда это я их надел? Странно... Я не знаю, как это они...

Станга работал корректором в «Товариществе научного книгоиздательства», углубился в научные философские измышления и совершенно не замечал окружающей среды ни на работе, ни в «Аэрополисе» (так назвал художник Кунбио верхний этаж дома, где проживала городская беднота). Вбегая на шестой этаж в свою мансарду, он два раза лбом сбивал людей, так как не замечал сходящих по лестнице. Станга рассказывает о своем друге Крастино:

> «Бродя по городу, он всегда бывал погружен или в размышления, или в сочинение какого-нибудь сонета. Обычные движения и поступки прохожих совершенно не затрагивали его внимания».[1]

Станга сидел дома и писал. Художник Кунбио влетел к нему в комнату:

> «— Сегодня идем за город! — закричал он. — В эдакий чудный день сидеть, закупорившись, у себя дома! И окна даже не отворил! Да ты плесенью зарастешь: не видишь разве солнца, не слышишь призыва зелени, природы?»[2]

Ньютон «жил, — говорит Био, — чтобы мыслить и вычислять». Обстановка не существовала для него. Рассеянность его вошла в пословицу. Случалось, что, проснувшись утром, Ньютон большую часть дня просиживал на постели полураздетым, ничего не слыша, ничего не замечая, весь углубленный в свои вычисления.

---

[1] Дж. Чена. Ценою жизни — Мир божий, 1905, № 7, стр. 134.
[2] Там же. № 8, стр. 211.

«Однажды к Ньютону зашел его приятель, доктор Стюкли. Хозяина не было. На столе стоял обед. Прождавши с час, нетерпеливый гость приподнял тарелку и посмотрел, что приготовлено. Оказалось: цыпленок. Стюкли съедает обед и кладет обратно под тарелку одни косточки. Наконец, возвращается Ньютон. После первых приветствий он садится к столу и снимает тарелку. Под ней — ничего, кроме костей. „Как однако расеяны мы, философы", — воскликнул Ньютон; — „право, я думал, что еще не обедал".

«В другой раз — Ньютон захотел сварить для завтрака яйцо и вынул карманные часы, чтобы следить за временем. Не прошло и секунды, как он, по обыкновению, погрузился в свои вычисления. Очнувшись, он видит: в его руке — яйцо, а в кастрюле варятся драгоценные секундные часы». [1]

Таким образом и здесь мы видим совпадение в характеристике действующих лиц: Ньютоновскую психологическую особенность, состоящую в отрешенности от внешнего мира, и силу углубленного мыслительного процесса — придали своим главным героям Дж. Чена и М. Горький.

И далее. Крастино у Дж. Чена после слов Станги «Мы — дети солнца» замечает: «Это новая поэзия». Вагин у М. Горького, после слов Протасова о том, что «Когда-то под лучом солнца вспыхнул к жизни ничтожный и бесформенный кусок белка, размножился, сложился в орла и льва и человека» и т. д., — замечает: «Люблю видеть тебя поэтом».

Протасов занят научными изысканиями, он не понимает жизненных интересов окружающих. Он весь ушел в «идею создать гомункула», как говорит Вагин. Станга (герой Дж. Чена) занят философскими рассуждениями. Он весь ушел в идею поисков «смысла для человеческой жизни». «Я, — говорит он, — прошел мимо жизни».

Тот и другой знают, в чем состоит смысл жизни; больше того, они высказывают почти один и тот же взгляд. Протасов говорит: «настоящее — свободный, дружный труд для наслаждения трудом, и будущее — я его чувствую, я его вижу — оно прекрасно. Человечество растет и зреет. Вот жизнь, вот смысл ее!» [2]

Станга рассуждает на эту тему следующим образом: «Я думаю, что нашел смысл для человеческой жизни. Тайна счастья состоит в том, чтобы чувствовать себя бессмертным, т. е. чувствовать себя живущим в других, в человечестве, в мировом бытии». [3]

Лиза М. Горького и Крастино Дж. Чена — люди чрезвычайно тонкой, возвышенной организации, болезненно переживающие свое одиночество. Крастино — поэт, Лиза также пишет стихи. Ее стихи совпадают с поэтическим обликом Крастино.

Крастино говорит, что «жизнь зло», — Лиза высказывает аналогичную мысль: «Ты лгал Павел! Ничего не будет... жизнь

---

[1] Клейн. Астрономические вечера, стр. 68.
[2] М. Горький, Собрание сочинений, ГИЗ, 1929, т. VI, стр. 91.
[3] Дж. Чена. Ценою жизни. — Мир божий, 1905, № 7, стр. 150—151.

полна зверей!.. Ведь вы окружены врагами... повсюду звери». Как Лиза М. Горького, так и Крастино Дж. Чена страдают припадками с нарушением умственной деятельности.

Дмитрий Сергеевич Вагин в пьесе М. Горького и Куибио в романе Дж. Чена — художники. Оба зарисовывают в альбом окружающих их людей. Вагин любит жену Протасова и убеждает ее оставить мужа и уехать с ним. Куибио любит жену банкира и убедил ее уехать с ним от мужа, чему, однако, помешал арест Куибио.

Слесарь Егор в пьесе М. Горького — пьяница, бьет свою жену, которая заболевает холерой и умирает. В романе Дж. Чена тоже пьяница бьет свою жену, которая отравляется газом и умирает.

Саламандра в романе Дж. Чена, как и Фима в пьесе М. Горького, — женщины легкомысленного поведения.

В романе Дж. Чена Станга живет в большом городском доме, набитом беднотой. Управляющий домом каждое воскресенье обходил квартирантов, собирал квартирную плату. Женщины, не имеющие денег для уплаты, после долгих упрашиваний становились жертвой управляющего. Управляющий пришел за квартирной платой и к Крастино. «Физиономия» управляющего «была хитрая и в то же время пошлая».

Назар Авдеевич у М. Горького в пьесе тоже хитрый и пошлый. Он непрочь заманить к себе Фиму, горничную Протасова (сын его, Миша, прямо ей предлагает 15 руб., а она с него просит 75 руб. в месяц, да еще вексель на год вперед). Он также приходит к Протасову за квартирной платой и даже думает купить землицу и взять к себе на службу самого Протасова, это, очевидно, так и будет.

Как жильцы «Аэрополиса», так и Протасов с семьей находятся в цепких руках управляющего и ростовщика-предпринимателя.

Устанавливая совпадения отдельных мест пьесы М. Горького с такими книжными источниками, как «Астрономические вечера» и «Ценою жизни», мы приходим к выводу: М. Горький использовал эти книги лишь частично как материал своей творческой лаборатории, в дальнейшем своеобразно его обработав.

Возьмем название пьесы «Дети солнца». Оно прямо заимствовано из указанных книг. Но слова: «мы — дети солнца» Дж. Чена и Г. Клейном употребляются с положительным, приемлемым для них содержанием, в то время как для М. Горького они звучат в трагикомическом смысле. В пьесе шестнадцать действующих лиц, совершенно противоположных друг другу по характеру, по нравственному облику, по мировоззрению, идущих в своей жизни не к достижению моральных высот человечества, а к собственной физической и нравственной гибели: Чепурной повесился, Лиза сходит с ума, Авдотья умирает от холеры, Вагин — беспочвенный декадент; Меланью, Мишу, Фиму, Трошина, Назара

Авдеева можно назвать «детьми солнца» только в сатирическом плане. Лишь к слесарю Егору М. Горький относится наиболее положительно. Егор не любит людей — «воронье» и «пыль», по его определению, — окруживших уважаемого им Протасова. Но он обижен Протасовым и не может стерпеть этой обиды. Протасов ему делает при людях выговор за избиение жены — Авдотьи. Протасов не хочет, чтобы Елена оказала помощь жене Егора, заболевшей холерой, на что Егор «глухо рычит: Значит, помирай? Просто! Али мы не люди?» И Егор этих обид всю жизнь не забудет. Он еще в первом действии возбужденно говорил: «Я с малых лет в обиде живу...» Меня никто не любит». «Человек я или нет? Почему меня все обижают?» Слесарь Егор только что начал осознавать в себе человека, он перестает быть рабом и прямо заявляет: «Я — не добрый человек». И действительно, у него нет оснований и причин быть добрым. В другом месте М. Горький, отвечая в 1905 г. российской интеллигенции на их жалобы о жестокости народных масс, высказал то, что говорила Лиза в «Детях солнца», только в более четкой форме:

> «Мы живем в стране, где людей до сегодня секут, хлещут нагайками, забивают палками до смерти, где ломают ребра, бьют по лицу ради забавы, где нет предела насилию над людьми, где формы мучений разнообразны до отвращения, до безумного стыда...
>
> Когда вы говорите о любви, вы вашей сладкой речью хотите только заговорить зубы ваших ближних, оскаленные голодом и злобой, вам кажется, что, смягчив любовью сердца озлобленных и угнетенных вами, вы можете ослабить силу их справедливой мести. Вы лицемерите, когда зовете братьями людей, которых вы поработили, вы лжете, проповедуя любовь тем людям, в сердцах которых вы сами же посеяли зависть, ненависть и злобу...
>
> Я не оправдываю жестокости, которую вы сами сделали законом жизни, я только говорю, что в стране, где вы так долго допускали произвол и насилие, — в этой несчастной стране среди вас нет правых, нет достойных сострадания». [1]

Из этих слов видно, что и Егора М. Горький мог причислить к «детям солнца» только для того, чтобы сказать, что и Егор, и Протасов, и Меланья, и Назар, и все другие — это люди, сложившиеся в определенном обществе, результат общественных отношений, порожденных феодально-империалистическим строем, без разрушения которого невозможно «детям солнца» выйти «к солнцу», перестать быть рабами, создать свободную, красивую жизнь.

Позднее, уже в советские годы, М. Горький свое отношение к вопросу о природе и человеке выразил следующими словами:

> «Величие звездного мира, гармонический механизм вселенной... не вызывает во мне энтузиазма. У меня такое впечатление, что вселенная совсем не так удивительна, как представляет ее астрономия, и что в рождении и смерти миров несравненно больше бессмысленного хаоса, чем божественной гармонии.

---

[1] По поводу. — Новая жизнь, 1905, № 23, 27 ноября.

Где-то в глубине млечного пути потухает солнце, и вся система планет погружается в мрак: это меня совсем не трогает, а в то время как смерть Камилла Фламмариона, человека с изумительным воображением, меня опечалила...

Меня поражает не безобразное нагромождение горных пейзажей, а великолепие, которое придает им человеческое воображение. Меня восхищает, с какой легкостью и с каким великодушием человек преображает природу, великодушием тем более удивительным, что земля, если хорошенько разобраться, уж не такое комфортабельное место. Вспомним о землетрясениях, ураганах, метелях, наводнениях, о жаре и о холоде, о вредных насекомых и микробах и тысяче других вещей, которые сделали бы нашу жизнь невыносимой, если бы человек был менее героичен, чем он есть...» [1]

Таким образом вопрос об отношении человека к природе для М. Горького существовал лишь как тема героической борьбы человека со стихиями природы, как стремление его подчинить себе природу. В этом смысле он приветствует науку и ее работников-энтузиастов. Но «трагическая правда жизни», по мысли М. Горького, состояла в том, что интеллигенция стояла в стороне от народа, и человек науки, не желающий знать о текущих острых запросах жизни, не умеющий объяснить насущнейшие вопросы ее, становился мечтателем и фантазером.

Дж. Чена также не была чужда эта мысль. Его герой Станга пишет: «Долой тех мудрецов, тех пророков, которые держат руки в карманах в то время, как их братья уничтожают друг друга, не ведая, что творят». [2] Эти слова означают призыв к мудрецам и пророкам — вмешаться в «гущу жизни», но они, держащие руки в карманах, могут спросить автора: во имя чего идет борьба, во имя каких целей нужно им вмешиваться в гущу жизни? Ответ на этот вопрос дает тот же Станга. Он увидел «в глубине всего смерть». «Я нашел себе, — говорит он, — основание для смерти». Такое решение вопроса не только неспособно взволновать кого-либо, пробудить в «мудрецах» желание встать в ряды бойцов, напротив, — оно оправдает их уход от жизни в самоусовершенствование, в мистику, в мещанство.

Дж. Чена написал роман о жителях «Аэрополиса»; в униженных и оскорбленных «детях солнца» увидел он много прекрасных порывов, стремление к счастью, — но жизнь тяжела, люди живут в нищете и терпят всевозможные лишения, теряют человеческий облик, переносят душу раздирающие боли. Дж. Чена видит это противоречие, оно волнует его. Станга — положительный герой романа, выражающий все основные идеи автора, в конце приходит к трагическому выводу: «Жить для меня слишком мучительно — каждое чужое страдание отражается во мне с чрезмерно большой силой». В этом он нашел «основание для смерти».

---

[1] М. Горький. Предисловие к книге Мортье «Всеобщая история иностранной литературы». — Цитируем по переводу Е. Боброзой: Правда, 1937, № 166, 18 июня, стр. 2.

[2] Ценою жизни. — Мир божий, 1905, № 9, стр. 150—151.

Противоречия общественной жизни являются также мотивом и пьесы М. Горького. Но есть существенная разница между обоими писателями. Разница состоит в том, что М. Горький знает причины этих противоречий и видит пути устранения их, а Дж. Чена не понимает причин общественного зла, не знает, как устранить это зло, не может указать «мудрецам и пророкам» — что им делать. Дж. Чена находит решение вопроса в индивидуальном, анархическом буите, но и сам осознает несостоятельность этого выхода.

М. Горький в пьесе «Дети солнца» взял лишь частный, конкретный случай основного противоречия классового общества — отношения интеллигенции и народа. Он показал пропасть между умственным и физическим трудом, созданную феодально-империалистическим строем. Нравственно-психологический образ Протасова, как центрального персонажа пьесы, содержит в себе идею ликвидации этой пропасти, раскалывающей народ и интеллигенцию на два взаимно не понимающих, враждебных лагеря. Протасов — честный, искренний человек, ученый с громадными творческими дерзаниями, но отрыв от жизни, от ее социальной практики становится для него не только «трагической правдой», но и трагикомедией. Ибо эпоха революции 1905 г. не позволяла человеку стоять в стороне от борьбы: хочет он или не хочет, он должен заявить себя сторонником того или иного класса и выступить на защиту его. В этих условиях интеллигент Протасов, честный, мечтающий о прекрасном будущем человечества и стоящий в стороне от борьбы за это будущее, сделался смешным, он естественно попал в глупое, унизительное положение. Вывод ясен. Протасов как ученый нужен народу. Слесарь Егор понимает Протасова лучше, чем художник Вагин, ветеринар Чепурной, купчиха Меланья и др. Народ поймет и оценит дело Протасова, но только в том случае, если Протасову боли и страданья народа, великая борьба его с темными силами капитализма будут так же понятны, близки и дороги, как и своя дерзновенная мечта в научных изысканиях. Пьеса М. Горького приводит, следовательно, к прямо противоположному выводу, чем роман Дж. Чена.

Мысль о том, что интеллигенция обязана помочь народу встать в один ряд с культурным человечеством и одержать победу над капиталистическим рабством, проходит через целый ряд публицистических и художественных высказываний М. Горького. Об этом мы читаем в статьях и рецензиях, опубликованных в «Нижегородском листке» 1890-х годов, в рассказе «Читатель», в пьесе «Дачники», в «Заметках о мещанстве». Эту же мысль высказала Лиза в «Детях солнца»: «Зачем вы говорите о радостях будущего, зачем? Зачем вы обманываете сами себя и других? Вы оставили людей далеко сзади себя... вы одинокие, несчастные, маленькие... неужели вам не понятен ужас этой жизни?..»

Пьесу «Дети солнца», как известно, М. Горький написал в Петропавловской крепости. За несколько дней до ареста, в самый канун кровавого воскресенья М. Горький пришел в читальный зал б. императорской Публичной библиотеки. Интеллигенты, ученые разных степеней, обложившись книгами, ушли в свои научные изыскания. М. Горький, прервав занятия, обратился к этим людям «с революционной речью, в которой призывал всех принять участие на следующий день в демонстрации».[1] Вот этот революционный призыв к интеллигенции и явился идейным содержанием «Детей солнца».

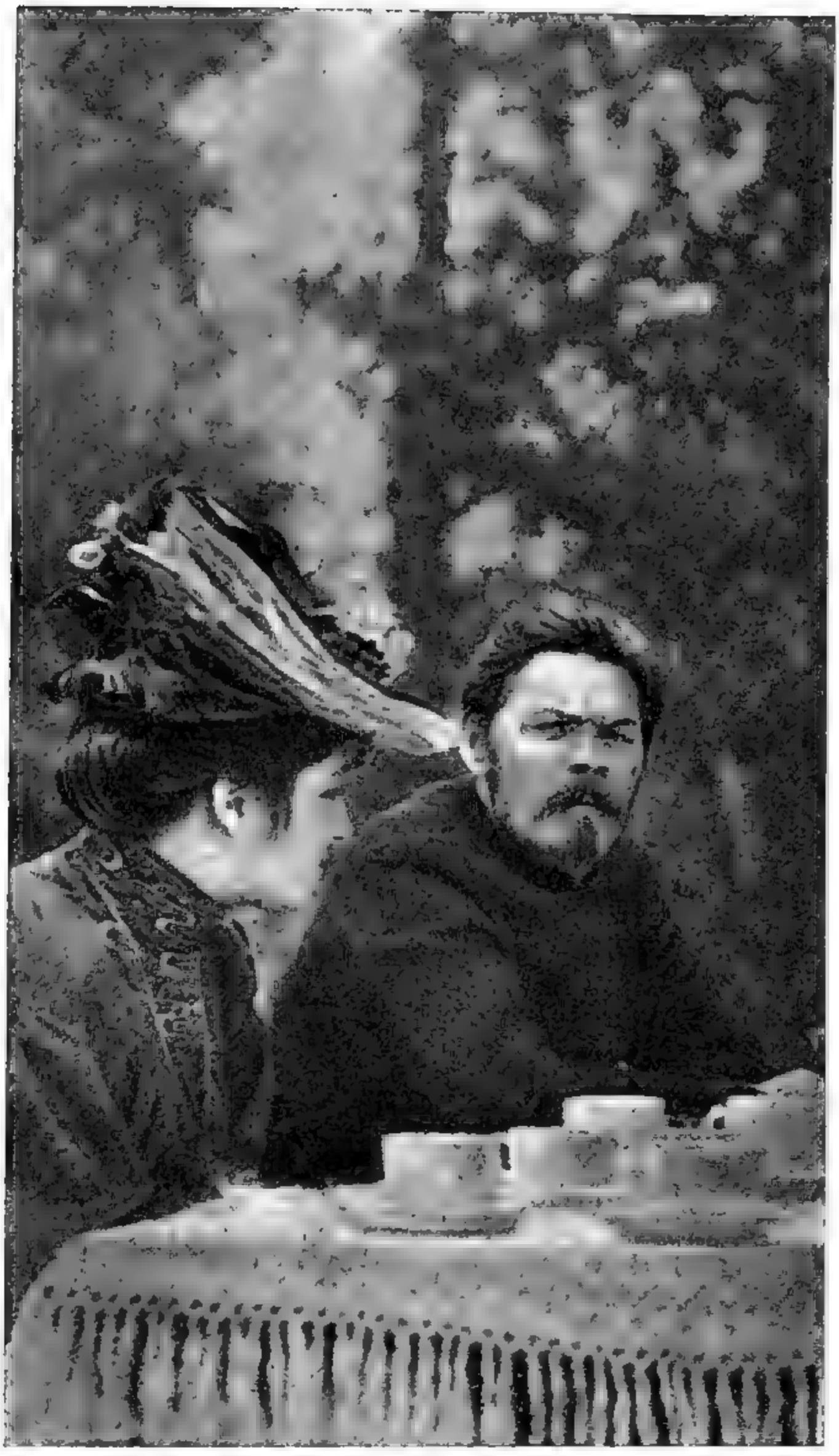
Такова разница в основном между романом Дж. Чена и пьесой М. Горького. Но она не менее значительна и в частностях. Мы указывали, что в романе Дж. Чена пьяница бьет жену, которая отравляется газом и умирает, так же, как и в пьесе М. Горького, Егор Резвов — пьяница бьет жену, которая заболевает холерой и умирает. Однако фабульное сходство нисколько не мешает этим героям быть противоположными. Пьяница у Дж. Чена — только пьяница и по этой причине — нищий, бродяга, умирающий с голоду. В пьесе М. Горького слесарь Егор, несмотря на всю свою культурную отсталость и моральный изъян, раскрыт перед читателем как человек с пробудившимся чувством своего достоинства. Можно думать, что именно о таких Егорах писал М. Горький в 1905 г. в статье «По поводу»:

> «Народ, воспитанный кулаками, розгами и нагайками, не может быть мягкосердечен. Люди теперь глубже чувствуют, и косой взгляд, брошенный вами сегодня на вашу горничную, равен пощечине, которую давал ваш отец своему лакею пятьдесят лет тому назад. Люди растут и растет в них чувство достоинства, но с ними обращаются все еще как с рабами».[2]

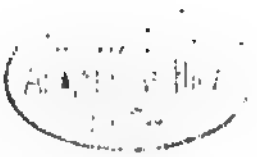
События «9-го января», несомненно, явились стимулом к написанию «Детей солнца», но основная мысль, как мы отмечали, высказывалась М. Горьким значительно раньше. Точно так же и сюжетный материал пьесы мог быть взят из прошлого. Так, одним из мотивов пьесы «Дети солнца», проходящим от первого до последнего акта, является эпидемия холеры. В четвертом акте дается сцена холерного бунта. Знакомясь с провинциальной, поволжской прессой 1892 г., мы установили, что подобные сцены в большом количестве происходили в июне 1892 г. в Астрахани, Саратове, Самаре. Сведения о холерных беспорядках в этих городах из «Астраханского листка», «Саратовского вестника», «Самарской газеты» перепечатывались другими, провинциальными и столичными, газетами. Так, например: «Саратовский листок» сообщал о холерных беспорядках, происшедших 28 июня в г. Сара-

---

[1] Звезда, 1938, № 3, стр. 173.
[2] По поводу. — Новая жизнь, 1905, № 23, 27 ноября.



1905 г. М. Горький и М. Ф. Андреева.



тове: «Опасности подвергался ветеринарный врач М., слышались разговоры: „Коровьего доктора[1] проучить надо — он заодно с ними!" К счастию на г. М. была форменная фуражка с кокардой, почему его приняли не за ветеринара, а за чиновника». Из приволжских городов наблюдался массовый выезд врачей. Рассказывалось много жутких сцен, кончавшихся кровопролитием.

Лиза («Дети солнца») видела одну из таких сцен, которая в нежной душе ее посеяла «тоскливый ужас». Однако то, что она видела, никак не напоминает картину организованного расстрела и избиения казаками рабочих 9 января 1905 г. на улицах Петербурга. По черновому варианту пьесы — Лиза видела, как «убивали людей» «палками по головам... камнями». Как известно, 9 января убивали людей пулями из трехлинейных винтовок и шашками. Образ красного песка также не вяжется с январским снежным днем.[2] Ведь М. Горький так и пишет: «всюду на снегу обильно выступали яркие красные пятна». Следовательно, в основе мотива эпидемии холеры в пьесе «Дети солнца» лежат факты действительности, взятые М. Горьким из газет 1892 г. или рассказанные ему очевидцами.

Если образ Егора рассматривать в свете этой вполне исторической даты, то он никак не может ассоциироваться с теми погромщиками-черносотенцами 1905 г., выступление которых совпало с временем первых постановок «Детей солнца» в Москве и в Петербурге. Однако буржуазно-реакционная критика пыталась создать впечатление, что М. Горький в лице Егора дал именно предводителя банды погромщиков-черносотенцев и не пытался даже разоблачить своего героя. Само собой разумеется, что ничего общего между черносотенцами и слесарем Егором нет. Это именно тот человек, который, будучи переполнен до краев обидой на весь уклад жизни, ищет врагов своих среди бар и господ. Его мстительность еще не нашла сознательного классового выражения, но Егор именно тем и отличается от пьяницы у Дж. Чена, что в нем ясно ощутима тенденция к осознанию себя человеком («Али мы не люди?»), и эта тенденция определяет все его поведение, она вырывает его из царства темноты, из векового рабства.

Образ Егора продолжал волновать М. Горького и после написания «Детей солнца». Известно, что М. Горький в 1906 г. написал роман «Мать». На первых страницах этого романа читатель знакомится с Михаилом Власовым, тоже пьяницей, слесарем. Так же как и Егор Резвов, Михаил Власов бил жену, Пелагею Ниловну, был груб и страшен в своем озлоблении. «Осо-

---

[1] В «Детях солнца» Миша и Егор называют Чепурного «скотским доктором».

[2] См. статью Б. Городецкого в сборнике «М. Горький. Материалы и исследования», т. I. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1934, в которой образ красного песка и сцены, очевидцем которой была Лиза, прямо выводится из событий 9 января 1905 г.

бенно боялись его глаз... каждый, кто встречался с их взглядом, — так же как Лиза в „Детях солнца" при встрече с Егором, — чувствовал перед собой дикую силу, недоступную страху, готовую бить беспощадно». Обозленный на весь мир, надорвавшись непосильным фабричным трудом, Михаил Власов умер и унес с собой в могилу темную злобу и слепую ненависть. Его сын — Павел — стал революционером-большевиком, и мать Павла, Пелагея Ниловна, «разбитая долгой работой и побоями мужа», поняв правду сына революционера, поверила этой солнечной правде и, не колеблясь, пошла за ним. Она, как и ее сын Павел, вышла из среды обиженных Егоров, воспрянула духом, нашла для себя смысл жизни и в противовес героям Дж. Чена, увидевшим в глубине всего смерть, стала страстным поборником жизни. «Миром идут дети! Вот что я понимаю, — говорит Ниловна, — в мире идут дети, по всей земле, все, отовсюду — к одному! Идут лучшие сердца, честного ума люди, наступают неуклонно на все злое, идут, топчут ложь крепкими ногами... Идут на победу всего горя человеческого, на уничтожение несчастий всей земли ополчились, идут одолеть безобразное и — одолеют! Новое солнце важгем, говорил мне один, и — зажгут! Соединим разбитые сердца все в одно — соединят!» [1]

Для международного пролетариата книги М. Горького были источниками революционного пафоса и в то же время давали ответ на «проклятые» вопросы той интеллигенции, которой были дороги интересы трудящихся. Но, отрицая капиталистический уклад жизни, эта интеллигенция еще не поднялась до идеи социалистической революции, и потому ее протесты не имели положительной, творческой программы. Дж. Чена, выходец из крестьянской среды, выступивший со своими произведениями как певец бедноты, принадлежал именно к этой интеллигенции. В письме к М. Горькому от 2 ноября 1906 г. [2] он писал:

Учитель и дорогой собрат!

Представлюсь Вам официально, как редактор «Новой Антологии» (журнал, который опубликовал несколько Ваших драм и собирается дать Ваших «Варваров»), чтобы вывести себя затем, как одного из Ваших страстных поклонников и как одного из писателей, которые стараются распространить в Италии идеи внешнего и внутреннего освобождения человека, которые Вы проповедуете в России и отзвуки которых отдаются во всем мире.

Я испытал бы некоторую радость, если бы какой-либо русский журнал опубликовал, с небольшими исправлениями, мой роман «Вестники», при мысли, что я могу быть прочтенным Вами, могущественным адвокатом жизни мизераблей (каким я был во время моего детства и юности), творцом этого удивительного Луки в «На дне», являющегося одним из самых глубоких созданий, которых заставило жить современное искусство. Я надеюсь познакомиться с Вами в Риме, но не могу

---

[1] М. Горький, Собрание сочинений, ГИЗ, 1932, т. VIII, стр. 304.
[2] Архив А. М. Горького. Перевод А. Н. Михайловой.

утерпеть до Вашего приезда, не послав Вам братский привет и часть моей души в моей книге.

У меня угрызения совести, что я требую немного Вашего времени и Вашего внимания, но так как Вы воспользуетесь своим пребыванием у нас не только для Вашего здоровья, но также и для того, чтобы узнать Италию, то я осмеливаюсь надеяться, что чтение моей книги не будет бесполезным для Вас.

С тысячью пожеланий и благодарностей

Ваш преданный

Джиованни Чена.

Улица Haniclik 45 Рим.

Письмо Дж. Чена к М. Горькому, как мы видим, не было случайностью, как не было случайностью и последующее личное их знакомство. Писатели из народа не только на родине М. Горького, но и далеко за пределами ее, считали М. Горького своим учителем, обращались к нему за помощью, а в книгах его находили ответы на вопросы, поставленные жизнью. Эти писатели спрашивали: «В чем смысл жизни?» И вместо неясных, туманных слов своих, получали четкие горьковские слова: «Смысл жизни — в службе революции».[1] Но служить революции не могут люди, «кровь которых испорчена пессимистической мутью, отвратительными, отравляющими душу испарениями того болота, где мы киснем», — говорил М. Горький.[2] И вслед за героем комедии Ростана Сирано де Бержераком, еще задолго до написания «Детей солнца» он восклицал: «Страшно хорошо — быть рожденным с солнцем в крови!..» «Если бы в нашу кровь хоть искру солнца!»[3] Творчество М. Горького для угнетенного человечества было тем солнцем, искры которого глубоко западали в сердце человека и разжигали кровь. Эта кровь «вся искрится жизнью, как вино, и опьяняет жаждой жизни».[4]

---

[1] М. Горький. О литературе. М., 1933. стр. 72.

[2] М. Горький. Сирано де Бержерак. — Нижегородский листок. 1900 № 4, 5 января.

[3] Там же.

[4] Там же.

С. КАСТОРСКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПОВЕСТИ «МАТЬ»

(О первоначальном тексте повести)

Классический памятник социалистической культуры — повесть М. Горького «Мать», как известно, сыграла громадную роль в истории революционного пролетарского движения, внеся свою долю в подготовку рабочего класса и крестьянства к Великой Октябрьской социалистической революции. Это огромное историческое значение повести отметил Владимир Ильич Ленин сразу, как только успел познакомиться с нею, еще до выхода ее из печати: «Книга — нужная, много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочитают „Мать" с большой пользой для себя».[1] «Очень своевременная книга!» — добавил Ленин и одобрил, что М. Горький поспешил ее написать.

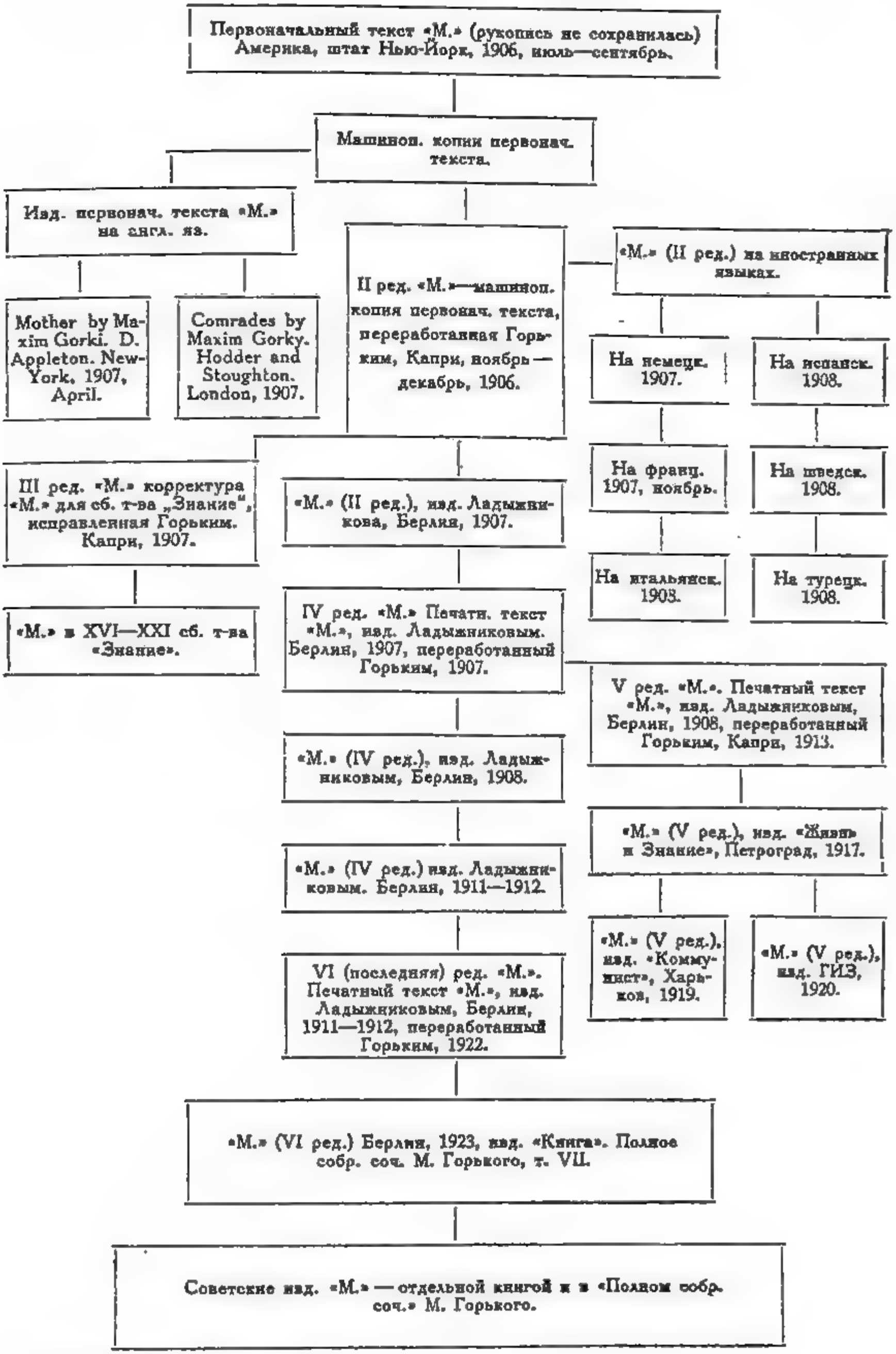
В годы реакции «Мать» М. Горького помогала партии Ленина — Сталина в собирании сил, в сплочении пролетариата для новой борьбы, поднимала дух бодрости, мужества у всех лучших людей, преданных делу революции, пробуждала сознание у отсталых рабочих. Об этом убедительно говорят восторженные отзывы революционных рабочих, например, «Открытое письмо М. Горькому», написанное группой рабочих-большевиков.[2] Своей подлинной большевистской правдой «Мать» разоблачала врагов пролетариата и крестьянства: самодержавие, буржуазию, их агентов — социал-предателей рабочего класса.

«Мать» М. Горького принадлежит к тем замечательным памятникам культуры, которые, выполняя огромную общественно-политическую роль, одновременно создают эпоху в истории литературы. Она явилась одной из наиболее ярких вершин нового стиля — реализма оптимистического, жизнеутверждающего, реализма социалистического. История текста «Матери» дает нам все основания поставить и в той или иной степени разрешить вопрос

---

[1] М. Горький, Собрание сочинений, ГИЗ, 1933, т. XXII, стр. 190.
[2] Труженик, 1908, № 13—14, 15 августа.

СХЕМА ИСТОРИИ РЕДАКЦИЙ ПОВЕСТИ М. ГОРЬКОГО «МАТЬ»



Die Mutter
Roman von Maxim Gorki

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ

МАТЬ

BERLIN
Bühnen- und Buchverlag russischer Autoren
J. Ladyschnikow
1907

Титул зарубежного издания повести «Мать». Берлин, 1907 г.

о становлении горьковского реализма. Работа М. Горького над «Матерью» является к тому же наглядным примером того, как надо работать советским писателям над своими произведениями, чтобы они стали достойными нашей великой эпохи, каким взыскательным к себе должен быть каждый из них, каким большим чувством ответственности должен быть проникнут.

I

Тот текст «Матери», который сейчас читает многомиллионный советский читатель, является результатом огромной творческой работы М. Горького. Работа над «Матерью» в творческой деятельности М. Горького занимает период до двадцати лет — с 1902 г. по 1922 г. На основании документов, имеющихся в нашем распоряжении, и проведенной нами текстологo-аналитической работы мы можем говорить о шести редакциях «Матери».

Краткая история этих редакций текста «Матери» такова.

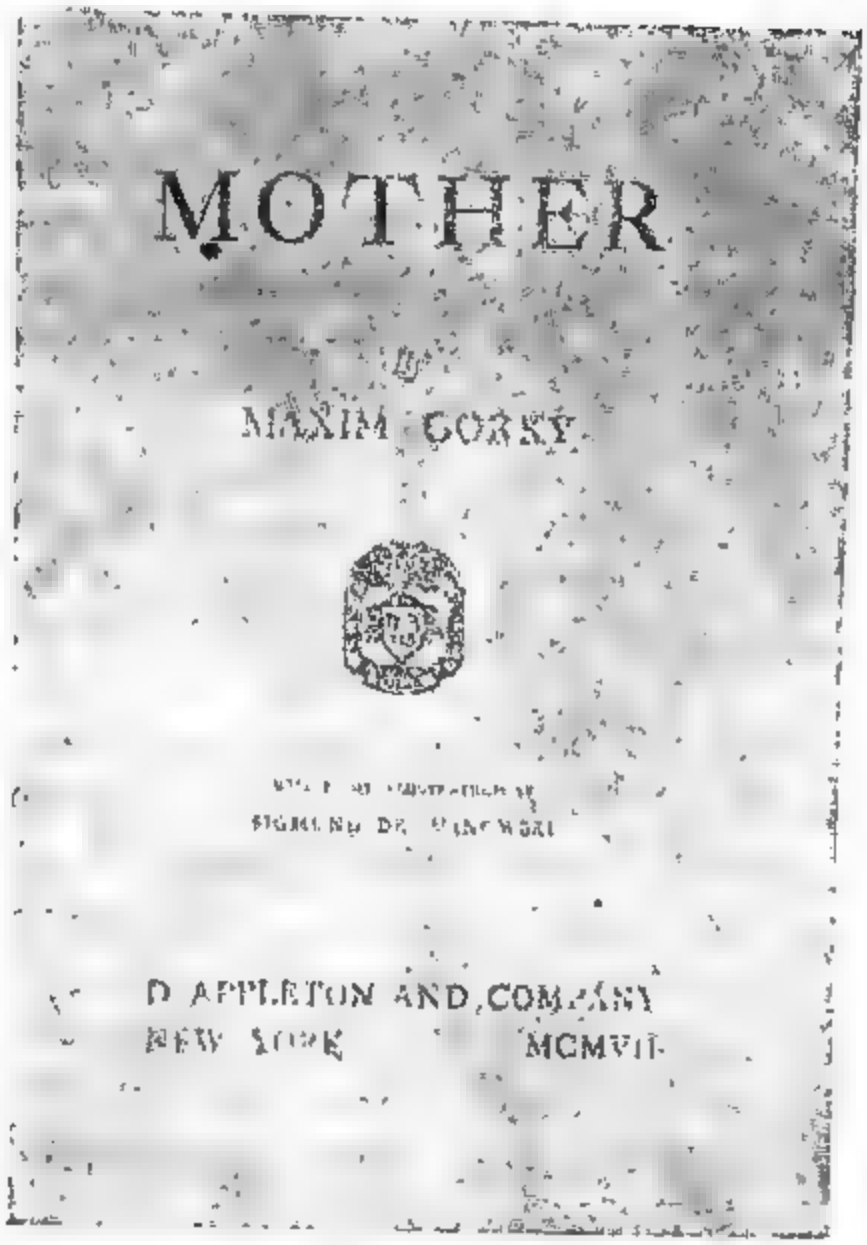
В декабре 1906 г. в массовом американском журнале «Appleton magazine», издаваемом в Нью-Йорке фирмой Аппльтон и К° печатаются на английском языке первые главы повести М. Горького «Мать». Это самая ранняя публикация *первоначального текста* повести. Около того же времени аналогичный текст «Матери» печатается фельетонами на немецком языке в Берлине в «Vorwärts» и других газетах. В апреле 1907 г. в издании ньюйоркской фирмы «Appleton» выходит «Мать» на английском языке отдельной книгой. Текст этого издания — перевод первоначального текста «Матери».

Вскоре после ньюйоркского издания «Матери» повесть выходит отдельными книгами на русском и немецком языках в Берлине в издании «Bühnen- und Buchverlag russischer Autoren, I. Ladyschnikow, 1907». Но текст этого издания «Матери» М. Горьким значительно переработан, почему настоящее издание «Матери» условно мы будем называть *второй* редакцией.

В этой редакции «Мать» выходит затем в 1907—1908 гг. отдельными изданиями на французском, итальянском, испанском, шведском и других языках.

Начиная с апреля 1907 г., «Мать» печатается в России в сборниках т-ва «Знание»: №№ 16, 17, 18, 19, 20, 21. Знаньевский текст, вначале аналогичный берлинскому изданию 1907 г., правится М. Горьким в корректуре. Таким образом, в сборниках т-ва «Знание» мы имеем текст, отличающийся от второй редакции, почему мы определяем его, опять-таки условно, как третью редакцию «Матери».

В 1908 г. в Берлине в издании Ладыжникова «Мать» выходит вторым изданием. Это — четвертая редакция повести. Для этого издания М. Горький правит печатный текст берлинского издания «Матери» 1907 г., минуя знаньевскую редакцию.


MOTHER

BY

MAXIM GORKY

D APPLETON AND COMPANY

NEW YORK MCMVII

Титул американского перевода повести «Мать». Нью-Йорк, 1907 г.

В 1913 г. М. Горький снова перерабатывает «Мать», на сей раз по печатному тексту берлинского издания Ладыжникова 1908 г. «Мать» должна была выйти в России отдельной книгой в издательстве «Жизнь и знание» в 1914 г. Но цензура запретила издание, и в этой новой — пятой — редакции «Мать» вышла в свет только в 1917 г.

В 1922—1923 гг. М. Горький предпринимает издание полного собрания своих сочинений в Берлине в издательстве «Книга» и подвергает повесть «Мать» наиболее тщательной переработке. Эта — шестая — редакция «Матери» является окончательным текстом повести.

Для наглядности прилагаем схему истории редакций «Матери» (см. стр. 289).

Основным и большим препятствием в работе над историей текста повести М. Горького «Мать» является отсутствие многих автографов «Матери». Из шести редакций текста «Матери» мы пока располагаем только тремя автографами: 1) автограф — полный текст шестой редакции «Матери», это — печатный текст берлинского издания Ладыжникова 1911—1912 гг., выправленный М. Горьким для полного собрания своих сочинений в издательстве «Книга», Берлин, 1922 г.; 2) машинописный текст первой и второй частей «Матери», неполный, нехватает ряда страниц, с незначительной авторской правкой. С этого текста была напечатана

«Мать» в издании Ладыжникова, Берлин, 1907 г.; 3) часть машинописного текста первой части «Матери», с которого набиралась «Мать» для XVIII сборника т-ва «Знание».

Учитывая слабо представленную документальную часть по истории текста «Матери», мы не можем считать наши выводы категорическими и окончательными.

II

Исходным и определяющим моментом в работе над историей текста «Матери» является наиболее верное и точное определение характера первоначального текста. Самым ранним текстом, — условно будем называть его первоначальным, — следует считать текст, с которого был сделан перевод на английский язык, а затем издан ньюйоркской фирмой Аппльтон в апреле 1907 г.

Но мы имеем основания говорить, что этот текст «Матери» имеет свою предисторию, он, в свою очередь, является своего рода известным итогом, завершением большой предварительной работы М. Горького.

Идейно-тематическими подступами к «Матери», к ее политической программе, ее центральным образам в известном смысле можно считать отдельные мотивы и образы даже самых ранних романтических рассказов М. Горького, как то: «Старуха Изергиль», «О чиже, который лгал...», «Песня о Соколе» и др. Образы Данко, Сокола и др. своим романтическим революционным пафосом борьбы и самопожертвования ради блага народа во многом сродни таким образам повести «Мать», как: Павел, Андрей, Мать, Саша и др. Неслучайно, например, то, что прообразу Павла, П. А. Заломову, особенно нравилась «Песня о Соколе» — «она была созвучна нашим настроениям, она доводила нас до слез восторга».[1]

Образ фабрики — паука, высасывающего из людей соки, в известной степени созвучен образу капитала — вампира, изображенного М. Горьким еще в «Челкаше». В романе «Трое» кузнец — отец Пашки, зверски избивающий свою жену, мрачное детство Пашки, и другие тяжелые картины жизни во многом напоминают жизнь рабочего Михаила Власова и его семьи.

Ранние рассказы М. Горького напоминают «Мать» не только характером своих героев: целый ряд ярких, красочных выражений из первоначальных произведений М. Горького повторяется в «Матери» почти без изменений.

Так, например, чиж зовет птиц «туда в страну счастья. Туда в это чудное далеко!»[2]

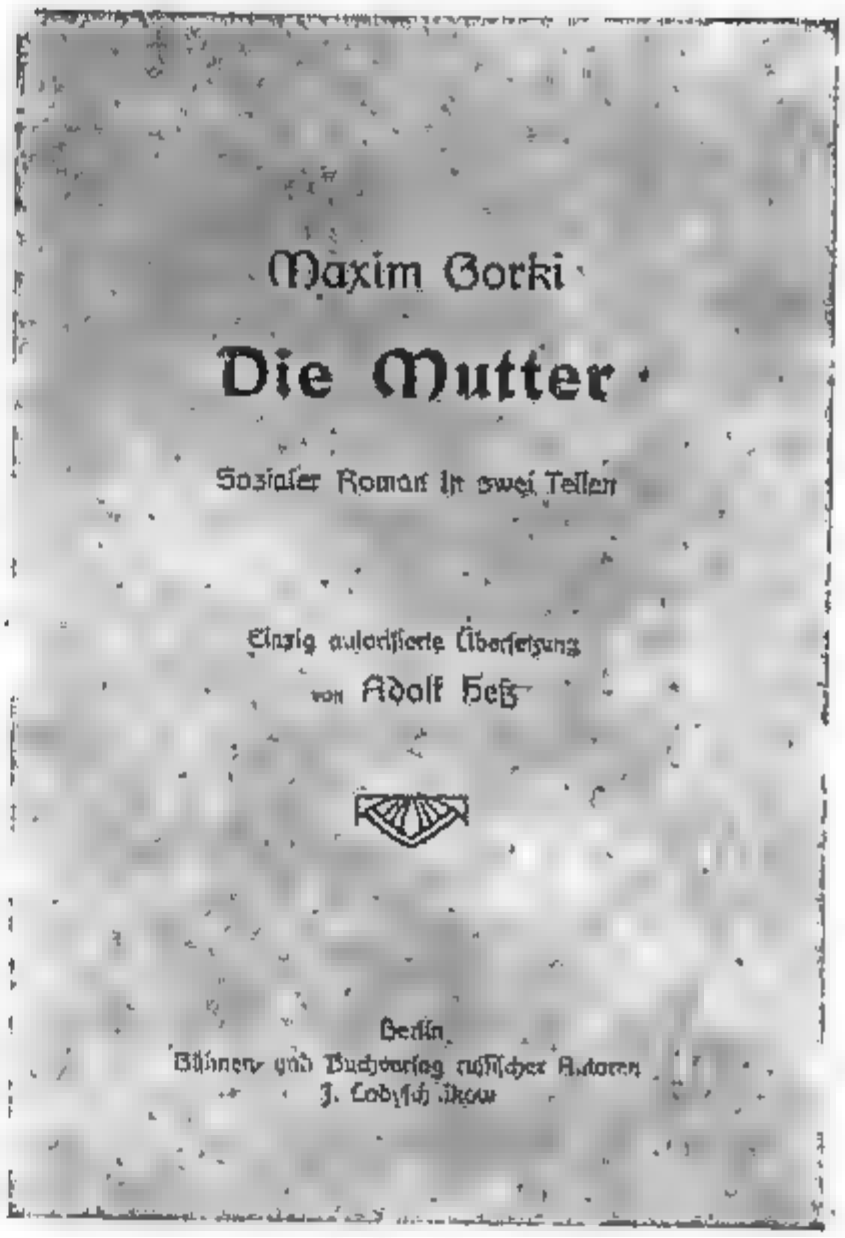
---

[1] П. Заломов. Мои встречи с А. М. Горьким. — Правда, 1936, № 172, 24 июня.

[2] М. Горький, Собрание сочинений, ГИЗ, 1929, т. I, стр. 47.

За мной, кто смел! Да сгинет тьма!
Душе живой в ней места нет!
Зажжем сердца огнем ума,
И воцарится всюду свет![1]

В тех же тонах выдержана, например, речь Андрея на демонстрации: «Кто не верит в силу правды, в ком нет смелости до смерти стоять за нее, кто не верит в себя и боится страданий — отходи от нас в сторону! Мы зовем за собою тех, кто верует в победу нашу».[2]

О Данко М. Горький писал: «И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из нее свое сердце и высоко поднял его над головой. Оно пылало так ярко, как солнце и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещаемый этим факелом великой любви к людям».[3] То же самое говорит М. Горький о Павле Власове и примерно в таких же выражениях. Павел на собрании рабочих по поводу «болотной копейки» решил открыть неорганизованной, малосознательной массе глаза на рабочую правду, тоже хотел вывести народ из «темного леса на светлую яркую поляну». «Его охватило необоримое желание отдать себя силе своей веры, бросить людям свое сердце, зажженное огнем мечты о правде».[4]

Maxim Gorki

Die Mutter

Soziales Roman in zwei Teilen

Einzig autorisierte Übersetzung
von Adolf Heß

Berlin
Bühnen- und Buchverlag russischer Autoren
J. Ladyschnikow

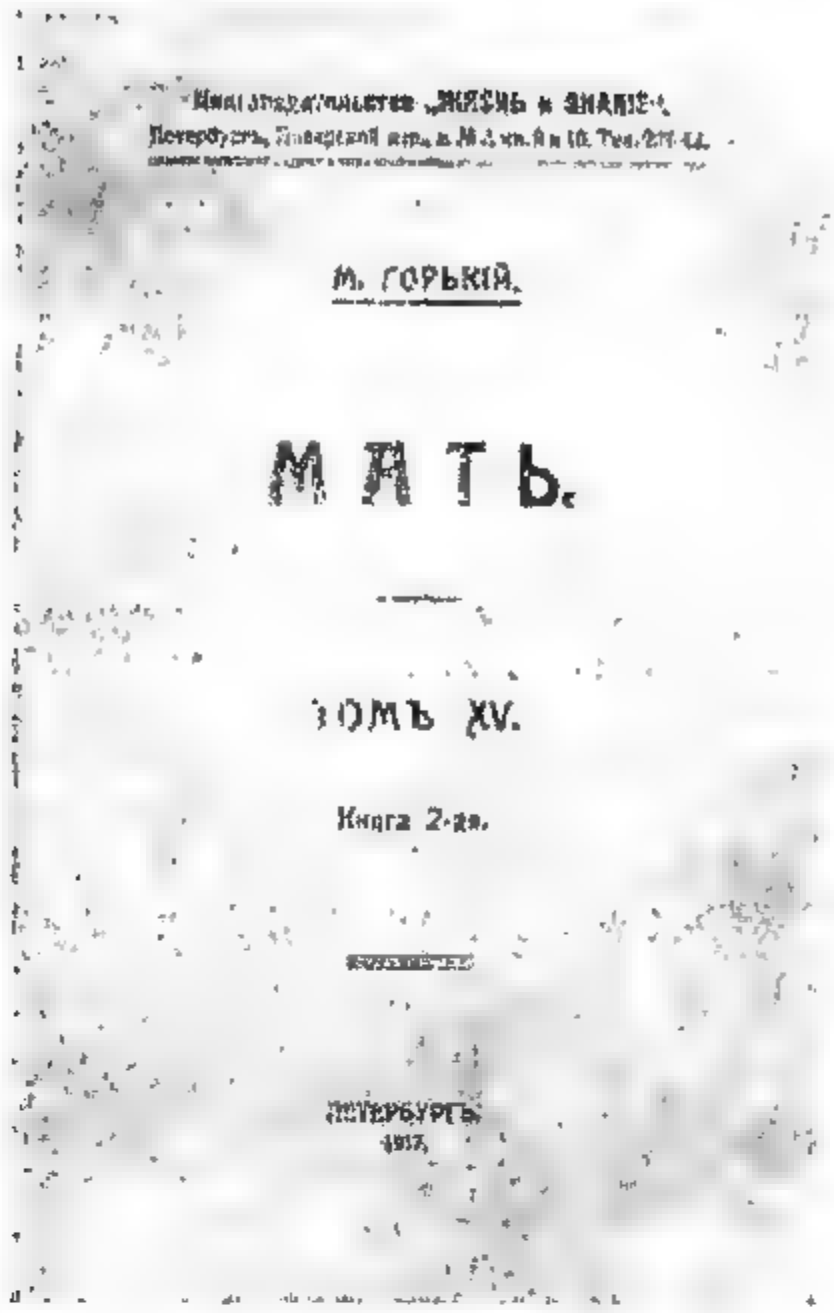
Титул немецкого перевода повести «Мать». Берлин, 1907 г.

Примерно так же говорит Андрей Находка: «Так ради этой жизни — я на все пойду! Вырву сердце, если надо, и сам растопчу ногами сердце свое!»[5]

Чем ближе к 1905 г., тем ярче и сильнее начинают звучать идеологические мотивы «Матери» в творчестве М. Горького. Речи и поступки героев «Матери» исполнены воли и мужества буревестника: «Мы победим, потому что мы с рабочим народом!» — уверенно и громко говорит Софья;[6] «Смотришь на них (на рабочих, — *С. К.*) и видишь — Россия будет самой

---

[1] Там же, стр. 45.
[2] Maxim Gorki. The Mother. New York, 1907, стр. 220. В дальнейшем условным обозначением этого издания будет Н.
[3] М Горький, Собрание сочинений, ГИЗ, 1929, т. I, стр. 117.
[4] Н., стр. 84.
[5] Н., стр. 186.
[6] Н., стр. 275.



Титул русского издания повести «Мать». Петербург, 1917 г.

яркой демократией земли!» — восклицает Николай Иванович.[1]

«Молодые, здоровые несут необоримые силы свои все к одному — к справедливости! Идут на победу всего горя человеческого, на уничтожение несчастий всей земли ополчились, идут одолеть безобразное и — одолеют!» — говорит мать.[2]

Стилистика большинства речей Андрея своим эмоциональным пафосом напоминает пафос «Песни о буревестнике». Например:

> «Все песни, как ручьи, бегут — льются в одну реку, и течет река широко и свободно в море светлых радостей новой жизни... Подумаешь, что ведь это — будет! Не может этого не быть, если мы так хотим... Тогда удивленное сердце замирает от радости, плакать хочется... так хорошо!»[3]
>
> — «Я уже богат, как звезда золотыми лучами... я все снесу, все вытерплю... потому что есть во мне радость, которую никто, ничто, никогда не убьет! В этой радости — сила!»[4]

Предгрозовыми настроениями овеян и образ машиниста Нила из пьесы «Мещане». В его характере, поступках, речах много общего с образом большевика Павла. Оптимизм, весенние настроения, постоянное ощущение радости жизни — одни из самых характерных черт Нила и Павла. Он бодро смотрит вперед, любит жизнь, поет ей славу: «Большое это удовольствие — жить на земле! — восклицает он. — Эх, хорошо жить на свете! Ведь хорошо?» — обращается он к своей невесте Поле. — «Хорошо... милый ты мой друг, славный ты мой человек!» — отвечает ему Поля.

Но для Нила, как и для Павла, жить, ощущать радость жизни значит бороться с врагами народа за полное и окончательное освобождение рабочих и крестьян от ига капитализма. Нил — сознательный пролетарий, с развитым классовым самосознанием

---

[1] Н., стр. 399.

[2] Б., стр. 426 (Б. — условное обозначение берлинского издания «Матери» на русском языке: M. Горький. Мать. Berlin, Bühnen- und Buchverlag russischer Autoren, I. Ladyschnikow, 1907.

[3] Н., стр. 136.

[4] Н., стр. 179.

и чувством человеческого достоинства. «Хозяин тот, кто трудится!» — так кратко, но с исчерпывающей полнотой формулирует свою пролетарскую точку зрения Нил.

Сильный, всегда бодрый, уверенный в себе пролетарий, смело и решительно вмешивается Нил в ход жизни, чтобы изменить ее. «Права не дают, права берут!» — говорит он. Непримиримый к врагу, Нил не дрогнет, не согнется в битве с ним. В этой борьбе он видит смысл бытия, черпает оптимизм, радость жизни: «И на все средства души моей удовлетворю мое желание вмешаться в самую гущу жизни... месить ее и так и этак: тому — помешать, этому — помочь... вот в чем радость жизни!»

Нил полон веры в неизбежную и скорую гибель буржуазно-дворянского строя: «Они (помещики и капиталисты, — *С. К.*), — говорит Нил, — пройдут, исчезнут, как исчезают нарывы на здоровом теле!»

Предчувствуя победу, Нил восклицает: «Наша возьмет!» «Победим мы, рабочие!» — вслед за ним восклицает Павел Власов.

Нил — агитатор, организатор революционной борьбы. В депо он уже одержал победу над начальником. Борец с врагом, Нил одновременно олицетворяет собой созидательную силу, творческую мощь пролетариата. Прекрасно выразил это М. Горький в следующих словах Нила:

> «Знаешь, я ужасно люблю ковать. Перед тобой красная, бесформенная масса, злая, жгучая... Бить по ней молотом — наслаждение. Она плюет в тебя шипящими, огненными плевками, хочет выжечь тебе глаза, ослепить, отшвырнуть от себя. Она живая, упругая... И ты сильными ударами сплеча делаешь из нее все, что тебе нужно...»

Рабочие-революционеры пьесы «Враги» идейно аналогичны образам «Матери». Пьеса и повесть написаны почти в одно время: «Враги» — апрель — июнь 1906 г., «Мать» — июль — октябрь 1906 г. И то и другое произведение — яркая картина революционной борьбы как движения пролетарских масс, взятого во всей сложности и конкретности. Пролетарская солидарность, высокая политическая сознательность, выдержка, спокойствие, мужество, вера в победу, любовь к народу, презрение и ненависть к врагам — вот основные черты героев-революционеров пьесы «Враги» и повести «Мать». Можно проводить параллели между отдельными персонажами этих двух революционных произведений. Например, анархически настроенному, не освободившемуся еще от стихийного бунтарства Весовщикову («Мать») в известной степени соответствует рабочий Якимов («Враги»), убивший директора фабрики. Во главе рабочего движения на фабрике Бардиных и Скроботовых стоит молодой рабочий-подпольщик Синцов («Враги»). Образованный, политически-стойкий, пользующийся авторитетом среди рабочих, он похож на Павла Власова. То же спокойствие и мужество, та же вера в рабочее дело, в победу пролетариата: «Я с ними (рабочими, — *С. К.*) долго жил, — го-

ворил Синцов, — знаю их, вижу их силу... Верю в их разум...»

И когда Татьяна спрашивает: «И в то, что им принадлежит будущее?» — Синцов отвечает ей просто и твердо: «И в это!»

Однако образы Нила и Синцова являются как бы высокохудожественными эскизами к полнокровному, развернутому образу положительного героя, большевика Павла.

В публицистических статьях, памфлетах, очерках, рассказах М. Горького, идейно и тематически связанных с 1905 годом и написанных в это время, можно видеть органический стиль «Матери». В ряде случаев эти статьи, очерки и рассказы как бы фрагменты «Матери».

Так, например, очень своеобразный рассказ «Товарищ» весь соткан из мотивов, отдельных фраз и выражений, которые затем зазвучат в «Матери», но только более громко и торжественно. Та же революционная патетика, тот же приподнятый, восторженный тон. Возьмем несколько примеров из «Товарища».

> «То там, то тут вспыхивал огонек, призванный разгореться в пламя, которое объемлет землю ярким чувством родства всех людей. Объемлет всю землю и сожжет, и испепелит злобу, ненависть и жестокость, искажающие нас, объемлет все сердца и сольет их в единое сердце мира — сердце правдивых, благородных людей, — в неразрывно-дружную семью свободных работников».[1]

Подобное выражение, только несколько перефразированное, неоднократно можно встретить в речах Андрея, Ниловны и других.

> «Растет новое сердце, ненько моя милая, новое сердце в жизни растет! — говорит Андрей. — Все сердца разбиты различием интересов, все обглоданы слепой жадностью, покусаны завистью, избиты, изранены и сочатся гноем... ложью, трусостью... Все люди больные, жить боятся, ходят, как в тумане... Но вот идет человек, освещает жизнь огнем разума и кричит, зовет... И по зову его, все верные сердца слагаются в одно огромное сердце...»[2]

В другом месте Андрей говорит так:

> «В этот день рабочие живут там одним сердцем, потому что все сердца горят сознанием мощи рабочего народа; все сердца бьются дружбой, каждый из них готов в этот день положить жизнь свою в борьбе за счастье всех, за свободу и правду для всех, товарищи!»[3]

В «Товарище»:

> «Они ходили по улицам города, мрачной и тесной тюрьмы своей, где их обливали презрением, где наполняли души их обидами и видели великое значение труда своего, и это возводило их на высоту сознания священного права быть хозяевами жизни, законодателями и творцами ее».[4]

---

[1] М. Горький, Собрание сочинений, ГИЗ, 1929, т. VII, стр. 141.
[2] Н., стр. 177.
[3] Н., стр. 187.
[4] М. Горький, Собрание сочинений, ГИЗ, 1929, т. VII, стр. 140.

В «Матери» мы найдем подобного рода выражения. Например, в речах Ниловны. Возьмем ее обращение к народу на вокзале, во время ареста:

> «Не поддавайтесь силе сильных! Вставайте, рабочие люди! Вы — хозяева жизни! Все живут вашим трудом и только для вашего труда они развязывают ваши руки. Вот вы связаны, и они убили, ограбили вашу душу! Соединяйтесь вашим сердцем и вашим умом в одну силу!»[1]

В беседе с крестьянами в селе Никольском мать говорит примерно в таком же духе:

> «С такими людьми можно итти народу, они на малом не помирятся, не остановятся, пока не одолеют все обманы, всю злобу и жадность, они не сложат рук, покуда весь народ не сольется в одну душу, пока он в один голос не скажет — я владыка, я сам построю законы для всех равные!»[2]

В очерке «Город Желтого Дьявола» описание рабочих, возвращающихся вечером с работы, очень близко описанию такого же момента в «Матери».

В «Городе Желтого Дьявола»

> «Люди кончили работу дня и, не думая о том, зачем она сделана, нужна ли она для них, — быстро бегут спать. Тротуары залиты темными потоками человеческого тела. Все головы однообразно покрыты круглыми шляпами, и все мозги — это видно по глазам — уже уснули. Работа кончена, думать больше не о чем. Все думают только для хозяина, о себе думать нечего; если есть работа — будет хлеб и дешевые наслаждения жизнью, кроме этого ничего не нужно человеку в городе Желтого Дьявола».[3]

В «Матери»

> «Фабрика выкидывала людей, словно отработанный шлак, и они снова шли по улицам, с закопченными, черными лицами, распространяя липкий запах машинного масла и блестя голодными зубами. Но теперь в их голосах звучало оживление и даже радость. На сегодня кончилась каторга труда, дома ждет ужин и отдых.
>
> День был проглочен фабрикой, машины высосали из мускулов людей столько силы, сколько им было нужно. День был бесследно вычеркнут из жизни, человек незаметно сделал еще шаг к своей могиле, но он видел близко перед собой наслаждение отдыха, радости дымного кабака и — был доволен».[4]

Вскоре после разгрома Московского декабрьского восстания М. Горький написал письмо-воззвание к рабочим.[5] И письмо является как бы сгустком идейной сущности «Матери». И письмо и повесть «Мать» одинаково дышат глубокой, упрямой верой в силы пролетариата, в близость пролетарской революции.

«Пролетариат побежден, революция подавлена», — с радостью кричала реакционная пресса, но радость преждевременная: пролетариат не побежден, хотя и понес потери. Революция укреплена

---

[1] Н., стр. 496.
[2] Б., стр. 333.
[3] М. Горький, Собрание сочинений, ГИЗ, 1929, т. VII, стр. 16.
[4] Н., стр. 1—2.
[5] Письмо написано М. Горьким в конце 1905 — начале 1906 г., но было перехвачено почтовой цензурой и направлено в Департамент полиции.

новыми надеждами, кадры ее увеличились колоссально... Русский пролетариат подвигается вперед к решительной победе, потому что это единственный класс, морально сильный, сознательный и верующий в свое будущее в России». Так заканчивает М. Горький свое письмо к рабочим и в таком же революционно-оптимистическом тоне начинает писать повесть о непобежденном российском пролетариате, который, веруя в свое будущее, «подвигается вперед к решительной победе».

Эта пламенная речь М. Горького-трибуна находит свой отклик в повести «Мать» в речах Павла, Андрея и матери.

Возьмем начало письма-воззвания:

> «Товарищи! Борьба против гнусного притеснения несчастных есть борьба за освобождение мира, жаждущего избавления от целой сети грубых противоречий, о которые разбивается, полное (так в подлиннике. — С. К.) чувства горечи и бессилия. Вы, товарищи, храбро пытаетесь разорвать эту сеть, но ваши враги настойчиво хотят возвратить вас к еще большему ограничению. Ваше оружие, ваш острый меч — правда, оружие же врагов ваших — ложь. Они, ослепленные золотом, преклоняются пред его могуществом и не видят великих идеалов единения всего человечества в одной большой семье свободных тружеников. Этот идеал сверкает, как звезда, и поднимается все выше и ярче светит во мраке бури. Социализм — религия свободы, равенства и братства — для них так же, как музыка для глухонемых и поэзия для идиотов».[1]

Мотивы настоящего воззвания и отдельные его выражения можно встретить в агитационных речах Павла (например речь его на суде), Андрея (например беседа Андрея с матерью, Павлом и Весовщиковым), матери (например беседа ее с крестьянами в селе Никольском, речь на вокзале во время ареста). Сходство есть даже в отдельных деталях стиля. Слово «правда» и в воззвании и в повести выступает, как революционный символ, и проходит через весь текст. Даже такие патетические образы, как «звезда во мраке бури», в достаточной степени характерны для восторженных речей героев «Матери»; того же Андрея: «Я уже богат, как звезда золотыми лучами».[2]

Идейную и стилевую близость можно устанавливать между «Матерью» и письмами тех лет М. Горького (1905—1906).

В одном из писем М. Горький писал:

> «Это глупые обжоры и сифилитики из дома Романовых, разорившие и опозорившие Россию, это генералы из остзейских немцев — их лакеи, готовые на все, вплоть до убийства тысяч людей и ограбления целых стран, все это — невежды, воры, варвары, скорее полуживотные, чем люди. Их идеал один — жрать, их наслаждение — власть над людьми, болезненное сладострастное упоение мучениями, жестокостью, кровью!
>
> Если они люди — в этом, ты знаешь, мы можем сомневаться, но если они люди, — они больные, они садисты, безумные, их необходимо

[1] Книга «Революционный путь Горького». По материалам Департамента полиции. ГИХЛ. М.—Л., 1933, стр. 106.

[2] Н., стр. 179.

или лечить, или уничтожать, как уничтожают бешеных волков, собак, свиней...» [1]

Революционный гнев М. Горького, его ненависть и презрение к самодержавию и капитализму повторяют в своих страстных речах герои повести «Мать».

Мать на вокзале перед арестом:

«Все против нас — мы издыхаем всю нашу жизнь день за днем в работе, всегда в грязи, в обмане, а нашими трудами тешатся и объедаются другие... и держат нас, как собак на цепи, в невежестве — мы ничего не знаем, и в страхе — мы всего боимся! Ночь — наша жизнь, темная ночь! Страшный сон она!.. Отравили нас крепкими пьяными ядами и пьют нашу кровь, насыщаются до одурения, до рвоты слуги дьявола жадности!» [2]

Николай Иванович:

«Вы посмотрите — какой ужас! Кучка глупых людей, защищая свою пагубную власть над народом, бьет, душит, давит всех... Растет одичание, жестокость становится законом жизни — подумайте! Они бьют и звереют от безнаказанности, заболевают сладострастной жаждой истязаний, отвратительною болезнью рабов, которым дана свобода проявлять всю силу рабьих чувств и скотских привычек. Другие отравляются местью, третьи, забитые до отупения, становятся немы и слепы... Народ развращают, весь народ!»

«Конечно, все эти становые, урядники — ничтожество, палка в руках умного мерзавца, дрессировщика животных... Но следует убить животное за то, что оно позволило сделать из себя зверя! Я бы убил взбесившуюся свинью!» [3]

III

Собственно над «Матерью» М. Горький начинает работать с 1902 г. Толчком к работе над повестью послужили сормовские события 1902 г. — первомайская демонстрация и ее участники — революционные рабочие-сормовичи. М. Горький в письме к В. А. Десницкому сообщал: «Мысль написать книгу о рабочих явилась у меня еще в Нижнем, после сормовской демонстрации. В то же время начал собирать материал и делать разные заметки». [4]

В телеграмме сормовским рабочим от 23 декабря 1935 г. М. Горький говорит о сормовских событиях, как «о дне крупного исторического значения, об одной из первых схваток пролетариата с его непримиримым врагом, о великом мужестве пролетариата».

П. А. Заломов и его мать А. К. Заломова стали первообразами центральных героев повести — Павла Власова и его матери Пелагеи Ниловны.

М. Горький знал о П. А. Заломове еще до сормовской демонстрации. Первомайские события дали М. Горькому массу новых ярких материалов о характере Заломова.

[1] В. В. Руднев. Горький-революционер. ГИЗ, 1929, стр. 81—82.
[2] Н., стр. 494—495.
[3] Н., стр. 396.
[4] В. Десницкий. М. Горький. ГИХЛ, 1935, стр. 150.

Многие конкретные черты из жизни Заломовых и, можно сказать, наиболее яркие взяты М. Горьким для своих героев: революционно-пропагандистская деятельность Заломова и Павла Власова, первомайская демонстрация и ведущая роль Заломова и Павла, арест, суд, речь на суде, ссылка в Сибирь.

Приведем рассказ П. Заломова о сормовской первомайской демонстрации для того, чтобы видеть, насколько близко к этому рассказу стоит горьковское описание первомайской демонстрации в «Матери».

> «Когда знамена были привязаны к древкам, мы двинулись вперед. Рядом со мной шагал Михаил Самылин. Шли мы по направлению к Дарьинской проходной и пели сначала „Варшавянку", а потом „Вы жертвою пали". Пение сопровождалось криками „Долой царя!" „Долой самодержавие!" Когда подошли к ручью, разделявшему улицу, раздался барабанный бой, и из переулка вышла рота в полном боевом снаряжении. Мы продолжали петь и итти навстречу солдатам.
>
> — Ружья на руку! Бегом марш! — скомандовал офицер. Солдаты со штыками наперевес кинулись на нас. В это время демонстранты, как было раньше условлено, скрылись в толпу, смешались с ней. Нас осталась небольшая кучка.
>
> Я прыгнул через ручей и один, без товарищей, пошел на штыки. Я ждал, что они поднимут меня на штыки, и считал, что это произведет на рабочих более сильное впечатление, чем если меня повесят где-нибудь в застенке.
>
> Но ни один штык меня не коснулся. Рота стала без команды. Офицер вырвал у меня знамя. Меня схватили за руки и растянули их в сторону. В грудь, в спину, в плечи посыпались удары прикладами ружей, чьи-то руки шарили по карманам. Меня взяли в кольцо и повели». [1]

Такое же сходство мы наблюдаем между Ниловной и ее прототипом — А. К. Заломовой.

А. К. Заломова возила прокламации из Н.-Новгорода в Иваново-Вознесенск, когда там была стачка. Возит прокламации в разные места и Ниловна Горького. А. К. Заломова привезла в Сормово прокламации в ведрах, прикрыв их сверху всякой рухлядью и кислой капустой; маскируясь корчагами с обедом, проносит на завод листовки Ниловна. И Заломова и Ниловна — обе участвуют в первомайской демонстрации, произносят речи, обращенные к массе, обе навещают своих сыновей в тюрьме и присутствуют на суде.

Но образы Ниловны и Павла не следует рассматривать как фотографию сормовских событий и Заломовых, как это делают некоторые критики. П. А. Заломов в письме к ученикам Б.-Солдатченской школы крестьянской молодежи правильно замечает, что «произведение Горького не является простым пересказом моей

---

[1] П. Заломов. Маевки прошлого. — Горьковская коммуна, 1935, стр. 100. — Описание первомайской демонстрации в «Матери» мы не приводим, потому что это место в первоначальном тексте аналогично тексту окончательной редакции.

жизни и жизни моей матери. Горький взял две эти жизни лишь, как канву, для своего художественого произведения».

И, действительно, между Заломовыми и Власовыми много различного. Например: у Заломовых было семь человек детей, из них две дочери, у Власовых только один сын. Можно указать еще на целый ряд подобного рода расхождений между Заломовыми и Власовыми.

Приведем рассказ П. А. Заломова о его семейном быте:

> «Отец мой помер 38 лет от роду, проработав на заводе 25 лет и оставив семь человек детей. После смерти отца дед мой собирал милостыню... Мы ссорились из-за куска хлеба. У нас и одежды порядочной не было, мать шила нам одежду из тряпок. Из-за недостатка хлеба ели заплесневшие корки, отковыривали присохшую к стенке горшка кашу. Отец мой умер от ядовитых газов и от них же он пил запоем. И мать ходила на завод, просила для меня работы. Меня 15-летнего на заводе запрягли и в дневную и в ночную работу, слишком тяжелую для меня, которую исполняли раньше взрослые рабочие... Я видел, как калечили людей на заводах физически и нравственно, как дико обращались с рабочими, как процветало взяточничество. Когда меня обижали, я молчал, а затем — под верстак и беззвучно, стиснув зубы, рыдал. Мать первый раз вздохнула, когда мы подросли, но одного брата взяли в солдаты».[1]

Даже в тех случаях, когда М. Горький брал конкретные факты из биографии Заломовых, которые он считал типичными для революционной деятельности пролетариата, он не просто воспроизводил эти факты, а всегда творчески перерабатывал их. Сопоставим для наглядности один из эпизодов революционной пропагандистской деятельности Заломовой и Ниловны — нелегальную доставку прокламаций:

Заломова	Ниловна
«Возила я прокламации и в Сормово. Дело было так: помню, взяла я эти прокламации, завернула в тряпку, положила в ведро, еще как следует заложила всякой рухлядью, а наверх положила капусты. Пришла на вокзал, ведро-то у меня то на спине, то в руке... Лезу, мне говорят: — Куда пришла с ведром, бабка, куда капусту-то везешь, — ишь, добро какое, разве в Сормове капусты-то не бывало? — Я смешком говорю: — Всякая есть капуста в Сормове, а вот такой еще там не бывало! — Так смехом и привезла ведро с капустой.	«В полдень она спокойно и деловито обложила свою грудь книжками и сделала это так ловко и удобно, что Егор с удовольствием щелкнул языком... Через полчаса, согнутая тяжестью своей ноши, спокойная и уверенная, она стояла у ворот фабрики. Двое сторожей, раздражаемые насмешками рабочих, грубо ощупывали всех входящих во двор, переругиваясь с ними. В стороне стоял полицейский и тонконогий человек с красным лицом, с быстрыми глазами. Мать, передвигая коромысло с плеча на плечо, исподлобья следила

[1] Правда, 1927, № 97, 1 мая.

Сдала я их рабочим, прежде сдала брату, который был вне всяких подозрений, — звали его Иваном Гариным».[1]

за ним, чувствуя, что это шпион.

— Меня-то пропустили бы, — попросила мать. — Видите, человек с ношей, спина ломится...

— Иди, иди, — сердито крикнул сторож. — Рассуждает тоже!

Мать дошла до своего места, поставила корчаги на землю и, отирая пот с лица, оглянулась.

К ней сейчас же подошли слесаря, братья Гусевы, и старший, Василий, хмуря брови, громко спросил:

— Пироги есть?

— Завтра принесу... ответила она. Это был условный пароль. Лица братьев просветлели. Иван, не утерпев, воскликнул: „Эх ты, мать честная!" Василий присел на корточки, заглядывая в корчагу, и в то же время за пазухой у него очутилась пачка листовок».

Многое яркое типичное для своих героев М. Горький брал и от других конкретных деятелей революции. Живя в Нижнем, М. Горький был в курсе всей партийной жизни Нижнего и других городов. «Его квартира в Нижнем, — как пишет В. В. Руднев, — была тем фокусом, в котором скрещивались лучи революционной общественности, местом, где могли увидеться мимоезжие легальные и нелегальные революционные деятели разных оттенков, но преимущественно социал-демократическая молодежь».[2]

М. Горький был тесно связан с революционным активом рабочих Нижнего и Сормова. Он хорошо знал таких сормовских большевиков, как Дмитрий Павлов, Скороходов, Самылин, Григорий Козин, Григорий Гарин и др. Со многими из них он был в дружеских отношениях, особенно с Дмитрием Павловым.

Дмитрий Павлов или, как любил его называть М. Горький, Митя Павлов в 1905 г. был боевым товарищем Алексея Максимовича по организации Московского восстания. Он погиб в 1918 г. В письмах с боевого фронта Д. Павлов называл М. Горького любовно «д р у г о м, у ч и т е л е м, т о в а р и щ е м р а б о ч и х».

«Накануне революции 1905 г. и в дни ее, — пишет В. А. Десницкий в своей статье о „Матери", — Горький вступил в теснейшее соприкосновение с многочисленными представителями революционной социал-демократии, с рабочими и интеллигентами-большевиками.

К его впечатлениям от большевистской организации Нижнего — Сормова... присоединились впечатления от его активного участия в революционной жизни Петербурга и Москвы».[3]

[1] Из выставочных материалов Музея А. М. Горького.
[2] В. В. Руднев. Горький-революционер ГИЗ, 1929, стр. 52.
[3] В. Десницкий. М. Горький. ГИХЛ, 1935, стр. 161.

А к революции 1905 г. такие революционеры-рабочие, как Заломов, становились уже типичными, типичными становились их революционные дела. В большевистской «Искре», на ряду с речью П. А. Заломова, печатаются речи рабочих П. К. Денисова и А. С. Фролова.

Ниловна — типический характер, обобщение ярких, жизненных черт новой женщины, пробуждающейся к революции, вступающей на путь борьбы за новую, светлую жизнь.

Хорошо по поводу типичности образа Ниловны сказал М. Горький в письме к Марье Михайловне Черемцовой:

> «Вы, Марья Михайловна, спрашиваете, существовали ли люди, с которыми вы познакомились по книге „Мать"?
>
> Когда писатель работает книгу, он изображает в ней не портрет того или другого знакомого ему человека, а старается изобразить в одном человеке многих, похожих на этого одного человека...
>
> Была ли Ниловна? В подготовке революции, в „подпольной работе" принимали участие и матери. Я знал одну старуху, мать рабочего-революционера, которая, под видом странницы, развозила революционную литературу по заводам и фабрикам.
>
> Нередко матери, во время тюремных свиданий с сыновьями, передавали им записки „с воли", от товарищей. Мать одного из членов ЦК партии большевиков хранила печать Комитета на голове у себя, в прическе.
>
> Жандармы дважды делали обыск в квартире, а печати не нашли.
>
> Такие матери были не так уж редки...»[1]

В письме к Н. И. Иорданскому М. Горький в свое время писал:

> «Ниловна — портрет матери Петра Заломова, осужденного в 900-х годах за демонстрацию 1 мая в Сормове. Она работала в организации, развозила литературу, переодетая странницей, в Иваново-Вознесенском районе и т. д. Она не исключение. Вспомните мать Кадомцевых, судившуюся в Уфе за то, что она пронесла в тюрьму сыну бомбы, коими была взорвана стена во время побега. Я мог бы назвать с десяток имен матерей, судившихся вместе с детьми и лично мне известных».[2]

К числу таких матерей, как А. К. Заломова, и лично известных М. Горькому, можно отнести, например, землячку Заломовой Вассу Павлову, мать Дмитрия Павлова. Она была хозяйкой конспиративной квартиры. Из конкретной деятельности Павловой М. Горький мог взять отдельные черты для своей Ниловны.

О такой же, примерно, Ниловне, матери рабочего Камаева, пишет в своих мемуарах А. С. Фролов:

> «Его мать, наша „мамаша", полная, еще молодая женщина, отдавшаяся всей душой делу революции, была такой же веселой и неунывающей, как и сын. У нее был такой характер, что с каким бы кислым настроением ни был товарищ, какое бы горе его ни тяготило, мамаша заметит, подойдет, поговорит — и все как рукой снимет. И опять работать тянет и жить.
>
> — Олимпиада Ильинишна, — говорят, бывало, ей — что в вас такого, что вы всех можете успокаивать?

---

[1] Из неопубликованного письма (Архив А. М. Горького).

[2] В. Десницкий. М. Горький. ГИХЛ, 1935, стр. 204.

Усмехнется, и так усмехнется, что больше и слов не надо, — в самой улыбке ответ.

Жизнь, товарищи, любить надо, борьбу в ней. Если очень хорошо в жизни — крепко не радуйся, и плохо — не унывай, а будь всегда весел.

У нее так и было: печку ли она топит, прокламации ли печатают, принесут ли припрятать оружие, — хоть бы что, она лишь посмеивается. Все соседи знали, что дом ее — гнездо подпольщиков, не раз обыски были, но никогда у нее никого не захватывали и ничего не находили...»[1]

О том, как вставала на путь Ниловны самая рядовая, темная, неграмотная рабочая женщина, рассказывает землячка Заломовой, Ольга Михайловна Лаптева:

«Перед 1 мая 1902 года у нас все чаще собирались товарищи мужа. Я слышала слова; „забастовка, демонстрация". И вот эту демонстрацию, наконец, увидела. Сормовские рабочие шли с красными флагами и пели песни. И вдруг налетели казаки. И что тут было!..

После этого я стала участницей революционной работы в Сормовской социал-демократической организации. Я хранила и переправляла нелегальную литературу. Сама была малограмотна. Муж и мой брат читали мне прокламации, листовки, брошюры.

В 1905 году меня приняли в партию и поручили хранение литературы и листовок и передачу ее членам 2-го сормовского социал-демократического кружка. Помогала товарищам... работать в типографии. Я была малограмотная; поэтому мне поручили резать бумагу, катать печатный вал и носить напечатанные листовки на корректуру. В сумке — будто иду на базар — я переносила напечатанные листовки в партийные группы. В горячие дни мы печатали, бывало, целые ночи напролет».[2]

М. Ф. Андреева, в беседе со мной по поводу «Матери», высказала интересное предположение, что в трогательном эмоциональном образе Ниловны, страдающей душой за всех обиженных, как-то преломился образ любимой бабушки М. Горького. В декабре 1905 г., рассказывала М. Ф. Андреева, в Москве происходили похороны Баумана, превратившиеся в мощную демонстрацию. А. М. Горький, в виду болезненного состояния, не мог пойти и очень об этом жалел. Когда же М. Ф. Андреева и другие друзья М. Горького, вернувшись с демонстрации, рассказали ему о расстрелах демонстрантов, Алексей Максимович заметил: «А вот если бы бабушка моя была жива, она ведь была бы там с вами!..»

Среди писем-материалов М. Горького к неосуществленной повести «Сын» есть письмо одной матери-старушки к сыну-революционеру, по всей вероятности, Алексею Бурову, находившемуся в эмиграции.

«Леничка, незабвенный сын мой, вот уже год, как мы живем в разлуке, но, право, мне много легче жить врозь, чем бояться, что тебя схватят синие хари. Пора бы привыкнуть ко всему этому, но эта у меня рабья трусость еще не умерла совсем; ведь я родилась еще в крепостничестве. Тебе, я думаю, папа писал, что я ездила в Соловецкий монастырь. Как там хорошо, я не представляла. Вот где надо бы нам

---

[1] А. С. Фролов. Пробуждение. ГИЗ Украины, 1923, ч. I, стр. 140.
[2] «Погорельцы». — Горьковская коммуна, 1935, 30 апреля.

устроить свидание. Тебе можно бы проехать через Норвегию и к соловецким, но мне поздно пришло в голову. Там никаких пачпортов не надо. Пробыла я там четыре дня. Ездила с Александрой Петровной Золотаревой. Съездили очень хорошо...

Прощай, мой дорогой! Целую тебя крепко, не скучай! Остаюсь сердечно любящая тебя мама твоя».[1]

Письмо рисует образ одной из тех русских матерей, которые свое правдивое и полное отражение нашли в образе Ниловны. Образ этой матери близок и к А. К. Заломовой и к Ниловне М. Горького.

Перед нами старушка, она родилась еще при крепостном праве. Но в ней, как и в Ниловне, начинается пробуждение к новой жизни. Она ненавидит самодержавие, горячо любит своего сына-революционера и стойко переносит разлуку с ним.

Образы Павла, Ниловны, равно как и других героев повести М. Горького «Мать», — результат огромной предварительной собирательной работы художника.

Так всегда поступал М. Горький, в каждом отдельном случае своей художественной работы.

IV

Первые наброски «Матери», как мне любезно сообщила М. Ф. Андреева, были сделаны Горьким в 1903 г. Одновременно с работой М. Горького над фрагментами повести шло накопление документальных материалов. Эта работа продолжалась и в 1904 г. М. Ф. Андреева вспоминает, что в Риге М. Горький читал в домашнем кружке наброски «Матери»; в числе слушателей, между прочим, был Савва Морозов. В письме к В. А. Десницкому М. Горький сообщает: «Савва Морозов дал мне десятка два любопытнейших писем рабочих к нему и рассказал много интересного о своих наблюдениях фабричной жизни».[2]

Много дало М. Горькому личное знакомство с П. А. Заломовым. Встреча состоялась в Финляндии на даче М. Горького в Куоккала в 1905 г., вскоре после побега Заломова из ссылки, незадолго до революционных событий.

«Он (Горький, — *С. К.*) расспрашивал меня, — вспоминает об этой замечательной встрече П. А. Заломов, — о моей жизни, об отце и матери, о революционной работе, о сормовской демонстрации. Я сообщал больше сухие факты, мало говорил о своих настроениях, ничего — о своих мечтах. Из ложного стыда я совершенно умолчал о побоях в участке и в башне нижегородской тюрьмы, о своих переживаниях. Мне и в голову не могла притти мысль о том, что мои рассказы, моя жизнь послужат канвой для замечательного произведения, которое сыграло большую роль в революционизировании широких рабочих масс».[3]

---

[1] Из неопубликованного письма (Архив А. М. Горького).

[2] В. Десницкий. М. Горький. ГИХЛ, 1935, стр. 150.

[3] П. Заломов. Мои встречи с А. М. Горьким. — Литературная газета, 1937, № 51, 27 сентября.

Насыщенный яркими героическими событиями 1905 год явился новым мощным стимулом к творческой работе М. Горького над «Матерью» и определил основной характер стиля будущего произведения.

Оставалось завершить эскизную работу над образами и начать приводить в систему фрагменты большого полотна. Но богатый собранный материал по «Матери» после 9 января 1905 г. куда-то исчез, «может быть, жандармы не возвратили» — предполагает М. Горький.[1] Однако М. Горький, несмотря на это, не откладывает работы над «Матерью». Он прекрасно сознавал всю историческую важность появления такой книги, как «Мать», в тот момент. Надо было во всеуслышание всему миру сказать настоящую правду про российский революционный пролетариат.

История первоначального текста «Матери», на основании тех материалов, которыми мы в настоящее время располагаем, представляется нам в таком виде.

В последних числах марта 1906 г. М. Горький приезжает в Америку. В Америке М. Горький отдается напряженной творческой работе. До половины июня М. Горький живет в Нью-Йорке на Stassen Seland. За это время М. Горький написал «Мои интервью»,[2] четыре очерка под общим названием «В Америке» и работает над пьесой «Враги».

«Посылаю две статьи, теперь — считаю — Вы получили 6, — Король, Франция, Царь, Миллионер, Хозяева жизни, Жрец морали — так? Следующие две — „Город Желтого Дьявола“ (Нью-Йорк), „Царство скуки“, — потом „Моб“ — толпа и Чарли Форстер: это вещи другого типа, они пойдут с отдельной нумерацией»—писал Алексей Максимович к К. Пятницкому в июне (получено 21-го) 1906 г.[3]

В середине июня М. Горький переехал из Нью-Йорка в штат Нью-Йорк и поселился на даче у эмигрантов Мартин, сперва в Sommerbrook (Соммербрук), а затем в Aderondax (Адерондакс), где и прожил до отъезда в Италию. На даче Мартин М. Горький чувствовал себя хорошо.

«Мы нашли себе приют у четы Мартин, социалистов и фабианцев, на острове около Нью-Йорка и чувствуем себя, как у Христа за пазухой» — писал он К. П. Пятницкому.[4] На даче Aderondax М. Горький и написал «Мать».

---

[1] В. Десницкий. М. Горький. ГИХЛ, 1935, стр. 150.

[2] Шесть рассказов: «Король, который высоко держит знамя», «Один из королей республики», «Жрец морали», «Хозяева жизни». «Русский царь», «Прекрасная Франция».

[3] Из неопубликованного письма М. Горького К. П. Пятницкому 29 апреля, 1906 (Архив А. М. Горького).

[4] Из неопубликованного письма М. Горького к К. П. Пятницкому. Июнь, 1906 (Архив А. М. Горького).

М. Горький много и упорно работает над повестью, в ее первоначальной редакции, переделывал текст несколько раз. М. Ф. Андреева сообщила мне, что за время пребывания в Америке она перепечатывала «Мать» на машинке пять раз, так много исправлений каждый раз вносил М. Горький.

К началу сентября 1906 г., как это видно из письма к К. П. Пятницкому от 5/18 сентября 1906 г., М. Горький закончил I часть «Матери»: «Написал пьесу („Враги", — *С. К.*) — Вы ее получили? Кончил первую часть большой повести „Мать"...»[1]

В этом письме, как мне сообщил К. П. Пятницкий, М. Горький впервые в своей переписке с ним упоминает о повести «Мать».[2]

На дальнейшую историю первоначального текста «Матери» значительный свет проливает система договоров М. Горького с американскими издательскими фирмами.[3]

При посредстве американского юриста Мориса Хилквита М. Горький заключил 15/28 августа 1906 г. нотариальный договор с «Центральным бюро прессы и новостей». Согласно этому договору, М. Горький обязывался передавать данной издательской фирме каждое новое свое произведение на двух языках: на английском и на русском. Английский текст фирма считает оригиналом, русский — переводом. Фирма не имеет права изменять текст без согласия автора. Фирма пользуется исключительным правом печатать произведения М. Горького на английском языке во всех странах, где говорят по-английски, и везде ограждает права автора.

После заключения этого договора М. Горький вступает в переговоры с издательской фирмой Appleton по поводу повести «Мать». С обоюдного согласия фирмы «Центральное бюро прессы и новостей» и М. Горького, издание «Матери» было передано фирме Appleton.

По договору, заключенному М. Горьким с Appleton от 4/17 сентября 1906 г., первую часть повести М. Горький должен был передать фирме при заключении договора, а вторую часть представить не позднее 15/28 декабря 1906 г.

Следовательно, 4/17 сентября 1906 г. фирма Appleton получила первую часть повести, уже переведенную на английский язык.

---

[1] Из неопубликованного письма к К. П. Пятницкому 5 сентября, 1906 (Архив А. М. Горького).

[2] В газете «Русское слово» 1906, 8/21 августа появилась информация такого рода: «М. Горький, ожидавшийся в Петербурге, снова вернулся, по словам „Понедельника", в Америку. Он в дороге только что окончил свой рассказ „Мать". „Мать" передает о том, каким образом сын ее стал революционером». Эта путаная информация неверна с начала до конца. Корреспондент воспользовался ложным сообщением «Понедельника» и ввел в заблуждение читателей.

[3] Сведения об этих договорах любезно сообщил мне К. П. Пятницкий.

13 октября М. Горький уехал из Америки в Италию, куда он прибыл 26 октября.

В письме к Ладыжникову, полученному им из Нью-Йорка в начале октября, М. Горький писал: «13-го выезжаем отсюда в Италию, пишите, если понадобится, Неаполь, до востребования. Будем там 26-го. По приезде туда вышлю Вам готовую первую часть повести».[1]

В телеграмме, посланной К. П. Пятницкому из Нью-Йорка 15/28 сентября, М. Горький сообщает о дне выезда из Америки: «Уедем из Америки 13-го октября». Следующая телеграмма К. П. Пятницкому, состоящая из двух слов «Когда приедете?»,[2] была послана М. Горьким из Неаполя 27 октября 1906 г. и, вероятно, сразу по приезде в Италию, так как в газете «Новое время» от 27 октября 1906 г. в отделе телеграмм сообщалось о митинге трудящихся масс Неаполя в честь приехавшего М. Горького.

Юридическая сторона ведения дела по изданию «Матери» фирмой Appleton была возложена М. Горьким на Мориса Хилквита.

В первой половине декабря 1906 г. М. Горький закончил вторую часть «Матери» и отправил ее в Америку своему доверенному.

«Рукопись Айзмана является для нас удобным предметом завязать прямые сношения с Хилквитом, — писал М. Горький Ладыжникову с Капри, в декабре 1906 г. — Он мне что-то не пишет, хотя я выслал ему всю повесть».[3]

V

Начиная с декабря 1906 г., «Мать» начала печататься фельетонами на английском языке в «Appleton Magazine» — в журнале книгоиздательской фирмы Appleton. Почти в то же самое время «Мать» печатается в Берлине на немецком языке в «Vorwärts» и других газетах.

Отдельным изданием «Мать» вышла в Нью-Йорке в апреле 1907 г. под заглавием:

Mother by Maxim Gorki with eight illustrations by Sigmund de Ivanovsky. D. Appleton and Company New-York, 1907.

Максим Горький. Мать. С восемью иллюстрациями Сигизмунда Ивановского. Изд. Д. Аппльтон и К⁰ Нью-Йорк, 1907.

На обороте титульного листа:

Copyright, 1906, 1907, by D. Appleton and Company. Published April, 1907.

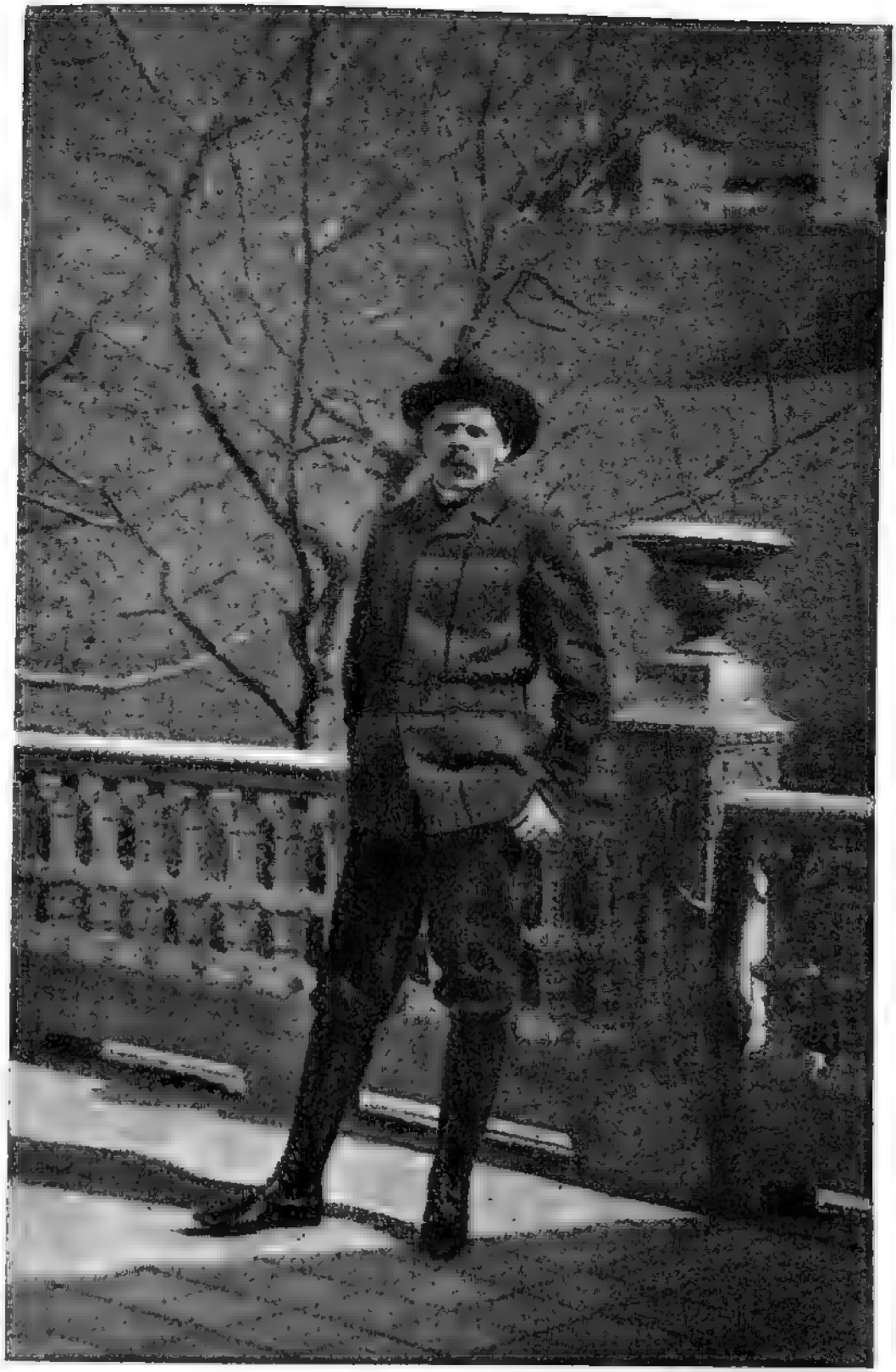
Авторское право в течение 1906, 1907 гг. принадлежит фирме Д. Аппльтон и К⁰. Опубликовано в апреле 1907 г.

---

[1] Из неопубликованного письма к И. П. Ладыжникову, октябрь, 1906 (Архив А. М. Горького).

[2] Текст телеграммы сообщил мне К. П. Пятницкий.

[3] Из неопубликованного письма к И. П. Ладыжникову (Архив А. М. Горького).



1906 г. Америка.

БИБЛИОТЕКА
Академии Наук
СССР

Изданием «Матери» М. Горький остался доволен. Он писал И. П. Ладыжникову: «Получил американское издание „Матери“ — очень хорошо. Славная бумага, на верхней крышке переплета картинка в красках — первое собрание у Павла...» (июнь, 1907).[1]

В 1907 г. на английском языке «Мать» вышла также в Лондоне, но под другим заглавием:

Comrades by Maxim Gorky. Hodder and Stoughton. London, 1907.[2]

Максим Горький. Товарищи. Ходдер и Стаутон. Лондон, 1907.

На обороте титульного листа:

Copyright 1906, 1907 under title of Mother by D. Appleton and C⁰.

Авторское право в течение 1906. 1907 гг. под заглавием «Мать» принадлежит фирме Аппльтон и К⁰.

После сличения этих двух английских текстов «Матери» мы пришли к заключению, что в обоих английских изданиях налицо один и тот же перевод повести М. Горького, несмотря на значительное количество разночтений.

Разночтения между английскими текстами в основном сводятся к стилистическим деталям. Сюда надо отнести ряд мелких стилистических вариаций между текстами в отдельных словах, выражениях, наличие разных синонимов, отдельные случаи вариантов в конструкции фраз, различия в начертаниях отдельных слов. Но эти расхождения в текстах как раз убеждают нас в том, что перед нами не два разных перевода, а двоякого рода редакционная обработка одного и того же перевода. Рассмотрим ряд конкретных примеров.

I. Разного рода мелкие стилистические вариации между нью-йоркским и лондонским текстами:

1) Б. Я думаю.
Н. I guess. — Я предполагаю.
Л. I expect. — Я полагаю.

2) Б. Рука была толстая, с короткими пальцами (132).
Н. His short-fingered hand was thick (152). — Его короткопалая рука была толста.
Л. His hand was thick, with short fingers (147). — Его рука была толстая, с короткими пальцами.

3) Б. Героизм твой стоит грош! (149).
Н. Is not worth a cent (173). — Твой героизм цента не стоит.
Л. Is worth nothing (168). — Твой героизм ничего не стоит.

4) Б. Сколько в нем недоверия к людям (174).
Н. How distrustful he is of people (202). — Как недоверчив он к людям.
Л. How much distrust of people there is in him (198). — Сколько в нем недоверия к людям.

---

[1] Из неопубликованного письма к И. П. Ладыжникову (Архив А. М. Горького).

[2] В дальнейшем условное обозначение этого издания: Л.

5) Б. И когда мысль была ясна матеои... (153).
Н. Начальное «И когда» переведено — Whenever (179). И всякий раз
Л. Начальное «И когда» переведено — And when (174). И когда.

Во всех приведенных случаях, как и во многих других, им подобных, разночтения объясняются особенностями американского и собственно английского языков. В одних случаях типичные образцы американизмов — большая лаконичность, точность, педантичность. В других — перевод, характерный для собственно английского языка.

В последнем примере для горьковского выражения «И когда» в ньюйоркском издании употреблена эмфатическая форма (Whenever) — вероятно потому, что выражением «И когда» начинается глава XVI.

II. Образцы разных синонимических выражений:

1) Н. With sudden excitation (183). С внезапным возбуждением.
Л. With sudden excitement (178). С внезапным возбуждением.

И в данном случае мы встречаемся с типичным примером американизмов и англицизмов.

Этим объясняются и остальные виды стилистических разночтений.

III. Вариации в конструкции отдельных фраз:

1) Б. Надо говорить с народом, а я не умею (176).
Н. The people require to be spoken to, and I cannot (205). Надо говорить с народом, а я не умею.
Л. The people require to be spoken to, and I cannot speak (200). Надо говорить с народом, а я не умею говорить.
2) Б. Павел, Андрей, Самойлов и Мазин только четверо оторвались от толпы (195).
Н. None but Pavel, Andrey, Samoylov and Masin advanced beyond the crowd (226). Только Павел, Андрей, Самойлов и Мазин пошли вперед, от толпы.
Л. Pavel, Andrey, Samoylov and Masin were the only four to advance beyond the crowd (220). Павел, Андрей, Самойлов и Мазин только четверо вышли вперед из толпы.

IV. Различия в начертании отдельных слов (этот тип разночтений оказался наиболее распространенным):

1) Б. Седые брови.
Н. Gray eyebrows (228). Седые брови.
Л. Grey eyebrows (221). Седые брови.
2) Б. Мы пашем.
Н. We plow (192). Мы пашем.
Л. We plough (187). Мы пашем.
3) Б. Шумели песни в ушах.

Н. The songs clamored at her ear (239).	Шумели песни в ушах.
Л. The songs clamoured at her ear (229).	Шумели песни в ушах.

При наличии двух переводов «Матери» мы имели бы более существенные расхождения и в конструкции фраз и вообще в стиле перевода. Вместо этого, в ньюйоркском и лондонском изданиях «Матери» целые абзацы, целые страницы обоих текстов полностью совпадают во всех деталях. Возьмем начало повести обоих изданий.

Ньюйоркский текст

«Every day the factory whistle bellowed forth its shrill, roaring, trembling noises into the smoke-begrimed and greasy atmosphere of the *workingmen's* suburb; and obedient to the summons of the power of steam, people poured out of little *gray* houses into the street. With somber faces they hastened forward like frightened roaches, their muscles stiff from insufficient sleep. In the chill morning twilight they walked through the narrow, unpaved street to the tall stone cage that waited for them with cold assurance, illumining their muddy road with scores of greasy, yellow, square eyes» (3).

Лондонский текст

«Every day the factory whistle bellowed forth its shrill, roaring, trembling noises into the smoke-begrimed and greasy atmosphere of the *working men's* suburb; and obedient to the summons of the power of steam, people poured out of little *grey* houses into the street. With sombre face they hastened forward like frightened roaches, their muscles stiff from insufficient sleep. In the chill morning twilight they walked through the narrow, unpaved street to the tall stone cage that waited for them with cold assurance, illumining their muddy road with scores of greasy, yellow, square eyes» (7).

О высоком качестве перевода, о внимательности, заботливости переводчика говорит стремление его как можно точнее и полнокровнее передать мысль оригинала и по возможности соблюсти очень своеобразный колоритный стиль повести. В этом мы легко можем убедиться, если сравним английский текст ньюйоркского издания с русским текстом берлинского издания 1907 г., являющегося последующей редакцией «Матери»: многие места ньюйоркского текста «Матери» почти полностью совпадают с берлинским текстом.

Возьмем для сопоставления из начала повести описание отца Павла.

Ньюйоркский текст

«Thus also lived Michael Vlasov, a gloomy, sullen man, with little eyes which looked at everybody from under his thick eyebrows suspiciously, with a mistrustful, evil smile. He was the best

Берлинский текст

«Так жил и *слесарь* Михаил[1] Власов, человек (мрачный) и угрюмый, с маленькими глазками, которые смотрели на все из-под густых бровей подозрительно, с недоверчивой, нехо-

[1] Мы взяли текст берлинского издания 1907 г. В ломаных скобках значатся слова, которые есть в ньюйоркском тексте, но отсутствуют в берлинском; выделены курсивом слова, которых нет в ньюйоркском тексте, но которые есть в берлинском.

locksmith in the factory, and the strongest man in the village. But he was insolent and disrespectful toward the foreman and the superintendent, and therefore earned little, every holiday he beat somebody, and everyone disliked and feared him.

More than one attempt was made to beat him in turn, but without success. When Vlasov found himself threatened with attack, he caught a stone in his hand, or a piece of wood or iron, and spreading out his legs stood waiting in silence for the enemy. His face overgrown with a dark beard from his eyes to his neck, and his hands thickly covered with woolly hair, inspired every body with fear. People were especially afraid of his eyes. Small and keen, they seemed to bore through a man like steel gimlets, and everyone who met their gaze felt he was confronting a beast, a savage power, inaccessible to fear, ready to strike unmercifully» (7).

рошей усмешкой. Он был лучшим слесарем на фабрике и первым силачом в слободке. Но он держался ⟨с мастерами⟩ и с начальством грубо ⟨и непочтительно⟩ и поэтому зарабатывал мало, каждый праздник он кого-нибудь избивал, и все его не любили и боялись.

Его тоже пробовали бить и не однажды, но безуспешно. Когда Власов видел, что на него идут *люди*, он хватал в руки камень, доску, кусок железа и, *широко* расставив ноги, молча ожидал врагов. Лицо его, заросшее от глаз до шеи черной бородой, и волосатые руки, густо покрытые шерстью, внушали всем страх. Особенно ⟨люди⟩ боялись его глаз. Маленькие и острые они, ⟨казалось⟩, сверлили людей, точно стальные буравчики, и каждый, кто встречался с их взглядом, чувствовал перед собой зверя, дикую силу, недоступную страху, готовую бить беспощадно» (8—9).

Американская и английская фирмы отредактировали, каждая по-своему, перевод «Матери»: внесли в него несущественные стилистические поправки, а, главным образом, сократили текст. В сокращениях текста «Матери» издательские фирмы не столько руководились идейно-политическими соображениями, сколько приспособливались ко вкусам публики. В обоих изданиях исключены как раз те места, которые с точки зрения как политической цензуры, так и цензуры нравов не вызывают сомнений. Но исключение этих мест делает повествование более живым, усиливает внешнюю динамику сюжета. Сокращаются чаще всего рассуждения и описательные места.

В ньюйоркском издании, например, отсутствуют такие места:

1. Размышление матери:

«И в глубине ее души, взволнованной печалью ожидания, несильно, но не угасая, теплилась надежда, что всего у нее не возьмут, не вырвут, что-то останется» (Л. 174).

2. Описание внешности Рыбина:

«Он широко улыбался, показывая свои белые зубы, голос его звучал мягче, чем раньше, и лицо его еще гуще заросло бородою» (Л. 186). «Он сел, широко расставив ноги, уперся в колени ладонями и, вопросительно ощупывал Павла темными глазами, довольный, весь как-то освежевший, добродушно улыбаясь, ждал ответа» (Л. 187).

3. Описание толпы на первомайской демонстрации:

«А навстречу ей задом пятились люди, одни, наклонив головы и нахмурив брови, другие, конфузливо улыбаясь, третьи, насмешливо свистя.

Она тоскливо осматривала их лица, ее глаза молча спрашивали, просили, звали...» (Л. 218).

В лондонском издании отсутствуют, например, такие места:

1. В главе о первомайской демонстрации описание толпы, стоящей в церковной ограде:

«Здесь было сотен пять веселой молодежи, озабоченных женщин и детей, мелькавших вокруг отдельных групп веселыми мотыльками. Толпа колыхалась, люди беспокойно поднимали головы кверху и заглядывали вдаль, во все стороны, нетерпеливо ожидая» (Н. 218).

2. Описание комнаты Николая Ивановича:

«В комнатах было тихо, чисто, на полу безмолвно дрожали узорчатые тени, по стенам тянулись полки, тесно установленные книгами, и висели портреты каких-то строгих, серьезных людей» (Н. 252).

Из диалога исключаются, главным образом, речи и отдельные реплики эпизодических лиц. Из разговора главных героев — те места, которые несколько затормаживают основной ход фабулы.

Например, в лондонском издании отсутствуют такие места:

1. Разговор в тюремной канцелярии среди пришедших на свидание:

«„Слышали?—говорила полная женщина с дряблым лицом и саквояжем на коленях.— Сегодня, за ранией обедней соборный регент опять мальчику певчему ухо надорвал".

Пожилой человек в мундире отставного военного громко откашлялся и заметил: „Эти певчие всегда такие сорванцы!".

По канцелярии суетливо бегал низенький, лысый человечек на коротких ногах, с длинными руками и выдвинутой вперед челюстью. Не останавливаясь, он говорил тревожным и трескучим голосом: „Жизнь становится все дороже, говядина второй сорт — четырнадцать копеек фунт, хлеб опять стал две с половиной..."» (Н. 141).

2. Разговор Андрея и Весовщикова:

«„Вот и я тоже не верил... Ах ты... воз!".

„Почему — воз?" — сумрачно усмехнулся Николай, глядя на хохла.

„А — похож?"

Вдруг Весовщиков громко засмеялся, широко открыв рот.

„Что ты?" — удивленно спросил хохол, остановившись против него.

„А я подумал — вот дурак будет тот, кто тебя обидит!" — заявил Николай, двигая головой.

„Да чем меня обидишь?" — произнес хохол, пожимая плечами.

„Я не знаю!" — сказал Весовщиков, добродушно или снисходительно оскаливая зубы.— „Я только про то, что очень уж совестно должно быть человеку, после того, как он обидит тебя".

„Вот куда тебя бросило!" — смеясь сказал хохол» (Н. 151).

В ряде случаев сокращения производились небрежно.

В лондонском издании «Матери» сокращений значительно больше, чем в ньюйоркском, и можно предположить, что целый ряд сокращений произведен по соображениям цензурного порядка.[1] Так, например, в лондонском издании систематически выпу-

[1] Имеется в виду бытовая цензура — исключения, производимые самой издательской фирмой.

скаются те места, где М. Горький отзывается непочтительно о религии, вернее о церкви и священнослужителях. Выброшен сон матери после демонстрации, когда она видит, как священник вдруг превращается в жандарма (Н. 242—244, Л. 232). Из описаний мрачной картины фабрики-паука выброшена фраза — «Над нами поднималась церковь, тоже темнокрасная, под цвет фабрики, и колокольня ее, казалось, была ниже фабричных труб» (Н. 250, Л 238).

Есть цензурные сокращения и по другим идеологическим мотивам. Например выпущено рассуждение Егора Ивановича об отравлении души золотом:

> «„Богатые, значит?" — спросила мать.
>
> „Вот именно! В этом их несчастье. Если, видите вы, в пищу ребенка прибавлять понемногу меди, это задерживает рост его костей, и он будет карликом, а если смолоду отравлять человека золотом, душа у него становится маленькая, мертвенькая и серая, совсем, как резиновый мяч, ценою в пятачок"» (Н. 168, Л. 163, Б. 145).

По политическим соображениям, вероятно, исключено в лондонском издании рассуждение Рыбина о Ефиме, который хочет итти в солдаты, чтобы сеять там революционные идеи:

> «Мучается! Упрям он... Ему итти в солдаты... ему и вот Якову... Яков просто говорит — не могу, а этот тоже не может, а хочет итти... у него есть мысль... Думает — можно солдат потревожить... Я полагаю — стены лбом не прошибешь... Вот они — штыки в руку и пошли. Куда? Не видят, что против себя идут. Да-а... мучается! А Игнатий бередит ему сердце... напрасно!» (Н. 283, Л. 269).

В ньюйоркском издании к исключениям по соображениям бытовой цензуры можно отнести не более двух-трех случаев: исключена фраза Рыбина: «Не копейкой дорожим, — кровью, правдой» (Н. 84, Б. 74); а также значительная часть его рассказа про хозяина-мироеда, у которого он работает:

> «Подрядился я в батраки к одному мироеду — там их у нас, как мух на мертвом теле. Деготь гоним, уголь жгем. Получаю за работу вчетверо меньше, а спину ломаю вдвое больше, чем здесь... вот! Семеро нас у него, у мироеда... Ничего, народ все молодой, все тамошние, кроме меня... грамотные все... один парень, Ефим, такой ярый, беда!» (Н. 193, Л. 187—188);

исключена часть гневной речи Николая Ивановича об истязателях, душителях народа:

> «Одни бьют и звереют от безнаказанности, заболевают сладострастной жаждой истязаний, отвратительной болезнью рабов, которым дана свобода проявлять всю силу рабских чувств и скотских привычек. Другие отравляются местью, третьи, забитые до отупения, становятся немы и слепы!..» (Н. 397, Л. 374).[1]

В лондонском издании «Матери» следует отметить ряд других наиболее ярких фактов издательской «правки» повести М. Горького.

---

[1] Это место отсутствует в лондонском издании.

Повесть М. Горького в лондонском издании имеет совсем другое название — «Товарищи». Деление повести на части (I и II) отсутствует. Вместо 39 глав нью-йоркского издания «Матери», в лондонском всего 23 главы, при этом каждая глава имеет свое название:

гл. I Life in the Village	Жизнь в слободке
гл. II Pavel's Ambition	Честолюбие Павла
гл. III A Secret Gathering	Тайное собрание
гл. IV The Brotherhood of Workers	Братство рабочих
гл. V In Fear and Trembling	В страхе и тревоге
гл. VI Under Arrest	Арест
гл. VII Seeking the Light	В поисках света
гл. VIII The «Muddy Penny»	Болотная копейка
гл. IX A Woman's Artifice	Женская хитрость
гл. X Reminiscences	Воспоминания
гл. XI Smuggled Literature	Нелегальная литература
гл. XII Learning to Read	Обучение чтению
гл. XIII A Visit to the Prison	Посещение тюрьмы
гл. XIV Pavel's Return Home	Возвращение Павла домой
гл. XV The First of May	Первое мая
гл. XVI Leaving the Village	Отъезд из слободки
гл. XVII Scattering the Seed	Посев семян
гл. XVIII The Coming of Death	Приход смерти
гл. XIX At the Cemetery	На кладбище
гл. XX In the Cause of Truth	Ради правды
гл. XXI A Message from Prison	Послание из тюрьмы
гл. XXII The Trial Begins	Суд начинается
гл. XXIII Exiled	Сослан

В лондонском издании «Матери» главы представляют собою объединение в единый большой комплекс ряда отдельных, тематически близких, но в то же время самостоятельных эпизодов. В центре главы, как правило, стоит наиболее яркий эпизод, и он-то обычно и дает заглавие главе, например: «Тайное собрание», «В страхе и тревоге», «Суд начинается» и др.

Своеобразной конструкцией глав и спецификой их заглавий (например: «Тайное собрание», «В страхе и тревоге», «Арест», «В поисках света», «Женская хитрость» и др.) издательство стремилось придать повести М. Горького некоторый авантюрный характер, вероятно, чтобы заинтересовать читателя.

С другой стороны, и содержание глав и их названия говорят о намерении издателя дать повести М. Горького несколько иное идейно-тематическое истолкование. Не о перерождении отсталой, забитой, робкой женщины в смелую и самоотверженную революционерку говорит характер названий глав повести, а о жизни, действиях, приключениях группы товарищей-революционеров.

Таким образом, лондонское издание «Матери» в известной степени следует считать вольной обработкой повести для массового читателя, и следовательно, этот текст «Матери» более далек от оригинала, чем английский текст нью-йоркского издания.

Вот почему при реставрации первоначального текста «Матери» мы взяли английский перевод «Матери» в ньюйоркском издании американской фирмы Аппльтон и К° 1907 г.

Ни рукописи, ни машинописной копии первоначального текста «Матери», с которого был сделан перевод на английский язык, мы не имеем. По всей вероятности, они не сохранились. Нам пришлось поэтому прибегнуть к переводу на русский язык английского текста повести, изданной в апреле 1907 г. ньюйоркской фирмой Аппльтон. Такой путь — пока единственное средство для того, чтобы иметь представление о первоначальном тексте «Матери».

Для того чтобы получить текст, количественно и качественно наиболее близкий к оригиналу, мы дополнили ньюйоркский текст лондонским — включили в ньюйоркский текст все те места, которые есть в лондонском издании «Матери», но отсутствуют в ньюйоркском.

Но восстановленная нами таким путем первоначальная редакция повести М. Горького ни в коем случае не может рассматриваться, как подлинный первоначальный текст «Матери». На основании полученного нами текста «Матери» более или менее определенно можно говорить лишь об идейно-тематической стороне повести в ее первоначальном виде и только в ограниченных формах о языке и стиле.

VI

Первоначальный текст «Матери» значительно отличался от дальнейших редакций, в особенности от последней, и в идейном и в художественном отношениях. Совершенно другой была внешняя структура повести — количество глав и их конструкция. Иначе были поданы такие важные эпизоды, как убийство Исая, Первое мая, арест Рыбина, суд, арест матери. Большинство героев повести было трактовано в первоначальной редакции иначе, в особенности, Андрей Находка. В значительной степени иной была и общая стилевая тенденция повести: система образных средств, лексика, синтаксический строй речи.

Объясняется все это, с одной стороны, тем, что М. Горький торопился написать «Мать» и, — как заметил М. Горькому В. И. Ленин на Лондонском съезде партии, — очень хорошо сделал, что поспешил.

Но в то же время «Мать» М. Горького в ее первоначальном виде имела несколько иную стилевую направленность, что надо поставить в конкретную связь с определенным этапом творческого пути М. Горького.

Композиция повести. Первоначально повесть делилась на две части, содержание частей было то же. Но количество глав и конструкция их были другими. Повесть распадалась на 39 глав:

в I части было 20 глав, во II — 19. В последующих редакциях М. Горький очень много работает над структурой глав, перерабатывал их четыре раза.

В первоначальной редакции только четыре главы полностью совпадают с главами последней редакции (1923): в первой части «Матери» IV глава первоначального текста соответствует VII главе последней редакции, VI — X главе, VII — XI главе и во второй части «Матери» VIII—XII главе. Остальные главы повести в первой редакции имели совсем другой вид.

Главы отличались, во-первых, бóльшей громоздкостью и недостаточной тематической расчлененностью — в одну главу объединялось несколько самостоятельных тематических эпизодов. Например, в содержание XIII главы первой части «Матери» первоначально входили такие картины: 1) приход Рыбина к матери с тревожным разговором об обмане народа образованными людьми и решение Рыбина итти в деревню бунтовать народ; 2) первое свидание матери с Павлом в тюрьме; 3) выход Весовщикова из тюрьмы и его разговор с Андреем о ненависти к людям. В дальнейшем М. Горький сделал из этой главы три главы.

Во-вторых, начала и окончания глав не всегда были удачными. Например глава X в первой части повести начиналось так: «Разговор кончился тем, что на другой день в обед мать была на фабрике с двумя корчагами Марьиной стряпни, а сама Марья пошла торговать на базар». В 1908 г. М. Горький эту фразу относит к концу предшествующей IX главы, так как эта фраза замыкает разговор Ниловны с Корсуновой.

Глава XVIII первой части «Матери» начиналась такими словами: «Хохол воротился поздно вечером усталый и тотчас же лег спать, сказав: „верст десять пробежал, я думаю...“» Но по смыслу эта фраза должна была заканчивать XVII главу, в конце которой говорится о том, как Андрей, все еще не освободившийся от тяжелого настроения в связи с убийством Исая, идет гулять в поле, а мать с Павлом горячо беседуют о нем.

Мы не считаем возможным давать детальный анализ структуры глав «Матери» в первоначальной редакции, так как у нас нет данных считать, что такое деление повести на главы везде было сделано именно М. Горьким. Не исключена возможность, что здесь есть вмешательство редакции издательской фирмы. В особенности, если мы учтем, что фирма Аппльтон первоначально публиковала «Мать» фельетонами в своем журнале, и вполне возможно, что это деление «Матери» затем было перенесено в текст отдельного издания.

Тематическая композиция первоначального текста, понимаемая как система образов, во всех своих основных линиях совпадала с композицией текста последней редакции: те же самые главные персонажи, такое же деление их на социальные группы и в основном то же самое их взаимоотношение между собою.

С второстепенными героями и эпизодическими лицами дело было иначе. Первоначально сюжет был осложнен целым рядом эпизодических лиц, которые при переработке текста для берлинского издания были М. Горьким исключены. Так, например, в тюремной канцелярии среди пришедших на свидание была одна «высокая дама, одетая в черное, с тонким, бледным лицом...»

Английский текст[1]	Перевод
«A tall lady dressed in black, with a thin, pale face, said lingeringly: „They'll soon put all the decent people in prison. They can't endure them, they loathe them!" (142).	«Высокая дама, одетая в черное, с тонким, бледным лицом, сказала медленно: „Они скоро всех приличных людей посадят в тюрьму. Они не могут выносить их, они ненавидят их!"»

В эпизоде ареста Рыбина довольно отчетливо намечался образ отсталой крестьянки, верящей злым слухам, что Рыбин—разбойник: «Ах, вор, какой у тебя страшный вид!» — крикнул женский голос (359).

Набросаны были контуры одного эпизодического лица в заключительной главе повести, в сцене ареста матери. После слов матери: «„Берите, все берите!" — сказала она, наклоняясь» — следовало: «Грязное лицо поднялось к ее лицу, и она услышала тихий шопот: „Кому сказать, кого известить?"—она не ответила» (495).

Образы некоторых эпизодических героев в первоначальном тексте были более развернуты, например образ второго адвоката на суде.

Намечалась несколько иная ситуация в группировке революционной рабочей молодежи. На стороне Павла и Андрея первоначально был только один Яков Сомов. Федя Мазин был в группе Весовщикова.

«Vjesovshchikov always kept hurrying everybody on somewhere. He and the red-haired youth called Samoylov were the first to begin all disputes. On their side were always Ivan Bukin, with the round head and the white eyebrows and lashes, who looked as if he had been hung out to dry, or washed out with lye; and the curly-headed, lofty-browed Fedja Mazin. Modest Yakob Somov, always smoothly combed and clean, spoke little and briefly, with a quiet, serious voice, and always took sides with Pavel and the Little Russian» (43).	«Весовщиков постоянно угрюмо торопил всех куда-то. Он и рыжий парень, которого звали Иван Самойлов, первые начинали все споры. С ними всегда соглашался круглоголовый, белобрысый, точно выцветший или вымытый щелоком Иван Букин и курчавый, большелобый Федя Мазин. Скромный Яков Сомов, всегда гладко причесанный и чистый, говорил мало и кратко, тихим серьезным голосом, всегда стоял в спорах на стороне Павла и хохла».

[1] Здесь и в дальнейшем мы везде даем английский текст «Матери» по ньюйоркскому изданию 1907 г. и свой перевод этого текста; цифры в круглых скобках обозначают страницы ньюйоркского издания.

В первоначальных замыслах образов Феди Мазина и Якова Сомова у М. Горького, по всем данным, были колебания — кого из них сделать эпизодическим лицом и кого дать в более развернутом плане. Вначале М. Горький, видимо, склонялся в сторону Якова Сомова, так как в первых главах он заслонял собою Федю Мазина, стоял на его месте. Например, хорошим знакомым матери был Яков Сомов, а не Федя Мазин, последнего мать совсем не знала: «Потом пришли двое молодых парней, почти еще мальчики. Одного из них мать знала — это был сын фабричного сторожа Сомова — Яков. Другой, остролицый, с высоким лбом и курчавыми волосами был незнаком ей, но тоже не страшен» (31).

Были персонажи, которые присутствовали в повести номинально, например Драгунов. Он упомянут был М. Горьким однажды, когда перечислялись сторонники Весовщикова: «Самойлов, еще более порыжевший в тюрьме, Василий Гусев, кудрявый Драгунов и еще некоторые доказывали необходимость итти с оружием» (166 и 167).

Сюжет повести развертывался в том же плане, что и в последней редакции. Основные события развивались, примерно, в той же последовательности. Однако целый ряд очень важных эпизодов в первоначальном тексте, как мы уже отмечали, композиционно был подан иначе.

Например, развернутая образная характеристика революционной песни, вероятно марсельезы, в окончательном тексте дана в начале повести, в конце VII главы, сразу после абзаца: «Часто пели песни...» В первоначальном же тексте описание этой песни было введено в главу о демонстрации и шло непосредственно после абзаца: «Казалось, в воздухе поет огромная, медная труба...», что было сделано, вероятно, из формально-тематических соображений: описывается демонстрация, показан революционный энтузиазм рабочей массы, революционеры поют революционные песни и, главным образом, марсельезу — «Отречемся от старого мира».

Иной была композиция сцены суда над Павлом и его товарищами. В сцене суда первоначально активную роль играли адвокаты, особенно второй адвокат. Он произносил большую, острую, умную речь, умело разоблачал комедию суда, приводил судей в замешательство и своей фигурой несколько заслонял и ослаблял идущее вслед выступление Павла.

Приведем первоначальный и окончательный тексты этой сцены.

Первоначальный текст		Окончательный текст
«„A live, strong man having in his breast a sensitive, honest heart cannot help rebelling with all his force against this life so full of open cynicism, corruption, falsehood, and so	«„Живой сильный человек с чувствительным и честным сердцем в груди не может не возмущаться всеми силами своей души против жизни, столь полной открытого цинизм-	(6-я редакция, издание «Книга», Берлин, 1922) «Она не отвечала, подавленная тягостным разочарованием. Обида росла, угнетая душу. Теперь Власовой стало яс-

blunted by vapidity. The eyes of honest people cannot help seeing such glaring contradictions.

The judge with the green face bent toward the president and whispered something to him; then the old man said dryly: „Please be more careful!" „Ha!" Sizow exclaimed softly.

„Are they judging?" thought the mother, and the word seemed hollow and empty as an earthen vessel. It seemed to make sport of her fear of the terrible.

„They're a sort of dead body", she answered the old man.

„Don't fear; they're livening up".

She looked at them, and she actually saw something like a shadow of uneasiness on the faces of the judges. Another man was already speaking, a little lawyer with a sharp, pale, satiric face. He spoke very respectfully:

„With all due respect, I permit myself to call the attention of the court to the solid manner of the honorable prosecuting attorney, to the conduct of the safety department, or, as such people are called in common parlance, spies".

The judge with the green face again began to whisper something to the president. The prosecuting attorney jumped up. The lawyer continued without changing his voice:

„The spy Gyman tells us about the witness: „I frightened him". The prosecuting attorney also, as the court has heard, frightened witnesses; as a result of which act, at the insistence of the defense,

ма, разврата, обмана и настолько бессмысленной безвкусицей. Глаза честных людей не могут не видеть таких ярких противоречий".

Судья с зеленым лицом наклонился к председателю и что-то прошептал ему. Тогда старик сухо сказал: „Пожалуйста, будьте осторожнее!" — „Ага!" — воскликнул Сизов.

„Разве так судят?"— подумала мать, и слово казалось ей полым и пустым, как глиняный горшок. Казалось, оно смеялось над ее страхом перед ужасным.

„Мертвые они какие-то!" — ответила она старику. „Не бойся! Оживают!" Она посмотрела на них и, действительно, увидала тени какого-то беспокойства на лицах судей. Уже говорил другой адвокат, маленький, с острым, бледным и насмешливым лицом. Он говорил очень почтительно:

„Со всем должным уважением, я разрешаю себе обратить внимание суда на солидную манеру уважаемого прокурора, на поведение отделения Охраны или, как говорят в общежитии, шпионов".

Судья с зеленым лицом стал что-то шептать председателю. Прокурор вскочил. Адвокат продолжал: „Шпион Гейман говорил о свидетеле — «Я его запугал». Прокурор тоже, как слышал суд, пугал свидетелей, и в результате такового действия, по настоянию защиты, он получил замечание от председателя суда".

Прокурор начал сердито и быстро говорить.

но, почему она ждала справедливости, думала увидать строгую, честную тяжбу правды сына с правдой судей его. Ей представлялось, что судьи будут спрашивать Павла долго, внимательно и подробно о всей жизни его сердца, они рассмотрят зоркими глазами все думы и дела сына ее, все дни его. И, когда увидят они правоту его, то справедливо, громко скажут: „Человек этот прав!"

Но ничего подобного не было — казалось, что подсудимые невидимо далеко от судей, а судьи — лишние для них. Утомленная мать потеряла интерес к суду и, не слушая слов, обиженно думала: „Разве так судят?"

„Так их!" — одобрительно прошептал Сизов. Уже говорил другой адвокат, маленький, с острым, бледным и насмешливым лицом, а судьи мешали ему.

Вскочил прокурор, быстро и сердито сказал что-то о протоколе, потом увещевая заговорил старичок. Защитник, почтительно наклонив голову, послушал их и снова продолжал речь.

„Ковыряй!" — заметил Сизов. „Расковыривай... где душа-то!.."

В зале зарождалось оживление, боевой задор. Адвокат раздражал острыми словами старую кожу судей. Судьи как будто сдвинулись плотнее, надулись и распухли, чтобы отражать пылкие и резкие щелчки слов».

he called forth a rebuke from the presiding judge".

The prosecuting attorney began to speak quickly and angrily; the old judge followed suit; the lawyer listened to them respectfully, inclining his head. Then he said:

„I can even change the position of my words if the prosecuting attorney deems it is not in the right place; but that will not change the plan of my defense. However, I cannot understand the excitement of the prosecuting attorney".

„Go for him!" said Sizov. „Go for him, tooth and nail! Pick him open down to his soul, wherever that may be!"

The hall became animated; a fighting passion flared up; the defense attacked from all sides, provoking and disturbing the judges, driving away the cold haze that enveloped them, pricking the old skin of the judges with sharp words. The judges had the air of moving more closely to one another, or suddenly they would puff and swell, repulsing the sharp, caustic raps with the mass of their soft, mellow bodies. They acted as if they feared that the blow of the opponent might call forth an echo in their empty bosoms, might shake their resolution, which sprang not from their own will, but from a will strange to them. Feeling this conflict, the people on the benches back of the mother sighed and whispered» (449—450).

Старший судья продолжал заседание суда. Защитник слушал их почтительно, наклонив голову. Затем он сказал: „Я могу изменить порядок моих слов, если прокурор считает его неуместным, но это не изменит плана моей защиты. Однако, я не понимаю волнения прокурора".

„Так его!" — сказал Сизов, — „так его, к ногтю! Расковыривай, где душа-то!"

В зале зарождалось оживление, сверкал боевой задор; адвокат нападал со всех сторон, вызывая и сбивая судей, рассеивая холодный туман, который их окутывал, раздражая острыми словами старую кожу судей.

Судьи как будто сдвинулись плотнее или вдруг надулись и распухли, чтобы отражать колкие и резкие удары всей массой мягкого, рыхлого тела. Они действовали так, как будто боялись, что удар оппонента может вызвать эхо в их пустых грудях, может поколебать их решение, исходившее не от их воли, но от воли чуждой им. Чувствуя это противоречие, люди на скамейках позади матери вздыхали и шептались».

После речей Павла и товарищей судьи не удалялись из зала суда для совещания о приговоре, председатель объявлял приговор сразу после речей подсудимых, после чего следовала сцена проща-

ния, причем прощальная беседа матери с Павлом и Андреем была совсем другой; иначе вели себя на суде Андрей, мать, Сизов и др.

Среди многих других картин и сцен (арест Рыбина, арест матери и др.), которые в первоначальном тексте были трактованы иначе, наиболее яркой и характерной является сцена убийства Исая.

Образ Андрея Находки. Эпизод с убийством Исая тесно связан с характером одного из главных лиц романа — Андрея Находки. В окончательном тексте «Матери», как мы знаем, Исая убивает Драгунов, а Андрей оказывается лишь невольным свидетелем и как бы сообщником убийства, отчего он потом так морально страдает. Но в первоначальном тексте картина была совершенно другой. Драгунов в этой сцене отсутствовал, убивал Исая Андрей Находка, спутником Находки был Иван Гусев, но последний никакого участия в убийстве не принимал.

Воспроизводим первоначальную редакцию этого эпизода:

„What is the matter with you, Andrey?" Pavel asked softly.

The Little Russian shook his head, stretched himself like a violin string, and said, looking at the mother:

„I struck Isay"

She rose, and quickly walked up to him, all in a tremble, and seized his hands. He tried to free his right hand, but she held it firmly in her grasp and whispered hotly:

„My dear, my own, hush! It's nothing — it's nothing — nothing, Pasha! Andriushenka — oh, what a calamity! You sufferer! My darling heart!"

„Wait, mother", the Little Russian muttered hoarsely. „I'll tell you how it happened".

„Don't!" she whispered, looking at him with tears in her eyes. „Don't, Andriusha! It isn't our business. It's God's affair!"

Pavel came up to him slowly, looking at his comrade with moist eyes. He was pale, and his lips trembled. With a strange smile he said softly and slowly:

„Come, give me your hand, Andrey. I want to shake hands with you. Upon my word, I understand how hard it is for you!"

„Wait!" said the Little Russian without looking at them, shaking his head, and tearing himself away from their grasp. When he succeeded in freeing his right hand from the mother's, Pavel

„Что с тобой, Андрей?" — тихо спросил Павел.

Хохол тряхнул головой, вытянулся, как струна, и сказал, глядя на мать:

„Я ударил Исая!"

Она встала и быстро подошла к нему, вся вздрагивая, схватила его руки. Он пробовал выдернуть правую, но она цепко держалась за нее и шептала горячим шопотом:

„Голубчик мой, тише! Родной мой, это ничего... это ничего... ничего Паша! Андрюшенька, ах какая беда! Сердечный мой!"

„Подождите, ненько!" — хрипло бормотал хохол. — „Я скажу вам, как оно было..."

„Не надо!" — шептала она, со слезами глядя на него. — „Не надо, Андрюша! Это не наше дело, это дело божье!"

Павел медленно подошел, глядя на товарища влажными глазами. Был он бледен, и его губы дрожали. Странно усмехаясь, сказал он негромко, медленно:

„Дай мне твою руку, Андрей! Я хочу пожать твою руку. Честное слово, я понимаю, как все это тяжело для тебя!"

„Подождите!" — говорил хохол, не глядя на них, мотая головой и стараясь вырваться от них. Когда ему удалось освободить свою правую руку

caught it, pressing it vigorously and wringing it.

„And you mean to tell me, you killed that man?" said the mother. „No, *you* didn't do it! If I saw it with my own eyes I wouldn't believe it".

„Stop, Andrey! Mother is right. This thing is beyond our judgment".

With one hand pressing Andrey's, Pavel laid the other on his shoulder, as if wishing to stop the tremor in his tall body. The Little Russian bent his head down toward him, and said in a broken, mournful voice:

„I didn't want to do it, you know, Pavel. It happened when you walked ahead, and I remained behind with Ivan Gusev. Isay came from around a corner and stopped to look at us, and smiled at us. Ivan walked off home, and I went on toward the factory — Isay at my side!". Andrey stopped, heaved a deep sigh, and continued: „No one ever insulted me in such an ugly way as that dog!"

The mother pulled the Little Russian by the hand toward the table, gave him a shove, and finally succeeded in seating him on a chair. She sat down at his side close to him, shoulder to shoulder. Pavel stood in front of them, holding Andrey's hand in his and pressing it.

„I understand how hard it is for you", he said.

„He told me that they know us all, that we are all on the gendarme's record, and that we are going to be dragged in before the first of May. I didn't answer, I laughed, but my blood boiled. He began to tell me that I was a clever fellow, and that I oughtn't to go on the way I was going, but that I should rather".

The Little Russian stopped, wiped his face whith his right hand, shook his head, and a dry gleam flashed in his eyes.

„I understand!" said Pavel.

„Yes", he said, „I should rather enter the service of the law". The Little Russian waved his hand, and swung his clenched fist. „The law! — curse his soul!" he hissed between his teeth. „It would have been better if he had struck me in the face. It would have been easier for me, and better for him, perhaps, too! But when he spit his

из рук матери, Павел поймал ее, крепко ее сжав.

„Ты хочешь сказать мне, что ты убил этого человека?" — сказала мать. „Нет, ты не сделал этого! Если бы я увидела своими собственными глазами, не поверила бы".

„Погоди, Андрей, мать права. Это не нам судить".

Одной рукой сжимая руку Андрея, Павел положил другую на его плечо, как бы желая остановить дрожь в его высоком теле. Хохол наклонил к ним голову и мрачно, прерывисто заговорил:

„Я не хотел этого, ты ведь знаешь, Павел! Случилось так: когда ты ушел вперед, а я остался сзади с Иваном Гусевым, Исай вышел из-за угла... стал в стороне... смотрит на нас, усмехается... Иван пошел домой, а я пошел к фабрике — Исай рядом со мной". Андрей остановился, тяжело вздохнул и продолжал: „Никто меня не обижал так скверно, как он, собака".

Мать молча тянула хохла за руку к столу, толкнула его и, наконец, ей удалось посадить Андрея на стул. А сама она села рядом с ним плечо к плечу. Павел стоял перед ним, держа руку Андрея в своих руках, пожимая ее.

„Я понимаю, как это тяжело для тебя". — сказал он.

„Он говорил мне, что всех нас знают, все мы у жандармов на счету и что выловят всех перед Маем. Я не отвечал, смеялся, а сердце закипало. Он стал говорить, что я умный парень и не надо мне итти таким путем, а лучше..."

Хохол остановился, отер лицо левой рукой, покачал головой, глаза его сухо сверкнули.

„Я понимаю!" — сказал Павел.

„Да. Лучше, говорит, поступить на службу закона, а?"

Хохол взмахнул рукой и потряс сжатым кулаком.

„Закона... — Проклятая его душа!" — сквозь зубы сказал он. — „Лучше бы он по лицу меня ударил... легче было бы мне и лучше для него, может быть. Но так, когда он плюнул в сердце мне грязной мыслью своей, я не стерпел".

dirty thought into my heart that way, I could not bear it".

Andrey pulled his hand convulsively from Pavel's, and said more hoarsely with disgust in his face:

„I dealt him a back-hand blow like that, downward and aslant, and walked away. I didn't even stop to look at him; I heard him fall. He dropped and was silent. I didn't dream of anything serious. I walked on peacefully, just as if I had done no more than kick a frog with my foot. And then — what's all this? I started to work, and I heard them shouting: „Isay is killed!" I didn't even believe it, but my hand grew numb — and I felt awkward in working with it. It didn't hurt me, but it seemed to have grown shorter".

He looked at his hand obliquely and said:

„All my life, I suppose, I won't be able to wash off that dirty stain from it".

„If only your heart is pure, my dear boy!" the mother said softly, bursting into tears.

„I don't regard myself as guilty; no, I don't!" said the Little Russian firmly. „But it's disgust. It disgusts me to carry such dirt inside of me. I had no need of it. It wasn't called for".

„What do you think of doing?" asked Pavel, giving him a suspicious look.

„What I am going to do?" the Little Russian repeated thoughtfully, drooping his head. Then raising it again he said with a smile: „I am not afraid, of course, to say that it was I who struck him. But I am ashamed to say it. I am ashamed to go to prison, and even to hard labor, maybe, for such a — nothing. If some one else is accused then I'll go and confess. But otherwise, go all of my own accord — I cannot!"

He waved his hands, rose and repeated:

„I cannot! I am ashamed!"

The whistle blew. The Little Russian, bending his head to one side, listened to the powerful roar, and shaking himself, said:

„I am not going to work".

„Nor I", said Pavel.

„I'll go to the bath house", said the Little Russian, smiling. He got ready

Андрей судорожно выдергивал свою руку из руки Павла и глуше с отвращением говорил:

„Я нанес ему удар тыльной частью руки вот так — вниз и вкось, и пошел дальше. Я даже не остановился посмотреть на него. Я услышал, как он упал. Он упал, и все смолкло. Я не думал о чем-нибудь серьезном. Я пошел дальше спокойно, как будто жабу пнул. Встал на работу. Слышу кричат: „Исая убили!" Не верилось, но рука тяжело заныла и неловко мне владеть ею... не больно, но как будто короче стала она".

Он искоса взглянул на руку и сказал: „Всю жизнь, наверно, не смою я теперь поганого пятна этого..."

„Было бы сердце твое чисто, голубчик мой!" — тихо заплакав, сказала мать.

„Я не виню себя, нет! Не виню!" — твердо сказал хохол. „Но противно же мне это! Противно! Такая грязь внутри... Лишнее это для меня..."

„Что ты думаешь делать?" — подозрительно взглянув на него, спросил Павел.

„Что я собираюсь делать?" — Хохол задумался, опустив голову, и, подняв ее, с усмешкой молвил:

„Сказать, что я его ударил... я не боюсь, конечно. Но стыдно мне сказать это. . Стыдно итти в тюрьму, может на каторгу за такое.., ничтожное... Если обвинят другого в этом — я пойду, скажу. А так сам первый... не могу".

Он развел руками, встал и повторил: „Не могу, стыдно!"

Запел гудок. Хохол склонил голову на бок, прослушал этот властный рев и, встряхнувшись, сказал:

„Не пойду работать..."

„Я тоже..." — отозвался Павел.

„Пойду в баню!" — усмехаясь, проговорил хохол и, быстро, молча собравшись, ушел, угрюмый и подавленный.

Мать проводила его сострадательным взглядом.

„Как хочешь, Паша, не могу я поверить ему. И если бы поверила — не винила бы, нет! Знаю — грешно убивать человека... Я верю в бога и в господа, Иисуса Христа, и не считаю Андрея виноватым. Жалко Исая!

in silence and walked off, sullen and low-spirited.

The mother followed him with a compassionate look.

„Say what you please, Pasha, I cannot believe him! And even if I did believe him, I wouldn't lay any blame on him. No, I would not. I know it's sinful to kill a man; I believe in God and in the Lord Jesus Christ, but still I don't think Andrey guilty. I'm sorry for Isay. He's such a tiny bit of a manikin. He lies there in astonishment. When I looked at him I remembered how he threatened to have you hanged. And yet I neither felt hatred toward him nor joy because he was dead. I simply felt sorry. But now that I know by whose hand he fell I am not even sorry for him"» (186—189).

Такой он гвоздик маленький... Он лежит там, как бы чему-то удивляясь. Поглядела я на него, вспомнила, как он грозился повесить тебя... и ни злобы к нему, ни радости, что помер он... а так, просто, жалко стало... А теперь, когда я знаю, от чьей руки он пал, даже и не жалко"».

Андрей Находка один из наиболее сложных, противоречивых характеров. Первоначально М. Горький, видимо, хотел резче подчеркнуть в Андрее его роль как революционера старшего поколения. В первоначальной редакции Андрей читал Павлу больше нотаций, и наставления его отличались покровительственным тоном, а иногда имели характер окрика старшего. Так, например, в споре о Рыбине:

„Don't fly up into the air at once, Pavel! Your flight will knock you up against the belfry tower and break your wings", said the Little Russian in admonition.

Pavel looked at him sternly and asked:

„Do you think it's impossible for enlightenment to destroy all the rubbish that's been crammed into a man's brains?" (164).

«„Не летай, Павел, так прямо на колокольню, наткнешься и крылышки поломаешь!" — посоветовал ему хохол.

Павел взглянул на него строго и спросил:

„Ты веришь, что слово не способно уничтожить весь хлам, который натолкали под черепа людям?"»

Дальше, в споре о крестьянах, Андрей указал Павлу, что если итти не отступая ни на шаг в сторону, то можно «„наткнуться в пути на несколько десятков миллионов людей, которые посмотрят на нас, как на врагов". — „Этого не избежать!" отвечал Павел. — „Какой же толк, господин, в твоем слове?" — слегка издеваясь над Павлом, спрашивал Андрей» (164).

Программных речей о классовой борьбе, о будущем социалистическом обществе Андрей говорил гораздо больше, и речи его отличались бóльшим пафосом, бóльшей страстностью. Такова, например, в первоначальном тексте его эмоциональная, патетическая речь о солидарности пролетариата и грядущем социализме.

«„This is the way it ought to be!" said the Little Russian, returning. „Because, mark you, mother dear, a new heart is coming into existence, a new heart is growing up in life. All hearts are smitten in the conflict of interests, all are consumed with a blind greed, eaten up with envy, stricken, wounded, and dripping with filth, falsehood and cowardice. All people are sick; they are afraid to live; they wander about as in a mist. Everyone feels only his own toothache. But lo, and behold! Here is a Man coming and illuminating life with the light of reason, and he shouts: „Oh, ho! you straying roaches! It's time, high time, for you to understand that all your interests are one, that everyone has the need to live, everyone has the desire to grow!" The Man who shouts this is alone, and therefore he cries aloud; he needs comrades, he feels dreary in his loneliness, dreary and cold. And at his call the stanch hearts unite into one great, strong heart, deep and sensitive as a silver bell not yet cast. And hark! This bell rings forth the message: „Men of all countries, unite into one family! Love is the mother of life, not hate!" My brothers! I hear this message sounding through the world!"

„And I do, too!" cried Pavel.

The mother compressed her lips to keep them from trembling and shut her eyes tight so as not to cry.

„When I lie in bed at night or am out walking alone — everywhere I hear this sound, and my heart rejoices. And the earth too — I know it — weary of injustice and sorrow, rings out like a bell, responding to the call, and trembles benignly, greeting the new sun arising in the breast of Man"» (177—178).

«„Да, так и должно быть!" — говорил хохол, оборачиваясь. — „Потому что растет новое сердце, ненька моя милая, новое сердце в жизни растет! Все сердца разбиты различием интересов, все обглоданы слепой жадностью, покусаны завистью, избиты, изранены и сочатся гноем... ложью, трусостью... Все люди больные, жить боятся, ходят, как в тумане... каждый знает только, как его зуб болит. Но смотрите! Вот идет человек, освещает жизнь огнем разума и кричит, зовет: «Эй, вы, тараканы заблудшие! Пора уже понять вам, что у всех один интерес, всем жить надо, все расти хотят!» Один он, этот человек зовущий, и потому кричит громко, ему друзей надо, ему пусто одному-то, пусто и холодно! И по зову его, все верные сердца слагаются в одно огромное сердце, сильное, глубокое, чуткое, как серебряный колокол... которого еще не было отлито! Вот он благовестит нам, этот колокол — «Соединяйтесь, люди всех стран, в одну семью! Любовь — мать жизни, а не злоба!..» Я, братья мои, слышу этот звон в мире!"

„Я — тоже!" — сказал Павел.

Мать плотно сжимала губы, чтобы они не дрожали и крепко закрыла глаза, чтобы не плакали они.

„Лежу я ночью или иду куда-нибудь один — отовсюду слышу этот звон... и хорошо мне! Знаю — устала земля от неправды и горя... и тоже гудит вся, точно колокол, отзывается на этот благовест... сладко вздрагивает встречу новому солнцу, восходящему в человеке, в груди его!"»

От этой речи Андрея в последней редакции осталось всего несколько строк (см. I часть, конец XXIII гл.).

Большую речь произносил Андрей на первомайской демонстрации.

«The workingmen of foreign countries have already learned this simple truth, and to-day, on this bright first of May, the foreign working people fraternize with one another. They quit their work, and go out into the streets to look at themselves, to take stock of their immense

«За границей рабочие уже поняли эту простую истину и сегодня, в светлый день первого мая заграничный рабочий люд братается друг с другом. Он бросает работу и выходит на улицу городов, чтобы видеть самого себя, чтобы смерить великую силу

power. On this day, the workingmen out there throb with one heart; for all hearts are lighted with the consciousness of the might of the working people; all hearts beat with comradeship, each and every one of them is ready to lay down his life in the war for the happiness of all, for freedom and truth to all — comrades!» (216).

свою. Он живет там в этот день одним сердцем, потому что все сердца горят сознанием силы рабочего народа, во всех сердцах бьется дружба, каждый готов положить жизнь свою в борьбе за счастье всех, за свободу и за правду для всех, товарищи!»

И даже во второй части повести, где Павел явно обозначился, как ведущая фигура, М. Горький ставит Андрея в деле политического воспитания и руководства революционными рабочими рядом с Павлом. «А там я учился, — говорит Весовщиков про свое вторичное пребывание в тюрьме, — там Павел так нажимал на мозги — одно удовольствие! И Андрей шлифовал нашего брата тоже усердно...» (415 и 416).

Неслучайно, поэтому, было замечание матери об Андрее, как о наиболее стойком, политически сознательном революционере:

«Listening to his words, the mother felt that he had gone further than anybody else toward the great, glorious day, and that he saw the joys of that future more vividly than the rest» (209).

«И когда он, (Андрей, — *С. К.*) говорил, мать чувствовала, что он дальше других ушел к великим дням и ярче всех видит радость будущего».

Но при всем том, в образе Андрея резче выступали черты, противоречившие его политической зрелости, его классовой чуткости, о чем говорит убийство им Исая.

Много было в первоначальном образе Андрея абстрактного гуманизма, общечеловеческой любви, утопических взглядов на будущее социалистическое общество.

«Надо смотреть разными глазами, — говорил хохол о себе, — бьются в груди два сердца — это любит всех, а другое говорит — стой, нельзя! Ломается человек!..» (138).

Андрею кажется, что все люди несчастны, «все люди больные, жить боятся, ходят, как в тумане... каждый знает только, как его зуб болит»... И во имя любви, а не ненависти, он призывает людей соединиться в одну семью — «любовь — мать жизни, а не злоба!»

В характере Андрея наблюдалась неустойчивость. Андрей бывал излишне деликатен, застенчив, его переживания по поводу убийства Исая были не в меру остры, болезненны. В первоначальном образе Андрея отличительная черта его характера — эмоциональность — была выражена сильнее, что в известной мере можно объяснить тенденцией М. Горького поставить рядом с волевым мужественным характером Павла эмоциональную, импульсивную, восторженную натуру. Мягкость характера Андрея иногда доходила до сентиментальности: «„Тогда умиленное сердце замирает от радости, плакать хочется... так хорошо!“ Он Ан-

дрей кончил и посмотрел, как если бы он искал что-то внутри себя» (136).

Да и внешность Андрея была подчеркнуто сентиментальной: «Улыбались голубые как небо глаза Андрея», «Спросил хохол печальный и молчаливый», «Сказал хохол... светло блестя глазами...»

Впечатлительность Андрея, его повышенная эмоциональность порой принимали болезненные формы, что особенно ярко выступало в его переживаниях в связи с убийством Исая: «Я не виню себя... нет! Я не виню... Но противно же мне это! Противно! Такая грязь внутри... Лишнее это для меня...»

Такое состояние Андрея тревожит Павла, он боится, как бы Андрей не натворил чего-нибудь: «„Что ты думаешь делать?" — подозрительно взглянув на него, спросил Павел...» (187).

В первоначальной редакции восторженность Андрея, с которой он произносил свои речи, часто доходила до экстаза: «„Так, ради этой жизни — я на все пойду! Вырву сердце, если надо, и сам растопчу ногами сердце свое!" — Его лицо вздрогнуло и застыло возбужденное, светлое...» (185). «Он остановился среди комнаты, побледневший, полузакрыв глаза, торжественно обещая, с верою и силой медленно проговорил, подняв руку и покачивая ею...» (185).

В известной степени нервозностью, неуравновешенностью Андрея объясняется убийство им Исая. Андрей не хотел убивать Исая; это — вышло против его желания. В порыве негодования, оскорбленный гнусным предложением Исая, Андрей ударил табельщика, все равно как «жабу пнул».

В соответствии с характером Андрея была и его речь. В ней было много риторики, пафоса, библейской фразеологии.

Революционную демонстрацию Андрей сравнивал с крестным ходом: «Крестным ходом мы идем, товарищи, долгим, трудным путем для человека» (219).

Андрей очень любил пользоваться образом колокола, колокольного звона, только колокольный звон у него не набатный, боевой клич, зовущий на борьбу, а светлый, радостный благовест: «Вот он благовестит нам, этот колокол — „Соединяйтесь, люди всех стран, в одну семью!.." Я, братья мои, слышу этот звон в мире!.. Лежу я ночью или иду куда-нибудь один — отовсюду слышу этот звон... и хорошо мне! Знаю — устала земля от неправды и горя... и тоже гудит вся, точно колокол, отзывается на этот благовест... сладко вздрагивает встречу новому солнцу, всходящему в человеке, в груди его!..» (178).

Риторические вопросы, восклицания, повторы, гиперболы были весьма характерными для языка Андрея в первоначальном тексте. Возьмем одну из типичных речей Андрея в первоначальной редакции «Матери»:

«„За всех, моя ненько, за всех!" — воскликнул хохол. „Мир наш! Мир для рабочих!.. Когда окинешь добрыми глазами землю, когда увидишь, как нас рабочих много, сколько силы духа несем мы — такая радость, такое счастье обнимает сердце, такой великий праздник поет в груди!.. Мы все дети одной матери — великой непобедимой мысли о братстве рабочего народа всех стран земли. Она растет, она греет нас солнцем..."» (47 и 48).

В процессе дальнейшей многократной переработки образ Андрея освободился от ряда крайностей своей импульсивной натуры, но характер Находки и после этого не утратил своей индивидуальности, столь резко отличающей его от Павла. Андрею нехватает твердости, устойчивости, принципиальности, железной воли Павла — этого подлинного большевика. В трудную минуту Андрей может сдать.

В письме к неизвестному лицу М. Горький говорит о возможном будущем своего героя: «Людей такого типа, как Находка, Октябрьская революция испугала, и они отошли прочь от нее». [1]

О б р а з П а в л а. В противоположность Андрею, образ Павла оказался самым устойчивым из всех образов революционеров. Образ рабочего-большевика Власова отлился в творческом сознании пролетарского писателя сразу в четкие, законченные формы. От первой и до последней редакции в образе Павла мы имеем самого зрелого пролетарского революционера, по праву занявшего среди товарищей место руководителя и организатора. Политическая речь Павла на суде, когда Павел держит экзамен на подлинного большевика, от первой и до последней редакции никаким изменениям не подвергалась. В дальнейшей творческой обработке образа Павла М. Горький как бы равняется по его программной большевистской речи: неуклонно стремится освободить характер Павла от всех тех поступков, черточек, настроений, которые находились в известном противоречии с основным характером Павла. А такие черточки были в его первоначальном образе. По временам проступали нотки какой-то общечеловеческой жалости, своеобразного индивидуализма и некоторой замкнутости. Например: «В ней (в матери, — С. *К.*) колебалось двойственное чувство гордости сыном, который хочет всем людям добра, жалеет всех, так хорошо видит горе жизни» (128).

Павел, выступая на демонстрации со знаменем в руках, в первоначальной редакции говорил так: «... Мы поднимаем сегодня наше знамя, знамя разума, правды, свободы. И вот я — поднимаю его!» (218).

Мать, сравнивая Андрея с Павлом, первоначально размышляла о сыне: «Павел тоже, должно быть, заглядывал вперед... как можно без этого, когда идешь таким путем? Но он смотрел вдаль одиноко...» (137).

---

[1] Автограф хранится в Архиве А. М. Горького.

В первоначальной редакции была резче подчеркнута слабость Павла, неуверенность его в своих силах, когда он делал свои первые шаги агитатора и пропагандиста среди рабочей массы. После своего выступления на заводском дворе по поводу «болотной копейки» Павел чувствовал себя беспомощным, разочарованным в своих силах, способностях:

«Pavel had a sense of injury and disappointment as to his own power. His head ached; he felt desolate. Hitherto, whenever he pictured the triumph of his truth, he wanted to cry with the delight that seized his heart. But here he had spoken his truth to the people, and behold! when clothed in words it appeared so pale, so powerless, so incapable of affecting anyone. He blamed himself; it seemed to him that he had concealed his dream in a poor, disfiguring garment, and no one could, therefore, detect its beauty» (90).

«Павел чувствовал разочарование в своей собственной силе. Голова его болела. Он чувствовал себя потерянным. До этих пор, когда он рисовал себе торжество своей правды, он хотел кричать от восторга, который охватывал его сердце. Но вот он рассказал свою правду людям — и что же? Выраженная в словах, она показалась такой бледной, такой беспомощной, бессильной повлиять на кого-либо. Он обвинял себя. Ему казалось, что он скрыл свою мечту за бедной, некрасивой одеждой и никто поэтому не мог обнаружить ее красоту».

Несколько ниже читаем: «Весь день Павлу было не по себе, как если бы он что-то потерял; он не знал, что именно, но предчувствовал дальнейшую потерю» (91).

Первоначально Павел был довольно эмоциональной натурой. Его обращения с матерью отличались теплотой, интимностью, по временам Павел бывал прямо нежен: «Ты, мама, хороший человек» (91). «Родная ты моя... это хорошо! Хорошо, что у тебя дело есть...» (144). «Ладно, мама! Молчим! — сказал Павел. — Знай — я тебя люблю... и крепко, крепко благодарю!» (205).

Но одновременно в характере Павла можно было наблюдать черты обратного порядка: его необычайную суровость («И почти никогда не смеялся»), крайний аскетизм, полное отрицание всего в личной жизни революционера.

Возьмем один характерный пример. Павел убеждает Андрея оставить мечты о Наташе, о личном счастье. А когда Андрей напомнил Павлу как:

«And do you remember what Alexey Ivanovich said about the necessity for a man to live a complete life — with all the power of his soul and body — do you remember?»

«Алексей Иванович говорил о необходимости для человека жить полной жизнью... всеми силами души и тела... Помнишь?»

Павел отвечает:

«„That's not for us! How can you attain completion? It does not exist for you. If you love the future you must renounce everything in the present — everything, brother!"

«„Это не для нас! Как ты достигнешь полноты? Для тебя ее нет. Любишь будущее — все отрицай в настоящем... все брат!"

„That's hard for a man!" said the Little Russian in a lowered voice. „What else can be done? Think!"» (54).

„Это тяжело для человека!" — сказал хохол тихонько.
„Как иначе — подумай?"»

Речь Павла в первоначальном тексте отличалась известной высокопарностью, торжественностью. Возьмем, например, его первую речь на первомайской демонстрации:

«Brothers! The hour has come to give up this life of ours, this life of greed, hatred, and darkness, this life of violence and falsehood, this life where there is no place for us, where we are no human beings» (218).

«Братья! Вот пришел час нашего отречения от этой жизни, полной жадности, злобы и тьмы, от этой жизни насилья над людьми, от жизни, в которой нет нам места, где мы — не люди!»

Но при всем этом Павел в первоначальной редакции был уже целостным, законченным, сложившимся характером, в котором М. Горький дал непревзойденный в литературе образ большевика, которыми сильна и горда партия Ленина — Сталина.

Вот что говорит М. Горький о своем любимом герое: «Павел Власов — характер тоже не редкий. Именно вот такие парни создали партию большевиков. Многие из них уцелели в тюрьмах, ссылке, в гражданской войне и теперь стали во главе партии, например, Клим Ворошилов и другие, такие же талантливые люди». [1]

Образ матери. По всей вероятности, первоначально Ниловна была задумана М. Горьким в образе сорокалетней женщины. Следы от этого остались в нью-йоркском тексте. В самом начале повести Павел, посвящая мать в свою новую политическую жизнь, говорит ей: «Подумай, какою жизнью ты живешь? Вот тебе сорок лет, а разве ты жила?» (18).

Но Горький, видимо, оставил этот замысел и сделал мать старухой, место же это осталось неисправленным.

В первоначальном тексте Ниловна везде выступает, как старуха. Старухой называет ее автор например:

«But whenever the officer laughed, his fingers twitched strangely, and the old woman felt how hard it was for him not to reply, and to bear the jesting».

«Но когда офицер смеялся, у него странно шевелились пальцы, и старуха чувствовала, что ему трудно не отвечать жандарму, тяжело сносить его шутки».

Старухой называли ее рабочие: «Куда лезешь, старуха?» (Н. 84); бабулей звал ее Егор Иванович: «Устали вы, бабуля! Давайте-ка, ляжем спать!» (112);

«Here, granny, is a girl who is a thorn in the flesh of the police!» (107).

«Вот, бабуля, девица неприятная для полиции!»

Сама мать говорила о себе, как о старухе: «Умирать пора, а я только еще грамоте учиться начала...» (128).

---

[1] Из письма М. Горького к М. М. Черемцовой (Архив А. М. Горького).

С этой стороны первоначальный образ матери был ближе к своему первообразу, Анне Кирилловне Заломовой, которой в 1902 г. было 52 года, а в 1906 — 56 лет.

Вероятно, старчеством матери в известной степени объясняется то, что религиозность ее в первоначальном тексте выступала резче. Свою революционно-пропагандистскую деятельность мать рассматривала как паломничество, как странничество в древнерусском духе:

«The wanderer's life is a good life. He goes about through the world, he has nothing, he needs nothing except bread, no one abuses him, and so quietly, unnoticed, he roves over the earth. And so I'll, go too; I'll go to Andrey, to Pasha, wherever they live» (247—248).

«Странная жизнь — хорошая, идут люди по земле, ничего у них нет, ничего, кроме хлеба, им не надо, никто их не обижает и так, тихонькие, незаметные проходят землю... Вот и я пойду... дойду до Паши, до Андрея, туда, где они жить будут».

Даже суд мать представляла чем-то грозным, справедливым, божеским: «Я ведь думала, что страшно... страшнее церкви... служба будет Правде!» (409).

Речь матери своими образами, библейской фразеологией и конструкцией местами напоминала книжную церковную речь. Например: «Все освещают огнем нетленным — от души, из глубин ее исходящим» (485); «И все, все — загорятся в ней пламенем неугасимым» (487); «Для этого вы есть на земле, вижу я!», «Правда родила вас, и ее силою живете вы!» (488). В отдельных случаях в речах Ниловны встречались несколько перефразированные цитаты из Библии:

«... I would make them taste gall, even as they made Christ drink of the cup of bitterness...» (249).

«Я бы дала им отведать желчи, как они заставили Христа испить чашу горечи!..»

В первоначальном тексте резче было выражено материнское чувство Ниловны, как начало, приведшее мать к революции. После первомайской демонстрации и ареста сына мать становится сознательной революционеркой, отдает себя целиком в распоряжение революционной партии, но и на сей раз мотивирует это любовью к сыну, рассматривает свое участие в революционном деле как сыновнее дело.

«„My dear man, what have I to consider? What have I to live for if not for this cause? Of what use am I to anybody? A tree grows, it gives shade; it's split into wood, and it warms people. Even a mere dumb tree is helpful to life, and I am a human being.

«„Родной вы мой! О чем думать? Для чего же мне жить, как не для этого дела? Какая во мне польза? Дерево растет, дает тень, его рубят на дрова, и оно греет людей. Даже простое немое дерево помогает жить, а ведь я человек!

The children, the best blood of man, the best there is of our hearts, give up their liberty and their lives, pe-

Дети—лучшая кровь людей, самые дорогие нам куски сердца, — волю и жизнь свою отдают, погибают без

rish without pity for themselves! And I, a mother — am I to stand by and do nothing?"

The picture of her son marching at the head of the crowd with the banner in his hands flashed before her mind.

„Why should I lie idle when my son gives up his life for the sake of truth? I know now — I know that he is working for the truth. It's the fifth year now that I live beside the woodpile. My heart has melted and begun to burn. I understand what you are striving for. I see what a burden you all carry on your shoulders. Take me to you, too, for the sake of Christ, that I may be able to help my son! Take me to you!"» (248).

жалости к себе... а что же я мать? Что же мне стоять рядом и ничего не делать?"

Пред ней вспыхнуло видение ее сына, идущего впереди толпы со знаменем в руках.

„Зачем мне лежать без дела, если сын мой отдает свою жизнь за правое дело? Я знаю теперь, знаю, что он работает за правду. Пятый год я живу около костра. Сердце мое растаяло и начало гореть. Я знаю, за что вы боретесь: я вижу, какую тяжесть все вы несете на плечах. Возьмите меня к себе тоже, Христа ради, чтобы я могла помочь моему сыну! Возьмите меня к себе!"»

Когда Николай Иванович сообщил матери о побеге кого-то из революционеров из тюрьмы, она пошла на поиски, надеясь, что убежал Павел. Но она встретила Весовщикова, и что же — «сердце разочарованно заныло о сыне» (310).

Публицистичность — органическая черта образа матери — в первоначальном тексте была выражена значительно сильнее. Мать много рассуждала, и часто эти рассуждения носили отвлеченный характер.

В языке матери можно было иногда встретить обороты речи, выражения, не вполне соответствующие образу простой старой женщины. Риторичность матери особенно ярко выступала в заключительном эпизоде повести — в сцене ареста. Мать, обнаруженная шпионами, на глазах их и жандармов произносила целый ряд больших агитационных речей.

Приведем в основных моментах этот эпизод повести.

«„For this they sentenced my son and all with him. Do you know? I will tell you, and you believe the heart of a mother; believe her gray hair. Yesterday they sentenced them because they carried to you, to all the people, the honest, sacred truth. How do you live?"

The crowd grew silent in amazement, and noiselessly increased in size, pressing closer and closer together, surrounding the woman with a ring of living bodies.

„Poverty, hunger, and sickness — that's what work gives to the poor people. This order of things pushes us to theft and to corruption; and over us, satiated and calm, live the rich. In

«„За это судили сына моего и всех, кто с ним — вы знаете? Я вам скажу, а вы поверьте сердцу матери, седым волосам ее — вчера людей за то судили, что они несут вам, всем людям, честную, святую правду! Какая ваша жизнь!"

Толпа удивленно замолчала и молча росла, становясь все более плотной, слитной, окружая женщину кольцом живого тела.

„Бедность, голод и болезни, вот что дает людям их работа. На воровство и на разврат толкает нас этот порядок жизни. Над нами сыто и спокойно живут богачи, и чтобы мы

order that we should obey the police, the authorities, the soldiers, all are in their hands, all are against us, everything is against us. We perish all our lives day after day in toil, always in filth, in deceit. And others enjoy themselves and gormandize themselves with our labor; and they hold us like dogs on chains, in ignorance. We know nothing, and in terror we fear everything. Our life is night, a dark night; it is a terrible dream. They have poisoned us with strong intoxicating poison, and they drink our blood. They glut themselves to corpulence, to vomiting — the servants of the devil of greed. Is it not so?"

„It's so!" came a dull answer.

Back of the crowd the mother noticed the spy and two gendarmes. She hastened to give away the last bundles; but when her hand let itself down into the valise it met another strange hand.

„Take it, take it all!" she said, bending down.

A dirty face raised itself to hers, and a low whisper reached her:

„Whom shall I tell? Whom inform?"

She did not answer.

„In order to change this life, in order to free all the people, to raise them from the dead, as I have been raised, some persons have already come who secretly saw the truth in life; secretly, because, you know, no one can say the truth aloud. They hunt you down, they stifle you; they make you rot in prison, they mutilate you. Wealth is a force, not a friend to truth. Thus far truth is the sworn enemy to the power of the rich, an irreconcilable enemy forever! Our children are carrying the truth into the world. Bright people, clean people are carrying it to you. Thus far there are few of them; they are not powerful; but they grow in number every day. They put their young hearts into free truth, they are making it an invincible power. Along the route of their hearts it will enter into our hard life; it will warm us, enliven us, emancipate us from the oppression of the rich and from all who have sold their souls. Believe this!"

их слушались — полиция, начальство, солдаты, все в их руках, все против нас! Все против нас! — Мы издыхаем всю нашу жизнь день за днем в работе, в грязи, в обмане, а нашими трудами тешатся и объедаются другие... и держат нас, как собак на цепи, в невежестве — мы ничего не знаем, и в страхе — мы всего боимся! Ночь — наша жизнь, темная ночь! Страшный сон она! Отравили нас крепкими, пьяными ядами и пьют нашу кровь, насыщаются до одурения, до рвоты слуги дьявола, жадности... Разве не так?"

„Так!" — глухо раздалось в ответ.

Сзади толпы мать заметила шпиона и двух жандармов. Она торопилась отдать последние пачки, но когда рука ее опустилась в чемодан, там она встретила чью-то чужую руку.

„Берите, все берите!" — сказала она наклоняясь.

Грязное лицо поднялось к ее лицу, и она услышала тихий шопот:

„Кому сказать, кого известить?" — Она не ответила.

„Чтобы изменить эту жизнь, чтобы освободить всех людей, воскресить их из мертвых, как я воскресла — уже пришли люди, которые тайно сеют правду в жизни. Тайно, потому что вы знаете — никто не может сказать правды вслух, затравят, задавят, сгноят в тюрьме, изувечат. Богатство — сила, сила правде не подруга, силе богатых правда жизни — враг заклятый, враг непримиримый никогда! В мир несут правду дети, вам несут ее светлые люди, чистые люди. Пока их мало, они не сильны, но число их растет с каждым днем, они вкладывают свои молодые сердца в свободную правду, они превращают ее в непобедимую силу. По их сердцам придет она в нашу трудную жизнь, созреет, оживит, освободит нас от угнетения богатыми и всеми, кто продал душу им. Верьте этому!"

„Out of the way here!" shouted the gendarmes, pushing the people. They gave way to the jostling unwillingly, pressed the gendarmes with their mass, hindered them perhaps without desiring to do so. The grayhaired woman with the large, honest eyes in her kind face attracted them powerfully; and those whom life held asunder, whom it tore from one another, now blended into a whole, warmed by the fire of the fearless words which, perhaps, they had long been seeking and thirsting for in their hearts — their hearts insulted and revolted by the injustice of their severe life. Those who were near stood in silence. The mother saw their gloomy faces, their frowning brows, their eyes, and felt their warm breath on her face.

Get up on bench", they said.

„I'll be arrested immediately. It's not necessary".

„Speak quicker! They're coming!"

„Go to meet the honest people. Seek those who advise all the poor disinherited. Don't be reconciled, comrades, don't! Don't yield to the power of the powerful. Arise, you working people! you are the masters of life! All live by your labor; and only for your labor do they untie your hands. Behold! you are bound, and they have killed, robbed your soul. Unite with your heart and your mind into one power. It will overcome everything. You have no friends except yourselves. That's what their only friends say to the working people, their friends who go to them and perish on the road to prison. Not so would dishonest people speak, not so deceivers".

„Out of the way! Disperse!" the shouts of the gendarmes came nearer and nearer. There were more of them already; they pushed more forcibly; and the people in front of the mother swayed, catching hold of one another.

„Is that all you have in the valise?" whispered somebody.

„Take it! Take all!" said the mother aloud, feeling that the words disposed themselves into a song in her breast, and noticing with pain that her voice did not hold out, that it was hoarse, trembled, and broke.

„Разойдись!" — кричали жандармы, расталкивая людей. Они уступали толчкам неохотно, зажимали жандармов своею массою, мешали им, быть может, не желая этого. Их властно привлекала седая женщина с большими, честными глазами на добром лице и, разобщенные жизнью, оторванные друг от друга, теперь они сливались в нечто целое, согретое огнем бесстрашного слова, которого, быть может, давно искали и жаждали многие сердца, обиженные несправедливостями жизни. Ближайшие стояли молча, мать видела их мрачные лица, их нахмуренные брови, их глаза и чувствовала на своем лице теплое дыхание.

„Встань на лавку!" — говорили ей.

„Меня сейчас арестуют, незачем..."

„Говори скорее! Идут!"

„Идите навстречу честным людям! Ищите тех, кто советует бедным, обездоленным. Не страшитесь, товарищи! Не смиряйтесь! Не поддавайтесь силе сильных! Вставайте, рабочие люди! Вы хозяева жизни! Все живут вашим трудом и только для вашего труда они развязывают ваши руки. Вот вы связаны, и они убили, ограбили вашу душу! Соединяйтесь вашим сердцем и вашим умом в одну силу! Она все победит. У вас нет друзей, кроме вас самих. Вот что говорят рабочим людям их единственные друзья, которые идут к ним и погибают по дороге в тюрьму. Так не станут говорить нечестные, обманщики!"

„Прочь! Разойдись!" — все ближе раздавались крики жандармов. Их уже стало больше, они сильнее толкались, и люди перед матерью покачивались на ногах, хватаясь друг за друга.

„Это все, что у вас есть в чемодане" — шепнул кто-то.

„Берите! Все берите!" — сказала мать громко, чувствуя, как ее слова превращались в песню в ее груди, но она с болью заметила, что ей нехватает голоса, хрипит он, вздрагивает, рвется.

„The word of my son is the honest word of a workingman, of an unsold soul. You will recognize its incorruptibility by its boldness. It is fearless, and if necessary it goes even against itself to meet the truth. It goes to you, working people, incorruptible, wise, fearless. Receive it with an open heart, feed on it; it will give you the power to understand everything, to fight against everything for the truth, for the freedom of mankind. Receive it, believe it, go with it toward the happiness of all the people, to a new life with great joy!" (494—497).

„Слово сына моего — чистое слово рабочего человека, неподкупной души! Узнавайте неподкупное по смелости, бесстрашно оно и даже против себя идет встречу правде. Оно идет к вам, рабочим людям, неподкупное, мудрое, бесстрашное! Примите его с открытым сердцем, питайтесь им! Оно даст вам силу все понять, бороться против всего за правду, за свободу человечества. Примите его, поверьте ему! Идите с ним к счастью всего народа, к новой жизни с большой радостью!"»

В этих речах матери слышится и грубая, неистовая речь Рыбина: «Ночь — наша жизнь, темная ночь! Страшный сон она! Отравили нас крепкими, пьяными ядами и пьют нашу кровь, насыщаются до одурения, до рвоты слуги дьявола, жадности... Разве не так?» (495); и певучая, эмоциональная речь Андрея: «Идите навстречу честным людям! Ищите тех, кто советует бедным, обездоленным. Не страшитесь, товарищи! Не смиряйтесь! Не поддавайтесь силе сильных!» (490); и строгая, суровая речь Павла: «Вы хозяева жизни! Все живут вашим трудом и только для вашего труда они развязывают ваши руки» (496).

Высокая риторика, пафос речей матери делали по временам ее образ героическим, несколько высокопарным. Например:

«She waved her hand toward the sky.

„There's the sun!"

And she struck her bosom.

„Here the most glorious heavenly sun of human happiness will be kindled, and it will light up the earth forever — the whole of it, and all that live upon it — with the light of love, the love of every man toward all, and toward everything"» (485—486).

«Она взмахнула рукой в небо. „Там солнце!" — И ударила себя в грудь. „Здесь зажгут другое, величайшее, солнце счастья человеческого и навеки оно осветит землю — всю ее и живущих на ней — светом любви каждого человека во всем и ко всему"».

В первоначальной редакции одна из характерных черт Ниловны — ее эмоциональность — была выражена значительно сильнее и местами переходила в сентиментальность. Возьмем, например, такую сценку:

«Embracing his neck, she burst into happy sobs, and pressed his head to her lips.

„Maybe", he muttered, agitated and embarrassed by the newness of his feeling, „maybe I'm speaking nonsense; but, upon my honest word, you are a beautiful person, Nilovna — yes!"

„My darling, I love you too; and I love you all with my whole soul,

«Она обняла его [Николая Ивановича] за шею, счастливо всхлипнув, прижала его голову к своим губам.

„Может быть", — бормотал он взволнованный и смущенный новизной своего чувства, — „может быть, я говорю очень глупо... но, честное слово, вы прекрасный человек, Ниловна!"

„Дорогой мой, я тоже тебя люблю! Всей моей душой, каждой ка-

every drop of my blood!" she said, choking with a wave of hot joy.

The two voices blended into one throbbing speech, subdued and pulsating with the great feeling that was seizing the people» (398—399).

плей крови!.." — сказала она, задыхаясь от волны горячей радости.

Оба голоса смешались в одну негромкую речь, полную большого чувства, которое охватывало людей».

Следует отметить, что переходы матери от такого восторженного состояния к простому, будничному, от пафоса речей к житейскому, обычному разговору иногда бывали слишком неожиданными. Например: «Это вы воскрешаете людей из мертвых, вы! — горячо шептала мать, гладя его руку. — Дорогой мой, думаю я, вижу много труда, много терпения надо! И я хочу, чтобы не падали силы ваши... они нужны для жизни...» (392).

После этого следовала очень трогательная, чувствительная сцена объяснения матери и Николая Ивановича. Но когда Николай Иванович сказал матери, чтобы она спрятала бумажку, иначе придут жандармы и обыщут, мать ответила ему коротко и грубовато: «Пес с ними!» (401).

В известном противоречии с высоким, строгим и трогательным образом матери было, например, ее размышление о своем муже:

«When she had lived with her husband, she knew that if she died he would marry another woman. It was all the same to him whether a dark-haired or a red-haired woman lived with him and prepared his meals» (157).

«Живя с мужем она знала, что если она умрет, он женится на другой, ему все равно — черноволосая или рыжая женщина будет спать с ним и готовить ему обед».

Следует отметить, что в первоначальной редакции процесс политического, революционного становления Ниловны, как процесс внутренней и очень сложной борьбы, местами отличался некоторой схематичностью. Наблюдались иногда противоречия такого рода, например: мать после большого революционного опыта, после таких выдержанных партийных, большевистских речей, какие она говорила крестьянам в селе Никольском, наивно представляет себе классовый суд, ждет от суда чего-то справедливого, и судьи на первых порах внушают ей «скорее жалостное, чем страшное» (439).

В последующих редакциях М. Горький особенно большое внимание уделял образу матери; перерабатывая его, М. Горький достигал все большей и большей простоты, реалистичности образа пролетарской революционерки.

Образ Весовщикова. В первоначальном тексте бунт Весовщикова, его анархизм выступали острее, болезненнее. Без ясных политических перспектив, теоретически слабый, Весовщиков бунтовал во имя своего «я» и в первоначальном тексте договаривался до отрицания борьбы и приходил к такому идеалу жизни, как жизнь отшельника.

«„Don't touch me, and I won't touch you! Let me live as I please, and I'll live in peace and not touch anybody. Maybe I'd prefer to live in the woods. I'd build myself a cabin in the ravine by the brook and live there. At any rate, I'd live alone"» (148—149).

«„Не тронь меня и я не трону! Дай мне жить, как я хочу, я буду жить тихо, я никого не задену, ей богу... Я, может, желаю в лесу жить. Выстрою себе хижину в овраге над ручьем и буду в ней сидеть... Вообще буду жить один..."»

В своей слепой ненависти к врагам, обидчикам, Весовщиков доходил до ненависти ко всем людям без разбора, проявляя при этом крайний индивидуализм. Например:

«„Who's in your way?"

„The people" Vyesovshchikov retorted brusquely. „I'm hitched to them even unto death. They've hedged my heart around with hatred and tied me to themselves with evil. That's a strong tie! I hate them, and I will not go away; no, never! I'll be in their way. I'll harass their lives. They are in my way, I'll be in theirs. I'll answer only for myself, only for myself, and for no one else. And if my father is a thief..."» (149).

«„Кто же мешает" (спрашивал Андрей Находка Весовщикова, — С. К.). „Люди!" — грубо ответил Весовщиков. — „Я с ними связан вплоть до смерти... Они мне сердце ненавистью оплели... и злом привязали меня к себе... это крепко! Я ненавижу их и никуда не пойду... буду мешать им жить. Они мне мешают, и я им. Я за себя отвечаю, только за себя... а больше ни за кого не могу ответить... И если мой отец вор..."»

Образ Рыбина. В первоначальном образе Рыбина была резче выражена грубая стихийная сила бунтаря. Вся фигура Рыбина была как-то грубее, тяжеловеснее. Недаром в первоначальной редакции чаще встречаются такие сопроводительные авторские замечания к образу Рыбина: «Голос его становился все тяжелее»; «Он говорил и точно связывал сердце матери угрюмыми словами, в которых упрямо звучала тяжелая сила» (132).

А хохол так отзывался о Рыбине и его товарищах: «Как тучи на закате... густые, темные, двигаются медленно...» (202).

С большей экспрессией, страстью выражал Рыбин свою злость, ненависть к врагам. В его речах было больше грубых, резких выражений, сильнее звучало его буйство: «И если сердце опаршивело, сними с него кожу, хотя бы с кровью, омой, одень во все новое — так?» (74). Так говорил Рыбин с Павлом об обновлении человека. В другом месте, на такую же, примерно, тему Рыбин говорил с той же резкостью: «Опоганены души у людей, все живут завистью, все хотят жрать! А жратвы — мало, и каждый норовит другого съесть!» (133).

По временам неистовая речь Рыбина принимала характер высокой риторики. Например:

«He suddenly struck the table with both hands, and straightening himself said with an air, that seemed to augur ill:

„Those" — here he flung on a terrible oath — „those people don't know what their blind hands are sowing. They *will* know when our power is complete

«Он внезапно ударил по столу обеими руками и, выпрямившись, сказал зловеще:

„Они, — он страшно выругался — не знают, что сеют их слепые руки. Они увидят это, когда взрастет наша сила и начнем мы косить проклятые травы! Увидят!"»

and we begin to mow down their cursed grass. They'll know it then!"» (280).

В то же время в Рыбине сильнее были выражены черты философа — искателя правды. Он впадал даже временами в какую-то несвойственную ему рефлексию. Например, беседуя с матерью о своем намерении итти бунтовать народ, Рыбин вдруг неожиданно заговорил под конец беседы в таком тоне:

«I follow a straighter course than the others. You can get further that way. Only, you see, I feel sorry. — I don't know why» (135).

«Я иду по более прямому пути, чем другие. Так дальше уйдешь. Только, видишь ли, грустно мне что-то... не знаю почему?..»

В первоначальной редакции Рыбин значительно больше философствовал на религиозные темы, и в этих случаях речь Рыбина была насыщена библейской фразеологией. Например:

«There's the rub. It's this that makes all the trouble and misery and misfortune. We have severed ourselves from our own selves. The heart was severed from the mind, and the mind has disappeared. Man is not a unit. It is God that makes him a unit, that makes him a round, circular thing. God always makes things round. Such is the earth and all the stars and everything visible to the eye. The sharp, angular things are the work of men» (78).

«В этом затруднение. В том и горе, и скорбь, и все несчастье человеков. Отторваны все мы стали сами от себя! Откинуто сердце от разума и разум отошел... Не един человек... Бог соединяет человека во единое, круглое... Бог всегда создает круглое. Такова земля и все звезды, и все видимое для глаза... Острое, угловатое — человеком сделано».

Иногда эта религиозная философия Рыбина заслоняла в нем образ бунтаря. Например Рыбин уже сам пропагандист, организатор революционной борьбы в деревне, у него группа учеников, он приехал в город поговорить с Павлом о революционных делах, о газете для деревни, рассказать о своей работе. Но в конце концов, как было и раньше, от политических разговоров быстро перешел к беседе на религиозную тему, мешая свою революционную страсть с жаждой веры, с поисками своего бога.

«Then, suddenly, stepping back from Pavel, he said, as he shook his head:

„Ah, me, if I were a Jew! The Jew, my dear boy, is the most believing man in the world! Isaiah, the prophet, or Job, the patient, believed more strongly than Christ's apostles. They could say words to make a man's hair stand on end. But the apostles, you see, Pavel, couldn't. The prophets believed not in the church, but in themselves; they had their God in themselves. The apostles — they built churches; and the church is law. Man must believe in himself, not in law. Man

«Затем вдруг, отступив от Павла, сказал, встряхивая головой:

„Ах, кабы я был еврей! Еврей, дорогой мой, самый верующий человек в мире. Исаия — пророк или Иов многострадальный веровали сильнее, чем христовы апостолы. Они могли говорить слова, от которых у людей волосы дыбом становились. А апостолы, видишь ли, Павел, не могли. Пророки не веровали в церковь, а в самих себя; они бога в себе носили. Апостолы — те церкви строили, а церковь — закон. Человек носит правду о боге в своей душе;

carries the truth of God in his soul; he is not a police captain on earth, nor a slave! All the laws are in myself"» (199).

он не становой пристав на земле, и не раб! Все законы во мне самом!"»

Все это придавало первоначальному образу Рыбина более определенные черты сектанта-начетчика и сближало его образ с его реальными прототипами.[1]

Образы революционной интеллигенции. Среди образов интеллигенции не претерпевали в последующих редакциях почти никакого изменения Наташа и Егор Иванович.

Вся последующая обработка такого яркого образа, как образ Егора Ивановича, свелась к устранению двух-трех деталей. Исключено, например, замечание Егора Ивановича о личной жизни революционера, в чем он сходился с Павлом:

«To be a revolutionary and to be married is a very inconvenient arrangement — inconvenient for the husband, inconvenient for the wife and in the end for the cause also» (111).

«Быть революционером и быть женатым — дело неподходящее для мужа, неподходящее для жены и, наконец, неподходящее и для самого дела».

Устранена также некоторая излишняя стилизация речи Егора Ивановича, например:

«„Are you Ivan's son?" exclaimed the mother.

„I am that very mortal. How did you know his name?"» (107—108).

«„Вы отца Ивана сын" — воскликнула мать.

„Аз есмь смертный! А почему вам сие имя известно?"»

Егор Иванович подан, как испытанный революционер, с большим революционным опытом и крепкой теоретической закалкой. Егор — талантливый организатор революционного дела, воспитатель и учитель революционной молодежи. Среди революционной интеллигенции он является, примерно, таким же руководителем, каким был Павел среди революционной рабочей молодежи. Примечательно, что образ Егора Ивановича, как и образ Павла, сразу удался М. Горькому.

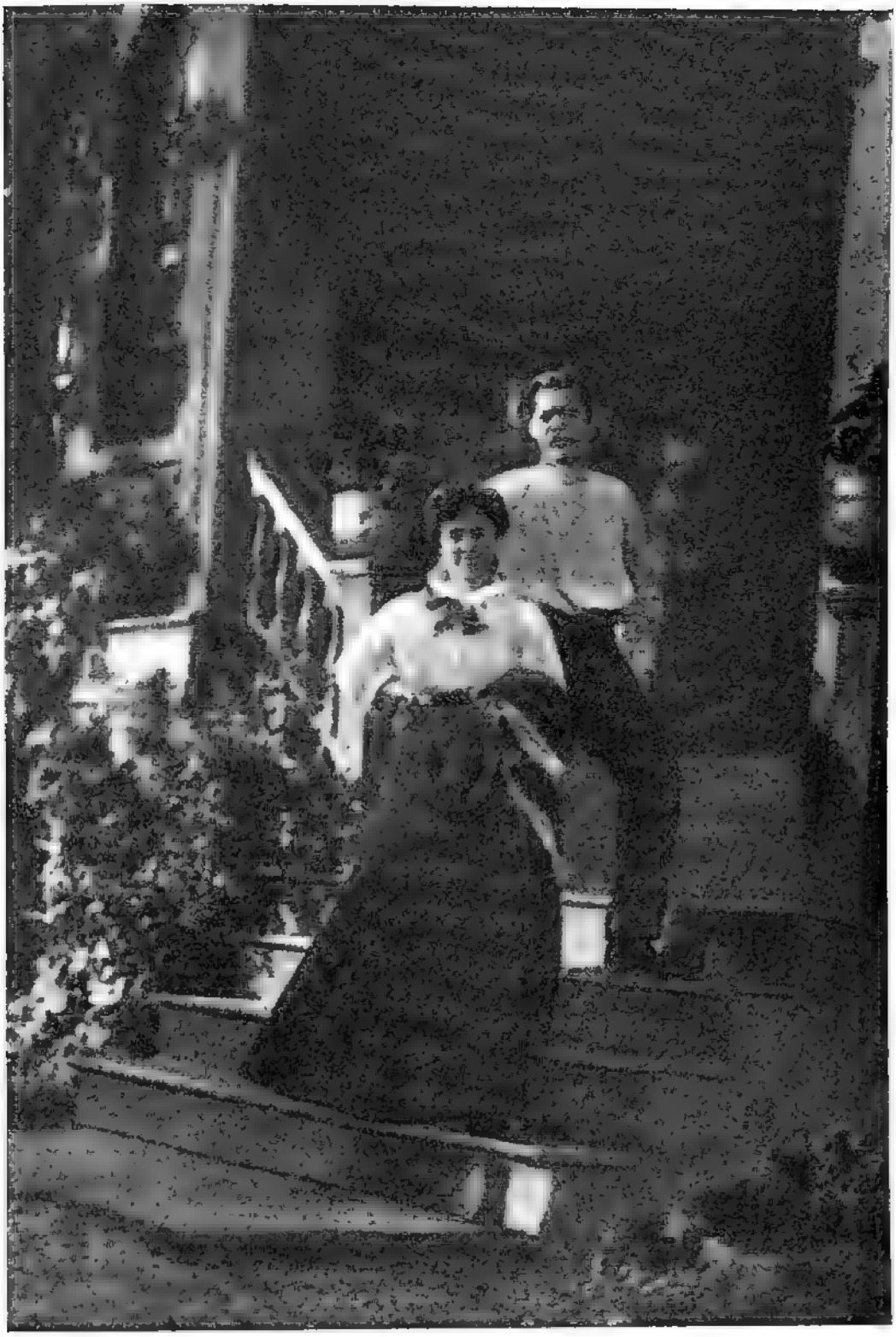
Несмотря на спешку и на неблагоприятные условия для работы над «Матерью», несмотря на то, что М. Горькому пришлось писать «Мать» «по памяти», не имея материалов,[2] ведущие, самые ответственные образы он дает в полнокровных, законченных формах.

Николай Иванович, Людмила, Софья, Саша первоначально были во многом иными характерами. Все эти образы в первоначальной редакции были овеяны романтикой, всем им была присуща патетика, восторженность — эмоциональное начало господствовало над волевым.

Образ Николая Ивановича. Первоначально М. Горький, видимо, хотел назвать Николая Ивановича Алексеем Ивано-

[1] Как, например, сектант-революционер Роман Коротков.

[2] Материалы у М. Горького были украдены жандармами.



1906 г. М. Горький и М. Ф. Андреева на крыльце виллы Martin в Staten Island, Америка.

БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

вичем, так как в ньюйоркском издании в I части книги он сначала именовался Алексеем Ивановичем, но, начиная с 85-й страницы, стал Николаем Ивановичем. В первоначальном тексте Николай Иванович был далеко не тот ровный, спокойный, с поразительным самообладанием человек, каким мы его знаем по последней редакции. Равновесие, выдержка Николая Ивановича часто нарушались вспышками гнева, ненависти. Экспрессией своих эмоций он иногда напоминал Весовщикова, Рыбина: «И, остановясь против матери, воскликнул звенящим голосом: „Конечно, все эти становые, урядники — ничтожество, палка в руках умного мерзавца, дрессировщика животных, да, да... Но следует убить животное за то, что оно позволило сделать из себя зверя! Я бы убил взбесившуюся свинью!“» (397).

По временам Николай Иванович бывал очень чувствительным человеком, не менее эмоциональным, чем Андрей. В первоначальном тексте М. Горьким было набросано несколько сентиментальных, трогательных картинок. Это беседы Николая Ивановича с Ниловной. Одну из таких сцен мы приводили, когда речь шла об образе матери.

Приведем другую, такого же характера.

«Nikolay quickly jumped to his feet, suddenly seized with joy again.

„Thank you, Nilovna! I've just lived through a magnificent moment — maybe the best moment of my life. Thank you! Now, come, let's give each other a good, strong kiss!"

They embraced, looking into each other's eyes. And they gave each other firm, comradely kisses.

„That's good!" he said softly

The mother unclasped her hands from about his neck and laughed quietly and happily» (400).

«Николай быстро вскочил на ноги, вдруг, снова охваченный радостью:

„Благодаря вам, Ниловна, я сегодня пережил великолепные минуты..., может быть, лучшие в моей жизни... Спасибо вам... и давайте поцелуемся!"

Они обнялись, молча глядя в глаза друг другу, и обменялись крепкими, товарищескими поцелуями.

„Вот — хорошо!" — тихо сказал он.

Мать разжала руки, обнимавшие его шею, и засмеялась счастливым смехом».

Чувствительность Николая Ивановича находила свое отражение и в характере его речи. Часто в языке Николая Ивановича встречались такие восторженные словечки, как «чудесное сердце!» (о раненом на кладбище рабочем Иване). Рабочих он сравнивал с майскими днями: «Какие хорошие люди, Ниловна! Точно майские дни!» (399). О любимой девушке Николай Иванович отзывался так: «Как звезда путеводная, кроткая и яркая была она мне» (422).

Музыку Грига он передавал в таких романтических образах:

«„I listened, and it seemed to me that people were putting their questions to nature, that they grieved and groaned, and protested angrily, and shouted:

«Я слушал и мне казалось, что люди задавали вопросы природе, что они горевали, сточали, сердито протестовали и кричали: „Почему?" При-

„Why?" Nature does not answer, but goes on calmly creating, incessantly, forever. In her silence is heard her answer: „I do not know!" (263—264).

рода не отвечает и спокойно продолжает творить непрестанно, вечно. В ее молчании вечно слышен ответ: «„Я не знаю!"»

В первоначальном образе Николая Ивановича были заметны черты своеобразного сентиментализма в отношении к народу, что сказывалось в известном преклонении его перед рабочими, в напыщенно-восторженных отзывах о них или в такой, например, сцене, как развязывание Игнату онучей. В первоначальном тексте Николай Иванович не только развязывал грязные онучи Игната, опустившись на пол, но и хотел растирать ему ноги спиртом.

«„Вы записку-то получите...— Он с трудом поставил ногу, согнул ее, морщась и покрикивая, поставил на лавку и стал развязывать онучу.— Испугался я... Ну думаю, пропал".

В дверях появился Николай. Игнат конфузливо спустил ногу на пол, хотел встать, но пошатнулся и снова грузно сел, упираясь руками в лавку.

„Ну и устал... Ах, ты..." — „Здравствуйте, товарищ!" — сказал Николай, ласково щуря глаза и кивая головой.— „Позвольте я вам помогу".

Опустившись перед ним на пол, он стал быстро разматывать грязную онучу.

„Ну!" — тихо воскликнул парень, дергая ногой, и, удивленно мигая глазами, поглядел на мать.

Не замечая его взгляда, она сказала: „Надо ему водкой ноги-то растереть... Это помогает!"

„Конечно!" — молвил Николай.

Игнат смущенно фыркнул. Николай нашел записку, расправил ее, посмотрел и протянул матери.

— „Вам".

— „Читайте..."»

Образ Людмилы. Людмила в первоначальном тексте была дочерью сельского писаря и учительницей:

«„She's no lady. She's a revolutionist, the daughter of a village scribe, a teacher"» (316).

«„Она не барыня, а революционерка, дочь сельского писаря, учительница" (говорит Егор Иванович матери — *С. К.*)».

Это несовсем уживалось с ее портретом (наружностью, манерами, характером) и тем, что она была замужем за товарищем прокурора. Во внешнем портрете Людмилы в первоначальной редакции резче были намечены своеобразные романтические черты ее образа:

«...her face was pale, with large blue circles around her eyes. Her black eyebrows almost met at the bridge of the nose, deepening the setting of her dark, stern eyes. Her face did not please the mother; it seemed haughty in its sternness and immobility, and her eyes were rayless» (315).

«Лицо бледное с большими синими кругами вокруг глаз, темные брови почти сходились над переносьем, углубляя впадины ее темных и серьезных глаз. Ее лицо не нравилось матери — оно казалось надменным в своей строгости и неподвижности».

В другом месте: «Черные круги под глазами у нее вздрогнули, покрыв лицо зловещей тенью» (424).

В характере Людмилы, в ее поведении и речах не было той выдержанности, строгости, внешнего спокойствия, что так отличает Людмилу в окончательном тексте. Временами Людмила в своем гневе доходила до состояния аффекта. Так, например, на замечание Николая Ивановича — не тратить напрасно порох, так как враги народа все равно не слышат (Людмила с возмущением и негодованием рассказывала о подлой и низкой комедии суда), она отвечала так:

«„Some day I'll compel them to hear me!"

The black circles under her eyes trembled and threw an ominous shadow on her face. She bit her lips. „You go against me — that's your right; I'm your enemy. But in defending your power don't corrupt people; don't compel me to have instinctive contempt for them; don't dare to poison my soul whith your cynicism!" (424).

«„Когда-нибудь я заставлю их меня слушать!" — Черные круги под глазами у нее вздрогнули, покрыв лицо зловещей тенью, и, кусая губы, она продолжала: „Ты идешь против меня! Это твое право — я — твой враг! Но, защищая власть твою, не развращай людей, не заставляй меня невольно презирать их, не смей отравлять моей души твоим цинизмом!"»

Людмила первоначально говорила цветистее, высокопарнее, даже тогда, когда в этом особой необходимости не было. Возьмем, например, ее отзыв о речи Павла на суде. В последней редакции «Матери» Людмила говорит просто и кратко: «Это — хорошо!» А в первоначальном тексте была такая широковещательная, торжественная похвала:

«That's good. That's what I like; although here, too, there's calmness. But the speech is the sepulchral beat of a drum, and the drummer is a powerful man"» (475).

«Это — хорошо! Это то, что мне нравится! Здесь тоже спокойствие! Но эта речь — похоронный барабанный бой и барабанщик — могучий человек!»

Прощаясь с матерью, когда та уезжала на вокзал с прокламациями, Людмила говорила так: «Вы знаете, что с вами — хорошо?» — И сама себе ответила: «Очень! как утром высоко на горе!» (488).

Образ Софьи. Образ Софьи в ньюйоркском тексте был подан М. Горьким в своеобразной поэтической рамке из музыки, романтики воспоминаний и красивой природы. Музыку Софьи в первоначальном тексте М. Горький изображал целой гаммой развернутых, разноликих, романтических образов: то это песнь волн, утомленных бурей, то чей-то крик взволнованный и горестный, то это простая, красивая, бодрая песнь, то «рой невидимых птиц», которые, «проникая всюду, задевают за сердце нежными крыльями, тревожат и утешают...»

Приведем первоначальный текст этой картины.

«She opened the piano, and struck the keys lightly with her left hand. The strings sang out a thick, juicy melody. Another note, breathing a deep, full breath, joined itself to the first, and together they formed a vast fullness of sound that trembled beneath its own weight. Strange, limpid notes rang out from under the fingers of her right hand, and darted off in an alarming flight, swaying and rocking and beating against one another like a swarm of frightened birds. And in the dark background the low notes sang in measured, harmonious cadence like the waves of the sea exhaussted by the storm. Some one cried out, a loud, agitated, woeful cry of rebellion, questioned and appealed in impotent anguish, and, losing hope, grew silent; and then again sang his rueful plaints, now resonant and clear, now subdued and dejected. In response to this song came the thick waves of dark sound, broad and resonant, indifferent and hopeless. They drowned by their depth and force the swarm of ringing wails; questions, appeals, groans, blended in the alarming song. At times the music seemed to take a desperate upward flight, sobbing and lamenting, and again precipitated itself, crept low, swung hither and thither on the dense, vibratory current of bass notes, foundered, and disappeared in them; and once more breaking through to an even cadence, in a hopeless, calm rumble, it grew in volume, pealed forth, and melted and dissolved in the broad flourish of humid notes — which continued to sigh with equal force and calmness, never wearying.

At first the sounds failed to touch the mother. They were incomprehensible to her, nothing but a ringing chaos. Her ear could not gather a melody from the intricate mass of notes. Half asleep she looked at Nikolay sitting with his feet crossed under him at the other end of the long sofa, and at the severe profile of Sofya with her head enveloped in a mass of golden hair. The sun shone into the room. A single ray, trembling pensively, at first lighted up her hair and shoulder, then settled upon the keys of the piano, and quivered under the pressure of her fingers. The branches of

«Она открыла рояль, несильно ударила по клавишам левой рукой. Сочно и густо запели струны. Вздохнув глубоким вздохом, к ним прилилась еще одна нота, богатая звуком, вздрагивающая от полноты. Из-под пальцев правой руки, светло звеня, тревожной стаей полетели странно прозрачные крики струн и закачались, забились, как испуганные птицы, на темном фоне низких нот, а эти пели мерно и стройно, как волны моря, утомленные бурей. Кто-то крикнул громким, взволнованным горестным криком возмущения, спросил и призвал в бессильном волнении и, утратив надежду, замолк и затем опять запел свои мрачные жалобы, то звучные, ясные, то заглушенные и безнадежные. В ответ на песню, безнадежно отзывались густые волны темных звуков; широкие и гулкие, они поглощали своей глубиной и силой рой звенящих жалоб, вопросов, призывов, стонов, слитых в тревожной песне. Порой она отчаянно взлетала вверх, рыдая и тоскуя, и снова падала, ползла, качалась на зыбком и густом потоке басовых нот, тонула, исчезала в них и снова, прорываясь сквозь равномерный, безнадежно спокойный гул, росла, звенела и таяла, растворялась в широком взмахе влажных нот, захлестнутая ими. А они вздыхали все так же сильно и спокойно, не уставая.

Сначала мать не трогали все эти звуки и были непонятны ей, в их течении она слышала только звенящий хаос. Слух ее не мог поймать мелодию в сложном трепете массы нот. Полудремотно она смотрела на Николая, сидевшего поджав под себя ноги в другом конце длинного дивана, разглядывала строгий профиль Софьи и голову ее, согнутую тяжелой массой золотистых волос. Солнце светило в комнату, и один луч, задумчиво вздрагивая, сначала освещал ее волосы и плечо, потом лег на клавиши рояля и затрепетал под ее пальцами. За окном качались ветви акации. Музыка наполняла комнату все теснее и незаметно для матери будила сердце. Три ноты, звонкие, как голос Феди Мазина, почти на одной высоте, блестели в потоке звуков, точно три се-

the acacia rocked to and fro outside the window. The room became music-filled, and unawares to her, the mother's heart was stirred. Three notes of nearly the same pitch, resonant as the voice of Fedya Mazin, sparkled in the stream of sounds, like three silvery fish in a brook. At times another note united with these in a simple song, which enfolded the heart in a kind yet sad caress. She began to watch for them, to await their warble, and she heard only their music, distinguished from the tumultuous chaos of sound, to which her ears gradually became deaf... (261—262).

Sofya looked at the mother's face, but said nothing.

„They say", said Nikolay thoughtfully, throwing himself deeper back on the sofa, „that you should listen to music without thinking. But I can't".

„Nor can I", said Sofya, striking a melodious chord.

„I listened, and it seemed to me that people were putting their questions to nature, that they grieved and groaned, and protested angrily, and shouted „Why?". Nature does not answer, but goes on calmly creating, incessantly, forever. In her silence is heard her answer: „I do not know"...

Sofya quickly lighted a cigarette; she smoked almost without intermission» (262—263).

ребряные рыбы в ручье... Порою с ними соединялась еще одна, и вместе они пели что-то простое, охватывавшее сердце ласково и грустно. Она стала следить за ними, ждать их пения и слушала только эти ноты, выделяя их из тревожного хаоса звуков, который постепенно становился не слышен ей ...

Софья взглянула в лицо матери и ничего не сказала.

„Говорят, — сказал задумчиво Николай, глубже забираясь на диван, — что нужно слушать музыку, не думая, но я не могу".

„И я не могу" — сказала Софья, взяв мелодичный аккорд.

„Я слушал и мне казалось, что люди задавали вопросы природе, что они горевали, стонали, сердито протестовали и кричали: „Почему?" Природа не отвечает и спокойно продолжает творить, непрестанно, вечно. В ее молчании слышен ответ: „Я не знаю!"

Софья быстро закурила папиросу. Она курила почти беспрерывно».

Отдаваясь красивым воспоминаниям прошлого, Софья рисует то в светлых, сентиментальных, то в суровых, романтических красках образ своего мужа — революционера:

«„This used to be the favorite piece of Kostya", she said, as a veil of smoke quickly enveloped her. She again struck a low mournful chord. „How I used to love to play for him! You remember how well he translated music into language?" She paused and smiled. „How sensitive he was! What fine feelings he had — so responsive to everything — so fully a man!"

„She must be recalling memories of her husband", the mother noted, „and she smiles!"

„How much happiness that man gave me!" said Sofya in a low voice, accompanying her words with light sounds on the keys. „What a capacity

«„Это была любимая вещь Кости!" — сказала она, торопливо затягиваясь дымом, и снова взяла негромкий, печальный аккорд. — „Как я любила играть ему! Ты помнишь, как хорошо он выражал музыку словами!" Она остановилась, улыбаясь. — „Какой он чуткий был, отзывчивый на все... всем полный".

„О муже вспоминает, должно быть..." — мельком отметила мать. — „А улыбается..."

„Сколько дал мне счастья этот человек..." — тихо сказала Софья, аккомпанируя своим думам легкими звуками струн. — „Как он умел.

he had for living! He was always aglow with joy, buoyant childlike joy!"

„Childlike", repeated the mother to herself, and shook her head as if agreeing with something.

„Ye-es", said Nikolay, pulling his beard, „his soul was always singing!"

„When I played this piece for him the first time, he put it in these words". Sofya turned her face to her brother, and slowly streched out her arms. Encircled with blue streaks of smoke, she spoke in a low, rapturous voice. „In a barren sea of the far north, under the gray canopy of the cold heavens, stands a lonely black island, an unpeopled rock, covered with ice; the smoothly polished shore descends abruptly into the gray foaming billows. The transparently blue blocks of ice inhospitably float on the shaking cold water and press against the dark rock of the island. Their knocking resounds mournfully in the dead stillness of the barren sea. They have been floating a long time on the bottomless depths, and the waves splashing about them have quietly borne them toward the lonely rock in the midst of the sea. The sound is grewsome as they break against the shore and against one another, sadly inquiring: Why?"

Sofya flung away the cigarette she had begun to smoke, turned to the piano, and again began to play the ringing plaints, the plaints of the lonely blocks of ice by the shore of the barren island in the sea of the far north.

The mother was overcome with unendurable sadness as she listened to the simple sketch. It blended strangely with her past, into which her recollections kept boring deeper and deeper.

„In music one hears everything", said Nikolay quietly» (263—265).

жить!.. Всегда в нем горела радость, детская, живая радость..."

„Детская..." — повторила мать про себя, кивая головой, точно соглашаясь.

„Да-а!" — сказал Николай, теребя свою бородку. — „Певучая душа!"

„Когда я сыграла эту вещь для него в первый раз — он выразил ее в таких словах". Софья повернула лицо к брату и медленно вытянула руку; окруженная синеватыми струйками дыма, она говорила тихим, зачарованным голосом: „В пустынном море, на дальнем севере, под серым шатром холодных небес лежит одинокий, черный остров, необитаемый утес, покрытый льдами. Гладко отполированный берег круто спускается к серым пенистым волнам. Прозрачно-голубые глыбы льда негостеприимно плавают в холодной воде и прижимаются к черным утесам острова. Их стук звучит уныло в мертвой тишине пустынного моря. Они уже долгое время плавали над бездонными глубинами, и волны, плещущие вокруг них, спокойно принесли их к одинокому утесу среди моря. Звук зловещ, когда они разбиваются о берег или друг о друга, печально вопрошая: Почему?"

Софья бросила куда-то начатую папиросу, обернулась к роялю и опять заиграла звучные жалобы — жалобы одиноких ледяных глыб у берега пустынного острова, на дальнем севере.

Мать была охвачена нестерпимой грустью, слушая простую пьесу. Она страстно сливалась с ее прошлым, и мать все глубже погружалась в воспоминания его.

„В музыке можно услышать что угодно", — спокойно сказал Николай».

В первоначальной редакции образу Софьи сопутствовал красивый пейзаж. Он являлся одним из средств раскрытия красивой, артистической натуры Софьи.

Софья играет на рояле. М. Горький показывает нам «строгий профиль Софьи и голову ее, согнутую тяжелой массой золотистых волос». В первоначальном тексте после этого выступал лирический мотив природы: «Солнце светило в комнату... За окном качались ветви акаций» (Н. 262).

Так же аккомпанирует красивому образу Софьи природа в другом месте, при описании путешествия Софьи и матери к Рыбину на завод. После восторженной речи Софьи о рабочих, о том, что интеллигенция берет свою силу и веру в победу у народа, в первоначальном тексте следовала такая лирическая концовка: «Она говорила тихо и просто и задумчиво глядела перед собою в даль извивающейся дороги, где дрожал светлый туман...» (Н. 275).

Иногда М. Горький пользуется своего рода тургеневской манерой изображения героя среди природы: на фоне красивой, задумчивой, умиротворенной природы позирует красивая женщина, ее настроение гармонирует с образом природы. Так, примерно, в нью-йоркском тексте изображена была Софья в лесу, у Рыбина на дегтярном заводе:

«The three men walked away, leaving Sofya in the cabin. Then from a distance came the sound of the axe blows, the echo straying through the foliage. In a half-dreamy condition of repose, intoxicated with the spicy odor of the forest, Sofya sat just outside the door, humming a song, and watching the approach of evening, which gradually enfolded the forest. Her gray eyes smiled softly at some one. The reddening rays of the sun fell more and more aslant. The busy chirping of the birds died away. The forest darkened, and seemed to grow denser. The trees moved in more closely about the choked-up glade, and gave it a more friendly embrace, covering it with shadows. Cows were lowing in the distance» (287).

«Они ушли все трое, оставив Софью в шалаше. Издалека доносились удары топора, эхо раздавалось среди листвы. В полудремотном состоянии покоя, опьяненная пряным запахом леса, Софья сидела возле двери, мурлыкая песню и наблюдая приближение вечера, который постепенно обволакивал весь лес. Ее серые глаза улыбались мягко кому-то. Все более и более косо падали красноватые лучи солнца. Деловитое чиликанье птиц замолкло... Лес потемнел и, казалось, сделался гуще. Деревья сомкнулись теснее вокруг поляны и придали ей уют, покрывая ее своей тенью. Коровы мычали вдалеке».

Вместе с тем, в первоначальной редакции образ Софьи, как и все другие образы революционеров, был более риторичным. По каждому поводу, часто по самому несущественному, Софья любила философствовать.

Например, мать машинально заметила Софье, что окурки нельзя бросать в горшок с цветами—«портятся от этого цветы!»—и, почувствовав неловкость, извинилась.

«„Why not? Why not teach me, if I'm a sloven?" Sofya calmly queried with a shrug. „I know it; but I always forget — the worse for me It's an ugly habit — to throw cigarette stumps any and everywhere, and to litter up places with ashes — particulary in a woman. Cleanliness in a room is the result of work, and all work ought to be respected"» (257).

«„А почему нет? А почему и не учить, если я неряха?" — спокойно отозвалась Софья, пожав плечами. — „Я знаю это, но я всегда забываю — тем хуже для меня. Это скверная привычка — всюду и везде бросать окурки и сорить пеплом, особенно для женщины. Чистота в комнате — результат работы, а всякий труд следует уважать"».

Рассказывая после этого матери, что она только что устроила побег одного рабочего и что этим объясняется ее пышный наряд, Софья начинает философствовать и по поводу наряда: «Вы думаете, я всегда так одеваюсь? Терпеть не могу наряды и пышные шелесты... Человек прост и должен одеваться просто, красиво, но просто...» (258).

У матери свои думы. Взволнованная всеми последними событиями и знакомством с новыми людьми, она пытается разобраться в своих переживаниях и говорит об этом Софье, в частности выражает свое недоумение — как это такая барыня, как Софья, может заниматься революционным делом, — и не находит нужных слов, чтобы выразить свои мысли. Софья, видя, что мать волнуется, начинает говорить, но опять философствует:

«„A time will come when you'll understand everything. The chief thing that gives a person power and faith in himself is when he begins to love a certain cause with all his heart, and knows it is a good cause of use to everybody. There is such a love. There's everything. There's no human being too mean to love"» (259).

«Придет время, все поймете! Главное, что придает человеку силу и уверенность в себе — это когда он начинает любить какое-нибудь дело всем сердцем и знает, что это хорошее дело для всех. Есть такая любовь! В ней все. Нет человеческого существа слишком низкого, чтобы не любить!»

Ее речи о революционном деле в первоначальной редакции отличались большей декламационностью; а когда Софья говорила о рабочих, она, как и Николай Иванович, впадала в восторженно-сентиментальный тон, и при этом в ее речах звучали нотки покровительственного отношения старшего к младшему. Например: «Мы победим, потому что мы с рабочим народом!» — Уверенно и громко сказала Софья... «Нашу силу работать, нашу веру в победу правды мы берем у вас, у народа, а народ — неисчерпаемый источник силы и духовной и рабочей... В народе скрыты все возможности и с ним — все достижимо!... Надо только разбудить его сознание, душу его, великую душу ребенка, которому не дают свободы расти...» (275).

Образ Саши. Сашенька в первоначальной редакции была более эмоциональной, восторженной девушкой. В ее отношении к Павлу и к матери наблюдалась бóльшая простота и интимность. В разговоре с матерью Саша называла Власова не Павлом Михайловичем, а просто Павлом, а Ниловну — мамой.

«„But I'll tell you after all, mamma, you're waiting in vain..." „We mustn't be together, mamma..."» (426).

— «„Я все-таки скажу вам, мама, вы напрасно ждете..." „Нам нельзя быть вместе, мама..."»

В первоначальном тексте был набросан ряд картин, где ярко выступала эта близость Сашеньки и матери.

Например, Софья неосторожным вопросом-намеком на заинтересованность Саши в побеге Павла обидела девушку. Мать приласкала Сашу.

Первоначальный текст		Окончательный текст (6-я редакция)
«The mother understood the girl. She went to her and kissed her silently on her head. Sasha seized her hand, leaned her cheek on it, and raised her reddened face, looking into the mother's eyes, troubled and happy. The mother silently stroke her hair. She felt sad at heart» (329).	«Мать поняла девушку, подошла к ней и поцеловала ее молча в голову. Саша схватила ее руку, прижалась щекой к ней и, подняв кверху раскрасневшееся лицо, смущенно и счастливо взглянула в лицо матери. Мать молча гладила ее волосы. В душе ее было грустно».	«Мать тоже подошла к ней и, наклоняясь, осторожно погладила ее голову. Саша схватила ее руку и, подняв кверху покрасневшее лицо, смущенно взглянула в лицо матери. Та улыбнулась и, не найдя что сказать Саше, печально вздохнула».

Мать и Саша мечтают о будущем семейном счастье: «Саша мягко улыбнулась, прижимаясь к ней всем телом. Голос у нее звучал тихо, но сильно, и на лице явился румянец. «До этого далеко... но вы не думайте, что мне теперь тяжело. Я не приношу жертв... Я знаю, что делаю, знаю, чего могу ждать... я буду счастлива, если ему будет хорошо со мной. Моя задача, мое желание — увеличить его энергию, дать ему столько счастья, сколько я могу... много! Я очень люблю его... и он меня... я знаю! Мы обменяемся чувством, обогатим друг друга всем, чем можем и, если будет нужно, расстанемся друзьями...» — Саша сидела молча... и долго обе они молча, тесно прижавшись друг к другу, думали о любимом человеке. Было тихо, сладко-грустно и тепло» (470).

Скупая на слова, сдержанная в выражении своих чувств и настроений, какою Саша является в окончательном тексте, в первоначальной редакции она была многоречивей, и в речах ее было много пафоса, и, как у других героев, местами проступала библейская фразеология.

Сравним ее речи об умершем Егоре в первоначальном и окончательном тексте.

Первоначальный текст		Окончательный текст (6-я редакция)
«„What a wonderful fellow isn't he?" she exclaimed. „Modest, proof against doubt, he probably never yielded to sorrow. I have never seen him without a joke on his lips; and what a worker! He is an artist of the revolu-	«„Какой чудесный человек, неправда ли?" — воскликнула она. „Скромный, недоступный сомнениям, он, вероятно, никогда не поддавался горю. Я не видела его без улыбки на лице. И как он работал! Это был ху-	«„Какой чудесный человек, не правда ли?" — воскликнула Саша. „Я не видала его без улыбки на лице, без шутки. И как он работал! Это был художник революции, он владел революционной мыслью, как великий ма-

tion, a great master, who skilfully manipulates revolutionary thoughts. With what simplicity and power he always draws his pictures of falsehood, violence and untruth! And what a capacity he has for tempering the horrible with his gay humor which does not diminish the force of facts but only the more brightly illumines his inner thought! Always droll! I am greatly indebted to him, and I shall never forget his merry eyes, his fun. And I shall always feel the effect of his ideas upon me in the time of my doubts — I love him"» (326).

„What does „to die" signify? What died? Did my respect for Yegor die? My love for him, a comrade? The memory of his mind's labor? Did that labor die? Did all our impressions of him as of a hero disappear without leaving a trace? Did all this die? This best in him will never die out of me, I know. It seems to me, we're in too great a hurry to say of a man „he's dead". That's the reason we too soon forget that a man never dies if we don't wish our impressions of his manhood, his self-denying toil for the triumph of truth and happiness to disappear. We forget that everything should always be alive in living hearts. Don't be in a hurry to bury the eternally alive, the ever luminous, along with a man's body. The church is destroyed, but God is immortal» (327).

дожник революции, он талантливо владел революционной мыслью, как великий мастер! С какой простотой и силой он рисовал всегда картины лжи, насилий, неправды. И какой талант имел он смягчать это ужасное своим веселым юмором, который не преуменьшал значения фактов, но еще более ярко освещал его внутреннюю идею. Всегда веселый! Я глубоко благодарна ему и никогда не забуду его веселых глаз, его шуток. Я всегда буду чувствовать влияние его идей на меня в минуты моих сомнений. Я люблю его!"»

«Что значит — умер? Что умерло? Разве умерло мое уважение к Егору, моя любовь к нему, товарищу, память о работе мысли его, разве умерла эта работа, исчезли чувства, которые он вызвал в моем сердце? Разве все это умерло? Что лучшее в нем не умрет для меня никогда, я знаю. Мне кажется, мы слишком торопимся сказать о человеке — он умер, потому что мы слишком скоро забываем, что человек никогда не умирает, если мы не хотим позволить, чтобы исчезло наше впечатление о его мужестве, о самоотверженной работе за торжество правды и счастья. Мы забываем, что все должно быть живо в живых сердцах. Не спешите похоронить вечно живое, вечно лучезарное одновременно с человеческой оболочкой. „Церковь разрушена, но бог бессмертен!"»

стер! С какой простотой и силой рисовал он всегда картины лжи, насилий, неправды!"».

«Что значит — умер? Что умерло? Разве умерло мое уважение к Егору, моя любовь к нему, товарищу, память о работе мысли его, разве умерла эта работа, исчезли чувства, которые он вызывал в моем сердце, разбито представление о нем, как о мужественном человеке? Разве все это умерло? Это не умрет для меня никогда, я знаю! Мне кажется, мы слишком торопимся сказать о человеке — он умер. „Мертвы уста его, но слово вечно да будет жить в сердцах живых!"».

В Саше, как и в Софье, первоначально было намечено известное стремление выдвинуть себя в революционной работе на пер-

вый план: «Она первая сказала громким и резким голосом: „Мы социалисты!..“ Когда мать услыхала это слово, она в молчаливом испуге уставилась в лицо барышни. А Сашенька, полузакрыв глаза, говорила строго и властно: „Мы должны отдать все свои силы делу обновления жизни. Мы должны уяснить себе, что мы не получим за это никакого вознаграждения“» (44).

Резче подчеркивает М. Горький дворянство Сашеньки: «Дворянство с человека и ножом не соскоблишь!» (45). Так отзывался о Сашеньке Андрей Находка.

«Немножко дворянка, но — все меньше!» (111) — говорил про нее Егор Иванович.

Образ массы. Как рабочая, так и крестьянская масса в первоначальной редакции были выведены менее активными. Крестьяне в отдельных случях выглядели более робкими, забитыми. Начальство распустило слух, что Рыбин и его товарищи — воры и разбойники, и среди крестьян находятся такие, которые верят этому. Из толпы, собравшейся на площади, раздается женский крик:

«„Oh thief! How horrible you look!“ shouted a woman's voice» (358).	«Разбойник! Какой ты страшный!»

На истязания Рыбина урядником толпа в первоначальной редакции реагирует не так решительно. В первоначальной редакции значится:

«The crowd, giving way, still maintained silence» (360).	«Толпа покачнулась, но все еще молчала.

А в окончательной вместо «но все еще молчала» стало: «загудела».

Больше было робости, неуверенности, боязни у мужиков, когда они собирались развязать руки Рыбину. «Не спорь, дядя, ты против власти!» (368). Так говорил кто-то из крестьян, убеждая Рыбина молчать.

И у передовых людей деревни, у Степана с Петром, сильнее были выражены их нерешительность, колебания. «Они оба говорили так, точно шли в темноте, осторожно протягивая руки и ощупывая ногами путь» (383 и 384). В другом месте говорится о них, как о людях, «тайно и малодушно ожидавших прихода правды».

Характерная черта главных героев — рассуждения — в той или иной степени была присуща в первоначальной редакции и эпизодическим лицам. Так, например, малограмотный, неразговорчивый крестьянин Степан произносил такую речь в беседе с женой:

> «Ты погоди!.. Ты скажи, слава богу, что мы сами его не били, человека-то... вот что! Бывает ведь — заставят — бей! И бьют... может сами внутри плачут от жалости, а бьют... не смеют люди от зверства отказаться, их за такой отказ самих изобьют. Приказано — будь, чем я хочу... волком, свиньей... а человеком быть запрещено... а кто осмелится — сживают со свету. Нет, надо так догадаться, чтобы сразу многие осмелели и вдруг все встали» (393).

Приведенный беглый очерк образов первоначальной редакции повести М. Горького «Мать» дает нам возможность сказать, что того строгого единства в стиле повести, какое мы имеем в окончательном тексте, в первоначальной его редакции не было. Хотя в основном герои повести поданы в реалистическом плане, хотя основным принципом в обрисовке характеров надо признать реалистическую простоту изображения, однако большинство образов несет в себе элементы повышенного романтического стиля: восторженность чувств, пафос переживаний, риторика речи.

Язык повести. Такую же, примерно, картину мы наблюдаем и в поэтическом языке повести. Основой языка повести, в ее первоначальной редакции, является реалистическая строгость, четкость, простота, переходящая местами в нарочитую безыскусственность. Но по сравнению с последней редакцией в системе образных средств первоначального текста можно наблюдать некоторую неровность стиля и местами своего рода орнаментальность.

Язык первоначального текста «Матери» местами был перегружен образными средствами, особенно эпитетами. Чаще всего, у определяемого слова было по два-три эпитета, а иногда и по четыре. Например:

«...the dark, incomprehensible, and awfull face of life» (307—308).

«Темное, непонятное и страшное лицо жизни».

«He began in his gruff, heavy voice» (131).

«Начал он своим грубым, тяжелым голосом».

«Whenever a thought was clear to the mother, she would find confirmation of the idea by drawing upon some of her rude, coarse experiences» (179).

«Когда мысль была ясна матери, она в подтверждение ее брала из прошлого своего что-нибудь всегда тяжелое и грубое».

«This feeling blended all into a single soul; it moved the mother, and, although inaccessible to her, it straightened and emboldened her, as it were, with its force, with its joys, with its triumphant, youthful vigor, intoxicating, caressing, full of hope» (47).

«Это чувство сливало всех в одну душу, оно волновало мать и хотя недоступно было ей, но как-то выпрямляло и ободряло ее своей силой, радостной, торжественной и юной, охмеляющей, ласковой, полной надежд».

В первоначальном тексте «Матери» были распространены развернутые метафоры и сравнения, отличающиеся резкими, мрачными красками:

«With even precision and stern regularity the dull tick of the pendulum marked the dying seconds» (130).

«Мерно, с неумолимой правильностью, тусклый маятник часов считал умиравшие секунды».

«Red sparks seemed to fly from his inflamed eyes and light the lean, dark face with the fire of unconquerable, melancholy rage» (281).

«Сухой блеск воспаленных глаз освещал худое, темное лицо огнем тоски и гнева, сверкавшего во взгляде красноватыми искрами».

На ряду с этими резкими, мрачными красками выступали образные средства с сентиментальным оттенком. Например:

«There were some five hundred gay youth and bustling women with children darting around the groups like butterflies» (218).

«The thin rays of the sun trembled like golden ribbons in the thick, odorous atmosphere» (279).

«Здесь было сотен пять веселой молодежи, озабоченных женщин и детей, мелькавших вокруг отдельных групп мотыльками».

«Тонкие лучи солнца золотыми лентами дрожали в насыщенном ароматами воздухе».

Заметными были в первоначальном тексте импрессионистские краски. Например:

«A single ray, trembling pensively, at first lighted up her hair and shoulder» (262).

«The white walls of the little room seemed to radiate a dry coldness and a pale, faceless sadness» (320).

«With this blood, mankind dedicated itself to a new life, bright and cheerful» (295).

«И один луч, задумчиво вздрагивая, сначала освещал ее волосы и плечи».

«От белых стен маленькой комнаты веяло сухим холодом и бледной, тусклой печалью».

«И этой кровью приобщался человек к жизни новой, светлой и радостной».

Но особенно выделялись в первоначальном тексте образы с ярко выраженной экспрессией. Например:

«They gave the impression of desiring to seize him and howl while torturing his body with voluptuous ecstasy» (458).

«Создавалось впечатление, что они хотят схватить его и выть, истязая его тело, в страстном экстазе».

«Her thoughts muddled her brain, covered her eyes with a gray mist, and plunged her into something sticky, viscid, chilling and paining her body. The feeling grew, entered her blood, took possession of her heart, and weighed it down heavily, poisoning in it all that was alive and bold» (424).

«Думы мутили ей голову, застилали глаза за серой дымкой, погружая ее во что-то липкое и вязкое, вызывавшее в теле озноб и недомогание. Это ощущение росло, всасывалось в кровь, охватывало сердце и тяжело давило его, отравляя в нем все живое и бодрое».

В таких образах конкретные предметы и явления иногда отличались схематичностью; образ, несмотря на яркость красок и резкость линий, выглядел абстрактным. Например:

«The sickly, the fat, or the extremely lean, motionless dead spots all grew dimmer and dimmer in the dull *ennui* that filled the hall» (447).

«Болезненно толстые или слишком худые, неподвижные, странно мертвые пятна, они все более тускнели в мутной скуке, наполнявшей зал».

Синтаксический строй речи в первоначальном тексте отличался сложностью и даже громоздкостью оборотов. Преобладало сложное предложение с засилием союза «и», что придавало всей речевой структуре повести несколько приподнятый, витиеватый тон.

В первоначальной редакции была и своя пунктуационная система — многоточия и восклицательные знаки встречались постоянно и не только в речах героев, но и в повествовательно-описательных местах повести, что соответствовало общей приподнятости языка «Матери».

VII

В процессе ознакомления с первоначальным текстом мы установили целый ряд особенностей, характерных для образов, композиции, художественного языка «Матери» в ее первоначальной редакции.

Отчасти их можно объяснить некоторой незавершенностью ряда творческих замыслов М. Горького в отношении основных персонажей повести, недостаточной отшлифованностью языка. Но главная причина, конечно, другая. Самой отличительной чертой первоначального текста «Матери» надо считать общую приподнятость стиля повести. Она звучит в героике характеров персонажей повести, в восторженности чувств и настроений большинства героев, в пафосе их речей. Элементы романтического стиля проникают и в систему поэтического языка повести.

Этот пафос образов и языка «Матери» надо поставить в непосредственную связь с революционной героикой 1905 г.

Замечательная повесть М. Горького в своем первоначальном виде была достаточно выношенным, достаточно идейно и художественно зрелым произведением. Но М. Горький этими достижениями не удовлетворяется.

М. Горький дорожил исключительно высокой оценкой, данной «Матери» Лениным, помнил указания Владимира Ильича на отдельные недостатки первоначального текста повести, видел все огромное общественно-политическое значение ее в деле революционной борьбы пролетариата. Поэтому он, с одной стороны, задумал в те годы (1908—1910) как бы продолжение «Матери», повесть такого же типа — «Сын». В своих набросках к «Сыну» («Романтик» — начало 1909 г., «Лето» — написано в конце 1909 г., «Мордовка» — в конце 1910 г.) Горький намечал три пути раскрытия образа рабочего-революционера, и каждый из них в той или иной степени был продолжением «Матери».

А к повести «Мать», уже опубликованной книге, М. Горький предъявил высокие требования, выразившиеся в многократной переработке ее первоначальной редакции.

Наиболее основательной переработке повесть подверглась во второй, пятой и особенно в шестой, последней редакции. В третьей и четвертой редакциях (1907) М. Горький был занят, главным образом, стилистической правкой (замена одних выражений другими, более точными, политически более острыми и принципиальными; исключения всякого рода малозначащих слов и т. д.) и реконструкцией глав — устраняется громоздкость глав, каждой главе придается характер тематической целостности, редактируются начала и концовки глав в соответствии с их идейно-тематической направленностью.

Во второй редакции М. Горький пересматривает первоначальный текст со всех сторон. Заново были переработаны такие эпи-

зоды, как убийство Исая (во второй редакции Исая убивает политически отсталый, анархически настроенный Драгунов), суд, арест матери и ряд других. Исключен ряд эпизодических лиц, другие же (Федя Мазин, Сомов, Гусев) идейно переосмыслены. Снижена первоначальная риторичность образов матери, Андрея, Саши и др. путем исключения ряда речей (например, речи Андрея на демонстрации, речи матери на вокзале и т. д.). В значительной степени снята романтика с образа Софьи — исключены, например, ее красочные воспоминания о муже. В известной степени устранена пестрота словесных красок.

Но, несмотря на большую творческую работу, проделанную М. Горьким во второй редакции, последняя вместе с двумя последующими, третьей и четвертой, редакциями находится все еще в пределах идейно-стилевой системы первоначального текста «Матери».

Решительный поворот в изменении общего характера, тонуса повести начинается с пятой редакции.

Пятой редакцией «Матери», над которой М. Горький работает в 1913 г., он спешит в первую очередь ответить на новый могучий подъем революционного пролетариата, на победу партии Ленина—Сталина над меньшевизмом. В противовес общему голосу буржуазной критики повести, к которому присоединились критики-меньшевики, М. Горький делает своих героев-революционеров еще более положительными: идеологически более выдержанными в духе большевизма, более стойкими и мужественными и при всем этом более реалистическими, жизненными. Характер Павла стал еще более суровым и строгим. Николай Иванович освободился от сентиментальности и «народничества», мать, а особенно Андрей, от ложной гуманистичности, «общечеловеческой» любви и риторического пафоса. В связи с резким снижением патетики, приподнятости языка, начинает изменяться синтаксическая система.

К сожалению, повесть в этой редакции не смогла выйти в свет в те годы, как предполагал М. Горький. Цензура запретила издание «Матери», и она была издана «Жизнью и знанием» только в 1917 г.

Шестая, последняя, редакция была самой тщательной переработкой повести по всем направлениям. Переработан каждый образ, проверена каждая фраза. В последней редакции Андрей значительно приблизился к образу большевика Павла, стал спокойнее, уравновешеннее, политически крепче. Мать из старухи превратилась в сорокалетнюю женщину, и соответственно этому изменился ее характер: революционная деятельность Ниловны стала еще более убедительной, а в целом — образ матери идеологически еще более высоким. Коренному пересмотру подвергся Рыбин — значительно смягчено его анархическое бунтарство, устранены черты, сближавшие образ его с сектантом-начетчиком.

Устранена также болезненная мизантропия Весовщикова. Образы интеллигентов освобождены от риторичности (Саша, Николай Иванович), театральности, бравирования (Людмила, Софья), аскетизма, подвижничества (Саша, Николай Иванович), романтики (Софья).

Руководствуясь принципом жизненной правды, М. Горький приходит к более сложному, глубокому раскрытию характеров героев. Большая работа в этом плане проделана им по индивидуализации речи героев.

Язык повести решительно очищается от всякого рода манерности, замысловатости, риторичности, гиперболизмов, неточности, нечеткости. Борясь за предельную сжатость, простоту языка, М. Горький соответственным образом перестраивает синтаксис повести.

Многолетняя работа М. Горького над «Матерью» говорит о неуклонном совершенствовании им идейно-политической стороны и стиля произведения, говорит о стремлении найти наиболее совершенные формы, адэкватные высокой идее повести. Каждая новая редакция «Матери» — новая и более высокая ступень в становлении горьковского реализма, как реализма социалистического.

В переработке «Матери» М. Горький всегда руководствовался большевистским принципом — максимальной правдивостью в изображении революционного пролетариата. Отсюда постоянное стремление М. Горького к политической четкости, заостренности образа, к большей простоте, естественности в раскрытии характеров, в описании событий больших и малых, стремление к сжатости, точности, ясности, выразительности языка.

Работая исключительно тщательно над уточнением идейного содержания образов своей повести, М. Горький показал образец партийного большевистского отношения к литературе, показал что литературная работа для него прежде всего большое ответственное, политическое дело.

К образам «Матери» М. Горький подходил с позиций социалистического реализма — он всеми средствами стремился к тому, чтобы его герои были подлинными живыми людьми, типичными образами, чтобы они как раз отмечали передовое, ведущее в пролетариате, чтобы они говорили о прекрасных, гармонических людях близкого, прекрасного, социалистического будущего.

Вот почему М. Горький с каждой новой редакцией делает образы своих героев все более и более выдержанными, стойкими, мужественными революционерами, полными бодрости, оптимизма, жизнерадостности.

Как мы уже отмечали, художник пролетариата сразу сумел воплотить в образе Павла самые типичные черты рабочего-большевика, но и над образом Павла М. Горький проделал большую работу по дальнейшему углублению большевистского характера Павла.

М. Горький не только не смягчил сурового, твердого, мужественного характера Павла, как этого хотела буржуазная критика, а сделал его еще строже, суровее, мужественнее и подчеркнул этим типичность характера большевика-пролетария, несокрушимость большевистской воли.

Но углубляя суровый, волевой характер Павла, М. Горький в то же время дает понять, что под этой серьезной, холодной, строгой внешностью бьется большое, горячее, чуткое сердце. Павел — не схема, не абстракция, как клеветнически писали враги М. Горького. Павел — живой человек. Он горячо, нежно, глубоко любит девушку (Сашу), свою мать, но он скрывает свои чувства, старается не высказывать их. Время, дело революции требовали от революционера подчинения личного общественному.

Павел уже со второй редакции стал тем идейно-художественным мерилом, тем образом выдержанного большевика, по которому стали равняться, к которому с каждой редакцией все более и более стали приближаться остальные герои-революционеры — мать, Андрей, Николай Иванович, Рыбин, Весовщиков и другие, становясь политически более стойкими, более мужественными.

С особенным вниманием и любовью всегда подходил М. Горький к образу Ниловны.

С каждой редакцией образ матери крепнет политически, она становится все более и более стойкой пролетарской революционеркой. Растет ее революционная активность и мужество, любовь к революционерам и ненависть к врагам.

М. Горький последовательно исключил все то, что хотя бы несколько снижало, упрощало революционный облик матери. Исключены наиболее риторические, с проповедническим оттенком речи Ниловны, устранена излишняя ее религиозность, умерена чувствительность. Процесс революционного становления матери М. Горького сделан более естественным, жизненно правдивым.

В конечном итоге М. Горький дал простой, убедительно жизненный, но вместе с тем высокий, героический образ женщины-революционерки, близкий по духу ее сыну, который первый призвал ее к революционной работе.

Весьма показательна эволюция образа Андрея. Андрей, пройдя через пять редакций, значительно изменил свой характер. М. Горький неуклонно, шаг за шагом освобождал образ Андрея от черт и поступков, противоречивших образу большевика.

Одновременно М. Горький освобождал характер Андрея от крайности его импульсивной натуры (болезненной впечатлительности, повышенной эмоциональности, переходящей в сентиментальность), от утопических взглядов на будущее социалистическое общество, от восторженных, с библийской фразеологией, речей, где ярко выражался абстрактный гуманизм Андрея.

В итоге многократных переделок характер Андрея стал ровнее, спокойнее, проще. Но Андрей не утратил своей индивидуальности. Такой наиболее существенной чертой Андрея была и осталась романтика в восприятии революции, в подходе к ней, а также известная восторженность в суждениях, бравирование в поступках, что сближало Андрея с социал-демократами интеллигентами (Сашей, Софьей, Людмилой), у которых эти черты выражены еще резче.

В процессе переработки Рыбин политически значительно вырос. От анархизма и индивидуализма он приходит к осмыслению революции, как движения масс. В таком духе, например, переделаны речи Рыбина в сцене его ареста. Вместо: «Спасибо, люди добрые, спасибо! Я стоял за вас, за ваши жизни!» — стало: «Спасибо, люди добрые, спасибо! Мы сами должны друг дружке руки освободить... Так! Кто нам поможет?»

Из образа Весовщикова М. Горький устранил крайности его анархизма, его болезненную мизантропию.

В результате неоднократной переработки стали политически более крепкими и образы революционеров-интеллигентов: Николая Ивановича, Софьи, Саши, Людмилы. Вместе с тем они начали проще, спокойнее делать революционное дело.

Николай Иванович значительно приблизился к образу Павла. Стал более цельной натурой, стойкой, уравновешенной, волевой. М. Горький устранил из характера Николая Ивановича отдельные черты, напоминающие неистовые вспышки Рыбина, слезливость, сентиментальность, сближавшие Николая Ивановича с первоначальными образами матери и Андрея.

В переработке рабочей и крестьянской массы М. Горький стремился резче показать пробуждение массы к революции.

В изображении крестьянства М. Горький более четко показал дифференциацию деревни. В первоначальном тексте поведение толпы при избиении Рыбина М. Горький описывал так: «Несколько человек солидно отошли от толпы в разные стороны, вполголоса переговариваясь и покачивая головами, иные смеялись. Но все больше сбегалось наскоро одетых, возбужденных людей». При переработке повести М. Горький перед словами *наскоро одетых* вставил слово *плохо* и стало: «но все больше сбегалось *плохо* и наскоро одетых возбужденных людей».

Таким образом, если зажиточные «солидно отошли» от Рыбина, а иные даже смеялись, то плохо одетые, беднота — «кипели темной пеной вокруг Рыбина». К ним обращены горячие слова Рыбина, у них находит он сочувствие. Но если в первоначальном тексте сочувствие толпы было довольно пассивным: «толпа покачнулась, но все еще молчала», в дальнейшем слово *молчала* М. Горький заменил новым словом *загудела*. Первоначально на речь Рыбина отзывался одинокий голос сочувствия — «Он говорит правду! я вам говорю». После переработки этот возглас стал

голосом массы: «Мужики вдруг закричали, перебивая друг друга: „Правильно говорит человек!“».

М. Горький, как правило, несколько раз возвращается к одному и тому же месту, чтобы добиться максимальной правдивости изображения. Причем с одинаковым вниманием и тщательностью перерабатывал М. Горький и такие эпизоды, как убийство Исая, арест Рыбина, арест матери, и такие, на первый взгляд несущественные, сценки, как развязывание Игнатом онучи, чтобы достать записку от Рыбина.

Художественному языку М. Горький придавал огромное значение. «Язык, — писал Алексей Максимович в статье «О прозе», — особенно требует тщательного отбора всего лучшего, что в нем есть — ясного, точного, красочного, звучного и дальнейшего любовного развития этого лучшего». [1] Пример такого любовного отношения к художественному слову мы можем видеть в работе М. Горького над языком «Матери». Редактирование «Матери» — это неуклонная борьба М. Горького за полнокровное реалистическое письмо, за простоту, конкретность, предметность словесных красок. В каждой редакции, особенно в последней, М. Горький неуклонно очищал язык «Матери» от всякого рода непростоты (устранял, например, образы такого типа: «Заглушенно метались бледные стоны», «бледная, тусклая печаль» и т. д.), риторических крайностей, всякого рода стилистических шероховатостей. В каждой редакции М. Горький проделывает большую, а в целом огромную работу над тем, чтобы фраза, слово имело точный и ясный для читателя смысл, ибо как говорил сам М. Горький: «Там, где отсутствует точность описаний, отсутствует правда». М. Горький пристально всматривался в каждое слово, проверял — насколько оно верно передает мысль, и, если находил какую-нибудь нечеткость, заменял слово другим, с более точным смыслом. [2] Например: «Ей хотелось понять [слова] *мысли* сына, но они не давались».

Работа М. Горького над синтаксисом была борьбой за простоту, сжатость языка, за экономию слова. Сотни предложений перестраивает М. Горький, в результате чего сокращаются сотни слов, предложения становятся конструктивнее, мысль более ясной, точной. Например: «Внезапно возбужденный [повинуясь какому-то толчку] *как бы толчком изнутри*, Андрей встал». «[Перед ней встала сцена сватовства] *Припомнилось сватовство покойного мужа*». Особенно беспощаден М. Горький к так называемым лишним словам — повторениям и малозначащим, мелким, словечкам: *вот, ведь, уже, значит, все-таки* и пр.

Многолетняя работа М. Горького над образами и языком «Матери» была неуклонным стремлением его к созданию под-

---

[1] М. Горький. О литературе. Гослитиздат, 1935, стр. 129.

[2] В прямые скобки заключены слова, вычеркнутые М. Горьким; курсивом выделены слова, вставленные им взамен вычеркнутых.

линно народного произведения, к достижению мудрой большевистской простоты. При этом основная задача М. Горького оставалась неизменной: передать массовому читателю в предельно простых, но высокохудожественных формах глубокий революционный пафос повести. Справедлива прекрасная оценка повести тов. Ворошиловым: «На литературных произведениях Горького воспитались целые поколения российских пролетариев, впервые увидевших в них образцы высокого, прекрасного искусства, понятного и родного им. Замечательная повесть „Мать“ поистине является автобиографией рабочего класса, настолько много в ней чрезвычайно близкого, пережитого каждым пролетарием, прошедшим суровую школу старой, проклятой русской жизни».

В. ДЕСНИЦКИЙ

НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ М. ГОРЬКОГО — РОМАН О РОССИЙСКОМ ЖАН ВАЛЬЖАНЕ, ДОБРОДЕТЕЛЬНОМ КАТОРЖНИКЕ

I

За год до смерти Алексей Максимович передал мне конверт со вложенными в него заметками, писанными его рукой на листках бумаги разного размера, и двумя газетными вырезками.

— Возьми, посмотри когда-нибудь. Может быть, что и сделаешь из этого. Задумал написать роман о российском Жан Вальжане. Не написал и не буду никогда. А темочка занятная. Наш — совсем другой. Бродяга он. Интересно, — со всякими людьми сталкивается, в гуще жизни замешан. Был такой — Рябинин, беглый каторжник, его еще ни к селу ни к городу патриархом всея Руси называли. Мне много рассказывали о нем. Да и сам я, думается, видел его. Помнишь, у меня в повести в иконную лавку приходит старичок Александр Васильев, — это и был Рябинин. Вот тут в газетной вырезке его жизнь рассказана.

Кто-то помешал нашей беседе, и Алексей Максимович не сказал, в чем, кроме внешней общности сюжета, выразилась бы его перекличка с В. Гюго, как и в каком направлении была бы разработана М. Горьким тема о добродетельном каторжнике (у В. Гюго — Жан Вальжан в романе «Отверженные»). Не пришлось вернуться к этой теме и в наших позднейших беседах.

Во всяком случае, не подлежит сомнению то, что разработка темы пошла бы, с одной стороны, в направлении широчайшего показа российской действительности, чему давала прекрасные возможности скитальческая жизнь российского каторжника, с другой — в дальнейшем развитии неприемлемых для пролетарского художника морально-христианских гуманистических тенденций романа В. Гюго. По этому пути критического творческого осмысления русского и мирового классического литературного наследства неуклонно направлялась мысль М. Горького в последние годы его жизни. В этом отношении особенно показательна «Жизнь Клима Самгина». Да и сам Алексей Максимович тоном своего сообщения как бы подчеркивал полемичность замысла.

Переданные мне заготовки к будущему роману не раскрывают его плана, не устанавливают действующих лиц и их взаимоотношения. Эти заготовки — материал к биографии Рябинина, зарисовки с натуры, записи на ходу мыслей и выражений, образов, созданных самим М. Горьким.

2

Отправным моментом замысла М. Горького о создании романа на тему В. Гюго, несомненно, явилось газетное сообщение о Рябинине, пермском беглом каторжнике. Вырезка из газеты с рассказом о Рябинине вложена Алексеем Максимовичем в конверт с заготовками будущего романа. Газета — времени империалистической войны, 1914 или 1915 г. (Текст газетной статьи — см. «заготовку» № 1, стр. 373).

В письме М. Горького московскому присяжному поверенному П. Н. Малянтовичу в декабре 1914 г. имеется указание на газету, но у нас нет уверенности, что вложенная в конверт вырезка именно та, потеря которой огорчила Алексея Максимовича. Он пишет Малянтовичу: «Такая досада, — заметку „Дня" — об аресте купца-бегуна я потерял. Засунул куда-то и не могу найти. В бумагах у меня такой же беспорядок, азиатский, как в хорошей русской душе». И далее просит доставить ему сведения по делу: «Очень прошу вас — похлопочите! Я думаю, что дело об этом человеке — вкусно для прокуратуры и о нем говорят. Знаю, что у вас времени мало, но м. б. кто либо из помощников ваших возмется найти следователя, в руках коего это дело? Если встретятся расходы — я оплачу. Пожалуйста!» (Архив М. Горького).

На полях вдоль газетной вырезки Алексей Максимович сделал запись чернилами, которая обрывается на слове «который». Но ее прямым продолжением является полулист писчей бумаги, весь заполненный записями М. Горького — чернилами, простым карандашом, а также синим и красным. Основной текст — полторы страницы — написан сразу за один присест. А дополнения (карандашами) на второй половине оборота листка и заметки на полях сделаны, несомненно, в разное время. Очевидно, Алексей Максимович неоднократно брал листок в руки и перечитывал его. В конце его имеется обращение к переписчице (вероятно, Марье Федоровне Андреевой) с просьбой вернуть листок после переписки четверостишия. Нет сомнений, автору ценен был этот набросок, так как обращение к переписчице кончается просьбой: «Не потеряй!» (см. «заготовку» № 2).

Публикуемые тексты М. Горького говорят о том, что замысел романа успел выйти из стадии предварительной подготовки материала. Алексей Максимович пока еще не отрывается от конкретной действительности, его интересует задача восстановления

фактов жизни того лица, о котором говорило газетное сообщение. Здесь он идет по двум направлениям: с одной стороны, намечает лиц, к которым нужно обратиться за справками о деталях, за дополнениями к имеющимся уже у него сведениям, с другой стороны, мобилизует собственную память. Он устанавливает, что сам лично видел Рябинина, вспоминает слышанные ранее о нем рассказы других лиц, пытается вскрыть отношение будущего героя романа с другими лицами, которых и сам знал в жизни, знал по газетным сообщениям (Болотова, Котельникова и др.).

Но одновременно, судя по последней части заметок, подготовительная работа идет и в другом — творческом — направлении. Как бы отвлекаясь от реальных персонажей, он уж намечает черты будущих героев романа, создает заготовки для обрисовки художественных образов. Отсюда — «привычка потирать руки...», «глаза в бороду», а также совершенно оформленные выработанные афоризмы («домик для души», «было тело, да время съело») и четверостишие, над которым автор провел специальную работу (не закончено и зачеркнуто второе четверостишие) и которое он связал, очевидно, с именем одного из будущих персонажей романа («Прохорова»).

В том же направлении идут указания на литературу, на книги, к которым Алексей Максимович предполагал обратиться при создании романа. Здесь прежде всего — «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, который М. Горький великолепно знал. Предположено было, очевидно, широкое использование его, намечено даже отрицательное отношение к нему («книга — вредная, оголяет мысли») одного из персонажей, может быть главного, романа.

Другие книги указывают на направление в разработке сюжета. М. Горький, несомненно, предполагал отвести в романе большое место характеристике русского сектантства, по преимуществу мистического. Заранее установлено уже отрицательное отношение к работам А. С. Пругавина,[1] считавшегося виднейшим специалистом по русскому сектантству и вообще по народным движениям религиозной мысли. Очевидно, это отрицательное от-

---

[1] Многочисленные статьи А. С. Пругавина по русскому сектантству печатались в газетах и журналах, начиная с 70-х годов прошлого столетия. Ряд очерков А. С. Пругавиным был объединен в книги: «Раскол внизу и раскол вверху. Очерки современного сектантства» (Пб., 1882); «Отщепенцы. Староверы и нововеры. Очерки из области религиозно-бытовых движений русского народа» (Пб., 1884). Обе эти книги были уничтожены по требованию цензуры, но на книжном рынке они всегда были, как «весьма редкие», и М. Горькому, конечно, были известны. Была пропущена цензурой только одна большая работа А. С. Пругавина: Раскол — сектантство. Материалы для изучения религиозно-бытовых движений русского народа, вып. 1, Библиография старообрядчества и его разветвлений. (М., 1887). — «Даровитый», по оценке М. Горького, В. С. Пругавин — земский статистик. Ему принадлежат работы: Промыслы Владимирской губернии. М., 1882—1884 и др.

ношение к Пругавину мыслится не только, как личное отношение самого автора, но и как высказывание кого-то из персонажей романа («бесталанно»).

Намечены для использования «сочинения Иринея», книга «Иречека». «Сочинения Иринея» — нет сомнения, Иринея, «отца церкви» епископа Лионского (в Галлии), жившего во II в. н. э. Большинство произведений Иринея, писавшего на греческом языке, до нас дошло только в отрывках, в полном составе сохранилось сочинение «Пять книг против ересей». На русский язык сочинения Иринея переведены П. А. Преображенским (М., 1871). Ириней интересовал М. Горького потому, что у него он мог найти сведения о религиозных движениях первых веков христианства, с которыми ставили в связь свои религиозные системы (и культовую практику) русские мистические сектанты.

Иречек (Иосиф-Константин) — чешский историк, автор «Истории болгар» (1876), переведенной на русский язык, с авторскими дополнениями к русскому изданию, Ф. К. Бруном и В. Н. Палаузовым (Одесса, 1878); существует и другой перевод — Яковлева (Варшава, 1877). Алексей Максимович и сам указывает, чего он предполагает искать в работе чешского историка, — сведений по истории «богомилов», с учением которых он, очевидно, хотел поставить в связь русское сектантское движение.

3

Материалы этого листа, относящиеся к биографии Рябинина, могут и должны быть пополнены соответствующими страницами из автобиографической повести М. Горького — «В людях». В разговоре со мной, как я уже упоминал, Алексей Максимович сам указал на повесть. Александру Васильевичу Рябинину в повести, где он назван Александр Васильев, посвящены три страницы.[1]

Приведем наиболее значимые для нашей цели места. О появлении в городе (Нижнем) Александра Васильева юношу Пешкова предупреждает старообрядец — начетчик, знаток икон и старопечатных книг Петр Васильевич: «Александр Васильев здесь, в городе, вчера прибыл! Искал, искал его—не нашел. Скрывается! Посижу, поди-ка заглянет сюда!»

М. Горький передает впечатление, какое произвел на него явившийся в лавку «бегун-странник»:

> ...за дверью, в темном уголке, сидел новый человек, одетый в теплое пальто и высокие валеные сапоги, подпоясанный зеленым кушаком, в шапке, неловко надвинутой на брови. Лицо у него было неприятное, он казался тихим, скромным, был похож на приказчика, который только что потерял место и очень удручен этим.
>
> ...он судорожным движением правой руки все сдвигал шапку: поднимет руку, точно собираясь перекреститься, и толкнет шапку вверх,

[1] М. Горький, Собрание сочинений, ГИЗ, 2-е изд., М., 1933, т. XVII, стр. 174—176.

потом — еще и еще, а сдвинув ее почти до темени, снова туго и неловко натянет до бровей.

...меня волновал его тихий, торжественный голос. Он говорил так, как хорошие попы читают «господи, владыко живота моего», и все наклонялся вперед, съезжая со стула, взмахивая рукой пред своим лицом...»

М. Горький изображает Александра Васильева в беседе с Петром Васильевичем. Процитируем места, наиболее раскрывающие облик Александра Васильева, как сектанта, противопоставляющего себя православным и старообрядцам.

На обвинение его Петром Васильевичем в «ереси» Александр Васильев отвечает:

«Вы думаете: перегнав людей из одного хлева в другой, — лучше сделаете им? А я говорю — нет! Я говорю — освободись, человек! К чему дом, жена и все твое перед господом? Освободись, человек, ото всего, за что люди бьют и режут друг друга, — от злата, сребра и всякого имущества, оно же есть тлен и пакость! Не на полях земных спасение души, а в долинах райских! Оторвитесь ото всего, говорю я, порвите все связки, веревки, порушьте сеть мира сего — это плетение антихристово... Я иду прямым путем, я не виляю душой, темного мира не приемлю...»

Эта речь — сжатое изложение философии и морали сектанта-странника, «бегуна», порвавшего связи с церковью, государством, отказавшегося и от родства, от семьи. На реплику Петра Васильевича, пытающегося уличить «странника» в противоречии между его учением и жизнью («а хлеб, воду, одежду приемлешь? Это, ведь, гляди, мирские!»), Александр Васильев не отвечает и продолжает развивать свою философию индивидуалистического отречения от мира во имя внутреннего мистического единения с богом.

Он говорит, как проповедник и учитель:

«Что дорого тебе, человек? Только бог един дорог; встань же пред ним, — чистый ото всего, сорви путы земные с души твоей, и увидит господь: ты — один, он — один! Так приблизишься к господу, это — един путь до него! Вот в чем спасение указано — отца-мать брось, указано, всё брось и даже око, соблазняющее тебя, — вырви! Бога ради истреби себя в вещах и сохрани в духе, и воспылает душа твоя на веки и веки...»

Не могу сказать, сознательно или нет, но в этой последней тираде Алексей Максимович сделал странника-«бегуна» и проповедником скопчества; возможно, что это сделано намеренно — для показа теоретической путаницы в голове Александра Васильева.

Любопытно отметить то впечатление, какое произвел на Алешу Пешкова промелькнувший перед ним Александр Васильев (Рябинин). М. Горький так заканчивает главу XII повести, в которой идет речь о Рябинине:

«Этот человек вспыхнул предо мною, словно костер в ночи, ярко погорел и угас, заставив меня почувствовать какую-то правду в его отрицании жизни.

... Хотя мне жилось горько, но я не понимал: как это можно бежать ото всего? В жизни, окружающей меня тою порой, было много интересного, дорогого мне, и скоро Александр Васильев поблек в моей памяти.

Но время от времени, в тяжелые часы, он являлся предо мною: идет полем, по серой дороге, в лесу, толкает шапку судорожным движением белой, нерабочей руки и бормочет:

— Я иду путем правильным, я ничего не приемлю! Связки-те порви...

Рядом с ним вспоминался отец, как бабушка видела его во сне: с палочкой ореховой в руке, а следом за ним пестрая собака бежит, трясет языком...»

«Правду» в отрицании жизни Александром Васильевым почувствовал молодой Пешков, разумеется, не в его «философии», а в позе социальной обреченности, одиночества, противопоставленности обществу, притом почувствовал не как мыслитель, оценивающий учение секты «бегунов», а как будущий художник, встретивший интересную человеческую особь. И постановка в его памяти Александра Васильева «рядом» с отцом идет в том же плане художественного восприятия образа странника.

В повести «В людях» Рябинин (Александр Васильев) — эпизодическое лицо, прошедшее перед юным Пешковым только однажды. Трудно сказать, знал ли Алексей Максимович историю Рябинина в то время, когда писал «В людях» (отрывки из повести печатались впервые в газете «Русское слово» за 1915 г., начиная с № 251 и далее). Из его сообщения мне, что Александр Васильев, которого он видел в детстве, и есть Рябинин, — можно сделать разные выводы. Но я скорее склонен думать, что уже знал. Тогда три страницы XII главы повести «В людях» и будут первым опытом художественного использования М. Горьким материала, собранного им о российском Жан Вальжане. Но включен он в повесть только в автобиографическом плане, как личное «воспоминание» жизненного впечатления, без указания на уголовное прошлое Александра Васильева, о котором юный Алеша Пешков, конечно, и не мог знать.

Во всяком случае, глава XII повести «В людях» не дает нам ключа к построению задуманного М. Горьким романа; с подготовительными материалами М. Горького к роману она совпадает, вне всяких сомнений, в том, что и герой будущего романа и Александр Васильев в повести тесно связаны и с расколом и особенно с мистическим сектантством.

В известной мере положительное отношение М. Горького к «бегуну» повести никак нельзя предполагать обязательным для будущего романа. В заготовках М. Горького, наоборот, отмечаются такие факты жизненного поприща российского Жан Вальжана, которые вносят в его биографию черты уголовного

порядка. «Вполне допустимо, — пишет Алексей Максимович, — что во время кутежей в Дивеевском монастыре[1] слепую изнасиловал Петр Васильевич или Рябинин».

4

Другие листки заготовок, объединенные Алексеем Максимовичем в одном пакете как материалы к будущему роману, еще менее дают возможности к восстановлению в развернутом виде его замысла. Скорее всего и для самого М. Горького этот замысел далеко еще не был ясен. Вполне определился только интерес к развитию сюжета на фоне показа религиозных движений в среде русского народа в годы после первой революции. Судя по некоторым фразам заготовок, можно предполагать, что действие будущего романа должно было происходить и после революции 1917 г., поскольку в них «большевики» выступают уже как хозяева, строители жизни.

Не менее определенно было для М. Горького желание дать героя будущего романа как российского Жан Вальжана, показать его в каком-то сопоставлении, соотнесении с героем романа В. Гюго, с добродетельным каторжником. Как должно было реализоваться это соотнесение, — мы не знаем.

Кроме газетной вырезки о Рябинине и основного рукописного листа, в пакет Алексеем Максимовичем разновременно были вложены еще одна газетная вырезка и восемнадцать разного размера листков бумаги, заполненных целиком или частично заметками (все — от руки). Ни одного клочка нет того же типа бумаги, на котором даны материалы к биографии Рябинина. Из восемнадцати листков — семь вырваны из блокнотов других, чем те, из которых взяты цельные листы, и одиннадцать аккуратно отрезаны от листов клетчатой (любимой Алексеем Максимовичем) писчей бумаги (из них только два на бумаге одного типа, все остальные — на различной бумаге).

Среди этих листков особое место должен занять один цельный листок блокнота, материал которого только частично предназначался для романа о каторжнике (см. «заготовку» № 3).

Прямое указание Алексея Максимовича в этом листке, что материал его предназначен для «Дела Артамоновых», дает нам возможность провести наблюдения, входил ли и если входил, то как, материал заготовок в ткань его законченных художественных произведений. Эта возможность усиливается еще тем, что зачер-

---

[1] Дивеевский монастырь в б. Нижегородской губ., невдалеке от мужского Саровского монастыря (в десяти-пятнадцати километрах). В начале XX в. в Дивеевском монастыре число монахинь и послушниц доходило до тысячи и даже более. Соседство Саровского монастыря, монахи которого славились развратной жизнью, не способствовало поддержанию высокой нравственности дивеевских затворниц.

живанием набросков Алексей Максимович сам признал их уже использованными.

Прежде всего можно отметить, что фамилии заготовочного листка — Артамоновы, Вялов — перешли в роман.

Перенесен в роман диалог листка между лицами, данными здесь без имен; диалог расширен, но основное его содержание, ведущие слова и мысли оставлены без изменения. В романе идет беседа между братьями Артамоновыми — Петром и Алексеем. Дадим в параллельном сопоставлении оба текста. [1]

Текст листка

— Портим народ мы.
— Чего?
— Народ, говорю, портится на фабрике.
— Это — дело не наше. Это, брат, скажем, дело попов или кого там.

Текст «Дела Артамоновых»

Он [Петр] вспомнил, как однажды, после пьяной драки на фабрике, сказал брату:

— Портится народ.

— Заметно,— согласился Алексей.

— Злятся все отчего-то. Как будто все смотрят одной парой глаз...

Алексей и с этим согласился...

... Тогда Алексей заговорил серьезно:

— Ты что-то часто говоришь об этом: портятся люди, портятся. Но, ведь, это дело не наше; это дело попов, учителей, ну,— кого, там? Лекарей разных, начальства. Это им наблюдать, чтобы народ не портился, это — их товар, а мы с тобой — покупателя.

На основании материала листка мы можем говорить и о другом типе использования: заготовки листка не входят текстуально в ткань романа, но мысли, отдельные слова появляются в романе как тема, как ведущие для эмоциональной окраски и направленности, в данном случае едва ли не для всего произведения, поскольку в нем идет речь о рабочих.

Дадим тексты заготовок и немногие — для иллюстрации — корреспондирующие им места романа.

Текст листка

Вялов — спит, ухо прижато к земле, как будто слушает шопот ее.

Шум в рабочем поселке — земля сердито ворчит.

. . . . . .

Жизнь угрожает событиями.

Рабочие теряли лицо, становились безличными и примеривались как бы к единоборству.

Текст «Дела Артамоновых»

В углу сада возился Тихон Вялов, сгребая граблями опавшие листья, печальный, мягкий *шорох* плыл по саду; за деревьями *ворчала фабрика*, серый дым лениво пачкал прозрачность воздуха (стр. 102).

Фабрика все громче *ворчала*, *дышала тревогами* и заботами; жужжали сотни веретен, *шептали* станки; целый день, задыхаясь, пыхтели машины, над фабрикой непрерывно кружился озабоченный *трудовой* гул...

[1] Диалог в романе цитируем по изданию: М. Горький, Собрание сочинений, ГИЗ, 2-е изд., М., 1933, т. XX, стр. 130—131.

...ему [Петру Артамонову] особенно не нравились *рабочие*; казалось, что они *становятся все слабосильнее, теряют мужицкую выносливость*...

...теперь все спуталось, люди стали бойчее и даже, как будто, умней, но небрежнее к работе, злее друг к другу и все нехорошо, жуликовато *присматриваются, примериваются* (стр. 108).

Просыпаясь в жемчужном сумраке утренних зорь осени, Артамонов старший слышал требовательный гудок фабрики, а через полчаса начинался ее неугомонный *шорох, шопот*, глуховатый, но мощный и привычный уху шум работы (стр. 156).

Да, всё изменялось. Даже *рабочие становятся все капризнее*, злее, чахоточнее, а бабы все более крикливы. *Шум в рабочем поселке* беспокойней; вечерами даже кажется, что все там воют волками, и даже засоренный песок сердито *ворчит* (стр. 160).

В тонах нарастающей тревоги (для Артамоновых, для буржуазии) даны М. Горьким все сцены, в которых речь идет о фабрике, о рабочих. И строки предварительного наброска служат как бы определяющими основной тон романа из жизни буржуазии и рабочих накануне пролетарской революции.

Для «Старика» (написан в 1915 г.) использована только фраза «Чужим грехом праведность искупаешь», над которой непосредственно сделана надпись красным карандашом: «Пьеса». Использована фраза не текстуально, — такой фразы или близкой к ней по словосочетанию нет в пьесе, — но как не выраженный словами принцип, лежащий в основе мыслей и действий Старика (Антона).

Если судить по характеру и мере использования для «Дела Артамоновых» приведенного выше листка авторских заготовок, то все остальные материалы, публикуемые нами ниже, с убедительностью показывают, как далеко продвинулся у М. Горького замысел романа о российском Жан Вальжане, «раскаявшемся» беглом каторжнике. Сделанные для него заготовки — изучение жизни Рябинина, обширные чтения по истории русского сектантства (а они, я знаю, действительно, имели место в последние годы жизни писателя), наброски сцен, диалогов, до конца оформленные, очевидно, определявшие облик будущих персонажей романа, — свидетельствуют о том, что первоначальная стадия еще не оформленного замысла художественного произведения М. Горьким была пройдена.

И все же роман остался ненаписанным, а заготовки — неиспользованными. Мало того: из сообщения мне Алексеем Максимовичем замысла романа с ясностью вытекало, что у него уже исчез интерес к теме. Когда Алексей Максимович говорил и писал мне, что не напишет «Сына», чувствовалось сожаление, огорчение: хотелось бы, а вот — не может, не успеет. В сообщении о ликвидации замысла романа о Рябинине этого сожаления не было: был интерес к теме, а потом исчез — и только.

В чем же дело? Прежде всего можно было бы предположить, что написание в 1915 г. пьесы «Старик» удовлетворило авторское внимание к заинтересовавшей М. Горького теме. Думаю, что объяснения искать нужно не здесь. Не подлежит сомнению, что сюжет «Старика» дан М. Горькому внешней фабульной стороной биографии Рябинина (неясное преступление, каторга, бегство, перемена фамилии, богатство, естественное и вполне возможное появление на сцене если не сменщика, то спутника, сотоварища по каторге и т. д.). Но резко бросается в глаза, что в «Старике» тщательно обойдено все то, что связывало Рябинина и героя будущего романа (судя по листкам заготовок) с расколом и сектантством; очевидно, этот материал сберегался Алексеем Максимовичем для другой вещи. Самый факт напечатания произведения, написанного в 1915 г., только в 1922 г. (в «Петербургском альманахе»), возможно, говорит о том, что автор сберегал накопленный и накопляемый материал на интересовавшую тему от его нерасчетливого преждевременного истощения.[1]

Мы не будем подвергать подробному анализу пьесу «Старик» — это увело бы нас далеко от интересующего в данный момент вопроса. Но, повторяем, пьеса далеко не покрывает интереса М. Горького к теме, поскольку широта ее определяется заготовками.

Сам М. Горький в предисловии к американскому изданию пьесы так раскрывает идейный замысел «Старика»: «В „Старике“... я старался показать, каким отталкивающим может быть человек, погруженный в свое собственное страдание, который стал верить, что он вправе мучить других за то, что он страдал. Если такой человек убедил самого себя, что таково его право, что он — избранное орудие мести, он теряет всякое право на уважение. Это все равно, как если бы кто-нибудь поджигал дома и целые города только потому, что ему холодно».[2]

---

[1] За границей пьеса была напечатана ранее. Берлинское издание вышло без даты, но в «Каталоге издательства И. П. Ладыжникова в Берлине» на 1921 г. пьеса указана уже в числе поступивших в продажу. Первая постановка пьесы (в Московском Государственном малом театре) относится к 1919 г.

[2] The Judge. A play in four acts. Autorised translation by Marie Sahrewsky and Barret H. Clark. Robert M. Mc. Bride and C°. New York, 1924. — В американском издании, как видим, заглавие пьесы изменено — не «Старик», а «Судья». Цитируем предисловие М. Горького по переводу Е. Н. Бобровой.

В «Старике» слышится ироническая перекличка М. Горького и с В. Гюго и с Ф. Достоевским. И тема морального «перерождения» беглого каторжника, и его добродетельная жизнь, и тема суда — казни собственной совести (при отсутствии настоящего преступления у Мастакова и при олицетворении этой совести в образе действительного нераскаянного злодея — Старика), и образ глухой Немезиды («Девицы»), воспринимаемой в каком-то отдаленном родстве с Лизаветой Смердящей («Братья Карамазовы» Ф. Достоевского) — все это дано М. Горьким в плане построения полуиронической мелодрамы, со включением аксессуаров «трагического», обязательных для Гюго и Достоевского.[1]

Во всяком случае, основной интерес к теме романа о Рябинине пьесой не покрывается. И я думаю, исчезновение у М. Горького живого интереса к теме объясняется иным фактом его творческой биографии.

Во время работы над последними частями «Жизни Клима Самгина» Алексей Максимович неоднократно жаловался мне, что трудно писать повесть, так как у него нехватает материала непосредственных конкретных жизненных наблюдений.

— Ведь я ряд лет не жил в России... И не могу же я этого дьявола [Клима] все время держать за границей. Надоел он мне... Я не видал, как жили люди в России после пятого года. И писать не умею, не люблю о том, чего не видел сам...

И он с величайшим интересом слушал мои рассказы о русской жизни между двумя революциями, усиленно читал литературу этих лет, просил называть ему книги, которые ближе, конкретнее вводили бы его в «хронику» русской жизни времени его эмиграции. С глубокой благодарностью принимал книжные подарки, облегчавшие ему и разыскивания материала и работу.

Когда напечатан был третий том «Жизни Клима Самгина», мы не один раз говорили о повести. Алексей Максимович, по обыкновению, настоятельно требовал указания «недостатков». Между прочим, я особенно указывал на чрезмерность внимания его к Марине Зотовой и ее сектантским, хлыстовско-скопческим похождениям. — «Ведь это „задворки" русского исторического процесса для данного периода, — говорил я. — И такое длительное пребывание здесь автора великолепной эпопеи, в сущности, ничем не обосновано и для читателя неубедительно».

Меня удивили тогда необыкновенное упорство и даже некоторое раздражение, с каким Алексей Максимович, легко согла-

[1] Отметим, кстати, что на близость образа Мастакова к герою В. Гюго обратили внимание и первые американские критики пьесы М. Горького. Так, в отзыве на ньюйоркское издание пьесы анонимный рецензент «New York Herald», 1925, 4 January писал: «Судья [="Старик"] — новая трактовка освященного временем мотива Жан Вальжана, облагороженного гением автора». В рецензии «Nation» (New York, 1924, November 26) также говорится о Мастакове, как о «новом Жан Вальжане».

шаясь с другими моими «критическими» замечаниями, возражал против этого и настаивал на законности и целесообразности включения им сектантского материала в такой пропорции. А затем — уступил полностью и сказал, что в сокращенной редакции «Жизни Клима Самгина» (он согласился со мной, что следует дать такую для широкого читателя) он восстановит должные «пропорции» ведущих явлений русской жизни кануна пролетарской революции.

Когда я ознакомился с заготовками для ненаписанного романа о каторжнике, мне стало ясно (и, думаю, что я прав), почему Алексей Максимович потерял интерес к давно задуманному роману. Убийство Болотовой (жизненный прототип Марины Зотовой), быт русских сектантов (жизнь «корабля», радение, взаимоотношения сектантов и т. д.) — все это было прекрасно известно Алексею Максимовичу из его богатого опыта, по непосредственным наблюдениям. Этот материал и использовал А. Горький в широких размерах для «Жизни Клима Самгина», обеднив этим, в известной мере и уже по существу, тему российского Жан Вальжана. Самого сектантского «патриарха», по незадачливой терминологии дореволюционного газетного репортера, в «Жизни Клима Самгина» нет, его заместила хлыстовская «богородица» Марина Зотова.[1] Это заместительство, правда, помешало А. Горькому использовать материал, характеризующий скитальческую жизнь и мудрость странника — «бегуна» Рябинина, и самую тему романа сделало для автора менее интересной и значимой. Тем более, что А. Горький, разумеется, великолепно понимал, что Рябинин (герой ненаписанного романа), действительно, яркая колоритная фигура только для «задворок» русской истории периода социалистической революции.

Так или иначе роман о российском Жан Вальжане остался ненаписанным. Но сохранившиеся заготовки к нему вводят нас в творческую лабораторию великого пролетарского писателя, не говоря уже о том, что они при всей их фрагментарности представляют несомненную художественную ценность.

---

[1] Следует отметить, что результаты всех намеченных для романа о каторжнике чтений (Иринея, Иречека, Даля) нашли широкое применение в «Жизни Клима Самгина»; нашла свое место здесь и характеристика А. С. Пругавина.

ЗАГОТОВКИ М. ГОРЬКОГО К РОМАНУ О РОССИЙСКОМ ЖАН ВАЛЬЖАНЕ, ДОБРОДЕТЕЛЬНОМ КАТОРЖНИКЕ

№ 1

[Текст газетной вырезки]

КАТОРЖАНИН — «ПАТРИАРХ ВСЕЯ РУСИ»

История Жана Вальжана, трогательно написанная Виктором Гюго в романе «Отверженные», почти повторилась с пермским каторжником Рябининым.

В 1873 году в Верхотурском уезде. Пермской губернии, на Вышноуткинском заводе была убита жена управляющего заводом, богатая женщина г-жа Соловьева. Убийцами ее оказались муж Соловьевой, экономка ее Лебедева и служащий завода, молодой человек, Пав. Вас. Рябинин. Их судили и суд приговорил: Лебедеву на 12 лет каторжных работ, а С. Соловьева и Рябинина по 10 лет. Соловьев умер в тюрьме, а Лебедева и Рябинин были отправлены на каторгу. Дорогой Рябинин встретил одного бродягу, с которым уговорились за 25 рублей перемениться именами. Бродяга, по имени Степан, пошел за Рябинина на каторгу, а Рябинин бежал.

Долго он скитался. Однажды ему пришла мысль вступить в секту «божьих странников», бегунов. Эту мысль Рябинин привел в исполнение. Вступив в секту, он переменил свое имя и стал зваться Александром Васильевичем. О побеге каторжника Рябинина было сообщено полиции всех городов, его искали, но он как говорится, словно в воду канул.

Время шло. Неглупый, развитой «Александр Васильевич» скоро познал правую веру «божьих странников» и стал начетником. Имя его делалось известным среди последователей секты. Александр Васильевич обзавелся собственностью: у него около Перми ватная фабрика, а в Данилове, Ярославской губернии, мукомольная мельница.

Прошло сорок лет. Александр Васильевич у бегунов достиг сана «патриарха всея Руси». Он — красивый старец с большой седой бородой. Около двух лет тому назад до Ярославской сыскной полиции дошло, что владелец мукомольной мельницы в

Каторжанинъ — „патріархъ всея Руси".

Исторія Жана Вальжана, трогательно написанная Викторомъ Гюго въ романѣ «Отверженные» почти повторилась съ пермскимъ каторжникомъ Рябининымъ.

Въ 1873 году въ Верхотурскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, на Высково-Уткинскомъ заводѣ была убита жена управляющаго заводомъ, богатая женщина г-жа Соловьева. Убійцами ея оказались мужъ Соловьевой, экономка ея Лебедева и служащій завода, молодой человѣкъ, Пав. Вас. Рябининъ. Ихъ судили и судъ приговорилъ: Лебедеву на 12 лѣтъ каторжныхъ работъ, а С. Соловьева и Рябинина по 10 лѣтъ. Соловьевъ умеръ въ тюрьмѣ, а Лебедева и Рябининъ были отправлены на каторгу. Дорогой Рябининъ встрѣтилъ одного бродягу, съ которымъ уговорились за 25 рублей перемѣняться именами. Бродяга, по имени Степанъ, пошелъ за Рябинина на каторгу, а Рябининъ бѣжалъ.

Долго онъ скитался. Однажды ему пришла мысль вступить въ секту «Божьихъ странниковъ», бѣгуновъ. Эту мысль Рябининъ привелъ въ исполненіе. Вступивъ въ секту, онъ перемѣнилъ свое имя и сталъ зваться Александромъ Васильевичемъ. О побѣгѣ каторжника Рябинина было сообщено полиціи всѣхъ городовъ, его искали, но онъ, какъ говорится, словно въ воду канулъ.

Время шло. Неглупый, развитой «Александръ Васильевичъ» скоро позналъ правую вѣру «божьихъ странниковъ» и сталъ начетникомъ. Имя его дѣлалось извѣстнымъ среди послѣдователей секты. Александръ Васильевичъ обзавелся собственностью: у него около Перми ватная фабрика, а въ Даниловѣ, Ярославской губерніи, мукомольная мельница.

Прошло сорокъ лѣтъ. Александръ Васильевичъ у бѣгуновъ достигъ сана

Газетная вырезка с припиской М. Горького (стр. 400).

Даниловском уезде — беглый каторжник. За ним следили, но задержать его не удавалось.

Недавно Александр Васильевич ехал из Ветлуги на одном из пароходов общества «Самолет». Он направлялся в Москву с несколькими лицами. Об этом узнал и. д. начальника Ярославского сыскного отделения Ф. А. Мамаев. Он с несколькими агентами сыскной полиции, чтобы задержать Александра Васильевича, отправился на Ветку [Волгу? — *В. Д.*]. Александр Васильевич как-то узнал, что его ищут. Услышав стук в дверях своей каюты, он сразу почувствовал недоброе и, открыв окно каюты, пытался через него скрыться, но это не удалось. У окна стояли вооруженные агенты. Александру Васильевичу ничего не оставалось, как сдаться, что он и сделал, сознавшись, что он беглый с каторги Рябинин. Его арестовали и отправили в тюрьму.

[На полях вдоль газетной вырезки Алексей Максимович приписал чернилами]:

В первой половине 80-х годов А[лекса]ндр Вас[ильевич] бывал в Галиче, в Заволжье и в Н.-Новгороде у Головастиковых, Солонина, старухи Сироткиной. Петр Вас[ильевич] рассказал мне эту историю в 93 или 4 годах.

Рябинин помер в тюрьме до суда. Защищать его должен был Павел Малянтович, который...

Пав. Вас. Рябинин — подчеркнуто красным карандашом.
Александром Васильевичем — подчеркнуто карандашом.
...стал начетником... — «начетник» вместо начетчика.
«Патриарх всея Руси» у «бегунов» (?) — домыслы неосведомленного газетного работника.

№ 2

[*Текст лицевой стороны листа*]:

Рассказ П[авла] Малянтовича о Рябинине

Мое личное впечатление от встречи с ним в 83—5 годах у Салабанова, Головастикова.

Рассказ Сироткиной в 94—5 годах.

Уголовный сыщик Яков Як[овлевич] Котельников, сын известного в Н[ижнем] купца Якова Вас[ильевича] Кот[ельникова] «несчастного банкрота»; его слежка за «кораблем» Болотовой; встреча его с «Петром Васильевичем» и Рябининым в Дивеевском монастыре, кутеж с монахинями, изнасилование слепой послушницы Яковом, — пьяным, его самоубийство.

Вполне допустимо, что слепую изнасиловал Петр В[асильевич] или Р[ябинин], а Яшку — они запугали, убедив его, что сделал это он.

Рассказ следователя Святухина А[лександру] И[вановичу] Ланину.

Мои попытки познакомиться с «патриархом» в 901 году. «Патриархом» его никто не именовал.

Поездка по Ветлуге, в Воскресенское; встреча на пароходе с Пахомием. «Тропа над пропастью уныния души». Найти «стих».

Спор с В[ладимиром] Г[алактионовичем] Короленко в трактире Травкина о законности — естественности — суеверий, о «эклектизме» рус[ского] сектантства, мистического — особенно.

Дело скопцов и князь Ал[ексан]др Урусов у Ланина, — неожиданное открытие связи Рябинина — Устинова со скопцами.

Распутство Болотовой, убийство ее, в магазине в 2 ч[аса] дня, в Воскр[есенье]. Странно: магазин помещался под городской читальней — мимо двери и окон его в читальню прошло, наверное, много людей — день праздничный — никто не заметил трупа до 5 ч[асов] вечера. При таких же обстоятельствах — убийство менялы, скопца.

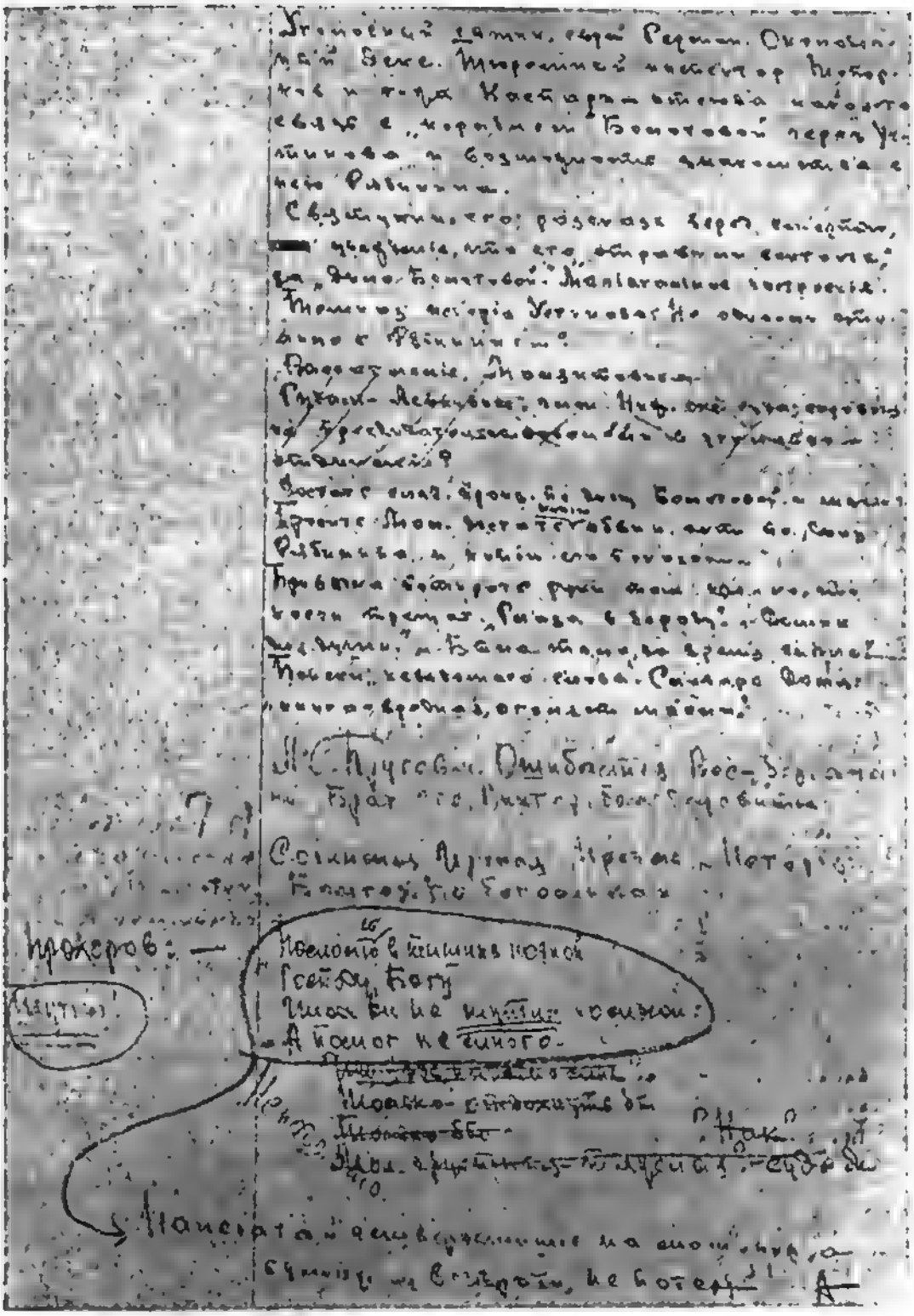
В[асилий] В[асильевич] Розанов кажется слышал об этом, будучи в монастыре, или от кого то из нижегородцев.

В[ладимиру] Г[алактионовичу] надобно написать: не помнит ли он нашего собеседника — как звали и откуда.

[Текст оборотной стороны листка]:

Уголовный сыщик, еврей Герман. Около[до]чный Эске. Тюремный инспектор Топорков и г-жа Каспари — отсюда какая то связь с «кораблем» Болотовой через Устинова и возможность знакомства с нею Рябинина.

Святухин, его рассказы перед смертью, убеждение, что его «отравили сектанты», за «дело Болотовой». Маниакальное настроение. Темная история Устинова. Не одно ли это лицо с Рябининым?



Запись-автограф М. Горького о П. Рябинине (см. стр. 376—378).

Впечатление Малянтовича.

Гудим-Левкович, член Ниж[егородского] окр[ужного] суда; спросить — не председательствовал ли в уголовном отделении?

Достать след[ственное] произ[водство] по делу Болотовой и менялы.

Просить Мал[янтовича] достать копию обвин[ительного] акта по делу Рябинина и копию его показаний.

Привычка потирать руки так крепко, что кости трещат. «Глаза в бороду», «Домик для души». «Было тело, да время съело». Поиски «неведомого слова». Словарь Даля: «книга вредная — оголяет мысли».

А. С. Пругавин. Ошибается. Всё «бесталанно». Брат его, Виктор, был даровитый.

Сочинения Иринея. Иречек «История Болгарии», — о богомилах.

Прохоров: Помолюсь в тишине ночной
Господу богу,
Шутка! Чтоб он не шутил со мной,
А помог немного...
Что ведь надобно мне?
Только отдохнуть бы
Не надо это. Только бы ? Как?
Мои грустные — тяжелые. — Судьбы?

Напечатай четверостишие на машинке, а бумажку возврати, не потеряй! А[лексей].

Абзац, начинающийся словами *Вполне допустимо* подчеркнут красным карандашом, первая заметка на полях — синим.

Найти «стих» — приписано в строку красным карандашом.

Заметки на полях написаны другими чернилами и пером, чем основной текст.

Со слова *Впечатление* и кончая словами *уголовном отделении* зачеркнуто красным и синим карандашами.

О Пругавиных написано красным карандашом.

Фраза, начинающаяся словами *Сочинения Иринея*, написана синим карандашом.

Первое четверостишие обведено красным карандашом со стрелкой к заметке для переписчицы, второе — зачеркнуто. Оба четверостишия и фамилия *Прохоров* на полях написаны простым карандашом.

Последний абзац написан красным карандашом.

№ 3

Артамоновы.

Вялов — спит, ухо прижато к земле, как будто слушает шопот ее.

Шум в рабочем поселке — земля сердито ворчит.

Пьеса

— Чужим грехом праведность искупаешь.

— Пожар событие кратковременное, а мои чувства на всю жизнь.

Я, Н. Я., человек тоже интелл[игентный], газету Р[усское] С[лово] читаю, в театр хожу, хотя и по контромаркам[?], но

Вымысел правдоподобнее действительности.

Аристотель

«Вы не рассказывайте мне несуществующие факты».

Жизнь угрожает событиями.

Рабочие теряли лицо, становились безличн[ыми] и примеривались как бы к единоборству.

— Портим народ мы.

— Чего?

— Народ, говорю, портится на фабрике.

— Это — дело не наше. Это, брат, скажем, дело попов или кого там.

Мать любят всегда меньше, чем чужую женщину, это, может быть, такое извращение, но вероятнее, что это некий биологический «императив».

Варили щи из топора,
Но миновала та пора.

Листок блокнота среднего размера, но большего, чем №№ 5—7; на обороте только со слов: «*Мать любят всегда...* На обороте же вдоль листка: *Варили щи...*

Пьеса — слово написано крупно красным карандашом.

Чужим грехом... — написано синим каоандашом. Написан синим же карандашом абзац, начинающийся словами: *Рабочие теряли лицо...*

...и по контромаркам, но — осталось недописанным.

Бо́льшая часть текста этого листка зачеркнута или перечеркнута накрест синим и красным карандашами. Остались незачеркнутыми только: слово *Пьеса*, фразы со слова — *Пожар...* и кончая словом — *но*; и фразы: «*Вы не рассказывайте мне...*» и *Жизнь угрожает событиями.* Зачеркнутое, очевидно, Алексей Максимович считал уже использованным.

№ 4

[Текст газетной вырезки]

МОЛЕБСТВИЕ С ИДОЛОМ

В с. Елшанке, Саратовского уезда, существует давнишний обычай — в праздник «Девятой пятницы» выходить в поле для молебствия. Среди икон и хоругвей несут и особого истукана, представляющего собой мужскую фигуру, грубо высеченную из дерева. Целый год этот истукан валяется на колокольне среди пыли и птичьего помета. А накануне «Девятой пятницы» его выносят, чистят, приготовляя для праздничного молебствия. В день молебствия перед ним ставят деревянную чашку, в которую усердные прихожане щедро сыплют медяки за молебствие.

Наиболее же ревностные увешивают идола платками, кусками холста, полотна и тому подобными приношениями, идущими в пользу духовенства. По окончании молебствия истукан снова запирается в колокольню, где и остается до будущего года.

Когда духовенство, пытаясь бороться с обычаем, не выносило истукана в поле, прихожане, по словам «Саратовского листка», не только не платили денег за молебен, но даже и не посещали его.

Ценность для М. Горького этой газетной заметки, видимо, в ее деталях религиозного быта провинции.

Воспроизводя ниже рукописные заготовки М. Горького, мы не проводим никакой их систематизации, так как для нее нет убедительных оснований, ограничившись только тем, что написанные на одного типа бумаге мы ставим рядом (№№ 5—7 на цельных листках одного блокнота).

№ 5

«Живу как блуждающий пустынник палимый солнцем и даже плоше этого.

«Кругом фиаско».

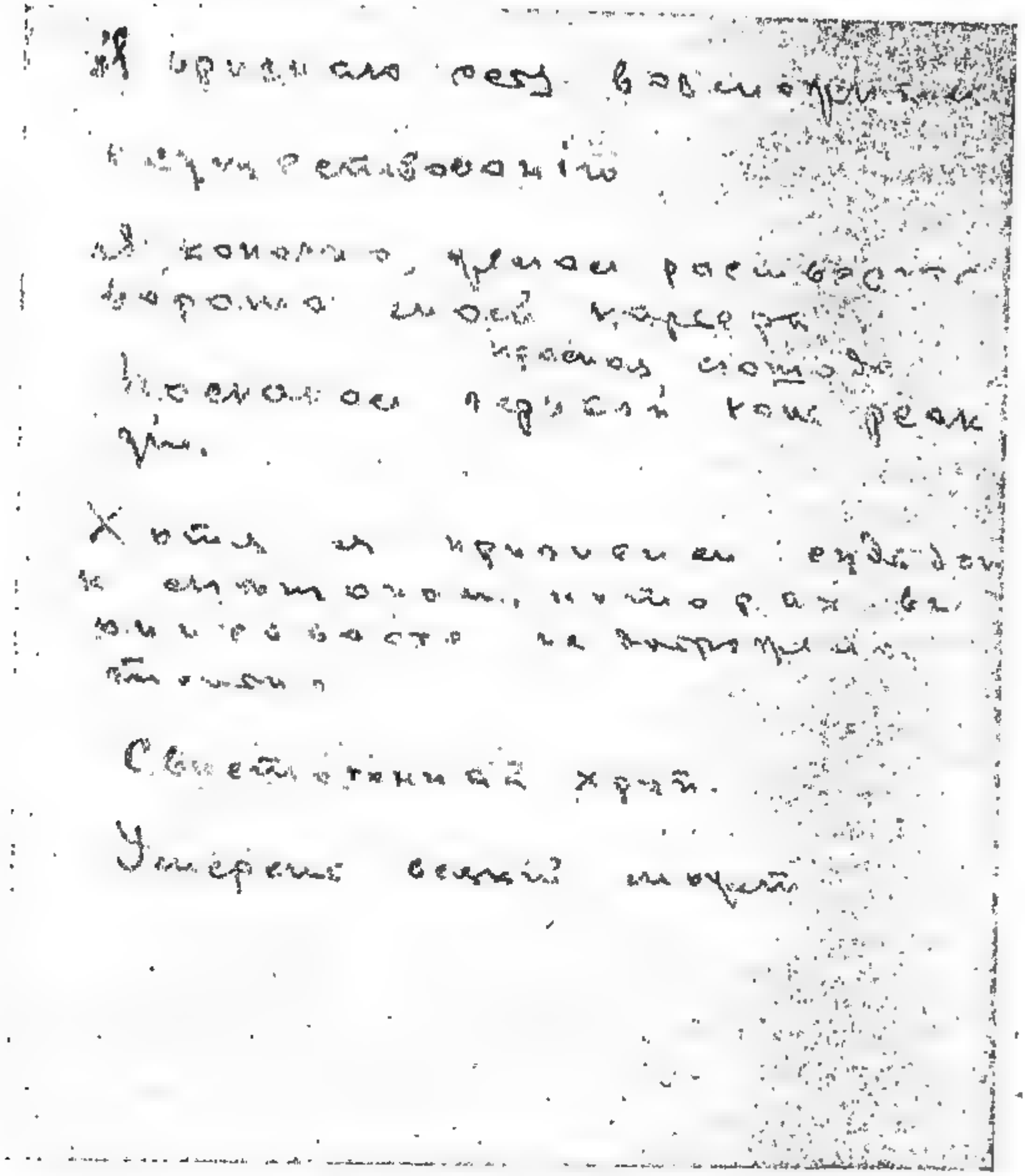
«Моя очистка совести способом убийства».

«Дом их занимал видную позицию в разных сферах города.

«Вообще я отношусь к людям тепло, прощаю им все недостатки. Живите, если хочется!

«Патентованными насильниками я считаю только врагов своих, но конкурировать с ними в злобе — не стремлюсь. Зачем же?

«Случай, о к[ото]р[ом] я хочу расск[азать], замечателен во многих отно[шениях], но главное тем, что он безукоризненно ⟨одно слово нрзб. — объясняет? — *В. Д.*⟩ совершенное бескорыстие мое и простоту души.



Запись-автограф М. Горького — заготовка к роману о каторжнике *(см. стр. 382).*

Я страдаю полной атрофией чувства тщеславия и тому подобных.

Опыт самообладания.

Это был молодой человек с лицом, напоминающим аскета, в приличном костюме.

Человек кричащей наружности, с бородой, из тех лиц, которые встретившись однажды не забываются навсегда.

Его взгляд приковывал внимание. Похож на ковбоя, и было видно, что разбираясь в теориях, он умело владел и оружием.

Тип, усиливающий реакцию.

Извозчик с бешеной силой погнал лошадь.

Кутежины ество [естество? — *В. Д.*] — широкое.

Кутята — кутилы.

Не мозги, а телячьи котлеты.

Листок блокнота среднего размера, записанный на обеих сторонах; оборотная сторона листка со слов — *Я страдаю...*

№ 6

Я признаю себя возможным к существованию.

Я, конечно, желал растворить ворота моей карьеры.

Поскакал черный конь реакции.

Хотя я причислен судьбой к мещанам, которых вы описываете недоброжелательно.

Свистогонный храп.

Умереть всякий может.

Листок, вырванный из того же блокнота, что и № 5; записан только на одной стороне, наполовину. Над словами *черный конь реакции* надписано сверху — *красная лошадь*.

№ 7

Парикмахер обязан быть человеком интеллигентным. С других артистов этого не спрашивается, но ежели ты занимаешься приведением в благородный порядок человеческую голову...

Листок того же блокнота, что и №№ 5 и 6; записан только в верхней части одной стороны.

В рукописи: *челоческую голову*. Перед словами *человеческую голову* зачеркнуто слово — *лица*.

№ 8

«— Позвольте заверить, что это не тема, а — факт».

Что в чертей вы, конечно, не верите, это мне понятно, — сам не верю.

Испанец.

Рыцарь-Сорванец.

Позвольте вам объяснить, что все это не верно.

Таракан — муравей.

— Не может того быть, чтоб таких людей много было.

— Говорит чорт е знает на каком языке.

— Язык у них наверно свой.

— Вроде как у черемисов.

Листок блокнота меньшего размера и худшей бумаги, чем №№ 5—7. Записан полностью с одной стороны, очевидно, в один прием.

№ 9

После этого я окончательно усумнился в значении жизни. Навсегда усумнился. И в другой раз через себя перепрыгнуть уже нельзя.

Кусок листка блокнота той же бумаги, что и № 8, но другого размера. Записан с одной стороны.

№ 10

В последние годы жизни Серафима Саровского его часто посещала мать А. И. Ланина, ей было в ту пору около 20-и, а в год смерти С[ерафима] — 22. Вот что рассказывал с ее слов А[лександр] И[ванович]:

Кусок листка блокнота большого формата; текст на одной стороне. По отрезу куска видно, что текст был и дальше, — очевидно рассказ А. И. Ланина.

№ 11

К др.

— Даже совершенно нельзя понять — чего мне хочется!

— Ты что? Очумел?

См. вопр.

— Ты зачем руку за пазуху суешь?

— М-может ты вещь какую государственную спрятала, я должен досмотреть.

— Я бы такой закон уставил — прибрать всех баб в одни руки и выдавать их, кто какую заслужил, тому на срок на подержание, даб не привыкали к ним. А под старость лет... ну, там само окажется куда старух. Тоже и с вином: в будни пить вино не позволять. Табак. Эх, я бы

— Я тебе какие хошь законы составляю, а, вот, как ты меня исполнять их заставишь?

— Коли есть твердый закон — тоды правды не надобно.

— Стерьва несознающая.

Следовало бы тебя распять, как, примерно, ваш брат Х[ри-

ста] распял, да твое счастье — есть у нас дело важнее шуток. И — пошел вон!

Полулист почтовой бумаги, почти полностью записанный с обеих сторон. *К др*[угому? угой? ame?]; *См*[отри?] *вопр*[ос]? — Возможно, заметки, устанавливавшие отношение данного листка к другим.

№ 12

На всех улицах памятники ставят сами себе и знакомым, так что столица на кладбище стала похожа и угрожает возможность, что скоро уж из-за этих памятников на лошадях ездить невозможно будет.

Отомстил господь за муки и распятие сына своего.

Всех оправдать хотят, не понимая, что без виноватого человека жить невозможно.

Обязательно должны быть виноватые и чтобы они кого-нибудь боялись. Без страха — жизнь не может быть.

Узкий кусок линованной писчей бумаги; текст на одной стороне.

Вм. слова *столица* первоначально написано было и зачеркнуто — *города*; в оригинале осталось неисправленным — «*на кладбища стали похожи*».

№ 13

Хотят устроить так, чтоб не было виноватых людей. Я — прав, он — тоже — прав, ну, и вы — тоже. Так вы теперь скажите: о чем люди будут говорить, если все правы, — ну?

Клочок писчей линованной в клетку бумаги; клетка другого типа, чем на бумаге № 12.

...о чем люди будут говорить... — фраза была первоначально построена так: *о чем будем мы...*

№ 14

Школу же пришлось закрыть, ибо учителя съели волки, причем он оказался женщиной и даже старухой.

Относительно И. К. К. было известно, что он пил и в качестве закуски употреблял помидоры, а супруга его имела роман с каким-то незнакомым человеком.

С внешней стороны этот факт похож на выдумку, но в те годы бывали факты и хуже, и многозначительнее, потому что всестороннее стеснение свободы чувств и действий заставляло человека жить внутрь себя. В городе Горбатове телефонист съел шерстяной чулок дочери местного исправника, барышни очень

милой и образованной. Хотя рассказал мне это земский статистик, но он был человек, заслуживающий полного доверия.

Губернатор — Баумгартен.

Розенгартен.

Кусок листа писчей бумаги в размер почтовой: на обороте листа записаны только три строки.

После слов *и даже старухой* красным карандашом проведены две черточки, такие же черточки повторены перед словами — *с внешней стороны...* Таким образом, рассказы об учителе, съеденном волками, и о телеграфисте связаны в одно целое.

После слов — *роман с каким-то* зачеркнуты слова — *бывшим капиталистом, кеив.* После слов *жить внутрь себя* — зачеркнуто: *Мне рассказывали, что*

№ 15

Самое исключительное в революции это — оборот назад к свободе торговли и вообще к свободам, кроме слова. Кроме, потому что я закоренелый противник свободы слова и никогда ничего хорошего от нее не видел, только оскорбление всего сущего.

Продолговатый кусок писчей линованной бумаги; записан с одной стороны; на обороте — только цифры: 85 Возможно, определение своего возраста 68 17 в те годы, когда видел Рябинина.

№ 16

По совести сказать — в газетах и вообще в литературе пишут правильно: старикам в этой жизни уюта нет и пора им переезжать в потусторонние местности.

Продолговатый кусок (более широкий, чем № 14) линованной писчей бумаги; заполнена текстом только верхняя часть одной стороны.

Вместо слова *уюта* было — зачеркнутое — *места.*

№ 17

За достоверность этого рассказа я не могу ручаться.

Клочок писчей линованной бумаги; текст — на одной стороне.

№ 18

Громов. Представьте себе жизнь мою: был красив, не глуп, с 22 лет шел церемониальным маршем, парадно перед людьми шел. Женщины любили, трижды был богат. Приобрел привычки и вдруг — вот — е!

Ударяет себя по ноге и, вздрогнув, морщится. На одной недалеко уйдешь. И привычка обратилась в пороки.

Почти квадратный кусок клетчатой бумаги; текст на одной стороне.
Фраза — Женщины любили... у М. Горького оставлена без запятой; запятая после слова *любили* поставлена мной, может быть, и не там, где поставил бы автор.
Фраза — *Ударяет себя... морщится* заключена в рукописи в квадратные скобки.
В последней фразе после *и* зачеркнуто: *одна*, после *в* — зачеркнуто *недо*[статок].

№ 19

К. д. людей.

Нижняя часть города гордится дураком. Верхняя создает дурака своими силами.

— Я страдаю интуицией. Это болезнь редчайшая и неизлечимая. За всю жизнь истории, м[ожет] б[ыть], только двое страдали ею — Николай Чудотворец и Наполеон Бонапарт. Я — третий.

— Для бога живем, для государя живем, а когда же мы, Никодим Васил[ьевич], для собственного удовольствия жить будем?

Кусок клетчатой писчей бумаги; текст на обеих сторонах.
К. д. людей — неясное сокращение.
После слов *только двое* зачеркнуто — *я третий*.

№ 20

Губернатор у нас был штатский старичок необыкновенной бодрости и с большим притяжением к женскому полу. Идет, эдак, стройно, пряменько, а усмотрит даму и кандидатку в эту роль, сейчас у него правая ножка заиграет, начнет, эдак, превесело пространство загребать. И, знаете, как будто на одной ножке идет.

Небольшой кусок листа клетчатой писчей бумаги; текст на одной стороне листа.

№ 21

— Вы — монархист.

— Да, я монархист и ничем другим быть не могу. Это у меня биологическое.

Дальше:

— Разумеется, я вижу, что в России уже нет места для осуществления моей идеи, для моей веры.

— Большевиков я знаю, не только потому, что очень потерпел от них. Нет, я познакомился с некоторыми из них здесь, за границей. Скажу прямо: по своему духовному строю это такие же люди, как я, они тоже биологически не могут, не способны быть иными. Это — другой тип. Люди крайне интересные и, сколь это ни странно, они вызывают уважение к себе. Странные люди: и русские, и чужие.

Кусок листка блокнота, в отличие от других листков, не обрезанный тщательно, а оборванный снизу по чистому; записан с одной стороны.

Фраза — *они вызывают уважение* — первоначально была построена так: *мне они внушают уважение.*

III

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

КРИТИЧЕСКИЕ ОТЗЫВЫ АМЕРИКАНСКОЙ ПЕЧАТИ 1907 г. О ПОВЕСТИ «МАТЬ»

Произведения М. Горького впервые появились в Америке в 1901 г., когда в Нью-Йорке дважды был издан в разных переводах «Фома Гордеев», а также «Супруги Орловы» вместе с другими рассказами. В 1902 г. там же появились «Рассказы» и «Двадцать шесть и одна». В 1903 г. издание «Рассказов» было повторено на еврейском языке. В 1906 г. вышли в свет на английском языке «Бывшие люди», а в 1907 г., в изд-ве Эппльтон, два издания «Матери» в переводе Зельцера, — одно из них с иллюстрациями Сигмунда Ивановского (перевод был переиздан в 1921 и 1927 гг.).[1]

История издания «Матери» в Америке в 1907 г. освещена в настоящем сборнике в статье С. В. Касторского. Мы же даем первые отзывы американской прессы о знаменитой повести М. Горького, не появлявшиеся еще в русском переводе. Отзывы американской критики о М. Горьком почти неизвестны русскому читателю. Десять рецензий, за время, начиная с 15 апреля (т. е. через несколько дней после выхода книги) и кончая октябрем 1907 г., которыми мы располагаем, также не исчерпывают всего круга отзывов американской печати о повести «Мать» и не отражают всесторонне общественного мнения о книге М. Горького. Однако этот материал характерен для буржуазной прессы и дает некоторое представление о том, как была ею встречена «Мать» М. Горького в Америке в 1907 г. Из десяти заметок — девять анонимных и представляют собою краткие рецензии на вновь вышедшую книгу. Одна более развернутая заметка в «Северо-Американском обозрении» («The North American Review») подписана именем Луиз Колье Уилкокс.

Нам неизвестны отзывы о более ранних произведениях М. Горького, появившихся в Америке до перевода «Матери», но из рецензий видно, что все авторы были знакомы до некоторой степени с его творчеством.

---

[1] Foma Gordeyev. A Novel, illustr. and unabridged from the Russian by Hermann Bernstein. Ogilvie Publ. C°, N.-Y., 1901, 8, 436 p. — Foma Gordeyef. Transl. from the Russian by Isabel F. Hapgood, with illustr. and a biographical preface. Scribner, N.-Y. — Chicago, 1901, 10, 448 p. — Orloff and his wife, tales of the barefoot brigade. Transl. from the Russian by Isabel Hapgood. Scribner, N.-Y., 1901, 3, 484 p. — Tales from Gorky. From the Russian with a biographical notice of the author by R. Nisbet Bain, 3rd ed. Funk and Wagnalls, N.-Y., 1902, 3, 385 p. — Twenty six and one, and others stories from the «Vagabond series». Transl. from the Russian, preface by Ivan Strannik. Taylor, N.-Y., 1902, 242 p. — Maxim Gorky tales, his picture and biography. From the Russian by C. Alexandroff. International Library Publishing C°. N.-Y., 1903, 93 p. illustr. Text in Jiddish. — Creatures that once were men. Transl. by J. K. M. Shirasi, Funk, N.-Y., 1906. — Mother. Appleton, N.-Y. — L., 1907. — Mother. With 8 illustr. by Sigmund de Ivanovski, new ed. Appleton, N.-Y., 1907. — То же, 1921, 499 p. — То же, 1927.

В восприятии повести американской критикой заметно несколько оттенков. Часть рецензентов, не желая, повидимому, особенно углублять тему, ограничивается беглым психологическим анализом сущности материнства, пытаясь связать в этой плоскости повесть М. Горького с романом Дж. Гэлсуорси «Усадьба» («Перспектива» — «Outlook») и с поэмой Теннисона «Ризпа» — «Rizpah» («Ньюйоркская газета» — «New York Times»). Рецензия даже имеет заголовок «Правдивый и патетический очерк о природе человека — Пелагея Ниловна и Ризпа». Но бо́льшая часть журналов заостряет внимание именно на социальном характере повести. Для них это не только история матери, — это история революционного движения в России, показанная на фактическом материале и знакомящая их с жизнью беднейших классов, с жизнью народа («Ньюйоркская газета» — «New York Times», «Нация» — «Nation» и др.). Для них это документ, по которому можно изучать историю революции («Независимый» — «Independent»). Кроме того, повесть воспринимается как произведение, дающее законченный образ русского человека с характеризующими его национальными чертами («Американское месячное обозрение журналов» — «American Monthly Review of Review»).

Наиболее интересна все же рецензия Л. К. Уилкокс («Северо-Американское обозрение» — «The North American Review»), в которой «Мать» противопоставляется американскому бытовому светскому роману. Рецензентка подробно анализирует тематику обоих жанров, и ее параллельная характеристика резким контрастом подчеркивает, какой новый мир открылся американскому читателю в повести М. Горького. Л. К. Уилкокс рисует мужественный, суровый образ М. Горького, подчеркивая значение и мощь его творчества, органически связанного с природой его существа и с его жизнью.

Все авторы рецензий, даже самые «сдержанные» из них, сходятся на том, что «Мать», не являясь книгой для «легкого чтения», заслуживает самого пристального внимания. Все критики считают эту повесть «шагом вперед» по сравнению с прежними произведениями М. Горького.

Таким образом, хотя рецензии, известные нам, представляют собою, видимо, лишь некоторую часть тех отзывов, которые были вызваны в американской прессе появлением «Матери», они все же дают интересный и своеобразный материал. Благодаря им удается отчасти пролить свет на жизнь и работу М. Горького в Америке и определить общественный резонанс, который имело его творчество в 1907 г. в одной из зарубежных стран. Вспоминаются слова Эптона Синклера: «Я был еще совсем молодым писателем, когда слава Горького прогремела в Америке. И я учился у него тому, что великая литература не может быть в стороне от великой борьбы бедных и угнетенных».[1]

Публикацию рецензий мы открываем статьей Луиз Колье Уилкокс; затем даем статью с заглавием, но без автора; остальные анонимные рецензии расположены в хронологическом порядке. Цитаты воспроизводятся по тексту повести «Мать» в «Собрании сочинений» М. Горького 1933 г., со включением тех мест, которые имеются в американском издании 1907 г. Перевод рецензий сделан нами.

Е. Боброва

---

[1] И. А. Груздев. Современный Запад о Горьком. Изд. «Прибой», Л., 1930, стр. 189.

Луиз Колье Уилкокс
(Louise Collier Willcox)

«МАТЬ» МАКСИМА ГОРЬКОГО

В какой странный, новый мир мы вступаем, когда открываем книгу Максима Горького! Новая планета или неведомый язык произвели бы меньшее впечатление, чем этот поворот от нашего ходячего романа к суровым, грустным, отрывочным картинам жизни, к народным массам, только что вышедшим из варварства. Наполовину пробужденные, они вопрошают жизнь о ее значении с такой вдумчивой, с такой торжественной серьезностью. Если просмотреть кипу ходячих романов, то найдешь в ней рассказ об авантюрном «превращении», избитую историю о подмене детей в детстве или историю о преступнике, избежавшем каторги и получившем в наследство баронетство; или же рассказ о праздном, богатом молодом человеке, который постиг науку смелых спекуляций на бирже, получил много денег и женился на любимой девушке; или описывается женщина, вышедшая замуж за дурного человека и увлекающаяся другим. Муж пропадает без вести, она выходит замуж за этого другого, хорошего человека лишь для того, чтобы пережить потрясение от возврата первого мужа. Он во-время умирает, а влюбленные вновь соединяются и счастливы. Как ничтожно, как эгоистично и как нелепо кажется все это, когда вы только что закрыли великую книгу Горького о воплощенных идеалах жизни! Если обратиться к двум наиболее серьезным романам, вышедшим за последние два года, то в одном вы имеете дело с молодой девушкой, высшее стремление которой состоит в том, чтобы не отставать от модного общества. В своем стремлении она теряет состояние и репутацию и убивает себя. Второй роман показывает молодую женщину, увлекающуюся материальными благами жизни. Ее идеал — сытое, хорошо одетое тело, обеспеченность и тщеславие светскости. Она уходит от всего этого к человеку, который обрел, по крайней мере, душевный покой.

Когда мы противопоставляем «Мать» Горького таким темам, нам, действительно кажется, что мы вступили в новый, другой круг существования. Может ли быть, чтобы новая, высшая форма сознательности, сознательность социальная, а не личная, пришла к нам из самой нецивилизованной страны?

NEW BOOKS REVIEWED.

BY LOUISE COLLIER WILLCOX AND EDWARD FORBITT.

MAXIM GORKI'S "MOTHER."*

WHAT a strange, new world we enter when we open a book of Maxim Gorki's! A new planet and a strange, unheard-of language could hardly be a greater adventure than to turn from our current novel to these stern, sad, disconnected pictures of life, these crowds of people, just emerging from barbarism, half awake, questioning life for its significance with such gravity, such solemn earnestness. One looks over a heap of current novels and one finds a story of impersonation and the threadbare device of an exchange of babies in infancy; another offers a convict escaping from penal servitude and succeeding to a baronetcy; another is a tale of an idle rich young man, who learns to speculate boldly on the stock exchange, makes a lot of money and marries the girl he wants; still another is a tale of a woman who marries the wrong man and finds herself in love with another; the husband disappears and she marries the right man only to be upset by the reappearance of the first husband, who then dies in the nick of time and leaves the happy couple reunited and rejoicing. How little, how personal and how absurd it all seems when one has just closed a great book of living ideals. If one turn to the two most serious novels of the last two years, one finds that one deals with a young girl whose highest striving is to keep up with smart society, and in this attempt she loses money and reputation and kills herself; another shows a young woman fascinated by the pomps and glories of the flesh, in love with a well-nourished, well-dressed body and the security and bravado of worldliness, and from these she turns to a man who has at last won to peace

* "Mother." By Maxim Gorki. New York: D. Appleton & Co.

Горький дает нам разнообразные сцены, большое количество действующих лиц, — их почти невозможно удержать в памяти из-за их трудно произносимых имен. Все они живут ради идеала, все готовы подвергнуться опасности и смерти ради этого идеала — освобождения беднейших классов.

— «Это господа Христом любуются, как он на кресте стонал... — Истребляют людей работой, — зачем? Жизнь у человека воруют — зачем, говорю? Наш хозяин — я на текстильной фабрике Нефедова жизнь потерял — наш хозяин одной певице золотую посуду подарил для умыванья. Каждый предмет был из золота. В этой посуде моя сила, моя жизнь. Вот для чего она пошла, — человек убил меня работой, чтобы любовницу свою утешить кровью моей, — золотую посуду купил ей на кровь мою!

— Человек создан по образу и подобию божию, — сказал Ефим усмехаясь, — а его вот куда тратят...» (ч. II, гл. VI).

Картина за картиной проходят перед нами унижение, нищета, страдания бедных. Среди них не находим ли мы кроткую, молчаливую в спокойной жизни, с медленно растущим мужеством и сообразительностью героиню, мать, молодую и прекрасную, привлекательную и веселую? Нет, она стара уже тогда, когда начинается повесть. «Она была молчалива и всегда жила в тревожном ожидании побоев. Была она высокая, немного сутулая, ее тело, разбитое долгой работой и побоями мужа, двигалось бесшумно и как-то боком, точно она всегда боялась задеть что-то. Широкое, овальное лицо, изрезанное морщинами и одутловатое, освещалось темными глазами, тревожно-грустными, как у большинства женщин в слободке. Над правой бровью был глубокий шрам, он немного поднимал бровь кверху; казалось, что и правое ухо у нее выше левого, что придавало ее лицу такое выражение, как будто она всегда пугливо прислушивалась. В густых, темных волосах блестели седые пряди. Вся она была мягкая, печальная, покорная...» (ч. I, гл. III).

Какая странная героиня для романа! Одно это описание уже достаточно показывает, что мы имем дело не с сочинителем красивых сказок и романтических приключений, а с суровым психологом. Он внимательно следит за каждым движением, чтобы увидеть муки, в которых рождается сознательный дух: «Если человек опаршивеет, — говорит грубо Рыбин, — своди его в баню, — вымой, надень чистую одежду — выздоровеет! Так? А если душа опаршивеет, сдери с нее кожу, даже если она будет кровоточить, вымой и надень всю снова. Не так ли? А как же изнутри очистить человека? Вот!» (ч. I, гл. XI).

Мать вела тупое полусознательное существование, цель которого сводилась к тому, чтобы избежать побоев. Она медленно приходит к сознательной жизни по мере того, как наблюдает своего сына и знакомится с его товарищами. Они все отдают свою жизнь на организацию и просвещение народа.

«Вся жизнь не такая и страх другой, — за всех тревожно», с чувством восклицает она. «И сердце другое, — душа глаза открыла, смотрит: грустно ей и радостно... Иной раз ночью вспомнишь прежнее, силу мою, ногами затоптанную, молодое сердце мое забитое — жалко мне себя, горько! Но, все-таки, лучше мне стало жить. Все больше я сама себя вижу...» (ч. I, гл. XVI).

Вот что рисует Горький — душу, все больше и больше чувствующую себя, пока она не начинает жить жизнью других. Должно наступить время, когда «люди станут любоваться друг другом, когда каждый будет, как звезда перед другим!» Каждый будет прислушиваться к речи другого, как к музыке. «Будут ходить по земле люди вольные, великие свободой своей — все пойдут с открытыми сердцами, сердце каждого чисто будет от зависти и беззлобны будут все. Тогда жизнь будет долгим, радостным служением человеку» (ч. I, гл. XXIV).

На этом служении делу мать убивают вскоре после того, как ее сын присуждается к изгнанию. Ее задушили на смерть жандармы в момент, когда она шептала: «Несчастные...»

Создание этой повести — большой шаг вперед после «Фомы Гордеева». Она короче и строже и, однако, более жизненна. В ней значительно бóльшее количество подробностей. Изображением подробностей, удивительным мастерством, которым автор отодвигает себя на задний план, она напоминает один из старых шедевров — «Мадам Бовари». Но какая разница, какие миры и миры лежат между этими двумя темами!

Это большая и серьезная книга. В ней превосходные описания и идеализация природы. И все же в ней есть недостаток, на который сам Горький указал в отношении всех своих произведений: она не дает нам радости.

Тот, кто видел суровое, печальное лицо этого мастера, еще не достигшего сорока лет, тот, кто знает с какой сознательностью отдал он свою молодую, отважную жизнь своему делу и его пропаганде, тот знает также, что ему было отказано во всей мишуре искусства, и только великая торжественность и пафос приличествуют его печальным призывам к человечеству.

«The North American Review», vol. 85, 1907, July 19, p. 661—664.

ПРАВДИВЫЙ И ПАТЕТИЧЕСКИЙ ЭТЮД О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ — ПЕЛАГЕЯ НИЛОВНА И РИЗПА

Подобно Теннисону в поэме «Ризпа», М. Горький в своей повести «Мать» затронул самую суть материнства, что-то большее, чем глубокая, самоотверженная нежность, так любимая художниками и поэтами, когда «я» матери так сливается с «я» ребенка, что она может воскликнуть: «Неужели Вы думаете, что я буду

заботиться о своей душе, если мой сын должен итти в ад» [Теннисон].

В поэме Теннисона неистовая материнская любовь толкает мать в адское пламя рядом с сыном, который обречен на гибель. В повести Горького она заставляет ее разделить избранную сыном судьбу, полную отречения и опасности. «Мать» — *Пелагея* Ниловна — описана как простоватое угнетенное существо, забитое до тупого принятия своей судьбы. Ее молодость кончилась еще до смерти этого животного — ее мужа. Его смерть освободила ее от постоянного страха, заглушавшего всякое другое чувство, даже любовь к собственному ребенку. От сына она мало чего ждала. «Матерей — не жалеют. Она это знала». Но, когда она первый раз увидела, что он «пожалел свою мать», смутное, неясное, новое чувство зародилось в ней: «что говорят его глаза, лицо, слова — все это задевает за сердце, наполняя его чувством гордости за сына, который верно понял жизнь своей матери, говорит ей о ее страданиях, жалеет ее» (ч. I, гл. IV). Затем, как только он открыл ей свое сердце, свой юный энтузиазм, свое намерение «учиться, а потом — учить других», помогать своим друзьям — рабочим понять, почему жизнь так тяжела для них всех, и бороться вместе с ними против несправедливости, ее ум, долго

GORKY'S "MOTHER."

A True and Pathetic Study of Human Nature—Pelageya Nilovna and Rizpah.

LIKE Tennyson in his "Rizpah," Maxim Gorky in his "Mother" (Appleton) has touched the very core of motherhood, something beyond the exquisite, brooding tenderness so beloved by painter and poet, even a self so poured into the self of the child that it can cry superbly:

"Do you think that I care for my soul if my boy be gone to the fire?"

In Tennyson's poem this fierce mother-love leaps into flame beside the boy gone to death; in Gorky's novel it springs to share a son's chosen lot of renunciation and peril. The "Mother," Pelageya Nilovna, is described as a dazed, cowed creature, beaten into a dumb acceptance of her lot. Her youth had passed ere the death of the beast, her husband, released her from the fear which had mastered all other feeling, even love for her only child. From this son she expected little. "Mothers are not pitied. She knew it." But when first she saw that "he was sorry for his mother," a fine, inarticulate, new emotion was born within her. "His eyes, his face, his words—it all clutched at her heart, filling her with a sense of pride for her son, who truly understood the life of his mother, and spoke the truth about her and her sufferings, and pitied her." And then, as he opened to her his heart, his young enthusiasms, his purpose to "study and then teach others," to help his fellow-workingmen to understand why life was so hard.

«New York Times», vol. 12, 1907, May 25 *(см. стр. 396).*

забитый до немого повиновения, начал оживляться. Дрожа и боясь принимает мать товарищей сына и его дело до тех пор, пока, наконец, ее дух не пробудился и не стал бесстрашным. Посвятив себя делу, которому отдался сын, она раньше, чем он, приносит себя в жертву.

Бесчисленными тонкими штрихами показывает автор свое понимание материнского сердца. Он дает ему то, что для матери может быть единственной наградой. У русской крестьянки не вырывается жалобный вопль, как у мистрис Трэнсом в романе Ж. Элиот [«Феликс Гольт, радикал»]: «Не знаю, кто захочет быть матерью, если сможет предвидеть, какой ненужной вещью станет она для сына, когда состарится». У Горького этой матери, такой забитой и угнетенной, дано услышать от своего сына: «Спасибо, мама! Спасибо родная! Когда человек может назвать мать свою и по духу родной — это редкое счастье» (ч. I, гл. XXII). После таких слов что может заглушить ликование ее души?

Иногда она рассказывала товарищам сына историю своей жизни простыми словами, «беззлобно, с усмешкой сожаления на губах», и несмотря на то, что «извлекая из сумрака прошлого каждодневные обиды, создавала тяжелую картину огромного, немого ужаса, в котором утонула ее молодость» (ч. II, гл. III), она могла еще добавить: «день ото дня, слава богу, растет мое сердце! Оно растет в доброте, и я каждому желаю добра».

Эта книга полностью заслуживает свое священное заглавие, но никто из тех, кто знаком с творчеством Пешкова не подумает, что ее единственная цель — показать душевную глубину материнства. Те, кто выслушивал рассказ этой матери о ее «бедной жизни, ее обидах и терпеливых страданиях», испытывали не только жалость к ней. Они были «подавлены глубоким смыслом простой истории человека, которого считали скотом и который сам долго и безропотно чувствовал себя тем, за кого его считали. Казалось, тысячи, даже миллионы жизней говорят ее устами: обыденно и просто было все, чем она жила, но так просто и обычно жило бесчисленное множество людей на земле; ее история, приобретая в их глазах все большие размеры, принимала значение символа» (ч. II, гл. III).

Таким образом эта повесть не только история матери. Это история того движения в России, которое имеет целью освобождение рабочих масс из «тесной, темной клетки», т. е. как раз от такой жизни, как у Пелагеи Ниловны. Мы близко сталкиваемся с небольшой кучкой революционеров. Мы переходим с места на место с матерью, когда она тайно распространяет литературу, которая говорит о правде и побуждает к деятельности. Через нее мы знакомимся с ее народом.

«New York. Times», vol. 12, 1907, May 25, p. 333.

Мы ни на минуту не сомневаемся, что талант М. Горького сильно переоценивается некоторыми из его поклонников. Но при всем его эгоцентризме и резкости это все же писатель необычной силы, писатель, который видел удивительные вещи и хорошо их описал. «Мать» — сильная повесть, быть может, слишком сентиментальная и растянутая, но заслуживающая серьезного внимания.

«New York Times», vol. 12, 1907, April 27, p. 272.

Недавний призыв Максима Горького к свободе и братству связан с новой, революционной Россией. Мать и ее сын работают для «дела». Их рвение привлекает к ним многочисленных последователей, в том числе их друзей — крестьян, многих мужчин и женщин из высших классов общества, среди них несколько студентов университета. Когда сын попадает в тюрьму, мать продолжает его дело, распространяя в городе и деревне революционную литературу и воззвания. Ей часто грозит арест. Око закона следит за ней, как за подозрительным лицом, и ее часто подвергают обыску. Однако у нее никогда ничего не находят, так как друзья ее любят и берегут. Она строит планы побега сына и его товарищей из тюрьмы, но безуспешно. Во время суда он произносит речь, где излагает учение социализма и причины революции. Эта речь точно записывается одним из его товарищей и в печатном виде распространяется среди рабочих. Он присужден к ссылке в Сибирь, что воспринимается матерью как благоприятный исход, поскольку это дает надежду на возвращение. Возможно, он сумеет завербовать среди ссыльных много друзей для «дела». Тотчас же после суда мать покидает дом. Многие из ее друзей попали в тюрьму, и она чувствует, что ее конец близок. Ее арестовывают. В этой повести Горький дает яркое описание жизни крестьян в России. Иллюстрации к «Матери» сделаны известным русским художником Ивановским.

«New York Times», vol 12, 1907, June 15, p. 381.

Случайность, благодаря которой в руки рецензента попали одновременно «Усадьба» Гэлсуорси и «Мать» Горького, не лишена смысла. Обе книги привлекут внимание. Горький не потерял своей беспощадной силы изображения. Фабричный люд, ужасная безысходность его тягостной жизни, удушающая атмосфера России — все это угнетает читающего «Мать». Тем не менее очень сильное впечатление производит необычный, великолепно очерченный характер центральной фигуры: простая, любящая мать сына, ставшего интеллигентом. После смерти своего грубого мужа — событие, от отвратительных подробностей которого автор нас нисколько не избавляет, — мать начинает дышать новым воздухом в своей преданности сыну и в усилиях понять его стрем-

ления и стремления его друзей. Вступив на опасный, запрещенный путь, достигнув знания того риска, которому подвергаются в России те, кто имеет собственное мнение, она идет по этому пути с бесконечным мужеством и любовью.

Другого типа мать в книге «Усадьба», где показана совершенно иная жизненная обстановка. Мы не уверены, что автор считает мать центральной фигурой, но это именно так. Связанная с исключительно пунктуальным и корректным англичанином, горизонт которого ограничен обязанностями, возложенными на него его имущественным положением и семьей, невероятно скучным и недалеким, мать подпадает под его умственную и духовную зависимость с той же неизбежностью, как и мать-крестьянка у М. Горького.

«Outlook», vol. 86, 1907, June 1, p. 254.

Широкая публика, связывающая имя Горького с реализмом низкого пошиба и моральной безответственностью, должна познакомиться с этой трогательной и человечной повестью. Едва ли где-нибудь еще социализм говорил таким глубоким, таким нежным голосом. И хотя, с его отрицанием права всякого другого труда, кроме физического, социализм является заблуждением, это заблуждение не недостойное. Во всяком случае это учение не из тех, которые привлекают главным образом недостойных. Среди большой группы русских социалистов, изображенных Горьким, — а многие из них ярко индивидуализированы, — нет ни одного, который не становился бы более гуманным, благодаря своим убеждениям и той бескорыстной деятельности, к которой они его приводят. Прежде всего это относится к главной фигуре — матери, чей однажды пробужденный дух витает над всем движением и которая, в конце концов, с торжеством отдает свою жизнь за это движение.

Ее жизнь начинается после смерти мужа, пьяного дикаря, за которого она вышла из слепого повиновения половому инстинкту. Сын ее сначала обещает быть грубияном, подобно отцу, просто по инерции. Но в его натуре заложены более тонкие элементы и они во-время восстают против этого. Он начинает размышлять о смысле вещей, встречается с другими пытливыми умами, много читает, много думает и вскоре приобщается к социалистической пропаганде. Когда мать узнает, какой характер носят его занятия, она сначала сильно пугается, смутно предполагая, что ее сын предался какой-то новой, худшей форме безнравственности. Она сталкивается с некоторыми из его товарищей и, к своему удивлению, находит в них простых и приветливых людей. Она слушает их разговоры и постепенно начинает понимать, за что они борются. Она становится для них необходимой, сначала как потворствующая им, позднее — как активная помощница. Сын аресто-

ван, и она проявляет смелость и ловкость в деле распространения запрещенной литературы, которую должен был распространять он. Она приобретает значение среди сообщников. Двигателем ее поступков всегда является материнский инстинкт, но сфера ее влияния все время расширяется. Само повествование движется медленно, скорее это серия неторопливых, подробно изложенных эпизодов из жизни отдельных групп социальных революционеров. Там аресты, побеги, столкновения с полицией и постоянно выступления с речами. Но эти люди сами гораздо интереснее, чем их теории и подвиги. Исполненные славянского пыла и искренности, они действуют в чистой атмосфере мученичества и все-таки остаются живыми людьми, разными по темпераменту и мировоззрению. Среди них два или три шутника. Здесь есть общая тенденция, если не общая способность увидеть больше, чем одну сторону вещей. Таким образом каждый различными путями свидетельствует истину такой, какой он ее видит, для блага всех, — и идет своей дорогой. Как группа они воплощают все хорошее и чистое, хотя и не всегда мудрое, что есть в революционной теории и практике.

«Nation», vol. 84, № 2189, 1907, June 13, p. 544.

«Мать» Максима Горького — повесть, показывающая с большой ясностью противоположные черты русского характера. Мы не можем сказать, имел ли автор намерение сделать ударение на этих особенностях, но безусловно он вполне осведомлен о их существовании. Воплощение же и описание их не являются новостью в русской повествовательной литературе. Но поскольку русская и вообще славянская литература обычно так мало известна в США, хотя о ней и часто говорится, мы особенно рекомендуем этот прекрасный перевод последней книги Горького. В ней вы найдете добродушие «мужика», резко подчеркнутое его грубостью, его ярость, самым причудливым образом контрастирующую с теплыми и искренними гуманными чувствами. Братская любовь, проявляющая себя в милосердных делах и самопожертвовании, соперничает с дикой, распаленной, гневной жестокостью. Хорошо известно, что бедный «мужик» достаточно страдал, чтоб его терпение обратилось в гнев, однако те редко очерченные крайности, о которых мы упоминали, в их сосуществовании одна рядом с другой, являются, повидимому, исключительно интересным национальным феноменом. К тому же русский народ в целом глубоко религиозен, что тем не менее не препятствует ни борьбе его за политическую свободу, ни подавлению ее при помощи убийств. Это новая черта, получившая отражение в повести М. Горького. Он открыто оправдывает путь к человеческому счастию через необходимую жестокость. «Мать» пред-

ставляет собою уж слишком подчеркнуто исторический роман о совсем недавних событиях в России...

«American Monthly Review of Review», vol. 35, 1907, June, p. 763, 764.

Когда миссия Горького в Америке по оказанию помощи героическим русским патриотам потерпела крушение, благодаря сенсационным выступлениям части прессы и нападкам его политических противников, он обратился за утешением к надежному средству — своему творчеству. Если его борющиеся соотечественники не получили денег от американского народа, то он мог, по крайней мере, перечеканить в монеты свою собственную кровь. Им овладело неистовство творчества; он жалел время, которое уходило на еду, он стоически выдержал соблазн лесов и гор, среди которых уединился. В верхней комнате прекрасного бивуака в Эдирондэксе лампа постоянно горела заполночь и иногда бледнела в сияющих лучах восхода, которые заставали художника в очаровании его вдохновения.

Повесть «Мать» — главное произведение этого плодотворного периода. В ней Горький изображает прежде всего интимную жизнь революционеров, побуждения и нравы беднейших классов общества, среди которых он работал несколько лет. Мать — простая крестьянская женщина. Ее одаренный сын, герой книги, убеждал ее, главным образом, ради ее любви к нему, принять участие в риске революционной деятельности и разделить с ним радость революционного товарищества. Ее приход к взглядам сына, — плод обратной наследственности. Ее материнские страхи за него и ее постепенное возвышение до великолепных вершин, где пребывают лишь немногие из его товарищей, описаны с нежной, проникновенной симпатией и грустью, и это заставляло неудержно плакать друзей автора, когда он читал вслух русский текст рукописи. Сторонники свободы, желающие знать источники родников, которые, разливаясь по России, соединились в мощную реку революции, угрожающую снести разлагающееся самодержавие, сочтут эту книгу одновременно и поучительной и интересной. Подобно всем остальным произведениям Горького она строго реалистична, свободна от вычурности романтиков, без тщательно обработанной интриги, — она только кусок жизненной ткани, такой простой и безузорной, какой она выходит из ткацкого станка Судьбы.

«Independent», 1907, July 18, p. 159, 160.

Когда в руки рецензента попал этот новый том, он был в выгодном, а, быть может, и в невыгодном положении, не зная почти ничего о Горьком и о его литературных и политических произведениях. Недавняя сенсационная поездка знаменитого рус-

ского писателя в САСШ и его успех в деле возмущения американского общественного мнения своим поведением выставили его имя напоказ, но мало способствовали принятию его взглядов.

«Мать» — история революционной России, где мать и сын выступают как действующие лица. Сын обращен раньше, а мать — крепкая, неразвитая женщина, с медленно пробуждающимся восприятием и с бóльшей способностью к чувству, чем к способности его выражения, — следует за ним в силу создавшихся обстоятельств. Вся трагедия крестьянской жизни дана читателю с большой силой в порывистом диалоге, а также посредством конкретного показа вещей, которым изобилует это произведение. Дух и методы революции описаны хорошо, а безнадежная доля низших классов изображена очень выразительно.

Надо полагать, что американец средней руки не колебался бы ни минуты присоединиться к революционерам, если бы он был перенесен из нашей страны свободного слова, свободной прессы и демократии во владения царя, где угнетенный и погруженный во тьму народ лишен этих существенных благ. Поэтому огульное обвинение у нас некоторых идей книги Горького, хотя оно и заслуженно, кажется неуместным.

Повесть дает хорошее понимание сути русского социалистического движения и, как документ, она будет ценна для всех изучающих социализм.

«Catholic World», vol. 85, 1907, August, p. 677.

Творчество Горького всегда казалось мне чуждым английским читателям. Конечно, это не непреодолимый барьер скуки, а столь далекие для нас физические и духовные условия, что никакое изложение, как бы живо оно ни было, не может заставить нас воспринять их.

Но его новая книга «Мать» иная. Она важна, вероятно, не только для нас, но, конечно, и для самого автора, для которого это первое значительное произведение. Здесь видно, что он умеет схватывать и изображать развитие человека, его рост.

«Мать» обнаруживает, что свет идеала начал разгораться в душе писателя. Повесть — история русской женщины, вдовы рабочего, жизнь которой была трудной и мрачной. Постепенный процесс развития, благодаря которому она делается революционеркой, описан с большой и, до некоторой степени, утомительной медлительностью. Книга эта — чтение не из приятных, но она лучше его прежних произведений, поскольку рост лучше упадка.

«Putnam's Monthly and the Critic», vol. 3, 1907, October, p. 111.

МАТЕРИАЛЫ ПО ЦАРСКОЙ ЦЕНЗУРЕ О ЗАГРАНИЧНЫХ ИЗДАНИЯХ СОЧИНЕНИЙ М. ГОРЬКОГО И ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О НЕМ

Среди различных форм репрессий, которые применялись к М. Горькому царским правительством, большое место занимают гонения на его произведения, организованные цензурой, зорко охранявшей все устои самодержавия. Цензурные преследования, в виде запрещения и изъятия отдельных произведений, а также привлечения к ответственности лиц, «виновных» в их напечатании, сопровождались обычно высказываниями и характеристиками, которые должны были оправдать и узаконить проводимые цензурой мероприятия. Эти высказывания ярко отражают отношение к М. Горькому агентов царского правительства и являются убедительной иллюстрацией того значения, которое имел М. Горький как борец за освобождение трудящихся.

Публикуемые нами документы относятся к тому разделу царской цензуры, который до сих пор мало привлекал внимание исследователей, — к так называемой цензуре иностранной, следившей за всеми заграничными изданиями, попадавшими в пределы России. Через нее проходили и сочинения М. Горького, печатавшиеся за границей как на русском, так и на иностранных языках.

Эти сочинения просматривались иностранной цензурой, начиная с 1901 г., и с тех пор ежегодно до 1916 г. включительно, в рапортах цензоров, просматривавших проникавшие из-за границы издания, можно встретить отзывы о книгах Горького. Всего за указанные годы через иностранную цензуру прошло 220 названий его книг.[1] Из этого числа 41 книга была на русском языке, остальные на иностранных языках: немецких изданий 83 названия, французских — 29, польских — 16, английских и еврейских — по 11, чешских и других славянских — 6, армянских, финских, шведских и литовских — по 4, итальянских и испанских — по 2, эстонских, венгерских и японских — по 1.

Если проследить распределение всей этой массы книг по годам, то оказывается, что наибольшее количество их падает на первые годы XX в.[2] Западная Европа в эти годы усиленно интересуется молодым пролетарским писателем, внесшим в русскую литературу совершенно новую, свежую и самобытную струю.

---

[1] В это число входят не только отдельные издания его произведений, но и те из них, которые помещались в различных сборниках и периодических изданиях.

[2] По годам произведения М. Горького, изданные за границей, проходили через иностранную цензуру в следующем количестве: 1901 г. — 21, 1902 г. — 37, 1903 г. — 24, 1904 г. — 8, 1905 г. — 24, 1906 г. — 13, 1907 г. — 16, 1908 г. — 14, 1909 г. — 10, 1910 г. — 19, 1911 г. — 6, 1912 г. — 6, 1913 г. — 7, 1914 г. — 9, 1915 г. — 3 и 1916 г. — 3.

Откликом этого интереса является издание большого количества его произведений, которые частично просачивались и в Россию. Попадая на территорию России, эти издания поступали на рассмотрение иностранной цензуры. В результате тщательного и придирчивого просмотра цензура устанавливала запрещение легального распространения тех из книг М. Горького, которые признавались ею опасными. Из иностранных изданий его сочинений более 16% (36 названий из 220) подверглись запрещению, причем самый высокий процент запрещенных книг падает на заграничные издания на русском языке (около 30%). Вполне естественно, что за границей на русском языке печатались в первую очередь те сочинения М. Горького, которые по своему характеру легко могли подвергнуться риску попасть под запрет внутренней цензуры. Однако, избегнув этого запрета в момент выхода изданий, они попадали под него теперь, во время их распространения.

Кроме произведений самого М. Горького, такому же запрету подлежали все заграничные издания, содержавшие отзывы о нем, как о крупнейшем русском писателе, пользующемся огромной популярностью и авторитетом, а также известия о нем, распространение которых было невыгодным или неудобным для русского правительства. Вторая часть публикуемых нами документов и относится к этой группе иностранных сочинений.

Приводимые ныне отзывы цензоров являются характерными документами, свидетельствующими об обостренной классовой борьбе, направленной против М. Горького. В отзывах цензоров показано откровенно отношение к М. Горькому, как к классовому врагу.

Основной мотив, проходящий красной нитью через все цензорские отзывы, — страх перед М. Горьким, как перед писателем-революционером. «Аллегорическая идеализация революции» («Песня о Соколе»), «резкий протест против существующего строя жизни» («Перед лицом жизни»), изображение «борьбы за свободу против высшей власти» («Песня о Соколе»), «проповедь пролетариатской (!) кампании против имущего класса и даже с употреблением насильственной расправы» («Заметки о мещанстве»), — так характеризуют цензоры его произведения. Они подчеркивают, что эти произведения представляют собою «апологию забастовок», «обнаруживают симпатии автора к революционному движению» («9 января»), пристрастие его «к забастовкам, уличным беспорядкам и иным проявлениям эпохи освободительного движения» («Товарищ!»), сочувствие «к восстаниям и убийствам, производимым так называемыми сознательными пролетариями» («Враги»). Сочинения Горького подвергались запрещению за то, что в них развивались «социалистические и революционные идеи» («Лето», «Солдаты»), суждения «социалистические, бунтовские и антимилитарные», за то, что в них М. Горький выражает «сочувствие революционерству» (!), отрицает законы и «даже восхваляет Стеньку Разина и Ем. Пугачева, духовных праотцев русской революции».

Произведения М. Горького казались цензорам особенно опасными потому, что они принадлежали писателю, пользовавшемуся исключительной популярностью, и эта популярность М. Горького чрезвычайно беспокоила цензоров. Особенно яркое отражение это нашло в отзывах цензоров о тех произведениях различных авторов, где М. Горькому давалась положительная оценка. В этом отношении несомненный интерес представляет прохождение в иностранной цен-

зуре книги о М. Горьком Диллона. Разбирая ее, цензор Штейн особое значение придал тем местам, в которых сообщалось «о восторженном преклонении русского народа перед Горьким». «Я полагал бы, — писал цензор, — что книгу Диллона следовало бы воспретить уже по одному тому, что ярые почитатели Горького не преминут делать из нее обильные цитаты, которые могут только повести к кривотолкам, не говоря о том, что это может только способствовать к вознесению Горького еще на более высокий пьедестал, куда его не по заслугам иные втащили, не замечая вовсе того, что пресловутые открытия „малярного цеха подмастерья" сводятся к рассказыванию своими словами наиболее резких и крайних парадоксов Ничше». Исходя, в сущности, из тех же позиций охранителя общества, дал противоположное заключение о книге Диллона другой цензор — Ламкерт. Подвергнув ее тщательному анализу, он пришел к выводу, что она может даже принести пользу «в смысле отрезвления той части общества, которая, по ироническому замечанию Диллона, признала в Горьком какого-то нового мессию». Это заключение цензор основывает на том, что Диллон осуждает М. Горького за подчинение своего художественного таланта служению политическим целям, и на том, что политические и общественные идеалы героев М. Горького вызывают отрицательное отношение Диллона. Таким образом, оценивая книгу совершенно по-разному, оба цензора главное внимание обращают на одно и то же — на опасность для общества огромной популярности М. Горького.

Строгость цензуры еще более возрастала, когда в высказываниях о М. Горьком подчеркивалось политическое значение его деятельности. Так, сборник рассказов М. Горького, переведенный на французский язык под названием «L'annonciateur de la tempête» («Провозвестник бури»), был запрещен потому, что ему было предпослано предисловие Семенова, имевшее, по определению цензора, целью «выяснить и, может быть, даже раздуть политическое значение М. Горького как революционера, деятельности которого автор предисловия выражает свое полное сочувствие».

Страхом перед популярностью М. Горького объясняется, очевидно, и запрещение открытых писем с изображением Горького и Скитальца.

Принимая решительные меры против распространения радикальных, противоправительственных произведений М. Горького и стремясь во что бы то ни стало пресечь популярность его имени в обществе, правительственные чиновники в то же время утаивали свои действия от общества и потому запрещали распространять сведения о различных правительственных репрессиях по отношению к М. Горькому. Запрещалось упоминать об арестах его в 1901 и 1905 гг., о мерах, принятых полицией, чтобы помешать встрече, устроенной ему молодежью в Москве в 1901 г., описывать историю избрания его в почетные академики Академии Наук, сообщать о том, что за всеми его действиями установлено шпионство. Цензура не без основания считала, что все эти сведения в такой же мере могли способствовать росту популярности М. Горького, в какой дискредитировали русское правительство.

Таково основное содержание публикуемых ниже документов иностранной цензуры. Не внося чего-нибудь принципиально нового в картину отношения к М. Горькому царской цензуры, известную из других, ранее опубликованных документов, они содержат, однако, ряд новых данных, показывающих, в ка-

ких невероятно жестких условиях царистского режима утверждались исключительная популярность имени М. Горького — родоначальника пролетарской литературы — и огромное влияние его революционных произведений.

Все публикуемые документы печатаются по подлинникам, за исключением извлечений из журналов заседаний Варшавского цензурного комитета (с 1906 г. — Комитета по делам печати), которые публикуются по копиям, и отношения С.-Петербургского цензурного комитета Центральному комитету иностранной цензуры о книге М. Горького «Три рассказа».

В каждой из двух групп, по которым распределены документы (I. Отзывы цензуры о заграничных изданиях произведений М. Горького и II. Отзывы цензуры об иностранных изданиях, посвященных М. Горькому), они даны в хронологическом порядке.

В случае, когда отзыв цензора касался, на ряду с произведениями М. Горького, произведений других авторов, мы приводим документ в извлечениях. Места сокращений обозначаются многоточиями.

Почти все печатаемые документы относятся к фонду Центрального комитета иностранной цензуры. Полностью название этого фонда дается в описании первого документа, в остальных оно опущено, и ссылка дается сокращенно: Рапорты за... г., №... Названия других фондов даны полностью. Резолюции, имеющиеся в большинстве публикуемых документов, принадлежат председателю Центрального комитета иностранной цензуры графу А. Н. Муравьеву.

В примечаниях к документам использован материал, относящийся к прохождению в цензуре изданий сочинений М. Горького и в большинстве случаев в печати еще не появлявшийся.

Все публикуемые документы хранятся в Архиве внутренней политики, культуры и быта Ленинградского отделения Центрального исторического архива.

Л. Полянская

I. ОТЗЫВЫ ЦЕНЗУРЫ О ЗАГРАНИЧНЫХ ИЗДАНИЯХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. ГОРЬКОГО

«В СТЕПИ». — «ПЕСНЯ О СОКОЛЕ». — «ЧЕЛКАШ»

Из журнала заседания Варшавского цензурного комитета (председатель Х. Эммаусский) 12 ноября 1902 г.

Доклад цензора А. А. Сидорова о книге М. Горького «W stepie. Piesn o sokole. Czolkasz». Przeklad B... é, Krakow — Warszawa, 1902

Центральный комитет иностранной цензуры, рапорты за 1902 г., № 9364

«Слушали. . доклад г. цензора Сидорова о рассмотренном им иностранном сочинении Gorkij (Maksym), „W stepie. Piesn o sokole. Czolkasz". Przeklad B... é, Krakow — Warszawa, 1902.

На стр. 9, 10, 11 и 12 говорится о изобилии в России политически свихнувшихся людей. На стр. 41—52 помещена „Песнь о Соколе", которая заключает в себе аллегорическую идеализацию революции.

Вследствие этого полагаю в настоящем сборнике исключить 9—12 и 41—52 страницы и с этим исключением сборник дозволить.

Комитет, заслушав доклад г. цензора Сидорова и соглашаясь с его мнением, *постановил:* сочинение это дозволить к обращению в публике с предложенными г. цензором исключениями».

«Песня о Соколе» подвергалась цензурным запрещениям неоднократно. Так, в 1903 г. был запрещен перевод ее на армянский язык А. Туманиана, в виду «тенденциозности» произведения. В 1906 г. запрещена была брошюра «Стихотворения М. Горького», в которую, кроме «Песни о Соколе», входили «Весенние мелодии», причем запрещение мотивировалось ст. 129 уголовного уложения, каравшей за возбуждение «к учинению бунтовщического или изменнического деяния», к ниспровержению существующего в государстве общественного строя, а также к неповиновению или противодействию закону. См.: С.-Петербургский цензурный комитет, 1903, д. № 185; 1906, д. № 59.

«ФОМА ГОРДЕЕВ». — «СКАЗКА». — «ДЕЛО С ЗАСТЕЖКАМИ». — «ПРЕД ЛИЦОМ ЖИЗНИ» И ДР.

Из журнала заседания Варшавского цензурного комитета (председатель Х. Эммаусский) 12 ноября 1902 г.

Доклад цензора А. А. Сидорова о книге М. Горького «Ignacy Cordicjew Bajka. Historja o srebrnych klamarach etc.» Przeklad B...é, Krakow — Warszawa, 1902

Рапорты за 1902 г., № 9365

«Слушали... доклад г. цензора Сидорова о рассмотренном им иностранном сочинении: Gorky (Maksym) „Ignacy Gordiejew. Bajka. Historja o srebrnych klamarach etc." Przeklad B... é, Krakow — Warszawa, 1902.

В рассказе „Bajka" [1] (стр. 7—10) идеализируется политический преступник, а в рассказе „Przed obliczem zycia" [„Перед лицом жизни"] выражается резкий протест против существующего строя жизни (стр. 67—72), рассказ же „Zwiastun Bozy" [2] (стр. 35—38) является аллегорической идеализацией революции.

В виду этого полагаю настоящий сборник, за исключением означенных страниц, дозволить.

Комитет, заслушав доклад г. цензора Сидорова и соглашаясь с его мнением, *постановил:* сочинение это дозволить к обращению в публике с предложенными г. цензором исключениями».

«ПОГРОМ»

Доклад цензора В. И. Росковшенко 2 октября 1903 г. о рассказе М. Горького «Verwüstung», помещенном в газете «Illustrierte Gericht's Zeitung», Hamburg, 1903, № 660

«В этом нумере названной газеты, в отделе фельетона помещен рассказ под заглавием „Verwüstung". Von Maxim Gorki. Deutsch von Stefania Goldenring („Погром" Максима Горького. На немецкий язык перевод Стефании Гольденринг). Содержание этого рассказа составляет повествование М. Горького об избиении в одном из поволжских городов евреев русскими... Автор рисует кровавые и отвратительные сцены убийства русскими: старого, обороняющегося против толпы еврея; молодой еврейки девушки, спасающейся бегством; показывает, как озверелая толпа русских тащит по мостовой еще полуживого, почтенного и старого еврея-купца Зелмана, привязав веревку к одной из его ног. Но вот, наконец, появляются казаки для усмирения беспорядков. Казаки, в свою очередь, также жестоко и беспощадно действуют в отношении русских, как эти действовали в отношении евреев. Казаки

---

[1] и [2] Установить соответствие этих названий известным рассказам М. Горького не удалось. — *Л. П.*

топчут своими лошадьми русскую толпу, а нагайками бьют всех без разбора. По усмирении беспорядков казачьи офицеры равнодушно рассуждают о том, сколько в этот день было русскими убито евреев, не высказывая сожаления к последним и т. д.

В виду изложенного, я полагал бы упоминаемый 660 нумер „Illustrierte Gericht's Zeitung" запретить к обращению в публике...»

Резолюция: «Представить в Главное управление о запрещении всего издания».

Под запрещением всего издания подразумевалось полное преграждение ему доступа в пределы России, без рассмотрения цензурой отдельных номеров. В качестве одного из основных аргументов в данном случае выставлялось враждебное отношение газеты к России.

Главное управление по делам печати 12 ноября 1903 г. сделало распоряжение о полном запрещении газеты. См.: Главное управл. по делам печ., III отд., 1903, д. № 9.

Часть доклада, посвященная характеристике всего издания и обоснованию необходимости его запрещения, нами выпущена.

«ПЕСНЯ О СОКОЛЕ»

Доклад цензора Н. Г. Дукшта-Дукшинского 17 марта 1904 г. о книге М. Горького «Революционные песни и баллады». С предисловием М. Сукенникова, изд. И. Рэде. Берлин, 1903

Рапорты за 1904 г., № 2014

«Из самого заглавия брошюры нельзя не усмотреть, к какой категории сочинений должно быть отнесено собрание песней и легенд Горького. Первая из них: „Песня о Соколе" (в редакции, воспрещенной русской цензурой), как вторая и третья „Разрушенный мол", с „вариантом" к нему, представляют собой в аллегории борьбу за свободу против высшей власти (25—26, 47—48 и многие другие страницы). В предисловии к легендам Сукенников дает читателю апологию их, а на последних четырех страницах помещен перечень запрещенных русских изданий.

Весь состав брошюры, на основании статей 4 и 95 подлежит запрещению».

Резолюция: «Запретить согласно докладу».

В брошюре были напечатаны: «Песня о Соколе» (в редакции, воспрещенной русской цензурой), «Разрушенный мол (Баллада)», «Вариант к „Разрушенному молу" (Фантазия)».

Баллада «Разрушенный мол» приписывалась М. Горькому неправильно; автором ее был Г. Гершуни.

Статьи 4 и 95 цензурного устава давали общие руководящие определения тех произведений печати, которые должны были подвергаться запрещению. Сюда были отнесены произведения, содержащие что-либо клонящееся к поколебанию учения православной церкви и христианской веры вообще, или нарушающие неприкосновенность самодержавной власти и противоречащие основным государственным законам (ст. 4). Подлежали запрещению, сверх того,

сочинения, «излагающие вредные учения социализма и коммунизма, клонящиеся к потрясению или ниспровержению существующего порядка и к водворению анархии» (ст. 95).

«ЗАМЕТКИ О МЕЩАНСТВЕ». [«РОССИЯ. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»]

Доклад цензора В. Д. Смирнова 1 марта 1906 г. о книге М. Горького «Russland. Politische Betrachtungen». Uebersetzt von Julie Goldmann, Wien und Leipzig, 1906

Рапорты за 1906 г., № 1194

«Книжка содержит в себе рассуждения автора на ту тему, что буржуазия есть паразит народа (стр. 14), опирающийся на чудовище, именуемое государством (12), и борьба между народом и прочими классами непримирима (15), причем буржуа привлекают в эту борьбу третье, более или менее автократное лицо — бога, печать, науку (16), или цепляются за нить религии (23). А литература русская только и занималась, что слащавым воспеванием народного долготерпения (24, 25), изображая собою апологию пассивности, ползанья пред авторитетом (41); господа поролн народ кнутом, а народ утешался поговоркою: „Не в силе бог, а в правде“ (57), да и бог был для него какою-то старою феею (56); он верил, что иначе и быть не может, что одни должны быть господами, а другие рабочими; одни имущими, а другие неимущими (60); одни должны блаженствовать, а другие дохнуть с голоду (63, 64). А капитал — это чума, это демон жизни (65). Но наши дни суть не только дни борьбы, но и дни суда, расчета пролетариата с буржуазиею (70).

Таковы в общих чертах основные воззрения, наполняющие книгу: она, очевидно, есть проповедь пролетариатской кампании против имущего класса, и даже с употреблением насильственной расправы.

В сущности в этих воззрениях ничего нет такого, чего бы ныне не встретить на столбцах наших радикальных газет; но здесь они представляют нечто компактное, да еще под бандеролью довольно популярного писателя. И вот это-то последнее обстоятельство вызывает цензурное сомнение относительно того, может ли книга быть дозволена к беспрепятственному обращению в публике, о чем и имею честь представить на благоусмотрение комитета».

Резолюция: «Позволить».

В книге, рецензируемой цензором, были собраны под новым заглавием, данным в переводе, статьи М. Горького «Заметки о мещанстве», опубликованные в «Новой жизни», 1905, № 1, № 4, № 12, № 18 и цитируемые цензором в своих основных положениях.

«О ПИСАТЕЛЕ, КОТОРЫЙ ЗАЗНАЛСЯ».— «ПЕРЕД ЛИЦОМ ЖИЗНИ».— «ВЕСЕННИЕ МЕЛОДИИ»

Отношение С.-Петербургского цензурного комитета (председатель А. Катенин) Центральному комитету иностранной цензуры 8 марта 1906 г. о книге М. Горького «Три рассказа. 1. Писатель, который зазнался. 2. Перед лицом жизни. 3. Весенние мелодии». Изд. И. Рэде, Берлин, 1902

С.-Петербургский цензурный комитет, 1906, д. № 8, л. 18

«Возвращая при сем доставленную при отношении от 25 минувшего февраля за № 692 заграничную брошюру под заглавием „Максим Горький. Три рассказа (воспрещены русской цензурой). Берлин. Издания Иоанна Рэде", С.-Петербургский цензурный комитет имеет честь уведомить Центральный комитет иностранной цензуры, что брошюра эта применительно к пункту I статьи 129 уголовного уложения издания 1903 г. к обращению в русской публике дозволена быть не может».

«ВОЗЗВАНИЕ К АМЕРИКАНЦАМ»

Доклад цензора Э. А Вольтера 22 августа 1906 г. о статье М. Горького «Воззвание к американцам», помещенной в литовской газете «Lietuwa» (Chicago), 1906, № 31

Рапорты за 1906 г., № 5046

«Газета эта может быть допущена к ввозу, за исключением статьи Максима Горького „Воззвание к американцам" следующего содержания (Воззвание помещено на стр. 4, в столбцах втором и третьем. Статья эта начинается во 2 столбце после 34-й строки сверху и гласит):

„Царь распустил думу. Этот маленький человек, дрожащий на троне за свою жизнь и власть, как осиновый лист, одним почерком пера, одним конвульсивным маханием руки уничтожил всю надежду на установление порядка в России и призвал к жизни новые ряды истребителей, воров и разбойников. Русское правительство устроит теперь власть зверского отомщения. Воры и казнители (исполнители казней), окружающие престол и держащие его в своих руках, запачканных кровью, услышали в последнее время много горячих и задевающих их слов из уст справедливых мужей. Теперь они за это отомстят. Месть будет страшная. Привыкшие проливать кровь людскую, они призовут людей опять к войне, тех же самых, которым уже снились порядок, цивилизация и возликование справедливости.

Земля таким образом поглотит тысячи людских тел. Люди эти единственно виновны в том, что они хотели жить по человечески.

Мир будет объят пламенем раздора. Ненависть наполнит всех тех, кто пострадает от царя-истребителя и шайки его человекоубивцев. Обращаясь к цивилизованному миру за помощью от кровопролития российского, он выставляет миру на вид, как Европе, так и Америке, что люди, считающие себя цивилизованными, не должны хладнокровно и безучастно смотреть на то, что творится в России, а оказать ей свою просвещенную посильную помощь к уменьшению бедствий на Руси"

Из приведенного содержания статьи видно, что воззвание на столбцах 2 и 3-ем страницы 4-ой не может быть допущено к распространению среди массы народонаселения, и оттого следовало бы этот номер допустить с исключением указанных мест».

Резолюция: «Запретить весь номер».

«ГОСПОДИНУ АНАТОЛЮ ФРАНСУ ПИСЬМО М. ГОРЬКОГО О РУССКИХ ЗАЙМАХ И ОТВЕТ АНАТОЛЯ ФРАНСА»

Доклад цензора В. К. Боаса 1 ноября 1906 г. о письме М. Горького «Lettre de Maxim Gorki à Anatole France sur les emprunts russes et réponse d'Anatol France». Paris, 1906, avril (Des publications périodiques de la Société des amis du peuple russe et des peuples annexés)

Рапорты за 1906 г., № 6697

«В этом письме Максим Горький через Франса обращается к друзьям русского народа, т. е. к французским социалистам-революционерам, объединившимся под кличкой amis du peuple russe [друзей русского народа], с воззванием действовать с усиленной энергией, чтобы освободить русский народ «du pouvoir barbare des Romanoff» [от варварской власти Романовых] (стр. 7), так как торжеству свободы в России мешает «la famille incapable et dégénérée des Romanoff» [бездарная и выродившаяся семья Романовых] (стр. 3) и «tous les assassins qui entourent le trône du dernier et du plus lamentable des Romanoff [все убийцы, окружающие трон последнего и самого жалкого из Романовых] (стр. 4). Скорейшее исполнение своего желания Горький видит в лишении русского правительства кредита за границей (стр. 6)

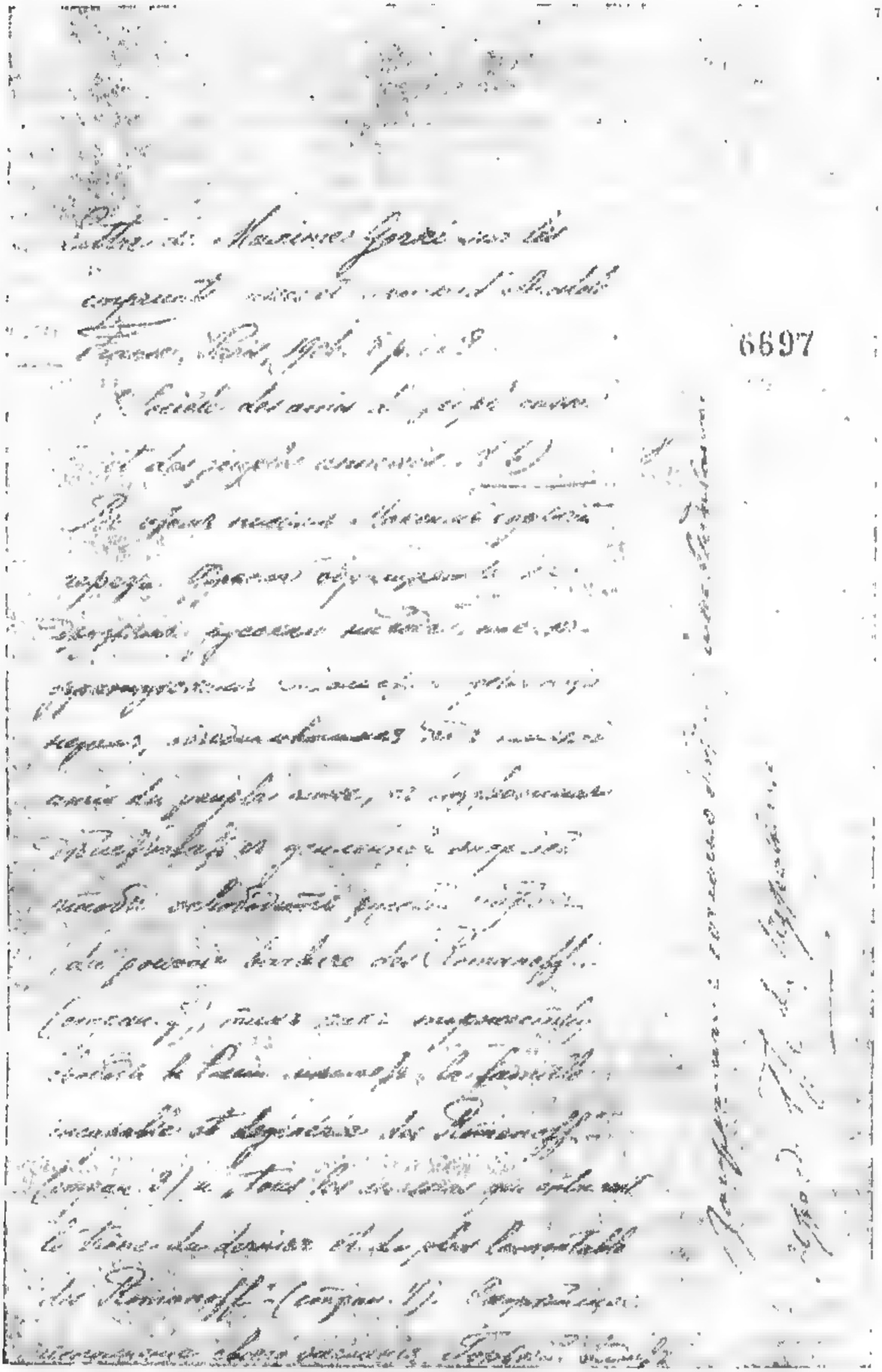
Анатоль Франс в ответ на это письмо восхваляет гений анархиста из босяков и уверяет в своих к нему симпатиях и пожеланиях успехов освободительной революции.

Эта возмутительная брошюрка должна быть запрещена и не может выдаваться по просительным запискам, о чем имею честь представить комитету».

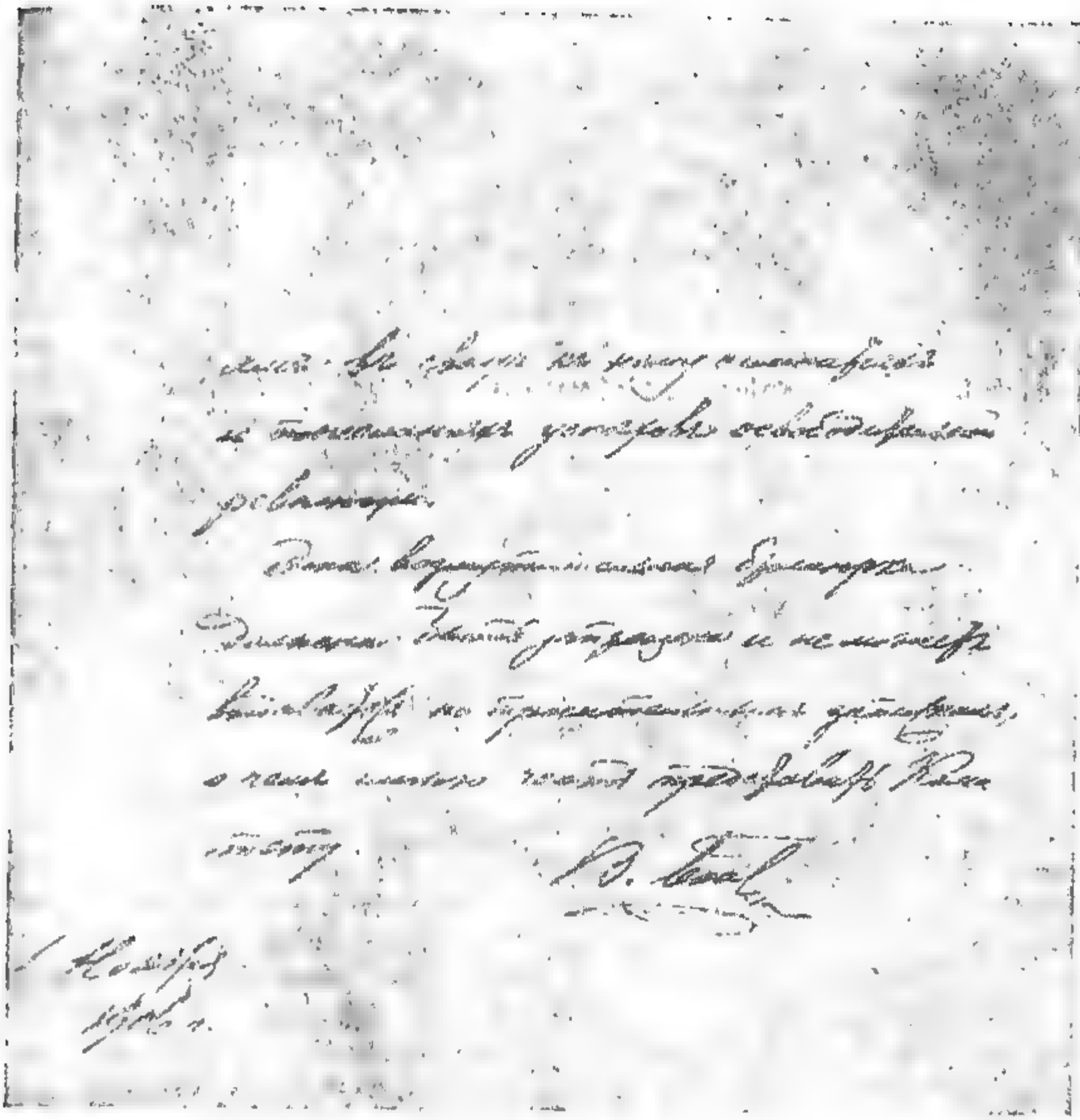
Резолюция: «Запретить согласно докладу и не выдавать».

Статья М. Горького «Не давайте денег русскому правительству» с обращением к Анатолю Франсу по тому же поводу, помимо французского издания, была опубликована на русском языке в № 1 журнала «Красное знамя»,

6697



Цензурное дело о письме М. Горького к А. Франсу по поводу заключения займа 1906 г. (первая страница) (см. стр. 413).



Цензурное дело о письме М. Горького к А. Франсу по поводу заключения займа 1906 г. (конец второй страницы) (см. стр. 413).

издававшегося в 1906 г. в Париже А. Амфитеатровым. На ряду с другими статьям, напечатанным в этом номере, она послужила причиной его запрещения. См. рапорты за 1906 г., № 5037.

Первая русская революция вызвала широкий отклик среди французского общества. То, что цензор называет французскими социалистами-революционерами, было организацией «друзей русского народа и народов аннексированных» (таково было ее полное название), объединившей передовые круги французской интеллигенции и рабочих. На митингах, устраиваемых этой организацией, неоднократно выступал Анатоль Франс.

При запрещении произведения без оговорки «не выдавать» допускалась все же выдача его по просительным запискам тем лицам, которые заслуживали доверие цензуры по своему социальному положению. Добавление о запрещении этой выдачи приводило к абсолютному запрещению произведения.

«РУССКИЙ ЦАРЬ»

Доклад цензора Н. А. Васенцовича-Макаревича 29 ноября 1906 г. о календаре «Веселка. Календар української соціял-демократичної партиі на рік 1907. Чернівці», содержащий рассказ М. Горького «Русский царь»

Рапорты за 1906 г., № 7926

«Уже внешний вид этого нового календаря безошибочно говорит о его содержании. Это издание „Земли и воли“ — украинской социал-демократической партии, поддерживающей борьбу пролетариата против имущих классов. И, действительно, среди календарных сведений на каждый месяц, отмечены все известные террористические акты и в том числе покушения и убийства российских императоров (стр. 8, 10, 14, 16, 26). В дальнейшем же тексте встречаются две статьи, которые никоим образом не могут быть дозволены: ...„Русский царь“ — рассказ Максима Горького (стр. 67—77), в котором описывается аудиенция, якобы данная государем некоему журналисту в Царском Селе. Журналиста провели сквозь строй жандармов, тщательно обыскали, раздели до гола и в таком виде ввели в зал, где привязали животом к дулу пушки. После того среди пола открылось отверстие, из которого поднялся трон, сооруженный из штыков, а на нем государь император, весь закованный в железную броню. Первым делом его было схватиться за кнопку от электрического провода, ведущего к пушке и крикнуть „руки вверх“. Затем излагается в смешном и оскорбительном для особы государя виде беседа его с журналистом, содержание которой считаю излишним приводить, ограничившись лишь сообщением, что государь в юмористическом тоне оправдывается во взводимых на него обвинениях в убийстве своих подданных...

В виду изложенного календарь этот следует не только запретить, но и не выдавать по просительным запискам».

Резолюция: «Запретить и не выдавать».

«О КАВКАЗСКИХ СОБЫТИЯХ»

Доклад цензора А. А. Горяинова 10 января 1907 г. о статье М. Горького «О кавказских событиях». Изд. «Demos», Женева, 1905

Рапорты за 1907 г., № 347

«Эта брошюрка, появившаяся первоначально, если верить примечанию на стр. 5, в форме письма к редактору бакинской газеты „Каспий“, написана хлестко, но с соблюдением должной осторожности, т. е. без определения лиц и учреждений, о коих идет речь. Расчеты автора и редактора, однако, не оправдались,

и письмо это, как видно из того же примечания, цензурой к напечатанию дозволено не было.

По поводу тогдашних событий, т. е. армяно-татарской резни, автор между прочим говорит на стр. 6: „Везде видна гнусная работа кучки людей, обезумевших от страха потерять свою власть над страной...“, далее говорится: „Паразиты чувствуют, что наступает их агония и близка смерть, но они хотят жить и борются как могут против воли народа, борются бесчестно, трусливо и позорно“ (стр. 8); далее: „Они открыто науськивают, как собак, русских на евреев, поляков и финнов... отупевшего от голода... мужика на студентов и даже на детей!“ (стр. 8, 9); далее: „Ни в одной стране борьба командующего класса за сохранение своей власти над народом не велась столь позорно, так бесстыдно и цинически-жестоко...“ (стр. 9).

Оканчивая свое письмо, Горький рекомендует всем честным людям без различия национальностей соединиться в одну семью друзей-борцов, в дружину честных и бесстрашных и спросить себя: „Кто наш враг?“ (стр. 11). Ответ гласит: „У всех нас один враг, — это та злая и бессмысленная сила, которая одинаково тяжело давит всех нас... русский, еврей и поляк связаны по рукам и ногам той же силой, которая одинаково тяжело ложится и на плечи татарина“ (стр. 11, 12).

Прилагаемая брошюрка написана языком революционной прокламации и, не задевая никого в частности, достаточно, однако, ясно дает понять, что наше правительство жестоко, трусливо и бездарно и что чем скорее оно общими усилиями будет низвергнуто, тем лучше для народа. В виду изложенного, а также принимая в расчет то обстоятельство, что брошюрка дешевая и что литературное имя Горького, не будучи столь в моде, как прежде, все же продолжает быть до известной степени авторитетным, имею честь доложить комитету, что это произведение, по моему мнению, следовало бы запретить».

Резолюция: «Запретить согласно докладу».

«РУССКИЙ ЦАРЬ»

Доклад цензора А. А. Горяинова 2 мая 1907 г. о рассказе М. Горького «Русский царь». Интервью. Verlag von J. Dietz, Stuttgart, 1906

Рапорты за 1907 г., № 3126

«Это произведение Максима Горького уже было на рассмотрении комитета 29 ноября 1906 г., так как помещено в календаре «Веселка», органе украинской социал-демократической партии. Календарь был запрещен, между прочим, в виду нахождения в нем прилагаемого возмутительного рассказа, в котором описывается фантастическое интервью какого-то журналиста с императором Николаем II.

Этот же рассказ был напечатан в одном из номеров „Красного знамени". Привожу наиболее плоские места: „Выскочил... как пробка из бутылки, сам русский царь... со всеми своими титулами"... (стр. 8)... „Он был набит бумажками, как поросенок кашей" (стр. 19) и так далее, столь же бездарно.

Имею честь представить комитету эту брошюрку, вышедшую ныне отдельным изданием, к полному запрещению».

Резолюция: «Запретить согласно докладу».

«ПРЕКРАСНАЯ ФРАНЦИЯ»

Доклад цензора А. А. Горяинова 12 сентября 1907 г. о рассказе М. Горького «Прекрасная Франция». Интервью. Verlag von J. Dietz, Stuttgart, 1906

Рапорты за 1907 г., № 6343

«В этом рассказе описывается фантастическое свидание автора с Францией. М. Горький разочаровался в прежде любимой им революционной и республиканской Франции и нашел ее ныне развратною и продажной страной. Разочарование свое он выражает в свойственных ему излияниях поддельного пафоса, примером какового может служить заключительный возглас: „Возлюбленная моя! (Франция). Прими и мой плевок крови и желчи в глаза твои".

Оказывается, однако, что негодование Горького против Франции вызвано тем, что в ней был сделан русский заем, ушедший на поддержку деспотического правительства. При этом удобном случае автор не упускает разразиться рядом бранных слов против государя императора и России, что, повидимому, и составляет цель рассказа. Бранные слова помещены на страницах 7, 10, 11, 12, 13, 14 и 16, т. е, почти на всем протяжении книги: гербом России оказывается петля и нагайка (стр. 7); любимый спорт царя — кровавая игра солдат с народом; свобода вырвана у царя ценою тысяч жизней, царь требует за нее еще и еще крови (стр. 12); противно опираться на руку, всегда по плечо покрытую кровью народа; золотом, данным этому царю, задавлена честная слава Франции (стр. 11); с царя содран процент, равный трети его кожи (стр. 12); армия — свора собак; наконец, Франция именуется сводней царя с банкирами (стр. 13).

Приведенные столь обычные М. Горькому выходки принуждают меня ходатайствовать перед комитетом о запрещении его произведения».

Резолюция: «Запретить».

«ОДИН ИЗ КОРОЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ»

Доклад цензора А. А. Горяинова 12 сентября 1907 г. о рассказе М. Горького «Один из королей республики». Интервью. Verlag von J. Dietz, Stuttgart, 1906

Рапорты за 1907 г., № 6342

«Этот рассказ, изображающий разговор автора с американским миллиардером, среди множества нелепостей, содержит два места, по моему мнению, предосудительных. На стр. 17 разговор между миллиардером и Горьким ведется так: миллиардер: „Для американца невозможно признать Христа!.. А почему? спросил я, помолчав. — Он незаконнорожденный!.. Незаконнорожденный в Америке не может быть не только богом, но даже чиновником. Его нигде не принимают в приличном обществе... О, мы очень строги! А еслиб мы признали Христа, нам пришлось бы признавать всех незаконнорожденных порядочными людьми... даже, если они дети негра и белой...“ Далее, на стр. 25 Горький, вероятно, желая эффектно окончить свой рассказ, заставляет миллиардера спросить, нет ли в Европе пары лишних королей, на что автор не упускает заметить, что они все лишние. Как оказывается, миллиардер спросил об этом с целью нанять их для боксирования между собой каждый день после завтрака.

Вышеприведенные цитаты достаточно характеризуют степень и род остроумия книги вообще; что же касается до инкриминируемых мест, то представляю их к исключению, но так как брошюрка равняется всего двадцати шести страницам, полагаю, что ее можно было бы и запретить, о чем имею честь доложить комитету».

Резолюция: «Запретить».

«9 ЯНВАРЯ»

Доклад цензора А. А. Горяинова 19 сентября 1907 г. об очерке М. Горького «9-е января». «Bühnen- und Buchverlag russischer Autoren J. Ladyschnikow, Berlin, 1907

Рапорты за 1907 г., № 6969

«Эта брошюрка, излагающая происшествия 9-го января 1905 г., конечно, в лживом свете, переполнена рассказами о зверстве царя, его чиновников и офицеров; о нижних чинах говорится очень осмотрительно и дается понять, что если они и стреляли, то с отвращением и по приказанию палачей-офицеров. Царь именуется большею частью кратко „он“, народ до начала избиения еще верит в „него“, в его силу, мощь и способность облегчить его страдания, но этот образ понемногу обезличивается и стирается. Сознательным этот образ уже не мешает, они прямо говорят: „Товарищи, свободу не просят“ (стр. 5, 7); „Красный цвет — цвет нашей крови, товарищи!“ (стр. 8); „Нет силы, ко-

торая освободит народ, кроме самого народа" (стр. 9). Далее весьма подробно, со всевозможными восклицаниями и литературными украшениями повествуется, как войска расстреливали народ (стр. 12—34), причем „он" постепенно терял то маленькое сбаяние, которое раньше имел, и к концу дня приобрел, уже навсегда, ненависть сознательного народа, на что указывают подслушанные автором возгласы толпы: „Совсем нет царя? .. Нигде его нет! .. вы царя убили! (стр. 20)... Солдаты! .. царь велит вам стрелять в народ (стр. 24)... Он мог не знать. А тогда зачем он!"

В конце книги сознательные товарищи уже зовут толпу на баррикады: „Кто хочет драться за свободу? За народ, за право человека на жизнь, на труд? Кто хочет умереть в бою за будущее — иди на помощь" (стр. 33).

Полагаю, что это сочинение Горького подлежит запрещению, о чем имею честь представить комитету».

Резолюция: «Запретить согласно докладу».

«ВРАГИ»

Доклад цензора А. А. Горяинова 19 сентября 1907 г. о пьесе М. Горького «Враги». Verlag von J. Dietz, Stuttgart, 1906

Рапорты за 1907 г., № 6968

«Прилагаемая брошюра в немецком переводе дозволена г. Кривошем рапортом от 7 января 1907 г. за № 635. Ознакомившись с сочинением, со своей стороны не могу согласиться с мнением первоначального докладчика, так как драма, независимо от отдельных неподходящих выражений и мест, проникнута сочувствием к восстаниям и убийствам, производимым так называемыми сознательными пролетариями.

Действие происходит на фабрике, которая принадлежит двум владельцам и на которой готовится бунт, как следствие агитации социалистов. Наиболее решительный из владельцев утверждает, что уступок рабочим делать нельзя, так как это поведет лишь к увеличению их требований, и спорит с другим — нерешительным интеллигентом, произносящим либеральные речи и в конце концов вызывающим войска. Первого владельца, вышедшего для переговоров, рабочие убивают и затем подговаривают какого-то мальчишку взять на себя вину с тем, чтобы не выдавать властям настоящего убийцу — социалиста и одного из руководителей движения. Начинается путаница, недоразумения, выступают на сцену прокурор-карьерист, дерущийся становой, жандармский офицер — очень глупый и жестокий человек, жандармский вахмистр-шпион, девицы-интеллигентки, восхищающиеся рабочими, и, наконец, сами рабочие, все герои и сознающие свою правоту, хотя и причастные к убийству. Все это кончается апофеозом благородных социалистов, а именно, настоящий убийца без тени, впрочем, раскаяния

и к общему смущению властей и восторгу барышень заявляет, что он убил директора.

Отдельные, заслуживающие внимания, места таковы: на стр. 51, 53 и 54 говорится об упоительности возгласа „пролетарии всех стран, соединяйтесь" и о необходимости припрятать нелегальные брошюры в случае обыска. На стр. 61 рабочие говорят, что соединившись легче победить и что злого челевека (директора) и убить, а добрый сам помрет. На стр. 72 интеллигентная девица говорит: „Пришли к нам жандармы, солдаты, какие-то дурачки с усиками... хватают людей" и т. д. Она же на стр. 74 заявляет, что „если люди плачут, то власти, государство — все это не нужно. Государство — какая глупость! Зачем оно мне?" Далее на стр. 79 жандармский офицер расспрашивает пойманного с нелегальными книжками рабочего и смущается его простыми и благородными ответами. На стр. 80 барышни, восторгаясь благородным рабочим, перешептываются... „Нравится он мне... они спокойно верят в свою правду" и т. д. На стр. 82 и 92 заявляется, что „Хотя мы опираемся на жандармов, на солдат, но они сильнее нас, и эти люди (социалисты) победят". Наконец, одна из барышень-прогрессисток восклицает, обращаясь к объявившемуся убийце: „Послушайте... разве это вы убили? Это они всех убивают всю жизнь своею жадностью, своею трусостью!.." А интеллигентный рабочий горячо подхватывает: „Верно барышня! Не тот убил, кто ударил, а тот, кто злобу родил..." (стр. 93). На стр. 88, 91 имеются подобные же выходки.

Это сочинение, как рекламирующее социалистов, ставящее их в положение сверх-людей, которым дозволено все, до убийства и бунта включительно, по моему убеждению, позволено быть не может, о чем и имею честь доложить комитету».

Резолюция: «Запретить и сличить с немецким изданием и, в случае тождественности обоих изданий, запретить и немецкое издание».

На основании этой резолюции после нового рассмотрения немецкого издания оно также подверглось запрещению.

Специальной драматической цензурой эта пьеса была запрещена к представлению, так как в ней «ярко подчеркивается непримиримая вражда между рабочими и работодателями» и в силу того, что она была признана «сплошной проповедью против имущих классов». — См.: Драматическая цензура, рапорты за 1907 г., л. 53.

«ТОВАРИЩ!»

Доклад цензора А. А. Горяинова 16 октября 1907 г. о рассказе М. Горького «Товарищ!». Verlag von J. Dietz, Stuttgart, 1906

Рапорты за 1907 г., № 7672

«Этот рассказ представляет собою апологию забастовок. Социалисты, по убеждению автора, тайно принесли с собою в под-

валы „всегда плодотворные... семена простого и великого учения и то сурово..., то мягко сеяли эту ясную, жгучую правду в темных сердцах людей-рабов...“ (стр. 8),... которые, просветившись и полюбив слово „Товарищ“, перестали быть рабами и однажды заявили городу... великое человеческое слово — не хочу, результатом чего произошла остановка всех производств и работ, а насильники, „задыхаясь в запахе извержений своих..., подавили злобу... в недоумении и ужасе перед силою их“ (стр. 9 и 10).

Забастовщики „горели сознанием силы своей, предчувствие победы сверкало в глазах“; „они... видели великое значение труда своего, это возводило их на высоту сознания священного права быть хозяевами жизни, законодателями и творцами ее“ (стр. 10 и 11). Экстаз забастовщиков, как оказывается, передается извозчикам и городовым, которые в своих обращениях к публике, хотя и потупляя глаза, но уже начинают пользоваться словом „товарищ“ (стр. 13). Все шло бы отлично, если бы угнетатели не спохватились, и вот „уже где-то против них собрались серые, слепые толпы вооруженных людей и безмолвно строились в ровные линии — это злоба насильников готовилась отразить волну справедливости“ (стр. 14).

В этой брошюре совершенно ясно пристрастие автора к забастовкам, уличным беспорядкам и иным проявлениям эпохи освободительного движения, в виду чего имею честь представить ее комитету к запрещению».

Резолюция: «Запретить согласно докладу».

«МАТЬ»

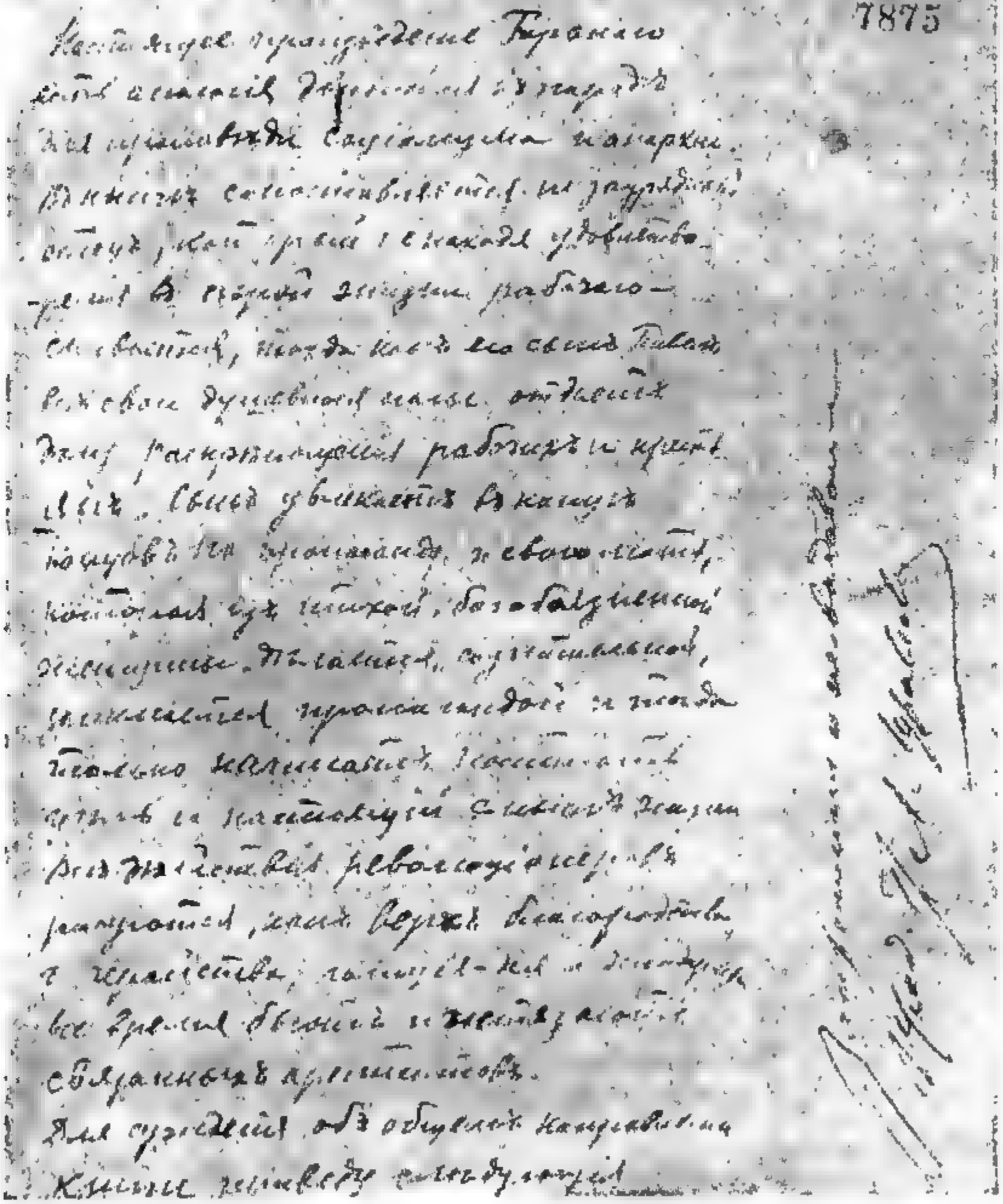
Доклад цензора барона В. А. Каульбарса 23 октября 1907 г. о повести М. Горького «Die Mutter». Einzig autorisierte Übersetzung von Adolf Hess [«Мать». Единственный авторизованный перевод А. Гесс], Bühnen- und Buchverlag russischer Autoren J. Ladyschnikow, Berlin

Рапорты за 1907 г., № 7875

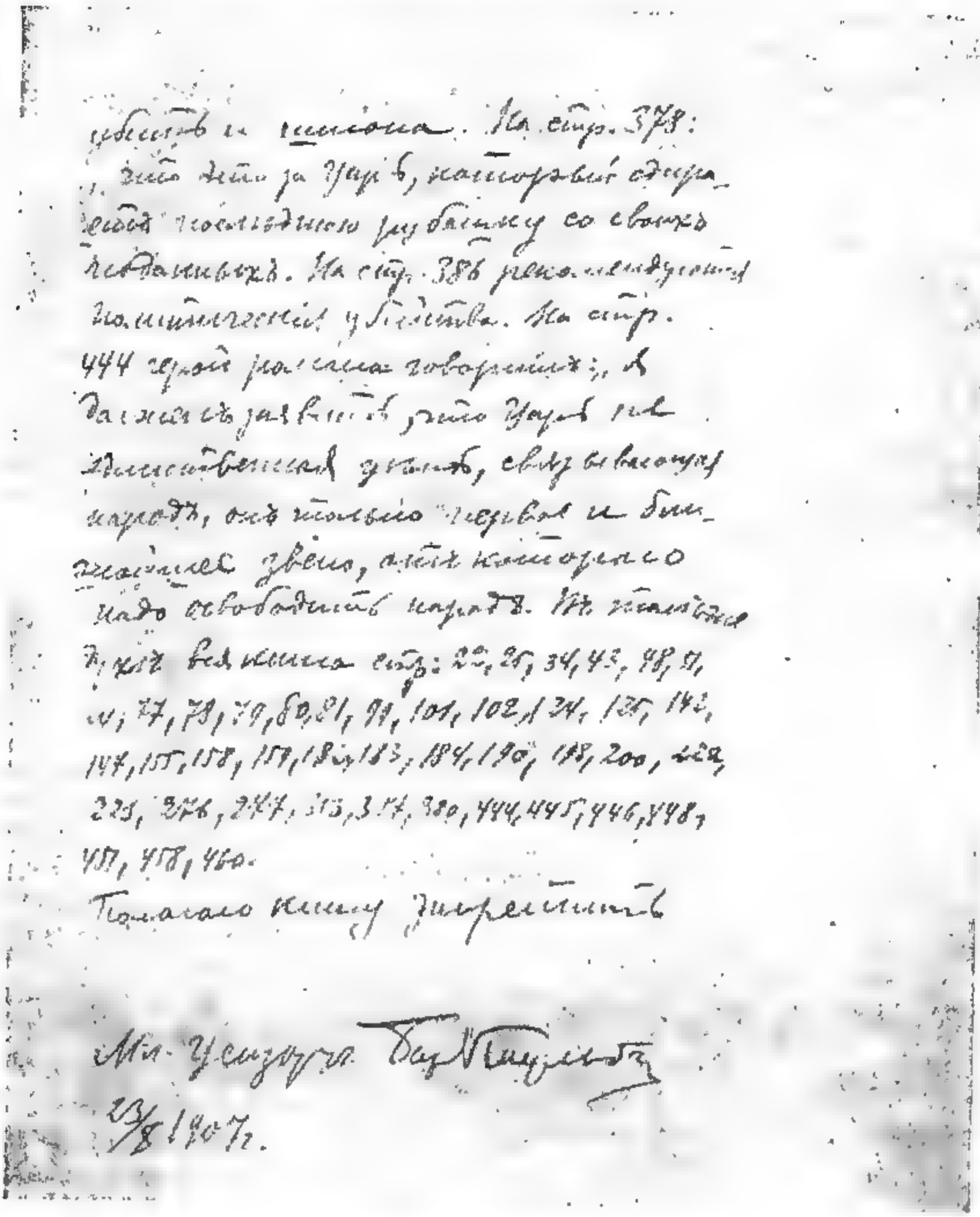
«Настоящее произведение Горького есть апология движения в народ для проповеди социализма и анархии. В книге сопоставляется незаурядный отец, который, не находя удовлетворения в серой жизни рабочего, спивается, тогда как его сын Павел все свои душевные силы отдает делу раскрепощения рабочих и крестьян. Сын увлекает в конце концов на пропаганду и свою мать, которая из тихой, богобоязненной женщины делается „сознательной“, занимается пропагандой и тогда только начинает постигать цель и настоящий смысл жизни. Все действия революционеров рисуются, как верх благородства и геройства; полиция же и жандармы все время бьют и истязают связанных арестантов.

Горький (Пешков). Die Mutter.
Verlag „Vorwärts". Berlin. 1907.

7875



Цензурное дело о немецком переводе повести «Мать». Берлин, 1907 г. (первая страница) (см. стр. 422).



Цензурное дело о немецком переводе повести «Мать». Берлин, 1907 г. (последняя страница) (см. стр. 422).

Для суждения об общем направлении книги приведу следующие места: на стр. 48 на вопрос, правда ли, что социалисты убили государя, следует ответ: „Нам, социалистам, это было не нужно". На стр. 155 рекомендуется вооружить сначала головы пролетариата, а потом уже руки. На стр. 182—183 герой романа находит, что можно убить разбойника, но убивать шпиона слишком противно, на что получается возражение, что по чувству долга при-

ходится иногда убить и шпиона. На стр. 378: „Что это за царь, который сдирает последнюю рубашку со своих подданных". На стр. 386 рекомендуются политические убийства. На стр. 444 герой романа говорит: „Я должен заявить, что царь не единственная цепь, связывающая народ, он только первое и ближайшее звено, от которого надо освободить народ". В том же духе вся книга, стр.: 22, 25, 34, 43, 48, 51, 64, 77, 78, 79, 80, 81, 99, 101, 102, 124, 125, 142, 147, 155, 158, 159, 182, 183, 184, 190, 198, 200, 222, 223, 276, 277, 356, 357, 380, 444, 445, 446, 448, 451, 458, 460.

Полагаю книгу запретить».

Резолюция: «Запретить и не выдавать».

Русское издание повести «Мать» (XVI, XVII и XVIII сборники т-ва «Знание» за 1907 г.), как известно, подвергалось запрещению за «полное, ясно выраженное сочувствие автора идеям социалистического учения и выведенным в повести пропагандистам этого учения». — См. Главное управление по делам печати, I отделение, 1907, д. № 385.

«МАТЬ»

Из доклада цензора Г. К. Чарыхова 18 июня 1908 г. об армянской газете «Айреник» [Бостон], 1908 г., №№ 19, 20, 21 22, содержащих повесть М. Горького «Мать»

Рапорты за 1908 г., № 4496

«Газета эта, по всему видно, революционного направления. Во всех этих нумерах помещен фельетон „Майр" (Мать) Максима Горького, перевод с русского („Из жизни революционера")...

... Вышеприведенные в 4-х нумерах статьи заключают в себе все признаки преступлений, квалифицируемых статьями: 129, 103 уголовного уложения и 281, 279, 245 улож. о наказаниях, и поэтому газета эта запрещается».

Резолюция: «Запретить указанные №№».

«9 ЯНВАРЯ»

Доклад цензора Н. А. Васенцовича-Макаревича 15 сентября 1908 г. о книге М. Горького «Esclaves». Nouvelles récentes traduites d'après le manuscrit par S. Persky, Paris

Рапорты за 1908 г., № 6647

«Книжка эта представляет сборник рассказов, написанных Горьким в течение 1906 и 1907 гг. Переводчик снабдил их предисловием, в котором восхваляет автора, называя его непримиримым апостолом высокого идеала истины и справедливости (стр. 1). Все рассказы делятся на три части: в России (стр. 1—111), в Америке (стр. 113—224) и в Англии (стр. 225—260) В цензурном отношении заслуживают внимания лишь рассказы, помещен-

ные в первой части и относящиеся к эпохе революции в России, и из них главным образом первый, озаглавленный „Esclaves" [„Невольники"], каковое заглавие послужило общим оглавлением книжки.

Знакомясь ближе с этим рассказом, мы видим, что он еще носит другое заглавие, поясняющее самое содержание: „Souvenir du 9/22 janvier 1905". В действительности, это тот же самый рассказ, который под заглавием „9 января" запрещен был на русском языке по докладу ст. цензора А. А. Горянинова 19 сентября прошлого 1907 г. за № 6969. Этот же рассказ, как составная часть, входил в сборник рассказов Горького, изданный Бакаловым в переводе на болгарский язык и запрещенный комитетом по докладу моему от 6 февраля сего года, № 975.

Просмотрев французский перевод, я убедился, что он заключает в себе все то, что послужило основанием для запрещения русского подлинника, а потому рассказ этот подлежит безусловному исключению; но так как и другие рассказы из русской жизни обнаруживают симпатии автора к революционному движению, исключение же около трети всей книги представляется неудобным, то имею честь представить комитету о запрещении всей этой книжки».

Резолюция: «Запретить согласно докладу».

В сборник «Esclaves» («Невольники») вошли следующие рассказы М. Горького: «Старик», «Собака», «Мудрец», «Товарищ», «О сером», «Послание в пространство», «Патруль».

Сборник рассказов М. Горького, переведенных Бакаловым на болгарский язык, носил следующее название: «Горки (Максим). Мои-тѣ- интервюта. Девети януарий». Прѣвел Г. Бакалов, Стара-Загода, 1907 (Литературно-научна библиотека, № 2). Из входивших в состав его четырех рассказов: 1. Король, который высоко держит свое знамя. 2. Хозяева жизни. 3. Жрец морали. 4. Девятое января, — второй и третий не вызвали сомнений цензора, так как были разрешены на русском языке Первый, выставляющий германского императора Вильгельма II «в несколько карикатурном виде», по мнению цензора, мог быть дозволен, так как в нем «оскорбительного для его особы ничего не заключается». Запрещение всего сборника было вызвано нахождением в нем рассказа «9 января», составляющего более трети книги и потому не исключенного (см. рапорты за 1908 г., 975).

В связи с запрещением «9 января» на русском языке был запрещен перевод его и на литовский язык, под названием «Saussio devinta», Brooklyn, 1908 (см. рапорты за 1908 г., № 3616).

«МАТЬ»

Доклад цензора Г. К. Чарыхова 18 ноября 1908 г. об армянской газете «Манзумеи Эфкиар [Константинополь], 1908, № 2270, содержащей повесть М. Горького «Мать»

Рапорты за 1908 г., № 8298

«Манзумеи Эфкиар» издается в Константинополе, содержит в себе перевод с русского запрещенного произведения Максима

Горького „Товарищ!“ — „Мать“ (издание заграничное), поэтому и не может быть допущен к обращению внутри империи».

Резолюция: «Запретить весь номер».

Подобным же образом были запрещены другие попавшие в цензуру номера газеты «Манзумеи Эфкиар» (№№ 2236, 2238, 2239, 2241, 2242, 2243, 2245, 2247), в которых печаталась повесть «Мать». См. рапорты за 1908 г., №№ 7285, 7540 и 7541.

«9 ЯНВАРЯ»

Из доклада цензора Г. К. Чарыхова 15 декабря 1908 г. об армянской газете «Размик» [Филиппополь, Болгария], 1908, № 300, содержавшей очерк М. Горького «9 января»

Рапорты за 1908 г., № 9404

«№ 300 не может быть допущен к обращению внутри империи за помещенный в нем фельетон: „Описание 9-го января“ Максима Горького, в переводе, в котором приводится рассуждение окружившей дворец толпы с солдатами и фельдфебелем, предложившим толпе разойтись, так как царя нет.

„Как нет?“ — отвечает толпа. „Его давно нет для нас“, — раздался голос, — „он уж превратился в ничто по милости окружающих его...“

Далее идет беседа толпы с солдатами об обязанностях последних, конечно, превратно понимаемых первой...»

Резолюция: «Запретить оба номера».

«МАТЬ»

Из журнала заседания Варшавского комитета по делам печати (председатель Х. Эммаусский) 16 марта 1909 г.
Доклад цензора В. Ф. Модль о повести М. Горького «La mère»

Рапорты за 1909 г., № 2702

«Слушали... доклад младшего члена комитета Модль о рассмотренном им иностранном сочинении на французском языке Gorki (Maxime) „La mère“. Roman. Traduit d'après le manuscrit par S. Persky. Paris, pages XII + 397 in 16° [Горький (Максим). „Мать“. Роман. Перевод с рукописи С. Перского. Париж].

Полагаю запретить. Максим Горький в этом своем романе представляет читателю «не осведомленных» рабочих и представителей и агентов нашего правительства — все они люди-звери; с другой стороны, он восхваляет „осведомленных“ рабочих, которых деятельность направлена на ниспровержение существующего у нас государственного и общественного строя. Кроме того, Максим Горький позволяет себе порицать православную церковь и

оскорблять особу императора (1, 2 и 4 пункты 129 статьи уголовного уложения; 181 статья уложения о наказаниях, 103 статья уголовного уложения).

Комитет постановил: сочинение это запретить на основании 1, 2, 4, пунктов 103 и 129 статей уголовного уложения и 181 статьи уложения о наказаниях».

«ХОЗЯЕВА ЖИЗНИ».—«ПРЕКРАСНАЯ ФРАНЦИЯ».—«ОДИН ИЗ КОРОЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ».—«ЖРЕЦ МОРАЛИ».—«ТОВАРИЩ!».

Из журнала заседания Варшавского комитета по делам печати (председатель Х. Эммаусский) 19 мая 1909 г.
Доклад цензора С. Е. Ходака о книге М. Горького на разговорном еврейском языке «Interwius». New-Iork, 1908

Рапорты за 1909 г., № 4556

«Слушали... доклад состоящего в распоряжении комитета для рассмотрения изданий на еврейском языке С. Ходака о рассмотренном им иностранном сочинении на разговорно-еврейском языке (жаргоне): Gorki (Maxim). Interwius. New-Iork, 1908.

Книжка под заглавием „Интервью“ Максима Горького заключает в себе пять бесед, именно: „Хозяева жизни“, „Прекрасная Франция“, „Король республики“, „Жрец морали“ и „Товарищ!“.

В поименованных беседах Горький проводит ту мысль, что фабриканты, капиталисты и главы правления, пользуясь беспомощным положением рабочих, заставляют их работать и выжимают из них последний сок. Добытое рабочими посредством тяжелого и кровавого труда золото эти господа, властелины мира, употребляют на удовлетворение своих скотских страстей, на разврат, на все удовольствия жизни, в то время, когда рабочий люд чахнет, гибнет в нужде, в жизни, полной нищеты и печали... Горький упрекает Францию за то, что она снабжает русское правительство деньгами. Она, говорит он, дает займы русскому царю деньги, которые он употребляет на оружие, на ведение борьбы со своим народом, чтобы обратно возвратить себе подарок, который народ вырвал у него под страхом угроз. Благодаря этому золоту движение свободы задерживается. Вся русская земля стонет. Она покрыта кровью русского народа (стр. 39, 40). Фабрикант, король республики, стремится все больше и больше купаться в золоте, неге и разных удовольствиях жизни. Своих рабочих он держит во тьме, в фанатизме... По его мнению, религия хорошая вещь для рабочих. Он сам часто проповедует, пропагандирует ее между рабочими. Ад кромешный, учит он, ждет тех рабочих, которые лениво работают, крадут у хозяина рабочее время. Сам же он и многие ему подобные не веруют во Христа, так как Христос, по его мнению, незаконнорожденный (стр. 63). Осмеивая вся и

все, даже науку и искусство, насколько он не может извлекать для себя от них пользу, он не пожалел бы выписать из Европы 2—3 царей, которые бы в его присутствии, потехи ради, поколотили друг другу бока... Вообще Горький при всяком удобном случае возбуждает народ, рабочую трудящуюся массу к восстанию, советует сплотиться воедино на борьбу с бесправием, злом и с тираном. Он указывает, что созданные кровавым трудом рабочих дворцы, хоромы, роскошь, бархат, яства, золото — дело их рук, есть общее достояние рабочих.

На основании статьи 128 и пункта шестого 129 статьи я полагал бы книгу запретить.

Комитет постановил: сочинение это запретить на основании статьи 128 и пункта шестого 129 статьи уголовного уложения».

Статья 128 уголовного уложения определяла кару за «оказание дерзостного неуважения верховной власти» или «порицание установленных законами основными образа правления». Пункт 6-й статьи 129 предусматривал возбуждение вражды «между отдельными частями и классами населения, между сословиями или между хозяевами и рабочими».

«ЛЕТО»

Доклад цензора А. А. Горяинова 13 января 1910 г. о повести М. Горького «Лето». Bühnen- und Buchverlag russischer Autoren J. Ladyschnikow, Berlin

Рапорты за 1910 г., № 296

«В прилагаемом повествовании автор, по своему обыкновению, преподносит читателям свои пересказы на освободительные темы, причем в книжке, конечно, нет недостатка в суждениях социалистических, бунтовских и антимилитарных. Какой-то агитатор поселился на лето с фальшивым паспортом в деревне, скоро сошелся с наиболее дурными элементами, устраивал митинги, прятался от урядника, изображенного автором, кстати сказать, крайне непривлекательно, наконец попался и был отведен в тюрьму солдатами, которых по дороге старался взбунтовать. На стр. 63 имеются суждения бывшего солдата русско-японской войны такого склада: „Началась эта самая война — престол, отечество, то, сё — садись в скотский вагон!.. С год время ехали, под гору свалились... вот китайская сторона... смотрю, — да разве сюда за войной ездить? Сюда за умом... а не драться, да!" Далее тот же солдат рассказывает, что войска бунтовали в Сибири: „Грозного начальства не слушали мы, а их послушали (агитаторов)... нет начальства, все товарищи... оказана нам всякая забота... сыты... барыня молодая в очках... говорит: все от народа и вся земля народу!.. товарищи все, все дело взято в общие руки (стр. 65, 66)... брызнут змеиной своей слюной яростно... куда им (на-

чальство и благонадежные элементы) деваться, ежели народ на такой путь встанет (стр. 75)... мужику много крови и надо, всяк проходящий пьет из него, как из ручья" (стр. 79). Далее: „Насильничали солдатишки над ними. Девок перепортили почитай всех" и т. д. (стр. 89). „Когда нас будут тысячи и миллионы, мы без злобы возьмем за горло кого надо" (стр. 103). „Не на кого опереться начальству, и затеяло оно подкупить некоторых, да и спрятаться за спиной у них от судьбы" (стр. 117). На стр. 131 имеется рассказ о том, как солдаты убили какого-то бунтовщика слесаря, причем высказывается восхищение по поводу величия души покойного.

На стр. 77, 82, 83, 87, 116, 122, автор выражает свое сочувствие революционерству, отрицает законы, даже восхваляет Стеньку Разина и Емельяна Пугачева, духовных праотцев русской революции.

Полагал бы, что книжка должна быть запрещена в виду ее совершенно определенного направления, о чем имею честь представить комитету».

Резолюция: «Запретить».

«ЖИЗНЬ НЕНУЖНОГО ЧЕЛОВЕКА»

Доклад цензора Н. А. Васенцовича-Макаревича 24 февраля 1910 г. о романе М. Горького «L'espion». Traduit d'après le manuscrit russe par Serge Persky. Paris. Париж [«Шпион». Перевод с русской рукописи С. Перского. Париж]

Рапорты за 1910 г., № 1370

«В новом романе Горький рисует жизнь крестьянского мальчика сироты, Евсея Климкова, попавшего в шпионы, т. е. в агенты охранной полиции. Полузабитый в семье дяди Климков отдан был в книжный магазин букиниста Распопова, который вместе со своей сожительницей Раисой и любовником последней Доримедонтом состоял в шпионах и занимался провокацией молодежи, снабжая ее запрещенными книжками и выдавая затем полиции. После того, как Распопов был убит своей любовницей, успевшей изнасиловать и Климкова, а Доримедонт сначала избит революционерами, а впоследствии и убит ими, Евсей, сбитый с толку, что хорошо, а что худо, сам попадает в агенты охранной полиции. Он дебютировал предательством хорошего человека, приютившего его у себя. Тот выражал желание обратиться к государю с письменной просьбой войти в бедственное положение народа и разделить между бедными свои богатства. За такие добрые мысли хорошего человека, конечно, забрали и припрятали. Занимаясь шпионством, Климков, однако, постоянно мучился угрызениями совести в борьбе между началами добра и зла. Когда наступил 1905 год, то Клим-

ков окончательно растерялся: начальство его широко стало заниматься провокацией, призывая народ к избиению революционеров, которые как будто желали только добра тому же народу. Ничего не понимая, но вечно чего-то боясь, Евсей решил повеситься, а когда и это ему не удалось, то бросается под поезд. Последними словами его было признание в своей вине.

Автор задался целью нарисовать всю грязь шпионства и провокации, с одной стороны, и благородство революционеров — с другой. И сами шпионы — те же дети русского народа — попадают на эту дорогу совершенно бессознательно, а когда познают весь ужас своего положения, то им ничего уже не остается, как покончить со своей несчастной жизнью.

Такая тенденция романа уже затрудняет его дозволение, а так как автор при всяком удобном случае упоминает о царе, о намерениях революционеров относительно его особы и дает понять, что все, что делается худого в России, то делается во славу царя и по его приказанию, то ясно, что книжка подлежит запрещению.

В подтверждение сказанного, укажу лишь те места книги, в которых упоминается о государе императоре.

На стр. 114—115 приводится текст письма к государю, а на стр. 116 и заключение: „Nous devons déclarer franchement au tzar: tu es le père du peuple, tu es riche, donne donc les richesses, que tu as amassées au peuple, etc.“ [„Мы должны сказать ему прямо: ты отец народа и ты богат, отдай же народу твоему богатства, накопленные тобою“].

На стр. 120—121 обсуждается тот же вопрос с указанием; что „le tzar a des centaines de millions et nous, nous crevons de faim“ [„у царя тысячи миллионов, а мы издыхаем от голода“].

На стр. 130 упоминается о намерении будто бы иноземцев поднять революцию, „détrôner le tzar“ [„свергнуть царя“].

На стр. 166 приводится провокационная речь агента о революционерах, которые говорят о бедном народе, „qu'il faut soulever contre notre empereur“ [„что нужно поднять его против государя нашего“].

На стр. 184 тоже говорится по поводу известной манифестации народа 9 января 1905 г. „On avait resolu de tuer le souverain“ [„решили убить государя“].

На стр. 190—191 описывается самая манифестация и пересуды в кухне по этому поводу, причем рассказывается, как некий старец „se mit à parler des généraux, des ministres, du tzar lui-même sans se gêner, comme il pensait“ [„начал говорить о генералах, о министрах, о самом царе без стеснения, как думал“].

В виду изложенного, со своей стороны, полагаю, что книжка эта не только должна быть запрещена, но и не выдаваема по просительным запискам».

Резолюция: «Запретить и не выдавать».

«ЛЕТО». — «СОЛДАТЫ»

Доклад цензора Н. А. Васенцовича-Макаревича 22 июня 1911 г. о книге М. Горького «Dans le peuple. Les soldats». Traduit d'après le manuscrit par Serge Persky. Paris [«В народ. Солдаты». Перевод с рукописи С. Перского Париж]

Рапорты за 1911 г., № 5439

«В этой новой книжке Максим Горький изображает деятельность и мытарства пропагандиста, посланного в народ партией социалистов-революционеров для приготовления почвы к выступлениям народа против существующего государственного и общественного строя.

Пропагандист под именем Трофимова поселился в деревне, свел знакомство с более развитыми молодыми парнями и через них стал распространять идеи о притеснениях народа со стороны правительства и необходимости народу самому постоять за себя. В конце концов его, конечно, арестовали, но, будучи даже под стражей, он продолжает влиять на солдат, которые будто бы весьма благосклонно относятся к идеям политического преступника, сочувствуют ему, но лишь боятся проявить свои чувства перед начальством. Убежденный, что солдаты на стороне народа, Трофимов торжественно восклицает: „Réjouis-toi, auguste et bien aimé peuple russe! La résurrection est proche!“

[„Радуйся, священный и возлюбленный народ русский! Воскресение близко!“] (стр. 240).

Как бы продолжением этого рассказа служит другой под заглавием „Les soldats“. Здесь некая сельская учительница, Вера, задалась рискованным предприятием вести пропаганду среди местных солдат. Относившиеся сначала к ней с недоверием, солдаты собирались слушать речи Веры на полянке в лесу и мало-помалу проникались ее идеями. В конце один из самых революционно настроенных солдат, Авдеев, благодарит Веру за ее проповеди, в которых ей удалось „expliquer les choses de manière à ce que chacun se rende compte par soi même que le devoir est de combattre ce qui existe parce que tout ce qui existe dans la vie est dirigé contre l'homme“ [„Объяснить вещи таким образом, чтобы каждый дал себе отчет, что долг его бороться против существующего, потому что существующее направлено против человека“. У М. Горького: „объяснить так, чтобы уж я сам видел, что для меня нет другого пути, как против всего в жизни, совершенно против всего, как все против меня в ней поставлено“] (стр. 286).

Общий характер этих двух рассказов, конечно, с цензурной точки зрения, вполне предосудителен, но в них можно, кроме того, указать целый ряд мест, в которых развиваются социалистические и революционные идеи, описываются жестокости русского правительства по отношению к народу и возбуждаются сол-

даты к неповиновению своему начальству. Все это можно найти на стр. 17, 47—48, 78, 81, 83, 93, 99, 101, 103—106, 110, 123, 130, 134, 140, 143, 158, 176, 235, 240, 243, 246, 248—251, 277, 280, 286.

В виду изложенного, имею честь представить комитету о запрещении этой книжки».

Резолюция: «Запретить».

Слово «социалисты-революционеры» не нужно понимать в смысле точного определения политической партии. Терминология цензоров в этом отношении отличалась большой наивностью. Так, до начала XX в. они нередко говорили о «нигилизме» и «нигилистах».

«ЖИЗНЬ НЕНУЖНОГО ЧЕЛОВЕКА»

Доклад цензора Э. Г. Курца 6 октября 1911 г. о романе М. Горького «Der Spitzel». Einzig autorisierte Übersetzung von Fred M. Balte, Berlin [«Шпион». Единственный авторизованный перевод Ф. М. Балте, Берлин]

Рапорты за 1911 г., № 8813

«В означенном романе, изображающем судьбу одного сыскного агента, следующие места обращают на себя внимание цензуры:

На стр. 135 и 140—142 речь идет о том, что все бедствие русского народа происходит от бедности. „Почему, говорится, царь не противодействует этой бедности. Она представляется корнем всех бредней и вражды народа к царю. Царь богат и у него тысячи миллионов, а народ беден и умирает с голоду. Поэтому, царь должен уступить собранное им богатство народу; тогда все будут сыты и добры".

На стр. 184 один из агентов жалуется: „Если вы так чрезвычайно дорожите самодержавием, то вам приходится не жалеть денег. За несколько жалких грошей я не продам своей гордости самодержавию, чорт его побери".

На стр. 219—222 автор, упоминая о несчастном исходе крестного хода, устроенного священником Гапоном, приводит разные выражения негодования публики, например: „Полиция знала обо всем и никто не мешал народу. Люди идут, идут — и вдруг солдаты палят в них". „По целым дням избивали людей насмерть, представь себе! Что это? Ведь, это значит: народ дальше не нужен, надо истребить его" (см. стр. 220 и стр. 213, 216 и 219).

На стр. 222 говорится: „Везде появились прокламации, в которых революционеры, описывая кровавые дни С.-Петербурга, ругали царя и советовали народу не верить правительству". „В манифесте царя о призыве Государственной думы они видели лишь попытку (опыт) успокоить взволнованный народ, чтобы впоследствии тем лучше обмануть его" (стр. 296).

На стр. 332 говорится об „обманутом царе".

На стр. 337—339 автор рассказывает о так называемой контрреволюции, будто бы организованной правительством и говорит: „С раннего утра оборванные мужики толпами шли с портретом царя по улицам и избивали всех прилично одетых людей“ (стр. 337).

„Пока наше правительство будет иметь солдат, полицейских чиновников и сыщиков, без борьбы и кровопролития оно не уступит своих прав народу и обществу“ (стр. 339).

В виду упомянутых цензурных отзывов, разбираемый роман, французский перевод которого уже подвергся запрещению (1910 г., № 1370, Васенцович-Макаревич), также и на немецком языке не может быть допущен к обращению в публике».

Резолюция: «Запретить».

Русское издание этого произведения, носящего в оригинале название «Жизнь ненужного человека», также подвергалось цензурному запрещению. В 1914 г. С.-Петербургским комитетом по делам печати был наложен арест на эту книгу, выпущенную книгоиздательством «Жизнь и знание». По определению С.-Петербургской судебной палаты была уничтожена часть ее от слов «Ну начинай...» (стр. 138) до конца книги, так как во всей этой части были усмотрены возбуждение «к учинению бунтовщического деяния», оказание «дерзостного неуважения верховной власти» и оскорбление войска (т. е. применены пункт 1 ст. 129 и ст. 128 уголовного уложения и ст. 1034 — уложения о наказаниях). См.: Главное управление по делам печати, I отделение, 1914, д. № 80.

«О КИШИНЕВСКОМ ПОГРОМЕ»

Доклад цензора А. А. Горяинова 8 февраля 1912 г. о сборнике „Кишинев“, № 1, август, под редакцией И. Сукенникова и И. М., при участии М. Горького, Berlin — Charlottenburg, 1903

Рапорты за 1912 г., № 1120

«Этот сборник состоит из статей М. Горького, Л. Толстого, некоего еврея Сукенникова и друг. Статьи эти весьма революционны, в доказательство чего приведу несколько выдержек: „Люди, считающие себя христианами... убивают детей и стариков, насилуют женщин, пытают и грабят людей того племени, которое дало им Христа (стр. 1)... Виновник не только кишиневских ужасов... одно правительство...“ (стр. 12).

„Я... испытал... чувство... ужаса перед главным виновником... нашим правительством с своим одуряющим и фанатизирующим людей духовенством и с своей разбойничьей шайкой чиновников“ (стр. 14).

„...Министр внутренних дел... заявил... что... юдофобом... прежде всего... является сам Николай II... Не считаем Николая II способным мыслить настолько самостоятельно, чтобы даже причислить себя к юдофобам. До чего эта личность безвольная, серенькая, бесхарактерная и т. д. Николай II юдофоб по-

тому, что фон-Плеве юдофоб и потому, что императрица Мария Федоровна... не любит евреев...“ (стр. 16, 17).

„...Русское еврейство должно поднять сильную, отчаянную борьбу против царизма... на травлю нужно отвечать... травлей же... за око еврейского гражданина вырвать два ока у царизма... перейти в борьбе с царизмом в наступательную позицию“ (стр. 31, 32).

Подобные же выражения, относящие сборник к подпольным изданиям, имеются на стр. 11, 15, 27, 28, 30, а потому он подлежит запрещению, о чем имею честь представить комитету».

Резолюция: «Запретить».

«ОДИН ИЗ КОРОЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ»

Доклад цензора М. И. Пукитс 2 апреля 1914 г. о книге М. Горького «Üks wabariiklaste kuningas», Interwiue. Eestikeelde A. Pursalu, America Eesti Kirjastuse Osaühisuse trükikoda. New-Iork, 1910 [«Один из королей республики». Интервью. На эстонский язык перевел А. Пурсалу. Типография товарищества эстонского издательства в Америке, Нью-Йорк, 1910]

Рапорты за 1914 г., № 2741

«...Во второй брошюре Горький называет королем республики американского миллионера, с которым он беседует и который на вопрос Горького, что он делает со своими деньгами, отвечает, что он ими производит новые капиталы. Он имеет железные дороги, на которых возит на рынок продукты фермеров, давая последним за их товар лишь столько, сколько нужно для того, чтобы они не умирали от голода. Остальное он берет себе. Эксплуатацией он это не считает; эксплуатацией, по его мнению, является требование повышения заработной платы и забастовка рабочих. Для устранения последних явлений необходимо хорошее правительство, которое должно заботиться о том, чтобы всегда имелось нужное количество порядочных рабочих. Правительство должно нанимать ученых, которые научили бы народ почитать законы. По недостатку ученых могли бы и солдаты обучать народ. Тогда не было бы социалистов и забастовок. Все члены правительства должны состоять акционерами промышленных предприятий, тогда они лучше понимали бы, в чем заключаются выгоды и интересы страны. Религия, по мнению миллионера, для бедных людей безусловно необходима. Рабочим очень полезно верить, что после жизни здесь на земле, полной всяких лишений и страданий, бог их богато вознаграждает на небе. Жизнь на земле — это чистилище (пургаторий), и чем больше кто страдает на земле, тем блаженнее он будет на небе. Миллионер считает себя истинным христианином, но, как человек строго нравственных взглядов, отказывается верить в Христа. Ибо Христос — ба-

стард, а в Америке бастарды не могут занимать государственную должность, тем менее быть богами. В заключение миллионер спрашивает, нет ли в Европе лишних королей; и когда Горький отвечает, что, по его мнению, все они лишние, то миллионер просит прислать ему двух венценосцев для забавы.

В виду явной преступности содержания обеих означенных брошюр считаю необходимым запретить их».

Резолюция: «Запретить».

«РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА». — «ЖЕНЩИНА». — «ГУБИН». — «КАЛИНИН»

Доклад цензора В. Д. Смирнова 16 июля 1914 г. о книге М. Горького «Wie ein Mensch geboren war». Novellen. Verlag J. Ladyschnikow. Berlin

Рапорты за 1914 г., № 6907

«Под этим общим заглавием в действительности состоит пять отдельных рассказов, в которых обращают на себя внимание цензуры некоторые места, не совсем удобные в известных отношениях, а именно:

1) На стр. 85 есть выражение: „Милый бог плюет на вас“.

2) На стр. 157 одно из действующих лиц говорит другому бородатому: „Петр великий и Николай I-й были все-таки несколько умнее тебя и издали закон, чтобы всякому, кто носит бороду, отрезывать нос и взимать с него денежный штраф в 100 руб.“... Лживая и потому неприличная выходка относительно двух императоров, хотя бы и давнишнего времени.

3) На стр. 123 в описании внутренности одной церкви говорится в глумливом тоне, что она носит имя княжеской церкви: в ней покоятся останки одной православной древней княжеской четы, которая имела резиденцию в (описываемом) городе: в жизнеописании высокой четы значится, что она целую свою жизнь провела „в сердечной, непоколебимой любви“.

4) На стр. 196 читаем следующее кощунственное выражение: „А разве бог Саваоф не достаточно тоже терпел от иудеев! А все-таки он выбрал иудейку в матери Иисусу“.

5) На стр. 223—225 евангельское сказание об искушении спасителя передается устами одного действующего в рассказе лица в неподобающем относительно Иисуса Христа тоне: там он все смеется, а еще раньше (на стр. 218) также банально ведется разговор об Иисусе Христе, именно об изгнании им торговцев из храма.

Полагаю, что вышеозначенные места едва ли могут быть оставлены в книге без исключения из нее».

Резолюция: «Исключить страницы 195—196».

Приведенные цензором «не совсем удобные места» взяты им из следующих произведений: первое — из рассказа «Женщина», второе, третье и четвертое — из рассказа «Губин» и последнее — из рассказа «Калинин». См. М. Горький, Собрание сочинений, 2-е изд., ГИЗ, 1933, т. XIII.

II. ОТЗЫВЫ ЦЕНЗУРЫ ОБ ИНОСТРАННЫХ ИЗДАНИЯХ, ПОСВЯЩЕННЫХ М. ГОРЬКОМУ

«RECLAM'S UNIVERSUM»

Доклад цензора Ф. И. Ламкерта 18 июня 1901 г. о заметке по поводу ареста М. Горького, помещенной в журнале «Reclam's Universum» 1901 г., № 43

Рапорты за 1901 г., № 5099

«Имея в виду, что почтовая цензура не пропускает известий об аресте Максима Горького, имею честь представить на усмотрение комитета помещенный на 1-й странице этого журнала портрет Горького, с подписью „Der russische Schriftsteller Gorki, der sich zur Zeit im Gefängniss befindet" [„Русский писатель Горький, находящийся в настоящее время в заключении"] и строки 1—19 в столбце 593 и 1—9 сверху в 594, в коих сообщается об обстоятельствах, вызвавших его арест (речи революционного характера во время увеселительной поездки по Волге)».

Резолюция: «Комитет постановил исключить места на столбцах 593 и 594».

Почтовая цензура состояла при Главном управлении почт и телеграфов и занималась просмотром тех периодических изданий, которые получались подписчиками через почту.

Арест М. Горького был произведен 17 апреля 1901 г. в Н.-Новгороде в связи с участием его в революционной пропаганде среди сормовских рабочих.

Е. ДИЛЛОН. «МАКСИМ ГОРЬКИЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНИЯ»

Доклад цензора В. И. Штейна 28 июля 1902 г. о книге: E. J. Dillon «Maxim Gorky, his Life and Writings». London, 1902

Рапорты за 1902 г., № 5649

«Если автор в иных местах книги и дает совершеннно верную оценку Горькому, за которым признает значительное однообразие таланта, то выдаваемое им за жизнеописание русского романиста фактически сомнительно, так как, помимо автобиографии Горького, Диллон произвольно пересаживает туда разные эпизоды из его повестей, раз натыкается на то, что рассказ ведется в первом лице.

Что в цензурном отношении важнее, это ряд оценок, какие Диллон делает русскому культурному обществу, те сведения, ка-

кие он сообщает о восторженном преклонении русского народа перед Горьким, то, что он сообщает об аресте Горького и т. п.

Вышеозначенные места имею честь представить на усмотрение комитета — стр. 36—37, 64—65, 107—108, 113—114, 116, 117—118, 120, 122, 123, 125—127, 129, 131—135, 137—138, 152, 159, 160, 283—4, 287, 288, 289, 290—91, 313, 331, 349 и 382.

Я полагал бы, что книгу Диллона следовало бы воспретить уже по одному тому, что ярые почитатели Горького не преминут делать из нее обильные цитаты, которые могут только повести к криботолкам, не говоря о том, что это может только способствовать к вознесению Горького еще на более высокий пьедестал, куда его не по заслугам иные втащили, не замечая вовсе того, что пресловутые открытия „малярного цеха подмастерья" сводятся к рассказыванию своими словами наиболее резких и крайних парадоксов Ничше.

В заключение рапорта привожу в переводе те страницы сочинения Диллона, на которые выше сделаны ссылки».

Резолюции: 1) «Запретить согласно докладу». 2) «Книга Dillon „Maxim Gorky" передана мною цензору Ламкерту для нового рассмотрения 9 августа до подписания журнала и приведения в исполнение решения комитета 7 августа».

Переведенные цензором В. И. Штейном «сомнительные» места из книги Диллона полностью нами не приводятся. Часть их, признанная иностранной цензурой «предосудительной» и подвергнутая исключению, дана в примечании к следующему документу.

Е. ДИЛЛОН. «МАКСИМ ГОРЬКИЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНИЯ»

Доклад цензора Ф. И. Ламкерта 7 августа 1902 г. о книге: E. J. Dillon «Maxim Gorky, his Life and Writings». Isbister and Company Limited, London, 1902

Рапорты за 1902 г., № 6085

«Диллон резко отличает две стороны в сочинениях Горького: художественное воспроизведение природы и типов и политические тенденции, коими пропитано большинство его рассказов. Автор рассматриваемой книги является безусловным поклонником художественного таланта Горького, особенно ярко проявляющегося в умении гармонично связывать непритязательное действие с поэтическим описанием природы и ее влияний. В особенную же заслугу ставит он ему уменье и в самом отъявленном негодяе показать читателю тлеющуюся где-то в глубине души искру божию и тем вызвать в нем добрые чувства. Но, разумеется, не разбор художественных достоинств и недостатков Горького должен интересовать цензуру в добросовестном и обстоятельном труде Диллона, а его отношение к политическим и общественным

идеалам, носителями которых являются герои Горького. Прежде чем перейти, однако, к этому вопросу, интересно отметить, что Диллон упрекает Горького в подчинении художественного своего таланта служению политическим целям, а также русское общество, которое вознесло Горького именно за служение тем политическим идеалам, которые, как мы увидим дальше, особенно ненавистны практическому уму Диллона и его понятиям о культурности; он возмущается при одной мысли о возможности торжества горьковского босяка (115).

О самих героях Горького Диллон говорит, что они тщетно подкапываются под общественный строй, который достаточно крепок, чтобы устоять против всех их нападений, и иронизирует над безрассудной щедростью, с которою Горький изливает свои симпатии на выводимых им босяков (227). Эти босяки представляются Диллону в большинстве случаев не типами, не реальными фигурами, а куклами, в которые Горький вложил частицу своего собственного я, и заставляет их говорить о свободе, о которой они и понятия не имеют. Диллон отмечает всю фальшь приемов Горького и говорит, что свободолюбивые сверхбосяки разбираемого им романиста так же похожи на встречающихся нам в действительности босяков, как индеец Купера на истинного краснокожего (260—263). В действительности не любовь к свободе служит импульсом в босяке, а преграда, стоящая между ним и возможностью удовлетворения своих скотских страстей (265). Далее на той же странице Диллон говорит следующее: отверженные, судьбе которых Горький приглашает нас сочувствовать и стремлениями коих он хотел бы, чтобы мы восхищались, отделились от общества по собственной воле. Они ненавидят общество и готовы уничтожить его (265). Свобода для таких людей означает разнузданность, устранение как этических начал, так и социальных и географических границ. Но так как общество не хочет своего устранения, то они с отвращением и злобою выделяются из него, как преступники в Южной Италии, которые покидают место преступления, чтобы заниматься разбоем.

Наделять таких злодеев, говорит Диллон далее, стремлением к социальным целям или даже способностью к признанию какой бы то ни было организации значит принимать повальную болезнь за общественный идеал (266). Беспристрастный читатель не может не видеть, что реорганизация общества согласно идеалам преступных героев Горького столь же благодарная задача, как и витье веревок из песку (272). Даже анархия, которую могли бы вызвать эти герои, была бы лишь хаотическим беззаконием, которое повело бы к безграничному деспотизму одного (278). Для характеристики здравого взгляда Диллона на героев Горького нельзя не отметить, что он объясняет их появление даже не условиями общественного строя, а исключительно их добровольным оставлением общества. Картина этих беспокойных,

бессердечных, диких натур, голодных и разъедаемых болезнями, бродяжничающих и толкующих в промежутках между двумя припадками delirium'a tremens'a о благодати всеобщего умиротворения, такая картина слишком нелепа (grotesque), чтобы заслуживать серьезного обсуждения (281—282).

Я думаю, что и приведенных мною мест, а их можно было бы привести еще десятки, достаточно, чтобы убедиться, что Диллон не только не идеализирует Горького в его политических стремлениях, а резко и категорически осуждает его, объясняя преклонение Горького перед своими героями, наделенными идеалами самого автора, лишь отсутствием в Горьком положительных интеллектуальных идей, как обуздывающего элемента (290). Мало того, Диллон признает за Горьким большой талант, который мог бы, однако, выработать из него действительно великого писателя лишь в том случае, если б он предоставил политическую агитацию профессиональным демагогам (382).

Обращаясь затем к отдельным местам книги Диллона, которые заслуживали бы внимания цензуры, нужно прежде всего остановиться на страницах 36 и 37, где автор дает восторженную характеристику русского студенчества, преисполненного возвышенных порывов, готового пожертвовать всем на алтаре „милосердия и альтрюизма", явлений, известных Западной Европе лишь по воспоминаниям из времен пуритан и французской революции. Диллон не иллюстрирует, однако, этого своего взгляда какими-либо примерами, которые могли бы дать повод думать, что он расточает похвалу студенчеству за его антиправительственную агитацию. Характерно, что автор, в отличие от многих других иностранцев, во всей книге ни разу не только не намекает на жестокость правительства по отношению к студентам, — что, к сожалению, уже давно стало общим местом в иностранной прессе, а, как увидим ниже, даже подчеркивает гуманность правительства, проявленную им по отношению к Горькому.

Столь же мало предосудительного усматриваю я на страницах 64 и 65, где говорится о необходимости либеральных и даже радикальных идей в багаже русского писателя, ищущего популярности. Диллон замечает по поводу этого иронически, что писатель, который пренебрег бы этим требованием, должен бы быть наделен умом гения или же мужеством мученика. Подобная же мысль неоднократно высказывалась на страницах нашей консервативной прессы и поэтому указание на эти страницы, как на предосудительные буйные рассуждения, я считаю лишь случайным недоразумением. На стр. 113—114 Диллон опять возвращается к деспотизму либеральной партии, иллюстрируя его примером консервативного Лескова, одного из даровитейших писателей второй половины XIX века, долгое время не признаваемого, так как он не хотел облачиться в либеральную ливрею. На стр. 122, 123, 125—127 дается краткая картина народничества

и марксизма, причем объясняется успех Горького не только у представителей того или другого направления, но и у консерваторов, причем на одной из этих отчеркнутых страниц (125) говорится по поводу пленяющих марксистов босяков Горького буквально следующее: „На диких бойцов за безнадежное дело, в которых Горький без отвращения олицетворяет и себя, он изливает свои симпатии". Подобное место, с цензурной точки зрения, казалось бы могло бы быть отмечено, как рекомендующее благонамеренность автора.

Перехожу к страницам 131—135, в которых описывается участие Горького в протесте против способов подавления студенческих беспорядков, его арестование и отправление в Крым. Описание это отличается объективностью, автор указывает на влияние, которое Горький приобрел на молодежь, и, если вспомнить его отрицательное отношение к исповедуемым Горьким политическим убеждениям, то в сообщении об аресте Горького читатель не может усмотреть акта правительственного произвола, а меру, необходимую для поддержания порядка, убежденным поборником которого является Диллон. Тут я считаю нужным сделать маленькую поправку к докладу первого референта. Строки на стр. 133 „But the authorities, who have more than once shown their consideration for light literary gifts, were maligned by these premature reports" не заключают в себе упрека русскому правительству „в бесславном поступке", а буквально значат следующее: „Но власти, которые не раз обнаруживали свое уважение к писателям, раздражались этими преждевременными толками". При этом подчеркивает уважение, которое русское правительство проявляет к талантам, проявившееся в данном случае в освобождении Горького из-под ареста и в дозволении ему, по его просьбе, отправиться на юг для лечения. Одно выражение лишь я могу отметить во всем этом описании, как особо резкое, а именно „brutal conduct of the police", — зверское поведение полиции, — но действительно ли оно заслуживает цензурной кары после того, как поведение полиции при усмирении студенческих беспорядков навлекло на себя порицание с высоты престола. Столь же мало заслуживает, по моему мнению, цензурного преследования упоминание избрания Горького в почетные академики. Фактическая сторона известна всем по правительственному сообщению и поэтому не подлежит запрету, комментарии же Диллона архицензурны, он обращает внимание читателя на курьезный факт возможности избрания в члены высшего ученого учреждения бывшего бродяги, находящегося под надзором полиции.

...В виду вышеизложенного я не только не нахожу поводов к запрещению или исключению отдельных мест в книге Диллона, но признаю ее распространение полезным в смысле отрезвления той части общества, которая по ироническому замечанию Диллона признала в Горьком какого-то нового мессию».

Резолюция: «В заседании 13-го августа комитет решил предварительно представления книги Dillon „Maxim Gorky" в Главное управление по делам печати выслушать представленные цензором Штейном в русском переводе места, указанные в его докладе, и по выслушании таковых постановил допустить названное издание к обращению в публике с исключением страниц 135—138».

Приводим в переводе цензора В. И. Штейна места, исключенные иностранной цензурой из книги Диллона в 1902 г.

«...Во время студенческих волнений 1901 г. и последующего заключения Горького распространились слухи, будто горемычный этот бродяга будет водворен для жительства на север России или даже в Восточную Сибирь, не столько из-за наличных проступков, так как в совершении их можно было усумниться, но в предупреждение того, что он мог бы и, пожалуй, действительно предпринял бы, так как влияние Горького на массу во истину идет далеко.

Власти, которые неоднократно проявляли уважение к выдающимся литературным талантам, на сей раз были вовлечены преждевременными сплетнями в бесславный поступок (were maligned).

Пешков, здоровье которого за последнее время было поколеблено (у него, по слухам, замечались симптомы начинавшейся чахотки), был освобожден полициею, и на просьбу о позволении провести зиму в более теплом климате Крыма, ему дано было условно разрешение. В Нижнем Новгороде, его родине, Горькому был дан обед по случаю освобождения из тюрьмы; здесь произносились красноречивые речи, преподносились адреса, произносились тосты и разыгрался целый ряд церемоний, которыми сопровождаются только чествования первостепенных сановников империи.

Даже обитатели тюрьмы приняли заочно участие в этом празднестве и прислали письменное приветствие Горькому с воспроизведением темницы, которую он за несколько месяцев пред тем (летом 1901 г.) освятил своим в ней пребыванием.

Когда, наконец, Горький и его семья заняли места в поезде, имевшем их доставить в Москву для дальнейшего путешествия на юг, то тысячи провожавших запрудили железнодорожную платформу, и громовые приветствия явили свидетельство неудержимого восторженного поклонения народа пред личностью того, кого народ признает за провозвестителя нового порядка вещей.

Тем временем и в Москве делались тщательные приготовления к устройству величественных оваций в честь преемника Толстого. Общественная демонстрация, не виданная по величию, подготовлялась спешно. Пешков имел совершить триумфальный въезд в златовенчанную столицу, восторженное студенчество собиралось на себе везти его экипаж и приветствовать борца за свободу мысли и нескованного путами слова.

Но не для этого разрешили власти Пешкову предпринять затеянное путешествие. Власти в свою очередь не дремали, сплетая свои ковы. На небольшой станции, где поезд останозился пред прибытием в древнюю столицу, два жандарма вошли в купе, которое занимал Пешков с семьею, и окликнули его по фамилии. — „Я тут" — заявил Горький. — „Так вы — Пешков?" — переспросили жандармы. — „Да, я самый он и есть!" — отвечал писатель. — „Вы должны здесь выйти и отправиться прямо в Подольск?" — „Нет, я хочу ехать в Москву. Вот выданное мне разрешение. Я имею много причин желать побывать в Москве, между прочим затем, чтобы посоветоваться с специалистом. Я..." — „Все это мы знаем, но мы имеем распоряжение не допускать вам въезд в Москву. Угодно вам сойти с поезда?" — „Нет, я не хочу этого, но вы вольны прибегнуть

к насилию". — „Прекрасно, в таком случае вы арестованы. Потрудитесь выйти и следовать за нами!"

Таким образом словно губкою была стерта подготовлявшаяся овация, и Пешков был увезен в Подольск (стр. 131—135).

...За исключением непродолжительного периода времени, в течение которого Горький подвергся заключению в Нижнем летом 1901 г., в области внешних событий его жизни разыгрывалось не многое, что достойно отметки,— жизнь Горького за последние годы и этапы дальнейшего его умственного развития отмечаются лишь новыми рассказами, поэмами и все более горделивыми планами.

Его популярность, оставляющая в тени все в этом отношении пережитое русскими писателями, здравствующими и покойными, достигла 6 марта 1902 г. высшего официального признания, когда состоялось его избрание в члены императорской Академии Наук — высшая почесть, какая достижима для писателя в России.

Курьезный луч света проливает на противоречивые течения, втихомолку пробивающие себе путь под невозмутимою гладью русского общества, тот факт, что высший арсенал словесности мог возвести на эту высоту экс-бродягу, состоящего под полицейским надзором и являющегося больною занозою, колющею в бока правительство царя. Эти выборы, впрочем, были немедленно кассированы правительством на том основании, что члены Академии не знали, что натворили, — действительно, те не знали, что Горький состоит под надзором полиции (стр. 137—138)». — См. рапорты за 1902 г., № 5649, лл. 754—756.

Пропущенная в 1902 г. с исключением нескольких листов книга Диллона в 1906 г. была разрешена полностью «в виду новых условий деятельности печати в России». Имелись в виду те «реформы» в области цензуры, к которым правительство было вынуждено ходом революции и в связи с которыми было предписано заново пересмотреть все решения цензуры о запрещении заграничных изданий. — См. рапорты за 1906 г., № 7038.

«*DAS NEUE BLATT*»

Доклад цензора Ф. И. Ламкерта 21 января 1903 г. о статье, посвященной М. Горькому и помещенной в журнале «Das neue Blatt», № 4 [без указания года]

Рапорты за 1903 г., № 721

«На страницах 59—62 помещена заметка, посвященная Максиму Горькому. Говорится о преследованиях, которым он подвергается будто бы со стороны русского правительства, о шпионстве, установленном за всеми его действиями. Весь тон заметки крайне тенденциозен и рассчитан на возбуждение симпатий к Горькому и отвращение к вымышленным автором действиям наших властей, в виду чего я полагал бы необходимым указанную статью подвергнуть исключению».

Резолюция: «Исключить на странице 59 согласно докладу и отрезать страницы 61—62».

«DEUTSCHER HAUSSCHATZ»

Доклад цензора Ф. И. Ламкерта 5 февраля 1903 г. о статье, посвященной М. Горькому и помещенной в журнале «Deutscher Hausschatz», вып. 6 [без указания года].

Рапорты за 1903 г., № 1090

«Статья „Maxim der Bittere“ [„Максим Горький“] (251—253) посвящена биографии Максима Горького и краткому разбору его рассказов. Она в целом не представляет чего-либо нецензурного, но я не могу не обратить внимания комитета на вступительные 8 строк и заключительные строки, в которых в резких выражениях говорится о его исключении из числа академиков.

Указанные места, по моему мнению, подлежат исключению».

Резолюция: «Исключить согласно докладу на странице 251 во втором столбце строки 21—29 сверху и на 253 стр. во втором столбце строки 1—5 снизу».

«NARODNI LISTY»

Доклад цензора Н. А. Васенцовича-Макаревича 5 мая 1903 г. о пьесе М. Горького «Na dne zivota». Obrazy ve 4 jednánich. Z rustinv přeložil doctor B. Prusik. Mnichov, 1903

Рапорты за 1903 г., № 3499

«Книжка эта представляет чешский перевод пьесы Максима Горького „На дне“, дозволенной на русском языке. Но на нижней обложке помещена выписка из чешского периодического издания „Narodni Listy“ о значении М. Горького в русской литературе, причем между прочим говорится:

„Горький протестовал против грубости русских жандармов и солдат во время известных студенческих беспорядков, за что был подвергнут преследованию, но, в виду огромной популярности Горького, власти не решились довести преследование до конца, а причиняют ему разного рода неприятности, ограничивают его в правах жительства. Имя Горького обожается студенчеством и народом наравне с именем Достоевского. Когда Горький вынужден был оставить свой родной город, Нижний Новгород, то ему устроены были грандиозные овации: народ, дамы, студенты, мастеровые, чиновники — все провожали любимого писателя и громко выражали ему свое сочувствие“.

Признавая, что в приведенной выписке заключается косвенное осуждение действий русского правительства, со своей стороны,

я полагал бы книжку эту дозволить с исключением нижней обложки, о чем имею честь представить комитету».

Резолюция: «Исключить согласно докладу нижнюю обложку».

Чествования и проводы, устроенные М. Горькому при его отъезде из Н.-Новгорода 7 ноября 1901 г., были поставлены департаментом полиции на вид местной администрации и повлекли за собой отставку нижегородского полицеймейстера Яковлева. Для предотвращения демонстраций по пути следования М. Горького из Н.-Новгорода в Крым администрацией был принят ряд мер; тем не менее такие демонстрации состоялись и в Москве и в Харькове.

«FUNKEN»

Доклад цензора В. И. Росковшенко 16 марта 1905 г. о стихотворении Эдгара Стейгера «Gorki und der Zar» [«Горький и царь»], помещенном в журнале «Funken» [Leipzig], 1905, № 6

Рапорты за 1905 г., № 1963

«В этом нумере названного журнала внимание цензуры останавливают на себе два места: во 1-х, стихотворение под заглавием „Gorki und der Zar", написанное по поводу ареста Горького. Содержание этого стихотворения самое возмутительное. Начинается оно словами: „Gorki verhaftet". „Эту весть с быстротой молнии разнес телеграф по всему миру. Генерал Трепов играет всегда серьезно. Царя и бога он защищает пулями и штыками. Для народа Сибирь и эшафот. Для возмущенного духа цепи. — Пусть сволочь остается сволочью. Деспотия не нуждается в поэтах и мыслителях. Она кнутами усыпляет людей, а когда те желают проснуться, является палач. — Палач? Нет! По всей Европе из сотен тысяч глоток раздается крик мести, грозный подобно грому: «Остановитесь!» и он достигает до слуха палачей. Негодованием пламенеют многие тысячи душ. — Убить поэта? Что за подлое деяние! Они так же трусливы, как и кровожадны. — Пусть попробуют. Нет, эта глава Горького принадлежит нам всем. Назад! Кто до нее дотронется, тот да будет первым убит!" Таково в главных своих чертах это стихотворение, принадлежащее перу Эдгара Стейгера.

Во 2-х, в том же нумере помещена статья под заглавием — „Aus Nikis Notizbuch" [„Из записной книжки Ники"] (181—182 стр.), заключающая в себе глумление над русским царем Николаем II...

...Я полагал бы исключить названные — стихотворение и статью, но в виду неудобства исключения этих двух указанных мест из 6 нумера журнала „Funken", я полагал бы запретить весь этот номер, о чем имею честь представить Центральному цензурному комитету».

Резолюция: «Запретить весь номер».

Е. СЕМЕНОВ. «МАКСИМ ГОРЬКИЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНИЯ»

Доклад цензора Н. А. Васенцовича-Макаревича 4 мая 1905 г. о сборнике рассказов М. Горького «L'annonciateur de la tempête», Traduit et précédé d'une étude sur Maxim Gorky, sa vie, son oeuvre par E. Semenoff. Edition II, Paris, 1905 [«Буревестник». Перевод и введение, посвященное М. Горькому, его жизни и творчеству, Е. Семенова. Изд. 2-е, Париж, 1905]

Рапорты за 1905 г., № 3176

«Эта книжка заключает в себе перевод 10 рассказов Максима Горького, причем название первого рассказа „L'annonciateur de la tempête" [„Глашатай бури"] присвоено и всей книжке. Это сделано не без умысла: переводчик напирает на это название, желая одним словом охарактеризовать деятельность Горького. Мысль эта выяснена подробно в предисловии, составляющем целую треть книги.

Если не встречается затруднений к дозволению самых рассказов Горького, то о предисловии г. Семенова считаю необходимым доложить комитету.

В этом предисловии излагается биография Горького, которого переводчик ставит наравне с выдающимися европейскими писателями последнего времени, как: Золя, Мирбо, Франс, Толстой, Ибсен, Аннунцио. Слава Горького слагается, по мнению его, из трех элементов: таланта, описываемой среды и самой жизни Горького. Типы бродяг и босяков, по мнению переводчика, вымирают на Западе и широко развиваются на Востоке, благодаря „особым условиям русской жизни" (стр. 18). Это типы вовсе не отрицательные, а положительные, это осуществление идей Герцена, Чернышевского, Лаврова, Михайловского и Толстого, это типы борцов за свободу, которые в жизни носят имена Желябова, Михайлова, Перовской, Фигнер и т. д. (стр. 20). По поводу отношения Горького к еврейским погромам переводчик говорит: „L'antisémitisme en Russie porte la marque gouvernementale, adoptée par tout ce qui est réactionnaire, depuis le fonctionnarisme militant jusqu'à la presse rétrograde et nationaliste. Les événements de Kichineff et de Homel en sont la preuve sanglante".

[„Антисемитизм в России имеет правительственную марку, так как разделяется всеми реакционерами, от воинствующей бюрократии до консервативной и националистической печати. События в Кишиневе и Гомеле служат кровавым доказательством этого"] (стр. 29).

Если Чехов превосходно изобразил уснувшую русскую жизнь в мрачный период царствования Александра III, то Горький разбудил ее и торжественно ведет ее на борьбу, во имя лучших традиций прогресса, истины и справедливости (стр. 34).

На страницах 40—42 не без иронии рассказывается об участии Горького в последних событиях, повлекшем за собой его арестование; а затем по поводу неутверждения избрания его в члены академии говорится: „Le gouvernement a commis un acte illégal et a fait une déclaration fausse" [„Правительство совершило беззаконный акт и выпустило ложное сообщение"] (стр. 42—43, 44).

В заключение переводчик, ссылаясь на отзыв известного критика Стасова, называет Горького великим продолжателем дела лучших русских писателей с Толстым во главе. Счастье Горького в том, что ему пришлось быть свидетелем бури, о которой другие возвещали. Остается воскликнуть вместе с ним: „Пусть же буря разразится сильнее!" (стр. 76).

Из этих выдержек видно, что цель предисловия выяснить и, может быть, даже раздуть политическое значение Горького, как революционера, деятельности которого автор предисловия выражает свое полное сочувствие.

Полагаю, что едва ли комитет признает возможным дозволить некоторые из указанных мною мест; в случае же исключения нескольких мест, может быть, лучше было бы исключить все предисловие; но, так как оно составляет целую треть книги, то в последнем случае возникает вопрос, не запретить ли всю книгу.

Об изложенном имею честь представить на благоусмотрение комитета».

Резолюция: «Запретить в виду неудобства исключения предисловия».

В сборник вошли следующие рассказы М. Горького: «Песня о буревестнике», «Весенние мелодии», «В сочельник», «Перед лицом жизни», «Валашская легенда», «Погром», «Читатель», «О писателе, который зазнался», «Хан и его сын», «Человек».

М. АБЕЛЬ. «ПРЕДИСЛОВИЕ К РАССКАЗАМ М. ГОРЬКОГО»

Доклад цензора В. И. Кривоша 11 мая 1905 г. о рассказах М. Горького «Der Mensch» и «Das Lied vom Falken». Deutsch von M. Abel, Berlin [«Человек» и «Песня о Соколе»]

Рапорты за 1905 г., № 3475

«На стр. 3—5 предисловие переводчика М. Абеля к произведению Горького „Человек". В этом предисловии Горький выставлен любящим свое отечество борцом за счастье и свободу русского народа, и поэтому в глазах правительства он является бунтовщиком и посажен в тюрьму.

Предлагаю отрезать 3, 4 и 5 страницы, как содержащие неуместное осуждение действий правительства».

Резолюция: «Исключить предисловие».

Арест М. Горького 10 января 1905 г. нашел широкое отражение в заграничной печати, и все известия о нем тщательно процеживались цензу-

рой. Так, кроме помещаемых здесь документов, это отразилось и в ряде других. В журнале «Gross Gott», 1905, № 20, 12 февраля, при описании революционных событий в России упоминался арест «знаменитого Горького». Это описание, в том числе и упоминание об аресте М. Горького, было исключено Центральным комитетом иностранной цензуры (см. рапорты за 1905 г. № 1167). В литовской газете «Nauja Lietuwizka Ceitunga» (1905, № 11) среди других «предосудительных» статей цензором была отмечена также статья об аресте М. Горького в Риге и о доставлении его в Петербург. Эти статьи послужили основанием запрещения всего номера газеты (см. рапорты за 1905 г., № 1332).

«NIMM MICH MIT FÜR 5 PFENNIG»

Отзыв цензора В. И. Росковшенко 11 мая 1905 г. о рисунке, изображающем М. Горького и помещенном в журнале «Nimm mich mit für 5 Pfennig» (Berlin), 1905, № 25 [из доклада его о №№ 23—25 этого журнала за 1905 г.]

Рапорты за 1905 г., № 3356

«В этих нумерах названного журнала обращают на себя внимание цензуры следующие рисунки: ... в № 25, рисунок на 8-ой странице, изображающий писателя М. Горького в Петропавловской крепости, под арестом. В надписи, находящейся под этим рисунком, говорится о жестоком обращении русских властей, приведших его на край смерти».

Резолюция: «Исключить указанные места и рисунки».

ОСКАР БЛЮМЕНТАЛЬ. «О СЕМ И О ТОМ»

Из доклада цензора В. И. Кривоша 15 марта 1906 г. о книге: Oscar Blumental «An diesen und jenen», Berlin, 1906

Рапорты за 1906 г., № 1620

«На страницах 69—75, 153 и 156 помещены стихотворения: „Den russischen Männern“, „Ein Brief Maxim Gorkis“, „Passrevision“, „Das russische Parlament“ и „Kischinew“ [„Русским ратникам“, „Письмо Максима Горького“, „Проверка паспортов“, „Русский парламент“ и „Кишинев“], которые содержат неуместную критику русских порядков.

В первом сказано, что герои на войне, отдающие отечеству все, получают от него — нагайку, иго рабства, ружейные залпы; они жертвуют своей жизнью для престола без милости.

Во втором Горький говорит, что, попав в треповский „ночлежный дом“ (т. е. тюрьму), он защищен от пуль и нагаек, свободы же он не лишен, так как он был лишен свободы в тот день, когда в России родился.[1]

... Предлагаю означенные стихотворения запачкать, а книгу выдать».

Резолюция: «Исключить указанные страницы».

[1] Характеристика трех последних стихотворений нами выпущена. — *Л. П.*

ОТКРЫТЫЕ ПИСЬМА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ Л. ТОЛСТОГО И М. ГОРЬКОГО

Предложение Главного управления по делам печати [начальник — сенатор Н. Зверев] 18 мая 1902 г. Центральному комитету иностранной цензуры о запрещении к ввозу в Россию открытых писем с изображением Льва Толстого и Максима Горького

Главное управление по делам печати, III отделение, 1902, д. № 9, л. 26

«Вследствие представления от 6 апреля сего года за № 1279, Главное управление уведомляет Центральный комитет цензуры иностранной, что на дозволение ко ввозу в Россию открытых писем с изображением графа Льва Толстого, стоящего рядом с писателем Максимом Горьким, согласия г. министра внутренних дел не последовало».

ОТКРЫТЫЕ ПИСЬМА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ М. ГОРЬКОГО И СКИТАЛЬЦА

Предложение Главного управления по делам печати [начальник — сенатор Н. Зверев] 11 февраля 1903 г. Центральному комитету иностранной цензуры о запрещении открытых писем с изображением М. Горького и Скитальца

Главное управление по делам печати, III отделение, 1903, д. № 9, л. 14

«Вследствие представления от 27 января сего года за № 477, Главное управление по делам печати уведомляет Центральный комитет иностранной цензуры, что отпечатанные за границей открытые письма с изображением писателя Максима Горького, стоящего рядом со Скитальцем, подлежат запрещению».

Писатель С. Г. Петров (Скиталец) в 1901 г. был арестован одновременно с М. Горьким.

ПОРТРЕТ М. ГОРЬКОГО

Портрет Горького с надписью «Der russische Freiheitsdichter [«Русский поэт-вольнодумец»], помещенный в издании Volks-Kalender (Ost- und Westpreussischer, Königsberg, 1901), стр. 53

Портрет был отмечен цензором, как одно из предосудительных мест календаря, и, на ряду с враждебным освещением политических событий в России, послужил причиной запрещения всего издания. — См. рапорт за 1906 г., № 7169.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

Абель, М. 447
Авксентьев, Н. Д. 91
Айзман, Д. Я. 140, 308
«Айреник», газета 425
Академия Наук 443
Акимов, В. 53
Александр III 446
Александров, К. 391
«Аллегории Оливии Шрейнер» 245
«Альманах „Шиповник"» 71, 72
Амфитеатров, А. В. 6, 18, 20, 50, 51, 54, 61, 62, 72, 73, 415
Андреев, Л. Н. 11, 13, 15, 17, 24, 25, 44, 46, 50, 72—74, 77, 95
Андреева, М. Ф. 304, 305, 307, 362
Андреевский, А. А. 119
Аничкова, А. М., см. Странник, И.
Анненский, Н. Ф. 156
д'Аннунцио, Г. 446
Антокольский, М. М. 106
Антоний, митрополит 46
Анучин, В. И. 69
«Аппльтон», см. «Appleton»
Апухтин, А. Н. 205
Аргунин 41
Арий 47
Аристотель 379
Арсеньев, К. К. 140, 149, 151—153
Артемьев (Лисенко), В. К. 99—101
Арцыбашев, М. П. 52, 53, 64, 67, 84, 85, 95
Афанасьев, А. Н. 177
Афанасьев, Н. 92
Аш, Шолом 76, 97
Ашешов, Н. П. 199

Бадмаев, П. А. 74
Базаров (Руднев), В. А. 91, 92
Байдуков, Г. Ф. 270
Байрон, Д. 104, 107, 196—198
Бакалов, Г. 426
Балабанова, А. 149—150
Балухатый, С. Д. 274
Бальмонт К. Д. 140, 249, 275, 277
Баранцевич, К. С. 15, 37, 38
Бардина, С. И. 119
Баревский, Н. П. 119
Баронесса 40
Басаргин, А. 203, 252
Басаргина, М. З. 22
Батюшков, Ф. Д. 14, 26, 38, 142, 240
Бауман, Н. Э. 304
Башинджамян, Х. 265
«Беглые заметки» 238, 239, 275
Беззубова, Ф. Б. 273
Безруких, П. 266
Белинский, В. Г. 104
Белкина, Н. П. 230
Белоусов, И. А. 44
Беляев 41
Беляков, А. В. 270
Бенеке, Ф. В. 27, 28
Бенитцкий, А. П. 191
Беранже, Жан Пьер 198, 199
Берг, А. 198, 199
Бержерак, Сирано, де 287
Берия, Л. П. 261
Берлин, П. 56
Бернштейн, Г. 391
Бехтерев, В. М. 140
«Библиографический листок» 117
«Библия» 42
Блок, А. А. 77, 81, 95—97
Блюменталь, О. 448
Боас, В. К. 414
Боборыкин, П. Д. 140
Боброва, Е. И. 34, 370
Богданов, Т. 259
Богданович, А. Е. 25, 29
Богданович, А. И. 19
«Богоборец» 141, 142, 144
Боголепов, Н. П. 261
Боголюбов, С. П. 72, 89
Богуславская 30
Бодлер, Ш. 200, 204
Болотников, И. 137

[1] В указатель включены лица, названия издательств, журналов и т. п. организаций, а также наименования произведений М. Горького, о которых идет речь в публикуемых материалах и статьях.

Блотова 363, 372, 375, 376
Большаков 22
Боровиковский 119
Бородин, Я. 22
Бродский, И. И. 78
Брокгауз, Ф. А. 104, 115
Брун, Ф. К. 364
Брусянин, В. В. 91, 97, 98
Брюсов, В. Я. 91, 92, 101, 105, 249
Бунаков, И. 91
Бунин, И. А. 70, 80, 81, 83, 84, 88, 91, 92, 140, 144, 146, 156
Буренин, В. П. 106—108
Буров, А. 304
Бурова, 304
«Бывшие люди» 107, 125, 244, 391
Былинский, А. К. 42, 43
Бялик, рабочий 88, 89

В., Софья 71
В., Т. 263
«В Америке» 306
«В людях» 274, 361, 264—366
«В народ», см. «Солдаты»
«В сочельник» 447
«В степи» 408
«В ущелье» 155
«В Черноморье» 227
«В Черноморье», см. «Песня о Соколе»
«Валашская легенда», см. «О маленькой фее и молодом чабане»
«Ванькина литература» 248
«Варвары» 286
Вартаньянц, С. 196
Васенцович-Макаревич, Н. А. 416, 425, 430, 432, 434, 444, 446
Васильев, А., см. Рябинин, П. В.
Васильев, Н. В. 22, 26, 27, 259
Васильева, З. 26
«Васса Железнова» 117
Венгеров, С. А. 103—118
Вересаев (Смидович), В. В. 11, 12, 44, 46, 91, 92
«Веселка», календарь 416, 417
«Веселый почтальон Силуянов» 42
«Весенние мелодии» 265, 408, 412, 447
«Вестник воспитания», журнал 126, 135, 139, 140
«Вестник Европы», журнал 6, 126, 130, 133, 134, 140, 141, 143, 144, 147, 149, 153—155, 158
«Вехи», сборник 105, 139
Виленкин, Н. М., см. Минский, Н. М.
Вильгельм II 426
Винниченко, В. К. 51, 61—68, 76
Виппер, Р. Ю. 140.
Владимиров, И. Е., см. Вольнов, И.
Водовозов, В. В. 79, 80, 142
«Возвращение норманнов из Англии» 226
«Воззвание к американцам» 412
«Воззвание к рабочим» 297, 298
«Волгарь», газета 43
Волжина, М. А. 41, 42
Волжский, см. Глинка (Волжский), А. С.
Волховский, Ф. В. 84, 85
Вольнов (Владимиров), И. Е. 11, 13, 18, 63, 70, 71, 81, 83, 84, 133, 143
«Вольное слово», газета 120
Вольтер, Э. А. 412
Воронов, В. 91
Ворошилов, К. Е. 267
«Враги» 295, 296, 306, 307, 405, 420, 421
Вранов 96, 97
Врубель, М. А. 275
«Вывод» 107
Вяткин, Г. А. 52, 53
«Вятская газета» 37, 38

Габрилович, И. Г 27, 28
«Газетные „мошки" да „букашки"» 220
Галина 158
Галлен, А. 275
Гамсун, К. 53
Ганьшин, С. 92
Гапон, Г. А. 433
Гарибальди, Д. 62
Гарин, Г. 302
Гарин (Гарфильд), С. А. 97, 98
Гарфильд, С. А., см. Гарин, С. А.
Гаршин, В. М. 146
Геджурашвили, П. 268
Гейне, Г. 122, 198
Герман 376
Геростратт 45
Герцен, А. И. 202, 446
Гершуни, Г. А. 173, 410
Гессе, А. 422
Гете, В. 122, 188, 277
Гефдинг 277
Гинцбург, И. Я. 106, 113
Гиппиус, З. Н. 50, 275
Глинка (Волжский), А. С. 46
Гнедич, Н. И. 201
Гоголь, Н. В. 122
Головастиковы 375
Головенченко, Ф. М. 188
Гольденринг, С. 409
Гомер 92, 186
Гончаров, И. А. 126
Горбунов-Посадов, И. И. 82
«Горемыка Павел» 39
Горнфельд, А. Г. 19
«Город желтого дьявола» 297, 306

Городецкий, Б. П. 285
Городецкий, С. М. 69—71, 140
Горянинов, А. А. 416—421, 426, 429, 434
Госиздат 102
Гославский, Е. П. 44
«Господину Анатолю Франсу» 414
Грамматин, Н. 194
Гребенщиков, Г. Д. 55, 58, 67, 68, 70, 71
Григ, Э. 341
Гризодубова, В. С. 272
Громов, М. М. 271
«Грустная история» 227
Грушевский, М. С. 94, 95
«Губин» 436, 437
Гудим-Левкович 378
Гусев, А. А. 46
Гусев-Оренбургский, С. И. 77, 80, 81, 84, 102
Голсуорси, Дж. 392, 399—400
Гюго, В. 107, 199, 361, 362, 367, 371, 373

Д., А. 206
Далин, Д. А., см. Линев (Далин), Д. А.
Даль, В. И. 177, 182, 363, 372, 378
Даманская, А. Ф. 88
Данилин, С. А. 271
«Дачники» 283
«Двадцать шесть и одна» 34, 391
«Девятое января» 405, 419, 425—427
«Дело Артамоновых» 367—369, 379
«Дело с застежками» 409
Денисов, П. К. 303
«День», газета 362
Десницкий, В. А. 299, 302, 305
«Дети солнца» 7, 38, 126, 274—287
«Детство» 274
Джамбул 267, 268, 273
Диллон, Е. 406, 437—443
Добролюбов, Н. А. 121, 126, 203
«Доля бедняка», газета 93
Дороватовский, С. П. 15, 31, 34, 39—41, 252, 259
Достоевский, Ф. М. 94—95, 136, 371, 444
Драгоманов, М. П. 120
Драгомирецкий 265
Дрожжин, С. Д. 38
«Друг народа», журнал 102
«Дружки» 24
«Друзья», см. «Дружки»
Дукшта-Дукшинский, Н. Г. 410
Дымшиц, А. Л. 171
Дьяков, А. А., см. Незлобин
Дягилев, С. П. 78

Елеонский (Миловский), С. Н. 88, 89
Елисеев, А. И. 171
Елпатьевский, С. Я. 13, 32, 33, 117
Ермолов, А. 177
«Ефимушка», см. «Товарищи»
Ефрон, И. А. 104, 115
«Еще о поэте» 238
«Еще о чорте» 34

«Жатва», альманах 100
Желябов, А. И. 446
«Женщина» 153, 436, 437
«Жестянщик Нюшка» 42
«Жизнь», журнал 33, 34, 39—41, 123, 124
«Жизнь Клима Самгина» 361, 371, 372
«Жизнь Матвея Кожемякина» 55, 56, 58, 61, 62
«Жизнь ненужного человека» 430, 431, 433, 434
«Жрец морали» 306, 426, 428
Жуковский, Ю. Г. 120
«Журнал для всех» 6, 13—17, 21, 22, 24, 27, 30—50

«За бортом» 239, 240
«Заветы», журнал 18—20, 74, 78—80, 82—90, 93, 94, 96, 97, 101, 130, 143
Завражный, Г. 92
Зайдан, Журжи, см. Зидони, Георг
Зайцев, Б. К. 72
Закревская, М. И. 370
Заломов, А. 301, 305
Заломов, П. А. 264, 292, 299—301, 303, 305
Заломова, А. К. 299—301, 303, 305, 332
«Заметки о мещанстве» 126, 283, 405, 411
«Заметки читателя» 30
«Записки проходящего», см. «По Руси»
«Запросы жизни», журнал 137
«Звезда», газета 20
Зверев, Н. А. 449
Зейдон, Жоржи, см. Зидони, Георг
Зельцер 391
«Земля и воля» 416
Зибер, Н. И. 120
Зидони, Георг (Зайдан, Журжи; Зейдон, Жоржи) 147—148
Златовратский, Н. Н. 11
«Знание», изд-во 6, 17, 18, 67, 68, 70, 73, 74, 77, 82, 84, 93, 96, 101, 114, 133
Золотарев, А. А. 70, 95
Золотарева, А. П. 305
Золотницкий, В. Н. 29
Золя, Э. 446

Ибсен, Г. 446
Иванов-Разумник, Р. В. 6, 20, 79, 85—87, 90, 95, 96
Ивановский, С. 308, 391, 399
Иеремия 47
«Извощик» 216, 217
«Издалека» 94, 95, 129, 137—139, 142
«Издательское товарищество писателей», сборник 91, 92
Измайлов, А. Е. 190
Иисус Христос 17, 45, 47, 383, 419, 428, 435, 436
«Интервью», см. «Мои интервью»
Инфантьев, П. П. 90
Инцкривели, Вано (Степко) 263
Иоанн Грозный 180
Иоанн Златоуст 240
Иов 14, 36
Иорданский, Н. И. 303
Иречек (Иосиф-Константин) 364, 372, 378
Ириней Лионский 364, 378
Исайя 47
«Исповедь» 117
Исхаков, Луфти 80
Исхаков, Мухамед Гаяз (Чентиз) 80
Иткин, С. 55, 57, 58, 73—75, 80, 88, 93

К., И. К. 384
Кадомцева 303
Казмичев (Скальдов), М. М. 58
Кайбулл, разбойник 237
«Как меня отбрили» 242, 275
«Калинин» 436, 437
Калмыкова, А. М. 123, 124
Кальдерон, Дж. 117
Калюжный, А. М. 174
Камаева, О. И. 303
Каржанский 68, 69
«Н. Е. Каронин-Петропавловский» («Писатель») 59, 73, 92, 149, 205
Карпенко-Карый (Тобилевич), И. К. 22
Карпович, П. В. 261
Каспари 376
«Каспий», газета 416
Касторский, С. В. 391
Катенин, А. 412
Катков, М. Н. 144
Каульбарс, В. А. 422
Каширина, А. И. 304, 366
Келлерман, Б. 87, 88
Келтуяла, В. А. 131
Керим, разбойник 237
Кецховели, Ладо 261, 262
«Киевская мысль», газета 74
Киреевский, П. В. 178
«Кирилка» 34
Киров, С. М. 270
Клейн, Г. 276, 277, 279, 280
Клейнборт, Л. Н. 84
Клюшников, В. П. 64, 66, 67
Ковалевский, М. М. 113, 140
Козин, Г. 302
Колосов, И. 264
Кольцов, А. В. 195
Комаровских, А. 38
Кон, Ф. Я. 264
Кондараки, В. Х. 176
Кондратьев, В. 261
«Коновалов» 107, 140, 243, 245, 274
Короленко, В. Г. 11, 19, 38, 57, 82, 137, 142, 208, 230, 245, 376
«Король, который высоко держит свое знамя» 306, 426
Коротков, Р. 340
«Космополис», см. «Cosmopolis»
Костомаров, В. 198, 199
Костомаров, Н. И. 177, 181
Котельников, Я. В. 375
Котельников, Я. Я. 363, 375, 376
Котляревский, Н. А. 140
Коцюбинский, М. М. 18, 57, 71, 78, 83, 84, 90, 133, 141, 155, 157, 158
«М. М. Коцюбинский» 157, 158
Кошкаров, С. 92
Кранихфельд, В. П. 95, 142
Красичков, Е. П. 92
«Красная новь», журнал 19
Крачковский, И. Ю. 117
Крашенинников, Н. А. 58, 59
Кремлев, А. Н. 142
Крестовский, В. В. 64, 66, 67
Кривош, В. В. 420, 447, 448
Кривошеева, Е. 270
Криницкий (Самыгин), М. В. 59, 61
Кругликов, И. 194
«Кругозор», журнал 101
Крылов, И. А. 190, 191
Крюкова, М. С. 267
Кувшинов 259
Кугель, А. Р. (Homo novus) 277
Кузьмин, М. 95
Купала, Я. 269
Куприн, А. И. 95, 101
Курц, Э. Г. 433

Лаврентьев, И. Е. 94, 95
Лавров, П. Л. 65, 67, 120, 446
Лагардель, И. 150
Ладыжников, И. П. 81, 289, 292, 308, 309, 370
Лазаревская, Е. 277

Лазаревский, Б. А. 6, 80—82
Лазарис, Г. 70, 77, 78
Ламкерт, Ф. И. 416, 437, 438, 443, 444
Ланин, А. И. 376, 383
Ланина 383
Лаптев, А. Н. 93—95
Лаптева, О. М. 304
Ласковая, Ф. Г. 100
Лассаль, Ф. 119
Лафонтен, Жан 187
Лебедева 373, 374
«Легенда о Марко», см. «О маленькой фее и молодом чабане»
«Ледоход» 153
Ленин, В. И. 5, 14, 18, 20, 33, 62, 91, 124, 129, 130, 140, 233—235, 256, 257, 260, 264, 267, 268, 271, 288, 316, 331, 354, 355
«В. И. Ленин» 256
Леонидзе, Г. 269
Леонтович, Ф. И. 78
Лермонтов, М. Ю. 202
Лесков, Н. С. 148, 195, 440
«Лето» 354, 405, 429, 430
«Летопись», журнал 63, 99, 117
Линев (Далин), Д. А. 222
Лисенко, В. К., см. Артемьев, В. К.
«Літературно-науковий вістник», журнал 157, 158
Литературный фонд 82
Логинов, А. 93
Лозанова, А. Н. 180
Ломоносов, М. В. 200
Лопатин, Г. А. 58, 61, 62, 120
Львов 259
Львов-Рогачевский, В. Л. 89, 95, 116

М., врач 285
М., И. 434
«Макар Чудра» 174, 226, 227, 252, 253
Максимов, П. Х. 133
Максимович, Ф. П. 139
Мак, Хуссейн 270
Малевский, В. В. 119
Малышев, М. 266
«Мальва» 125
Малянтович, П. Н. 362, 374, 375
Мамаев, Ф. А. 375
Мамин-Сибиряк, Д. Н. 245
«Манзумен Эфкяр», газета 426
Маркович, Б. М. 64, 66, 67
Маркс, К. 62, 65, 88, 119, 120, 126, 258
Мартин, Д. 306
Мартин, П. 306
«Мать» 264, 274, 285, 286, 288—360, 391—403, 422—428
Мах, Эрн 127
«Между прочим» 219, 220
Мельшин, см. Якубович, П. Ф.
Меньшиков, М. О. 266
Мережковский, Д. С. 16, 17, 45, 46
«Месть» 215, 216, 226
«Мещане» 107, 294, 295
Милицына, Е. М. 88, 89
Миллер, В. Ф. 180
«Миллионер», см. «Один из королей республики»
Миловский, см. Елеонский, С. Н.
Минин, К. М. 137
Минский (Виленкин), Н. М. 140, 252
Мирбо, О. 446
Миролюбов, В. С. 6, 11—125, 251
Михайлов, А. Д. 446
Михайлов, Н. Ф. 140
Михайлова, А. Н. 286
Михайловский, Н. К. 140, 252, 446
Модль, В. Ф. 427
«Мои интервью» 306, 417—419, 426, 428, 435
«Мой спутник» 228, 229
Мольер 104
Мопассан, Гюи де 123
«Мордовка» 354
Морозов, С. Т. 305
Мортье, Р. 282
Мосашвили, Ило 270
«Мудрец» 426
«Мужик» 34
Муйжель, В. В. 13, 61, 62, 140
Муравьев, А. Н. 407
Муса, ашуг 268

«На дне» 107, 117, 126, 144, 145, 286, 444
«На пароходе» 155, 156
Наполеон I 386
«Народная семья», журнал 92
«Научное обозрение», журнал 29
«Начало», журнал 123
«Наша жизнь» 102
«Наша улица» 43
«Не давайте денег русскому правительству» 414
«Невольники», см. «9 января»
Незлобин (Дьяков, А. А.) 64, 66, 67
Некрасов, Н. А. 122
Немирович-Данченко, В. И. 38, 272
Немоевский, А. 245
«Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты» 219
«Несколько теплых слов» 221
Нечетный, С. 91
«Нижегородский листок», газета 14, 21
Николай Мирликийский 47

Николай I 436
Николай II 417, 418, 427, 431, 434, 445
Ницше, Ф. 105, 240, 250, 252, 406, 438
«Новая антология», журнал 286
«Новая жизнь», журнал 61
Новодворский, А. О., см. Осипович
«Новое время», газета 29, 106, 108
«Новое слово», журнал 123, 124
Ньютон, И. 277—279

«О беспокойной книге» 249
«О кавказских событиях» 416, 417
«О кишиневском погроме» 434
«О маленькой фее и молодом чабане» 174, 197, 229, 231, 447
«О писателе, который зазнался» 251, 412, 447
«О прозе» 359
«О „размагниченном" интеллигенте» 250
«О рыбаке и фее», см. «О маленькой фее и молодом чабане»
«О сером» 426
«О современности» 94
«О Стасове» 106, 111, 112
«О чиже, который лгал и о дятле — любителе истины» 107, 212, 213, 226, 228, 252, 253, 255, 292
«О чорте» 34, 246
«Об одном поэте» 213, 217, 218, 238
Общество взаимного вспомоществования учащимся и учащим в г. Смоленске 259
Общество друзей русского народа 414, 415
Общество книгопечатников Самары 41, 42
Общество любителей физики и астрономии 29
Ованесян, Т. 263
Овидий Назон, Публий 196
Овсянико-Куликовская, И. Л. 121
Овсянико-Куликовский, Д. Н. 6, 46, 119—158, 179
Огарев, Н. П. 202, 203
«Одесские новости», газета 70
«Один из королей республики» 306, 419, 428, 435
«Однажды осенью» 259
«Озорник» 107, 243
Окулов, А. И. 75, 76
Окунев, Я. М. 76, 78—80
Олигер, Н. Ф. 55, 73, 74, 81
Ольхин 119
Орловский, А. М. 22
Осипенко, П. Д. 272
Осипович (Новодворский, А. О.) 131, 146—148
Острогорский, В. П. 19, 140
«Ответ А. А. Корелину» 238, 275
«Очерки и наброски» 224
«Очерки и рассказы» 31, 162, 164, 252, 259
«Ошибка» 140, 227, 232

Павлов, Д. 302, 303
Павлова, В. 303
Павлович, М. П. 91, 92
Палаузов, В. Н. 364
Папанинцы 267
Парийский, Л. 56, 57
«Патруль» 426
Пахомий 376
«Первый дебют» 275
Перевалов, С. 273
«Перед лицом жизни» 405, 409, 412, 447.
Пересветлов, Р. 261
Перльмуттер, Л. 171, 172
Перовская, С. Л. 446
Перский, С. 425, 427, 430, 432
«Песни покойников» 248, 249
«Песня о буревестнике» 34, 107, 230, 231, 251, 252, 255—257, 259, 264, 265, 273, 293, 294, 446, 447
«Песня о слепых» 42—44
«Песня о соколе» 7, 161—273, 405, 408, 410, 447
Петербургское общество литераторов и ученых 130, 142
Петр I 436
Петров, С. Г., см. Скиталец
Пешков, М. А. 26, 39, 48
Пешков, М. С. 366
Пешкова, Е. П. 26, 42, 43, 97, 103
Пиксанов, Н. К. 175
Пионеры Игарки 273
«Писатель», см. «Н. Е. Каронин-Петропавловский»
Писемский, А. Ф. 114, 146
«Письмо-воззвание к рабочим» 297, 298
Плеве, В. К. 435
Плеханов, Г. В. 103
Плещеев, А. Н. 11
Пнин, И. П. 200, 201
«По поводу» 281, 284
«По Руси» 134, 150—156, 436
«Погром» 409, 410, 447
«Покойник» 153
Полонский, Я. П. 191—192
Помяловский, Н. Г. 131, 146—148, 151
«Понедельник», газета 307
Попов, А. С., см. Серафимович, А. С.

«Послание в пространство» 426
Поссе, В. А. 13—16, 21, 27, 29, 30, 32, 34, 35, 42, 43, 46, 123—125, 252
Потапенко, И. Н. 15, 24, 25
Потебня, А. А. 122, 178
Потресов, А. Н. 124
«Почин», журнал 91
«Правда», газета 20
Прапорщиков, П. М. 91
«Предисловие к книге Р. Мортье» 282
«Прекрасная Франция» 306, 418, 428
Премиров, М. 81
Преображенский, П. А. 364
Пришвин, М. М. 67—70, 75
«Пролог» 42—43
«Просвещение», журнал 20
«Просвещение», изд-во 74
«Проходимец» 34, 107
Пругавин, А. С. 363, 372, 377, 378
Пругавин, В. С. 363, 378
Пугачев, Е. И. 138, 405, 430
Пукитс, М. И. 435
Пуришкевич, В. М. 266
Пурсалу, А. 435
Пушкин, А. С. 53, 104, 122, 125, 202
Пятницкий, К. П. 12, 14, 16, 18, 27, 41, 46, 51, 55, 61, 63, 66—70, 72—77, 80, 81, 84, 88—90, 92, 96, 101, 251, 261, 276, 306—308

Р., С. И. 153
Равница, А. 150
Радлов, Э. Л. 106
«Разбойники на Кавказе» 237
«Разговор по душе» 216
Разин, С. Т. 180, 181, 244, 405, 430
«Размик», газета 427
«Разрушение личности» 129, 132
Раскова, М. М. 272
«Рассказ» 248
«Рассказы о жизни на окраинах города» 43
Рафаэль 277
Рахманов, Н. Н. 52
Редько, А. Е. 142
Ремизов, А. М. 75, 76
Репин, И. Е. 37, 38, 95, 106, 107, 113, 137
«Рождение человека» 79, 82, 83, 90, 436
«Рождественский рассказ» 275
Розанов, В. В. 46, 376
Романов, П. С. 59
Романовы 298, 412, 414, 435
«Романтик» 354
Ропшин, В. (Савинков, Б. В.) 79, 93, 94, 99
Росковшенко, В. И. 409, 445, 448
«Россия», см. «Заметки о мещанстве»
Ростан, Э. 287
Рош, Д. 38
Рубакин, А. 83
Руднев, В. А., см. Базаров, В. А.
Руднев, В. В. 299, 302
Рунова, О. П. 6, 59—61
«Русская мысль», журнал 144
«Русская школа», журнал 29
«Русский царь» 306, 416, 417
«Русское богатство», журнал 12, 100, 261
«Русь», см. «По Руси»
Рылеев, К. Ф. 201
Рыльский, М. 269
Рэдэ, И. 172, 265
Рябинин, П. В. 361—378, 385

«С Всероссийской выставки» 236—239
Савинков, Б. В., см. Ропшин, В.
Салтыков-Щедрин, М. Е. 19, 164, 223—225
Саммат, разбойник 237
Самыгин, М. В., см. Криницкий, М. В.
Самылин, М. 300, 302
Саур, Н. 75, 76
Сафаров, Али-Ибрагим 269
Сафонов, Ф. Е. 22
Сахаров, И. П. 178
«Сборник в помощь самообразованию» 29
Свидан, Шукри Холиль 147, 148
Святухин 376
Семенов, В. 87
Семенов, Е. 406, 446, 447
Семеновский, Д. Н. 133
Серафим Саровский 383
Серафимович (Попов), А. С. 11
Сергеев-Ценский, С. Н. 72, 91, 92
Серов, В. А. 77, 78
«Сибирская жизнь», газета 55, 95
Сивачев, М. Г. 92
Сидоров, А. А. 408, 409
Синклер, Э. 392
«Сирота» 41
Сироткина 375
«Сказка» 217, 409
«Сказки об Италии» 51
Скальдов, см. Казмичев, М. М.
Скиталец (Петров, С. Г.) 11, 13, 15, 39, 41—44, 175, 261, 406, 449
Сковорода, Г. С. 188—190
Скороходов 302
«Скуки ради» 243
Слепушкин, Ф. Н. 194
Слепцов, В. А. 131, 146—149, 151
Слетов 91

«Слово», журнал 120
«Слово о полку Игореве» 186
«Случай из жизни Макара» 96—97
Смидович, В., см. Вересаев, В. В.
Смирнов 100
Смирнов, А. А. 24
Смирнов, В. Д. 411
Смирнов, Ф. 194
Смоленский, Л. А. 119
Смолин-Вольгич, С. 54, 55
«Собака» 426
«Современник», журнал 18—20, 61—63, 72, 73, 79, 130
«Современный мир», журнал 88, 91
Соколов С. Д. 117
«Солдаты» 405, 432
Соловьев, С. 373, 374
Соловьева 373, 374
Сологуб, Ф. (Тетерников, Ф. К.) 95
Солонин 375
Сошников, Ф. 94
Спиноза 277
«Спор россиянина с богом» 141, 142, 144
«Среда», кружок 13, 44
Средин, Л. В. 40
Сталин, И. В. 5, 130, 261, 267—272, 288, 331, 355
Стальский, С. 268
Станюкович, К. М. 15, 37, 38
«Старик», пьеса 369—371
«Старик», рассказ 426
Старицкий, М. П. 22
Старк, Л. Н. 133, 154—156
Старкова, В. 150
«Старуха Изергиль» 174, 175, 216, 226, 227, 231, 252, 253, 257, 259, 264, 293
«Старые товарищи» 21
Стасов, В. В. 6, 106—112, 447
Стейгер, Э. 445
Степан, бродяга 373, 374
Степко, см. Инцкривели, Вано
Столыпин, П. А. 67, 68
Странник, И. (Аничкова, А. М.) 391
Стриндберг, А. 175, 245
Струве, П. Б. 144, 145
Суворин, А. С. 108
«Судья», см. «Старик»
Сукенников, М. 172, 410, 434
Сумцов, Н. Ф. 182
«Супруги Орловы» 107, 125, 244, 391
Сургучев, И. Д. 56—58, 82, 83, 85, 88, 96, 97, 140
«Сын» 304, 354, 370
Сытин, И. Д. 59

«Там. Чукотские рассказы» 248
Тараканов 75
Телешов, Н. Д. 25, 43, 44, 92
Теннисон, А. 392, 396, 397
Тетерников, Ф. К., см. Сологуб, Ф.
Тимковский, Н. И. 38—41, 44
Тимофеев, А. В. 194
Тихонов, В. А. 6, 101
Ткачев, В. М. 266
Тобилевич, И. К., см. Карпенко-Карый, И. К.
«Товарищ!» 296, 405, 421, 422, 426—428
«Товарищи» 21—22
«Товарищи», см. «Мать»
Токаржевский, С. 94, 95
Толстой, А. Н. 72, 91—92
Толстой, Л. Н. 6, 64, 106, 108, 112, 113, 122, 136, 205, 434, 442, 446, 447, 449
Топорков 376
Торо, Г. 53
«Тоска» 140, 243
Травин, П. А. 93
Травкин 376
Тренев, К. А. 11, 18, 51, 58, 78, 79, 88, 98, 99, 102
Трепов, Д. Ф. 445
«Три дня» 82, 83, 88, 89, 145—147, 149
«Трое» 34, 43, 44, 107, 292
Туманян, Л. 263, 265, 408
Турати, Ф. 150
Тургенев, И. С. 65, 122, 347
Туркин, А. Г. 95, 96, 101
Тютчев, Ф. И. 203—205

Уилкокс, Л. К. 391, 393—396
«Украинский вестник», журнал 144, 145
Умурзак 269
Урусов, А. И. 376
Успенский, Г. И. 11, 132, 148
Устинов 376
«Утренняя звезда», газета 92
Ушакова 30

«Фарфоровая свинья» 244, 245
Федоров, А. М. 92
Феокрит 186
Фет, А. А. 205, 206
Фигнер, В. Н. 446
Фигнер, Л. Н. 119
Фидлер, Ф. Ф., 106
Филимонов, П. П. 92
«Фиоген Ильич» 16, 28, 29, 36, 37
Фламмарион, К. 282
Флобер, Г. 396
Флориан, Жан-Пьер 188
«Фома Гордеев» 34, 39—41, 125, 140, 391, 396, 409

Фомин, А. Г. 109, 111
Форстер, Чарли, 306
Франс, А. 413—415, 446
«Франция», см. «Прекрасная Франция»
Фролов, А. С. 303

«Хан и его сын» 174, 178, 226, 447
Хемницер, И. И. 191
Хилквит, М. 307, 308
Ходак, С. Е. 428
Ходотов, Н. Н. 266
«Хозяева жизни» 306, 426, 428
Христос, см. Иисус Христос

«Царство скуки» 306
«Царь», см. «Русский царь»
«Центральное бюро прессы и новостей» 307
Цион, И. Ф. 66, 67
Циперович, Г. В. 91, 92
Цитович, П. П. 66, 67
Цыганов, Н. Г. 194

Чапыгин, А. П. 11, 18, 63, 140
Чарушников, А. П. 31
Чарыхов, Г. К. 425—427
«Часы» 240—242
«Часы отдыха учителя Коржика» 239
«Челкаш» 21, 140, 227, 232, 292, 408
«Человек» 106, 107, 447
Чен, Дж. 276—280, 282—287
Ченгиз, см. Исхаков, Г.
Черемнов, А. С. 70, 78, 79, 81
Черемцова, М. М. 303, 331
Чернов, В. М. 50, 54, 72—74, 76, 77, 79, 85—87, 90—92, 95, 101
Чернышевский, Н. Г. 119, 446
Чехов, А. П. 11, 13, 15, 26—28, 31, 40, 46, 53, 81, 82, 125, 139, 146, 446
Чешихин-Ветринский, В. Е. 38, 117—118
Чиковани, С. 268, 269
Чириков, Е. Н. 140
«Читатель» 25, 26, 246, 259, 275, 283, 447
Чичерин, Б. Н. 120
Чкалов, В. П. 270, 272
Чулков, Г. И. 72

«Шабры» 16, 21
Шаляпин, Ф. И. 63
Шаниашвили, Сандро 268
Шахматов, А. А. 131, 144, 145
Шварцман, Л. И., см. Шестов, Л. И.
Шевченко, Т. Г. 195
Шейн, П. В. 178
Шейх-Гассан 102
Шекспир, В. 104, 112
Шелли, Перси Биши 196
Шеллинг, Ф. 204
Шестов (Шварцман), Л. И. 59
Шиллер, Ф. 104, 196, 198, 205
Шимкевич, М. В. 52
«Шиповник», изд-во 71, 72, 98
Ширяев, П. А. 57, 58
Шишлин, Г. 36, 37
Шкулев, Ф. С. 93
Шмелев, И. С. 55, 56, 75, 91, 92
«Шпион», см. «Жизнь ненужного человека»
Шрейнер, О. 245, 246
Штангеев, Ф. П. 27, 28
Штейн, В. И. 406, 437, 438, 442
Штрюмпель, А. 27, 28

Щербаков, С. В. 29, 30, 36, 37

Эзоп 187
Элиот, Ж. 398
Эммаусский, Х. 408, 409, 427, 428
Энгельс, Ф. 258
Эртель, А. И. 11
Эске 376
«Эстонье, Э. Жюльен Дарто» 249
Эшенбах, М. 245

Юмашев, А. Б. 271

Яблоновский, А. А. 74, 75
Язвицкий, В. И. 56
Языков, Н. М. 202
Яковлев 445
Якубович (Мельшин), П. Ф. 200, 206—208
Ярославский, Е. 263, 264
Ярцев, Г. Ф. 40
Яшнов, Е. 91, 95—97

«American Monthly Review of Review» 392, 402
«Appleton», изд-во 289, 291, 292, 307—308, 316, 317
«Appleton Magazine» 308

B ... é 408
Bain, R. N. 391
Balte, F. M. 433

«Catholic World» 403
«Cosmopolis» 25

«Deutscher Hausschatz» 444

«Funken» 445

«Gross Gott» 448

Hapgood, I. F. 391
Hess, A. 422
Hind 80
Homo nomus, см. Кугель, А. Р.

«Illustrierte Gericht's-Zeitung» 409
«Independent» 392, 402

Korkmasoff, D. 80

«Lietuwa» 412

«Mob» 306

«Narodni listy» 444
«Nation» 392, 401
«Nauja Lietuwizka Ceitunga» 448

«Das neue Blatt» 443
«New York Times» 392, 396—399
«Nimm mich mit für 5 Pfennig» 448
«The North American Review» 391, 392, 396

«Outlook» 392, 400

«Putnam's Monthly and the Critic» 403

«Quarterly Review» 117

«Reclam's Universum» 437

Shirasi, J. K. M. 391

«Volks-Kalender» 449
«Vorwärts» 289

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

М. Горький. — Фото Alice Boughton, 1906, Америка. *Стр. 1.*
В. С. Миролюбов. — Любительское фото. *Стр. 21.*
Письмо М. Горького к В. С. Миролюбову, декабрь 1897. *Стр. 23.*
М. Горький. — Фото, 1900-е годы, Н.-Новгород. *Стр. 42.*
М. Горький с сыном. — Титульный лист «Журнала для всех», 1903, № 2. *Стр. 49.*
В. С. Миролюбов. — Фото Д. Здобнова, Петербург. *Стр. 97.*
С. А. Венгеров. — Фото Д. Здобнова, Петербург. *Стр. 109.*
Письмо М. Горького к С. А. Венгерову [сентябрь — октябрь 1907]. *Стр. 110.*
Д. Н. Овсянико-Куликовский. — Фото Рентц и Шрадер, Петербург. *Стр. 135.*
Письмо М. Горького к Д. Н. Овсянико-Куликовскому, 16 декабря 1911 г. *Стр. 138.*
М. Горький. — Фото, 1913, Капри. *Стр. 155.*
М. Горький. — Фото А. Карелина, 1890-е годы, Н.-Новгород. *Стр. 160.*
«Песня о Соколе» в первой, газетной, редакции (конец рассказа). — Самарская газета, 1895, № 50, 5 марта. *Стр. 163.*
Прокламация Бакинского комитета Кавказского социал-демократического рабочего союза, 25 августа 1903 г. *Стр. 262.*
Прокламация Тифлисского литературного бюро большевиков. *Стр. 263.*
М. Горький. — Фото, 1905. *Стр. 274.*
М. Горький и М. Ф. Андреева. — Любительское фото, 1905 (деталь группы). *Стр. 284.*
Титул зарубежного издания повести «Мать». Берлин, 1907. *Стр. 289.*
Титул американского перевода повести «Мать». Нью-Йорк, 1907. *Стр. 290.*
Титул немецкого перевода повести «Мать». Берлин, 1907. *Стр. 293.*
Титул русского издания повести «Мать». Петербург, 1917. *Стр. 294.*
М. Горький. — Фото, 1906, Америка. *Стр. 308.*
М. Горький и М. Ф. Андреева на крыльце виллы Martin, Staten Island. — Фото, 1906, Америка. *Стр. 340.*
Газетная вырезка о пермском каторжнике П. Рябинине с припиской М. Горького. *Стр. 374.*
Запись-автограф М. Горького о П. Рябинине. *Стр. 377.*
Запись-автограф М. Горького — заготовка к роману о каторжнике. *Стр. 381.*
Титул статьи о повести «Мать» в «The North American Rewiev», 1907, 19 july. *Стр. 394.*
Титул статьи о повести «Мать» в «New-York Times», 1907, 25 мая. *Стр. 397.*
Цензурное дело о письме М. Горького к А. Франсу по поводу заключения займа 1906 г. (первая страница). *Стр. 413.*
То же (конец второй страницы). *Стр. 415.*
Цензурное дело о немецком переводе повести «Мать». Берлин, 1907 (первая страница). *Стр. 423.*
То же (последняя страница). *Стр. 424.*

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакции 5

I. ПЕРЕПИСКА М. ГОРЬКОГО

Письма М. Горького к В. С. Миролюбову 1897—1928 гг. (82 письма) . .
Приложение. Письма М. Горького: к О. П. Руновой (стр. 60), А. В. Амфитеатрову (стр. 73), Б. А. Лазаревскому (стр. 81), Р. В. Иванову-Разумнику (стр. 86), В. А. Тихонову (стр. 101) . . . . . .
Вступительная статья и комментарии Т. К. Ухмыловой (стр. 11)

Переписка М. Горького с С. А. Венгеровым 1907—1916 гг. (12 писем) 109
Вступительная статья и комментарии В. Э. Голубева (стр. 103)

Переписка М. Горького с Д. Н. Овсянико-Куликовским 1911—1913 гг. (20 писем) 135
Вступительная статья и комментарии Н. А. Аникина (стр. 119)

II. СТАТЬИ О М. ГОРЬКОМ

С. Д. Балухатый. «Песня о Соколе» 161

В. Э. Голубев. К вопросу о литературных источниках пьесы «Дети солнца» 274

С. В. Касторский. Из истории создания повести «Мать» (О первоначальном тексте повести) 288

В. А. Десницкий. Неосуществленный художественный замысел М. Горького — роман о российском Жан-Вальжане, добродетельном каторжнике 361
Приложение. Заготовки М. Горького к неосуществленному роману 373

III. МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Критические отзывы американской печати 1907 г. о повести «Мать» . . . 393
Вступительная статья и перевод Е. И. Бобровой (стр. 391)

Материалы по царской цензуре о заграничных изданиях сочинений М. Горького и иностранной литературе о нем 403
Вступительная статья и комментарии Л. И. Полянской (стр. 404)

Именной указатель 451

Список иллюстраций 463

2340

Ответственный редактор *З. Б. Гаухштейн.* Подписано к печати 14/III 1941 г. М 42003. Объем 29 печ. л. + 12 вклеек. Колич. печ. зн. в 1 печ. л. 45312. 32,67 уч.-изд. л. Тираж 8000 экз. Заказ № 501. Цена книги 17 р. 50 к.

Отпечатано с готовых матриц в Типо-литографии Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.

ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*	*По чьей вине*
29	20 сверху	После	Поссе	Коррект.
74	8 снизу	зачем,	зачем	Ред.
88	11 „	2-ю половину	: «2-ю половину ·	„
88	12 „	«Тридня»	«Три дня»	Типогр.
374	Подпись под снимком	*(стр. 400).*	*(стр. 373).*	Ред.
385	1 снизу	и вдруг — вот — с!	и вдруг — вот-с!	„
462	5 сверху (левый столбец)	nomus	novus	„

Содержание: опущено указание на стр. 21 против «Письма М. Горького к В. С. Миролюбову 1897—1928 гг. (82 письма)». Техр.

15 руб.

Цена 17 р. 50 к.

Ак Р
2763